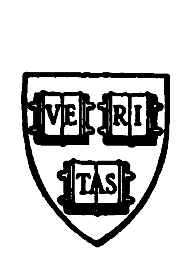

VE RI
TAS

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 6.—Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 6-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

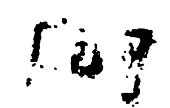
ЖУРНАЛЪ.

1878.

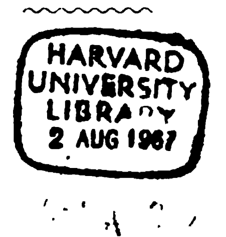
№ 6.—Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Мая. 1878 г.

Гоненіе за вступленіе въ бракъ русской съ иновѣрцемъ.

(1717—1718).

(Изъ бумагъ Екатерины I въ государственномъ архивѣ).

Со словъ иностранцевъ, привыкли думать, что русскій прекрасный полъ, въ началѣ XVIII вѣка, по неразвитости и закоренѣлымъ предразсудкамъ, держалъ себя въ отдаленіи отъ иноземцевъ; не по собственной волѣ, а развѣ по принужденію царскому вступая въ бракъ и выборъ сердца ограничивая русскими молодцами, ненаходя въ нихъ ни розни въ вѣрѣ, ни отличія во взглядѣ на семейную жизнь. Случай, изложенный въ сообщаемомъ челобитьѣ, раскрываетъ частію подлинную причину малаго вниманія русскихъ дѣвицъ къ достоинствамъ иностранцевъ, въ качествѣ интересныхъ жениховъ и вѣжливыхъ супруговъ, не только не мѣшавшихъ выѣзду жены въ общество, но даже заботившихся съ своей стороны объ этомъ.

Напротивъ, наши соотечественницы, въ дѣйствительности, способны были вѣрно оцѣнять выгоды брака съ иноземцами и не оказывались фанатически предубѣжденными противъ наружныхъ отличій свѣтскости иностранной молодежи въ русской службѣ, и получавшей бóльшіе оклады, чѣмъ коренные русскіе служаки. А между тѣмъ если

браки иностранцевъ съ русскими дворянками и совершались, то большею частію (если не исключительно?), при могучемъ посредствѣ государя Петра I, о которомъ тоже по обилію примѣровъ составилось заключеніе, какъ о всемірномъ сватѣ, устроивателѣ выгодныхъ партій для лицъ хорошо̀ извѣстныхъ Его Величеству.

По слѣпой ненависти къ иностранцамъ русскихъ отцовъ семействъ и братьевъ, иноземные женихи и успѣвъ тронуть сердца невѣстъ, ставили и себя и ихъ во враждебное положеніе, могшее и въ случаѣ соединенія любящейся четы, привести ее въ крайне невыгодное и отнюдь не желаемое состояніе. Пускались враждебниками въ ходъ самыя не дозволительныя средства; а административная власть, у которой обиженная сторона должна бы была находить законную защиту, наоборотъ, покрывала притѣсненіе, прикидываясь настолько будто бы не понимающею дѣло, чтобы смѣшать иновѣрнаго христіанина съ мусульманиномъ,—какъ въ настоящемъ случаѣ.

Правительство наше, находясь во враждѣ съ турецкимъ и опасаясь мусульманскаго населенія поволжья,—гдѣ большинство помѣщиковъ было изъ послѣдователей ислама, хотя крестьяне у нихъ были и православные,—нашло въ подчиненіи послѣднихъ нехристямъ анормальность, служившую поводомъ разнаго рода затрудненій. По этому, изданъ былъ указъ въ 1715 году, съ назначеніемъ срока для принятія христіанства, мусульманамъ-помѣщикамъ, владѣвшимъ православными крестьянами; а у не соглашавшихся креститься велѣно отбирать помѣстья. Этимъ-то постановленіемъ воспользовались нѣсколько вліятельныхъ лицъ для отнятія помѣстныхъ правъ у русской дворянки, наслѣдницы, вышедшей замужъ за австрійца, офицера русской службы, католика—признавая его *некрещенымъ*. Предержащая мѣстная власть, какъ видно, держала сторону обирателей и затянула разборъ дѣла противнаго и здравому смыслу, и царской волѣ, и всякому человѣческому праву.

Такъ какъ сочинительница излагаемой ниже челобит-

ной была не иная кто, какъ Акулина Өедоровна Пушкина, дочь казненаго, — имѣніе котораго передано въ родъ одного изъ Пушкиныхъ же Калины, сынъ котораго Иванъ женился на сестрѣ А. Д. Меньшикова — мы не должны удивляться бездѣйствію правосудія. Но очень вѣроятно что и внѣ указанной причины, потворства грабителямъ у опальнаго семейства, былъ и не одинъ подобной же случай судебнаго безобразія; при поддержкѣ духовною властью свѣтскаго вымогательства, пока жалобы шведовъ вызвали ходатайство Татищева и представленіе Бергъ-коллегіи, на которое отвѣтило извѣстное «Посланіе Свят. Синода къ православнымъ, 18 Августа 1721 г. «О безпрепятственномъ вступленіи въ бракъ съ иновѣрцами». Здѣсь доказано не существованіе къ тому законныхъ препятствій и рекомендовано только отбираніе отъ жениха-иновѣрца подписки, что онъ: православной супруги своей не будетъ совращать въ свою вѣру и не будетъ мѣшать матери воспитывать дѣтей въ православіи.

Только четыре года до этаго разрѣшительнаго постановленія, русская дворянка, совершенно-лѣтняя наслѣдница, вступившая въ бракъ съ католикомъ, доведена до нищеты отнятіемъ у ней имущества, только за эту мнимую вину свою, какъ объяснила она въ челобитной своей, любопытной во многихъ отношеніяхъ. Заподозрить челобитную петровскаго времени въ неправдѣ или неточности трудно, зная суровость тогдашней кары.

Вотъ этотъ интересный документъ.

Челобитная капитанши Акулины фонъ-Гаррахъ.

«Державнѣйшей великой государынѣ, царицѣ, и всемилостивѣйшей Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

«Въ прошломъ 717 году вышла я нижайшая раба ваша замужъ за иноземца капитана Тихона фонъ Гарахова, который вышелъ по капитуляцыи, отъ Цесаря римскова въ службу вашева царскова величества; одиннад-

цать лѣтъ противъ непріятелей шведскаго и турецкаго служилъ въ полкахъ вашего величества, и былъ на многихъ баталіяхъ, а въ вашихъ царскаго величества интересахъ траты никакой неучинилъ. И за оное мое вышеписанное замужество, мужъ мой сидѣлъ подъ карауломъ, за двумя часовыми, девять дней; также и я нижайшая сидѣла подъ карауломъ цѣлой годъ, за двумя часовыми. И возили меня, нижайшую, въ сенатъ подъ карауломъ же, съ капраломъ и съ шестью человѣками солдатъ; и отняли мои деревнишки, такожде и людей моихъ кабальныхъ. И нынѣ я, нижайшая, помираю голодною смертью, отъ таковаго моего разоренья.

А дворъ мой, которой построенъ въ С.-Петербурхѣ, господинъ генералъ Иванъ Михайловичь Головинъ разорилъ и строеніе хоромное все свезъ: одну половину къ себѣ на дворъ; а другую половину строенья моего двора отдалъ измѣнницѣ Варькѣ Головиной. *)

А вышеписанные мои кабальные люди, живутъ въ домѣ князя Ивана Лобанова; такожде и оставшія деревни послѣ брата моего отнялъ у меня, нижайшей, помѣстнаго приказа судья Кириллъ Чичеринъ, зато что я нижайшая вышла замужъ за иноземца, будто *некрещенаго.* А въ Уложеньѣ Вашего Царскаго величества напечатано: ежели которыя русскія жены выдутъ замужъ за иноземцевъ, съ помѣстьями и вотчинами, и оныя помѣстья и вотчины велѣно за ними иноземцами справливать, а не отнимать.

И какъ я, нижайшая раба, вышла замужъ, и до сего числа оными вышеписанными помѣстьями и вотчинами, такожде и людьми, не владѣю.

И по указу вашего царскаго величества, дѣло наше перенесено въ Расправную палату, но во оной Расправной палатѣ по дѣлу нашему вершенья никакова нѣтъ,

*) Варварѣ Петровнѣ, урожденной Дубровской, женѣ окольничаго Ивана Ивановича Головина ум. 12 іюля 1700 г. Эта жена двоюроднаго брата Ивана Мих. Головина, была очень близка къ нему во вдовствѣ и вовлечена была въ процессъ царевича Алексѣя Петровича.

и волочатъ насъ напрасно, а отъ того помираемъ голодною смертью.

Всемилостивѣйшая государыня царица, прошу ваше царское величество, да повелитъ ваше державство мнѣ нижайшей, отобранныя мои деревнишки, и люди, такожде и дворишка мои, и которыя остались вотчины, и помѣстья послѣ брата моего (такъ какъ оныя мнѣ надлежать по первенству), возвратить мнѣ нижайшей, чѣмъ бы я, раба ваша, могла себя пропитать. А которое мое платьишко было у меня, я оное все распродала и болѣе чѣмъ пропитатца не имѣю.

Умилостивися всемилостивѣйшая государыня, царица Екатерина Алексѣевна, надо мною сирою, для ради здравія государя нашего наслѣдствующаго, государя нашего царевича и великаго князя Петра Петровича, такожде и поминаючи государыню царевну и великую княжну Наталію Алексѣевну,—на пропитаніе мнѣ убогой пожалуй, чѣмъ тебѣ государынѣ Богъ на сердце положитъ, чтобы мнѣ сирой голодною смертью не умереть.

Милости проситъ мужъ мой въ службу государю нашему, наслѣдствующему царевичу Петру Петровичу, принять, Такожде, и я, всенижайшая раба Ваша.

Вашего Величества нижайшая раба, капитанская жена, фонъ Гарахова, Акулина, Октябрь въ день 1718 года.

Gothardus Geinrich von Garrach, Kapitan aus Wien.

Надписаніе на имя супруги Петра I было разумѣется только формою, ближе всего обѣщавшею открыть доступъ къ государю, ничѣмъ не рискуя, давая полное выясненіе сущности жалобы и располагая правосуднаго монарха къ скорѣйшему принятію участія въ судьбѣ невинно страждущихъ. Расчетъ подѣйствовать на Петра, высказывается и въ самомъ моленіи именемъ горячо любимаго имъ сына и, недавно скончавшейся (въ іюнѣ 1716 г.) любимой единоутробной сестры государя. Результатъ, можно надѣяться, былъ частью достигнутъ. Немилость въ 1719 году къ генералу Ивану Михайловичу

Головину, дѣлаетъ такое предположеніе больше чѣмъ просто вѣроятнымъ.

Акулина Пушкина получнла доступъ къ Екатеринѣ I, по рекомендаціи духовника ея, извѣстнаго архимандрита Варлаама Залѣсскаго. Въ негласной поддержкѣ императрицею притѣсненной,—хотя по обстоятельствамъ приходилось Екатеринѣ этою поддержкою дѣйствовать и во вредъ людямъ ея партіи т. е. семейству Меньшиковыхъ,—нельзя не видѣть доброй души второй супруги Петра I, не разбиравшей при благотвореніи: кому оно оказывается.

Александріецъ, посмотрѣвъ ему въ слѣдъ и произнеся краткую молитву, тихо сошелъ въ долину.

Было уже далеко за полночь. Воздухъ дѣлался все холоднѣе и рѣзче, а Павелъ, отдавши Гермасу шкуру, остался въ одной тонкой одеждѣ. Однакожъ не смотря на холодъ, онъ подвигался медленно, то дѣлая нѣсколько шаговъ, то вдругъ опять останавливаясь и бормоча про себя какія-то безсвязныя слова. Думая о Гермасѣ и Сиронѣ, ему вспомнилась теперь собственная своя юность съ ея похожденіями подъ окнами черноглазой Аво и бѣлокурой Сиспаиды.

— Ребенокъ, «юноша», бормоталъ онъ, кто бы могъ это подумать? Говорятъ Сирона очень хороша, да и онъ... я самъ любовался—его ростомъ и статной фигурой во время мѣтанія диска. А его глаза! Да—они напоминаютъ глаза Магдалины. Если бы центуріонъ засталъ его у своей жены, такъ онъ пронзилъ бы его грудь мечомъ и тогда избавилъ бы его отъ всякаго земнаго суда. Но какъ скрыть отъ отца это горе? Въ пустынѣ, думалъ старикъ, его любимецъ будетъ удаленъ отъ свѣта и его соблазновъ. А вышло не такъ.—Но что же дѣлать теперь? И я думалъ, что этотъ плодъ заглохнетъ на землѣ, недостигнувъ той вершины, гдѣ зрѣютъ финики. А вотъ прилетѣла птичка, сорвала плодъ и унесла его на самую вершину въ свое гнѣздышко.

Неисповѣдимы пути человѣческіе и кто можетъ сказать съ увѣренностью: такимъ именно я увижу его завтра, а не другимъ.

Глупцы! Въ пустыню мы бѣжимъ отъ міра, а онъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ нами. Гдѣ же тѣ ножницы, которыми могли бы мы отрѣзать нашу тѣнь отъ насъ самихъ? Гдѣ тѣ молитвы, которыми мы могли бы отженить отъ себя все плотское, когда мы—порожденіе плоти! Ты совершилъ это, просвѣти же и меня немощнаго изъ немощныхъ!

ГЛАВА X.

Когда центуріонъ вошелъ въ спальню, прошло ужѣ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Гермасъ выпрыгнулъ изъ окна на улицу.

Сирона лежала на постелѣ. Она дрожала отъ страху и потому отвернулась лицомъ къ стѣнѣ. Зналъ ли онъ что нибудь о ночномъ посѣщеніи?

Кто бы могъ ея выдать, разсказать мужу и призвать его домой?

Можетъ быть онъ возвратился назадъ только потому, что не желалъ присутствовать на праздникѣ?

Хотя было темно въ комнатѣ, но не смотря на это, Сирона закрыла глаза и притворилась спящей. Каждая минута, проходившая передъ приближеніемъ раздраженнаго мужа, ей казалась драгоцѣннымъ подаркомъ.

Сердце ея билось съ такой силой, что она боялась, какъ бы не услыхалъ мужъ, подходившій тихими шагами къ ея постелѣ. Она слышала, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, пока, наконецъ, не вышелъ въ кухню, расположенную возлѣ спальни. Вскорѣ потомъ полузакрытые глаза ея почувствовали вліяніе свѣта. Онъ зажегъ лампу и дѣлалъ обыскъ въ обѣихъ комнатахъ.

До сихъ поръ онъ не сказалъ ни одного слова.

Вотъ онъ вошелъ въ жилую комнату; — невольно Сирона забилась съ головою подъ одѣяло и когда услышала его дерзкій, насмѣшливый смѣхъ, задрожала, и руки и ноги ея похолодѣли.

Въ спальнѣ сдѣлалось свѣтло и свѣтъ приближался къ ней все ближе и ближе. Но вдругъ она почувствовала грубый ударъ его руки по головѣ; тихо откинувъ одѣяло, она сѣла на постелѣ.

Онъ ничего еще не сказалъ, но то, что она увидѣла, было слишкомъ достаточно, затушить послѣднюю искру ея мужества и надежды. Центуріонъ былъ не похожъ на себя въ эту минуту; вмѣсто глазъ виднѣлись одни

бѣлки, лицо, обыкновенно желтоватаго оттѣнка, казалось чернымъ и ясно выдѣлялся только шрамъ, вырѣзанный на лбу, какъ у почитателя митры.

Въ правой рукѣ онъ держалъ лампу, а въ лѣвой — овечью шкуру Гермаса.

Бросивъ злобный взглядъ на Сирону, онъ поднесъ овечью шкуру вплоть къ ея лицу, потомъ съ ожесточеніемъ бросилъ шкуру на землю и охрипшимъ голосомъ прошипѣлъ: это что такое?

Она молчала, а онъ все ближе приближался къ столику, стоявшему у кровати. На столикѣ стояло питье въ прекрасномъ разноцвѣтномъ стаканѣ, подареннымъ ей Поликарпомъ и привезеннымъ изъ Александріи. Центуріонъ столкнулъ локтемъ стаканъ со стола и тотъ, упавши на каменный полъ, разлетѣлся въ дребезги.

Сирона вскрикнула отъ испуга; собачка вскочила на постель и залаяла.

Тогда онъ схватилъ бѣдное животное за горло и съ такою силою отбросилъ его на конецъ комнаты, что оно испустило жалобный визгъ.

Собачка принадлежала Сиронѣ, когда та была еще дѣвушкою и она послѣдовала за своею госпожею, изъ Рима въ оазисъ. Эти два существа были очень привязаны другъ къ другу и какъ бывала счастлива Ямба, когда ее ласкала молодая женщина.

Сирона часто оставалась одна, но собачка всегда была съ ней. Она занимала ея не выдѣлываніемъ фокусовъ, какъ выдрессированныя собаки, нѣтъ—это былъ нѣмой спутникъ, напоминавшій ей о родинѣ, о милыхъ сестрахъ, живущихъ въ Ареласѣ, о которыхъ она ужъ болѣе года не имѣла никакого извѣстія.

Когда эти грустныя воспоминанія вызывали слезы изъ глазъ Сироны, Ямба, съ жалобнымъ воемъ, лизала ея руки.

Въ уединенной праздной и бездѣятной жизни Сироны, Ямба значила многое, и когда она увидала какъ это слабое, маленькое животное съ жалобнымъ визгомъ, иска-

до у нея защиты отъ центуріона, страхъ исчезъ совершенно изъ сердца Сироны и она, вскочивъ съ постели, взяла на руки собачку и произнесла голосомъ, въ которомъ не было тѣни раскаянія или боязни.

— Въ другой разъ ты не смѣй дотронуться до моей собаки, я тебѣ запрещаю.

— Я ее завтра утоплю сказалъ Фебицій, разразившись самымъ злымъ хохотомъ. Въ мой домъ приходятъ столько двуногихъ любовниковъ, что я не вижу надобности раздѣлять твои ласки еще и съ четвероногимъ животнымъ. Откуда взялась эта шкура?

Сирона, какъ будто не разслыхавъ послѣдняго вопроса, взволнованнымъ голосомъ говорила: умоляю тебя ради твоего бога и ради всѣхъ боговъ... не дѣлай зла Ямбѣ. Если ты убьешь ее, клянусь—ты меня больше никогда не увидишь...

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ центуріонъ, куда же ты направишь твой путь? Пустыня велика и въ ней найдется довольно мѣста для труповъ и костей... Въ какомъ неутѣшномъ горе будутъ твои любовники? Заботясь объ нихъ, я, прежде чѣмъ утопить собаку, запру госпожу.

— Посмѣй только до меня дотронуться! вскричала Сирона, внѣ себя, и вспрыгнула на окно. Прикоснись до меня хоть только пальцемъ, такъ я сейчасъ позову на помощь и Доротея съ мужемъ придутъ защитить меня.

— Едва ли, произнесъ сухо Фебицій; можетъ быть тебѣ бы хотѣлось находиться подъ одной крышей съ мальчишкой, дарившимъ тебѣ стаканы и бросавшимъ розы въ окно.

Но къ счастью существуютъ еще римскіе законы, которые оберегаютъ римскаго гражданина отъ дерзкихъ соблазнителей, врывающихся, въ его отсутствіе, къ нему въ домъ. Ты и такъ слишкомъ часто бывала въ домѣ Доротеи, куда влекла тебя вовсе не любовь къ дѣтямъ, не игра съ ними, а просто желаніе видѣться съ этимъ ребенкомъ, съ этой дрессированной мартышкой, которая

сверхъ своего пурпуроваго платья надѣваетъ по ночамъ овечью шкуру. Неучиться мнѣ узнавать этихъ влюбленныхъ ночныхъ бродягъ и женщинъ?

Я вижу тебя насквозь! Ты никогда не переступишь больше черезъ порогъ дома Петра! Вонъ тамъ открыто окно! Кричи погромче, оповѣсти весь свѣтъ о своемъ позорѣ. Завтра я представлю эту овечью шкуру судьѣ, а сейчасъ пойду приготовить комнату для тебя позади кухни. Въ ней нѣтъ окна, и тебѣ неудобно будетъ вносить овечьи шкуры въ мой домъ.

Тамъ ты будешь жить до тѣхъ поръ, пока не раскаешся и лежа у моихъ ногъ не разскажешь всего, что случилось въ нынѣшнюю ночь. Я знаю, что невольники сенатора мнѣ ничего не скажутъ: вѣдь ты и имъ вскружила головы. При встрѣчѣ съ тобой, они отъ радости всегда показываютъ свои бѣлые зубы.

Ты видно одинаково любишь всѣхъ твоихъ друзей, хоть бы они ходили и въ овечьихъ шкурахъ. Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, у меня есть хорошій сторожъ для тебя. Теперь я ухожу. Кричи сколько хочешь; но совѣтовалъ бы поуспокоиться.

Объ собакѣ мы еще поговоримъ. Если ты будешь тиха и разсудительна, твоя собака останется въ живыхъ, если же будешь продолжать упорствовать, въ такомъ случаѣ я привяжу собакѣ камень на шею и брошу ея въ рѣку. Я никогда не шучу, а тѣмъ менѣе расположенъ къ этому сегодня.

Сирона была страшно возбуждена. Она задыхалась, члены ея дрожали, она ненаходила словъ для отвѣта.

Фебицій видѣлъ въ какомъ она положеніи и продолжалъ:

— Теперь ты задыхаешься отъ бѣшенства, но погоди — придетъ часъ, когда ты подползешь ко мнѣ на колѣняхъ и будешь вымаливать прощенія. Мнѣ пришла въ голову мысль. Тебѣ нужна постель въ темной комнатѣ и она непремѣнно должна быть мягкая, иначе меня будутъ осуждать твои любовники. Я постелю на полъ овечью

шкуру и ты будешь спать на ней. Видишь, какъ я высоко цѣню подарки твоихъ любовниковъ.

Фебицій расхохотался и, взявши въ руки овечью шкуру и лампу, ушелъ въ комнату, расположенную позади кухни. Тамъ хранилась посуда и разные припасы. Фебицій выбросилъ все это и началъ устроивать спальню для жены, въ виновности которой онъ былъ твердо убѣжденъ.

Ради какого мужчины она измѣнила ему, онъ не зналъ, такъ какъ Мирьямъ только сказала ему: поди домой, тамъ веселится твоя жена съ своимъ возлюбленнымъ. Во время послѣднихъ угрозъ мужа, Сирона твердо рѣшилась скорѣе умерѣть, чѣмъ жить вмѣстѣ съ нимъ, а что она и сама была отчасти виновата — ей не приходило въ голову. Обыкновенно тотъ, кто получаетъ наказаніе болѣе строгое, чѣмъ онъ того заслуживаетъ, тотъ, перенося ошибку судьи, тотчасъ же забываетъ собственную вину.

Фебицій былъ правъ. Ни Петръ, ни Доротея не могли защитить Сирону отъ него — римскаго гражданина. Если она сама не съумѣетъ освободить себя, то останется плѣнницею. А Сиронѣ тяжело было жить безъ воздуху, свѣта и свободы. Сирона быстро представила себѣ весь ужасъ подобнаго положенія и рѣшилась освободиться.

Какъ только мужъ повернулся къ ней спиной выйти изъ комнаты, она взяла собачку на руки, завернула ея въ одѣяло и осторожно съ этою ношею, какъ съ ребенкомъ на рукахъ, вышла въ другую комнату. Тамъ еще были открыты ставни того окна, чрезъ которое выскочилъ, на улицу Гермасъ.

Съ помощью кресла Сирона взобралась на подоконникъ, а оттуда по выступу спустилась на улицу, по которой пошла дальше, безъ всякой опредѣленной цѣли, подъ единственнымъ дѣйствіемъ горячаго желанія избѣжать заключенія и порвать всякія сношенія съ ненавистнымъ ей мужемъ. Сирона отправилась по дорогѣ, ведущей чрезъ Синай къ морю.

Она имѣла довольно времени впереди, такъ какъ Фебицій оставался довольно долго въ темной комнатѣ, гдѣ утомленный хлопотами, сѣлъ отдохнуть. Фебицію было подъ шестьдесятъ лѣтъ и, истощенное безпорядочной жизнью, тѣло его не въ состояніи было вынести всѣхъ волненій этой ночи. Руки и ноги его дрожали, глаза блестѣли, а въ воображеніи носились картины прошедшаго.

Если бы я умѣлъ владѣть собой, я не совершилъ-бы безумнаго бѣгства въ оазисъ и демонъ не имѣлъ-бы такой власти надо мной, думалъ онъ.

Но, какъ блестѣли глаза Марьямъ, когда она мнѣ сообщала объ измѣнѣ моей жены! Она, навѣрное, видѣла измѣнника! Передъ оазисомъ я потерялъ ея изъ виду; вѣроятно она возвратилась назадъ, на гору.

Что могла ей сдѣлать Сирона? Обыкновенно, женщина привлекаетъ къ себѣ сердце мущины глазками — какъ птицеловъ ловитъ дудкою птицъ. Какъ ухаживали за ней римскіе щеголи! Не обманывала ли она меня уже и тамъ? Нѣтъ, она отвергла дружбу легата Квинтиллы, не смотря на то, что я нисколько не былъ противъ ея расположенія къ нему. Правда, легатъ былъ еще старше меня, а Сирона, можетъ быть, любитъ молодыхъ? Она ничѣмъ не лучше всѣхъ другихъ женщинъ. Я долженъ былъ знать это прежде! Такъ всегда бываетъ на землѣ; сегодня бьешь, а завтра самого бьютъ.

Горькая улыбка искривила губы центуріона, и по всему лицу его разлилось мрачно серьезное выраженіе,— цѣлый рядъ веселыхъ и непрошенныхъ образовъ возставалъ въ его душѣ.

Совесть Галла находилась въ тѣсной связи съ его физическимъ состояніемъ. Когда онъ чувствовалъ себя крѣпче, его прошедшее не казалось ему слишкомъ позорнымъ; когда-жъ напротивъ овладѣвала имъ слабость, его мучили страшныя воспоминанія.

Такъ и теперь. Онъ вспомнилъ о своемъ благодѣтелѣ трибунѣ Сервіоцѣ, прелестную жену котораго онъ соб-

лазнилъ, принудилъ оставить мужа, ребенка, и бѣжать съ нимъ. Имъ овладѣла ярость при воспоминаніи, что самъ онъ теперь находится въ положеніи Сервіона, не переставая быть Фебиціемъ.

Всѣ страданія и оскорбленія, вынесенныя трибуномъ, чрезъ него, послѣ похищенія его любимой жены Глицеры, испытывалъ теперь самъ Фебицій. Онъ искалъ средство оправдать себя и въ тоже время отомстить своему врагу—соблазнителю. Мысли его до того перепутались, что онъ чувствовалъ какъ легко онъ можетъ сойти съ ума. Онъ громко вздохнулъ. Звукъ собственнаго голоса призвалъ его къ дѣйствительности.

Да это былъ онъ, Фебицій, а ни кто другой, — но это сознаніе не помогало ему.

Образъ прелестной Глицеры, которая послѣдовала за нимъ въ Александрію и которую онъ бросилъ, прокутивъ всѣ ея драгоцѣнности, не представлялся ему теперь одинъ, а непремѣнно рядомъ съ его женой, Сироной.

Глицера была печальной любовницей. Она много плакала и мало смѣялась, оставивъ своего мужа. Ему казалось, что онъ все еще слышитъ ея тихіе упреки, не похожіе на громкія угрозы Сироны.

Утомленный и одержимый галлюцинаціями, Фебицій съ яростью сжималъ кулаки и грозно махалъ ими надъ головою. Это движеніе послужило первымъ признакомъ, пробудившагося сознанія, вмѣстѣ съ которымъ возвратилось воспоминаніе о переживаемомъ горѣ. Тотчасъ оставилъ онъ темную комнату и перешелъ въ кухню, гдѣ и освѣжился глоткомъ вина. Самъ онъ сѣлъ у открытаго окна и смотрѣлъ на звѣзды. Было уже далеко за полночь.

Фебицій обратился съ усердною молитвой къ богу Митры, которому онъ такъ ревностно служилъ, впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Изъ восьмидесяти испытаній, которымъ подвергались желающіе быть произведенными въ степень Льва, уже многія вынесъ Фебицій, онъ зарывался на нѣсколько

часовъ въ снѣгъ и соблюдалъ строгій постъ. Слабость, овладѣвшая имъ теперь, не была ли, отчасти, послѣдствіемъ трудовъ имъ перенесенныхъ?

Сирона ненавидѣла мистическую религію своего мужа, а Фебицій напротивъ твердо держался своей религіи. Это еще болѣе увеличивало ихъ разъединеніе.

Въ настоящее время Фебицій просилъ своего бога помочь ему сломить упорство жены и отомстить ея соблазнителю.

Потомъ онъ снявъ со стѣны двѣ прочныя веревки, выпрямился гордо, какъ полководецъ, желавшій возбудить мужество въ солдатахъ передъ наступленіемъ боя, или какъ ораторъ на форумѣ передъ началомъ рѣчи. Съ достоинствомъ переступилъ онъ черезъ порогъ спальни.

Фебицію не приходила въ голову мысль о возможности бѣгства Сироны и онъ, не найдя ея въ спальнѣ, отправился въ жилую комнату привести тамъ въ исполненіе задуманное наказаніе.

Но и здѣсь никого не было. Фебицій задумался, но мысль о побѣгѣ казалась ему такою невѣроятною, что онъ ее тотчасъ же отвергъ.

Вѣроятно, опасаясь его гнѣва, она спряталась за кровать или стоитъ за пологомъ, покрывающимъ его платья.

Собаченка теперь ласкается къ ней, думалъ Фебицій, и соображая это, онъ началъ не то свистать, не то шипѣть, за что Ямба бывало на него всегда сердито лаяла.

Но все было напрасно; мертвая тишина царствовала въ покинутой комнатѣ. Теперь только имъ охватило серьезное безпокойство. Онъ искалъ ея подъ столомъ, подъ кроватью, во всѣхъ углахъ комнаты, даже въ тѣхъ мѣстахъ, куда не могъ бы спрятаться и ребенокъ.

Изъ правой руки его выпала веревка, а лѣвая рука, державшая лампу, сильно дрожала.

Въ спальнѣ онъ нашелъ открытыми ставни одного окна. У этого окна стояло кресло, на которомъ сидѣла

Сирона, любуясь звѣздами, передъ приходомъ Гермиса. Такъ вотъ гдѣ она убѣжала! пробормоталъ онъ, поставивъ лампу на столикъ, съ котораго недавно столкнулъ стаканъ Поликарпа. Затѣмъ Фебицій толкнулъ дверь и выскочилъ на улицу.

О направленіи бѣглянки въ пустыню, Фебицій еще не догадывался. Онъ съ силою дернулъ ворота, выходившіе на улицу и тутъ только замѣтилъ, что они были затворены.

Сторожевыя собаки проснулись и залаяли, когда Фебицій, обернувшись къ дому сенатора Петра, началъ стучать въ ворота желѣзнымъ молотомъ, сначала тихо, а потомъ все сильнѣе и громче, по мѣрѣ того, какъ возростала его ярость.

Онъ предполагалъ, что жена его навѣрное просила защиты у сенатора и нашла ее.

Фебицій чуть не кричалъ отъ ярости и боли. Главнымъ образомъ его приводила въ бѣшенство не боязнь потерять Сирону, а злоба на Поликарпа, осмѣлившагося нанести такой позоръ ему, императорскому центуріону! А Сирона, чѣмъ въ сущности она была для него?

Вспышка самоувѣреннаго самолюбія связала эти двѣ жизни. Въ Ареласѣ, два года тому назадъ, одинъ солдатъ, въ кругу своихъ товарищей, разсказывалъ о томъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго интереснаго происшествія. Нѣсколько молодыхъ ребятъ окружили на улицѣ какого-то мальчика и неизвѣстно за что безжалостно били его.

Мальчикъ храбро защищался до тѣхъ поръ, пока численность его враговъ не одержала надъ нимъ верха.

Вдругъ, разсказывалъ солдатъ, распахнулась дверь одного изъ ближайшихъ домовъ, и изъ нея выбѣжала дѣвушка съ прекрасными золотистыми волосами; она бросилась на мальчишекъ и обратила всѣхъ ихъ въ бѣгство.

Мальчикъ, переносившій побои, оказался ея братомъ, котораго она тотчасъ же и взяла подъ свою защиту.

Львицей выглядѣла дѣвушка! добавилъ солдатъ съ оживленіемъ. Ея зовутъ Сирона, и между всѣми дѣвушками Ареласа она, безъ сомнѣнія, самая красивая.

Со всѣхъ сторонъ послышалось одобреніе. Тогда Фебицій, только что возведенный въ степень льва, и любившій, когда его просто называли львомъ—сказалъ: я давно ищу себѣ львицу и наконецъ нашелъ ее. Фебицій и Сирона, какъ хорошо звучатъ эти оба имени, соединенныя вмѣстѣ.

На слѣдующій день онъ просилъ руки Сироны у ея отца, и такъ какъ ему нужно было, черезъ нѣсколько дней, выѣхать изъ города, то и свадьбу отпраздновали очень скоро.

Сирона прежде никогда не оставляла Ареласа; она не сознавала вполнѣ всей тяжести разлуки можетъ быть на всегда съ родительскимъ домомъ. Въ Римѣ Фебицій опять увидѣлся съ женой.

Здѣсь многіе любовались красотой молодой женщины и ухаживали за ней, а для Фебиція она была легко пріобрѣтеннымъ и потому малоцѣннымъ сокровищемъ.

Когда же Сирона обратила на себя вниманіе легата Квинтиллы, Фебицій попытался было получить черезъ нее много повышеній и преимуществъ; но Сирона рѣшительно и рѣзко отвергла всѣ исканія Квинтиллы. Тогда послѣдній, сдѣлавшійся врагомъ Фебиція, способствовалъ къ ссылкѣ его въ оазисъ, что равнялось изгнанію. Съ тѣхъ поръ онъ считалъ жену своимъ злѣйшимъ врагомъ и считалъ ее другомъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ его врагомъ. Но наиболѣе непріятнымъ ему казался Поликарпъ. Онъ стукнулъ еще разъ молотомъ въ дверь Петра. Дверь эта внезапно распахнулась и на порогѣ, передъ разъяреннымъ центуріономъ, явился сенаторъ, съ лампою въ рукѣ.

ГЛАВА XI.

Бѣдный Павелъ сидѣлъ у дверей сенаторскаго дома; чѣмъ ближе приближалось утро, тѣмъ холоднѣе дѣлался воздухъ, а онъ отдалъ единстьенную теплую одежду, свою овечью шкуру Гермасу.

Въ рукахъ Павла былъ церковний ключъ для передачи сенатору. Но въ домѣ сенатора было совершенно тихо и Павелъ боялся какимъ нибудь неосторожнымъ движеніемъ разбудить спящихъ.

Что за убійственная ночь! проговорилъ онъ про себя, ёжась и закутываясь плотнѣе въ свои лохмотья. Впрочемъ если-бъ было и потеплѣе, а я сидѣлъ бы въ мѣшкѣ, наполненномъ перьями, а не въ этихъ дырявыхъ лохмотьяхъ, то и тогда бы морозъ подралъ бы по кожѣ, при встрѣчѣ съ адскими духами мѣстности. Вѣдь я видѣлъ самъ собственными глазами демоновъ, несущихся въ образѣ женщинъ, изъ оазиса на гору, пугать насъ во время сна и соблазнять. А что было въ рукахъ у большаго бѣлало привидѣнія? Вѣроятно камень, который они кладутъ намъ нагрудь, когда насъ душитъ кошмаръ. Другой, кажется, летѣлъ, но крыльевъ я не замѣтилъ у него. Въ боковомъ домѣ живетъ галлъ съ своею развратною женою, соблазнившей бѣднаго Гермаса. Такъ ли она хороша, какъ про нея говорятъ? Мальчикъ, проведшій всю жизнь среди скалъ, ничего не понимаетъ въ прелести женщинъ. Первая, которая взглянетъ на него привѣтливо, покажется самою привлекательною. Она блондинка, слѣдовательно рѣдкое явленіе среди насъ — черномазыхъ обитателей пустыни. Должно быть центуріонъ не видалъ еще овечьей шкуры, а то въ домѣ не было бы такъ тихо. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь сижу, мало интереснаго мнѣ пришлось услышать: одинъ разъ заревѣлъ верблюдъ, а вотъ теперь въ первый разъ запѣлъ пѣтухъ. Ни одного звука человѣческаго голоса не долетѣло до моего слуха, я не могъ даже разслышать храпа

сенатора и его толстой супруги, а чтобъ они не храпѣли во время сна, такого чуда не можетъ случиться.

Павелъ поднялся со скамьи и, подойдя къ окну, началъ прислушиваться; мертвая тишина царствовала въ жилищѣ галла.

Часъ тому назадъ, у этого окна подслушивала Мирьямъ.

Разсказавъ Фебицію о Сиронѣ, она издали слѣдовала за нимъ, а потомъ черезъ конюшни пробралась во дворъ сенатора.

Она знала, что тамъ произойдетъ, и что навѣрное разъяренный Фебицій придумалъ для Сироны и Гермаса какое нибудь наказаніе.

Она все могла предполагать и мысль, что Фебицій можетъ быть употребитъ противъ ихъ обоихъ мечь, наполняла ее сердце горько-сладостнымъ чувствомъ.

Теперь Мирьямъ увидала свѣтъ, проникавшій между двумя неплотно прикрытыми ставнями; она распахнула ихъ настежъ и стала ловко карабкаться вверхъ, цѣпляясь голою ногою за стѣну. Когда она заглянула въ комнату, то замѣтила Сирону, распростертую на своемъ ложѣ и наклонившагося надъ ней галла, съ разсвирѣпѣвшимъ лицомъ. У ногъ его лежала овечья шкура Гермаса. Въ правой рукѣ его была зажженая лампа, свѣтъ которой падалъ на лицо Фебиція и отражался въ большой красной лужѣ на полу.

Это кровь, подумала Мирьямъ, задрожала и закрыла глаза. Когда она опять ихъ открыла, то увидѣла Сирону, съ пылающимъ лицомъ и сверкающими глазами. Она спасена, но Гермасъ?

Это его кровь, говорило ея ноющее сердце и я виновница его смерти. Мирьямъ отдернула руки отъ ставней, спустилась на мостовую и въ страшной душевной тревогѣ побѣжала на гору, тамъ на свободѣ отдаться своему горю.

Она чувствовала, что ей легче было бы бороться съ свирѣпыми пантерами, или умирать отъ голода и жажды,

чѣмъ совершивъ такое преступленіе, показаться на глаза Доротеѣ, сенатору и Мартанѣ.

Бѣжавшая Мирьямъ была также изъ числа привидѣній, напугавшихъ Павла.

Терпѣливый анахоретъ сѣлъ опять на скамью и думалъ. А порядочно таки пробираетъ морозъ. Хорошо было бы завернуться въ овечью шкуру. Но развѣ такія страданія претерпѣвалъ Спаситель? А я развѣ не для того удалился отъ свѣта, чтобъ трудами и лишеніями приготовить себя къ вѣчной жизни.

Тамъ, гдѣ витаютъ Ангелы, люди не имѣютъ нужды въ жалкой овечьей шкурѣ. Въ моемъ настоящемъ поступкѣ нѣтъ своекорыстія, такъ какъ я терплю за другаго. Я зябну за Гермаса, желая избавить отъ горя его старика—отца.

Я бы желалъ, чтобъ было еще холоднѣе. Теперь я никогда, да никогда, не надѣну болѣе овечьей шкуры.

Павелъ кивнулъ головою, какъ будто утверждая свое рѣшеніе. Но вскорѣ лицо его опять сдѣлалось озадаченно, ему показалось, что онъ на ложномъ пути.

Такъ всегда, думалъ онъ: мы сдѣлаемъ добра съ горсточку, а нагордимся съ цѣлаго верблюда. Хотя у меня и стучатъ зубы теперь отъ холода, но все таки я никто больше, какъ жалкій грѣшникъ. Какъ польщено было мое самолюбіе, когда я былъ назначенъ старшиною. Когда я въ первый разъ одержалъ побѣду съ своей четверкой лошадей, больше ли я тщеславился теперешняго. Какъ многіе стараются подражать Спасителю, стремясь достигнуть Его величія и избѣгая всѣми средствами униженій, Имъ претерпѣнныхъ. Ты, Всевышній, Самъ свидѣтель, что я ищу ихъ всѣми силами души! А когда я раненый терновникомъ истекаю кровью, и кровь эта превращается въ розы, то въ этомъ не моя вина, Создатель.

Я думаю, на землѣ трудно найти страданій безъ радостей, и радостей безъ страданій.

Такъ размышлялъ онъ, между тѣмъ какъ зубы его стучали отъ холода. Наконецъ размышленія его были

прерваны лаемъ собакъ. Фебицій стучалъ молоткомъ въ ворота сенатора.

Павелъ тотчасъ же вскочилъ съ мѣста и приблизился къ воротамъ Петра.

Онъ не проронилъ ни одного слова изъ разговора, происходившаго на дворѣ. Глубокій голосъ—былъ голосъ сенатора, а звонкій и высокій голосъ принадлежалъ центуріону.

Послѣдній настоятельно требовалъ отъ перваго возвратить ему жену—Сирону, скрывавшуюся въ его домѣ, между тѣмъ какъ тотъ рѣшительно утверждалъ, что Сирона со вчерашняго дня не переступала черезъ порогъ его дома.

Не смотря на раздраженный тонъ центуріона, сенаторъ оставался совершенно спокоенъ и тихо вошелъ въ домъ спросить жену, не отворяла ли она дверей бѣглянкѣ, во время его сна.

Павелъ слышалъ, какъ раздраженный Фебицій ходилъ взадъ и впередъ по двору, и остановился только тогда, когда Доротея съ мужемъ вышли изъ дома и объявили, что они ничего не знаютъ о Сиронѣ.

— Тѣмъ лучше, прервалъ Фебицій, значитъ вашему сыну Поликарпу извѣстно гдѣ она.

— Мой сынъ еще вчера уѣхалъ по дѣламъ въ Ратую, возразилъ Петръ. Мы сегодня утромъ ждемъ его домой.

— Вѣроятно онъ поспѣшилъ возвратиться раньше, чѣмъ вы его ожидали, сказалъ Фебицій. Мои сборы въ дорогу ни для кого не были тайной, а отсутствіе хозяина всегда ободряетъ воровъ къ дѣятельности, въ особенности такихъ воровъ, которые любятъ бросать розы въ окна своимъ возлюбленнымъ. Вы христіанѣ считаете бракъ святыней но мнѣ кажется, что вы такъ строго относитесь только къ своимъ единовѣрцамъ. У жены же язычника отчего вашему сыну не попытать счастья? Въ этомъ случаѣ препятствіемъ можетъ служить только мужъ язычникъ, который, конечно, не всегда позволитъ играть съ собою. Что до меня касается, то я менѣе

всего расположенъ шутить и заранѣе объявляю тебѣ, что не позволю покрыть позоромъ царское платье, надѣтое на мнѣ. Я сдѣлаю обыскъ въ твоемъ домѣ и если найду преступную жену и твоего сына вмѣстѣ, то всѣхъ васъ отведу въ судьѣ распорядиться съ измѣнниками, по закону.

— Обыскъ твой будетъ напраснымъ, возразилъ Петръ, съ трудомъ сдерживая себя. Ты долженъ вѣрить одному моему слову, да или нѣтъ, и я тебѣ, еще разъ, повторяю, нѣтъ, мы не прятали ни сына, ни твою жену. Мы съ Доротеей оба не расположены вмѣшиваться въ твои семейныя дѣла и не позволимъ другимъ вмѣшиваться въ наши. Этотъ порогъ переступитъ только тотъ, кому я позволю, или царскій судья, которому я обязанъ уступить. Тебѣ же я еще разъ повторяю: у насъ нѣтъ Сироны и ты лучше сдѣлаешь, если отправишься искать ее въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь напрасно только потеряешь время.

— Я не нуждаюсь въ твоемъ совѣтѣ, закричалъ запальчиво центуріонъ.

— А я не считаю себя обязаннымъ улаживать ваши семейные раздоры. Тебѣ и безъ нашей помощи удастся вернуть Сирону, — не трудно поймать убѣжавшую жену, а трудно удержать ее противъ воли дома.

— Я дамъ тебѣ себя знать, угрожалъ центуріонъ, бросивъ грозный взглядъ на сенатора и невольниковъ, собравшихся на дворѣ. Въ эту минуту вошелъ Антоній, старшій сынъ сенатора.

— Я созову всѣхъ моихъ невольниковъ, продолжалъ Фебицій и буду требовать выдачи соблазнителя; если же вы не сдѣлаете этого и тогда, то мы запремъ всѣ выходы съ нашего двора.

— Подожди еще одинъ часъ, сказала Доротея, кладя свою руку на руку мужа, едва сдерживавшаго свой гнѣвъ, и ты увидишь Поликарпа, спокойно возвращающагося домой. Неужели ты считаешь Поликарпа соблазнителемъ потому только, что онъ носилъ розы твоей женѣ, такъ

весело игравшей съ его сестрами? Нѣтъ ли у тебя еще другихъ причинъ?

— Часто случается, что двое мужщинъ, готовыхъ, подобно громовымъ тучамъ, налетѣть другъ на друга, мгновенно смиряются отъ одного слова разумной женщины. Такъ было и теперь. Хотя Фебицій не имѣлъ никакого желанія уступить матери Поликарпа, но рѣчь Доротеи заставила его внимательно разсмотрѣть всѣ обстоятельства и понять, что дѣйствительно подозрѣнія его строились на шаткихъ основаніяхъ.

Тутъ только онъ сообразилъ, что если Сирона бѣжала, то онъ напрасно даетъ ей выигрывать время, разговаривая съ сенаторомъ и его женой.

Въ нѣсколько секундъ Фебицій овладѣлъ собой и смягченнымъ голосомъ сказалъ: мы посмотримъ—конечно она скоро вернется. Затѣмъ, не поклонившись хозяевамъ, отправился домой.

Но не дошелъ онъ еще до двери, какъ услышалъ топотъ лошади на улицѣ, и голосъ Петра, кричавшаго ему въ слѣдъ.

— Подожди, вонъ ѣдетъ Поликарпъ, онъ лично объяснится съ тобою.

Фебицій остановился, а сенаторъ сдѣлалъ знакъ старому Іетро отворить ворота. Слышно было, какъ всадникъ спрыгнулъ съ сѣдла на землю и вошелъ во дворъ.

Когда всадникъ подошелъ ближе, то всѣ увидѣли, вмѣсто Поликарпа, какого то амалекитянина.

— Что привезъ ты? спросилъ сенаторъ, обращаясь не то къ всаднику, не то къ центуріону.

Господинъ Поликарпъ, сынъ твой, отвѣчалъ пріѣзжій,— человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, смуглый, съ красивыми, но грубыми чертами лица и съ смѣлою рѣчью, — кланяется тебѣ и твоей женѣ и проситъ госпожу приготовить завтра большой обѣдъ, потому что онъ пріѣдетъ не одинъ, а съ восемью человѣками, приглашенными въ Ратуѣ.—

— Когда ты оставилъ моего сына, спросилъ сенаторъ?

— За два часа до заката солнца.

— Петръ вздохнулъ свободнѣе, такъ какъ теперь только вполнѣ убѣдился въ невинности сына. Но онъ былъ далекъ отъ мысли выказать центуріону, какъ онъ оскорбился его несправедливыми подозрѣніями, напротивъ ему стало даже жаль Фебиція, и Петръ голосомъ, полнымъ сочувствія, сказалъ:

— Я бы желалъ узнатьотъ этого всадника нѣкоторыя свѣдѣнія о твоей женѣ. Конечно ей было трудно привыкнуть къ тихой жизни въ оазисѣ. Можетъ быть она и ушла изъ оазиса длятого только, чтобъ жить въ городѣ, дававшемъ болѣе свободы и удовольствій для такого молодаго и прекраснаго существа, какъ она.

Фебицій отрицательно покачалъ головой и, махнувъ рукою, сказалъ:

— Пойдемъ со мной, я тебѣ покажу какой безпорядокъ произвела эта ночная птичка, въ моемъ домѣ. Можетъ быть ты по слѣдамъ узнаешь, кто тамъ былъ.

Въ то время, какъ Фебицій шелъ быстрыми шагами по направленію къ дому, Павелъ вошелъ во дворъ, поклонился сенатору, всѣмъ окружающимъ и подалъ ему ключъ отъ церкви.

Взошедшее солнце освѣтило фигуру Александрійца. Смущенный присутствіемъ Доротеи, онъ покраснѣлъ и молча опустилъ глаза на изорванную нижнюю одежду, которая не совсѣмъ скрывала атлетическіе размѣры его членовъ.

Петръ зналъ только хорошее о Павлѣ, но и онъ бросилъ не совсѣмъ дружелюбный взглядъ на него; все, что выходило изъ ряда обыкновеннаго не нравилось ему.

Павелъ ясно понималъ чувства сенатора, когда тотъ, не говоря ни слова, взялъ отъ него ключъ.

Мнѣніе этого человѣка интересовало Павла и потому онъ съ замѣшательствомъ произнесъ:

— Мы носимъ обыкновенно овечьи шкуры, когда ходимъ среди людей, но я потерялъ свою.

Не успѣлъ онъ еще договорить, какъ Фебицій снова

вошелъ во дворъ и, держа въ рукахъ шкуру Гермаса, закричалъ сенатору:

— Вотъ эту шкуру я нашелъ по моемъ возвращеніи въ нашей комнатѣ.

— Когда-жъ ты видѣлъ у Поликарпа такой плащъ?— спросила Доротея.

Когда боги посѣщали дочерей человѣческихъ, такъ они принимали на себя чужіе образы. Почему-жъ и теперь не превратиться александрійскому баричу въ грязнаго дурака, — обитателя пустыни? Да я, сознаюсь, напрасно обвинилъ твоего сына, но вѣдь и Гомеръ иногда ошибался? Не сердись на меня сенаторъ! Ты живешь дольше меня въ этихъ мѣстахъ и потому можешь сказать кто подарилъ мнѣ эту овечью шкуру и наставилъ рога?

Петръ тщательноо смотрѣлъ шкуру и потомъ сказалъ:

— Эта шкура анахорета. Всѣ кающіеся на горѣ носятъ такіе плащи.

— Значитъ кто нибудь изъ этихъ праздношатающихся забрался ко мнѣ въ домъ? Я какъ императорскій слуга привезъ повелѣніе изъ Рима отъ самаго императора,— дѣлать безвреднымъ все, что угрожаетъ спокойствію обитателей пустыни и путешественниковъ. Я велю всѣхъ этихъ негодяевъ согнать вмѣстѣ, какъ звѣрей на травлю и различными угрозами заставлю признаться виновнаго.

— За это тебя императоръ не поблагодаритъ. Всѣ они хорошіе христіане, а вѣдь Константинъ самъ...

— Константинъ, сказалъ насмѣшливо центуріонъ, можетъ быть позволитъ окрестить себя, вѣдь вода безвредна; еслибъ онъ вздумалъ теперь преслѣдовать христіанъ и запрещать имъ почитать своихъ чудотворцевъ, какъ Діоклитіанъ, такъ тогда пришлось бы уничтожить болѣе половины населенія. Но, посмотри на эти монеты. Съ одной стороны изображеніе императора, а съ другой, что видишь ты, съ другой? Изображеніе вашего Назарянина, или нашего бога — вѣчное непобѣдимое солнце? Воду, въ которой крестили Константина сегодня, онъ

3*

омоетъ завтра, а наши старые боги всегда окажутъ ему помощь, когда онъ обратится къ нимъ съ просьбою уничтожить ваши суевѣрія.

— Ну этого еще долго ждать, дружелюбно замѣтилъ Петръ, а теперь, пока Константинъ—защитникъ христіанъ я совѣтую тебѣ поручить это дѣло епископу Агапиту.

— Для того, чтобъ онъ навязывалъ мнѣ свое ученіе— негодное даже для женщинъ, отвѣтилъ насмѣшливо центуріонъ; цѣловать ноги моихъ враговъ. Я соберу всѣхъ этихъ негодяевъ на верхъ, и буду пытать до тѣхъ поръ, пока не открою виновнаго. Сегодня же я начну травлю.

— Ты можешь начать съ меня, это моя шкура.

Эти слова были произнесены Павломъ громко и твердо.

Петръ и *невольники* нѣсколько разъ видѣли на Павлѣ шкуру, похожую на ту, которую держалъ въ рукахъ Фебицій.

Самообвиненіе Павла должно было бы показаться невѣроятнымъ всѣмъ, кто зналъ Павла и Сирону; но между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ никто даже не усомнился въ справедливости его словъ.

Доротея недовѣрчиво покачала головой и хотя она не могла объяснить себѣ всего случившагося, но все таки ей казалось невѣроятнымъ видѣть въ этомъ человѣкѣ соблазнителя, а въ молодой женщинѣ измѣнницу долгу изъ за него.

Ей никакъ не удавалось представить себѣ Сирону преступницей; она любила ее всей душой, да къ тому-жъ и материнская гордость подсказывала ей, что если бы Сирона и увлеклась кѣмъ нибудь, такъ конечно не этимъ пожилымъ бородачемъ, а ея молодымъ и статнымъ сыномъ Поликарпомъ, котораго она не разъ бранила за пламенные взгляды и розы, бросаемые въ окно Сиронѣ.

Совершенно иначе думалъ Фебицій. Онъ охотно повѣрилъ словамъ анахорета, такъ какъ чѣмъ недостойнѣе былъ соблазнитель, тѣмъ преступнѣе казалась Сирона, тѣмъ легкомысліе ея непростительнѣе.

Да при этомъ же для его самолюбія было болѣе лестно узнать, въ присутствіи сенатора и Доротеи, что жена его не уступила естественному влеченію и выбору сердца, а искала только разнообразія, ему больнѣе было бы, еслибъ она предпочла ему человѣка болѣе молодаго, болѣе красиваго и достойнаго.

Сколько разъ онъ самъ былъ виноватъ передъ Сироной; но всѣ его поступки казались ему пухомъ, на одной чашкѣ вѣсовъ,—тогда, какъ проступокъ Сироны съ тяжестью свинца придавливалъ къ землѣ другую чашку вѣсовъ. Онъ имѣлъ теперь чувство человѣка, утопавшаго въ болотѣ и вдругъ почувствовавшаго твердую почву подъ ногами. Все это, придавая столько силы Фебицію, позволило ему выказать рѣдкое самообладаніе въ разговорѣ съ отшельникомъ. Подобная твердость замѣчалась въ Фебиціи только въ царской службѣ, когда онъ командовалъ солдатами. Съ напускнымъ достоинствомъ и осанкой, напоминающими театральныя представленія, Фебицій подошелъ къ Павлу и смѣрилъ его такимъ взглядомъ, который привелъ въ ужасъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Павелъ, между тѣмъ, не отступилъ ни на одинъ шагъ.

Законъ предавалъ анахорета въ руки оскорбленнаго супруга; но послѣдній, казалось, не хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ. Въ голосѣ его звучало только презрѣніе и отвращеніе, когда онъ сказалъ:

— Я не хочу прикасаться къ этой паршивой собакѣ, я не хочу замарать своей руки. Жена, обманувшая меня ради тебя и ты грязный нищій—достойны другъ друга. Я могъ бы раздавить тебя, какъ комара, еслибъ хотѣлъ, но мой мечъ принадлежитъ императору и онъ не долженъ быть оскверненъ такой грязной кровью, какъ твоя. Ты хорошо сдѣлалъ снявъ твою шкуру, этимъ избавилъ меня отъ труда сорвать ея съ тебя, что я непремѣнно сдѣлалъ бы, прежде нежели воздать тебѣ по заслугамъ. Въ ударахъ ты не почувствуешь недостатка: если ты скоро разскажешь, куда убѣжала твоя возлюбленная, такъ ихъ будетъ мень-

ше, если же на оборотъ будешь медлить, такъ ихъ будетъ больше. Эй ты! поди подай мнѣ вонъ эту штуку!

Сказавши это, Фебицій взялъ изъ рукъ одного погонщика муловъ бичъ, изъ шкуры бегемота, подошелъ прямо къ Александрійцу съ вопросомъ: гдѣ Сирона?

— Ну что-жъ, бей, сказалъ Павелъ, проведя рукою по спинѣ и плечамъ; какъ больно не ударилъ бы твой бичь, онъ все таки не можетъ достойно наказать меня за всѣ мои грѣхи. Но гдѣ скрывается твоя жена, я право не знаю и не въ состояніи буду сказать тебѣ это, хотя-бы ты сталъ рвать члены мои желѣзными когтями.

Было столько чистосердечія въ словахъ Павла, что центуріонъ готовъ былъ ему повѣрить, но онъ не имѣлъ обыкновенія оставлять невыполненнымъ назначеннаго наказанія. Да къ тому-жъ этотъ несчастный нищій долженъ же знать, что рука центуріона не гладитъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ наказывать.

И Павелъ вытерпѣлъ наказаніе не пошевелясь, не издавъ ни одного стона. Когда Фебицій опустилъ наконецъ усталую руку и хриплымъ голосомъ еще разъ повторилъ свой вопросъ, то избитый отшельникъ отвѣчалъ:

— Я ужъ сказалъ, что ничего не знаю и ничего не могу сообщить.

Не разъ уже приходило въ голову Петру вступиться за своего единовѣрца, но каждый разъ онъ останавливался, предоставляя оскорбленному супругу, который, какъ казалось ему, дѣйствовалъ еще довольно милостиво, такимъ образомъ наказывая виновнаго.

Но теперь наконецъ онъ рѣшился послѣдовать совѣту Доротеи и вступиться за Павла. Онъ подошелъ къ центуріону и сказалъ ему:

— Теперь ты достаточно наказалъ виновнаго, если-жъ хочешь поступить съ нимъ еще строже, такъ обратись къ епископу. Ты отъ него ничего не добьешься. Я знаю Павла и многихъ подобныхъ ему отшельниковъ. Повѣрь мнѣ, что онъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, гдѣ твоя жена

и ты напрасно теряешь силы и время, которыя ты могъ бы употребить съ пользою—на розыски Сироны.

— Мнѣ кажется, она отправилась моремъ въ Египетъ, или въ Александрію, а тамъ... ну да ты самъ знаешь этотъ греческій городъ. Она можетъ совершенно погибнуть.

Тамъ она найдетъ то, что ищетъ, — разнообразіе и всевозможныя удовольствія, отвѣчалъ насмѣшливо Фебицій. Для такого молодаго существа, любящаго удовольствія, порокъ самое благодарное занятіе. Но я испорчу ея удовольствія. Ты правъ. Я напрасно позволяю ей выиграть столько времени.

Если она нашла дорогу къ морю, то можетъ быть теперь уже... Эй поди сюда Талибъ! закричалъ Фебицій, кивнувъ головою амалекитскому послу Поликарпа. Ты пріѣхалъ изъ Ратуи; не встрѣчалъ ли ты на пути женщины съ бѣлымъ лицомъ и желтыми волосами.

Спрошенный пользовался большимъ уваженіемъ въ домѣ сенатора за свой умъ и честность.

Онъ давно уже ожидалъ вопроса Фебиція и потому торопливо отвѣчалъ:

— На разстояніи двухъ стадій отъ Эль-Гесвы, я встрѣтилъ караванъ, идущій изъ Петры и останавливавшійся вчера въ оазисѣ. За этимъ караваномъ бѣжала женщина, такой наружности, какъ ты говоришь. Я давно уже хотѣлъ разсказать тебѣ объ этомъ, но развѣ громъ и буря не заглушаютъ голосъ человѣческій.

— Была съ этой женщиной хромая собаченка, съ напряженнымъ вниманіемъ спросилъ Фебицій?

— Она несла что-то въ рукахъ, отвѣчалъ амалекитяниннъ. При лунномъ свѣтѣ, я принялъ это за груднаго ребенка. Мой братъ, сопровождающій караванъ, говорилъ, что эта женщина должно быть бѣглянка, — такъ какъ она платила за мѣсто не звонкою монетою, а кольцомъ съ печатью.

Фебицій теперь только вспомнилъ о золотомъ кольцѣ съ отшлифованнымъ ониксомъ Глицеры, которое онъ, много лѣтъ тому назадъ, подарилъ въ день свадьбы Сиронѣ.

Фебицій приказалъ одному изъ невольниковъ Петра напоить и накормить хорошенько своего мула, потому что старый слуга Фебиція и декуріонъ, замѣнявшій центуріона въ его отсутствіе, не возвратились еще съ горы; они принадлежали, также какъ и самъ Фебицій, къ числу почитателей митры.

Центуріонъ ни минуту не сомнѣвался, что женщина, которая слѣдовала за караваномъ, бывшемъ вчера въ оазисѣ, его жена. Но хотя онъ отлично понималъ, что всякое замедленіе служитъ препятствіемъ къ исполненію его пламеннаго желанія поймать Сирону, тѣмъ не менѣе онъ все таки оставался римскимъ солдатомъ и готовъ былъ-бы скорѣй наложить на себя руки, чѣмъ удалиться, не назначивъ предварительно на свой постъ намѣстника. Когда его единовѣрцы, окончивъ молитву на горѣ, возвратились домой, приготовленія Фебиція къ далекому путешествію были уже совершенно окончены.

Заботливо сдѣлалъ Фебицій наставленія декуріону, какъ тотъ долженъ дѣлать и какъ вести себя въ его отсутствіе, потомъ отдалъ ключъ отъ дома и старую невольницу Петру, поручилъ ему же передать дѣло отшельника Епископу и наконецъ, сопровождаемый амалекитяниномъ Талибомъ, отправился въ погоню за караваномъ, стараясь нагнать его, прежде чѣмъ они будутъ пересаживаться на суда.

Когда замолкъ стукъ копытъ мула Фебиція, Павелъ ушелъ со двора сенатора; Доротея, посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся отшельнику, сказала мужу: кажется сегодня прекрасный ясный день, а между тѣмъ я ничего не понимаю изъ всего этого, что здѣсь произошло.

У меня сжимается сердце при мысли, если Сирона попадется въ руки своего разъяреннаго мужа. Какъ они будутъ жить вмѣстѣ! И все это подъ нашей крышей!

ГЛАВА XII.

Неопредѣленны и разнообразны проявленія души человѣка.

Обыкновенно побои причиняютъ боль, позоръ унижаетъ и придавливаетъ, незаслуженное наказаніе озлобляетъ, но душа Павла шла не обычнымъ путемъ; къ ней не подводились подъ мѣрку общія, житейскія положенія. Передъ уходомъ изъ оазиса его мучили, истязали, надъ нимъ надругались и наконецъ его присудили къ самому тяжкому наказанію: епископъ Агапитъ, узнавъ о ночномъ происшествіи въ домѣ сенатора Петра и не получивъ отъ самого Павла никакого возраженія, никакого оправданія, изгналъ его изъ своей паствы и воспретилъ посѣщеніе церкви не по праздничнымъ днямъ; мало того, епископъ рѣшилъ объявить о своемъ приговорѣ во всеуслышаніе по всей общинѣ. А между тѣмъ какъ все это повліяло на Павла? какимъ выглядѣлъ онъ тамъ взбирающійся на гору подъ палящимъ зноемъ, одинокій и обѣгаемый всѣми?

Встрѣтившійся съ нимъ на полдорогѣ торговецъ — рыбакъ изъ прибрежнаго селенія Форанъ и размѣнявшійся съ нимъ поклономъ, невольно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и подумалъ: «какъ весело и привѣтливо смотритъ этотъ бородачъ, вѣрно разжился». И пошолъ дальше рыбакъ въ долину съ своей чешуйчатой ношей и вспомнилось ему тутъ почему-то невинное личико любимаго первенца сына.

На краю пѣшеходнаго пути, возлѣ сторожевой башни, нѣсколько отшельниковъ сваливали въ груду каменья. Зная о приговорѣ Агапита надъ грѣшникомъ, они не поклонились Павлу и не обратили на него никакого вниманія. Павелъ замѣтилъ, но смолчалъ. И только когда отошелъ на столько, что братія не могли его слышать, улыбнулся и проговорилъ, ощупывая рубцы на спинѣ отъ бича центуріона.

— Не считаютъ ли они галльскія угощенія очень вкусными, ну такъ ошибаются, а между тѣмъ я все таки не отдамъ эти угощенія и за цѣлый мѣхъ антильскаго вина. Да еслибъ они знали все, не пожелали ли бы и они имѣть хоть по одному изъ моихъ рубцевъ. А впрочемъ не гордость ли это моя, не высокомѣріе ли? Вспомни какъ оплевали, какъ надругались надъ Тобой, о мой Іисусе! А со мной что было? Ровно почти ничего. Да и поступили-то со мной вовсе нестрого, не пролито ни единой капли крови! Хоть бы этотъ тощій старикъ стегалъ-то покрѣпче.

Радостно и весело шелъ онъ впередъ, вспоминая все случившееся, припомнивъ и угрозу центуріона раздавить его какъ червяка, его Павла въ десятеро сильнѣйшаго самого центуріона Фебиція. Припомнились ему тутъ и игры въ палестрѣ, какъ однажды онъ разомъ свалилъ на песокъ кичливаго Аркезилая изъ Кирены и его двоюроднаго брата длиннаго Ксенофона, но потомъ припомнились ему Гермасъ, его дорогая мать и отецъ. А хорошо, очень хорошо вышло, думалъ онъ, — теперь старикъ избавился отъ большаго горя.

Возлѣ тропинки виднѣлся стебелекъ съ красивыми цвѣточками. Прежде Павелъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, ему никогда не приходило желанія сорвать ихъ для своего удовольствія, теперь же онъ такъ привѣтливо наклонился къ цвѣтку, ему захотѣлось воспользоваться этимъ лучшимъ украшеніемъ природы. Но это желаніе длилось не долго и прежде чѣмъ рука коснулась цвѣтка, онъ подумалъ:

Для кого я сорву его? И этотъ цвѣточекъ вѣроятно теперь радуется солнечному лучу, тоже наслаждается жизнію, вонъ какъ крѣпко своими тоненькими корешками онъ держится за скалу! Тамъ въ сторонѣ отъ дороги, кажется, растутъ еще болѣе красивые цвѣтки никѣмъ и никогда невидимыя. И растутъ и цвѣтутъ они только для одного Творца и для своей радости. Уйду и я отъ людскихъ путей, буду жить только для себя и для

Бога, много мнѣ не нужно. Кто оскорбленъ... да, кто униженъ... но пробьетъ и мой часъ! Тамъ на небѣ мы всѣ снова увидимся. Петръ и Доротея, Агапитъ и братія—всѣ тогда узнаютъ виноватъ ли я былъ и всѣ мнѣ поклонятся.

По мѣрѣ того, какъ въ умѣ Павла разрисовывались представленія всѣхъ радостей рая, на которыя, какъ ему казалось, онъ пріобрѣлъ теперь нѣкоторое право, вся фигура его все болѣе и болѣе выражала чувство собственнаго достоинства и блаженства. При такихъ размышленіяхъ быстро летѣло время и дорога изъ оазиса на гору къ пещерѣ Стефана показалась Павлу почти совершенно незамѣтной.

Павелъ нашелъ больнаго старика въ сильной тревогѣ отъ напряженнаго ожиданія сына, отъ опасенія какого нибудь несчастія. Стефану грезилось, что сынъ его бросилъ и скрылся въ суетномъ свѣтѣ. Павелъ, по возможности, дружески успокоилъ его, разсказавъ съ какимъ порученіемъ онъ отослалъ Гермаса на другую сторону моря. Стефанъ, дѣйствительно, успокоился—люди всегда успокоиваются и при дурной вѣсти, когда ожидали худшей.

Конечно Стефанъ ясно видѣлъ всю невозможность отшельнической жизни для Гермаса и это сознаніе Стефану было прежде непріятно. Ему такъ хотѣлось покаяніемъ всей жизни своей и Гермаса смыть тяжелый грѣхъ съ души матери, но теперь иное дѣло, теперь онъ узналъ, что сама Глицера пріобрѣла себѣ законное право на небесныя радости.

— А когда Гермасъ воротится? спросилъ онъ.

— Вѣроятно дней черезъ пять или шесть. Рыбакъ Али, которому я вынималъ занозу изъ ноги, разсказывалъ мнѣ по секрету вчера, когда я ходилъ въ церковь, будто блеміицы собираются за сѣрными горами. А затѣмъ послѣ ихъ отраженія необходимо будетъ отправить Гермаса въ Александрію. Тамъ живетъ мой братъ.

— Тамъ въ Александріи пусть Гермасъ посѣщаетъ школу катихизиса и когда... когда...

— Ну да тамъ все какъ нибудь да устроится, перебилъ его Павелъ. Не полагаешь ли ты, что на небѣ только и мѣста однимъ безгрѣшнымъ, къ которымъ причисляемъ Гермаса. Ты напоминаешь мнѣ одного коринфскаго доктора, хваставшаго своимъ превосходствомъ передъ товарищами и серьезно увѣрявшаго, будто у него не умеръ ни одинъ больной. Оно дѣйствительно такъ было, врачъ говорилъ правду: такъ какъ никто изъ больныхъ не желалъ подвергнуться его леченію. Пусть Гермасъ, испробуетъ прежде свои силы и если изъ него не выйдетъ добраго священнослужителя, а напротивъ хорошій солдатъ, какъ и его предки, то вѣдь во всякомъ положеніи можно вѣрно служить Господу... Ну да это когда то еще будетъ, а теперь уходъ за тобой я принимаю на себя. Довольно у тебя въ кувшинѣ воды?

— Его наполняли два раза, отвѣчалъ Стефанъ. Сегодня два раза, рано утромъ и часъ тому назадъ прибѣгала сюда смуглая дѣвушка, которая пасетъ козъ у источника. Она справлялась объ Гермасѣ и вызвалась сама приносить воду во время его отстутствія, но каждый разъ какъ приносила воду, она убѣгала какъ спугнанная птичка.

— Эта дѣвушка принадлежитъ сенатору Петру и вѣрно боится оставлять на долго своихъ козъ. А теперь мнѣ надобно идти поискать для тебя кореньевъ. Да посмотри на меня по пристальнѣе, не видишь ли во мнѣ великаго грѣшника? Если не видишъ, то постарайся думать обо мнѣ самое дурное и тогда все таки услышишъ обо мнѣ еще худшее. А вотъ сюда кажется идутъ двое. Кто бы это былъ? Да, одинъ Илларіонъ, помощникъ нашего епископа, а другой Пахомій изъ Мемфиса, новый поселенецъ на нашей горѣ. Пахомій несетъ кувшинъ, вотъ еслибъ это было вино для тебя!

Недоумѣніе продолжалось не долго; скоро путники приблизились къ пещерѣ.

Войдя къ Стефану, они съ намѣреніемъ отвернулись отъ Павла. Мало того, помощникъ епископа даже осѣ-

нилъ себя крестнымъ знаменіемъ какъ бы въ охраненіе отъ нечестиваго вліянія грѣшника.

Александріецъ понялъ и молча отступилъ назадъ. Между тѣмъ Илларіонъ отъ имени епископа сообщилъ Стефану о великомъ грѣхѣ, совершенномъ Павломъ, объ отверженіи его, какъ паршивой овцы, отъ паствы до выполненія полнаго покаянія, о запрещеніи ему всякаго сношенія съ общиной епископа, и поэтому слѣдовательно и ухода за благочестивымъ христіаниномъ.

— Такъ какъ мы узнали отъ сенатора, заключилъ Илларіонъ, что сынъ твой отправился за море, а ты нуждаешься въ уходѣ, то епископъ поручилъ мнѣ передать тебѣ его благословеніе и укрѣпляющее вино. Товарищъ мой останется здѣсь для ухода за тобой до возвращенія Гермаса.

Съ этими словами Илларіонъ подалъ кувшинъ съ виномъ Стефану, странно и изумленно смотрѣвшему то на помощника, то на Павла. Но еще больнѣе было послѣднему, когда Илларіонъ, повернувшись къ нему и указывая рукою вдаль, громко произнесъ грозное слово: удались отъ насъ!

Сколько сердечныхъ связей, теплыхъ отношеній, задушевно взаимно предложенныхъ и принятыхъ услугъ разрывали эти слова и однако Павелъ безропотно повиновался имъ. Только когда онъ проходилъ мимо больнаго, взоры ихъ встрѣтились и въ каждомъ взглядѣ блестѣла слеза.

— Павелъ! не утерпѣлъ больной, протягивая руки къ уходившему. Но Александріецъ не принялъ руки, онъ отвернулся быстро, не оглядываясь отправился вверхъ на гору безцѣльно, куда глаза смотрѣли до тѣхъ поръ, пока не остановила его непроходимая кручь.

До вечера было еще далеко и въ воздухѣ невыносимо душно. Крупныя капли пота текли съ лица Павла и грудь дышала судорожно. Прислонясь къ каменной порфировой скалѣ, онъ закрылъ лицо руками и пытался привести въ порядокъ свои неопредѣленно блуждавшія

мысли, пытался молиться. Но это ему не удавалось долго; вмѣсто гордаго самоуслажденія за добровольно принятыя неповинныя страданія въ душѣ его возникли сомнѣнія въ праведности собственныхъ поступковъ, справедливо ли было обманывать добрыхъ людей и заставлять ихъ совершать несправедливое. Передъ глазами упорно носился прощальный, тоскливый взглядъ больнаго старика, а сердце изнывало отъ одиночества отъ тоски и мученій. Но вотъ онъ наконецъ началъ ощущать силу своихъ страданій тѣлесныхъ и душевныхъ и это ободрило его. На устахъ появилась улыбка... Онъ сталъ размышлять оставаться ли ему въ старой пещерѣ подлѣ Стефана или выбрать новое жилище. Рѣшившись на послѣднее, онъ приступилъ къ поиску за свѣжей водой и какой нибудь пищей, такъ какъ губы и ротъ его совершенно пересохли.

Ниже того мѣста, гдѣ стоялъ Павелъ пробивался извѣстный ему ключь, вблизи котораго находились растенія и коренья, достаточныя для утоленія голода.

Павелъ пошелъ по скату, затѣмъ повернулъ на лѣво и дошелъ до плоскогорья, напоминавшаго форму стола. Къ одной сторонѣ этой площадкѣ велъ легкій доступъ, другая же сторона примыкала къ совершенно отвѣсному обрыву, а между Павломъ и основною массою горы возвышалась цѣлая гряда гранитныхъ вершинъ на подобіе лагерныхъ палатокъ или окаменѣлыхъ морскихъ волнъ, поднятыхъ бурей. За этими-то волнами и протекалъ ключь, скоро безъ затрудненія отысканный Павломъ.

Освѣжившись тѣлесно и душевно, Павелъ воротился на площадку осмотрѣть окружавшую мѣстность. Отъ подножія обрыва далеко растилалась пустыня, въ глубинѣ которой, какъ бы вѣнкомъ на могилѣ виднѣлись пальмовыя и тамарисковыя рощи оазиса, рѣзко выдѣляющіяся зелеными чертами.

Бѣлыя кровли домовъ поселенія Фаранъ отчетливо отдѣлялись отъ окружающей зелени, но яснѣе всѣхъ другихъ зданій виднѣлась новая церковь, недоступная теперь для Павла. Сознаніе своего одиночества, своего

отлученія отъ религіозной жизни общины, отъ участія въ общей трапезѣ и общихъ молитвахъ ѣдко врѣзывалось въ сердцѣ александрійца. Но скоро онъ успокоилъ себя: развѣ не изображаетъ здѣсь всякій утесъ и гора— алтарь, развѣ безпредѣльное голубое небо не больше и не величественнѣе самаго великолѣпнаго купола, созданія рукъ человѣческихъ, неисключая даже и знаменитаго александрійскаго серапеума. И вспомнилось ему какъ отъ камней откликнулось «аминь» послѣ проповѣди слѣпаго. Такимъ образомъ, успокоенный и съ поднятой головой онъ подошелъ къ скалѣ на днѣ обрыва отыскать извѣстную ему пещеру въ настоящее время свободную, такъ какъ прежній владѣтель ея нѣсколько времени тому назадъ умеръ.

Здѣсь я чувствую, разсуждалъ Павелъ, себя совершенно правымъ, какъ будто никогда нетолько не былъ оскорбленъ, но даже возвеличенъ позоромъ. На горѣ сдѣсь не передъ кѣмъ потуплять глазъ, я наединѣ съ самимъ Богомъ, передъ которымъ мнѣ нечего стыдиться.

Въ такомъ настроеніи проходилъ Александріецъ между двумя громадными порфировыми скалами. Вдругъ онъ остановился: почти возлѣ него послышался лай и вслѣдъ затѣмъ на него бросилась собачка, осторожно поджимавшая въ воздухѣ свою лапку, обернутую въ пеструю ткань. Собачка то съ яростью бросалась на него, то съ боязнью отбѣгала.

Тутъ вспомнилъ Павелъ о томъ, какъ Фебицій разпрашивалъ у амалекитянина Талиба о собачкѣ и догадался, что убѣжавшая Галіянка должна быть гдѣ нибудь недалеко. Сердце его забилось тревожнѣе. Онъ не сознавалъ какимъ образомъ ему встрѣтиться съ виновной женой, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ ней влекла его какая-то необъяснимая сила. Нераздумываясь болѣе, онъ отправился въ сторону, откуда прибѣжала собачка и скоро примѣтилъ бѣлое платье, мелькнувшее сначала за ближайшей скалою, потомъ за другою и третьею и дальше и дальше...

Однако онъ достигъ бѣглянку.

Прислонившись къ крутому утесу, возвышающемуся изъ глубины обвала, она представлялась дикимъ и страннымъ видѣніемъ. Ея длинные, золотистые волосы распустились и частью въ безпорядкѣ, частью заплетенные висѣли на груди и плечахъ. Только одной ногой стояла она на площадкѣ скалы, другая же, обутая въ маленькую сандалію, всю почти изорванную отъ острыхъ камней, висѣла безъ опоры надъ бездной. Ежеминутно ей грозила опасность оборваться въ бездонную глубину; хотя она нервически—судорожно держалась правой рукой за выдающійся уголъ скалы; но видно было какъ этотъ уголъ, слабо приклепленный къ скалѣ, подавался въ сторону. Сирона висѣла надъ пропастью подобно лунатику или больному, одержимому бѣсомъ: глаза ея свѣтились безумнымъ огнемъ, дыханіе было порывисто. При первомъ взглядѣ на нее Павелъ невольно отступилъ назадъ.

По движеніямъ губъ ея, невыражавшихъ впрочемъ ни одного понятнаго звука, можно было скорѣе предчувствовать, чѣмъ сознавать рѣшительное запрещеніе подходить къ себѣ.

Что же оставалось дѣлать?

Если мгновенно броситься впередъ и быстрымъ движеніемъ отбросить отъ опаснаго положенія, то при малѣйшемъ неуспѣхѣ, это ускорило бы только гибельную развязку. Если оставить ее самой себѣ, то камень, за который она такъ судорожно ухватилась, становившійся все податливѣе и подвижнѣе скоро упадетъ и тогда таже гибель также неизбѣжна. Когда-то прежде Павелъ слышалъ, что если лунатика окликнуть по имени, то тотъ сейчасъ же падаетъ, и вотъ теперь вспомнивъ это онъ рѣшается молчать.

Бѣглянка жестомъ указывала ему назадъ. Сердце его замерло: отъ порывистыхъ движеній камень, въ который вцѣпились ея пальцы, началъ выходить изъ своего положенія.

Изъ всѣхъ звуковъ ея нѣкогда меладическаго, а

теперь охрипшаго и глухаго голоса онъ ясно разслышалъ весьма немного и изъ этого немногаго онъ только различилъ имя Фебицiя. Онъ понялъ только тогда, что несча́стная, ухватившись за камень, поступила какъ дикiй баранъ, который, окруженный охотниками, предпочитаетъ скорѣе броситься въ пропасть, чѣмъ отдаться въ руки врага.

Въ глазахъ Павла она не представлялась въ настоящую минуту ни женщиной преступной, ни женщиной, одаренной изумительной красотой, нѣтъ—онъ видѣлъ въ ней только *человѣка погибавшаго*, котораго должно было спасти во чтобы то нистало. Очевидно несчастная принимала его за преслѣдователя, посланнаго ея мужемъ, поэтому необходимо было съ самаго же начала разубѣдить ее въ противномъ.

И вотъ обратился онъ къ ней съ простой и дружеской рѣчью; въ мягкихъ звукахъ его голоса отразилась вся дѣтская доброта его нѣжнаго сердца. Можетъ быть ему помогли теперь и полученныя имъ нѣкогда уроки краснорѣчiя лучшихъ школъ образованной Александрiи.

— Несчастная, милая женщина! говорилъ онъ. Какое счастье, что ты встрѣтила меня, Павла, самаго искренняго друга Гермаса, готоваго помогать тебѣ всѣми своими силами. Не опасайся никого, ты теперь въ безопасности—Фебицiй ищетъ тебя въ совершенно другомъ мѣстѣ. Вѣрь мнѣ—вѣдь я не похожъ на человѣка, способнаго воспользоваться несчастiемъ женщины. Ты стоишь теперь на такомъ опасномъ мѣстѣ, на которомъ лучше было бы видѣть твоихъ враговъ, а не тебя. Протяни безъ боязни свою руку къ моей, конечно, теперь далеко не красивой, но сильной и вѣрной. Ты согласна?—хорошо, ты никогда не будешь раскаяваться. Теперь ступи ногой вотъ сюда на это мѣсто и осторожно выпусти камень. Видишь какъ онъ покачивается, какъ будто даже удивляется тебѣ. Но смотри берегись — онъ падаетъ и съ какимъ трескомъ и грохотомъ. Вѣрно онъ разлетѣлся на тысячу обломковъ тамъ, въ глубинѣ пропасти. Какъ хорошо,

что ты рѣшилась лучше послушаться меня, чѣмъ летѣть туда, вмѣстѣ съ камнемъ.

Говоря это, Павелъ съ осторожностью все ближе и ближе подходилъ къ Сиронѣ, какъ подкрадывается дѣвочка къ вылетѣвшей изъ клѣтки птичкѣ, потомъ протянулъ ей правую руку и, взявъ ея руку, ловко отвелъ ее съ опаснаго мѣста на твердый грунтъ плоскогорія.

Безъ слова возраженія слѣдовала она за нимъ, и онъ велъ ее все дальше и дальше къ горѣ, повидимому, безъ всякаго опредѣленнаго намѣренія, лишь бы отвести отъ пропасти.

Она стала пріостанавливаться.... Павелъ, замѣтивъ съ какимъ усиліемъ она переступаетъ, заставилъ ее присѣсть, а для облегченія усталой спины придвинулъ удобный для этого обломокъ камня. И дѣйствительно плотно прислонившись къ камню, несчастная почувствовала значительное облегченіе; легкій вздохъ вырвался изъ груди ея, какъ выраженіе чувства удовольствія и это былъ первый услышанный Павломъ звукъ, вылетѣвшій изъ плотно сжатыхъ устъ. Александріецъ ласково улыбнулся.

— Теперь отдохнемъ немного; какъ видно, тебѣ это необходимо. Нельзя въ продолженіи цѣлаго дня оставаться подъ солнечными лучами.

Сирона въ знакъ согласія кивнула головкой и, показавъ на свои пересохшія губы, съ усиліемъ, едва—слышно проговорила:

— Воды, хоть одну каплю воды!

Въ досадѣ на свою недогадливость, Павелъ съ живостью ударилъ себя по лбу и сказалъ:

— Я принесу тебѣ свѣжей воды и черезъ нѣсколько минутъ ворочусь.

Сирона провожала взоромъ уходившаго анахорета, но затѣмъ взоръ ея дѣлался все болѣе и болѣе неподвижнѣе, глаза принимали какое-то стеклянное выраженіе и наконецъ ей вдругъ показалось будто камень, на которомъ она сидитъ, дѣлается судномъ, перевозившемъ ее изъ Массиліи въ Остію. И теперь, какъ и тогда, она

чувствовала каждый толчекъ отъ колыхающихся волнъ. Потомъ ей казалось, какъ корабль, попавшій въ водоворотъ, закружился съ ужасающей быстротой. Напрасно зажмуривъ глаза, она простирала руки въ воздухъ за какою нибудь опорой. Опоры не было и голова ея безжизненно склонилась въ сторону, а изъ груди ея вылетѣлъ стонъ. Она чувствовала какъ будто всѣ члены ея отдѣляются отъ тѣла, какъ отрываются листья отъ вѣтвей въ осеннюю пору. Еще мгновеніе—и лишившись совершенно сознанія, она свалилась на приготовленную Павломъ подпору.

Обморокъ сломилъ цвѣтущій здоровьемъ организмъ Сироны. Тревога, усталость, голодъ и горе, вынесенные страдалицей въ теченіе этого дня, не могли бы не сломить и самую сильнѣйшую изъ женщинъ.

Трудный день переживала Сирона. Выпрыгнувъ изъ окна, она безцѣльно побѣжала на гору.

Мѣсяцъ освѣщалъ ей путь и она поднималась на гору цѣлый часъ, не останавливаясь.

Вдругъ она услышала голосъ путника, идущаго къ ней на встрѣчу; это обстоятельство заставило ее ускорить шаги; Сирона боялась лаемъ собачки выдать себя.

Наконецъ утомившись, она сѣла на камень отдохнуть и собраться съ мыслями.

Ей, любившей строить волшебные замки, трудно было помириться съ дѣйствительностью и придти въ какому нибудь рѣшенію своей участи.

Одно только она сознавала ясно, это твердое рѣшеніе скорѣй переносить изгнаніе и позоръ, умирать отъ голода и жажды, чѣмъ возвратиться къ своему супругу.

Сирона не забыла еще всѣхъ униженій и оскорбленій, перенесенныхъ ею за послѣднее время, но и онѣ не казались ей такими ужасными, какъ та супружеская нѣжность, съ которою приближался къ ней иногда Фебицій. Когда она вспоминала объ этихъ ласкахъ, члены ея холодѣли отъ ужаса, а руки такъ крѣпко сжимались въ кулакъ, что ногти врѣзывались въ тѣло.

Но что же ей дѣлать? Не встрѣтитъ ли она Гермаса? Впрочемъ какой помощи могла она ожидать отъ этого еще незрѣлаго и неблагоразумнаго юноши; мысль соединить съ нимъ, хотя на нѣсколько дней свою судьбу, не приходила ей въ голову. Теперь только Сирона поняла всю важность сдѣланной ею глупости, позволивши Гермасу войти къ ней въ домъ.

При этомъ она вспомнила о томъ строгомъ наказаніи, которому ее подвергли еще въ дѣтствѣ за то, что она сломала часы ея отца. Какъ бы желала она теперь увидать Доротею, подѣлиться съ ней своимъ горемъ, но для этого должно было возвращаться въ оазисъ и подвергаться опасности быть открытой Фебиціемъ.

Ахъ если бы ей удалось встрѣтить Поликарпа, возвращающагося изъ Ратуи.

Но дорога, ведущая въ Ратуи, расположена южнѣе дороги, выбранной Сироною. Объ чувствахъ Поликарпа Сирона очень хорошо понимала и съ какимъ удовольствіемъ она отдалась бы теперь подъ его защиту.

Но какимъ образомъ увидѣть Поликарпа? Нѣтъ, и отъ него она не могла ожидать никакой помощи; она могла разсчитывать только на собственныя силы и вотъ тутъ же рѣшилась провести день въ горахъ, а послѣ заката солнца, при наступленіи темноты, спуститься къ морю, сѣсть на корабль и отплыть въ Клизму, а затѣмъ въ Александрію.

На Сиронѣ было надѣто кольцо съ прекрасно отшлифованнымъ ониксомъ, драгоцѣнныя серьги въ ушахъ и браслетъ на лѣвой рукѣ.

Этотъ приборъ былъ сдѣланъ изъ чистаго золота, а въ карманѣ Сироны лежала серебряная монета, данная ей отцемъ, еще до отъѣзда въ Римъ и которую она до сихъ поръ заботливо хранила, какъ талисманъ.

Теперь эта монета показалась особенно дорогою и она съ горячностью прижала это драгоцѣнное воспоминаніе объ отцѣ къ своимъ губамъ.

Между тѣмъ солнце поднималось все выше и выше.

Въ надеждѣ найти какое нибудь тѣнистое мѣстечко и ключъ свѣжей воды, Сирона бродила между скалами; она не находила нигдѣ ни капли воды, а голодъ и жажда все сильнѣе начинали ее мучить.

Къ полудню исчезла даже тѣнь съ того мѣста, въ которомъ Сирона находила пріютъ отъ палящихъ лучей солнца и она осталась совершенно беззащитною. Лобъ и затылокъ ея начинали сильно болѣть, и она пустилась бѣжать, какъ бѣжитъ воинъ, отъ преслѣдовавшей его стрѣлы.

Наконецъ совершенно истощенная, она нашла убѣжище на возвышенности, окруженной со всѣхъ сторонъ скалами, гдѣ и отъискалъ ее, черезъ нѣсколько часовъ Павелъ.

Собачка, лежавшая на колѣняхъ Сироны, постоянно ласкалась къ ней и протягивала впередъ свою сломанную лапку, которую Сирона еще утромъ заботливо перевязала, оторвавъ зубами полосу отъ своей нижней юбки.

Теперь она еще разъ сдѣлала перевязку и, поднявъ собачку на руки, ласкала ее, какъ маленькое дитя.

Животное страдало также, какъ и она сама; это было единственное существо, которое молодая женщина въ своей безпомощности сохранила при себѣ.

Тревожный сонъ на время позволилъ ей забыть свои страданія, какъ вдругъ ее разбудили лай Ямбы и шаги Александрійца.

Испуганная съ пересохшими губами и пылающимъ лбомъ, вскочила Сирона съ мѣста, думая, что Фебицій, отъискавъ ея убѣжище, пришелъ за ней.

Она ужъ давно замѣтила вблизи скалы, на которой она стояла, пропасть и рѣшилась скорѣй броситься въ глубину, чѣмъ позволить поймать себя.

Возвратившись съ тяжелой ношей двухъ каменныхъ плитъ, въ углубленіи которыхъ находилась только что зачерпнутая изъ источника свѣжая вода, Павелъ съ перваго взгляда подумалъ, что безжалостная смерть все таки похитила только что спасенную имъ жертву. Безъ

признаковъ жизни склонилась головка Сироны на грудь, съ лицомъ, обращеннымъ къ колѣнямъ, а на томъ мѣстѣ нѣжной щеи, гдѣ золотистые волосы раздѣлялись на двѣ волны, замѣтно было небольшое красное пятнышко, вѣроятно отъ прожога солнцемъ. Всю душу добраго отшельника охватило живое чувство состраданія къ этому прелестному, юному страждущему существу и во все время когда онъ, поднявъ свѣсившуюся головку, мочилъ губы и лобъ холодною водою, уста его шептали горячую молитву о ея спасеніи.

Неглубокія кривизны каменныхъ плитъ могли вмѣстить только небольшое количество воды, а потому Павлу приходилось нѣсколько разъ отправляться къ источнику. Но всякій разъ, какъ онъ уходилъ, собачка оставалась при своей любимой госпожѣ; она лизала ей руки, прикасалась къ лицу своей понятливой мордочкой, такъ боязливо и пытливо смотрѣла на нее, точно сознавала ея положеніе.

Когда еще въ первый разъ Павелъ ходилъ къ источнику за водой для Сироны, онъ уже засталъ тамъ собачку. Неразумное животное открыло источникъ безъ помощи проводника, подумалъ онъ, а ея госпожа изнемогала отъ жажды; кто же послѣ этого разумнѣй: люди или животные?

И дѣйствительно собачка старалась оправдать такое лестное мнѣніе. До этого она сердито лаяла на Павла, а теперь такъ дружелюбно ластилась къ нему, такъ умильно по временамъ смотрѣла ему въ лицо, какъ будто допрашивая: надѣемся ли мы спасти Сирону?

И Павелъ всегда расположенный къ животнымъ, понималъ собачку. Послѣ того, какъ губы Сироны получили нѣкоторую жизненность и движеніе, онъ ласково погладилъ востренькую мордочку Ямбы и говорилъ ей въ то время, какъ подносилъ къ губамъ Сироны загнутый листъ съ водой.

— Посмотрика, дружекъ, какъ вода нравится твоей госпожѣ! Еще немножко, еще и еще разъ! Ей пріятно какъ

будто я угощаю лучшимъ фалернскимъ виномъ. Вотъ я опять пойду за водой, а ты, дружекъ, останься здѣсь. Можетъ быть до моего возвращенія она откроетъ глаза, такъ ей пріятнѣе будетъ видѣть подлѣ себя твою хорошенькую морду, чѣмъ такого грязнаго, сѣдаго бородача, какъ я.

Слова Павла исполнились. Когда подходилъ онъ опять съ свѣжею водою, Сирона уже очнулась, широко открыла глаза, пыталась протягивать члены, обѣими руками обнимала собачку и наконецъ залилась обильными слезами съ истерическими рыданіями.

Между тѣмъ Александріецъ молча стоялъ въ сторонѣ, съ запасомъ воды и думалъ:

Вотъ этими слезами она отмоется отъ доброй части своихъ страданій и грѣховъ.

Только когда Сирона стала успокоиваться и глаза ея высыхать, онъ подошелъ къ ней и, предлагая плиты съ водой, заговорилъ; съ страстной жаждой выпила она предлагаемую воду и съ наслажденіемъ съѣла размоченный единственный кусочекъ хлѣба, сохранявшійся у Павла въ карманѣ. Потомъ поблагодаривъ съ обычной своей дѣтской привѣтливостью, она пробовала подняться, охотно позволяя Павлу помогать себѣ. Сирона ощущала значительное утомленіе, голова ея все еще болѣла, однакожъ она могла стоять и ходить.

Убѣдившись въ отсутствіи лихорадки, Павелъ предложилъ:

— Тебѣ нужно теперь горячей пищи и постели, укрытой отъ ночнаго холода и я постараюсь доставить тебѣ то и другое. Вотъ сядь здѣсь и подожди меня. Хоть гора и начинаетъ отбрасывать тѣнь, но все таки я ворочусь еще прежде совершеннаго заката. Пусть въ мое отсутствіе занимаетъ тебя четвероногій товарищъ.

Сказавъ это, Павелъ торопливыми шагами отправился опять къ источнику, около котораго находилась пещера, остававшаяся свободною послѣ смерти кого-то изъ анахоретовъ и куда онъ рѣшился переселиться, вслѣдствіе

рѣшенія епископа Агапита. Послѣ недолгихъ поисковъ онъ нашелъ ее. Къ крайнему его удовольствію въ пещерѣ нашлись и опрятное ложе изъ сухихъ травъ, тотчасъ же имъ перестланныхъ, и очагъ, и кувшинъ для воды, осмотренныхъ имъ и приведенныхъ въ порядокъ. Потомъ его наблюдательный глазъ открылъ, заложенное каменьями, отверстіе въ углубленіи въ родѣ погреба, гдѣ онъ нашелъ достаточное количество хлѣбовъ и нѣсколько сосудовъ. Въ одномъ изъ этихъ сосудовъ находились прекрасные финики, въ другомъ хорошая бѣлая мука, въ третьемъ кунжутное масло, а въ четвертомъ соль.

— Вотъ счастье-то, онъ бормоталъ себѣ подъ носъ, какъ видно покойный старикъ любилъ жить хорошо.

Солнце еще не исчезло съ горизонта, какъ онъ воротился къ Сиронѣ.

Все существо Павла проникалось такою правдивостью, внушало такое довѣріе, что Сирона нисколько не колебалась слѣдовать за нимъ. Но она была слишкомъ слаба и едва держалась на ногахъ.

— Я чувствую себя, говорила она, какъ чувствуетъ маленькій ребенокъ, мнѣ нужно еще учиться ходить.

— А въ такомъ случаѣ я буду твоей нянькой. Нѣкогда я знавалъ одну спартанскую няньку съ такой же жесткой бородой, какъ и у меня. Ну теперь обопрись на меня смѣлѣе и пройдемся прежде нѣсколько времени взадъ и впередъ по долинѣ, а потомъ уже будемъ взбираться туда на верхъ.

Она оперлась на его руку и онъ началъ осторожно водить ее взадъ и впередъ. И невольно въ воображеніи его пронеслись картины его юности. И вспомнился ему тотъ день, когда сестрѣ его, выздоравливающей послѣ тяжелой горячки, въ первый разъ разрѣшено было выйти на свѣжій воздухъ и какъ она, опираясь также на его руку, въ первый разъ входила въ перистиль родительскаго дома. И вотъ расхаживая теперь взадъ и впередъ съ бѣдной, изнемогающею, всѣми брошенною Сироной,

онъ снова переживалъ прошедшее и опустившаяся фигура его снова приняла горделивую осанку благороднаго грека, а твердая, каменистая почва преобразилась въ его воображеніи въ великолѣпную мазаиковую мастовую отеческаго двора.

Павелъ опять становился Менандромъ и хотя жизнь неизбѣжно измѣнила внѣшнюю обстановку, тѣмъ не менѣе въ настоящее время онъ, этотъ уничиженный пустынникъ, подъ руку съ убѣжавшею грѣшницею, ощущалъ тоже самодовольное чувство, какое чувствовалъ онъ, какъ благороднѣйшій юноша великаго города, проходя мимо толпы раболѣпныхъ невольниковъ съ дочерью ихъ господина, среди окружавшихъ ея поклонниковъ.

Сирона напомнила Павлу о приближеніи ночи, но онъ съ такой недружелюбностью отклонилъ ея руку, съ такой необычной суровостью обратился къ ней съ приказаніемъ за собой слѣдовать, что она испугалась. Однакожъ она повиновалась безъ всякаго возраженія. Когда же случалось переходить чрезъ каменныя обломки, Павелъ помогалъ ей, даже приподнималъ ее, но молча и отвѣчая только тогда, когда къ нему она обращалась. Достигнувъ пещеры, онъ показалъ ей на ложе, но предупредилъ не засыпать до тѣхъ поръ, пока онъ не принесетъ ей горячей пищи. Затѣмъ онъ молча принесъ ей незатѣйливый ужинъ и, только отдавая его, пожелалъ ей спокойной ночи.

Сирона подѣлившись хлѣбомъ и горячимъ кушаньемъ съ собачкой, протянулась на своемъ убогомъ ложе и тотчасъ же погрузилась въ глубокій сонъ, нетревожимый ни какими сновидѣніями.

Павелъ просидѣлъ всю ночь у очага. Усердными молитвами пытался онъ отогнать отъ себя сонъ, но постоянно то сильное утомленіе превозмогало религіозное настроеніе, то мысль невольно переносилась къ Served, къ тѣмъ удобствамъ и наслажденіямъ, которыя онъ могъ бы предложить ей въ Александріи, еслибъ оставался прежнимъ Менандромъ. Ни одной молитвы не успѣлъ

онъ докончить: глаза его смыкались прежде слова Аминь. Когда въ головѣ возникали былые, мірскіе образы, онъ всѣми силами старался удалить ихъ, а когда это удавалось, ему приходилось начинать молитву снова.

Въ такой полудремотѣ ему невозможно было спокойно обсудить положеніе. Не могли помочь ему взгляды, обращаемые имъ, то съ мольбою къ звѣздному небу, то къ оазису, тонувшему въ ночной мглѣ, гдѣ вѣроятно тоже было не мало бѣдняковъ, лишенныхъ покоя и отдыха. Наконецъ утомленіе физическое превозмогло и онъ заснулъ.

ГЛАВА XIII.

Свѣтъ отъ лампъ, обратившій на себя вниманіе Александрійца, выходилъ изъ дома Сенатора, изъ комнаты Поликарпа, въ пристройкѣ на сѣверной сторонѣ дома. Молодой человѣкъ возвратившись, съ новопріобрѣтенными невольниками, домой къ обѣду, тотчасъ же узналъ о всемъ случившемся въ его отсутствіе; кончивъ обѣдъ онъ удалился въ свою рабочую комнату.

Комната Поликарпа не отличалась особеннымъ порядкомъ; на столѣ и постели валялось множество металлическихъ дощечекъ, свертковъ бумаги и различныхъ письменныхъ принадлежностей; тутъ же на маленькой скамеечкѣ стоялъ кувшинъ съ водою.

Рядъ картинъ недурной работы, висѣвшихъ на стѣнѣ, дополнялъ убранство комнаты.

Изъ всѣхъ предметовъ, освѣщенныхъ тремя лампами, рѣзко выдѣлялась одна скульптурная фигура, у подножія которой Поликарпъ усердно работалъ рѣзцомъ.

Фебицій называлъ молодаго скульптора моднымъ франтомъ и это названіе было отчасти справедливо; Поликарпъ всегда оказывался разборчивымъ въ выборѣ цвѣта и покроя своего платья, одѣвался хоть просто, но чрез-

вычайно порядочно. Онъ никогда не забывалъ заботливо завить и напомадить свои волосы.

Въ этотъ ночной часъ на Поликарпѣ былъ надѣтъ плащъ, изъ бѣлой шерстяной матеріи съ красными кружечками. Его всегда такъ хорошо завитые локоны, теперь совершенно распустились, висѣли по шеѣ, и мѣшали работать; по временнамъ онъ отбрасывалъ ихъ рукой.

Летучая мышь, привлеченная яркимъ свѣтомъ, влетѣла въ комнату, и, летая кругомъ огня, описывала круги. Но Поликарпъ ничего не замѣчалъ, все вниманіе его было сосредоточено на работѣ, занявшей всѣ силы его души.

Онъ страстно и порывисто выводилъ рѣзцомъ различныя линіи, каждый нервъ его принималъ участіе въ дѣлѣ. Казалось, что уши его отказались слушать, глаза смотрѣть, и еслибъ въ эту минуту вспыхнулъ пожаръ въ его комнатѣ, едвали бы онъ замѣтилъ.

Щеки Поликарпа пылали, на лбу виднѣлись капли пота, а взглядъ его, казалось, выросталъ, по мѣрѣ того, какъ фигура, стоявшая передъ нимъ, принимала все болѣе и болѣе доконченныя очертанія. Поликарпъ то отходилъ назадъ и перегнувши верхнюю часть туловища черезъ стулъ протягивалъ впередъ руки, какъ бы отстраняя отъ себя тотъ путь, по которому слѣдовалъ его взоръ, то на оборотъ онъ приближался къ скульптурной фигурѣ, и съ яростью схватывалъ ее обѣими руками, какъ будто тѣло его врага.

Теперь красивая голова статуи была совершенно готова и Поликарпъ принялся за выдѣлку волосъ; онъ съ силою отбрасывалъ назадъ кусочки глины, снятые съ черепа. Потомъ онъ провелъ кончиками пальцевъ по рту, носу и щекамъ статуи и лицо его приняло мягкое выраженіе, эти черты вполнѣ походили на тотъ образъ, который одинъ царствовалъ въ его воображеніи.

Съ пылающими щеками и весь облитый потомъ, Поликарпъ всталъ наконецъ со стула и отошелъ назадъ издали посмотрѣть на свою работу. Въ то время, когда

онъ смотрѣлъ, члены его леденѣли отъ ужаса и вдругъ имъ овладѣло непреодолимое желаніе схватить статую и съ силою ударить о землю.

Но Поликарпъ вскорѣ преодолѣлъ свое волненіе, провелъ нѣсколько разъ рукою по волосамъ, горько улыбнулся и устремилъ глубокій грустный взглядъ на статую, стоявшую передъ нимъ. Онъ долго, долго любовался ею и даже не слыхалъ, какъ отворилась дверь и въ комнату, неслышными шагами вошла его мать.

Она не могла заснуть всю ночь, думая о своемъ любимцѣ, которому вчерашній день принесъ столько горя.

Комната Поликарпа находилась возлѣ спальни супруговъ, и Доротея, долго прислушиваясь къ его шагамъ, наконецъ рѣшилась встать съ постели и пойти къ нему въ комнату.

Она слѣдовала женскому влеченію — успокоить, утѣшить Поликарпа нѣжными словами матери.

Изумленная и безмолвная остановилась Доротея на порогѣ, увидѣвъ передъ собой такъ хорошо знакомый образъ.

Наконецъ она приблизилась къ сыну, и положивъ руку на его плечо, назвала по имени.

Поликарпъ отступилъ шагъ назадъ и испуганно, какъ бы пробудившись отъ сна посмотрѣлъ на мать, Онъ не сказалъ еще ни одного слова, какъ Доротея, указывая ему на каменную статую строгимъ голосомъ спросила: къ чему это.»

— Да, матушка къ чему это? тихо проговорилъ Поликарпъ, качая печально головою. Но не распрашивай меня больше. Если ты оставишь меня въ покоѣ, то я можетъ быть, попробую объяснить тебѣ почему именно сегодня, меня преслѣдовала мысль изобразить образъ этой женщины, впрочемъ ты не можешь меня понять, нѣтъ, ни ты, ни кто другой не въ состояніи меня понять!

— Самъ Богъ не можетъ быть проницательнѣе меня въ этомъ случаѣ, отвѣтила Доротея.

Спаситель сказалъ, не пожелай жены ближняго твоего, а какъ поступаешь? Не думаешь ли что можешь утаиться ты отъ меня? Я, какъ родная мать, вижу тебя насквозь.... и никогда не помирюсь съ мыслью, чтобъ сынъ Петра и Доротеи презрѣлъ наставленіе родителей.

Желаніе твое вылѣпить статую мнѣ понятно. Такъ какъ ты не можешь видѣть собственными глазами запрещеннаго плода, такъ ты и употребилъ свое искусство, сдѣлать изображеніе его.

Я знаю, ты готовъ не только любоваться на этотъ образъ, но даже поклоняться ему, какъ поклонялись Евреи золотому тельцу въ пустынѣ.

Поликарпъ молча и съ болью въ сердцѣ выслушалъ сильную рѣчь эту матери.

Доротея никогда строго не говорила съ сыномъ и потому эти первыя жестокія слова ея, обыкновенно— столь нѣжной и любящей—отозвались невыразимо больно въ сердцѣ Поликарпа.

Съ какой материнской гордостью она выставляла до сихъ поръ передъ всѣми его хорошія качества! А теперь! Она имѣла полное право бранить его за Сирону. Онъ не долженъ былъ ухаживать за ней, Сирона была замужняя женщина да и къ тому же, какъ оказалось, преступница.

Какъ глупы и грѣховны показались ему люди, для которыхъ онъ посвящалъ свое искусство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мало понимала Доротея въ стремленіи руководившемъ имъ въ этой работѣ. Поликарпъ горячо любилъ и уважалъ свою мать; онъ не могъ видѣть, какъ она сама убиваетъ себя, представляя въ ложномъ видѣ его поступки. Онъ прервалъ упреки Доротеи и, простирая къ ней руки, воскликнулъ.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ! Какъ Богъ святъ, тутъ нѣтъ и тѣни того, что ты предполагаешь. Я вылѣпилъ эту фигуру не для того, чтобъ предаться позорной игрѣ, а просто, съ цѣлью освободить мой умъ отъ образа,

преслѣдовавшаго меня день и ночь, въ городѣ и пустыни, и мѣшавшаго мнѣ молиться

Конечно, человѣкъ не можетъ заглянуть въ душу другому, но лицо Сироны—это олицетвореніе всего высокаго и прекраснаго.

Она съ перваго раза сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе, и я тутъ же далъ себѣ слово сдѣлать ея портретъ.

Мнѣ нужно было возвратится за этимъ дѣломъ въ Александрію, тамъ фигура приняла бы болѣе вѣрный образъ и я каждый день могъ бы дѣлать улучшенія, относительно позы всего туловища, выраженія глазъ и очертаній рта. Но у меня недостало мужества для подобной работы. Я не находилъ покоя вдали отъ васъ и еслибъ мой отецъ и не вызвалъ меня, то я скоро самъ возвратился бы сюда.

Здѣсь я увидѣлъ ее еще разъ и нашелъ прелестнѣе, чѣмъ представлялъ себѣ.

Затѣмъ я услышалъ ея голосъ и серебристый смѣхъ, и тогда, тогда..... Ну, да ты сама знаешь, что вчера произошло!

Жена недостойнаго Фебиція, Сирона навсегда для меня потеряна, и я старался всѣми силами вырвать ея образъ изъ моего сердца. Но все напрасно!

Воспоминанія о ней положительно душили меня.

Тогда я поспѣшно зажегъ лампы, схватилъ глину и рѣзецъ въ руки и сталъ вырѣзывать черта за чертой портретъ этого лица, такъ глубоко запечатлѣннаго въ моемъ сердцѣ.

Въ этомъ заключается запрещенный плодъ, созрѣвшій въ глубинѣ моего сердца и на мѣстѣ котораго находится теперь пустота.

Да, Сирона унесла съ собой лучшую часть моей жизни!

— Довольно, прервала Доротея сына, стоявшаго передъ ней съ дрожащими губами и красным отъ волненія лицомъ. Да сохранитъ тебя Богъ, чтобъ эта гадкая жен-

щина имѣла вліяніе на твою душу. Какъ я не тѣрплю ничего нечистаго въ моемъ домѣ, такъ и ты не долженъ допускать ничего подобнаго въ твоемъ сердцѣ! То что дурно никогда не сдѣлается хорошимъ и на сколько тебѣ мило ея лицо, настолько мнѣ оно кажется противнымъ, когда я подумаю, какъ оно расточало улыбки всякому нищему.

Если Фебицій привезетъ ее назадъ, то я выгоню ихъ изъ моего дома, я эту статую уничтожу собственными руками, если ты самъ теперь же не разломаешь ее на куски.

Глаза Доротеи наполнились слезами.

Она слушала сына съ гордостью и волненіемъ, такимъ и высокимъ и благороднымъ казался онъ ей въ эту минуту, и когда она подумала, что его благородство, это драгоцѣнное сокровище можетъ быть загрязнено какой нибудь потерянной женщиной, сердце ея наполнилось сильнымъ гнѣвомъ.

Твердо рѣшившись привести въ исполненіе свою угрозу—разбить статую, Доротея сдѣлала уже шагъ впередъ; но Поликарпъ всталъ на дорогѣ и, протягивая къ ней руки, громко просилъ:

— Только не сегодня, не сегодня матушка! Я хочу теперь это покрыть и оставить въ покоѣ до завтра, а завтра при солнечномъ свѣтѣ я взгляну одинъ только разъ на ея образъ.

— Не для того ли чтобъ старая глупость пробудилась въ тебѣ завтра съ новою силой! сказала Доротея. Отойди съ дороги или самъ возьми молотокъ.

Приказываешь ты, а ты моя мать, возразилъ покорно Поликарпъ.

И съ этими словами медленно приблизился къ сундуку, на которомъ лежали принадлежности для работы, не смотря на то, что крупныя слезы текли по его щекамъ онъ схватился за ручку своего тяжелаго молота.

Уже нѣсколько дней, какъ небо окрасилось голубымъ цвѣтомъ, а въ воздухѣ распространилась пріятная лѣтняя теплота.

Но сегодня все небо покрыто тучами; того и гляди грянетъ громъ, и заблеститъ молнія.

Послѣ вчерашней тревожной ночи, нарушившей спокойствіе тихой и трудолюбивой жизни Петра и Доротеи, случилось еще многое, что наполнило безпокойствомъ сенатора и его жену.

Въ другихъ домахъ побѣги невольника не были рѣдкостью, но въ домѣ Петра уже двадцать лѣтъ не случалось ничего подобнаго. Вчера же бѣжала пастушка Мирьямъ.

Это было отвратительно; сенатору и безъ того было много горя смотрѣть на безмолвное отчаяніе своего Поликарпа.

Ему грустно видѣть, какъ Поликарпъ, прежде такой живой юноша, теперь равнодушно относится къ запрещенію Агапита заниматься скульптурой, и вообще какъ-то апатиченъ ко всему окружающему.

Печальный взглядъ и усталое полусонное выраженіе лица Поликарпа не выходили изъ головы Петра ни при занятіяхъ, ни во время отдыха. Было уже поздно, а между тѣмъ ни Петръ, ни Доротея еще не засыпали.

Въ то время, какъ мать думала о грѣховной любви сына и той ранѣ, которая была нанесена его молодому и чувствительному сердцу, отецъ съ горечью видѣлъ разрушенною свою надежду довести искусство сына до высшей точки совершенства, вспоминая при этомъ тяжелые и скорбные дни своей собственной юности; вѣдь и онъ также находился въ ученіи у одного скульптора въ Александріи, гдѣ долженъ былъ изощряться надъ вылѣпливаніемъ статуй и фигуръ, имѣя передъ собой для моделей произведенія лучшихъ языческихъ художниковъ.

Наконецъ ему позволено было уже выбрать самому сюжетъ для своего произведенія. Изъ множества видѣнныхъ имъ образовъ, ему больше всего понравилось сим-

волическое представленіе души, жаждавшей спасенія, въ лицѣ Аріадны, страстно ожидавшей возвращенія Тезея.

Этотъ образъ наполнялъ тогда всю его душу, и какъ полны жизни и волненій были эти часы, которые онъ проводилъ за работой!

Потомъ пріѣхалъ его строгій отецъ въ Александрію и, посмотрѣвъ на произведеніе сына, сначала похвалилъ его, а потомъ сталъ надсмѣхаться, называя его языческимъ произведеніемъ, созданіемъ котораго сынъ отвлекается отъ истиннаго Бога. Потому онъ приказалъ Петру тотчасъ же возвращаться съ нимъ домой.

Петръ очень любилъ свое искуство, но, не смотря на это, онъ ни единымъ словомъ не противорѣчилъ отцу, когда возвращался съ нимъ въ оазисъ, чтобъ заниматься тамъ, съ невольниками вымѣриваніемъ и отесываніемъ гранита, для столповъ и саркофаговъ.

Отецъ его имѣлъ стальной характеръ, а юноша желѣзный, и когда послѣдній увидѣлъ желаніе отца превратить искуство въ ремесло, а изъ него сдѣлать простаго работника, то поклялся никогда не брать въ руки ни рѣзца, ни куска глины. И онъ сдержалъ свое слово, даже послѣ смерти отца, но любовь къ искуству и стремленіе къ творчеству жили въ немъ до сихъ поръ и перешли въ наслѣдство къ обоимъ сыновьямъ.

Старшій сынъ Антоній былъ художникомъ въ полномъ значеніи этого слова, а если учитель Поликарпа не ошибался и отеческая любовь Петра не обманывала его, то второй сынъ также стоялъ на дорогѣ къ достиженію высшей ступени своего искуства.

Ужъ нѣсколько статуй были сдѣланы Поликарпомъ, и надобно отдать справедливость ихъ красотѣ, величію и вѣрному сходству съ моделью.

И вдругъ теперь епископъ Агапитъ запрещалъ Поликарпу работать. И съ нимъ можетъ случиться тоже, что случилось въ молодости съ отцомъ; онъ можетъ совершенно прекратить заниматься искуствомъ.

Имѣлъ ли право епископъ поступать такимъ образомъ съ Поликарпомъ?

Эти и подобные вопросы тѣснились въ головѣ Петра во время безсонницы, и когда онъ услышалъ, какъ Доротея встала съ постели и вышла изъ комнаты, онъ самъ послѣдовалъ за ней.

Онъ нашелъ дверь мастерской сына открытой и такимъ образомъ былъ незамѣченнымъ съ ихъ стороны свидѣтелемъ сильной рѣчи Доротеи и пылкаго противорѣчія юноши, произведеніе котораго, освѣщенное свѣтомъ отъ лампы, стояло прямо передъ нимъ. Глаза Петра не могли оторваться отъ статуи.

Онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, а душа его наполнялась чувствомъ благоговѣйнаго удивленія, какъ тогда, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ въ Афинахъ произведенія великихъ скульпторовъ.

Это была работа его сына!

Петръ, стоя за дверью, едва владѣлъ собою, крѣпко сжималъ руки, сдерживалъ дыханіе и глоталъ душившія его слезы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ насторожилъ уши, не пропустилъ ни одного слова изъ рѣчи Поликарпа.

— Такъ вотъ они гдѣ великія произведенія искуства! Конечно еслибъ я имѣлъ такой даръ, какъ этотъ, то никакой отецъ въ мірѣ не могъ бы меня принудить оставить недоконченной мою Аріадну. Положеніе туловища было хорошо сдѣлано и у меня, но голова, голова... Видно, что сами боги принимали участіе въ его работѣ и водили его рукой!

Да, кто обнаруживаетъ подобный талантъ въ молодости, тотъ впослѣдствіи займетъ видное мѣсто въ ряду замѣчательныхъ афинскихъ художниковъ.

И этотъ великій артистъ, о всемилостивое небо, мой сынъ!

Такое счастіе наполнило его душу, какого онъ не испыталъ съ юности, и усердіе Доротеи показалось ему, скорѣй жалкимъ, чѣмъ досаднымъ.

Только когда его послушный сынъ схватился за молотокъ, онъ всталъ между Доротеей и статуей и ласково сказалъ:

— Я думаю, онъ можетъ подождать до завтра. Забудь, мой сынъ, модель, которой ты такъ счастливо воспользовался. Я найду лучшую возлюбленную для тебя—искусство, оно заключаетъ все, что есть высокаго и прекраснаго въ природѣ и въ душѣ человѣка.

Поликарпъ бросился въ объятія отца, а этотъ серьезный, строгій человѣкъ, съ волненіемъ цѣловалъ лобъ, глаза, шею и руки сына.

ГЛАВА XIV.

Дивное утро. Какъ пологомъ изъ одинаковой шелковой матеріи раскинулось ярко-синее небо надъ скалами, пустыней и оазисомъ. Ни одной тучки не виднѣлось на чистомъ сводѣ.

Хорошо здѣсь на нагорной выси дышать легкимъ, свѣжимъ, душистымъ воздухомъ пустыни до того времени, когда солнечные лучи сдѣлаются жгучи и когда совершенно исчезнутъ тѣни отъ раскаленныхъ горъ и утесовъ, тѣни, становившіеся все короче и короче по мѣрѣ возвышенія солнца.

Наслаждалась и глубоко вбирала въ себя этотъ живительный воздухъ Сирона. Беззаботно весело ей было подъ открытымъ небомъ послѣ четырехъ ночей, проведенныхъ въ душной пещерѣ.

Павелъ сидя у очага и съ озабоченнымъ вниманіемъ что-то строгая, казалось, не замѣчалъ ея присутствія.

Хорошій человѣкъ!—думала Сирона, увидѣвъ на огнѣ горшокъ съ варившимся кушаньемъ и пальмовыя вѣтви, поставленныя имъ у входа въ пещеру для защиты отъ лучей все выше поднимавшагося солнца.

Теперь она сама уже знала дорогу къ источнику,

изъ котораго Павелъ черпалъ для нея воду, при первой ихъ встрѣчѣ. Взявъ съ собой сосудъ изъ обозженной глины, она отправилась туда. Павелъ замѣтилъ это очень хорошо, но притворился будто ничего не видитъ и не слышитъ: онъ догадывался, что она пошла умыться и по возможности прибраться. Женщина и въ пустынѣ остается тою же женщиной.

Она возвратилась. Какъ хороша она была, также свѣжа и прелестна, какъ и въ то утро, когда пораженный ея красотою, Гермасъ не сводилъ очарованныхъ глазъ съ ея окошка.

Правда, она страдала, сознавала себя несчастной и покинутой, но все таки отдыхъ и сонъ взяли свое и изгладили съ ея юнаго, здороваго и гибкаго тѣла всѣ черты страшнаго состоянія во время бѣгства. Притомъ же судьба тайно заботящаяся объ насъ и тогда, когда мы вовсе на это не надѣемся, доставила ей такое горе, хотя и меньшее, но которое заставило ее позабыть о большемъ. Ямба опасно заболѣла. Вѣроятно у ней кромѣ сломанной ноги гнѣздилось еще какое нибудь внутреннее поврежденіе, такъ какъ она, прежде живая и ласковая, сдѣлалась унылой и безсильной, падала каждый разъ, когда пыталась подняться на ноги. Сирона поднимала ее, осторожно и спокойно укладывая на своихъ колѣняхъ, но она такъ болѣзненно и жалобно визжала, такъ страдальчески смотрѣла въ глаза своей госпожѣ. Лишившись аппетита, она не ѣла и не пила, а холодный обыкновенно носикъ сдѣлался воспаленнымъ. Когда Сирона уходила изъ пещеры, хрипѣвшая Ямба оставалась безъ движенія на разосланномъ для нее Павломъ шерстяномъ одѣялѣ.

Теперь Сирона принесла для Ямбы воды въ кувшинѣ, подаренномъ ей радушнымъ хозяиномъ. Поравнявшись съ нимъ, она дружески поздоровалась.

Павелъ обернулся къ ней и поблагодарилъ. Потомъ, когда чрезъ нѣсколько минутъ она снова вышла изъ пещеры, онъ освѣдомился о положеніи собачки.

Сирона печально покачала головкой и сказала: она продолжаетъ хрипѣть все также, какъ и вчера вечеромъ, ничего не пьетъ и не узнаетъ ужъ меня. Ахъ если она умретъ...

Сердце Сироны до того болѣзненно сжалось, что она не могла кончить. Павелъ укоризненно покачалъ головой.

— Грѣшно разстраиваться изъ за неразумной твари.

— Какъ! Ямба неразумна? вскрикнула Сирона. Да еслибы она и была неразумной, все таки послѣ ея смерти я останусь совершенно одинокой. Ямба выросла въ домѣ отца моего, гдѣ меня всѣ такъ любили. Мнѣ принесли ее такой маленькой, и я ее вскормила молокомъ. Здѣсь для меня чужая сторона, здѣсь обо мнѣ думаютъ самое дурное, здѣсь меня никто не любитъ, кромѣ одной милой Ямбы.

— Я знаю Одного, любящаго всѣхъ одинаковою, божественною любовью—замѣтилъ ей Павелъ.

— Такой любви мнѣ не надо—отвѣчала Сирона. Ямба привязана только къ одной ко мнѣ. Зачѣмъ мнѣ любовь, которую я должна дѣлить съ цѣлымъ свѣтомъ. Я думаю ты говоришъ о христіанскомъ Богѣ. Говорятъ, что Онъ очень добръ и милостивъ, тоже говоритъ и Доротея, но вѣдь онъ умеръ. вѣдь я его не увижу и не услышу, да притомъ же я и не прошу никакихъ милостей, я желала бы имѣть кого нибудь, для кого бы я значила многое, для жизни и счастья котораго я была бы необходима.

Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на Александрійца; морозная дрожь пробѣжала по его спинѣ. Взглядомъ сожалѣнія и восторга огнянулъ онъ лицо и гибкій станъ молодой женщины и подумалъ: и сатана, этотъ очаровательнѣйшій изъ чистыхъ духовъ до своего паденія имѣетъ еще надъ нею власть! И она еще не приготовлена къ воспринятію благодати, хотя и обладаетъ такимъ любящимъ сердцемъ и неиспорченой душой, при всей ея грѣховности.

Взоры ихъ встрѣтились и она, вздохнувъ, продолжала:

— Ты смотришь на меня съ состраданіемъ, но когда Ямба выздоровѣетъ и я проберусь въ Александрію, можетъ быть моя судьба и измѣнится къ лучшему.

Между тѣмъ Павелъ, снимая горшокъ съ очага и подавая его Сиронѣ, сказалъ:

— Пока ты еще не пользуешься удобствами столичной жизни, попробуйка этого варева. Я буду очень радъ, если оно тебѣ понравится. Ну теперь обсудимъ твое положеніе: ты желаешь ѣхать въ Александрію, но обдумала ли ты всѣ опасности, которымъ окружатъ тебя юную, прекрасную, неопытную и беззаботную женщину въ этомъ грѣховномъ городѣ, наполненномъ соблазновъ и пороковъ. Не было ли бы болѣе благоразумно воротиться къ Фебицію, которому ты принадлежишь, и добровольно подвергнуться всѣмъ послѣдствіямъ своей вины?

При этихъ словахъ Сирона быстро вскочила съ мѣста, отбросивъ сосудъ, изъ котораго ѣла.

— Никогда, никогда, и ни зачто! Сидя тамъ внизу, почти въ безчувственномъ положеніи, въ этотъ страшный часъ, я узнала откровеніе боговъ на средство избавиться отъ Фебиція, отъ тебя и отъ всякаго, кто захотѣлъ бы воротить меня къ нему. Въ ярости и безуміи прибѣжала я тогда къ обрыву, но, клянусь тебѣ семьей моей въ Ареласѣ, съ которой я еще надѣюсь видѣться, я и теперь, въ полномъ обладаніи ума, выполню то, на что рѣшалась въ безуміи. Ты не знаешь, что я была и что сдѣлалъ со мной Фебицій! Молодая и неопытная я воображала жизнь роскошнымъ садомъ, освѣщеннымъ солнечными лучами, съ кристальными источниками, съ тѣнистыми деревьями, съ яркими цвѣтами и весело щебетавшими птичками, а онъ растопталъ всѣ мои вѣрованія, загрязнилъ всѣ чистые источники. Теперь для меня все безмолвно, все безцвѣтно и если я брошусь въ бездну, то это будетъ совершенно безслѣдно, никто ничего не потеряетъ, никто не пожалѣетъ обо мнѣ.

— Несчастная женщина! сказалъ Павелъ, вѣрно твой мужъ слишкомъ мало любилъ тебя?

— Любилъ! засмѣялась Сирона. Февицій и любовь! Кажется я передавала тебѣ вчера, какъ онъ бывало терзалъ меня, возвращаясь съ пиршествъ съ отуманенной головой или приходя въ себя послѣ безчувственнаго опьяненія. Да это еще бы ничего. Онъ совершалъ то, что окончательно разорвало между нами всякую связь. Объ этомъ я никогда никому не говорила, даже Доротеѣ, бывало бранившей меня за жесткія слова объ мужѣ. Да хорошо ей осуждать! Еслибъ и у меня былъ такой мужъ, какъ Петръ, такъ и я была бы Доротеей. Я не могу понять какимъ чудомъ я еще не развратилась въ обществѣ этого низкаго человѣка, моего мужа, который... который... не хочу больше скрывать — который продалъ меня легату Квинтиллу, чтобъ самому разсчитаться въ долгахъ въ Римѣ и заручиться покровительствомъ. Онъ самъ привелъ къ себѣ въ домъ ко мнѣ этого старика, преслѣдовавшаго меня и прежде. Къ счастью, я была предупреждена; благородная женщина, наша хозяйка слышала торгъ и передала мнѣ. Не низко, не безчестно ли это, не можетъ ли это лежать вѣчнымъ разрывомъ между нами. Ничего не получилъ легатъ за свои сестерціи ни отъ меня, ни отъ Фебиція: мужъ отказался возвратить ему полученныхъ позорныхъ денегъ. Вотъ почему происками этого старика, обманутаго въ расчетахъ, послѣ этой исторіи Фебицій и былъ сосланъ въ оазисъ. Можешь представить теперь какова была его ярость противъ меня! Ну теперь ты все узналъ, посовѣтуй же опять возвратиться къ этому негодяю. — Ахъ какъ визжитъ моя бѣдная Ямба, ей вѣрно хочется ко мнѣ и не можетъ пошевелиться.

Сирона убѣжала въ пещеру. Павелъ съ живымъ участіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и задумчиво, скрестивъ руки, ожидалъ ея возвращенія.

Ожидать пришлось довольно долго; изъ пещеры по временамъ только слышались неясныя, нѣжныя слова,

утѣшавшія бѣдное животное. Вдругъ Павелъ испуганно дрогнулъ; изъ пещеры донесся дикій, раздирающій крикъ Сироны.

Единственный другъ и вѣрный спутникъ несчастной женщины умеръ. Въ слабомъ полумракѣ пещеры она видѣла потухающій взглядъ, чувствовала, какъ гибкіе члены вытягивались и застывали въ смертельномъ холодѣ. Павелъ не рѣшился войти въ пещеру, но глаза его наполнились слезами, а изъ души такъ и рвались утѣшительныя слова.

Черезъ нѣсколько времени вышла Сирона съ заплаканными глазами. Павелъ былъ правъ: у ней на рукахъ лежалъ трупъ маленькой Ямбы.

— Мнѣ жаль ее,—сказалъ Павелъ. Какое славное было животное!

Сирона молча кивнула головой, потомъ снимая съ трупа хорошенькій ошейникъ, стала вспоминать, не столько обращаясь къ Павлу, сколько говоря сама себѣ:

— Этотъ ошейникъ вышила моя маленькая сестра Агнеса, которую я учила вышивать; это была ея первая работа.

Подавая ошейникъ анахорету, она продолжала:

— А вотъ эта застежка сдѣлана изъ чистаго серебра; она подарокъ моего отца, котораго такъ часто веселила моя милая Ямба. Теперь она бѣдная не будетъ больше ни бѣгать, ни прыгать.

При этихъ словахъ, бросивъ грустный взглядъ на холодный трупъ и какъ будто овладѣвъ собою, она быстро заговорила:

— Теперь дальше... дальше отсюда. Никто и ничто не удерживаетъ меня здѣсь: домъ сенатора, въ которомъ меня такъ любили и гдѣ я переживала такіе счастливые часы для меня запертъ уже потому, что тамъ живетъ Фебицій. И если ты не съ какой нибудь дурной цѣлію сдѣлалъ мнѣ столько добра, то я прошу тебя оказать мнѣ еще услугу, помочь мнѣ какъ можно скорѣе, сегодня же, уѣхать въ Александрію.

— Сегодня ни въ какомъ случаѣ невозможно,—отвѣчалъ Павелъ. Сначала необходимо разузнать когда отходитъ корабль въ Клизму или Веренику, а потомъ нужно тебя приготовить къ отъѣзду. Но прежде ты должна отвѣчать мнѣ на одинъ вопросъ: на что ты надѣешся въ Александріи, что думаешь тамъ дѣлать. Бѣдное, милое дитя, чѣмъ ты моложе и очаровательнѣе...

— Знаю впередъ твои слова, перебила его Сирона. Бывало вездѣ, гдѣ я ни показывалась, мужчины обращали на меня особенное вниманіе, въ ихъ взглядахъ ясно выражалось восхищеніе, и что мнѣ,—почему же не сказать правды,—доставляло удовольствіе. Многіе изъ нихъ нашептывали мнѣ льстивыя рѣчи и присылали цвѣты, многіе, въ ожиданіи отъ меня милостей, засылали разныхъ старухъ, но мнѣ никогда не стоило никакихъ усилій оставаться вѣрной своему долгу и отправлять ихъ прочь, хотя нѣкоторые изъ нихъ мнѣ нравились больше другихъ.

— И это продолжалось до любви Гермаса... свѣжаго, красиваго...

— Да красиваго, но не уклюжаго. Сознаюсь, съ моей стороны было безразсудно, не отправить его тотчасъ же какъ онъ явился, но ни одна бы весталка не могла бы стыдиться моего обращенія съ нимъ. Я невинна и останусь такой; я не хочу краснѣть передъ моимъ отцемъ, когда буду въ состояніи пріѣхать къ нему изъ Александріи.

Это открытіе удивило, почти испугало Павла. Слѣдовательно онъ взялъ на себя вину несуществовавшую; мало того, безъ его лживаго признанія можетъ быть сенаторъ и не осудилъ бы ее такъ скоро.

И вотъ какъ дитя, испортившее по своей шалости какое нибудь дорогое произведеніе искуства, стоялъ онъ передъ ней. По невольному сознанію чистоты, такъ ясно выражавшейся во всей фигурѣ Сироны, онъ не могъ сомнѣваться ни въ одномъ ея словѣ, да и безъ того

давно уже какой-то внутренній голосъ оправдывалъ мнимую преступницу.

Молча стоялъ онъ передъ ней и спустя уже нѣсколько времени робкимъ, заискивающимъ тономъ спросилъ:

Такъ что же ты думаешъ дѣлать въ столицѣ?

— Поликарпъ сказывалъ мнѣ, будто тамъ всякій хорошій товаръ находитъ покупателя, а я очень искусно умѣю шить и вышивать золотомъ. Кромѣ того, можетъ быть мнѣ удастся найти мѣсто въ какомъ нибудь домѣ, гдѣ будутъ дѣти, тогда я съ удовольствіемъ буду заниматься съ ними днемъ, а по ночамъ и въ свободные часы работать за пяльцами. Я буду копить деньги и когда ихъ накоплю достаточно, найму какой нибудь корабль и переѣду къ моимъ милымъ въ Галлію. Убѣдился ли ты въ невозможности моего возвращенія къ Фебицію? Если убѣдился можешъ ли помочь мнѣ?

— Помогу и вѣроятно такъ, какъ ты и невоображаешъ,—отвѣчалъ Павелъ. Не просить ты должна отъ меня, а имѣешъ полное право требовать. Неудивляйся моимъ словамъ; теперь я еще немогу ихъ тебѣ объяснить.

Съ удивленіемъ она посмотрѣла на него; онъ продолжалъ:

Теперь позволь мнѣ взять собачку и зарыть ее тамъ внизу; для того же, чтобы знала это мѣсто, я положу на ея могилѣ камень. Это необходимо сдѣлать сейчасъ же.—трупъ не можетъ оставаться. долго А вотъ для тебя я приготовилъ вещицу. Ты вчера жаловалась, что у тебя нѣтъ гребешка и что твои волосы спутались, такъ вотъ я попробовалъ вырѣзать тебѣ его изъ кости. Гребней здѣсь нигдѣ не найдешъ: у купцовъ въ оазисѣ ихъ нѣтъ въ продажѣ, а мы—дикіе звѣри пустыни—гребней неупотребляемъ. Слышишь,—кажется тамъ свалился камень? Такъ и есть—человѣческіе шаги. Поди скорѣй въ пещеру и сиди тамъ нешевелясь до тѣхъ поръ, пока я тебя самъ не вызову.

Сирона убѣжала въ пещеру, а Павелъ взялъ трупъ

Ямбы съ намѣреніемъ скрыть его отъ взоровъ приближающагося человѣка.

Внимательно и нерѣшительно осматривался онъ кругомъ, отыскивая какого нибудь скрытаго мѣстечка, но было уже поздно. Два проницательные и строгіе глаза съ верху уже успѣли замѣтить и его, и трупъ собачки. Павелъ не успѣлъ сообразиться, какъ вдругъ съ грохотомъ и трескомъ полетѣли камни со скалъ и въ тоже мгновеніе какой-то человѣкъ, съ отчаянной смѣлостью, перепрыгивая съ утеса на утесъ и не обращая никакаго вниманія на предостереженіе Павла, прямо скатился на него.

— Я узналъ ее, это Ямба Сироны! Гдѣ же она сама? Говори сію минуту—гдѣ Сирона? Я хочу знать—говорилъ прибѣжавшій прерывистымъ, задыхающимся отъ волненія и ненависти голосомъ.

Павелъ иногда видалъ сенатора и семейство его въ церкви на ихъ мѣстахъ впереди у алтаря и теперь въ этомъ безумномъ человѣкѣ, съ всклокоченными волосами, съ яростно блестящими глазами, онъ не безъ удивленія узналъ втораго сына Петра—Поликарпа.

Павелъ съ трудомъ сохранялъ хладнокровіе и самообладаніе. Съ того времени, какъ онъ увѣрился въ невинности Сироны въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ называлъ себя ея сообщникомъ и оказывался такимъ образомъ обвинителемъ невинной, тяжелое чувство охватило всѣмъ его существомъ и давило его до жгучей физической боли; свинцовая тяжесть парализировала всѣ его умственныя способности.

Онъ бормоталъ въ отвѣтъ какія то безсвязныя, непонятныя слова, которыя безъ сомнѣнія далеко не могли успокоить раздражительное нетерпѣніе сына сенатора. Политарпъ съ яростью схватилъ отшельника за воротъ его грубого платья и вскричалъ охрипшимъ голосомъ.

— Говори, гдѣ взялъ Ямбу? гдѣ?

Но вдругъ слова его оборвались; выпустивъ Алек-

сандрійца и измѣривъ его взглядомъ, онъ тихо и съ разстановкой проговорилъ:

— Неужели это правда? Ты—Павелъ, Александріецъ?

— Пустынникъ подтвердилъ, кивнувъ головой.

Поликарпъ судорожно и дико захохоталъ.

— Стало быть правда? И для такой отвратительной обезьяны! Нѣтъ, я никогда не повѣрю, она не рѣшится протянуть тебѣ руку; ты замараешь однимъ прикосновеніемъ.

Какъ удары молота стучало сердце въ груди Павла, а въ ушахъ раздавался шумъ и звонъ.

А когда Поликарпъ опять протянулъ къ нему руку, онъ инстинктивно взялъ позу атлета, принимающаго выгодное положеніе для борьбы, и проговорилъ грознымъ и глухимъ голосомъ:

— Уходи или я раздѣлаюсь по своему съ твоими костями.

Это говорилъ Павелъ, нѣтъ—это былъ ужъ не Павелъ, это былъ Менандръ, краса палестры, непрощавшій никогда и никому нетолько оскорбительнаго, но даже непріятнаго слова. А между тѣмъ вчера еще онъ такъ терпѣливо, съ такимъ самоотверженіемъ выносилъ оскорбленія гораздо большія и выносилъ даже съ какимъ-то наслажденіемъ. Отчего же такая чувствительная раздражительность, такое грозное и враждебное направленіе?

Тому назадъ дня два, когда онъ посѣтивъ свою прежнюю пещеру, чтобъ взять оттуда сохранявшіяся тамъ послѣднія золотыя монеты, попытался повидаться со Стефаномъ, то присланный къ старику епископомъ египтянинъ нетолько отогналъ его съ проклятіями, какъ нечистаго духа, но даже бросалъ въ него каменьями. Послѣ того въ оазисѣ, когда желая помолиться Богу и считая, что запрещеніе или отлученіе епископа не распространяется на преддверіе, гдѣ находятся кающіеся, онъ вошелъ туда, то причетники выгнали его съ ругательствами, а сторожъ, довѣрявшій ему прежде церковные ключи, теперь съ дерзостью плюнулъ ему въ лицо. И во всѣхъ

этихъ случаяхъ ему не стоило никакихъ усилій сохранять самообладаніе. Безъ раздраженія и безъ ропота удалялся онъ отъ осыпавшихъ его насмѣшками и оскорбленіями.

Когда онъ стоялъ у ларя торговца, покупая для Сироны шерстяное одѣяло, сосудъ и другія какія то вещи, проходившій мимо священникъ, указавъ на монеты, проговорилъ: «сатана награждаетъ своихъ». Павелъ не отвѣчалъ ни слова. Напротивъ, онъ воротился въ пещеру съ тихимъ благодатнымъ сердцемъ, въ глубокомъ сознаніи человѣка, истиннаго послѣдователя Христа, терпѣвшаго оскорбленія и насмѣшки за другихъ.

Откуда же явилась такая впечатлительность обидъ Поликарпа? Отчего же такъ вдругъ порвалось все его терпѣніе, созданное столькими годами молитвы, поста и лишеній? Не думалъ ли онъ въ эту минуту о прелестной женщинѣ, слышавшей изъ пещеры его оскорбленія? Не видѣлъ ли онъ въ Поликарпѣ не раздраженнаго единовѣрца, а мужчину съ презрительной насмѣшкой ставшаго на дорогѣ другаго мужчины?

Какъ звѣри, готовые сразиться, стояли другъ противъ друга, молодой человѣкъ и атлетъ, убѣленный сѣдиной. Поликарпъ увидѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло съ боевымъ и сильнымъ соперникомъ, понималъ собственную неопытность,—такъ какъ ему, какъ и большинству молодыхъ христіанъ, запрещалось участвовать въ состязаніяхъ и играхъ въ палестрѣ, но не смотря на то, онъ не хотѣлъ уступить мѣсто.

Правда и онъ былъ не изъ слабосильныхъ; притомъ внутри его кипѣла ярость и страстное желаніе наказать ненавистнаго соблазнителя.

— Подойди только, подойди! кричалъ онъ, яростно сверкая глазами и съ своей стороны приготовляясь къ борьбѣ. Начинай! Какъ видно, ты былъ гладіаторомъ или чѣмъ нибудь въ родѣ этого передъ тѣмъ, какъ нарядится въ лохмотья, подъ которыми расчитывалъ безнаказанно врываться въ чужія семьи. Ну дѣлай же циркъ изъ этого

священнаго мѣста! Знай же, что еслибъ тебѣ посчастливилось убить меня, то я былъ бы тебѣ благодаренъ; ты и такъ уничтожилъ ужъ все, что для меня дорого въ жизни. Да нуже начинай! или тебѣ легче безчестить и надругаться надъ женщиной, чѣмъ бороться съ ея заступникомъ. Начинай, говорю тебѣ, или...

— Или ты нападешь на меня, совершенно измѣнившимся мягкимъ голосомъ, перебилъ его Павелъ, котораго руки опустились во время рѣчи Поликарпа. Ну нападай на меня и дѣлай, что хочешь, я не стану сопротивляться. Я не двинусь и не буду обороняться. Ты сказалъ правду, что это священное мѣсто не должно быть циркомъ. Но что касается до Сироны, то она не принадлежитъ ни тебѣ, ни мнѣ и по какому праву...

— По какому праву! перебилъ его Поликарпъ, съ сверкающими глазами подходя къ отшельнику. Мое право — въ правѣ вѣрующаго говорить о своемъ Богѣ. Сирона для меня то, что и солнце, и луна и звѣзды; какъ и они, она составляетъ свѣтъ моей жизни. Моя жизнь принадлежитъ мнѣ, а слѣдовательно мнѣ принадлежитъ и она, какъ жизнь моей жизни. Я смѣло называю ее моей, хоть бы тутъ двадцать Фебиціевъ. А ты лживый ханжа и воръ, одичалый въ презрѣніи къ тѣлу, можешь ли ты видѣть красоту этого небеснаго ангела, понимать очарованіе, обоятельное даже для малыхъ дѣтей. Да, я имѣю право на Сирону. Ты можешь скрывать ее, Фебицій можетъ, поймавъ, приковать ее къ себѣ, а все таки ни въ комъ изъ васъ не живетъ образъ ея, какъ во мнѣ. Я никогда не прикосался къ ней, твоей жертвѣ, а между тѣмъ она создана для меня и никто ее не любитъ такъ, какъ я люблю ее! У нея — доброта ангела, сердце ребенка; она непорочна и чиста, какъ алмазъ, какъ утренняя роса. Сколько бы разъ ты ни входилъ въ комнату, сколько бы ни проклинали и небезчестили ее мой отецъ, мать и всѣ, всѣ... я никогда не усомнюсь въ ея чистотѣ. Ты нанесъ ей безчестье... ты...

— Когда твоя семья обвиняла ее, я молчалъ, сказалъ

Павелъ, съ особенной нѣжностью въ голосѣ, и молчалъ потому, что самъ вѣрилъ ея виновности, какъ ты теперь вѣришь въ мою и какъ всякій болѣе склоненъ вѣрить дурному объ другомъ. Но теперь я знаю, какъ были всѣ несправедливы къ этой несчастной женщинѣ и если чистота ея образа была хотя сколько нибудь загрязнена моимъ обвиненіемъ...

— Загрязнена! Тобою? засмѣялся Поликарпъ. Можетъ-ли жаба, прыгнувшая въ море, загрязнить чистую синеву его, можетъ-ли летучая мышь загрязнить чистый свѣтъ полной луны?

Снова въ душѣ отшельника закипѣло бурное чувство и снова онъ поборолъ его силою воли; съ трудомъ подавляемой раздражительностью и съ горечью, онъ сказалъ:

— Ты несправедливо смотришь на меня, какъ на врага, я не только не хочу сказать тебѣ что нибудь непріятное, напротивъ за твои злыя, оскорбительныя слова заплачу тебѣ словами добрыми, самыми дорогими для тебя. Сирона непорочная, честная и невинная женщина и до моей встрѣчи съ ней теперь въ пустынѣ я никогда ее не видѣлъ, никогда мои уши не слышали ни одного ея слова.

Въ одно мгновеніе вся фигура Поликарпа преобразилась. Ошеломленный признаніемъ Павла, но готовый отъ всей души вѣрить ему, онъ съ жаромъ спросилъ:

— Такъ зачѣмъ же ты такъ безпрекословно позволилъ Фебицію мучить себя? да и шкура, найденная въ комнатѣ Сироны, вѣдь принадлежитъ тебѣ?

Такой грязной обезьянѣ, отвѣчалъ Павелъ, подражая голосу Поликарпа, бываютъ нужны иногда колотушки, да при томъ же въ то несчастное утро я не долженъ былъ ограждаться и возражать потому, потому — что... да впрочемъ для тебя это дѣло постороннее. Подожди только еще нѣсколько дней и тогда ты самъ можетъ быть этого человѣка, все марающаго, эту летучую мышь и жабу...

— Перестань. Подъ вліяніемъ раздраженія, возбужден-

наго тобою, можетъ быть изъ моего истерзаннаго сердца и вырвались какія нибудь дерзскія и оскорбительныя слова, такъ ты прости ихъ рѣзкость и неправоту. Теперь я ясно вижу твое правильное, честное лицо подъ всклокоченными волосами. Внѣ себя, я невольно открылъ тебѣ все свое задушевное; теперь, когда ты знаешь все, я еще разъ умоляю тебя, скажи мнѣ гдѣ Сирона.

Взглядъ, полный томительнаго нетерпѣнія, сопровождалъ просьбу Поликарпа, а руки указывали на трупъ Ямбы, какъ на доказательство возможности исполненія со стороны Павла.

Александріецъ молчалъ. Взглянувъ на отверстіе пещеры, онъ замѣтилъ подъ пальмовыми вѣтвями конецъ бѣлаго платья Сироны и сообразилъ, что если Поликарпъ еще нѣсколько времени останется здѣсь, то свиданіе молодыхъ людей сдѣлается неизбѣжнымъ, а этого свиданія онъ не хотѣлъ допустить.

Много было причинъ противъ этого свиданія, но ни одна изъ нихъ не обдумывалась хладнокровно въ головѣ Павла въ настоящее время. Помимо воли его, безсознательно въ немъ пробуждалось чувство, похожее на ревность; ему больно было представить себѣ,—въ чемъ онъ и не могъ себя обманывать,—это свиданіе, въ которомъ молодые люди держали бы другъ друга въ объятіяхъ.

Подъ вліяніемъ такого-то чувства, онъ поспѣшилъ поднять трупъ собачки и отвѣчать:

— Да, я знаю гдѣ она и ты узнаешь, когда наступитъ время, а теперь мнѣ нужно закопать это животное; если хочешь, такъ помоги мнѣ.

И не дождавшись отвѣта, онъ быстро пошелъ, перескакивая съ камня на камень, къ плоскогорью, къ тому мѣсту, гдѣ встрѣтилъ Сирону. Поликарпъ, хотя и побѣжалъ за нимъ, но, запыхавшись и задыхаясь, догналъ уже тогда, когда Павелъ началъ руками разрывать землю у подошвы одной изъ скалъ.

Подойдя къ работавшему, Поликарпъ снова съ жаромъ и настойчиво повторилъ прежній вопросъ, но Па-

велъ, не поднимая глазъ отъ работы и усиленно отбрасывая землю, по прежнему уклонился отъ прямаго отвѣта.

— Приходи сюда завтра въ это время, можетъ быть тогда и можно будетъ тебѣ сказать.

— А! ты думаешь отъ меня отдѣлаться! вскричалъ молодой человѣкъ. Ты ошибешся. Если тебѣ и удалось обмануть меня льстивыми рѣчами, то я...

Но не кончилъ онъ еще своихъ словъ, какъ вдругъ въ мертвой тишинѣ пустыни послышался громкій, страстный призывъ, раздавшійся по откосамъ скалъ.

— Поликарпъ! Поликарпъ! все явственнѣе раздавались слова и звуки эти, какъ магическая сила, ложились на сына сенатора.

— Насторожившись и дрожа всѣмъ тѣломъ, прислушивался онъ къ доносившемуся вову.

— Голосъ Сироны! иду! иду Сирона!

И позабывъ отшельника, онъ бросился впередъ, на встрѣчу къ призывному голосу.

Но Павелъ твердо сталъ на дорогѣ и заговорилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, ты не уйдешь отсюда.

— Какъ? Прочь съ дороги! отчаянно вскричалъ Поликарпъ. Ты, воръ чужой чести и лѣнивый наглецъ, заперъ ее, но она зоветъ меня! Прочь же, повторяю тебѣ. Не уходишъ? Такъ защищай себя, гадкая жаба, я раздавлю тебя, если только нога моя не погнушается замараться въ твоемъ ядѣ.

Какъ дубъ неподвижно и твердо стоялъ противъ молодаго человѣка Павелъ, заграждая дорогу раскинутыми руками. Ударъ кулака Поликарпа поразилъ его.

Этотъ ударъ сломилъ самообладаніе Павла и забывшись въ ярости, онъ закричалъ:

— Такъ я же заплачу тебѣ!

И не успѣлъ затихнуть послѣдній зовъ Сироны, какъ бывшій боецъ схвативъ обѣими руками стройный станъ юноши, однимъ могучимъ взмахомъ перекинулъ его черезъ себя и швырнулъ на каменную почву.

Послѣ такого дикаго и безсознательнаго дѣйствія, онъ всталъ передъ жертвой неподвижно съ скрещенными на груди руками и быстро перебѣгавшимъ взоромъ; стоялъ онъ и въ то время, когда Поликарпъ поднявшись и не оглядываясь, побѣжалъ прочь, шатаясь какъ опьянѣлый и схвативши обѣими руками за голову.

Александріецъ провожалъ его глазами до тѣхъ поръ, пока Поликарпъ не скрылся за откосомъ скалы; но онъ не видѣлъ, какъ юноша, поровнявшись съ ручьемъ, испустилъ легкій стонъ и безчувственно упалъ на землю.

ГЛАВА XV.

Опять послышался голосъ Сироны. На этотъ крикъ пожалуй придутъ Демьянъ и Савацій или кто нибудь изъ отшельниковъ, соображалъ Павелъ, и сталъ взбираться на гору, по направленію голоса Сироны.

Сегодня по крайней мѣрѣ мы безопасны отъ дерзкаго наглеца, бормоталъ онъ про себя, вѣроятно даже и завтра ушибы чувствительно будутъ напоминать ему обо мнѣ. Какъ легко однакожъ вспоминается то, что прежде зналъ. Вотъ этому взмаху я выучился отъ гимнаста Дельфія, а сколько прошло уже времени! Да, мой мозгъ не высохъ и я докажу это молодцу своими кулаками, хоть бы онъ и привелъ съ собой еще нѣсколькихъ товарищей.

Не долго однако Павелъ предавался подобнымъ отраднымъ для него размышленіямъ, скоро на тропинкѣ въ пещеру онъ встрѣтилъ Сирону.

— Гдѣ Поликарпъ? громко спрашивала она его еще издали.

— Я отослалъ его.

— Какъ? И онъ послушался?

— Я сказалъ ему убѣдительныя доказательства, съ живостью отвѣчалъ отшельникъ.

— Но онъ придетъ?

— Я далъ ему покуда кое какія удовлетворительныя свѣдѣнія. А теперь намъ нужно обдумать твою поѣздку въ Александрію.

— Но мнѣ кажется, возразила Сирона, покраснѣвъ, я совершенно безопасна и въ твоей пещерѣ, а особенно, какъ ты предостерегалъ меня...

— Я говорилъ тебѣ о соблазнахъ въ столицѣ, перебилъ ее Павелъ, но я вспомилъ одно очень надежное убѣжище и одного вѣрнаго покровителя для тебя. Однако мы ужъ и пришли. Уйди поскорѣе въ пещеру, вѣрно твой голосъ слышали отшельники, а если они увидятъ тебя здѣсь, то заставятъ меня отвести тебя къ твоему мужу.

— Сію минуту уйду, сказала Сирона вздохнувъ, но только,—и она снова покраснѣла, скажи мнѣ прежде,—такъ какъ я слышала твой разговоръ съ Поликарпомъ, — по какому случаю Фебицій принялъ овечью шкуру Гермаса за твою и отчего ты безъ всякаго оправданія позволилъ ему мучить себя.

— Оттого, быстро проговорилъ онъ, что мои плечи поплотнѣе, чѣмъ у Гермаса. Ну мы поговоримъ объ этомъ на свободѣ, когда будетъ болѣе спокойное время, когда мы будемъ на дорогѣ въ Клизму, а теперь уходи скорѣй въ пещеру, если не хочешь всего испортить. Я знаю чего тебѣ хотѣлось бы имѣть, наслушавшись сладкихъ росказней Поликарпа.

— Ну скажи.

— Зеркала! засмѣялся Павелъ.

— Нисколько, ты ошибаешся, сказала она, а сама подумала, уходя въ пещеру: кого такъ любитъ Поликарпъ, тотъ не нуждается въ зеркалѣ.

На западной пологости горы, въ одной рыбачьей деревушкѣ проживалъ старикъ купецъ-еврей, который доставлялъ въ Египетъ уголья, выжигаемые въ долинахъ полуострова изъ саяловой окаціи. Онъ въ прежнее время велъ дѣла еще съ отцемъ Павла, поставляя ему горючій матеріалъ на папирусовыя фабрики. По этому поводу и

самъ Павелъ нерѣдко входилъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія. Жидъ былъ человѣкъ умный и съ хорошимъ состояніемъ. При каждой встрѣчѣ съ Павломъ, онъ упрекалъ его за отреченіе отъ міра, предлагая ему свое гостепріимство и отдавая ему въ полное распоряженіе все свое имущество. Черезъ этого то человѣка Павелъ расчитывалъ нанять судно и приготовить средства къ поѣздкѣ Сироны.

Чѣмъ больше онъ размышлялъ, тѣмъ больше онъ утверждался въ необходимости самому сопровождать Сирону до Александріи и самому найдти ей тамъ совершенно безопасное жилище. Имѣя возможность свободно распоряжаться огромнымъ богатствомъ своего брата, котораго половина принадлежала лично ему самому, онъ въ первый разъ въ продолженіи стольких лѣтъ ощутилъ удовольствіе отъ сознанія своего богатства. Въ его головѣ возникли представленія о томъ, какъ украситъ жилище, куда приведетъ прелестную женщину. Онъ предполагалъ сначала пріобрѣсти удобное, но простое жилище, но потомъ мало по малу мысли его обратились къ украшеніямъ изъ блестящаго золота, бѣлаго и разноцвѣтнаго мрамора, къ раскошнымъ сирійскимъ коврамъ и наконецъ къ самому для христіанина отвратительному произведенію языческаго искуства—къ статуямъ и изящной ваннѣ.

Все тревожнѣе и порывистѣе ходилъ онъ взадъ и впередъ, переходя съ утеса на утесъ и по временамъ останавливаясь у пещеры Сироны.

Въ одну изъ такихъ остановокъ, онъ увидѣлъ конецъ ея свѣтлаго платья и это заставило его подумать объ опасности вести Сирону въ такомъ платьѣ въ бѣдное рыбачье поселеніе.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ прохаживался въ настоящее время Павелъ, ютилась хижина, въ которой проживалъ одинъ амалекитянинъ, доставлявшій ему два раза козье молоко для Сироны. У жены и дочери этого пастуха Павелъ могъ купить за нѣсколько

драхмъ необходимую для Сироны одежду и вотъ, неоткладывая исполненія, онъ тотчасъ же отправился къ пастуху, не смотря на то, что по небу подвигались темныя тучи и подулъ жгучій, удушливый вѣтеръ.

Хотя солнце и скрылось за горизонтомъ, но знойный жаръ все еще стоялъ въ воздухѣ. Павелъ не обращалъ никакого вниманія на всѣ эти предвозвѣстники наступающей грозы. Доставъ изъ запаснаго склада хлѣбъ, ножъ и часть финиковъ, перемѣшивая по разсѣянности и по торопливости одно съ другимъ и разложивъ все это у входа въ пещеру, онъ самъ быстро направился къ горѣ, высказавъ на прощаніи Сиронѣ надежду скораго возвращенія.

Молодая женщина отозвалась едва слышнымъ прощальнымъ привѣтомъ, не только не обернувшись къ нему, но даже, какъ будто, обрадовавшись его уходу. Какъ только Павелъ ушелъ и затихъ удаляющійся шумъ его шаговъ, Сирона всѣмъ существомъ своимъ отдалась могучему потоку новыхъ упоительныхъ ощущеній, возбужденныхъ въ сердцѣ ея огненнымъ гимномъ любви Поликарпа.

Павелъ превращался въ Менандра, не менѣе крутая перемѣна происходила и въ очаровательной женѣ Фебиція, сидящей теперь одиноко въ пещерѣ и надѣлавшей отшельнику столько заботъ и тревогъ.

Это была Сирона, но уже совершенно другая Сирона!

Она исполнила распоряженіе Павла удалиться въ пещеру съ большой радостью; ей такъ хотѣлось уединиться куда нибудь, остаться одной, вполнѣ одиновой; она чувствовала, что въ ней самой совершалось что-то новое, неизвѣстное ей до сихъ поръ, она чувствовала, какъ въ сердцѣ ея возникали ощущенія, невыразимыя словомъ человѣка, но сильныя, и непреодолимыя, зовущія къ жизни, полныя радости и трепета. Эти новыя ощущенія были ей странны и въ тоже время дороги, томительны и пріятны, мучительны и обоятельны. Небывалое состояніе

охватило все ея существо. Какъ будто новая, свѣжая кровь залила ея жилы съ того времени, какъ она услыхала пламенную рѣчь Поликарпа. Каждый нервъ ея дрожалъ, какъ дрожитъ листва ея родныхъ тополей при дуновеніи вѣтерка. Подъ вліяніемъ наплыва такихъ ощущеній ей трудно было внимательно слѣдить за рѣчами Павла и отвѣчать на его вопросы.

Оставшись одинокой, она сѣла на свою постель, оперлась локтемъ на колѣни, и положивъ головку на руку, вся облилась горячими слезами; въ этихъ обильныхъ слезахъ выразился первый порывъ охватившей ее страсти.

Она плакала и прежде, плакала часто, но не плакала *такъ!*

Въ этихъ слезахъ не было ни страданія, ни горечи. Въ душѣ ея распустился глохнувшій прежде цвѣтокъ, благоухающій и великолѣпный. А когда слезы ея стали изсякать, вокругъ ея становилось все свѣтлѣе, тише и полнѣе. Она ощущала тоже, что ощутилъ-бы человѣкъ, послѣ долгаго заключенія въ какой нибудь подземной темницѣ, недоступной свѣту, при освобожденіи своемъ какимъ нибудь добрымъ геніемъ, при видѣ зеленѣющихъ лѣсовъ и луговъ, необъятнаго синяго неба, солнечнаго свѣта, разнообразныхъ листьевъ и цвѣтовъ. Она была женщина несчастная и въ тоже время самая счастливѣйшая.

Вотъ любовь! и эти слова раздавались въ ея сердцѣ очаровательной музыкой и пѣніемъ. Она стала вспоминать свое прошедшее, толпу своихъ прежнихъ вздыхателей, бросавшихъ ей заискивающіе взгляды и льстивые рѣчи еще въ Ареласѣ, въ ея полудѣтскомъ возрастѣ, и потомъ въ Римѣ, когда она была уже замужемъ. И всѣ эти призраки, блѣднѣли и обезцвѣчивались, какъ блѣднѣютъ тонкія свѣчи при появленіи солнечнаго свѣта.

Они и онъ, повторяла она про себя, какая разница, какъ они ничтожны и легки! всѣ они не стоятъ и частицы его любви, этого чистѣйшаго золота. Еслибъ всѣ

народы и всѣ владыки земные, продолжала она, положили бы къ ногамъ моимъ всѣ свои сокровища, они не дали бы мнѣ такого богатства, какое далъ Поликарпъ. Весь блескъ всѣхъ звѣздъ небесныхъ не можетъ быть ярче радости, наполняющей мое сердце. Нѣтъ, мнѣ теперь не на что жаловаться!

Затѣмъ проходили въ умѣ ея воспоминанія всѣхъ встрѣчъ ея съ Поликарпомъ, въ которыхъ однако-же никогда не сказалось ни одного слова любви.

Сколько вѣроятно стоила ему эта сдержанность! Сознаніе своей чистоты, вполнѣ достойной его, выразилось въ ея душѣ чувствомъ какого то торжества и благодарности. Это сознаніе придавало особую цѣну ея любви, которую она отдавала одному только человѣку въ цѣломъ мірѣ, ея любви, сдѣлавшейся теперь ея вѣрою, ея религіознымъ культомъ.

Грудь ея поднималась высоко, руки протягивались, какъ бы для объятія всего міра; всякому созданію хотѣлось удѣлить свою нѣжность и любовь. Въ душѣ ея возникла жажда благодарности той недосягаемой силѣ, которая даровала ей такое блаженство.

И вотъ вспомнились ей слова Павла о крестоносномъ христіанскомъ Богѣ, изливающемъ на всѣхъ свою божественную любовь. Этому же Богу молится Поликарпъ и быть можетъ именно въ эту минуту; такъ еслибы и она теперь сдѣлала тоже самое, то молитва ихъ могла бы слиться и она въ этомъ соединилась бы съ нимъ, съ своимъ любимымъ человѣкомъ.

Она склонилась на колѣни, скрестила руки по обычаю христіанъ, какъ она это видѣла не разъ, и мысли ея устремились къ тому Бого-человѣку, который съ такимъ терпѣніемъ выносилъ ничѣмъ не заслуженныя страданія на крестѣ, съ пригвожденными руками и ногами; сердце ея наполнилось глубокимъ состраданіемъ и поднявъ взоры къ своду пещеры, она тихо шептала:

— Къ Тебѣ сострадательный, милостивый Богъ я обра-

щаюсь, ты все знаешь, ты знаешь какъ тяжко терпѣть отъ несправедливыхъ людскихъ проклятій, ты понимаешь какъ больно моему сердцу.

Христіане говорятъ, что Твое сердце любящее всѣхъ сердецъ, стало быть ты поймешь и то, почему я при всѣхъ своихъ страданіяхъ считаю себя счастливѣйшею; не испытывалъ ли и Ты, когда Тебя истязали и осыпали ругательствами—не страдалъ ли ты изъ за любви.

Христіане называютъ Тебя чистымъ и невиннымъ, а я—я дѣлала много проступковъ, но грѣха, тяжкаго грѣха не совершала никогда. Ты Богъ, Ты долженъ знать все прошедшее, Ты можешь читать въ сердцахъ человѣческихъ. Ты видишь, я желала-бъ остаться невинной, но какъ же я могу принадлежать Поликарпу, когда связана закономъ съ другимъ?

Могу-ли я быть женою отвратительнаго человѣка, безчестно торговавшаго мною! Онъ совершенно чуждъ мнѣ, но я не желаю ему ничего худого, я желаю только быть навсегда отъ него отдѣленной.

Поликарпъ, Поликарпъ! Еслибъ онъ былъ здѣсь и могъ бы прикоснуться къ моей рукѣ.

Онъ называлъ меня своей собственностью,—впрочемъ тогда безъ всякаго повода съ моей стороны. А теперь? Всякую грозившую ему опасность и страданіе я готова безъ ропота и жалобы принять на себя, готова, не смотря на боязнь физической боли и смерти, принять за него крестную смерть. Не пригвожденъ ли и Ты, христіанскій Богъ, къ кресту изъ любви за насъ всѣхъ!

И онъ узналъ бы, что я умираю за него, онъ взглянулъ бы въ мои тускнѣющіе глаза и я сказала бы ему тогда, что умираю за любовь его, которая для меня выше всего. Преступленіе ли — такая любовь? Я не знаю, но Ты знаешь это! христіане называютъ Тебя добрымъ пастыремъ, такъ сдѣлай же все лучшее для него. Добрый Пастырь! прими насъ въ свое стадо и будь моимъ руководителемъ!

рѣшается всею сходкою, вообще съ начальникомъ словесно, а иногда для вѣдома къ будущему времени, и письменно", (Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, издан. Д. Я. Самоквасовымъ, стр. 78—80, §§ 34—40). Во время пользованія участкомъ тѣмъ или другимъ хозяиномъ, нарушеніе правъ пользователя, напримѣръ, въ случаяхъ потравы, строго преслѣдуется. Не здѣсь ли слѣдуетъ искать зачатковъ уваженія къ труду и обезпеченія общиной каждому члену безспорнаго пользованія продуктами своего труда, составляющаго характеристическую черту земледѣльческой общины?

Лѣса, пустопорожнія земли, угодья находятся въ нераздѣльномъ пользованіи всего „общества"[1]) верхоленскихъ бурятъ, и многіе изъ нихъ въ свободное отъ обыкновенныхъ полевыхъ работъ время, занимаются ружейной охотой на звѣрей и птицъ (ibid. стр. 84, § 37). Вообще каждый бурятъ имѣетъ право заниматься всѣми промыслами на земляхъ принадлежащихъ родовой общинѣ.

Относительно поземельныхъ отношеній у бурятъ хоринскаго вѣдомства мы имѣемъ меньше свѣдѣній. „Исправляющіе обязанности начальниковъ, говорится въ Степномъ уложеніи этихъ бурятъ, почетные ясашные родовичи, каждогодно должны (Степными уложеніями, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду узаконить обычаи) кочевьями отступать отъ сѣнокосныхъ мѣстъ, (мы сказали выше, для какой цѣли они служатъ), въ выпускахъ скотскихъ блюстительно скотъ содержать и тѣмъ хранить сѣнокосныя мѣста". По созрѣваніи травъ на этихъ сѣнокосныхъ мѣстахъ почетные родовичи должны, по числу имѣющагося скота, дѣлить покосы и елико можно стараться ставить сѣна болѣе. Какъ и у верхоленскихъ бурятъ, на сѣнокосныхъ мѣстахъ нельзя устроивать стойбищъ или пасти скотъ. Подобно тому, какъ и у другихъ кочевниковъ, какъ и въ русскихъ сѣверныхъ общинахъ, гдѣ скотъ пускается безъ пастуха, здѣсь установлены обычаемъ точныя правила, отно-

[1]) Вообще надо замѣтить, что терминологія степныхъ уложеній, составляющихъ названный Сборникъ, отличается неточностью и произвольнымъ примѣненіемъ выраженій, усвоенныхъ законодательствомъ, къ явленіямъ обычнаго права.

сительно огораживанія сѣнныхъ скирдовъ и полей, опредѣляющія толщину и высоту изгороди, отвѣтственность общинниковъ въ случаѣ потравы сѣна или хлѣба скотомъ вслѣдствіе неисправной городьбы. Повидимому, при распредѣленіи сѣновосовъ хозяева не всегда мѣняются участками, по крайней мѣрѣ упоминаются сѣнокосы «издавна владѣемые» (Самоквасовъ, стр. 132—134).

У бурятъ селенгинскаго вѣдомства пустыя земли могутъ быть захватываемы во владѣніе первымъ желающимъ, но они остаются во владѣніи оккупанта лишь до той поры, пока онъ держитъ свое стойбище. «Если кто изберетъ себѣ стойбо временное, и послѣ того паки найдетъ удобное другое мѣсто и переведетъ на оное всѣ дворы, а на его прежнее мѣсто кто похочетъ стать, то сему послѣднему не воспрещать (Сборникъ обычнаго права инородцевъ, стр. 192, § 162).

Община обезпечиваетъ вознагражденіе за потраченный трудъ. „Если кто пустолежащее мѣсто собственными трудами обработаетъ для хлѣбопашества и сѣнокоса, и потомъ, по нерадѣнію своему или по пришествію въ бѣдность, городьбу свою разломаетъ, а, по оставленіи оной, кто нибудь изъ постороннихъ вознамѣрится оное мѣсто огородить, и между тѣмъ выйдетъ ссора, то дать время прежнему хозяину на три года, и если за симъ его силъ не достанетъ, донеся о семъ родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться безполезною, тому кто имѣетъ нужду въ сѣнокошеніи позволяется огородить и онымъ мѣстомъ пользоваться, но за очищеніе каменьевъ и прочаго, прежняго владѣльца, по возможности, чѣмъ либо наградить (§ 160). Но, пока общинникъ владѣетъ сѣнокоснымъ мѣстомъ, другіе могутъ прикочевывать на это мѣсто только съ его позволенія (161). Эта черта пастушеской общины заслуживаетъ особаго вниманія. Земледѣльческая обычная община признаетъ уваженіе къ труду коренною своею основою: она признаетъ его единственнымъ источникомъ и нормою права, отрицая всѣ другія начала, стоящія съ нимъ въ противорѣчіи. (См. мой „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, стр. 181 и статью г-жи Ефименко „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“ въ журналѣ

«Слово» 1878, № 1). Изъ описаннаго обычая бурятъ, который, какъ увидимъ, встрѣчается и у всѣхъ другихъ пастушескихъ народовъ Сибири, очевидно, что уваженіе къ труду развито уже и въ скотоводческой общинѣ.

Далѣе въ земледѣльческой общинѣ, мы видимъ стремленіе не только равномѣрно распредѣлить землю, но и удерживать хозяйство своихъ членовъ на одинаковомъ уровнѣ, для чего она помогаетъ упалымъ и ослабѣвшимъ домохозяевамъ и понуждаетъ нерадивыхъ. Таже тенденція свойственна и пастушеской общинѣ. У селенгинскихъ бурятъ пустолежащія мѣста, удобныя для хлѣбопашества, которое вообще составляетъ здѣсь лишь побочную и незначительную вѣтвь хозяйства, и сѣнокошенія «общество обязано дѣлить между собой по равной части». Если такихъ пустопорожнихъ мѣстъ нѣтъ, то случается, говоритъ собиратель обычаевъ, повидимому, имѣвшій въ виду въ данномъ случаѣ только одну сторону дѣла, что „нерадивые къ обработкѣ земли подъ видомъ, якобы у нихъ не имѣется хлѣбной и сѣнокосной земли, изъ зависти, просятъ объ удѣленіи отъ того обработаннаго покоса или пашни“ отъ прилежныхъ общинниковъ, которые за неимѣніемъ пустаго мѣста подлѣ стойбъ, обработывая оныя наземленіемъ и пусканіемъ воды содѣлываютъ удобными къ сѣнокошенію или къ распашкѣ. Такихъ нерадивыхъ стараются „отъ сего усилія воздерживать“ дѣлая имъ „строгое подтвержденіе и понужденіе, чтобы они старались сами, подобно другимъ, таковыя обработывать“ (ibid. 163). Но, если упадокъ произошелъ не отъ нерадѣнія, то помогаетъ ли община—на этотъ вопросъ разъясненія въ имѣющихся данныхъ не находимъ.

Здѣсь существуютъ, подобно тому, какъ и у другихъ пастушескихъ народовъ, нѣкоторыя обязательныя общинныя работы, исполняемыя въ извѣстной системѣ. „Всякій обязанъ поскотину хлѣбную и сѣнокосную кончить огораживаніемъ мая къ 9 числу, а въ осеннее время отгораживать поскотину съ 15 сентября каждаго года (§ 164). Всякій обязанъ загородить сѣно и хлѣбъ, отступя отъ скирды на одну сажень извѣстнымъ числомъ жердей. Поскотину хлѣбную и сѣнокосную для каждаго также обязательно огородить крѣпко и хорошо извѣстнымъ

числомъ жердей извѣстной толщины (§§ 165, 154). Участки поскотины, принадлежащіе разнымъ хозяевамъ, обводятся и тогда общей изгородью. Въ случаѣ потравы сѣна или хлѣба скотомъ, прорвавшимся чрезъ изгороди, отвѣчаетъ хозяинъ поломаннаго мѣста изгороди. Что касается до споровъ общинъ и вообще до отношеній по землѣ между улусами, то здѣсь мы располагаемъ лишь свѣдѣніями о случаяхъ общаго пользованія водой. Такъ, если въ какомъ либо улусѣ или урочищѣ имѣется только одна и небольшая рѣчка или ключъ, и кочующіе по берегамъ и въ близости ихъ со своимъ скотомъ будутъ довольствоваться водой только въ нихъ, то уже кочующимъ на вершинѣ тѣхъ рѣчекъ или ключей никому для впусканія воды въ сѣнокосныя мѣста запирать нельзя, подъ опасеніемъ строгаго наказанія (158). Жителямъ какого либо улуса, въ случаѣ недостатка воды, не воспрещается проводить воду въ свои кочевья посредствомъ канавы изъ рѣчекъ или ключей, имѣющихся въ окольномъ улусѣ, а особенно изъ тѣхъ, въ коихъ не имѣютъ въ водѣ недостатка, или же изъ дальнихъ мѣстъ, если то позволяютъ средства нуждающихся въ водѣ (ibid. § 169).

Для достиженія возможно полнаго равенства въ пользованіи общиннымъ имуществомъ, буряты организуютъ между собою артели для совокупнаго веденія того или другаго промысла. Щаловъ замѣчаетъ, что „въ силу естественно-инстинктивной родовой соціальной симпатіи буряты гораздо болѣе наклонны и способны къ организаціи рабочихъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ русскіе сибирскіе крестьяне. Въ настоящее время, надобно замѣтить, артельное начало, естественные зародыши соціально-кооперативной взаимности и общности въ бурятскихъ общинахъ уже сильно ослаблены, частію подъ вліяніемъ эгоистически пріобрѣтательной конкуренціи, возбужденной духомъ коммерціи и промышленности, частію вслѣдствіе общаго полицейско-административнаго парализированія самобытнаго развитія бурятской общины. Но, при всемъ томъ, и въ настоящее время естественные соціальные инстинкты, создавшіе бурятскую родовую общину еще сильно поддерживаютъ въ ней артельный духъ, наклонность и способность къ разви-

тію соціально-кооперативной взаимности, общности и солидарности. „У Братскихъ все артельно“ говорили намъ единогласно ленскіе крестьяне въ разныхъ мѣстахъ“.

„Хлѣбъ продаютъ братскіе артелями: сродичи складываютъ въ одну кучу до 5,000 и болѣе пудовъ, и продаютъ гуртомъ, сообща, артельно на паузки или на винокуренный заводъ Голдобина. Артелью сгоняютъ они скотъ въ одинъ общій табунъ, и сообща, артельно гонятъ его въ городъ на продажу мясникамъ. Но самое замѣчательное выраженіе артельнаго начала или первобытной соціально-кооперативной взаимности, союзности и солидарности представляетъ намъ такъ называемая *аба*—большая звѣро-промышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ. Одинъ родовой староста кудинскаго вѣдомства,—какъ можно было замѣтить, — отъ природы весьма умный, даровитый бурятъ разсказывалъ намъ объ этой *абѣ* съ особенною эпическою воодушевленностью, и въ тоже время съ яснымъ, нѣсколько даже гордымъ сознаніемъ замѣчательной стройности ея организаціи. Сущность его разсказа такая: «*Аба,* это большая звѣро-промышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя аба была въ 1870 г. Обыкновенно съ осени собираются буряты, человѣкъ по 1,000, 1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собой лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собой въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и все складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ все изъ одного и того же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостой и судьею артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждаго провизію, *вѣситъ ее на рукѣ*, возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ, точно ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ, вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельнаго старшину. Передъ отправкой на промыселъ, на абу, каждая артель

оставляетъ старику — главному, общему артельному старостѣ и судьѣ по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того, всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаютъ за согласіемъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ. Въ случаѣ споровъ, или вообще какого нибудь нарушенія артельнаго согласія,—судитъ ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры. Судъ происходитъ тогда, когда сходятся всѣ въ какомъ нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели провинится въ чемъ нибудь,—то, на собраніи всей артели, берутъ у виновнаго шапку, кладутъ ее по серединѣ стойбища, и главный артельный староста или судья-старикъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взываетъ къ тэнгэри-бурхану, заклинаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ, и наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ въ воздухъ, надъ самой шапкой: если стрѣла упадетъ на шапку, — значитъ обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто-либо изъ артельщиковъ что-нибудь потеряетъ въ лѣсу,—то нашедшій потерянную вещь непремѣнно долженъ представить ее общему артельному старостѣ. Тотъ, опять, на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ-ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь артельщикъ выходитъ и получаетъ ее при всей артели. Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи и т. п. Въ самомъ звѣроловствѣ артельномъ строго выдерживается первобытный, своеобразный альтруизмъ, дружба и взаимность съ ближнимъ, съ товарищемъ. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хоть даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ, всѣ упромышленные звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся поровну, подъ контролемъ артельнаго суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская

звѣро-промышленная, облавная артель, называемая *абой*. Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты разсказываютъ объ ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о священномъ учрежденіи предковъ. Гдѣ въ Сибири, въ русскомъ поселеніи, встрѣтите такую стройную организацію артели, строго выдерживающую и свято охраняющую принципы соціально-кооперативной, артельной вѣрности, честности, справедливости и солидарности? Нигдѣ. Только алекминскіе и витимскіе артели, составлявшіяся въ прошломъ столѣтіи русскими сѣверно-морскими звѣро-промышленниками на соболиномъ промыслѣ и подробно описанные Крашенинниковымъ, вслѣдствіе общечеловѣческаго единства соціальныхъ инстинктовъ, порождающихъ артели, приближались къ строю этой бурятской абы, и аналогичны съ нею. Нельзя не пожалѣть, что тѣ артельныя начала, или лучше сказать, тѣ инстинкты соціально-кооперативной взаимности, которыя порождаютъ правильно организованныя артели, вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ эгоистически пріобрѣтательной промышленности, вслѣдствіе множества неблагопріятныхъ соціальныхъ условій, разъединяющихъ народъ, все болѣе и болѣе ослабѣваютъ. Между тѣмъ въ нихъ есть самое здоровое, самое плодотворное зерно для реформы соціальной организаціи народнаго труда. И артельнымъ творчествомъ не оканчивается общественная зиждительная сила естественныхъ соціальныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Въ той же дикой, грубой улусной общинѣ бурятской, хотя и не развито вовсе разумно-сознательная, научно-антропологическая идея справедливости, но все-таки инстинкты естественной единокровно-родовой соціальной симпатіи породили довольно замѣчательную своеобразную организацію общиннаго суда. «Буряты раньше насъ дошли до гласнаго суда» — такъ замѣтилъ намъ одинъ умный и довольно развитый писарь Степной Думы. И точно, старинный самобытный бурятскій судъ — это, въ нѣкоторомъ отношеніи зародышъ, архаическій прототипъ современнаго гласнаго суда. (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Географическаго общества, т. V, № 3 и 4; Щаповъ, Бурятская улусная родовая община). Въ виду такихъ ясныхъ и относительно полныхъ

данныхъ объ общинномъ землевладѣніи у Бурятъ, мы можемъ назвать совершенно невѣрнымъ сообщеніе другаго наблюдателя бурятскаго быта, бросившаго между поверхностными разсказами о томъ и семъ фразу, будто «всякій данный клочекъ земли (у Бурятъ) разсматривается, какъ опредѣленная личная или семейная *собственность* (Отчетъ Сибирскаго отдѣла географическаго общества за 1868. Спб., 1869. Стр. 124 и слѣд.). Подобныя замѣтки туристовъ, приступающихъ къ наблюденіямъ безъ всякихъ знаній и съ готовымъ аршиномъ, именно и производятъ ту страшную путаницу, которою особенно поражаетъ исторія землевладѣнія.

Организація родовой пастушеской общины у якутовъ въ главныхъ основаніяхъ сходна съ бурятской. Важнѣйшія черты ея таковы:

1) Нѣсколько семействъ, происходящихъ отъ одного родоначальника и заключающихъ въ себѣ 30, 50, 70, 100 и болѣе душъ мужескаго пола составляютъ особый родъ, который называется по имени общаго родоначальника. Во главѣ каждаго такого рода стоитъ старшина. 2) Изъ нѣсколькихъ подобныхъ родовъ—двухъ, трехъ и болѣе—составляется наслегъ, заключающій въ себѣ обыкновенно отъ 100 до 1,000 душъ мужескаго пола и получающій названіе старшаго по происхожденію рода. Напримѣръ, малтанскій наслегъ называется такъ по имени старшаго изъ трехъ родовъ (малтанскаго, миганинскаго и бестянскаго), входящихъ въ его составъ. Управляющій наслегомъ назывался до 1818 г. князьцомъ, но съ этого времени князьцы были переименованы въ старшины, а наслеги стали называться родовыми управами. Якуты, однакожъ, повидимому держатся старыхъ названій, считая новыя почему-то „неудобными и унизительными". Наслегъ, слѣдовательно, представляетъ союзъ родовъ. Владѣнія каждаго изъ такихъ союзовъ имѣютъ опредѣленныя границы и пространство: наслегъ представляетъ собою исключительно территоріальную единицу. Изъ нѣсколькихъ наслеговъ составляется улусъ, значеніе котораго чисто административное (Сборникъ обычнаго права, стр. 200—201) и который для насъ въ данномъ случаѣ не представляетъ интереса. Внутренняя организація наслега, напротивъ, представ-

ляетъ всѣ черты поземельной общины. Якуты, входящіе въ составъ одного наслега „живутъ не въ одномъ мѣстѣ, селеніями, но разсѣянно, разстояніемъ отъ средоточія наслега и мѣста собранія на 50, 100, 300 и 500 верстъ, да и живущіе вблизи постояннаго, на одномъ мѣстѣ, жительства не имѣютъ, а переходятъ съ одного мѣста на другое: зимой — въ тѣ мѣста, на коихъ заготовляютъ сѣно, а лѣтомъ въ тѣ, которыя обилуютъ подножнымъ кормомъ для скота. Многіе удаляются въ отдаленныя мѣста для промысловъ рыбы и звѣрей, другіе, отлучившись въ городъ для работъ—въ Охотскъ—за доставленіемъ казенныхъ тягостей остаются тамъ надолго (Сборникъ, стр. 210).

Во владѣніи и пользованіи каждаго наслега находится извѣстное пространство земли, заключающей въ себѣ: степи, поля, острова на рѣкахъ, удобные для сѣнокосовъ и пастьбы скота, составляющаго единственное имущество якутовъ, далѣе рѣки и озера, важныя для рыболовства, лѣса, богатыя звѣремъ, количество котораго, впрочемъ, изъ году въ годъ уменьшается.

Угодьями этими якуты пользуются на такихъ основаніяхъ:

1) Звѣриные промыслы якуты могутъ производить на всемъ пространствѣ занимаемой ими территоріи „свободно, безъ всякаго препятствія, какъ со стороны тунгусовъ, такъ и между собою";

2) на всемъ пространствѣ наслега всѣ якуты, входящіе въ его составъ „пользуются рыбными и звѣриными промыслами невозбранно, не расчитывая того, что таковыя угодья состоятъ въ участкѣ одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ родниковъ",

3) якуты стороннихъ наслеговъ не имѣютъ права безъ дозволенія мѣстныхъ жителей промышлять въ чужихъ владѣніяхъ рыбу и звѣрей „исключая того, что мимоходомъ или мимоѣздомъ могутъ стрѣлять птицъ и звѣрей, ловить лѣсныхъ птицъ, ставить морды и сѣти для рыбы на пропитаніе". Это, такъ сказать, одинъ изъ видовъ гостепріимства, такъ сильно распространеннаго у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Но постоянныхъ промысловъ безъ позволенія жителей наслега сторонніе производить не могутъ, въ противномъ случаѣ у нихъ отби-

рается половина добычи натурою или деньгами, по цѣнѣ звѣря или рыбы, въ пользу наслежниковъ. Брать звѣря или птицу изъ чужихъ сѣтей или морды, рыболовушки и петли считается, разумѣется, воровствомъ. За помощь при охотѣ за звѣремъ, помогавшій получаетъ часть добычи или денежной стоимости ея, смотря по размѣру оказанной помощи. Такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ угодьямъ во всей силѣ господствуетъ право перваго захвата. Способы пользованія сѣнокосами отличаются отъ принятыхъ въ русскихъ деревняхъ тѣмъ, что за единицу распредѣленія принимается у якутовъ не душа, а въ однихъ наслегахъ количество ясаковъ, въ другихъ количество поборовъ вообще, что объясняется вліяніемъ фискальной системы. Въ первомъ случаѣ на оклады соболиные кладется въ однихъ наслегахъ по 12 и 9, въ другихъ по 6 остожьевъ, на лисичные оклады въ одномъ по 4, въ другихъ по 2 остожья (остожьями называются сѣнокосныя мѣста, на которыхъ становится отъ 8 до 13 саженъ сѣна). Вообще число остожьевъ на окладъ зависитъ отъ количества сѣнокосной земли, поступающей въ раздѣлъ. Въ соболиномъ окладѣ иногда состоитъ одинъ наслежникъ, иногда болѣе: два, три, и въ послѣднемъ случаѣ сѣно дѣлится поровну. Полосы, положенныя въ лисичный окладъ, дѣлятся всегда лишь на двѣ части. Въ нѣкоторыхъ наслегахъ якуты, какъ при разверсткѣ поборовъ и ясаковъ, такъ и по отношенію къ пользованію землей дѣлятся на 4 или 5 разрядовъ. Къ первому разряду причисляются богатые, имѣющіе до ста скотинъ, ко второму „посредственно-богатые", къ третьему „имѣющіе большой достатокъ", къ четвертому имѣющіе средства „пропитывать себя безбѣдно" и къ пятому „бѣдные". Соотвѣтственно этому дѣлятся и покосы. Съ какого времени вмѣсто потребностей и силъ семьи принята мѣрой участія въ общинной земли платежная способность сказать нельзя, хотя очевидно, что подобное измѣненіе могло явиться лишь послѣ подчиненія якутовъ Москвѣ.

Не смотря на такую неравномѣрность раздѣла угодій въ якутской скотоводческой общинѣ, рѣзко отличающей ее отъ русской земледѣльческой общины, „раздѣломъ, чинимымъ такимъ порядкомъ, всѣ якуты бываютъ довольны". Такая нерав-

номѣрность можетъ быть поддерживается отчасти и самимъ родовымъ бытомъ. Вліяніе родоваго быта обнаруживается также въ томъ, что „при раздѣлѣ покосовъ уважается древность владѣнія, такъ какъ оныя переходятъ отъ отца къ сыну и т. д., въ томъ количествѣ, въ какомъ предки владѣли". Въ случаѣ поврежденія наслѣдственныхъ покосовъ отъ затопленія водой или другихъ причинъ взамѣнъ ихъ даются соотвѣтствующіе участки въ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно, при такомъ порядкѣ имѣютъ въ виду достигнуть лучшаго обезпеченія личнаго труда. Однакожь, въ случаѣ необходимости надѣленія другихъ членовъ общины при возрастаніи населенія наслега, количество такихъ наслѣдственныхъ паевъ уменьшается, равно, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣднѣвшіе владѣльцы будутъ не въ состояніи отправлять общественныхъ повинностей сообразно количеству покосовъ.

Вдовы и вообще одинокія женщины пользуются паями сѣнокосной земли лишь въ томъ случаѣ, если при нихъ находятся родныя или воспитываемыя дѣти, и если они отъ лица своихъ питомцевъ исправно платятъ ясаки и отбываютъ повинности. Въ противномъ случаѣ участки отбираются. Бездѣтнымъ же вовсе не дается земли. Отсутствіе правильной помощи женщинамъ и дѣтямъ составляетъ слабую сторону обычной общины. Но можетъ быть и это явленіе обязано своимъ происхожденіемъ косвенному вліянію тягловаго начала, оказавшаго такое сильное вліяніе на всѣ стороны общиннаго быта.

Далѣе, каждый владѣлецъ вправѣ, съ вѣдома и дозволенія родовыхъ начальниковъ, отдать свою долю въ общинныхъ покосахъ „своимъ и другимъ разнаго званія людямъ въ кортомъ или залогъ на урочное время, но не далѣе, однакожъ, четырехъ лѣтъ; въ этомъ случаѣ никакого препятствія не бываетъ и не должно быть, потому что многіе симъ способомъ оплачиваютъ подати и повинности, въ случаѣ же несостоятельности владѣльца въ платежѣ податей и повинностей, мѣста поступаютъ въ распоряженіе наслега; потомъ, владѣющій мѣстами за кортомъ или по залогу, предварительно зимой или весной, гораздо прежде наступленія времени къ сѣнокосу, из-

вѣщается и долгъ свой, если мѣста въ залогѣ, получаетъ отъ должника, не дѣлая никакого притязанія наслегу".

Подобно тому, какъ у бурятъ, здѣсь каждый хозяинъ обязанъ огородить покосы своего участка для предупрежденія потравы сѣна скотомъ до уборки. Пастбищами, носящими у якутовъ названія лѣтниковъ, пользуются здѣсь слѣдующимъ образомъ:

1) ими могутъ пользоваться исключительно только члены одной общины—наслега: якуты стороннихъ наслеговъ безъ позволенія мѣстныхъ жителей жить на нихъ съ своимъ скотомъ не имѣютъ права;

2) Никто изъ членовъ наслега не можетъ устроивать на лѣтникахъ „огороди" для скота,—„подскотины"—подъ опасеніемъ выговора „при наслежномъ обществѣ" и разрушенія городьбы;

3) на лѣтникахъ, островахъ и лѣсныхъ урочищахъ каждому роднику, во владѣніи своего наслега не запрещается „съ вѣдома и дозволенія родоначальниковъ и родниковъ, расчищая лѣса, осушая болота, выпущая озера, устроивать покосы и городить оные, а потомъ по совершенномъ улучшеніи въ вознагражденіе трудовъ и убытковъ, на улучшеніе тѣхъ мѣстъ употребленныхъ, пользоваться безъ участія прочихъ родниковъ десять лѣтъ". Это уваженіе къ личному труду, которое противниками общины обыкновенно отрицается въ ней, свойственно общинѣ, очевидно, на всѣхъ стадіяхъ развитія. Но община всегда весьма точно указываетъ мѣру вознагражденія этого труда, сообразуясь съ общепринятой въ данное время нормой его цѣнности.

4) Каждый улусъ, какъ мы сказали, составляетъ отдѣльную административную единицу, наслегъ—союзъ общинъ. Но смежные улусы и наслеги не препятствуютъ другъ другу въ свободной пастьбѣ скота на пастбищахъ „потому что неудобно и невозможно цѣлыя владѣнія каждаго наслега обвести городьбой" (Самоквасовъ, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ). Но, какъ сказано, община не есть только поземельный союзъ. Она представляетъ болѣе сложное явленіе и имѣетъ цѣлію вообще обезпеченіе своимъ членамъ возможно-

сти къ равному существованію, поддержаніе общаго благосостоянія на одинаковомъ уровнѣ. Распредѣленіе земли представляетъ лишь частный случай, лишь одно изъ многочисленныхъ проявленій міровоззрѣнія, свойственнаго народамъ, живущимъ общиннымъ бытомъ. Гостепріимство, взаимная помощь въ несчастіяхъ и трудныхъ случаяхъ жизни вообще составляютъ такія же непремѣнныя явленія общинной жизни. Въ настоящее время, впрочемъ, даже у пастушескихъ народовъ первобытныя отношенія значительно измѣнились и смѣсь новаго съ старымъ привела въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ довольно нелѣпымъ результатамъ. Формы сохранились, но содержаніе ихъ совершенно иное, прежніе обычаи остались теперь лишь въ видѣ пустыхъ, мертвыхъ обрядовъ, удерживаемыхъ по традиціи, освященной религіей, и одинаково тягостныхъ для всѣхъ. Возьмемъ, напримѣръ, гостепріимство — явленіе распространенное среди всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ и важное значеніе котораго въ быту этихъ трудно оцѣнить въ достаточной степени. У якутовъ оно развито въ неменьшей степени, чѣмъ и у другихъ народовъ. Каждый хозяинъ при посредственномъ состояніи готовъ принять въ домъ свой безпомощнаго, больнаго и безпріютнаго сироту и оказать ему возможное пособіе. Каждаго почтеннаго гостя хозяинъ считаетъ обязанностью дарить какою нибудь вещью. Прежде это было взаимное нравственное обязательство, не стѣсненное никакими правилами относительно мѣры гостепріимства. Но теперь каждый гость непремѣнно долженъ отдарить равноцѣнной вещью. И въ судебныхъ мѣстахъ Якутска весьма часто разбираются иски по поводу разсчетовъ за гостепріимство (Журналъ Мин. Внутрен. Дѣлъ, 1854, № 7, якуты). Въ болѣе глухихъ, отдаленныхъ мѣстахъ прежнія отношенія сохранились, конечно, въ большей чистотѣ. Одну изъ такихъ глухихъ мѣстностей представляетъ Жиганскій улусъ Верхоянскаго округа Якутской области [1]). Племена, населяющія Жиганскій улусъ: русскіе, якуты и тунгусы. Но, по физіономіи, образу жизни, языку и нравамъ здѣшнихъ рус-

[1]) Записки Сиб. Отд. Географ. Общ. 1856. I. Описаніе Жиганскаго улуса, Хитрова, стр. 66—67.

скихъ и тунгусовъ слѣдуетъ причислить къ якутамъ: такъ во всемъ слились они съ этими послѣдними.

Изъ всѣхъ мѣстностей якутской области этотъ край отличается наибольшею простотою нравовъ, искренностью и добросовѣстностью жителей. „Въ лѣтнюю пору всѣ перечисленныя племена, по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, кочуютъ съ своими стадами оленей по болотистымъ и обнаженнымъ тундрамъ близь береговъ Ледовитаго моря и питаются продуктами промысла дикихъ оленей. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ и тамъ подстрѣлены ими олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ, и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа, по общему приговору, дается кому-нибудь одному. По туземному, этотъ даръ называется *нимать*. Въ правѣ на нимать соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Такимъ образомъ, убьетъ ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ, или одну, польза для него одинакова, т. е., онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на то. Такой обычай основанъ у туземцевъ на тѣхъ понятіяхъ о промыслѣ божіемъ, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не собственнымъ искусствомъ, а по соизволенію божію, и не для себя, а для всѣхъ вообще, и если бы промышленникъ началъ споръ о томъ, то долженъ навсегда лишиться таланта въ охотѣ. Звѣри будутъ убѣгать его, глазъ измѣнять ему, и самое оружіе лишится своей силы. Другой, не менѣе оригинальный обычай существуетъ между туземцами—помогать единоплеменникамъ. Случается, что волки нападаютъ на стадо оленей, истребляютъ его на повалъ, и бѣднякъ якутъ или тунгусъ, среди безпредѣльныхъ и безжизненныхъ тундръ, подвергается опасности умереть отъ голода и холода. При первой возможности, онъ обращается къ своимъ родовичамъ съ просьбою о помощи. Они ему тотчасъ же даютъ до тридцати оленей, и бѣднякъ живетъ опять своимъ домомъ и въ своей семьѣ. Священникъ Хитровъ, разсказъ котораго приводимъ мы здѣсь, зналъ одного якута получавшаго такія

пособія три года сряду (Записки Сибир. Отд. Географич. Общ. 1856, I, Описаніе Жиганскаго улуса).

Среди сибирскихъ инородцевъ можно наблюдать чрезвычайно интересное явленіе, именно переходъ кочевой пастушеской общины къ осѣдло-земледѣльческой. Изслѣдованіе этого явленія особенно важно для объясненія многихъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи русской общины. Собственно процессъ измѣненія въ культурѣ мы изложимъ по возможности въ общихъ чертахъ. Пастушеское хозяйство замѣняется земледѣліемъ повсюду чрезвычайно медленно. Нужно достаточно сильное измѣненіе въотношеніи населенія къ количеству средствъ пропитанія, доставляемаго стадами, чтобы заставить его приняться за обработку почвы, и земледѣліе входитъ въ планъ жизни сначала лишь какъ побочная, второстепенная вѣтвь хозяйства. Недостатокъ орудій, отсутствіе знаній и искусства въ обработкѣ почвы должны увеличивать и безъ того значительный при первобытномъ земледѣліи рискъ: опасеніе неурожая должно было, какъ и гдѣ только это было возможно, держаться скотоводства, какъ главнаго источника средствъ къ существованію. Притомъ же земледѣліе требуетъ привычки къ постоянному тяжелому труду, которой не на чѣмъ было развить въ себѣ скотоводу. На первыхъ порахъ, вслѣдствіе того, должны были обрабатываться лишь наиболѣе плодородныя мѣста, которыя послѣ истощенія замѣнялись другими. Пахатное поле также переходило по степи, какъ и его хозяинъ. Лишь съ того момента, когда кочевое племя дѣлается осѣдлымъ, центръ тяжести переносится на земледѣліе, которое мало по малу начинаетъ производиться постоянно на ближайшей къ усадьбѣ землѣ. Какія измѣненія въ поземельныхъ отношеніяхъ ведетъ за собой прогрессъ культуры? Справедливо ли общепринятое мнѣніе, будто этотъ прогрессъ съ каждымъ шагомъ необходимо долженъ расширять права личности относительно пользованія землей, пока наконецъ, не выработается свободная и совершенно независимая индивидуальная собственность? Исторія общиннаго землевладѣнія съ перваго взгляда ставитъ, повидимому, такое мнѣніе внѣ сомнѣнія. При кочевой жизни вся земля находится въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ. Съ расселе-

ніемъ по деревнямъ или дворамъ усадьба и ближайшая къ усадьбѣ земля исключается изъ общаго раздѣла и поступаетъ въ постоянное пользованіе извѣстнаго члена общины. Втеченіи времени удлиняются сроки передѣловъ и остальной земли. Но, было бы совершенно несправедливо думать, что за этимъ удлиненіемъ естественно должно слѣдовать уничтоженіе передѣловъ на подворные участки, округленіе этихъ послѣднихъ, и вообще возникновеніе права собственности. Ходъ историческаго развитія поземельныхъ отношеній въ Германіи, который имѣлъ въ виду Кейсслеръ (Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, Riga, 1876) поддерживая это мнѣніе, вовсе не можетъ быть признанъ нормальнымъ и рѣшающимъ дѣло, такъ какъ извѣстно, что онъ обусловливался не развитіемъ самой общины, а совершенно внѣшними условіями. (См. мой „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи"). Какъ бы ни измѣнялась форма общины, ея основная черта—обезпеченіе каждому равнаго права на землю остается неизмѣннымъ. Реализація же этого права можетъ, конечно, осуществляться различнымъ образомъ, но переходъ къ порядку, исключающему такое право, очевидно не можетъ совершиться безъ насилія ни при какихъ культурныхъ условіяхъ. Г. Кейсслеръ повидимому и самъ сознавалъ это, иначе ему не для чего было бы прибѣгать для подтвержденія своей мысли къ такого рода предположеніямъ, будто въ человѣкѣ существуетъ сильное стремленіе къ господству, выражающееся въ потребности, съ одной стороны освободить свою личность отъ власти общины и семьи, съ другой—достигнуть возможно неограниченной власти надъ внѣшней природой. Къ сожалѣнію онъ подобно своимъ предшественникамъ Чичерину и др., не привелъ никакихъ доказательствъ присутствія «въ груди человѣка» этой роковой страсти, такъ что трудно его опровергать. Но все, что мы знаемъ о милліонахъ людей, занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ, нисколько не обнаруживаетъ въ нихъ такого стремленія къ господству во что бы то ни стало. Сотни, тысячи лѣтъ живутъ эти люди, не только не обнаруживая желанія избавиться отъ общины, но и оказывая дѣятельное сопротивленіе всякимъ попыткамъ такого рода извнѣ, и, что еще важнѣе, постоянно приспособ-

няя свою историческую наслѣдственную форму быта къ новымъ условіямъ. Осѣдло-инородческая община представляетъ одинъ изъ примѣровъ такого сознательнаго приложенія общиннаго принципа къ новымъ отношеніямъ. «На Ленѣ, говоритъ Щаповъ (по рѣкамъ Кудѣ, Ленѣ, Манзуркѣ и Ангѣ), какъ въ русско-крестьянскихъ, такъ и *осѣдло-инородческихъ* селеніяхъ сохраняется принципъ общиннаго землевладѣнія, хотя при обширномъ, даже чрезмѣрномъ, сравнительно съ населенностью края многоземельи, принципъ этотъ пока еще не можетъ оказывать ощутительнаго, прямаго вліянія на благосостояніе крестьянъ. И ленскія крестьянскія общины хотя не сознаютъ, не понимаютъ вполнѣ отчетливо начала общиннаго землевладѣнія, но все-таки, однакожь, инстинктивно берегутъ его, какъ священное начало, чувствуютъ всю его существенную многозначительность въ своихъ общинно-юридическихъ правахъ на землю. «Земля, говорятъ ленскіе крестьяне, ничья, а божья, да государственная, общественная, мірская». Но какъ земли въ ленскомъ краю, говорятъ, необъятное множество, то крестьяне въ каждой общинѣ обыкновенно захватываютъ и распахиваютъ пашни столько, сколько хотятъ и могутъ. Этой распаханной землей они и *владѣютъ пожизненно*; передаютъ ее своимъ дѣтямъ, могутъ даже продавать или отдавать въ кортому на разные срока, но, впрочемъ, самое большее только лѣтъ на 40. Умираетъ какой нибудь общинный землевладѣлецъ, оставляетъ въ пустошахъ примѣрно десятинъ 30, 40 и болѣе распаханной имъ земли, если наслѣдники его, дѣти, не живутъ въ общинѣ, гдѣ жилъ ихъ отецъ, не пашутъ отцовскихъ пустошей, то ихъ можетъ безпрепятственно *пахать и засѣвать* всякій другой общинникъ, кто только захочетъ и сколько захочетъ и можетъ, лишь бы онъ принадлежалъ къ той же общинѣ, къ которой принадлежитъ и земля. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ ангинской общинѣ (по рѣкѣ Ангѣ, впадающей въ Лену) многія пашни, особенно распаханныя нѣкогда въ количествѣ болѣе 30 или 40 десятинъ богатымъ дьячкомъ ангинской церкви — изстаринно родовымъ членомъ общины, заброшенныя сыномъ, перебывали въ послѣднія пять-

десять лѣтъ уже въ нѣсколькихъ крестьянскихъ рукахъ, какъ пашни общественныя.

И не только пашни на поляхъ, но и усадебныя мѣста въ слободѣ или селеніи также считаются общинными. Если, напримѣръ, какой нибудь членъ общины умираетъ, не оставляя послѣ себя принадлежащихъ къ крестьянской общинѣ наслѣдниковъ своего дома и прилежащей къ нему усадьбы, утуга, огорода, гуменнаго или заограднаго баннаго мѣста (вдали отъ дома, напримѣръ, въ саженяхъ 30 или 40 и болѣе), то сосѣдъ общинникъ нужную ему часть усадебной земли прихватываетъ себѣ, не испрашивая изволенія занять ее у наслѣдниковъ умершаго сообщника, вышедшихъ изъ общины,—захватываетъ ее полноправно, безпрепятственно со стороны общины, какъ часть земли общинной, и слѣдовательно ему принадлежащей наравнѣ съ другими общинниками, какъ полномочному или равноправному члену общины. Какъ пашни и усадебныя мѣста, такъ и покосы и пастбища или поскотины также общинныя. Въ пашняхъ на Ленѣ не бываетъ общинныхъ передѣловъ, такъ какъ хлѣбопахатной земли тамъ еще необъятный просторъ, и система „залоговъ, полная возможность безпрепятственной распашки въ хребтахъ какого угодно количества десятинъ новой земли еще устраняетъ необходимость передѣловъ. Но покосы при наибольшей ограниченности луговъ и другихъ расчищенныхъ сѣнокосныхъ угодій ежегодно (около 20 числа іюля) дѣлятся между общинниками по жеребьямъ на, такъ называемыя, „рукавицы“ или паи въ разныхъ лугахъ для соблюденія безпристрастія и справедливости въ личномъ пользованіи хорошимъ или худымъ покоснымъ участкомъ. По уборѣ сѣна съ покосовъ въ остожья, когда отворяются ворота общественной загороди, охраняющей луга отъ скота, покосныя луга каждаго селенія становятся общими пастбищами для скота всѣхъ сосѣднихъ прилежащихъ деревень. Степныя поскотины также общинныя. У Манзурской слободской общины покосы и обширная поскотинная степь общія съ 6—10 прилежащими сосѣдними деревнями: съ Сѣдовской и Подкручинской заимками, съ деревнями Карлукомъ и Аргуномъ, съ селеніями Копыловыхъ, Полосковыхъ и другихъ. У

Ангинской слободской общины поскотина общая съ Тарайскимъ селеніемъ, съ Заимкой Ангинской слободы и съ нѣкоторыми мелкими выселками: Кожевниковскими, Рыжковыми и пр. Наконецъ, во многихъ селахъ и деревняхъ при частныхъ утугахъ есть еще и общинныя телятники. Такъ, напримѣръ, въ Усть-Ордынской общинѣ (при рѣкѣ Кудѣ) при частныхъ утугахъ есть общинный телятникъ, хотя весьма небольшой, всего только около $1^1/_2$ десятины. Въ Ользоновскомъ (осѣдло-инородческомъ селеніи) тоже есть общинный телятникъ десятины въ 4 или болѣе. Въ Ангинской слободѣ, при существованіи у каждаго крестьянина особаго частнаго утуга, есть тоже и общинный телятникъ, простирающійся по берегу рѣки Анги, между Слободой и Зарѣчьемъ, десятинъ въ 5 или 6. Вообще въ рѣдкихъ ленскихъ деревняхъ нѣтъ общинныхъ телятниковъ (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Географическаго общества, Т. VI, № 3. Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ, А. Щапова, стр, 97 и слѣд.). Какъ ни не полно это описаніе, но и по заключающимся въ немъ даннымъ не трудно узнать въ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ тотъ же типъ общинной организаціи, который, какъ я старался доказать въ своемъ „Очеркѣ исторія сельской общины на сѣверѣ Россіи", составляль первую исторически-извѣстную форму русской земледѣльческой общины, названную мною тамъ „волостной общиной". Теперь можно съ достаточною вѣроятностью утверждать, что этотъ типъ общины характеризуетъ время перехода отъ пастушескаго быта къ земледѣльскому, такъ какъ осѣдлые инородцы находятся именно въ этомъ переходномъ состояніи и, что волостная община представляетъ первую форму общинной организаціи, изъ которой потомъ вслѣдствіе измѣненій соціально-экономическихъ условій развились другіе типы ея. Но прежде, чѣмъ перейти къ исторіи русской общины, я для полноты очерка поземельныхъ отношеній инородцевъ, приведу здѣсь еще нѣкоторыя данныя—едва ли это не все, что имѣется въ литературѣ — о пользованіи землей и угодьями у тунгусовъ и лопарей. Первые, преимущественно, звѣроловы, вторые рыболовы.

Наблюдатель надъ бытомъ тунгусовъ, описаніемъ котораго

намъ приходится пользоваться (Львовъ, о звѣроловствѣ Забайкальскаго края. Журналъ Министерства Государственныхъ имуществъ, часть XXXIII, 1849; 4) сходится съ Альквистомъ и Альбертомъ въ томъ отношеніи, что представляетъ тунгусовъ, подобно вогуламъ и самоѣдамъ, наслѣдственными владѣльцами, и повидимому, также несправедливо, какъ и тѣ.

«Бродячіе тунгусы говоритъ Львовъ, удержали издавна за собою какое-то право на владѣніе лѣсами, гдѣ они производятъ звѣриные промыслы; хотя всѣ лѣса и земли въ Сибири составляютъ принадлежность государственныхъ имуществъ, но каждый тунгусъ наслѣдственно владѣетъ своимъ урочищемъ или рѣкою, и уже постороннее лицо не можетъ промышлять въ семъ урочищѣ. Это право они оградили собственными законами, за нарушеніе коихъ виновные подвергаются строгому наказанію; напримѣръ, въ случаѣ улова соболя въ чужомъ урочищѣ, промышленникъ не имѣетъ права продать его на базарѣ, не объявивъ о томъ первоначально хозяину этого урочища, съ которымъ онъ дѣлитъ барышъ пополамъ; если же промышленникъ утаитъ добычу свою, что случается, впрочемъ, весьма рѣдко, какъ утверждаютъ баргузинскіе жители, то по общественному приговору, онъ обязывается уплатить за нее втрое болѣе. Скрыть же отъ хозяина соболя ему довольно трудно, потому что всякій тунгусъ узнаетъ соболей своего урочища по масти, или какъ они выражаются по водѣ. Если соболь перебѣжитъ за границы одного урочища въ другое сосѣдственное, то тунгусъ, хозяинъ перваго, обязывается также объявить о томъ своему сосѣду, удѣляя и въ этомъ случаѣ извѣстную долю изъ товара, вырученнаго за звѣря. Тунгусъ, можно сказать, воспитываетъ соболя; онъ бьетъ только достигшаго извѣстнаго возраста, а молодаго бережетъ". Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, (Сибирскій вѣстникъ, 1822, часть XX: забайкальскіе тунгусы, 57—59), что тунгусы раздѣляются на поколѣнія, а эти на племена или роды. Невѣроятно, чтобы члены одного и того же рода не были связаны между собой общиннымъ владѣніемъ землей—это противорѣчило бы всему, что извѣстно объ этихъ союзахъ, — тѣмъ болѣе невѣроятно, что тунгусы отличаются большою наклонностью къ

артели и способностью организовать общія предпріятія. Возьмемъ, напримѣръ, охотничьи артели. Самый главный промыселъ тунгусовъ — бѣлкованіе [1]). Осень, начиная съ Покрова, считается самымъ лучшимъ для этого временемъ, потому что тогда бѣлка покрыта уже густою, пушистою шерстью и къ тому же удивительно распложается. Она бываетъ сама-тридцать. Къ Николину дню промышленникъ возвращается домой. Удачный промыселъ окупаетъ не только ясакъ и всѣ повинности: бережливый хозяинъ продовольствуется имъ круглый годъ. Такимъ образомъ, осень для ясачнаго инородца самое важное время въ году, имѣющее вліяніе и на порядокъ его домашней жизни. За мѣсяцъ уже начинаются приготовленія къ промыслу. Прежде всего промышленники, сговорясь между собою, составляютъ артели, отъ 4 до 5 человѣкъ. Очень рѣдко случается, чтобы въ отдаленныя мѣста отправлялся одинъ человѣкъ. *Вся добыча раздѣляется между ними поровну*, и тогда хозяинъ посылаетъ отъ себя одного или нѣсколькихъ работниковъ, присовокупляетъ ихъ къ артели, снабжаетъ припасами и выдѣляетъ имъ часть изъ добычи. Въ каждой артели одинъ долженъ знать хорошо избранную мѣстность и назначается вожатымъ; тотъ-же, кто не такъ мѣтко стрѣляетъ или идетъ въ первый разъ на промыслы, или-же, что считается за самое важное въ промыслахъ, неудаченъ, назначается кочевникомъ. Его дѣло состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за вещами и лошадьми. Прійдя на мѣсто, указанное вожатымъ, остаются на ночлегъ (обыкновенно ночлеги назначаются отъ пади до пади, отъ 5—10 верстъ другъ отъ друга), кочевникъ разгребаетъ снѣгъ, раскладываетъ огонь, варитъ пищу, рубитъ дрова и сучья, таскаетъ ихъ на таборъ и устраиваетъ плетень для промышленниковъ. Товарищи, возвратясь къ вечеру, уже находятъ въ готовности мясо и чай. На слѣдующее утро вожатый назначаетъ, когда и гдѣ остановиться, послѣ чего всѣ расходятся по своимъ избраннымъ лѣсамъ, не перебивая однакожъ, другъ друга; вслѣдъ за ними отправляется кочевникъ на указанное вожатымъ мѣсто.

[1]) Вѣстникъ Императорскаго русскаго географическаго общества 1857 г.: третіе путешествіе по долинѣ рѣки Нерчи поручика Усольцева, 103—106.

Артельные товарищи, сговорясь между собою, заранѣе назначаютъ для промысловъ главное мѣсто, скрывая это отъ другихъ, чтобы тѣ не могли предупредить, и, прійдя прежде, перестрѣлять бѣлку. Смотря по отдаленности мѣста и продолжительности времени, расчитываютъ количество припасовъ, назначая, какіе именно и сколько должно взять каждому; къ этому времени покупается корова и держится во дворѣ. Сельская жизнь принимаетъ тогда совершенно другой видъ. Всякое постороннее дѣло бросается, и разговоръ о предстоящемъ путешествіи становится общимъ: вездѣ, у всякаго одинъ вопросъ: кто съ кѣмъ сговаривается идти, въ какія мѣста, кто будетъ удачнѣе въ промыслахъ? Словомъ, вниманіе и дѣятельность каждаго устремлены на одинъ предметъ. Въ дому не менѣе того измѣняется жизнь: женщины заготовляютъ припасы и сухари, пекутъ калачи, шьютъ, чинятъ, снаряжаютъ промышленника, который въ это время исключительно занятъ своими приготовленіями: чиститъ и приводитъ въ порядокъ винтовку, заготовляетъ сумы и вещи, необходимыя для охотника и путешественника, хлопочетъ о собакахъ. Недѣли за двѣ передъ отправленіемъ собираются деньги для закупки пороха и свинца.

Голова отъ каждаго инородческаго рода отправляется въ городъ закупать требуемое количество и раздаетъ между промышленниками. Обыкновенно полагается на одного человѣка 2 ф. пороха и отъ 2—до 3 ф. свинца (поровну). Этого количества, какъ говорятъ, слишкомъ достаточно для всей осени, и промышленники набиваютъ бѣлокъ отъ 100 до 600 штукъ. По изготовленіи всѣхъ припасовъ и охотничьихъ снарядовъ, промышленники окончательно условливаются между собою о времени выхода. Тѣ припасы, которые идутъ въ отдаленныя мѣста, отправляются за недѣлю до Покрова, другіе же дня за два или за три. Для продолжительныхъ промысловъ, гдѣ нужно больше припасовъ, въ каждой артели есть одна или двѣ вьючныя лошади; а что не умѣстится на нихъ, то увязывается въ торокахъ и въ переметныхъ маленькихъ сумкахъ подъ сѣдломъ. Собаки ведутся на сворахъ. Ихъ у каждаго промыш-

зимника двѣ или три: одна за бѣлкою или соболемъ, а другая за лисицею и медвѣдемъ и другими звѣрями.

Снаряженная такимъ образомъ артель выступаетъ изъ селенія въ сопровожденіи родственниковъ, съ пѣснями (Усольцевъ, Путешествіе по долинѣ рѣки Нерчи).

Что касается до Лопарей, то они, не смотря на долговременное соприкосновеніе съ русскими, которое вообще было для нихъ весьма неблагопріятно, до сихъ поръ ведутъ кочевую жизнь, питаясь оленями и рыбной ловлей. Каждый лопарь три-четыре раза въ годъ и болѣе мѣняетъ мѣсто жительства. Зиму лопари проводятъ внутри страны, съ наступленіемъ весны въ апрѣлѣ переселяются изъ зимнихъ погостовъ на свои весеннія мѣста къ озерамъ и къ морю для ловли рыбы. Къ первому числу августа всѣ ѣдутъ на осеннія мѣста, гдѣ, кромѣ рыбы, промышляютъ при наступленіи зимы оленей и разныхъ пушныхъ звѣрей. На Рождество или крещенье почти всѣ собираются въ зимніе погосты. Лопари принуждены такъ бродить потому, что всѣ ихъ рѣки, озера, рѣчки, ручьи, лѣсныя ухожья, то есть, мѣста ловли птицъ и звѣрей, подѣлены между ними по родамъ съ правомъ наслѣдственнаго пользованія. Вслѣдствіе этого они и должны переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы посѣтить каждый изъ своихъ участковъ (А. Ефименко, Народные юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ архангельской губерніи. Спб., 1878, стр. 15, 43). „Рѣки, принадлежащія одному погосту или двумъ, отдаются въ аренду, какую могутъ выгадить, съ условіемъ, чтобы взявшій рѣку въ аренду, заготовлялъ самъ лѣсъ для завола и промышлялъ рыбу своими людьми. Иногда погостъ самъ беретъ на себя обязанность заготовить лѣсъ, сдѣлать заколъ, промышлять рыбу, солить ее и потомъ уже готовую сдавать хозяину за опредѣленную плату съ пуда. Семужьи тони составляютъ также общую собственность лопарей цѣлаго погоста. Способъ пользованія семужьими тонями основывается на томъ, что доходы съ этихъ тоней, какъ съ самихъ выгодныхъ статей, предназначаются, собственно, на уплату податей и мірскихъ сборовъ, какъ сказано выше. Каждому погосту принадлежитъ неодинаковое число тоней, такъ какъ число ихъ зависитъ отъ условій мѣстности; не къ

каждой тонѣ одного и того же погоста приписывается одинаковое число ревизскихъ душъ (ibid., стр. 44). На значительное развитіе общинныхъ наклонностей къ лопарямъ отчасти указываетъ ихъ способность къ исполненію работъ сообща. Изъ такихъ общинныхъ предпріятій, мы опишемъ устройство на мѣстѣ рыбной ловли забора жителями деревни Поной. Въ этой рѣкѣ имѣютъ общій ловъ нѣсколько деревень. Но заборъ устраивается жителями деревни Поноя, какъ живущими на мѣстѣ; прочіе же погосты непосредственно не участвуютъ въ его постройкѣ, а уплачиваютъ за нее деньгами по извѣстному разсчету. Всѣ участвующіе въ заборномъ ловѣ, ловятъ также поѣздами и гарвами передъ заборомъ. Для лова поѣздами необходимо быть двумъ лодкамъ съ четырьмя людьми, которые и составляютъ артель, имѣющую право на одинъ пай изъ заборнаго улова, платя 12 р. сер., или 6 съ лодки за постройку забора; эти деньги идутъ не только на вознагражденіе, но также и на покупку и доставку нужнаго для этого лѣса. Первые уловы въ заборѣ идутъ на общественные расходы и на покрытіе издержекъ по устройству забора. Затѣмъ крупная рыба продается наѣзжающимъ къ этому времени въ Поной скупщикамъ и вырученныя деньги дѣлятся поровну на каждый пай, которыхъ всего около пятидесяти. Мелкая же рыба дѣлится подушно натурою. Устройствомъ мірскаго забора заправляетъ особое выборное лицо, *заборщикъ*, къ обязанностямъ котораго принадлежитъ добываніе изъ тайниковъ, соленіе и продажа рыбы, храненіе у себя вырученныхъ денегъ и ихъ расходованіе съ общаго согласія. Заборщикъ за свой трудъ получаетъ извѣстный процентъ съ выловленной семги. (Арх. губ. вѣд., 1861 г., № 34). Озерныя тони составляютъ неотъемлемую собственность лопарскихъ семействъ. Владѣніе ими переходитъ изъ рода въ родъ на правахъ частной собственности, которую каждое семейство можетъ давать въ аренду безъ согласія общества или даже продать. Такихъ тоней считается 172 (Арханг. губ. вѣдомости, 1869, № 90). Тѣже поземельныя отношенія, такое же совмѣстное существованіе общинной и семейной собственности было у лопарей и въ XVI—XVII вѣкахъ

(А. Ефименко, народные юридич. обычаи лопарей, корелловъ, самоѣдовъ, стр. 65—66).

Приведенныя нами данныя относительно поземельныхъ отношеній инородцевъ доказываютъ:

1) что у всѣхъ этихъ народовъ, на какой бы ступени культуры они не находились, существуетъ сознаніе о принадлежности занимаемой ими земли всей совокупности лицъ, составляющихъ извѣстный народъ;

2) что земля эта подѣлена на части между извѣстными группами, связующимъ началомъ которыхъ служитъ въ большинствѣ случаевъ родство или, какъ кажется, иногда и сожительство на одной территоріи независимо отъ родственныхъ отношеній. Относительно звѣроловческихъ народовъ, въ виду противорѣчивости имѣющихся данныхъ, это положеніе нуждается еще въ подтвержденіи.

3) Каждая изъ такихъ группъ, называемыхъ родами, улусами, наслегами, погостами и т. п., владѣетъ доставшимся ей пространствомъ земли такимъ образомъ, что часть ея—выгоны, лѣсныя угодья—находится въ нераздѣльномъ и неограниченномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины, другая же часть, именно земля, удобная для сѣнныхъ покосовъ, пашни, усадьбы или стойбища, раздѣляется между ними на участки для болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія.

4) За единицу распредѣленія принимаются, повидимому, силы и потребности семьи. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ того, что при дѣлежѣ земли принимаются во вниманіе число работниковъ въ семьѣ, количество имѣющагося у каждой семьи скота, сумма платимаго ясака и земскихъ повинностей. При надѣленіи землей, соображаются съ мѣстностью, удобствомъ и пространствомъ распредѣляемыхъ земель (Обычное уложеніе Селенгинскихъ бурятъ § 163; Хорин. гл. 10, ст. 1; якутовъ гл. XI, § 2, ст. 8; Верхол. бурятъ § 39, ст. X).

5) Такъ какъ земли принадлежитъ всей общинѣ, то, понятно, распредѣленіе ея на участки и распоряженіе ею принадлежитъ только всей общинѣ.

6) Отдѣльныя семьи имѣютъ лишь права временнаго пользованія, ограниченнаго извѣстными предѣлами и связаннаго

съ непремѣннымъ обязательствомъ отбывать повинности. Семья можетъ отдавать сѣнокосныя мѣста или другія изъ отведенныхъ ей угодьевъ, съ дозволенія родоваго начальства, въ кортому (Якутск. обычное улож., глава XI, § 2), но ни продавать, ни передавать наслѣдникамъ или женамъ, ни отдавать въ приданое дочерямъ, выходящимъ въ замужество за лицъ другой общины или другаго состоянія она, не можетъ, такъ какъ это противорѣчило бы исключительному праву общины на распоряженіе землей. Каждый владѣетъ землей пока пользуется: съ прекращеніемъ факта пользованія, прекращается и право, и покинутое стойбище вправѣ занять другой (Селенг. обыч. уложеніе § 162). Но пока онъ владѣетъ извѣстнымъ участкомъ, никто другой, безъ позволенія хозяина, не можетъ на этомъ участкѣ селиться, устраивать какое либо заведеніе или располагаться кочевьемъ (Якут. обыч. улож., гл. XI, § 2, ст. 8). Перекочевка отдѣльныхъ семействъ съ одного на другое свободное мѣсто въ предѣлахъ владѣній рода допускается по надобности (Хор. ул., гл. 12, ст. 42). Никто не можетъ ни устраивать изгородей или поскотинъ на общинныхъ пастбищахъ (Якут. ул., гл. XI, § 3, ст. 6), ни удерживать плотинами воду въ вершинахъ такихъ рѣчекъ или ключей, изъ которыхъ добываютъ воду, кочующіе по теченію ихъ (Сел. ул., § 158). Въ лѣсахъ и водахъ каждый можетъ производить промыселъ свободно и независимо, но для уравненія шансовъ онъ иногда производится цѣлымъ родомъ (аба у бурятъ, артели у тунгусовъ, лопарей, и др.). При расчисткѣ нови опредѣляется извѣстный періодъ времени для отдѣльнаго владѣнія расчистью въ видахъ вознагражденія за труды.

7) Сосѣднія общины иногда имѣютъ земли въ нераздѣльномъ пользованіи, главнымъ образомъ, въ виду невозможности ихъ размежевать.

8) По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что инородческая община старается поддерживать между своими членами одинаковую степень благосостоянія, помогая въ нуждѣ и понуждая лѣнивыхъ (Туруханскій край, Бурятская община).

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы поземельныя отношенія русскихъ славянъ въ періодъ звѣроловческой, рыболовче-

ской, пастушеской и пастушеско-земледѣльческой культуры были иныя, чѣмъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ другихъ народовъ на соотвѣтствующихъ ступеняхъ развитія культуры. Жизнь первобытныхъ народовъ повсюду и во всѣ времена подчиняется въ своемъ развитіи однообразнымъ законамъ. Можно было бы доказать, если бы это не выходило изъ предѣловъ нашей задачи, всеобщность такого однообразія путемъ аналогіи всѣхъ сторонъ быта народовъ на первой ступени ихъ развитія. Формы брака и семьи, религіозныя представленія, управленіе, формы выраженія мысли — всѣ эти явленія представляются весьма сходными у различныхъ народовъ въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ земнаго шара. Въ этомъ отношеніи Русскій народъ не составляетъ исключенія и потому невѣроятно, чтобы и въ способахъ владѣнія и пользованія землей онъ не подходилъ подъ общее правило.

Напротивъ, есть полное основаніе думать, что въ доземледѣльческій періодъ общинное землевладѣніе среди русскихъ племенъ было обычной формой поземельныхъ отношеній. Въ „Очеркѣ Исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи" я старался доказать, что происхожденіе общины нельзя искать ни въ семьѣ, ни въ договорѣ, ни въ круговой порукѣ, ни въ борьбѣ съ природой и, что зародышъ ея таится въ дали доисторическихъ временъ, отъ которыхъ русскій земледѣлецъ уже унаслѣдовалъ готовыми общинные инстинкты. Въ предѣлахъ историческаго времени не могла выработаться такъ сложная и стройная форма взаимныхъ отношеній. Далѣе, русская земледѣльческая община въ той первой стадіи, которую я назвалъ волостной, представляетъ, какъ было уже сказано, поразительное сходство съ общинами пастушескихъ и пастушеско-земледѣльческихъ народовъ. Одно это уже доказываетъ, что они находятся между собою въ генетической связи.

Переходя къ исторіи русской общины, я долженъ предупредить, что до XV—XVI вѣка о ней можно найдти въ источникахъ лишь самыя не полныя и отрывочныя данныя. Но всѣ эти данныя подтверждаютъ предположеніе о существованіи общиннаго землевладѣнія, и именно въ той формѣ, которую мы нашли у другихъ народовъ, живущихъ въ одинаковыхъ куль-

льтурныхъ условіяхъ съ господствовавшими среди русскихъ славянъ въ началѣ исторіи. Земля принадлежала группѣ нѣсколькихъ селеній вмѣстѣ. Повидимому вервь Русской правды, имѣвшая преимущественно судебно-административное значеніе, представляла также и поземельную общину, хотя доказать это съ точностью нельзя. Но могла ли эта община, въ основѣ которой лежала идея взаимной помощи членовъ ея другъ другу, охраненіе всѣхъ важнѣйшихъ интересовъ ихъ (Очеркъ Исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, стр. 127 — 129), игнорировать экономическія отношенія своихъ членовъ? На поземельное значеніе верви, указываютъ многія черты ея. Прежде всего названіе: вервь (веревка) была въ древней Россіи мѣра длины, употребляемая для измѣренія земли. Напримѣръ: „а своего владѣнія отъ Елисара шло пять вервей, а другая пять вервей шла отъ Антона и отъ Ивана (А. Юрид., 35 стр.). Или „тое земли на три доли достанется двадцать три веревки“ или: „на десять вервей сѣять шесть пудовъ жита“ (А. Юр., № 23, 1571 г.). Съ другой стороны вервь особенно преслѣдуетъ всѣ нарушенія правъ на владѣніе землей. „Аже будеть розсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловлено или сѣть, то по верви искати въ собѣ татя, а любо платити продажа“ (Русская Правда, Синодальный Списокъ, ст. CXXIX). Далѣе „аже кто украдеть бобръ или сѣть, или разламаеть борть, или посѣчеть древо на межи, то по верви искати татя въ себѣ, а платить продажа“. Сравнивши эти положенія съ другими статьями, относящимися къ нарушенію правъ собственности, мы найдемъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось преслѣдовать нарушеніе правъ, связанныхъ съ поземельнымъ владѣніемъ, напр., если были попорчены или уничтожены борти, древо на межи, знаменіе на земли, „имъ же ловлено,“ бобры, сѣти въ мѣстахъ ловли и т. п., вообще, когда нарушены были права на предметы, выходящіе за предѣлы непосредственнаго личнаго владѣнія и охраненія, — то вора искали „по верви“, т. е. при участіи всей общины, и, въ случаѣ его ненаходовенія, вервь платила 12 гривенъ продажи. Напротивъ, если дѣло шло о кражѣ оружія, портъ, коней, скота и челяди, т. е. предметовъ личной собственности, то

община не помогала при отысканіи вора, а самъ истецъ или гналъ по слѣду вмѣстѣ съ послухами и чужими, или же отыскивалъ вора посредствомъ „свода“, т. е. съ поличнымъ или предметомъ спора долженъ былъ идти за отвѣтчикомъ къ тому, отъ кого этотъ получилъ вещь, отъ этого къ третьему, пока не доберется до виновнаго (ibd. CXXIII, CXXV, CXXVI, CXXIV, CXXVII). (Поземельное значеніе верви старались выяснить Лешковъ (Народъ и государство, стр. 104—106, 110—111, 114 и слѣд.), Мстиславскій (Русская Бесѣда, XI, стр. 120), Чебышевъ-Дмитріевъ (О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву) Раковецкій, Мацѣйовскій (Pierwotne Dzieje, стр. 223), Леонтовичъ, Ефименко и др. Оба послѣдніе изслѣдователя, однакожъ, ошибочно отождествляютъ вервь съ задругой, считая ее такимъ образомъ семейной общиной). Уставъ о земскихъ дѣлахъ, относительно степени соотвѣтствія котораго съ обычнымъ правомъ той эпохи и времени передѣлки съ греческаго оригинала, впрочемъ, еще не пришли къ окончательнымъ выводамъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько правилъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлить отношенія, вытекающія изъ права общиннаго землевладѣнія. „Аще древо возращено будетъ кимъ на мѣстѣ нераздѣльнѣ, и потомъ, раздѣленію бывшу, прилучится въ иного доли древо, то бытя, да не имѣетъ области инъ, но иже возрастивъ древа того; аще ли же вопіетъ осподарь мѣста того, яко обидимъ есть древомъ тѣмъ, да подастъ древо въ древо мѣсто такого жъ воспитавшему, и да не имѣетъ то“, и далѣе: „аще кто живя въ селѣ и разсмотритъ мѣсто обчее приличное мѣльницы, и доспѣетъ, и по совершеніи мѣльницы и потомъ станутъ всѣ селяне вопіюще на осподаря мѣльницы, яко обчее мѣсто за свое имѣетъ, лѣсъ и подобное ему отдадятъ проторъ, елико на мельницу испротори, и будутъ причастніи всѣ дѣлу тому; а иже раздѣленіе селища земли будетъ, обрящетъ кто въ своей долѣ мѣсто слично на сдѣланіе мельницы и потщится, о томъ не имѣетъ области иныхъ доль дѣлатели гласити о такой мельницы“; или еще: „аще раздѣленіе земли будетъ и пообидитъ кто въ жребіи ихъ, вольно порушати бывшее раздѣленіе (Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго рус-

скаго права, стр. 41, 46, 38). Здѣсь идетъ рѣчь, повидимому, о сельской общинѣ съ передѣломъ земель на „доли" или „жребіи". Право захвата на нераздѣленной землѣ признавалось, но если при передѣлѣ этой земли, захваченный участокъ доставался другому, то прежній пользователь обязанъ былъ уступить его, а за свои хозяйственныя труды, напримѣръ, за разведеніе деревьевъ, получалъ вознагражденіе отъ новаго пользователя. Въ случаѣ протеста общины противъ постройки мельницы на общей землѣ, владѣлецъ долженъ отдать ее общинѣ, получая отъ нея вознагражденіе за свои затраты. Но вообще до конца XV вѣка, по недостатку данныхъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности возстановить, хотя бы даже въ общихъ чертахъ древнія формы крестьянскаго землевладѣнія. Собственно и отъ этого времени до насъ дошли лишь немногіе, и при томъ же, чрезвычайно неполные и сбивчивые источники. Ни акты, ни писцовыя книги, древнѣйшая изъ которыхъ—переписная окладная книга Вотской пятины—относится къ 1495—96 годамъ, не имѣли цѣлью опредѣленіе поземельныхъ отношеній крестьянъ: первые имѣютъ судебный характеръ, вторыя служили для практическихъ цѣлей опредѣленія доходности земель и платежной способности населенія. Но и въ тѣхъ и въ другихъ можно встрѣтить, все-таки, много свѣдѣній о хозяйственныхъ условіяхъ древне-русскаго крестьянства. Деревенска Россія XV—XVI вѣка, по этимъ источникамъ, представляется раздѣленной на болѣе или менѣе значительные округи, называвшіеся въ Новгородской области погостами, въ Московской—волостями, въ Псковской—губами. Названія эти имѣли одинаковое значеніе, какъ можно заключать изъ того, что въ источникахъ онѣ нерѣдко употребляются одно вмѣсто другаго. Напримѣръ, при описаніи Холмскаго погоста 2-й половины Деревской пятины волость и погостъ употребляются, какъ однозначущія выраженія: „въ Холмской же волости, въ Лазаревскомъ стану лукинскаго десятка", а рядомъ стоитъ „въ Холмскомъ же погостѣ въ Лазаревскомъ стану, въ заечковѣ десяткѣ". Или: „въ Холмскомъ же погостѣ въ Кукоскомъ стану деревни" (слѣдуетъ ихъ перечисленіе), и потомъ говорится въ

„Хольской же волости, въ Морковскомъ стану деревни". Жители погоста называются иногда волостными людьми [1]).

Эти округи имѣютъ въ XVI вѣкѣ преимущественно судебно-административное значеніе, но весьма многія черты ихъ доказываютъ, что въ основаніи волостей и погостовъ лежало нѣкогда территоріальное начало и, что они первоначально представляли союзы погостовъ, селъ, деревень, погостовъ, вообще селеній, связанныхъ между собою общиннымъ владѣніемъ землей. Только потомъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, эти группы потеряли поземельную связь и, измѣнившись въ своемъ составѣ, протяженіи и границахъ, сдѣлались почти исключительно административными дѣленіями. Въ XV—XVI вѣкѣ съ прежнимъ характеромъ они сохранились только на сѣверѣ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ остались отъ нихъ лишь обломки: каждая волость была раздѣлена на множество вотчинъ, помѣстій и входившія въ составъ ихъ деревни не имѣли въ большинствѣ случаевъ никакой связи по землѣ съ сосѣдними деревнями. Тѣмъ не менѣе даже въ центральной Россіи, гдѣ разложеніе древнихъ поземельныхъ союзовъ въ XV—XVI вѣкахъ достигло крайняго развитія, не смотря на скудость и отрывочность дошедшихъ до насъ свѣдѣній, мы встрѣчаемъ въ это время нѣкоторыя слѣды подобныхъ союзовъ, что доказываетъ ихъ повсемѣстное распространеніе въ предшествовавшую пору. Весьма вѣроятно, что происхожденіе ихъ относится къ эпохѣ первобытной колонизаціи сѣверо-востока Россіи, совершавшейся, быть можетъ, въ періодъ звѣроловческой и рыболовческой культуры колонистовъ. Но въ XV—XVI вѣкахъ волости-общины сохранились, мы сказали, исключительно на сѣверѣ. Чтобы дать понятіе о способахъ пользованія волостною землею, приведемъ въ примѣръ Тавренскую волость, о которой случайно дошло до насъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ о другихъ. Волость эта состояла изъ нѣсколькихъ деревень, (Семеновская и друг.), но волостная земля не была раздѣлена между ними (за исключеніемъ усадьбъ и полей), а находилась въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ ихъ. Ни о про-

---

[1]) Волостные люди Смолинскаго погоста (Неволинъ, приложеніе, стр. 130).

странствѣ волостныхъ владѣвій, ни о количествѣ жителей нѣтъ никакихъ данныхъ, хотя съ полнымъ основаніемъ можно предполагать, что населеніе волости, относительно ея территоріи, было малочисленно. Составъ населенія тотъ же, что и во всей тогдашней Россіи: тяглые крестьяне, бобыли и безземельные (А. Юр., стр. 290). Налоговъ съ земли шло въ 1610 г. въ первую половину года „оброку дани и за данью 115 рублей 9 алтынъ 3 деньги", и кромѣ того 25 бѣлокъ, во вторую половину—114 р., 9 алтынъ, 2 деньги. Сверхъ того въ первую половину съ новоприбылыхъ оброковъ взято было 2 р., 28 алт., 2 деньги, во вторую—3 р., 9 алт., 2 деньги (А. Юр., 221 стр.). Способы пользованія различались по виду угодій: пахатная земля выдѣлялась въ отдѣльное пользованіе, остальныя угодья состояли въ нераздѣльномъ пользованіи. Поэтому, при вступленіи новаго члена въ общину точно опредѣлялся только участокъ пахатной земли. Такъ, сотскій этой волости, по согласію со всѣми крестьянами, далъ поселенцу Сидору Демидову 12 долю обжи; этотъ жеребій данъ былъ ему „со всѣми путики и съ ловищи и со всѣмъ угодьемъ, куды ходилъ топоръ и соха и коса и, что къ тому жеребью изстари потягло (ibid., стр. 194). Членъ общины могъ передать свое право другому, наприм., названный поселенецъ передалъ свою долю пахатной земли и право на участіе въ угодьяхъ другому крестьянину (195 стр.) на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ получилъ самъ. Совершенно на подобныхъ условіяхъ былъ принятъ въ волость и другой поселенецъ (200 стр.). Въ томъ и другомъ случаѣ община давала новому члену льготу отъ дани, оброку и мірскихъ разрубовъ, въ первомъ случаѣ—на 2 года, во второмъ—только на годъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ поселенецъ получилъ отъ міра полъизбы, полприруба, половину сѣнника, подклѣта и полмякинника. Въ распоряженіи своей землей міръ пользовался, какъ видно уже изъ приведенныхъ примѣровъ, полнѣйшей самостоятельностью. Порядокъ пользованія и въ другихъ волостяхъ былъ таковъ же. По одной отводной грамотѣ, старый сотскій Гороховской волости, поговоря со всѣми волостными крестьянами, отдалъ крестьянину Нестеру Малахову участокъ земли подъ починокъ, который этотъ и поста-

вилъ [1]). Пользованіе участками, кажется, не было наслѣдственнымъ, по крайней мѣрѣ для передачи его наслѣдникамъ нужно было согласіе міра. Въ той же Гороховской волости Константинъ Симонскій, вѣроятно староста, «поговоря съ сотникомъ да съ сусѣды волостными съ Гороховскими, пожаловалъ Гаврилка съ братьею Дубровою, лугомъ болоньею и деревнищами, лежавшими у той Дубровы за рѣкою и со всѣмъ тѣмъ, что къ той Дубровѣ изстари потягло», а по смерти отца волость посадила «на томъ третьемъ полѣ на деревнищахъ сына Данилку» (ibid.).

Иногда волости находили болѣе выгоднымъ отдавать свои земли постороннимъ арендаторамъ. Такъ старосты Переѣжской волости вмѣстѣ съ крестьянами отдали монастырскому слугѣ «съ подмощики» 2 пустоши на 10 лѣтъ за извѣстную арендную плату (Доп. къ акт. историч. Т. I. № 83).

Подобно всякимъ другимъ землевладѣльцамъ общины—волости старались о расширеніи своей территоріи пріобрѣтеніемъ новыхъ земель. Цѣль такого стремленія заключалась, очевидно, въ томъ, чтобы пріобрѣсть земли въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія потребностей членовъ общины на болѣе или менѣе продолжительное время и для обезпеченія нуждъ будущихъ поколѣній. Волости увеличивали свои владѣнія или расчисткою новыхъ земель въ дикихъ поляхъ и лѣсахъ никому не принадлежащихъ, или прикупкой и вымѣномъ годныхъ участковъ у частныхъ землевладѣльцевъ. Расчистка лѣсовъ и дикихъ полей была самымъ обыкновеннымъ способомъ расширенія волостной территоріи, какъ уже можно заключить изъ обилія починковъ и выставокъ. Но прикупка и мѣна бывали также нерѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

По одной разъѣзжей грамотѣ 1555 г. «масленскіе волости староста и цѣловальники и всѣ крестьяне промѣнили деревню пустую Дудомѣхово, да деревню пустую Дыляйцово» и пр. «А которые деревни промѣнили масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцемъ... а мѣняли старци и волостные крестьяне, смотря по угодью, промежъ себя полюбовно» (А. Ю. № 151; Ср. Писц. кн. Калач. II, стр. 328). Бывали

[1]) Бѣляевъ, Временникъ XI, стр. 7.

случая даренія земель волостямъ, напр., Строгоновы подарили часть своихъ земель сосѣдней волости. Наконецъ общины иногда просто силой отнимали и присоединяли къ себѣ земли какого нибудь сосѣдняго землевладѣльца—монастыря. Крестьяне Андомской волости (въ Никольскомъ погостѣ Обонежской пятины) староста Третьякъ Жолвачовъ съ товарищами отняли „насильствомъ" половину поля у монастырской деревни Ѳилиповской на Красной горѣ и только „по сыску Великаго Князя" велѣно было „старостѣ и всѣмъ крестьянамъ въ тое землю не вступатися, владѣти и пахати Спасскому игумену съ братьею по старинѣ, а Великаго князя крестьянамъ въ тое въ монастырскую землю не вступатися (Нев. Прил. 174).

Еще съ большей заботой старались онѣ о сохраненіи земель, уже находившихся въ ихъ владѣніи. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ либо поземельныхъ правъ, волости защищались чрезъ выборныхъ на судѣ. До насъ дошло не мало свѣдѣній о процессахъ общинъ съ нарушителями ихъ правъ: такъ, „тягался Андрейко староста залѣской и всѣ крестьяне залѣскіе съ старцемъ Касьяномъ. Такъ рекъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки овсянниковскіе земли, Долгой да Верхней, а тѣ наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсянниковской къ тяглой къ черной изстарины." (А. Ю № 4 [1]). Иногда выигрывали общины, но въ большей части случаевъ извѣстныхъ намъ дѣло рѣшалось

[1]) Точно также тягались крестьяне Ликурской волости Мартинко Ларивоновъ, Ермолка Ѳедоровъ и Онцифорикъ Онтоновъ «во всѣхъ крестьянъ мѣсто Ликурскіе волости» съ Некрасомъ и Дроздомъ... митрополичьими боярскими дѣтьми. На судѣ Мартынко да Онцифорикъ сказали «жалоба намъ, господине, на того Некраса: тѣ господине, деревни и починки изстарины земли Великаго князя Ликурскіе волости тяглые наши» (А. Ю. р. № 8 (1498—1505 г.). Точно также вмѣсто крестьянъ всей Лосксмской волости тягался староста ея Оброско Кузминъ съ приказщикомъ помѣщика Злобина (А. Юр. № 9, 1503). По свѣдѣніямъ грамоты, данной Костромскимъ писцомъ Григорьемъ Романовичемъ Застольскимъ, еще неизданной, «крестьяне минскаго стану, староста Ѳролъ Понкратьевъ да Коносъ Булгаковъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Минскаго стану тягались съ митрополичнымъ посельскимъ за свои тяглыя черныя земля (грамота въ извлеченіи сообщена г. Бѣляевымъ).

не въ ихъ пользу. Нерѣдко крестьяне сами прогоняли силой пришлецовъ, захватившихъ ихъ земли или даже только сосѣдні я, изъ опасенія, имѣвшаго повидимому основаніе, чтобы новые сосѣди современемъ совсѣмъ не завладѣли ихъ землями. Такіе случаи разсказываются въ житіяхъ святыхъ. Такъ были прогнаны Дмитрій Прилуцкій, Стефанъ Махрищскій, Даніилъ переяславскій и Антоній Сійскій [1]). Кромѣ того, волости старались поддерживать и расширять обработку принадлежавшей имъ земли. Это стремленіе было вызвано особенностями податной

[1]) Обрѣтеся (преподобн. Димитрій), читаемъ въ житіи Димитрія Прилуцкаго, на пустѣ мѣстѣ, на рѣцѣ на Лежѣ и ту церковь постави Ненавидяй же добра роду человѣчю діаволъ завистникъ подстрекаетъ люди неблаговѣрныя отъ прилежащія тамо веси, Авнега зовомыя, на святопомазанную главу ропотъ велій воздвигоша, глаголюще: отче, неугодно есть тебѣ и намъ твое здѣ пребываніе. Помыслиша бо въ себѣ, яко сей велій старецъ здѣ близь насъ вселися, по малѣ же времени совладѣетъ нами и силы нашими. Святый же, слышавъ ненависть ихъ, уклоняется отъ зла. Въ житія Стефана Махрищскаго разсказывается: «подстрекаетъ (діаволъ) лукавыя человѣки на святаго, близь живущихъ монастыря—Алексѣя глаголю, и Өеодора, Ивана же и Петра, иже глаголются Юрцовскіе; часто прихожаху въ монастырь, поносяще святому и которующе и смертію претяще, аще не отъидетъ отъ монастыря. Вѣдяху бо святаго почитаема отъ человѣкъ, паче же отъ самаго самодержца и великаго князя Димитрія, и мняху себѣ, яко имать владѣти селомъ ихъ и нивами. Онъ же отходитъ съ Григоріемъ, ученикомъ своимъ, и устремляются къ сѣвернымъ странамъ». Въ житіи Даніила Переяславльскаго: «владѣющіе въ селахъ близь монастыря того съ оружіемъ и дреколіими приходяще и во оградѣ монастыря недающе инокомъ земли копати, и съ прещеніемъ, яко неволею, пророчествоваху святому, глаголюще: «почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? или хощеши землями и селами нашими обладати?»—*Еже и сбыться послѣди*, замѣчаетъ жизнеописатель. Въ житіи Антонія Сійскаго разсказывается о подобномъ же случаѣ: «пришедъ на рѣку Емцу, къ Темному порогу глаголемому, и ту возлюби мѣсто то... Постави же себѣ и хижину малу и часовню устрои на уединеніе молитвенное... По времени же и церковь постави ту... и кельи устрои... Ненавидяй же добра роду человѣчю діяволъ воздвигаетъ люди неблагодарныя отъ приближающіяся тамо веси, Скорботова рекомыя... и собравшеся согнаша блаженнаго Антонія оттуда... Помыслиша бо въ себѣ яко велій сей старецъ, близь насъ вселися, по малѣ времени совладѣетъ нами и селитвы нашими. Павловъ, А., Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи (20—21).

системы, господствовавщей въ ту пору; количество налоговъ опредѣлялось по пространству воздѣланной въ моментъ описанія земли и для волости было крайне невыгодно уменьшеніе воздѣлываемаго района, напротивъ, увеличеніе его уменьшало тяжесть налоговъ для каждой отдѣльной десятины. Заботы общинъ о заселеніи своихъ земель должны были быть тѣмъ сильнѣе, что при безпрерывномъ движеніи населенія оставленіе дворовъ происходило постоянно и въ весьма широкихъ размѣрахъ. Не говоря уже о центрѣ, который былъ сплошь покрытъ пустыми деревнями, пустошами [1]) селищами, деревнищами, и на сѣверѣ количество опустѣвшихъ селеній было весьма значительно. Такъ, въ Черной волости, обонежской пятины, при 24 дер. было 13 пустыхъ деревень т. е. треть волости была пустой (Невол. Прилож. 171) Въ Андомской волости на 158 деревень жилыхъ приходилось 7 деревень пустыхъ „что были деревни" (ibid. 174) [2]). Всѣ такія пустоши снова поступали въ распоряженіе волости, которая и должна была нести за нихъ подати до новаго описанія. Съ цѣлью избавиться отъ лишнихъ тягостей, волости стараются призывать на свои земли новыхъ поселенцевъ или возвращать на старыя мѣста прежнихъ жильцовъ, давая переселенцамъ значительныя льготы. Правительство охотно поощряло такія выгодныя для него заботы общинъ, признавая за ними право „въ пустые деревни, и на пустоши, и на старыя селища крестьянъ называть и старыхъ имъ тяглецовъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того (А. А. Э. т. I. № 234, 1552 г.)

---

[1]) Различіе между тѣми и другими состояло въ томъ, что въ пустыхъ деревняхъ еще оставались кое-какіе слѣды жилья, тогда какъ въ пустошахъ они совершенно изчезли.

[2]) Въ черной волости въ Никольскомъ погостѣ, въ Пудогѣ, той же Обон. пятины, было 130 деревень въ «живущемъ», 9 деревень пустыхъ и 50 пустошей (Неволинъ, 179). Въ Мегорскомъ погостѣ на 160 дерев. и 7 починковъ жилыхъ было 22 дер. и 2 поч. пустыхъ и 69 пустошей (ibid 178). Въ Ильинскомъ погостѣ въ Вѣницахъ 159 деревень да починокъ жилыхъ, 19 деревень пустыхъ и 50 пустошей (179).

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ: во 1-хъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ въ XVI в. было общинное владѣніе землею; во 2-хъ что оно было организовано по другому типу, чѣмъ теперь, именно земля принадлежала не отдѣльной деревнѣ, а цѣлому союзу ихъ, образовавшему одну волость, и въ 3-хъ пользованіе землею различалось смотря по виду угодья: пахатная земля обработывалась отдѣльно каждымъ дворомъ, пастбища и угодья находились въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи. За недостаткомъ источниковъ нѣтъ возможности опредѣлить подробностей способовъ землепользованія и только по аналогіи съ современными порядками на сѣверѣ Россіи можно составить о нихъ нѣкоторое понятіе, какъ это и будетъ показано далѣе. Какъ мы сказали, есть основаніе предполагать, что волостная община въ древнѣйшую пору представляла повсемѣстную форму поземельныхъ отношеній. Даже въ XVI вѣкѣ въ центральныхъ уѣздахъ Московскаго государства сохранились по мѣстамъ ясные слѣды такихъ поземельныхъ союзовъ въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ группъ селеній, имѣвшихъ въ общемъ пользованія въ однихъ случаяхъ пастбища, въ другихъ—лѣсъ, рыбныя и другія угодья, а также, иногда луга, въ третьихъ наконецъ всю землю, за исключеніемъ усадьбы и пашни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается и общественная запашка напримѣръ въ Дмитровскомъ у. Но это случаи исключительные: обыкновенно же пашня находилась въ подворномъ пользованіи. Роль общины заключалась относительно этихъ земель лишь въ наиболѣе равномѣрномъ распредѣленіи ихъ пропорціонально силамъ каждаго двора. Весьма рѣдко также упоминаются случаи, когда нѣсколько деревень пользовались сообща лугами (Писц. кн., изд. географическимъ обществ. подъ редакціей Калачева I. стр. 488, II, 133, 132; I. 859, 861—62; II, 336, 1160, 1162, 1168, 1169; Писц. кн. Вотской пятины, стр. 298. Нѣкоторыя изъ указанныхъ здѣсь мѣстъ приведены и въ „Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи", стр. 72—73). Гораздо болѣе удобствъ представляетъ нераздѣльное пользованіе пастбищами, которое сохранялось часто даже между деревнями, расположенными

на земляхъ разныхъ владѣльцевъ. Въ 1555 году крестьяне Алымекской волости 18 деревень разныхъ владѣльцевъ: княжихъ, монастырскихъ и церковныхъ, имѣвшія общія поскотинныя земли, тягались за нихъ съ Дмитріемъ Нефедовымъ, отгородившимъ эти поскотины къ своей землѣ (Акты отн. до юрид. б. древ. Россіи, стр. 217).

Въ писцовыхъ книгахъ всего чаще описываются группы селеній съ нераздѣльнымъ пользованіемъ лѣсомъ (Акты Юр. № 6; Писц. книг. изд. Калач. I. 429, 461; II, 37, 1157; 1161, 1166, 1164, 1475 и пр.; I, 411, 889, 525, 529; II, 245, 132; I, 794, 791, 562, 575, 662, 688, 905, 908, 283; Неволинъ, О пятинахъ, приложеніе, стр. 154, 143, 161. Нѣкоторые примѣры приведены въ Очеркѣ ист. сельской общины, стр. 73—75).

Точно также озера, рѣки съ рыбными ловлями, служившими однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованія въ ту пору, весьма часто находились въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи цѣлыхъ волостей или менѣе значительныхъ группъ селеній (Неволинъ, о пятинахъ и погостахъ, стр. 141, 161, 150, 156, 380, 293, 296, 284, 176, 178; Писцов. книги Дер. пят. II. 701; Писц. кн. Вотской пят., стр. 311; Неволинъ, приложеніе, 206).

Иногда волость, считая почему либо невыгоднымъ для себя пользоваться угодьемъ, уступала его сосѣднему землевладѣльцу, который обязывался вносить и оброкъ за право пользованія имъ. „Нюхчане и Выгозерцы, крестьяне царя и Великаго Князя, сступилися“ (Соловецкому монастырю) принадлежащую имъ ловлю „потому что та ловля отъ ихъ волостей отошла далече“ (Неволинъ приложеніе стр. 169). При описаніи помѣстій, угодья приписываются не къ помѣщичьимъ землямъ и не каждой деревни отдѣльно, а къ цѣлому помѣстью или къ двумъ-тремъ деревнямъ: „А угодья у тое волости въ 5 озерѣхъ участокъ и рыбная ловля... 5 дней осенью ловили рыбу намѣстничьи посыльные (Неволинъ, стр. 54)“. А угодья тое волости участокъ въ озерѣ Килѣ (53). „А угодья у тое волостки рыбная ловля въ 4 озерахъ... а ловятъ въ нихъ рыбу всякую бѣлую всякою ловлею.“ „А пожни у нихъ у моря

у одного озера и 2 рѣкъ (Неволинъ, приложеніе 54. Ср. 52. стр. Писц. кн. Вотской пят. 311 стр., писц. кн., изд. Калач. I, 865. Ср. 800, 808, 870 и др.).

Также нерѣдки были случаи общаго нераздѣльнаго пользованія бортными ухожаями, волоками, перевозами, мѣстами охоты, рудными залежами и разными мелкими угодьями. (Писц. кн. изд. Калачева, I, 865; II, 310; Неволинъ, Прилож. 176, 52; Писц. кн. Вотской пят. 540, 529, 536, 547; Писц. кн. Калач., II, 129. Подробности см. въ „Очеркѣ исторіи сельской общины", стр. 76—77).

Погосты Новгородской области и губы Псковской, соотвѣтствовавшіе по своему административному значенію волостямъ Московскихъ уѣздовъ, имѣли первоначально территоріальную основу. Слѣды поземельной связи поселковъ, входившихъ въ ихъ составъ, находимъ еще въ XV — XVI вѣкахъ. (Очеркъ исторіи сельской общ., стр. 77).

Стремленіе организоваться въ подобные поземельные союзы было такъ сильно въ ту пору, что даже поселенія чисто военныя образовали между собою поземельные союзы (ibid., стр. 77). Общинное пользованіе землями нѣсколькими деревнями въ Тверскомъ уѣздѣ было въ 1540 году настолько повсемѣстнымъ явленіемъ, что великіе князья отдавая свои угодья крестьянамъ разныхъ деревень предоставляли имъ самимъ распредѣлять ихъ между собою: „сѣна у села у Едимонова и у деревень 566 копенъ, лѣсу, кустарю и пороснику 42 десят.; и дано на выть середней земли по 7 десятинъ, а худой земли по 8 десятинъ. Сѣна крестьянамъ дано на живущіе выти по 34 коп., лѣсу крестьянамъ дано на выть по 2 десятины съ полудесятиной (Писц. кн., изд. Калач., II, стр. 320; ср. стр. 325, 327, 330). Сельчане и деревенщики должны были уже сами разверстывать между собою, какъ угодья, такъ и повинности за нихъ (ibid., стр. 335). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что первоначальнымъ типомъ русской общины повсюду была *волостная община*. Подъ этимъ словомъ, мы разумѣемъ вообще группу селеній, владѣющихъ сообща извѣстнымъ пространствомъ земли независимо отъ количества и величины поселковъ, входящихъ въ составъ этой группы, равно какъ и ихъ взаимнаго отно-

шенія. Но волостная община, понимаемая въ такомъ смыслѣ, очевидно должна была представлять сообразно способу образованія, почвеннымъ условіямъ, отношенію пространства къ населенію и другимъ условіямъ многочисленныя видоизмѣненія. Въ однихъ случаяхъ земля принадлежала дѣйствителвно цѣлой волости, въ другихъ группѣ поселковъ, изъ которыхъ одно, называемое селомъ, сельцомъ, было главнымъ, а остальные къ нему тянули, какъ къ центру, въ третьемъ—нѣсколько деревень одни безъ центральнаго села или сельца образовали общину. Далѣе внутри волостной общины могли быть союзы нѣсколькихъ поселковъ, соединенныхъ между собою общиннымъ пользованіемъ какою либо частью угодій, въ которомъ не участвовали остальныя селенія. Наконецъ, двѣ волостныя общины состояли иногда въ федеративной связи другъ съ другомъ. Впрочемъ, по сохранившимся источникамъ, нельзя возстановить во всей полнотѣ волостной общины. Источники эти, писцовыя книги и акты, относятся къ тому времени, когда разрушеніе волостныхъ общинъ было въ большинствѣ мѣстностей совершившимся фактомъ, когда деревни были или описаны на князя или розданы монастырямъ и служилымъ людямъ, причемъ на поземельную связь этихъ деревень не обращалось никакого вниманія. Остается прибѣгнуть къ аналогіи. На окраинахъ Россіи, подобныя волостныя общины существуютъ и до сихъ поръ: мы встрѣчаемъ ихъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ земляхъ казацкихъ войскъ и въ Сибири (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, гл. XI), но они сохранились также кое-гдѣ и въ центрѣ. Для уясненія организаціи древняго общиннаго владѣнія приведемъ здѣсь описаніе одной современной волостной общины, именно Городищенской (Устюжскаго уѣзда Вологодской губ.), хотя описаніе это, отличающееся чрезвычайной неполнотой и неясностью, и не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ данномъ случаѣ. «Городищенская волость, говоритъ г. Остроумовъ (Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ, Вологодской губ. Матеріалы для общиннаго землевладѣнія. Молва 1876, № 31) заключаетъ въ себѣ около 2,000 душъ; растянута на очень большой площади,

которая имѣетъ верстъ 30, а въ длину можетъ быть и болѣе (если представить пространство, ею занимаемое четыреугольною площадью). Впрочемъ, наши крестьяне почти что не знаютъ и границъ своимъ владѣніямъ, такъ какъ до другихъ волостей и селеній будетъ гдѣ верстъ 20, гдѣ 30 и т. д. Лѣсные крестьяне разсуждаютъ такъ: мѣста для занятій много, слѣдовательно, кому гдѣ любо, тамъ тотъ и работай, а потому неудивительно, что иной крестьянинъ заберется въ такія дебри лѣсныя, куда рѣдко проникаетъ духъ человѣческій, и тамъ рубитъ новину или расчищаетъ сѣнокосъ, а другой старается найти мѣсто для занятій гдѣ нибудь поближе къ жилью человѣческому. Землю считаютъ просто-на-просто Божіею; не ставятъ на каждомъ клочкѣ ярлыка, что вотъ эта площадь принадлежитъ тому-то, а эта тому-то. Конечно, если говорить съ крестьянами о воздѣланной землѣ, то каждый скажетъ, что эта земля крестьянская, и въ частности укажетъ, наконецъ, на такое-то лицо, что оно владѣетъ ею; напр., что эта дерюга (полянка) принадлежитъ Ивану, а эта Петру и т. д.; или напр., эта пожня макарьинская, т. е., что покосъ этотъ принадлежитъ деревнѣ Макарьиной. Земля, вообще, по понятіямъ нашихъ крестьянъ, принадлежатъ Богу и міру, и затѣмъ уже ею только пользуются отдѣльныя деревни, или же частныя лица. Что касается пахатной земли, то она по отношенію къ пользованію, бываетъ двухъ родовъ: 1) земля, которая передѣляется во время ревизіи между крестьянами, и которою владѣетъ община — это тѣ трехпольныя пашни, которыя окружаютъ извѣстную деревню, и 2) земля, которая не передѣляется во время ревизій и состоитъ изъ обработаныхъ клочковъ земли, за полями и по паствѣ, вдали отъ деревни; эта земля остается, по большей части, въ частномъ владѣніи. Земля перваго рода черезъ два года на третій унавоживается и принадлежитъ по времени обработки ея къ старымъ, между тѣмъ какъ дерюги и дерюжки существуютъ не долго, скоро запускаются и зарастаютъ лѣсомъ. Хозяинъ подобной дерюжки, запустивши ее, старается отыскать подходящее мѣсто для новой дерюги, такъ что подобнаго рода пашни являются, по большей части, странствующими съ одного мѣста

на другое, и почти всегда остаются въ частномъ владѣніи. При какихъ условіяхъ подобныя дерюги могутъ присоединиться къ общимъ пашнямъ? Вотъ вопросъ, который постараемся теперь разсмотрѣть. Извѣстно, что чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ земля становится неплодороднѣе, болѣе требуетъ труда со стороны крестьянина для того, чтобы сдѣлать ее годной для обработки. Въ большинствѣ случаевъ, земля эта покрыта лѣсомъ, крупнымъ или мелкимъ, такъ что до обработки почвы приходится еще ее расчищать; расчищенное такимъ образомъ пространство земли истощается и требуетъ уже на третій, четвертый годъ унаваживанія; но при маломъ количествѣ скота, у крестьянъ подобныя вновь разчищенныя полянки-дерюги, по необходимости, весьма часто остаются безъ навоза, скоро пустѣютъ и бросаются крестьянами. Но, такъ какъ трудъ на распахиваніе и унавоживаніе такихъ дерюгъ положенъ единолично каждымъ крестьяниномъ, то общинѣ отбирать у крестьянина эту дерюгу было-бы несправедливо по понятіямъ крестьянъ. Если же имѣется въ виду дерюга старая, которая уже окупилась владѣльцу ея, тогда община можетъ пустить ее въ передѣлъ, т. е. присовокупить къ тѣмъ землямъ, которыя находятся въ общемъ владѣніи извѣстной деревни, и которыя при увеличеніи членовъ ея, неизбѣжно уменьшились. Кромѣ того можетъ быть еще и такой случай, что извѣстная дерюга находится невдалекѣ отъ деревни и у крестьянина въ обыкновенномъ полѣ, передѣляемомъ во время ревизіи, надѣлъ очень не великъ, а скота достаточно, и если у крестьянина эта дерюга порядочнаго размѣра, и кромѣ того неподалеку отъ нея находится другая, которая появилась на свѣтъ, благодаря его же трудамъ, тогда такой крестьянинъ строитъ около этихъ дерюгъ домъ со всѣми службами, слѣдовательно выселяется изъ деревни, въ которой жилъ ранѣе, и основываетъ новую деревню поселокъ, выставку, и пока не наступила ревизія, пользуется тѣмъ надѣломъ, который данъ ему, какъ общиннику прежней деревни; при ревизіи же обыкновенно лишается его въ пользу метрополіи—общины и надѣляется тѣми дерюгами, которыя лежатъ около его двора. Значитъ возникаетъ зачатокъ новой общины—выставка, которая можетъ со временемъ

выросги съ деревню—отдѣльную общину, благодаря размноженію только выселившагося семейства, или же отъ присоединенія другихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ какой нибудь ближайшей деревни. Если эта выставка находится вблизи другой какой нибудь деревни, то можетъ впослѣдствіи поступить въ общій передѣлъ съ землей ея. У насъ нельзя встрѣтить рѣзкаго разграниченія между полями одной деревни и другой, особенно въ деревняхъ небольшаго размѣра (домовъ 5 — 10). Болѣе часто практикуемое отношеніе къ частнымъ дерюгамъ состоитъ въ томъ, что ближайшія къ полямъ дерюги, на которыя обыкновенно возится навозъ, присоединяются во время ревизіи, или по усмотрѣнію общинниковъ, когда это окажется нужнымъ, къ общимъ полямъ и идутъ въ передѣлъ, а большая часть дерюгъ остается въ частномъ владѣніи на неопредѣленное время. Община наша въ поземельномъ отношеніи не совпадаетъ съ общиною и ея подраздѣленіями въ административномъ отношеніи; въ одномъ случаѣ общиною можетъ быть деревня, въ другомъ волость и т. д. Если вглядѣться поближе въ крестьянскія отношенія по землѣ, то придется рѣшить вопросъ такимъ образомъ: общество по землѣ будутъ составлять всѣ селенія, которыя лежатъ вблизи другъ къ другу; и такъ какъ селенія наши представляются оазисами среди дремучихъ лѣсовъ, то, слѣдовательно, и община будетъ этотъ оазисъ. У насъ, напримѣръ, есть деревня, которая удалена отъ нашего оазиса на 20 верстъ и въ позельномъ отношеніи она образуетъ особую общину, хотя по административному дѣленію тянетъ къ нашей волости, а по церковному — къ двумъ приходскимъ церквамъ. Передѣлъ земель равномѣрно между жителями по душамъ распространенъ сравнительно слабо и практикуется только въ распредѣленіи пахатныхъ земель, да и то не всѣхъ, а только тѣхъ, которыя лежатъ около самыхъ деревень и притомъ состоятъ изъ земель старинныхъ, удобренныхъ и безпорочно выслужившихъ службу первому воздѣлывателю. Далѣе, въ передѣлъ идутъ еще хорошіе луга, лежащіе по рѣкамъ, въ полѣ, подъ полями, однимъ словомъ, тѣ луга, которые у насъ рѣдки и даютъ хорошую траву; передѣляется только то, что окупило труды перваго воздѣлыва-

теля и что также находится въ ограниченномъ количествѣ; передѣляются удобренныя пашни и заливные, приносящіе хорошую траву, луга. Тамъ, гдѣ бываетъ трудно раздѣлить землю (лугъ) на полоски равнаго качества по душамъ, особенно, когда лугъ небольшаго объема, а приходится дѣлить его между многими, то крестьяне, преимущественно большихъ деревень (10—30 дворовъ), порѣшали не дѣлить землю, а дѣлить сѣно, что, конечно, гораздо удобнѣе, чѣмъ вырѣзывать аршинные клочки, и притомъ въ разныхъ мѣстахъ. Обработка при этомъ бываетъ общинная, т. е. сѣно дѣлится по душамъ, косцовъ бываетъ столько, сколько душъ-владѣтелей, или въ два раза болѣе, или въ половину, какъ удобнѣе. При этомъ временномъ общемъ трудѣ не установляется никакихъ начальниковъ, даже нѣтъ никакого нàбольшаго, какой бываетъ напримѣръ, въ артеляхъ для другихъ занятій, въ видѣ старосты и подрядчика, а всѣ рабочіе равны; и если гдѣ нужно руководство, то, понятно, тутъ и руководителей можетъ явиться не мало, и притомъ изъ пожилыхъ опытныхъ домохозяевъ, которые, напримѣръ, вымѣриваютъ промежки, гдѣ кладется сѣно. Земли пахатныя, состоящія изъ дерюгъ и дерюжекъ и находящіяся въ частномъ владѣніи домохозяевъ, могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ, переходить въ разрядъ земли общей, передѣляемой при ревизіи; напр., когда подобныя дерюги, старыя по времени, удобряются хозяиномъ, и лежатъ около полей, или же вблизи деревень, или же дерюги бываютъ обращены въ трехпольныя пашни въ томъ случаѣ, когда хозяинъ ихъ переселяется съ прежняго мѣста на мѣсто около дерюги, и такимъ образомъ, кладетъ основаніе новой деревни. Пользованіе всѣми другими угодьями, какъ-то новочистными пожнями, лѣсомъ для новинъ и новинокъ и другихъ надобностей, опредѣляетъ первый захватъ: кому гдѣ удалось и гдѣ удобнѣе показалось вырубить новину, или что нибудь подобное, тотъ тому и хозяинъ; впрочемъ, и тутъ иногда бываетъ нѣкоторый порядокъ". Пастбища находятся въ нераздѣльномъ и неограниченномъ пользованіи: „земли, отведенной для пастьбы скота, нѣтъ, если подъ этимъ разумѣть какое нибудь опредѣленное мѣсто, имѣющее извѣстныя границы; а весь скотъ, исключая развѣ только коровъ,

можетъ гулять, гдѣ заблагоразсудится, и иногда, напримѣръ, лошадь уходитъ верстъ за 20—30». «Иной хозяинъ не видитъ цѣлое лѣто своей овцы или барана; только коровъ пригоняютъ домой каждый день, а лошади берутся тогда, когда онѣ понадобятся для какой нибудь работы». «Впрочемъ, какъ будто существуетъ мѣсто, въ родѣ выгона — это паства со стороны лѣса, отдѣленная гдѣ огородомъ, гдѣ просто засѣкою, т. е. поваленными въ извѣстномъ направленіи крупными деревьями». «Выгоны не распредѣляются между общинами, какъ пашня и луга; они обыкновенно состоятъ изъ пустой и незанятой никѣмъ земли; слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ все, что окружаетъ извѣстную волость или общество, или деревню; а потому и пользованіе ими не ограничено никакими правилами. Засѣки дѣлаются только тогда, когда въ лѣсу окажется не смирно, что значитъ, что медвѣдь прибралъ штукъ пять, шесть коровъ. А остальной скотъ, какъ-то: лошади, овцы, свиньи, уже съ самой весны, когда зеленѣетъ трава, отпускаются бродить по произволу; а потому на лошадей и на коровъ навязываются довольно порядочнаго объема колокола; овцы пятнаются (т. е. дѣлаются, напр., зарубки на ногахъ и т. п.) чтобы по этимъ примѣтамъ отыскать свой скотъ, когда онъ понадобится хозяину».

Волостныя общины сохранились кое гдѣ и въ центрѣ. Я встрѣчалъ ихъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Хатунская волость Серпуховскаго уѣзда имѣетъ 383 десятины заливныхъ луговъ. „Луга эти находятся въ полной собственности всей волости и въ ея общемъ пользованіи. Въ старину ѣздила сюда косить вся волость, мужики жили съ женами и дѣтьми въ шалашахъ во все время покоса, но это „веселое время“ миновало: теперь сюда ѣздятъ только одни съемщики или арендаторы“. (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Томъ второй, стр. 56). Въ Ярославской губерніи, по сообщенію Е. И. Якушкина, такихъ волостныхъ общинъ нѣсколько: таковы въ Рыбинскомъ уѣздѣ, Николокормская волость (90 селеній) и Погорѣльская (50 селеній). Но такое совпаденіе волости и поземельной общины представляется, по его словамъ, въ средней поло-

cѣ Россіи явленіемъ, сравнительно съ окраинами, рѣдкимъ, такъ какъ границы волостей здѣсь часто мѣнялись вслѣдствіе различныхъ административныхъ соображеній, особенно послѣ 1867 года, когда слились управленія государственныхъ и временно-обязанныхъ крестьянъ. Въ той же Ярославской губерніи встрѣчаются земли, принадлежащія болѣе или менѣе значительной группѣ селеній. Земли передѣляются между селеніями или періодически (отъ ревизіи до ревизіи) или чрезъ неопредѣленные сроки, т. е. пока міръ не признаетъ нужнымъ произвести новый передѣлъ. Во все продолженіе времени между двумя передѣлами каждое селеніе пользуется отдѣльно пашнею, а иногда всѣми другими угодьями; но очень часто покосы и выгоны находятся въ общинномъ пользованіи всѣхъ селеній. Лѣсъ остается постоянно въ общинномъ пользованіи. Подобныя общины часто состоятъ изъ селеній, принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ и даже волостямъ. Въ общинномъ владѣніи въ такихъ случаяхъ состоятъ преимущественно покосы и выгоны. Такъ, напр., въ Городищенской волости, Ярославскаго уѣзда, многія селенія, принадлежащія къ разнымъ обществамъ, а до 1867 года принадлежавшія и къ разнымъ волостямъ, владѣютъ общими сѣнокосами. Такое владѣніе въ Ярославской губерніи, какъ можно убѣдиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, произошло, по словамъ Е. И. Якушкина, вслѣдствіе принудительнаго нарушенія общиннаго нераздѣльнаго владѣнія землею подобными союзами селеній: 1) чрезъ раздѣлъ имѣнія между наслѣдниками, причемъ сѣнокосы и выгоны, неудобные для раздѣла, остались въ общинномъ владѣніи, прочая же земля была окончательно раздѣлена между наслѣдниками; 2) черезъ продажу части земли. По приговорамъ же сходовъ въ Ярославской губ. не было, насколько извѣстно, ни одного случая окончательнаго раздѣла земли между такими селеніями. Подобный раздѣлъ былъ произведенъ въ Землѣ войска Донскаго, но и тамъ причинъ его надо искать преимущественно въ административныхъ распоряженіяхъ.

Что касается до поземельныхъ отношеній селеній въ древне-русскихъ волостныхъ общинахъ, то тамъ, кажется, деревни были болѣе независимы въ пользованіи своими участками. О

передѣлахъ между деревнями нигдѣ не говорится. Напротивъ, земля каждой деревни представляла опредѣленную площадь съ неизмѣнными границами. На это указываютъ выраженія въ родѣ: что къ той деревнѣ изстари потягло, куда ходилъ топоръ, коса и соха. (Ак. юрид., № 175, 187). Но, конечно это не значитъ, какъ полагаетъ Дешковъ, что деревни составляютъ самостоятельныя общины съ правомъ распоряженія землей. Въ тѣхъ же актахъ весьма часто упоминаются случаи, когда выборные той или другой волостной общины, являвшіеся на судъ „во всѣхъ крестьянъ мѣсто волости", ведутъ тяжбы за тѣ или другія деревни, доказывая что эти деревни принадлежатъ ихъ волости (примѣры см. выше). Деревня составляла часть общины и большая ея самостоятельность, сравнительно съ деревнями въ Ярославской губ., объясняется обиліемъ земли и незначительностью населенія. Въ сѣверныхъ губерніяхъ подобныя отношенія мы встрѣчаемъ и въ настоящее время. Деревни, при подсѣчномъ хозяйствѣ, основываются далеко другъ отъ друга, земли достаточно для каждой деревни вблизи, и потому нѣтъ надобности волости ограничивать права отдѣльныхъ селеній. Обиліе земли, незначительность населенія, способы хозяйства и разселенія имѣли своимъ послѣдствіемъ также отсутствіе въ древней Россіи какихъ либо ограниченій правъ отдѣльной личности. Крестьянинъ въ древней Россіи пользовался своимъ участкомъ не только въ продолженіе всей своей жизни, но могъ передавать его и наслѣднику, конечно, съ обязательствомъ отбывать всѣ связанныя съ землей повинности, сдавать въ аренду, закладывать и уступать („продавать") право пользованія другому. Относительно обработки земли, онъ былъ также независимъ: онъ могъ воздѣлывать ее, какъ находилъ удобнѣе: одну часть вспахать, другую пустить подъ пастьбище, третью оставить на долгое время въ залогѣ, четвертую огородить для огорода и т. д. Въ его хозяйственныя работы община не вмѣшивалась, онъ былъ полнымъ хозяиномъ своего участка (пока земли было много). Такое самостоятельное положеніе крестьянина и послужило основаніемъ для мнѣнія Чичерина и его приверженцевъ, что въ древней Россіи община не имѣла никакихъ правъ надъ землей своихъ членовъ и что тогда, слѣ-

довательно, не было общиннаго землевладѣнія. Въ такую же ошибку впали въ Олонецкой губерніи, межевые чины по выдачѣ владѣнныхъ записей государственнымъ крестьянамъ (Л—шъ, Сельская община въ Олонецкой губерніи, Отечественныя записки 1874, № 2), равно какъ и чиновники, составлявшіе владѣнные записи въ Вятской губерніи, признавшіе всѣ лѣсныя расчистки, сдѣланныя отдѣльными домохозяевами и находившіяся въ ихъ пользованіи, состоящими не въ общинномъ, а въ участковомъ владѣніи. Между тѣмъ, въ Олонецкой губ., напр., по словамъ Л—ша, община, міръ значитъ для крестьянина—*все*. Крестьяне говорили ему, что „если бы „общество" захотѣло отобрать у крестьянина участокъ, то могло бы сдѣлать это свободно, и что никто не сталъ бы противорѣчить этому". Слово продавать вовсе не имѣло того значенія въ древней Россіи, какъ теперь. Бывали случаи продажъ жребія и при передѣлкахъ земли, какъ то и дѣло встрѣчаются они и теперь, но это значитъ, что уступалось лишь право на пользованіе долей, которая должна достаться продавцу „по общинному измѣренію" (Бѣляевъ, крестьяне на Руси).

Что касается до способа пользованія общинною землею, то повидимому въ многоземельныхъ волостныхъ общинахъ господствовало право захвата, т. е. каждому члену общины предоставлялось пользоваться землею, никѣмъ незанятою, гдѣ и въ какомъ количествѣ онъ хочетъ. Такой способъ пользованія господствуетъ и въ настоящее время въ мѣстностяхъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ съ существовавшими въ древней Россіи, напр. въ Олонецкой, Вологодской губ. (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, гл. XI), а также въ Сибири. Здѣсь земля совсѣмъ не поступаетъ въ раздѣлъ; каждый пользуется обработаннымъ имъ участкомъ—и дѣлаетъ расчистки на незанятыхъ никѣмъ мѣстахъ, гдѣ и сколько хочетъ (Газета Сибирь, 1877, 20). При такой свободѣ захвата общинной земли, часть ея остается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины. Въ Тобольской губерніи, по даннымъ собраннымъ Е. И. Якушкинымъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли много, и каждому предоставляется пользованіе ею, гдѣ кто хочетъ,

РЕФОРМАТОРЫ

до Виклефа и Гусса.

изслѣдованіе Ө. Деларю.

По взгляду многихъ историковъ (католиковъ) реформація явилась безъ всякой предварительной подготовки; они находятъ, что до XVI стол. не существовало даже никакого желанія совершить переворотъ въ религіи. „Философія среднихъ вѣковъ,—говорятъ они, была чисто христіанскою и католическою; тоже самое видимъ и въ литературѣ; даже эпоха возражденія, не смотря на нѣкоторую привязанность къ языческимъ писателямъ, была пропитана духомъ католичества. Чтоже касается церковной реформы, которой требовали соборы XV столѣтія, то она относилась только къ искорененію злоупотребленій церкви и не имѣла никакого намѣренія поколебать основы вѣры: она могла и должна была сдѣлаться путемъ законнымъ, безъ всякой революціи». [1]) По взгляду подобныхъ писателей, реформація явилась только въ XVI стол. и была дѣломъ, исключительно принадлежащимъ одному монаху.

Странность и неосновательность такого взгляда бросается

---

1) *Moechler* «Theologiche Quartalschrift» 1831 г. стр. 589, 683. Такого же мнѣнія придерживается *Bossuet* въ своемъ «Discours sur l'histoire universelle. Неменѣе фанатично смотритъ на это и проф. *Ott:* «Manuel d'histoire Universelle т. 2-й.

въ глаза всякому знакомому съ ходомъ исторіи, который безпристрастно взглянетъ на дѣло. «Раформація, говоритъ Лоранъ [1]), есть революція, а всякая революція есть сильное выраженіе идей, чувствъ и потребностей, которыя долго таились въ лонѣ народа и которымъ постоянно дѣлали преграды, стараясь ихъ затушить; но когда идеи правдивы и потребности законны, то сопротивленіе имъ вмѣсто того, чтобы ихъ уничтожить, придаетъ имъ новыя силы. И такъ всякая революція имѣетъ свои основы въ прошедшемъ; такъ напримѣръ эта громадная революція, называемая христіанствомъ, была подготовлена въ продолженіи всего древняго міра: философы и пророки, политики и завоеватели, всѣ принесли въ свою очередь по камню для основанія зданія, которое должно было въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ укрывать родъ человѣческій». Таковъ законъ всѣхъ революцій продолжаетъ онъ [2]); для достижсвія цѣли онѣ подготовляются долго".

Если мы внимательно всмотримся въ средніе вѣка, кажущіеся такими мрачными и непроизводительными, что историки долгое время съ отвращеніемъ отзывались о нихъ [3]); то мы въ самомъ началѣ увидимъ уже зародыши недовольства католическою религіей; самая даже средневѣковая философія — схоластика — въ сущности подготовляла протестацію, такъ какъ связь между религіей и философіей не могла быть прочною; связь эта была расторгнута въ XVI столѣтіи. Разсудокъ былъ объявленъ неимѣющимъ мѣста въ Богословіи. Средневѣковыя ереси оказывались еще радикальнѣе, чѣмъ само протестантство: онѣ требовали полнаго переворота церкви, вслѣдствіе чего и не удались.—Далѣе начинаютъ на каждомъ шагу появляться секты, какъ напр. Вальденцевъ, Альбигойцевъ, Которцевъ и другія, которыя въ основѣ своихъ убѣжденій имѣли тѣ же самые взгляды, какіе были впослѣдствіи

1) Laurent „L'histoire de lhumanitè". т. 8-й „La Rèforme" стр. 10-я.

2) Jbidem.

3) Подобный мрачный взглядъ на средніе вѣка существовалъ у историковъ прошлаго столѣтія. Новѣйшіе историки его совершенно отбросили; но въ недавнее время онъ былъ снова высказанъ Г. *Michelet* въ 7-мн т. его исторія Франціи „la renaissance".

высказаны реформаторами.—Но въ особенности сильны становятся протесты противъ католичества въ XIV столѣтіи и потомъ въ XV: не только отдѣльныя личности, подобныя Абелару, Горгону, Конраду Вильдгаузеру, Миличу Кремсирскому, Матвѣю изъ Янова и въ особенности Виклефу и Гуссу начинаютъ нападать на злоупотребленія церкви и разсуждать о незаконности правъ монаховъ и даже папской власти, но уже самъ народъ, масса простого населенія, начинаетъ достигать нѣкотораго развитія и выведенная изъ терпѣнія вопіющими притѣсненіями клира, высказываетъ въ своеобразныхъ статьяхъ, извѣстныхъ подъ именеемъ народныхъ сатиръ и памфлетовъ [1]) свои взгляды на духовенство, а слѣдовательно и религію. Изъ этихъ сатиръ мы видимъ, что народъ уже понялъ теоріи римскаго двора, понялъ, что папа, кардиналы и все прочее духовенство служили не Богу, а своему карману и только прикрывались именемъ святости. А разъ понявши это, народъ не могъ уже съ уваженіемъ смотрѣть на своихъ духовныхъ пастырей и, разумѣется, съ радостью принялъ сторону Лютера, который явился, такъ сказать, освободителемъ его отъ тяготѣвшаго надъ нимъ ига папскаго двора, Этимъ, лучше всего объясняется успѣхъ, который имѣла реформація въ XVI столѣтіи. Народъ уже сталъ на столько развитъ, что могъ осмыслить всю пользу и всю необходимость переворота въ религіи. Это же развитіе никакъ не могло явиться само собою; оно необходимо должно было быть дѣломъ цѣлыхъ вѣковъ, а если и мало было замѣтно сначала, то за то, когда наконецъ достигло извѣстной степени, не могло уже поклоняться тому, чего не уважало. Такимъ образомъ въ реформаціи должно видѣть дѣло чисто народное появившееся и удавшееся именно вслѣдствіе развитія народа съ одной стороны и возраставшихъ злоупотребленій Римско-католическаго клира съ другой,—злоупотребленій тянувшихся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и начавшихъ уже выдаваться съ XV столѣтія. Слѣдовательно, на средніе вѣка должно смотрѣть, какъ на

1) Между этими сатирами особенно замѣчательны: „Reineke Fuchs“ и „Eulenspiegel“.

въ омутъ Нероновской безнравственности. Мы по счастью не можетъ составить себѣ даже понятія о множествѣ безобразныхъ выходокъ ихъ наглости, объ окончательномъ отрѣшеніи отъ всякаго стыда и человѣческой скромности. Ни лѣта, ни полъ, ни государственное положеніе, ни богатство не удерживали отъ разврата: ни гдѣ и никогда не было положеніе женщины такъ унижено и семейная жизнь глубже потрясена; непростительнымъ проступкамъ противъ хорошаго тона считалось въ образованномъ обществѣ то, если мужчина женился, или женщина имѣла дѣтей. Строгіе государственные законы противъ безбрачія не имѣли никакой силы; но за то былъ полный просторъ для удовлетворенія грубыхъ похотей на улицахъ, площадяхъ, въ общественныхъ зданіяхъ и даже храмахъ. Это поколѣніе утратило мозгъ въ костахъ и чувство чести въ сердцѣ; съ одинаковой быстротой измѣнила ему какъ физическая, такъ и нравственная сила.

Изъ Рима проникъ ядъ безнравственности въ провинціи и сдѣлался достояніемъ массы всего населенія. Развратъ прежде всего уничтожилъ воинственный духъ. При всеобщемъ опьяненіи казалось смѣшнымъ промѣнять пріятную роскошь на треволненія и опасности военной жизни; вскорѣ это истощенное поколѣніе сдѣлалось чрезчуръ слабымъ физически для перенесенія тяжести оружія; дошло до того, что всемогущій Римъ поручилъ охраненіе своихъ предѣловъ разнымъ иностранцамъ, стекшимся со всѣхъ концовъ свѣта: его войско составилось теперь изъ бѣлокурыхъ Германцевъ, желтыхъ Аравитянъ, черныхъ Нубійцевъ и смуглыхъ Кабиловъ. Таже судьба, которая постигла ратное дѣло, выпала на долю и мирнаго труда. Повсюду мы замѣчаемъ движеніе назадъ. Мелкіе землевладѣльцы стали стремиться къ удовольствіямъ городской жизни, или же были подавлены тяжестью военныхъ повинностей; владѣльцы средней руки погибли вслѣдствіе собственнаго мотовства, или же отъ тяжести день ото дня все болѣе и болѣе увеличивавшихся государственныхъ налоговъ; такимъ образомъ сосредоточились, мало по малу, въ рукахъ немногихъ огромныя владѣнія, часто доходившія до 30 кв. миль и даже болѣе, приносившія отъ 2-хъ до 8-хъ милліоновъ арендиаго дохода,

съ великолѣпными дворцами, золотомъ разукрашенными виллами и съ парками огромныхъ размѣровъ; но въ тоже время десятина едва доставляла теперь 4-ю часть прежняго дохода; по большей части только 4-й процентъ съ посѣва; поля были грубымъ образомъ обработываемы наемными рабочими, которые вслѣдствіе бѣдности и лишеній, не знали что имъ и дѣлать, погибали подъ тяжестью налоговъ, оброковъ и, въ пылу отчаянія, часто оставляли свои нивы невоздѣланными, а сами, покидая свои хижины, убѣгали въ горы, гдѣ, въ продолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, занимали римскіе легіоны войной гверильясовъ. Не утѣшительнѣе было положеніе и городскаго населенія. Свободные ремесленники, классъ издавна презираемый въ Греціи и Римѣ, совершенно пали, потому что состоятельные граждане удовлетворяли всѣмъ своимъ нуждамъ трудами своихъ рабовъ. О крупной промышленности, кромѣ нѣкоторыхъ фабрикъ въ Малой Азіи, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ пролеторіатъ голодный и жадный, стекался въ большіе города, и государство, въ ущербъ своей кассѣ и ихъ нравственности, должно было имъ даромъ доставлять пищу и развлекать ихъ зрѣлищами. Итакъ нигдѣ нельзя было найти дѣятельности, которая бы производила какія либо новыя цѣнности или производительные капиталы.

Торговля была совершенно пассивна, т. е. занималась только куплей, ничего не продавая. Она вывозила съ Востока драгоцѣнныхъ пряностей, кореньевъ, ароматовъ, словомъ вещей безполезно обращаемыхъ роскошью въ паръ и дымъ ежегодно болѣе чѣмъ на 200 милл., изъ которыхъ ни одинъ грошъ не возвращался назадъ за римскіе вывозы. Другія денежныя суммы были высылаемы за предѣлы государства для полезнаго помѣщенія капиталовъ, или для выгодныхъ предпріятій. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ металлическія деньги совершенно исчезли изъ оборота. Само государство должно было довольствоваться полученіемъ своихъ налоговъ хлѣбомъ и товарами, и уплачиваніемъ жалованья войску тѣми же матеріалами. Здѣсь, при достиженіи высшей точки почти 1000 лѣтъ развивавшагося образованія, начинаютъ снова преобладать хозяйственныя формы грубаго природнаго состоянія,

война была противна ученію Іисуса Христа, повелѣвавшему прощать своимъ врагамъ. Словомъ, на каждомъ шагу встрѣчали первые христіане себѣ препятствія, за что и были считаемы людьми опасными для спокойствія государства, преслѣдуемы и подвергаемы разнымъ истязаніямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ христіанство при Константинѣ Великомъ сдѣлалось государственной религіей, дѣло нѣсколько измѣнилось въ пользу его послѣдователей, но и они однако должны были допустить нѣкоторыя уступки съ своей стороны. Такъ, идея общаго равенства, разумѣется, осталась не тронутою, но уже примѣненіе ея къ практикѣ сдѣлалось немыслимо. Если теперь и исчезаетъ первенство богатыхъ надъ бѣдными, сильныхъ надъ слабыми, то за то начинаетъ мало по малу становиться въ главѣ общества цѣлое отдѣльное сословіе, классъ духовенства. Первые христіане, посвященные въ таинства своей религіи, разсыпались для ея исповѣданія по всему тогда извѣстному міру и, конечно, проповѣдуя ее людямъ по большей части простымъ, незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтали отъ нихъ большое уваженіе и становились въ головѣ ихъ. Такимъ образомъ, мало по малу, образовался чинъ духовенства, которое вскорѣ раздѣлилось на низшее и высшее и положило начало развитію церковной іерархіи. Эта іерархія, столь полезная для единства церкви, образовалась окончательно уже во времена послѣ Константина Великаго, и въ особенности при Ѳеодосіи Великомъ; но зародыши ея мы уже встрѣчаемъ при первомъ началѣ распостраненія христіанства. Основаніемъ ей послужило избраніе Христомъ двѣнадцати апостоловъ, а ими себѣ помощниковъ діаконовъ. Съ теченіемъ времени, когда христіанство получило возможность открыто вступить въ борьбу съ язычествомъ и не имѣло необходимости скрываться въ пещерахъ и катакомбахъ, послѣдователи его почувствовали потребность крѣпко соединиться между собою и составить отдѣльное отъ язычниковъ, хорошо организованное общество [1]).

Уже со 2-го вѣка начинаетъ совершаться отдѣленіе со-

[1]) „Ein Staat im Staate" по выраженію Роттека „Allgemeine Geschichte". т. IV стр. 200.

словія духовенства (κλῆρος) отъ сословія міранъ (λαός).—Проповѣдь и совершеніе таинствъ были принадлежностью первыхъ; впрочемъ, въ первое время, въ собраніяхъ христіанъ, позволялось иногда проповѣдывать и ученымъ міранамъ.

Церковная власть и заботы объ интересахъ церкви исключительно лежали на духовенствѣ. Право избирать и исключать членовъ принадлежало въ первое время всему обществу. Но день ото дня все болѣе и болѣе возрастало могущество клира, чему сильно способствовала религіозная ревность новообращенныхъ императоровъ. Уже Константинъ Великій, чрезъ восемь лѣтъ послѣ изданія миланскаго эдикта [1]) допустилъ полную свободу дѣлать подарки и приношенія католической церкви, приведеніе этого въ исполненіе обогатило духовенство и дало ему твердую точку опоры. Слѣдующіе за Константиномъ Великимъ императоры дали духовенству полное право собственнаго суда, отдѣльнаго отъ гражданскаго. Во вторыхъ, возростанію могущества клира не мало способствовала и привыкшая къ власти жрецовъ набожность варварскихъ народовъ; „сильно благопріятной, выражается Роттекъ, [2]) была почва Германіи для утвержденія церкви и укрѣпленія іерархіи. Благочестивые германцы съ почтительнымъ послушаніемъ, которое они уже прежде оказывали своимъ языческимъ жрецамъ, подклонились властолюбивымъ притязаніямъ христіанскаго клира, а это все болѣе и болѣе возвышало возрастающее величіе западныхъ епископовъ, вскорѣ присоединившихъ къ духовной власти и свѣтскую, — что подстрекнуло менѣе счастливыхъ восточныхъ ихъ собратій къ соревнованію; кромѣ того слѣдствіемъ этого было еще и неимовѣрное усиленіе возвысившагося изъ латинскаго духовенства папства“. Строго разбирая развитіе этой іерархіи, мы непремѣнно убѣдимся въ ея необходимости въ то время, и не можемъ не сказать, что она принесла тогда много пользы. „Духовенство преклонилось участи одинаковой всему христіанскому обществу, и въ его средѣ явились какъ добрые, такъ и злые. Впрочемъ

[1]) Этимъ эдиктомъ была допущена свобода вѣроисповѣданія.

[2]) Allgemeine Geschichte, т. IV, отд. 3-е гл. 2 и 3, стр. 257. 1834 г. X изданіе.

ни вліяніе, имъ тогда пріобрѣтенное, ни покровительство государей, ни богатства имъ собранныя, не могли его развратить. Его положеніе, въ головѣ христіанства въ предстоявшей ему борьбѣ противъ ересей, его избирательный характеръ, постоянное наблюденіе за нимъ народа, его постоянныя сношенія съ бѣдными, болѣе чѣмъ съ богатыми, въ особенности высокое нравственное превосходство его надъ массой прочаго народа, поддержали его на пути истины [1]).

Организація церковной іерархіи состояла въ слѣдующемъ: каждый городъ имѣлъ своего епископа, котораго юрисдикція простиралась въ то же время и на всѣ принадлежащія къ округу города деревни. Эта эпархія раздѣлялась на приходы, которые управлялись зависящими отъ епископа — священниками. Епископы каждой провинціи признавали надъ собою власть одного главнаго, называемаго митрополитомъ, жившимъ въ главномъ городѣ провинціи. Этотъ послѣдній пользовался многими общественными правами, какъ то: онъ имѣлъ право утверждать выборы епископовъ и посвящать ихъ въ должность; разбирать жалобы епископовъ и апелляціи, подаваемыя на ихъ рѣшенія низшими инстанціями; созывать провинціальные синоды и предсѣдательствовать на нихъ. Эти синоды были учреждены еще во 2-мъ столѣтіи для прекращенія часто происходившихъ между церквами недоразумѣній. Въ 3-мъ столѣтіи они уже становятся высшими органами законодательства, администраціи и правосудія. Они были собираемы одинъ, или два раза въ годъ; на нихъ иногда допускались и священники [2]).

Съ древнѣйшаго времени архіепископы Рима, Антіохіи и Александріи пользовались большимъ уваженіемъ. Никейскій соборъ призналъ за ними право суда надъ всѣми прочими, подобно тому, какъ каждый изъ архіепископовъ имѣлъ его надъ подчиненнымъ ему духовенствомъ. Церкви эфесская и кессарійская въ Каппадокіи, какъ столицы отдѣльныхъ политическихъ діоцезовъ, потребовали и себѣ подобнаго же званія

---

[1]) *Ott.* „Manuel d'hist. univ." т. 2-й стр. 73.

[2]) *Hase* (Karl) „Histoire de l'eglise" trad. par Flobert. 1860 г. т. 1., стр. 80.

патріаршествъ; но онѣ должны были отказаться отъ этого въ пользу Константинополя и ограничиться званіемъ экзархатовъ. Константинопольское патріаршество было утверждено уже на 2-мъ Вселенскомъ соборѣ. Наконецъ и Іерусалимъ, основываясь на уваженіи, которымъ пользовалась всегда его церковь, потребовалъ себѣ подобнаго-же права, дарованнаго ему Ѳеодосіемъ 2-мъ.

По примѣру провинціальныхъ синодовъ стали и патріархи собирать вокругъ себя соборы, составляемые изъ подчиненныхъ имъ епископовъ. Великое установленіе вселенскихъ соборовъ окончательно увѣнчало іерархическій порядокъ церковнаго представительства.

Такая организація должна была необходимо быть плодотворною. Она развила въ церкви невѣроятную дѣятельность; она не только была внутренней поддержкой порядка священноначалія, но также сдѣлалась средствомъ для установленія общественнаго порядка и гражданскаго законодательства. Императоры дали епископамъ право разбирать даже гражданскія тяжбы, если только на это изъявятъ согласіе обѣ тяжущіяся стороны; слѣдствіемъ такого позволенія и было частое его примѣненіе [1]). Законы духовенства все болѣе и болѣе увеличивались; почти ежедневно прибавляли соборы новые каноны къ старымъ, и постановленія большихъ соборовъ этого времени легли въ основаніе церковной дисциплины. Въ тоже время открылся еще новый источникъ правъ для западнаго духовенства: папскія декреталіи, изъ которыхъ 1-я была издана св. Сирисомъ въ 385 г., начали получать силу закона [2]). Въ общемъ движеніи установившейся тогда организаціи было совершенно естественно все большее и большее проявленіе и, наконецъ, полное утвержденіе церковнаго единства. Папство является теперь властью центральной на всемъ западѣ, который повинуется ему безпрекословно. Мужественный отпоръ, данный имъ еретикамъ [3]) въ первой половинѣ четвертаго

---

[1]) *Ou* „Manuel d'hist. Univ". т. 2-й, стр. 74—75.

[2]) *Ou* „Manuel d' hist. univ." т. 2 стр. 75.

[3]) Аріанизму, который распространился было между варварскими народами. *Кудрявцевъ*, въ своемъ сочиненіи „Судьбы Италіи" прекрасно

вѣка, сдѣлалъ его, не смотря на паденіе папы Либерія, точкой опоры для правовѣрныхъ. Одинъ канонъ Сардикійскаго собора (котораго достовѣрность была впрочемъ заподозрѣна) признаетъ за всѣми епископами право апеллировать къ римской церкви на неправильное рѣшеніе архіепископовъ. Императоры Валентиніанъ II и Валентиніанъ III еще болѣе распространили это право общей юрисдикціи и, несмотря на расколъ, воздвигнутый Іриніемъ противъ папы (366), римская церковь осталась первою во мнѣніи народовъ западной Европы.— Всюду ея рѣшенія принимались на вѣру: касаеття ли дѣло вопросовъ о дисциплинѣ, или же вопросовъ о догматахъ; письма папъ относительно важныхъ современныхъ вопросовъ (декреталіи), принимались какъ императорскія постановленія; всѣ великіе подвижники западной церкви какъ Іеронимъ, Хрисостомъ и Августинъ, настоятельно поддерживаютъ эту власть, которая должна была утвердить единство церкви.

Теперь разсмотримъ двѣ главныхъ основы могущества римско-католической церкви: папство и монашество.

а) Папство и его постепенное возвышеніе.

Появленіе папской власти на западѣ было, какъ мы сказали, необходимымъ органомъ внутренняго и внѣшняго единства церкви. Въ первое время папа ничѣмъ не отличался отъ прочихъ епископовъ, и только ради значенія города, въ которомъ жилъ, получилъ, наравнѣ съ епископами Антіохіи, Александріи, Константинополя и Іерусалима, званіе патріарха.

характеризуетъ это ученіе: сынъ своего времени, аріанизмъ, впрочемъ, былъ явленіемъ несвоевременнымъ, особенно по отношенію къ новымъ народамъ, оттого вездѣ и долженъ былъ потомъ уступить католицизму; но печально то, что съ нимъ была неразрывно соединена и участь тѣхъ народовъ, которые его приняли: они также погибли прежде времени, оставивъ по себѣ только память своего краткаго существованія. И тѣмъ печальнѣе это явленіе, что въ другихъ мѣстахъ аріанизмъ удовлетворялъ по крайней мѣрѣ прихоти, приходился по вкусу извѣстнаго рода образованію, а между новыми народами онъ, какъ случайность, былъ совершенно излишнимъ, не удовлетворялъ рѣшительно никакой потребности. Гл. 2 стр. 36—37.

Вскорѣ впрочемъ, обстоятельства стали все болѣе и болѣе благопріятствовать папамъ, и помогли имъ сдѣлаться не только законодателями духовными, но и могущественными свѣтскими правителями.

Большинство католическихъ историковъ до сихъ поръ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ пристрастнаго взгляда на этотъ предметъ. Почти всюду, говоря о папахъ, стараются они доказать законность ихъ духовной и свѣтской власти, почему постоянно прибѣгаютъ къ натяжкамъ. Часто встрѣчаемъ мы у нихъ фразы, подобныя слѣдующей: „духовная власть папства торжественно провозглашена словами Спасителя; она безспорно принадлежитъ намѣстникамъ св. Петра. Она развивается вмѣстѣ съ христіанствомъ съ самой колыбели его, и всѣ признаютъ ее за центръ церковнаго единства. Свѣтская власть папъ не вытекаетъ уже такъ ясно изъ словъ евангелія; она, скорѣе, выдвигается вслѣдствіе обстоятельствъ, послѣ того какъ долгое время скрывалась во мракѣ“ [1]). Далѣе стараются они доказать, что свѣтская власть папъ беретъ свое начало въ первые вѣка христіанства, и что уже въ V-мъ вѣкѣ она выступаетъ вполнѣ развитою [2]). Не отрицая даже необходимости папской власти въ средніе вѣка, какъ центра, въ которомъ сосредоточивалось единство церкви, нельзя однако не удивляться фанатизму, съ которымъ люди ученые стараются доказать, что то, что было необходимо въ средніе вѣка, должно быть такимъ же и въ наше время.

Защищая подобный принципъ, они какъ будто забываютъ, что все въ мірѣ подвержено измѣненію и прогрессу, и кромѣ того, что часто въ исторіи бываетъ необходимо и самое зло, котораго въ извѣстное время никакъ нельзя избѣжать. Къ чи-

---

[1]) *Christophe* «Histoire de la papauté», т. I. Introduction, стр. 1-я. Paris 1853.

[2]) *Ranke* (L) въ своей «Исторія римскихъ папъ XVI столѣтія» говоритъ слѣдующее: «хотя и совершенно неосновательно предполагать, что папамъ въ первыхъ столѣтіяхъ христіанской эры, или даже когда либо, было дано всеобщее, востокомъ и западомъ признанное первенство; но тѣмъ не менѣе вскорѣ пріобрѣли они себѣ большее уваженіе, которое поставило ихъ выше всѣхъ прочихъ служителей церкви». *L. Ranke* die Römishe Päpste, т. I, гл. I, стр. 11.

слу такихъ необходимыхъ золъ принадлежитъ и папство съ его духовною и свѣтскою властью. Свѣтская власть папъ зависѣла отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) права посредничества, которое имѣло духовенство въ ссорахъ и несогласіяхъ, возникавшихъ между мірянами, и 2) постепенно увеличивавшагося богатства клира.

Обѣ причины одинаково благопріятствовали возвышенію всѣхъ епископовъ, но самые богатые результаты выпали на долю римскаго первосвященника, такъ какъ его резиденція была центромъ, куда со всѣхъ концовъ земли стекались богатства міра. Нѣтъ ничего удивительнаго, если епископъ, юрисдикція котораго распространялась на обширнѣйшій и богатѣйшій діоцезъ и который былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ самыми могущественнѣйшими, богатѣйшими и знатнѣйшими лицами въ государствѣ, пріобрѣлъ власть бóльшую, чѣмъ всѣ прочіе епископы. Эта свѣтская власть папъ и ихъ значеніе начинаетъ высказываться только въ концѣ Ѵ-го столѣтія, когда этому сильно помогло вторженіе въ Италію варваровъ [1]), а въ особенности же со времени изгнанія остъ-готовъ Юстиніаномъ, чему не мало содѣйствовало римское духовенство. „Классъ, стоявшій во главѣ послѣдняго движенія въ Италіи, говоритъ Кудрявцевъ [2]), выигралъ всего болѣе отъ новой политической перемѣны".

Этотъ классъ былъ, какъ извѣстно, католическое духовенство, которое питало особенно враждебное чувство къ готскому аріанизму и всего болѣе содѣйствовало тому, чтобы тѣснѣе связать виды Италіи съ интересами имперіи. Выгоды, которыя оно пріобрѣтало вслѣдствіе измѣненнаго порядка вещей, носили на себѣ такъ же чисто политическій характеръ. Уступая силѣ обстоятельствъ и духу времени, имперія вообще въ пос-

---

[1]) Съ окончательнымъ паденіемъ западной имперіи (476 г.) и съ основаніемъ въ Италіи германскаго государства аріанскими королями, римскій народъ сталъ смотрѣть на папъ, какъ на своихъ законныхъ владыкъ, которыми они и въ самомъ дѣлѣ сдѣлались, не смотря на грубое обращеніе съ ними побѣдителей. *Hase*, т. I, стр. 187. Тоже говоритъ и Кудрявцевъ въ соч. «Судьбы Италіи».

[2]) Судьбы Италіи, гл. 3, стр. 85—86.

лѣднее время должна была предоставить духовенству, епископамъ въ особенности, гораздо болѣе дѣйствительнаго вліянія на мѣстное, всего болѣе городовое управленіе, нежели сколько это могло лежать въ ея видахъ: почетное сословіе городскихъ владѣльцевъ, куріаловъ, теряло всякій вѣсъ и значеніе; новая духовная аристократія становилась на ея мѣсто, все болѣе и болѣе выдвигалась впередъ своимъ высокимъ характеромъ, своимъ вліяніемъ на дѣла. Правительство только узаконяло то, что уже вошло въ порядокъ вещей.

Уступки, дѣлаемыя новеллами епископскому авторитету, почти заставляютъ забывать, что дѣло идетъ объ отношеніяхъ внутри самой имперіи. Но довольно того, что въ городѣ епископъ управлялъ выборомъ столько важныхъ городскихъ чиновниковъ, какъ defensor и pater civitatis (quinquennalis): ему еще предоставлялось право надзора за ними во все время ихъ общественной дѣятельности, онъ наблюдалъ за употребленіемъ городскихъ доходовъ, и отъ тѣхъ, которые распоряжались ими, могъ требовать ежегоднаго отчета. Но законное вліяніе и контроль епископовъ простирались еще далѣе: отъ нихъ же главнымъ образомъ зависѣли выборы тѣхъ гражданскихъ начальниковъ, которые подъ именемъ судей, judices, поставлялись надъ цѣлою областью. Наконецъ, епископъ уполномочивался, по своему усмотрѣнію, вмѣшиваться въ самыя отправленія служебныхъ обязанностей, которыя лежали на этихъ областныхъ судьяхъ, заступать иногда ихъ мѣсто и, въ важныхъ случаяхъ, представлять на нихъ жалобы самому императору. Не забудемъ притомъ, что епископъ, какъ духовный пастырь, имѣлъ еще право общаго надзора за нравами, право котораго никакъ не думало оспаривать у него гражданское законодательство.

«Съ такимъ духовнымъ и гражданскимъ полномочіемъ какого высокаго политическаго значенія не могло обѣщать себѣ католическое духовенство въ Италіи. Въ Римѣ особенно, гдѣ глава его умѣлъ уже соединить дѣло своего духовнаго престола съ дѣломъ народнымъ, гдѣ онъ давно уже составлялъ центръ и душу народныхъ движеній; гдѣ онъ былъ главнымъ двигателемъ политическихъ интересовъ, гдѣ, наконецъ, въ его рукахъ сосредоточивалось все управленіе обширными патри-

моніями римской церкви. Далеко пошелъ бы тотъ, кто искустною и дѣятельною рукою взялся бы за это полномочіе».

«Власть Византіи, какъ извѣстно, не очень долго тяготѣла надъ Италіей. Вскорѣ явились сюда новые варвары и большая часть Равенскаго экзархата подпала ихъ власти. Однако Римъ, благодаря именно своимъ духовнымъ пастырямъ, удержался, хотя и былъ отрѣзанъ отъ прочихъ владѣній императоровъ. Впрочемъ для возникающей вновь національной жизни Италіи не могло быть слишкомъ опасно разобщеніе ея съ главнымъ административнымъ центромъ, послѣ того какъ у нея нашлась своя точка опоры внутри самаго Рима. Все зависѣло отъ того, спасенъ-ли будетъ самый Римъ. Онъ былъ спасенъ и еще прежде чѣмъ миновала опасность, обозначилась уже разность въ отношеніяхъ его къ константинопольскому патріаршеству. Еще по смерти Іоанна III римскій престолъ могъ оставаться празднымъ цѣлые десять мѣсяцевъ, потому что римляне не рѣшались никого признать епископомъ безъ императорскаго согласія. Но когда потомъ, во время осады Рима лонгобардами, умеръ его преемникъ Іоаннъ Бенедиктъ, римляне не медлили болѣе выборамъ, и, не дожидаясь согласія императора, превозгласили своимъ епископомъ Пелагія II. Такъ живо чувствовалась римлянами потребность въ этой власти: чтобы только не остаться безъ ея руководства, они не побоялись даже обойти авторитетъ императора. Не будучи отреченіемъ отъ власти императора, этотъ свободный актъ однако достаточно показывалъ, какъ она стала далека отъ римлянъ. Только дѣятельною помощью противъ новыхъ враговъ могла бы еще имперія сгладить начинающуюся неправность въ отношеніяхъ своихъ къ Риму». [1])

Еще перенесеніе Константиномъ Великимъ столицы изъ Рима въ Константинополь не мало способствовало возвышенію папъ. Предоставленные сами себѣ, среди неблагопріятныхъ обстоятельствъ, римскіе епископы, при ихъ обширномъ вліяніи, безъ труда сдѣлались первыми лицами въ городѣ и въ провинціи, и расположили въ свою пользу общественное мнѣ-

---

[1]) *Кудрявцевъ* „Судьбы Италіи“ стр. 124 и 125.

ніе. „Несчастія времени, говоритъ Гиббонъ [1]) увеличили мало по малу свѣтскую власть папъ; римскіе епископы были тогда принуждены распространить свою власть, какъ блюстители милости и мира". Къ концу VI столѣтія все уже было готово для того, чтобы выдвинуть римскихъ папъ на первый планъ общественной дѣятельности въ Западной Европѣ. Не доставало только сильной и свѣтлой личности, которая, понявши всю выгоду своего положенія, съумѣла бы себя поддержать и воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Такою личностью былъ Григорій Великій.

Въ продолженіе своего тридцатилѣтняго правленія этотъ удивительный человѣкъ былъ въ одно и тоже время столько же государемъ, сколько и епископомъ. Онъ заключалъ миръ и велъ войну, назначалъ правителей городовъ и начальниковъ войскъ, заботился о снабженіи припасами, пекся о защитѣ крѣпостей [2]) и, не смотря на все это, его осторожность и предусмотрительность ни разу не измѣнили ему. Онъ съумѣлъ въ одно и тоже время заставить уважать свою власть императора, римлянъ и варваровъ; онъ спасъ Италію и привлекъ къ себѣ въ тоже время любовь и благодарность народовъ. Григорію же Великому принадлежитъ честь обращенія въ католичество и подчиненія власти римскихъ епископовъ Англосаксовъ, [3]) испанскихъ готовъ и германцевъ, что очень способствовало усиленію папскаго могущества, такъ какъ съ обращеніемъ новыхъ народовъ римскій престолъ пріобрѣталъ себѣ новыхъ и вѣрныхъ приверженцевъ. Особенно много способствовало расширенію папскаго вліянія между германскими народами новоучрежденная Англійская церковь. „Никогда, говоритъ Ранке [4]), не могъ папа рѣшиться на болѣе выгод-

---

[1]) *Gybbon* „Histoire de la décadence de l'émpire romain". CXLV édition du Panteon.

[2]) См. *Кудрявцевъ*, гл. V. стр. 166—171 и *Christophe* стр. 10-я и 11 введенія т. I.

[3]) По поводу обращенія Англосаксовъ разсказываютъ о Григоріи Великомъ довольно интересный анекдотъ, характеризующій его личность. См. *Christophe* т. I. Introduction стр. 13 и Ranke т. I стр. 16-я.

[4]) Die römische Päpsté т. I. гл. I. стр. 16—17.

ное предпріятіе. Не только христіанское ученіе укоренилось въ Германской Англіи, но явилось въ тоже время уваженіе къ Риму и св. престолу, подобнаго которому мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Англосаксы начали предпринимать путешествія въ Римъ и стали посылать туда свое юношество для образованія. Король Офера учредилъ для воспитанія духовенства и облегченія путешествій въ Римъ такъ называемую пошлину св. Петра. Знатнѣйшіе изъ граждалъ ѣздили въ Римъ съ цѣлію тамъ и умереть, думая, что въ такомъ случаѣ они будутъ радушнѣе встрѣчены святыми на томъ свѣтѣ.... Такое направленіе острова получило необыкновенное вліяніе на материкѣ Европы. Апостолъ германцевъ былъ Англосаксъ Бонифацій; исполненный, какъ и вся его нація, благоговѣнія предъ св. Петромъ и его послѣдователями, онъ далъ прежде всего обѣтъ строго придерживаться постановленій римскагр двора. Онъ въ точности придерживался этого обѣщанія. Устроенную имъ германскую церковь онъ обязалъ безпрекословнымъ повиновеніемъ Риму. Епископы должны были торжественно присягнуть римской церкви, во всемъ подчиняться св. Петру и его намѣстникамъ. Не однихъ только германцевъ принудилъ къ этому Бонифацій: галльскіе епископы сохраняли до этого времени нѣкотораго рода независимость отъ римскаго престола; Бонифацій, которому нѣсколько разъ приходилось завѣдывать тамошними сунодами, нашелъ при этомъ удобный случай распространить и здѣсь свои взгляды; галльскіе епископы стали съ этихъ поръ получать свое посвященіе въ Римѣ. Такимъ образомъ по всему франкскому государству распространилось англосоксонское вліяніе".

Съ этого времени все болѣе и болѣе возврастаетъ властъ папства. Годъ отъ году привлекаетъ оно на свою сторону новыхъ послѣдователей. Вліяніе его теперь распространяется далеко на С. и З. Европы, а къ концу X и въ теченіе XI столѣтія подклоняются ему и многіе славянскіе народы на В. Европы. Этому усиленію ни какъ не могли помѣшать и византійскіе императоры, постоянно старавшіеся унизить папъ и подчинить ихъ окончательно своей власти. Григорій II, какъ

говорятъ нѣкоторые историки [1]), выведенный изъ терпѣнія Львомъ Исавряниномъ, первый далъ итальянцамъ приказаніе отложиться отъ Византіи и перестать платить дань греческимъ императорамъ [2]). Впрочемъ, какъ мы это видимъ изъ многихъ актовъ, Италія въ это время еще не отдѣлилась совершенно отъ Греціи; греческіе императоры по формѣ продолжали считаться владыками этой страны. Но уже Григорій III сознаыъ необходимость для Рима соединиться съ какимъ либо другимъ государствомъ, которое бы могло его защитить отъ напора и притязаній лонгобардовъ. Такимъ народомъ и были франки, замѣтно возвысившіеся въ это время надъ всѣми прочими народами западной Европы.

Григорій III, въ 741 г., послалъ легатовъ къ Карлу Мартеллу, прося его покровительства и жалуя его титломъ римскаго Патриція. Карлъ чрезвычайно радушно принялъ папскихъ пословъ, одарилъ ихъ подарками и послалъ благодарить папу; но въ сущности дѣло на этомъ только и остановилось и Римъ не получилъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ этого союза; только девять лѣтъ спустя, въ 750 году, обстоятельства приняли болѣе благопріятный оборотъ. Пепинъ Короткій, сынъ и наслѣдникъ Карла Мартелла, задумалъ изъ палатнаго мера сдѣлаться полнымъ королемъ Франціи; но при этомъ сознавалъ, что подобный шагъ трудно сдѣлать безъ согласія народа, который сочтетъ сверженіе съ престола помазанника Божія за святотатство, а потому то онъ и рѣшился опереться на разрѣшеніе намѣстника св. Петра.—Съ этой цѣлію обратился онъ къ папѣ Захарію съ вопросомъ: кому приличнѣе быть королемъ, тому-ли кто только носитъ королевскій титулъ? Папа понялъ всю выгоду, которую онъ можетъ извлечь изъ признанія Пепина королемъ, почему отвѣтъ его и былъ тотъ, что королевскій титулъ долженъ быть не раздѣленъ съ самою властію. Вмѣстѣ съ этимъ послалъ онъ Пепину и разрѣшеніе на корованіе съ просьбою защитить престолъ св. Петра

---

[1]) Феофанъ, Зонара и Кедринъ.
[2]) *Christophe* „Introduction“ стр. 15-я.

отъ Лонгабардовъ. Пепинъ съ радостью согласился на это, слѣдствіемъ чего и были два похода его въ Италію.

Онъ поразилъ Лонгабардовъ, отнялъ у нихъ занятый ими Равенскій экзархатъ и отдалъ его во владѣніе папамъ [1]).

Такимъ образомъ положено было твердое основаніе государственной власти папъ. Территорія ихъ владѣній была вскорѣ расширена Карломъ Великимъ, а коронованіе въ Римѣ послѣдняго императорскою короною утвердило, во взглядахъ народа, право папъ раздавать короны земнымъ владыкамъ. Этимъ поступкомъ папа Левъ III въ одно и тоже время пріобрѣлъ себѣ двѣ выгоды: во первыхъ утвердилъ, окончательно свой союзъ съ франкскими королями и, во вторыхъ, возвысилъ значеніе римскаго престола. Съ этого времени всѣ почти папы неустанно работаютъ надъ упроченіемъ своей власти, которая при Григоріѣ VII (Гильдебрандѣ), достигаетъ верха своего могущества. Побѣда, одержанныя папою надъ Генрихомъ IV, была полная. Начиная съ Григорія VII папы низводили государей съ престоловъ, располагали коронами, разрѣшали клятву вѣрноподданства, возбраняли въ цѣлыхъ странахъ богослуженіе. Въ Европѣ не было державы, которая бы осталась въ покоѣ отъ ихъ честолюбія; не было престола, котораго бы они не поколебали, ни государя, котораго бы они не приводили въ трепетъ своею властью [2]).

Такому быстрому усиленію не мало способствовали Крестовые походы, о воздвиженіи которыхъ уже думалъ Гильдебрандъ; но борьба съ императоромъ помѣшала ему выполнить свое намѣреніе. Выполненіе его плановъ досталось на долю папѣ Урбану II. Въ 1095 году созываетъ онъ соборъ въ Клермонтѣ. Куда стекается множество народа, возбужденнаго проповѣдями Петра пустынника, и здѣсь, въ пламенной рѣчи, развиваетъ онъ жалкое состояніе пилигримовъ въ св. землѣ, яркими красками описываетъ притѣсненія, дѣлаемыя христіанамъ турками, и умоляетъ отнять св. землю изъ нечистыхъ

---

[1]) Притязанія византійскихъ императоровъ и отвѣтъ Пепина См. Ranke и Chriestophe.

[2]) *Робертсонъ* „Исторія царствованія Карла V." т. I. стр. 120.

рукъ мусульманъ. Весь христіанскій міръ изъявилъ тотчасъ же свою готовность на это и болѣе 100,000 народа тотчасъ же приняло крестъ, какъ знакъ великаго дѣла, къ которому они готовились. Руководителемъ и распорядителемъ похода былъ папа. «Предпріятіе это имѣло цѣлію не одно только освобожденіе гроба Господня; оно должно было доставить честь и славу всему христіанскому міру и представить торжество христіанства надъ Востокомъ, Европы надъ Азіей [1]).

Сдѣлавшись руководителемъ крестовыхъ походовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ составляли главную цѣль стремленія Европейскихъ государей, папы стали во главѣ всего христіанскаго западнаго міра и безпрепятственно распоряжались во всей Европѣ. Однимъ словомъ, въ это время осуществилась завѣтная мысль Гильдебранда возвысить папство на степень высшей духовной власти, которая бы имѣла право контролировать всѣ поступки свѣтскихъ владыкъ. Но предпріятіе, которое по видимому такъ возвысило папство, было въ тоже время и главною причиною его падѣнія. Крестоносцы, отправляясь въ дальнія страны, мало по малу пріобрѣтали себѣ новыя свѣдѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ начали выработывать и новые взгляды на вещи, которые они и приносили съ собой на родину. Кромѣ того вскорѣ показалась вся несостоятельность этихъ походовъ; народы поняли, что они совершенно напрасно приносятъ огромныя жертвы и охладѣли къ подобнаго рода подвигамъ. Все это уронило въ глазахъ Европейцевъ папскую власть и съ XIII столѣтія мы начинаемъ уже замѣчать явные признаки ея политическаго паданія, которому сопутствуетъ и нравственное разложеніе. Монархическая власть въ то время начинаетъ все болѣе и болѣе крѣпнуть; государи торжествуютъ надъ феодалами и перестаютъ уже безпрекословно повиноваться намѣстникамъ св. Петра, чувствуя себя въ силахъ въ случаѣ нужды, бороться съ ними. Послѣдней и въ тоже время высшей степени своего могущества достигаетъ папство при Иннокентіѣ III. Въ его правленіе громы Ватикана поражали всякаго ослушника папскимъ приказаній. Вся западная

[1]) Наве. стр. 252. т. I.

Европа безпрекословно повиновалась ему и однимъ мановеніемъ руки двигалъ онъ цѣлыя тысячи народа. Со смертію его начинается упадокъ могущества папства, которое мы разберемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію монашества, бывшаго одною изъ важныхъ подпоръ папскаго престола.

Монашество и его постепенное развитіе въ западной Европѣ.

Принципъ монашества—аскетизмъ начинаетъ развиваться въ христіанскомъ мірѣ только съ IV вѣка, а именно съ 305 года, когда Антоній, сынъ простолюдина въ Өиваидѣ, удалился въ пустыню и тамъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Павломъ, предался благочестивой и полной трудовъ и лишеній жизни. Примѣръ его нашелъ себѣ вскорѣ множество послѣдователей, такъ что въ концѣ IV вѣка уже насчитывается болѣе 100,000 монаховъ и монахинъ въ одномъ Египтѣ [1]).

Такое быстрое распространеніе объясняется склонностью жителей Востока къ уединенной, созерцательной жизни, что мы уже встрѣчаемъ въ отдаленной древности: зачатки аскетизма въ то время мы находимъ въ Буддійскихъ анахоретахъ, въ гимнасофистахъ, пиѳагорейцахъ и циникахъ. Въ IV вѣкѣ было положено основаніе и монастырской жизни ученикомъ Антонія Пахоміемъ. Съ востока перешло монашество и на западъ. Здѣсь сначала не доброжелательно посматривали на него, но тѣмъ не менѣе оно успѣло укорениться. Въ Галліи оно было распространено св. Мартиномъ Турскимъ и Каліаномъ, въ Италіи—Амвросіемъ и Іеронимомъ, а въ с. Африкѣ—блаженнымъ Августиномъ. Суровый климатъ западной Европы служилъ сильной преградой для распространенія монашества и принудилъ отчасти здѣшнихъ монаховъ принять правила разнящіяся отъ тѣхъ, которыя были приняты восточными монахами. Бенедиктъ Нурсійскій былъ основателемъ перваго монашескаго ордена, извѣстнаго подъ именемъ Бенедиктинцевъ, главное занятіе которыхъ въ первое время состояло въ

[1]) Rotteck. „Allgemeine Geschichte“ т. IV стр. 299.

переписываніи книгъ. Такимъ образомъ Бенедиктинцы сохранили отъ погибели, множество памятниковъ древней цивилизаціи, занимаясь въ то же время разработкой пустынныхъ странъ и обученіемъ варварскихъ народовъ.

Монастыри въ это первое время находились въ зависимости отъ епископа того округа, къ которому они принадлежали; епископъ не имѣлъ однако право нарушать ихъ устава. Впрочемъ нѣкоторые монастыри, избѣгая притѣсненій своего епископа, прибѣгали иногда подъ покровительство какого—либо другаго, хотя бы онъ находился и вдали отъ нихъ [1]). Всѣ монахи, какъ Кенобиты (живущіе въ монастыряхъ), такъ и отшельники и пустынники признавали одинъ и тотъ же законъ — аскетическое испытаніе добродѣтели, т. е. отреченіе отъ міра, покаяніе и созерцательное благочестіе. Монахи жили, ѣли и спали всѣ вмѣстѣ, въ домѣ или монастырѣ (domus, monasterium) подъ непосредственнымъ надзоромъ настоятеля. Въ часы, опредѣленные правилами, они иногда до глубокой ночи предавались молитвѣ и пѣнію; ихъ день начинался чтеніемъ главы изъ св. писанія или монастырскихъ правилъ. Настоятель заботился о содержаніи братіи изъ средствъ получаемыхъ церковью. Такая организація распространилась особенно въ правленіе Карловинговъ. Въ VIII стол. почти всюду строгій уставъ Колумбина [2]) сталъ уступать мѣсто болѣе кроткому уставу св. Бенедикта. Впрочемъ монастыри остались по прежнему самостоятельными и независимы другъ отъ друга, кромѣ тѣхъ, которые принадлежали къ одному и тому же ордену. Поступая въ монастырь, давали обыкновенно обѣтъ посвятить себя монашеской жизни; но въ послѣдствіи времени стали принимать туда и дѣтей, посвящаемыхъ родителями, которыхъ съ малыхъ лѣтъ начинали приготовлять къ принятію схимы (oblati). Монастыри, не смотря на разнообразіе статутовъ монашескихъ орденовъ касательно мелочей, были всѣ проникнуты однимъ общимъ духомъ, или лучше сказать, тремя основными обѣтами—бѣдности, смире-

---

1) *Hase* т. I стр. 195.

2) Первый монастырскій уставъ на Западѣ.

нія и цѣломудрія, что соединяло всѣхъ монаховъ въ особое замкнутое сословіе. Бѣдность состояла въ необходимости вести строго аскетическую жизнь, а слѣдовательно въ доведеніи до возможно большой простоты жилища, пищи, одежды и т. п. такъ же и въ полномъ отреченіи отъ всякой собственности. Этимъ однако не возбраняется монастырямъ имѣть свои особыя средства, такъ какъ каждый монахъ въ отдѣльности, и при этихъ общихъ средствахъ, могъ ничего не имѣть своего. Смиреніе или послушаніе, бывшее вторымъ обѣтомъ монашества и за соблюденіемъ котораго строго слѣдилось, довершало уничтоженіе личности и превращало монаха въ безсознательное орудіе высшаго существа. Безбрачіе, которое въ первое время не было безусловно, есть необходимое слѣдствіе двухъ первыхъ обѣтовъ и монастырской жизни. Принимаемое въ смыслѣ аскетической жизни, оно составляетъ третій обѣтъ цѣломудрія.

Монашество появилось въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда религіозность считалась почти единственнымъ достоинствомъ человѣка. Примѣръ великихъ подвижниковъ, освященныхъ церковью, ревность самихъ монаховъ къ выполненію своихъ обѣтовъ, все это возбуждало удивленіе и подстрекало къ подражанію. «Весьма разнородны, говоритъ Неандеръ, [1]) были причины, приводившія людей къ такому образу жизни, и уже по этому направленія жизни въ монашествѣ должны были быть чрезвычайно различны.—Часто глубокое благочестіе матерей, представившихъ образецъ христіанской семейной добродѣтели, составляло рѣзкую противуположность съ исключительно свѣтскими занятіями мужчинъ въ рыцарствѣ или въ придворной жизни. Если такія матери предвидѣли рожденіе своего перваго ребенка, или если имъ приходилось бороться съ тяжелыми страданіями и имъ предстояла большая опасность, онѣ клялись передъ алтаремъ посвятить своего ребенка, если онъ будетъ мужескаго пола, служенію Господа, слѣдовательно опредѣлить его въ духовное или монашеское званіе, какъ ви-

1) *Neander* «Allgemeine Geschichte der Christlihen Religion und Kirche» т. 5 ч. 1 стр. 310-я.

димъ это изъ примѣра матери аббата Гвиберта Ногентскаго Sous Coucy (Guibart von Nogent sous Coucy) въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія, а также изъ примѣра матери аббата Бернгарда Клервосскаго.

Такимъ образомъ монашество все болѣе и болѣе распространялось. Вскорѣ папы увидѣли всю выгоду, которую они могутъ извлечь изъ него, почему они и стали сильно покровительствовать монашеству, даруя ему право проповѣдывать и исповѣдывать всюду и принимая монастыри подъ свое непосредственное покровительство. Первый монастырь, поступившій прямо подъ покровительство папы былъ Клюнійскій, основанный св. Верномомъ въ 910 году. [1]) Съ этого времени одинъ за другимъ прибѣгають подъ это покровительство и другіе монастыри. Впрочемъ еще съ IX вѣка монахи состояли въ услуженіи у папъ [2]).

Въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка начинаютъ образовываться такъ называемыя нищенствующіе ордена монаховъ, задачей которыхъ было милосердіе, уничиженіе, нищета, и вѣра въ помощь Іисуса Христа. Уничиженіе въ воспоминаніе страданій Спасителя доходило до степени до того времени неизвѣстной; одежда этихъ монаховъ состояла изъ черной мантіи, опоясанной веревкой, питаться они должны были подаяніемъ. Главными нищенскими орденами были Францисканскій и Доминиканскій. Первый былъ основанъ св. Францискомъ d'Assise, около 1209 года, а второй — Доминго-Гусманомъ, уроженцемъ Кастиліи. Организація обоихъ орденовъ развилась въ сущности почти одинаково. Настоятель, а у Доминиканцевъ пріоръ, завѣдывалъ управленіемъ монастыря, провинціалъ — управленіемъ монастырей провинціи и генералъ (Minester generalis), находившійся въ Римѣ, управленіемъ всего ордена; каждая изъ этихъ властей имѣла совѣтниками и надзирателями помощниковъ орденскаго генерала (définiteurs) представителей управляемой ею общины; высшее наблюденіе и законодательство принадлежали провинціальнымъ совѣтамъ, и надъ всѣмъ этимъ

1) *Hase*. стр. 283.

2) Тамъ же.

былъ генеральный капитулъ. Нищенствующіе ордена хотя и ставили себя выше заботъ матеріальной жизни, не были распространены среди народа. Въ противоположность каноникамъ, они особенно открывали таланту и достоинству путь къ самымъ высшимъ степенямъ церковной іерархіи. Право ихъ повсюду принимать исповѣдь, сдѣлало изъ нихъ повсемѣстныхъ руководителей совѣсти; всѣ тайны, которыя опасались открывать мѣстному священнику, повѣрялись имъ, что доставляло имъ случай вмѣшиваться во всѣ семейныя, городскія и государственныя дѣла. Имѣя вездѣ готовый столъ, они могли принимать несчетную толпу членовъ въ ордена; впрочемъ многіе монастыри собирали нищенствуя, богатства, которыя, какъ общественное достояніе, можно было согласить съ обѣтомъ нищенства. Взаимный интересъ связывалъ ихъ съ папскимъ дворомъ и всякаго рода преимущества возвышали надъ бѣлымъ духовенствомъ нищенствующихъ монаховъ, составлявшихъ, какъ бы постоянную армію на службѣ у папы [1])".

Такимъ образомъ монашество, объ руку съ папствомъ, стало однимъ изъ главныхъ органовъ римско-католической церкви. Монахи способствовали святому отцу распространять свою власть, такъ какъ они, разсыпавшись по всему католическому міру и пріобрѣвши полное довѣріе, уваженіе и любовь народа, внушали ему, что папство поставлено испоконъ вѣка самимъ Богомъ для духовнаго управленія христіанъ, и что всякій осмѣливающійся возстать противъ него, возстаетъ противъ Бога. Доказательство тому, до какой степени нужны были монахи папамъ, мы находимъ въ учрежденіи въ XII столѣтіи ордена іезуитовъ, которымъ такъ покровительствовали римскіе владыки и которые были почти единственной ихъ подпорой въ трудное для нихъ время реформаціи. Не будь іезуитовъ, теперь можетъ быть не было бы и папства. Орденъ іезуитовъ былъ основанъ Игнатіемъ Лойолою въ концѣ XVI вѣка. Распространеніе и усиленіе этого ордена, описаніе котораго не входитъ въ цѣль настоящей статьи, прекрасно изложено въ первомъ томѣ сочиненія Ranke [2]).

---

[1]) *Hase*. I. стр. 351.
[2]) Die Römische Päpstem XVI Jahrhunderte.

II.

Вырожденіе христіанскихъ идей въ западной Европѣ и постоянное усиленіе злоупотребленій римскаго духовенства.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ римско-католической религіи стали въ нее все болѣе и болѣе вкрадываться разныя новизны, совершенно не свойственныя духу евангельскаго ученія, но подходившія къ восторженному характеру среднихъ вѣковъ, когда масса народа, увлекаемая своей фантазіей, готова была всему вѣрить, ничего не подвергая обсужденію. Фантастическое настроеніе европейцевъ особенно усилилось со времени образованія феодальной системы и начала Крестовыхъ походовъ. Эти послѣдніе имѣли на нихъ самое рѣшительное вліяніе и съ этого то времени по преимуществу начинають вторгаться въ религію самыя нелѣпыя суевѣрія. Римское духовенство отчасти безсознательно и увлекаемое общимъ потокомъ, но по большей части съ цѣлію увеличить свое значеніе и обогатить свой карманъ, поощряло распостраненіе разныхъ сумазбродствъ и канонизировало самыя нелѣпыя народныя бредни.

Постараемся здѣсь вкратцѣ представить главные пункты суевѣрія, пущеннаго въ ходъ и поощряемаго римскою церковью, а затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію нравовъ пастырей народа и годъ отъ году возраставшихъ злоупотребленій папства и монашества.

Вообще должно замѣтить, что фантазія народовъ, стоящихъ на низшей степени развитія, гораздо производительнѣе фантазіи народовъ образованныхъ. Въ пору своего дѣтства народъ, не понимая еще окружающихъ его явленій міра, и такъ сказать, будучи ими подавленъ, преклоняется передъ ними, страшится ихъ и относитъ къ сверхестественному міру, который часто достигаетъ, въ его представленіи громадныхъ размѣровъ. Примѣры подобнаго чудовищнаго разгула фантазіи встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу въ исторіи. Этимъ только и объясняются миѳологіи всѣхъ древнихъ народовъ.

Древніе боги и богини первоначально были только олицетвореніями природы и ея явленій, которыми впослѣдствіи овладѣла поэзія и создала изъ нихъ своеобразныя представленія. Такимъ образомъ и христіанство, распространяемое (часто силою [1]) между народами еще младенческими, не могло вскорѣ не исказиться и, въ понятіи народа приняло совершенно миѳологическій характеръ. Лицо являющееся въ евангеліи, какъ Іисусъ Христосъ, Богородица, Апостолы, Богъ Отецъ, ангелы, святой Духъ и демоны сдѣлались вскорѣ достояніемъ народной поэзіи, смѣшались съ преданіями язычества и совершенно удалились отъ истины. Но дѣло въ томъ, что римское духовенство, владѣвшее этой истинной и стоявшее, по своему развитію, несравненно выше народа, не только не старалось противодѣйствовать этому, но даже освящало многія нелѣпости и вносило ихъ въ догматы, такъ какъ видѣло для себя въ этомъ огромную пользу. Подобные поступки не могутъ и не должны быть оправдываемы и, натываясь на нихъ, невольно потеряешь спокойствіе духа и скажешь вмѣстѣ съ Лорономъ: «когда церковь, называющая себя божественной, эксплуатируетъ невѣжество и легковѣріе людей для пріобрѣтенія денегъ или для удовлетворенія честолюбія, тогда зрѣлище человѣческихъ заблужденій принимаетъ отвратительный характеръ; исторія должна заклеймить позоромъ извращеніе всего, что только есть самаго святаго; она должна подвергнуть отвѣтственности церковь за всѣ преступленія, сдѣланныя ея именемъ и для ея выгодъ. Мы говоримъ о преступленіяхъ; въ самомъ дѣлѣ мы незнаемъ ничего болѣе преступнаго обмановъ, которые хотѣли извиниться и даже освятить, давши имъ названіе благочестивыхъ (fraudes pieuses). Въ то время, когда церковь возвращается къ этимъ постыднымъ преданіямъ, непремѣнно слѣдуетъ показать людямъ, что такое было это предполагаемое благочестіе: его имя записано въ уголовномъ кодексѣ. Исторія католичества на каждомъ шагу запятнана преступленіями лжи: есть ложныя приношенія, ложныя декреталіи, ложныя легенды, ложныя чудеса, ложныя мощи; и что

[1]) Напримѣръ между Саксонцами.

дѣлаетъ эти обманы еще гнуснѣе, такъ это то, что, по преимуществу, они проистекаютъ вслѣдствіе любостяжанія» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, пробѣгая исторію католической церкви, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ подобные обманы, дѣлаемыя духовенствомъ изъ личныхъ выгодъ. Самые даже основные догматы христіанской религіи принимаютъ въ ней видъ вовсе непохожій на тотъ, въ которомъ мы ихъ встрѣчаемъ въ евангеліи. Такъ напримѣръ почитаніе Богородицы, вѣра въ ангеловъ, въ злыхъ духовъ начинаютъ отзываться чѣмъ то языческимъ. Духовенству было выгодно держать народъ въ полномъ невѣденіи [2]), не давая ему прійти въ себя и обсудить то, что онъ принималъ на вѣру, а потому оно и старалось развить въ немъ фантазію въ ущербъ разуму, слѣдуя правилу, что стадо барановъ легче удержать въ повиновеніи, чѣмъ общество развитыхъ людей.

Возьмемъ для примѣра нѣкоторые изъ самыхъ выдающихся фактовъ, какъ напримѣръ почитаніе Богородицы и самаго Іисуса Христа. Разумѣется, что на основаніи самаго Евангелія Марія должна, какъ мать сына Божія, пользоваться большимъ почитаніемъ вѣрующихъ; но католики довели это почитаніе до того, что сдѣлали изъ нея настоящую богиню древнихъ и поставили ее чуть-ли не выше самаго Спасителя. Христосъ слушается ея приказаній. „Святая дѣва, говоритъ Гвибертъ Ногентскій, имѣетъ надъ Іисусомъ Христомъ туже власть, которую имѣетъ и всякая мать въ нашемъ мірѣ надъ своимъ ребенкомъ. Мать не проситъ, она приказываетъ. Какимъ-же бы образомъ Іисусъ Христосъ не слушался своей матери?“ [3]). Въ XI вѣкѣ особенный день въ недѣлѣ былъ посвященъ Богородицѣ и ей учреждена была особая служба. Въ субботу всѣ вѣрные стали поститься въ честь ея и достаточно было, по ихъ понятіямъ, исполнять аккуратно этотъ постъ въ теченіи 7-ми лѣтъ, чтобы быть увѣреннымъ въ своемъ спасеніи. [4]) Годъ отъ году это почитаніе Богородицы все

[1]) *Laurent* т. VIII «La réforme». стр. 79—80.

[2]) Даже чтеніе священнаго писанія было воспрещено міранамъ.

[3]) *Laurent* т. VIII стр. 66-я.

[4]) Тамъ-же, стр. 69-я.

возврастало, такъ что она была даже включена въ Пресвятую Троицу и, наконецъ, въ молитвенникахъ, писанныхъ по латыни, стали помѣщать слѣдующія обращенія: слава матери, отцу и сыну". [1]) Однимъ словомъ благочестивое рвеніе не знало уже предѣловъ и доходило до богохульства, а между тѣмъ церковь не только равнодушно смотрѣла на это, но давала всему этому силу закона. Для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ сказанномъ, стоитъ только обратить вниманіе на объясненіе, дѣлаемое монахами среднихъ вѣковъ, почему ожидаемый тогда конецъ міра не пришелъ. „Одинъ Клервойскій монахъ, говоритъ Цезарій Heisterbach, видѣлъ въ минуту экстаза, трибуналъ Іисуса Христа: Сынъ Божій сказалъ одному ангелу—затруби въ трубу! Міръ при этомъ страшномъ звукѣ задрожалъ какъ листъ: Уже Іисусъ Христосъ приказалъ ангелу затрубить во второй разъ; тогда Богородица бросилась къ его ногамъ, умоляя его пощадить людей. Всѣ міряне, клирики и монахи, всѣ достойны смерти! отвѣчалъ Высшій Судія. Богородица продолжала умолять: прости ихъ, сказала она, хотя бы ради моихъ друзей, монаховъ Цитойскихъ, чтобы они, повкрайней мѣрѣ, имѣли время приготовиться къ страшному суду! Іисусъ Христосъ согласился". [2])

Такія и подобныя этому мѣста, гдѣ Іисусу Христу, Богородицѣ и даже самому Богу Отцу приписываются человѣческія свойства, мысли, дѣйствія и даже страсти, мы встрѣчаемъ въ большинствѣ средневѣковыхъ религіозныхъ книгъ западной Европы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ извѣстномъ произведеніи того времени «Hortulus animae» (садъ души) разсказывается происшествіе, случившееся съ однимъ монахомъ, постоянно поклонявшимся Богородицѣ, изъ котораго видно, что Іисусу Христу, по взглядамъ католиковъ, не чуждо даже чувство зависти: „Одинъ монахъ болѣе ревностный въ почитаніи Богородицы, чѣмъ сына Божія, вмѣсто всякой другой молитвы постоянно читалъ Ave Maria. Однажды, когда онъ такимъ образомъ проводилъ свое время, явился къ нему Іисусъ Хри-

[1]) *Ranke* „Deutsche Geschichte im Zeitalter Der Reformation" т. I. стр. 239-я.

[2]) *Laurent* т. VIII. стр. 67-я.

Въ какомъ смыслѣ освобожденіе балканскихъ славянъ составляетъ историческую задачу Россіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ два послѣдніе года славянофильское направленіе, еще недавно составлявшее принадлежность ограниченнаго кружка и иронизируемое большинствомъ, въ болѣе или менѣе полномъ своемъ объемѣ охватило почти все русское общество. Понятна, при преобладаніи такого направленія, нѣкоторая сенсація, произведенная статьей г. Карновича въ „Отечественныхъ Запискахъ" за Январь и Февраль «Объ участіи Россіи въ освобожденіи христіанъ отъ турецкаго ига». Въ этой статьѣ г. Карновичъ старается доказать, что Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи руководствовалась собственными, политическими и торговыми интересами, что идея освобожденія отъ турецкаго ига христіанъ, родившаяся на западѣ, оставалась чуждою Россіи, которая даже отклоняла всѣ шедшіе съ запада призывы къ низверженію власти мусульманъ надъ христіанами балканскаго полуострова, и что увлеченіе наше славянскою идеею въ настоящее время есть не болѣе какъ случайность. Оппоненты г. Карновича, гг. Бѣловъ и Костомаровъ (въ №№ 706 и 707 „Новаго Времени"), не отвергаютъ приведенныхъ имъ фактовъ, но объясняютъ эти факты тогдашнею (до XVIII в.) неокрѣпностію Россіи въ борьбѣ съ могущественною завоевательною

Турціею и необходимостію для Россіи предварительнаго достиженія болѣе близкихъ и доступныхъ цѣлей, причемъ, однако, какъ будто недопускаютъ и сомнѣнія, чтобы призваніе къ освобожденію славянъ отъ мусульманскаго владычества когда либо несознавалось Россіей. Проф. О. Миллеръ въ статьѣ подъ названіемъ „Земскій Соборъ 1642 г." („Новое Время" №№ 733 и 734) старается опровергнуть точность самыхъ фактовъ, приведенныхъ г. Карновичемъ, указывая, что на соборѣ 1642 г., которому царемъ Михаиломъ былъ предложенъ вопросъ: оставлять-ли за Россіей Азовъ, забранный у турокъ донцами, и рѣшаться-ли по этому поводу на войну съ Турціей, большинство членовъ (138 изъ 206) высказалось за принятіе Азова и за войну. Далѣе г. Миллеръ утверждаетъ, что по отношенію къ господству мусульманъ надъ христіанами, черезъ всю русскую исторію проходятъ два теченія: одно, которому слѣдовала политика правительства, сдерживавшаяся необходимымъ расчетомъ, или увлекавшаяся ошибочными посторонними соображеніями, и другое, выражавшее непосредственныя чувства народа, причемъ въ выраженіи послѣдняго направленія зачинщиками были казаки—„эта передовая народная сила".

Весьма естественно, что, увлеченное начинающимся осуществленіемъ главнаго завѣта славянофиловъ—общенія съ славянами, наше общество уже безъ разбора схватываетъ изъ славянофильской сокровищницы и парціальныя преувеличенія славянофильства. Но непонятно, какъ наши ученые и печать, считающіе себя руководителями общества, также безотчетно повторяютъ тѣ же дешево достающіяся, готовыя формулы школы и упускаютъ изъ вида, что научная истина не въ ученіи партій и школъ, а въ положеніяхъ, выработанныхъ безпристрастной критикой.

Полагаемъ, что къ правильному разрѣшенію спорнаго между г. Карновичемъ и его оппонентами вопроса должны вести разсмотрѣніе не ряда отдѣльныхъ фактовъ, а направленія, выразившагося въ ихъ послѣдовательной совокупности, и неодностороннія славянофильскія ученія, а правильная научная теорія.

Фактическая часть статьи г. Карновича не подлежитъ, по нашему мнѣнію, опроверженію. Въ ея пользу, повидимому, свидѣтельствуютъ и почему-то неупомянутыя г. Карновичемъ, событія и явленія даже самаго недавняго времени: политика Россіи 1830—1848 годовъ, прямо поддерживавшая Турцію, еще, можно сказать, вчерашнее иронизированіе нашимъ обществомъ всѣхъ, безъ исключенія, славянофильскихъ тенденцій и наше, почти поголовное, незнаніе славянъ до послѣднихъ дней. Постоянное одушевленіе русскаго народа идеею освобожденія христіанъ отъ мусульманскаго владычества (въ доказательство существованія этого одушевленія за все время послѣ Петра I г. Миллеръ указываетъ только на нѣкоторыхъ резидентовъ нашихъ въ Царьградѣ и на бездарнаго лирика вѣка Екатерины—Петрова)—неболѣе, какъ поэтическая фантазія. Выраженныя членами собора 1642 г. мнѣнія, мотивированныя непосредственными интересами Россіи: созданіемъ оплота отъ ногаевъ и другихъ кочевниковъ южныхъ степей и обезпеченіемъ „безмятежнаго покоя и тишины государевыхъ украйныхъ городовъ“ ровно ничего не говорятъ въ пользу сознанія русскимъ народомъ своего освободительнаго призванія по отношенію къ покореннымъ турками христіанамъ. Что касается до казачества, поставленнаго лицомъ къ лицу съ Крымомъ и Турціей и близко знавшаго положеніе угнетенныхъ мусульманами христіанъ, то возможно-ли утверждать, чтобы борьба съ Крымомъ и Турціей, составлявшая одну изъ настоятельныхъ жизненныхъ задачъ казачества, мотивировалась сознаніемъ миссіи освобожденія христіанъ. Мы полагаемъ, что изъ всего приводимаго г. Миллеромъ постояннаго одушевленія русскаго народа идеею освобожденія христіанъ и изъ подразумѣваемаго, повидимому, гг. Костомаровымъ и Бѣловымъ постояннаго сознанія Россіею своей задачи освобожденія покоренныхъ турками славянъ, при болѣе отчетливомъ и хладнокровномъ отношеніи къ дѣлу, въ нашей исторіи до новѣйшихъ временъ должны остаться только геніальная концепція восточнаго вопроса Петромъ и одиночныя voces clamantium in deserto нѣсколькихъ книжниковъ и славянофиловъ.

Но если все это такъ и если у г. Карновича вѣрны факты,

то вѣрно-ли его заключеніе и непредпочтительнѣе ли дѣлаемый самостоятельнымъ изслѣдователемъ того же предмета г. Ровинскимъ (въ февральской книжкѣ „Древней и Новой Россіи“) изъ тѣхъ же фактовъ выводъ, что освобожденіе балканскихъ славянъ есть часть исторической задачи Россіи? Г. Карновичъ предпослалъ своей статьѣ теоретическое разсужденіе, существуютъ-ли вообще для народовъ историческія задачи, *тяготѣющія надъ ними какимъ-то роковымъ предопредѣленіемъ*, и склоняется къ мнѣнію, что перевороты производятъ только однѣ непредвидимыя случайности. Далѣе такого смѣшенія понятій и такого полнаго уничтоженія всей исторической науки, „заимствовавшей“, по выраженію Зибеля, (О законахъ историческаго знанія) „у естественной исторіи вездѣ—сущность правила и закона, а у философіи убѣжденіе въ существованіи свободы и истины только въ законѣ и его области“, идти нельзя; и вотъ въ этой-то превратности теоретическихъ понятій заключается, по нашему мнѣнію, главная причина невѣрности сдѣланнаго г. Карновичемъ вывода, недостаточно указанная его оппонентами вслѣдствіе, какъ кажется, невыясненія ими, относящихся къ ней идей. Не безъизвѣстный авторъ интересныхъ очерковъ правленія Бирона и анекдотической исторіи накопленія значительнѣйшихъ частныхъ богатствъ и судебъ мальтійскаго ордена въ Россіи является теоретикомъ нашей и вмѣстѣ всей исторіи. Конечно сфера прежнихъ изученій г. Карновича, въ которой причиною дѣйствительно являлась всегда случайность, прихоть или милость того или другаго правящаго лица, должна была расположить его къ предположенію случая основаніемъ вездѣ. Но различныя пространства историческаго изслѣдованія неизмѣряются однимъ масштабомъ и, по словамъ Гервинуса (Введеніе въ исторію XIX в.), въ каждомъ историческомъ явленіи, имѣющемъ свою причину въ разнообразныхъ явленіяхъ, наполняющихъ извѣстный, неособенно значительный періодъ исторіи, историкъ можетъ усмотрѣть только, какъ будто, приливъ и отливъ противоположныхъ вліяній, но, разсматриваемая въ болѣе обширныхъ пространствахъ времени, исторія непремѣнно представляетъ преобладаніе одного господствующаго направленія.

Исторія не есть сцѣпленіе случайностей, историческая задача не есть языческій фатумъ или христіанская предестинація, какъ полагаетъ г. Карновичъ. Исторія каждаго народа есть результатъ массы условій естественныхъ, географическихъ національныхъ и культурныхъ, одно другимъ порождаемыхъ и одно на другое вліяющихъ, представляется непрерывною цѣпью причинъ, производящихъ извѣстныя послѣдствія, въ свою очередь дѣлающихся причинами. Зависимость историческихъ результатовъ, по непрерывности цѣпи причинъ, отъ причинъ самыхъ отдаленныхъ и опредѣляется выраженіемъ историческая задача. Но понятно, что разумно-свободная причинность историческаго развитія совершенно иное, чѣмъ предопредѣленность его. Историческая задача не есть Минерва, появляющаяся съ самаго начала въ своей паноплін, но развивается постепенно отъ ближайшихъ частей и безконечно расширяется и преобразуется съ расширеніемъ и преобразованіемъ условій существованія народа. Поэтому она въ каждый историческій моментъ не можетъ быть сознаваема до отдаленнѣйшихъ своихъ предѣловъ, хотя, тѣмъ не менѣе, достиженіемъ непосредственныхъ цѣлей продолжаетъ поступательное движеніе къ своему осуществленію. Обширнѣйшія перспективы многосторонней исторической задачи открываются только наиболѣе проницательнымъ людямъ, которые, если при этомъ тѣмъ или другимъ способомъ содѣйствуютъ ея скорѣйшему и наилучшему уясненію и разрѣшенію въ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ частяхъ, причисляются къ великимъ людямъ исторіи. Таковъ напр. нашъ геніальный Петръ, при которомъ, между прочимъ, «восточный вопросъ впервые сталъ вопросомъ славянскимъ» (Соловьевъ, публичныя чтенія о Петрѣ В.) и который, предпринимая борьбу съ Турціей, прямо поднималъ славянъ на изгнаніе «поганина Магомета наслѣдниковъ въ старое ихъ отечество—пески и степи арабскія». Нельзя отрицать и нѣкотораго дѣйствія въ исторіи случайныхъ вліяній, вслѣдствіе которыхъ, до ихъ устраненія, поступательное движеніе исторической задачи замѣняется иногда остановкою или даже движеніемъ, ей противорѣчащимъ. Но, когда извѣстный фазисъ задачи дѣлается ясенъ всему на-

роду—это моментъ рѣшеннаго уже торжества, которое можетъ замедлиться различными искусственными или естественными препятствіями, но составляетъ только вопросъ времени. Когда, напротивъ, народъ вовсе теряетъ изъ вида свою историческую задачу—онъ гибнетъ. Въ общихъ чертахъ историческая задача есть наиполнѣйшее сформированіе народа и наисовершеннѣйшее устройство его внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, причемъ осуществляется одинъ изъ самыхъ главныхъ и естественныхъ законовъ исторіи, заключающійся въ сближеніи и соединеніи однородныхъ, родственныхъ и близкихъ стихій и элементовъ и раздѣленіи искусственно связанныхъ и непримиримыхъ. Наконецъ историческая задача, заключаясь прежде всего въ осуществленіи національныхъ интересовъ, не во всемъ исключительна и нетерпима, но у каждаго народа развивается не иначе, какъ общеніемъ съ другими народами и усвоеніемъ отъ нихъ всего подходящаго. При такой сущности исторической задачи становится несомнѣннымъ, что освобожденіе балканскихъ славянъ представляется частію исторической задачи Россіи, изъ которой вся естественная послѣдовательность событій ея исторіи постепенно формировала смертельнаго врага Турціи. Шагъ за шагомъ, слѣдуя законамъ свободнаго историческаго развитія, Россія подвигалась въ осуществленіи своихъ народныхъ интересовъ, не неся въ каждый моментъ невозможнаго сознанія своей задачи до ея отдаленнѣйшихъ предѣловъ—ибо національная задача безконечна—и въ этомъ осуществленіи собственныхъ интересовъ дошла до органическаго слитія ихъ съ интересами балканскихъ славянъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ освобожденіе славянъ нельзя не признать частію исторической задачи Россіи, и вотъ почему невозможно утверждать ни того, что идея освобожденія славянъ появилась и распространилась у насъ случайно, ни того, что задача ихъ освобожденія тяготѣла надъ нами какимъ-то роковымъ предопредѣленіемъ. И до Петра, и послѣ него были въ Россіи люди, сознававшіе единоплеменность и единовѣріе съ нами балканскихъ славянъ и указывавшіе Россіи на подвигъ ихъ освобожденія, но историческая жизнь не торопилась слѣдовать ихъ указаніямъ, а повинуясь болѣе могуществен-

нымъ двигателямъ, продолжала идти своимъ путемъ. Постояннаго, общаго сознанія задачи освобожденія славянъ въ Россіи не было и быть не могло. Болѣе научная теорія и разсмотрѣніе не ряда отдѣльныхъ фактовъ, а направленія, выразившагося въ ихъ послѣдовательной совокупности спасли бы отъ опрометчивыхъ выводовъ.

Г. Карновичъ указываетъ, что идея освобожденія балканскихъ христіанъ пришла къ намъ съ запада. Утверждая, что она не составляетъ органической идеи въ нашей исторіи, онъ какъ бы противополагаетъ намъ въ этомъ отношеніи западъ. Но во первыхъ, если исторія есть цѣпь случайностей, то уже по этому идея освобожденія балканскихъ христіанъ должна бы быть и на западѣ лишь случайною, во вторыхъ какія прочныя основанія къ возникновенію такой идеи могли представляться на западѣ? Уже давно миновали тамъ времена религіознаго одушевленія, вызвавшаго крестовые походы, если только мотивовъ этого событія не слѣдуетъ искать болѣе въ свойственной неустановившимся обществамъ склонности къ рискованнымъ предпріятіямъ, или стремленіи уйдти отъ слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія тягостей. Взамѣнъ общехристіанскаго увлеченія, если такое было прежде, на исторической сценѣ все болѣе разыгрывалась нетерпимость католичества ко всякому уклоненію отъ того, что оно признавало правовѣріемъ, объясняющая извѣстный фактъ, что разрушеніе турками схизматической греческой имперіи было встрѣчено въ западной Европѣ съ равнодушіемъ, если не съ злорадствомъ. Европейская наука безплодно билась въ теологическихъ и схоластическихъ путахъ. Въ политическомъ отношеніи три мага, какъ называетъ ихъ Беконъ, Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ и Генрихъ VIII выводили государства изъ феодальнаго раздробленія и неравноправія. Затѣмъ Европу поглощали реформаціонныя войны, борьба Франциска I и Карла V, честолюбивыя стремленія Людовика XIV. Во все это время, до XVIII в., турецкое вторженіе рѣдко непосредственно угрожало западной Европѣ, которую охраняли отъ нея стоявшія съ турками лицомъ къ лицу Австрія, Венгрія и Польша. При такомъ положеніи вещей исходившіе отъ Запада

проекты изгнанія турокъ не могли быть серьезны, но представляются просто плодомъ досужихъ мечтаній поклонниковъ возрожденія классицизма, почему и оставались только проэктами, или (какъ указываютъ и гг. Костомаровъ и Миллеръ) были заманкою для привлеченія восточнаго христіанства подъ власть папъ. Когда къ XVIII столѣтію политическое и военное могущество Турціи было сломлено, и она окончательно перестала быть опасною для Европы, она сдѣлалась удобнѣйшею ареною европейскихъ торговыхъ и экономическихъ предпріятій и политическимъ расчетомъ Европы стало поддержаніе Турціи противъ возраставшаго могущества Россіи, то есть исторія, въ отношеніи къ Турціи, привела Европу къ совершенно противоположному результату, чѣмъ Россію. Уже Монтескье (Considération sur les causes de la grandeur de Romains et de leur décadence, chap. XXIII) писалъ: „турецкая имперія нынѣ находится почти въ такой же степени слабости, какъ нѣкогда греческая, но просуществуетъ долго, потому что, еслибы кто изъ государей подвергъ опасности ея существованіе, остальныя государства Европы слишкомъ хорошо сознаютъ свои интересы, чтобы тотчасъ же не взяться за ея защиту",—и прибавлялъ въ примѣчаніи: «такимъ образомъ проэкты противъ турокъ не были серьезны, или дѣлались людьми, которые несознавали интересовъ Европы".

Л. Лебедевъ.

С.-П.Б. Мартъ 1878 г.

P. S. Запозданіе нашей статьи, доставило намъ преимущество дождаться появившагося въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" возраженія г. Карновича его противникамъ. Къ сожалѣнію противники обращали вниманіе не на ту сторону статьи г. Карновича, которая представляется по преимуществу невѣрною, и потому возраженіями своими, по нашему мнѣнію, сами затемнили вопросъ. Оттого и опроверженіе ихъ возраженій г. Карновичемъ въ сущности оставляетъ дѣло въ прежнемъ „порочномъ кругу", но намъ достав-

ляетъ нѣсколько болѣе подробныхъ доказательствъ невѣрности и шаткости основныхъ идей г. Карновича, противъ которыхъ мы главнѣйше и вооружаемся. Не касаясь немногихъ фактическихъ пререканій г. Карновича съ его оппонентами, не касаясь также упоминанія г. Карновича о прозрѣваемыхъ въ его статьѣ какихъ то, совершенно непонятныхъ, «тонкихъ намекахъ», мы упомянемъ лишь о двухъ пунктахъ возраженія г. Карновича, которые, по нашему мнѣнію, составляютъ всю сущность вопроса и въ которыхъ выражается невѣрное понимание имъ исторической задачи и приданіе имъ неподлежащаго значенія западнымъ идеямъ освобожденія христіанъ отъ турокъ. Въ первомъ пунктѣ г. Карновичъ упорствуетъ и даже распространяетъ свое оригинальное ученіе, отрицая историческія задачи и утверждая, что «ходъ историческихъ событій обусловливается разными случайностями, похожими на падающую съ крыши глыбу снѣга»! Г. Карновичъ спрашиваетъ: „развѣ доходившія въ разное время до Габсбургскаго дома территоріальныя наслѣдства, составившія даже громадную монархію Карла V, не были глыбы снѣга, падающія съ крыши? Развѣ всѣ войны за наслѣдства (испанское, австрійское и т. д.), обагрявшія кровью Европу, измѣнявшія не только взаимныя отношенія государствъ, но и судьбу народовъ, не были простыми случайностями? и прибавляетъ: „сколько разъ потому только, что какой нибудь владѣтельной особѣ не приводилось имѣть дѣтей, начинались въ Европѣ кровопролитныя и продолжительныя войны». На это можно возразить г. Карновичу, что все болѣе или менѣе случайно воздвигавшееся въ исторіи, столь же быстро и исчезало, какъ упавшая съ крыши глыба снѣга; не только нѣтъ уже и слѣда громадной монархіи Карла V, но и существованіе Габсбургской имперіи въ теперешнемъ ея видѣ не представляетъ той прочности, которую придаетъ исторія естественно и логически выработаннымъ явленіямъ, и что невозможно, смѣшивая предлоги, которые часто бываютъ ничтожны, съ причинами, которые имѣютъ коренное и рѣшающее значеніе, объяснять войны за испанское и австрійское наслѣдство бездѣтностью Карла II испанскаго и неимѣніемъ сыновей у Карла VI германскаго и не видѣть

въ этихъ войнахъ великую борьбу романской и германской расъ, или различныхъ государствъ за преобладаніе, которая наполняетъ цѣлыя столѣтія, происходила ранѣе, возобновлялась и послѣ, и кровавые, вѣроятно не послѣдніе, акты которой разыгрывались на нашихъ глазахъ въ 1866 и 1870—71 годахъ уже конечно, въ сущности, не изъ за шлезвигъ-голштинскаго вопроса и не изъ за кандидатуры принца Антона Гогенцоллернскаго на испанскій престолъ. Г. Карновичъ, иронически замѣчая, что „объ историческихъ задачахъ начинаютъ обыкновенно говорить тогда, когда являются подходящія къ нимъ событія" и не подозрѣваетъ, что иначе не можетъ и быть, ибо историческая задача нерождится вмѣстѣ съ народомъ, а выясняется для большинства только, когда уже созрѣваетъ. Что касается до значенія западныхъ проектовъ освобожденія балканскихъ христіанъ, то въ этомъ отношеніи, въ возраженіи своимъ оппонентамъ, г. Карновичъ невыказываетъ той же стойкости. Противъ замѣчанія г. Миллера, что онъ, г. Карновичъ," не рѣшилъ представлявшейся ему нелегкой задачи раскрыть тотъ процессъ, въ силу котораго потомки крестоносныхъ рыцарей, эти первые наши наставники въ дѣлѣ сочувствія христіанамъ Турціи, по мѣрѣ того какъ Россія пріобрѣтала способность показать себя въ этомъ отношеніи достойною ихъ ученицею, вмѣсто поощренія, стали оказывать ей все болѣе и болѣе ободрявшееся (обострявшееся?) противодѣйствіе" г. Карновичъ объясняетъ, что къ рѣшенію этого вопроса и не думалъ приступать, потому что онъ вовсе невходилъ въ программу его статьи. Упоминая о замѣчаніи г. Костомарова, что въ толкахъ западныхъ державъ объ общемъ походѣ для изгнанія турокъ оказывалось болѣе риторики, чѣмъ дѣла и что въ сношеніяхъ по этому вопросу проглядывали почти всегда посторонніе цѣли, г. Карновичъ допускаетъ, что „все это можетъ быть вполнѣ вѣрно". Мы не знаемъ, однако, какъ согласить съ такою уступчивостью предположенія г. Карновича, что и наши, указываемые г. Миллеромъ, резиденты въ Царьградѣ, напоминавшіе Россіи о покровительствѣ христіанамъ, и даже козаки въ борьбѣ съ магометанствомъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ западныхъ освободи-

тельныхъ идей — потому что не могла бы одна риторика или задняя мысль прочно овладѣть всѣми и всѣхъ обморочить. Мы думаемъ, что только преувеличеніемъ значенія западныхъ идей освобожденія христіанъ можно объяснить и стремленія г. Карновича, въ возраженіи своимъ оппонентамъ, показать непрерывность традиціи освободительной миссіи на Западѣ начиная съ крестоносцевъ — хотя исторія такой непрерывности не обнаруживаетъ, — и старанія г. Карновича доказать существенность заботъ запада объ освобожденіи христіанъ раннимъ вліяніемъ западныхъ державъ на магометанскомъ востокѣ и капитуляціями заключаемыми итальянскими республиками, Франціей и Англіей съ магометанскими владѣтелями и Турціей—хотя вліяніе, конечно, пріобрѣталось прежде всего ради выгодъ самихъ вліяющихъ, а капитуляціи, то есть договоры державъ о юрисдикціи консуловъ въ дѣлахъ, касающихся ихъ соотечественниковъ въ мусульманскихъ земляхъ, кажется, ровно не причемъ въ вопросѣ объ освобожденіи балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига.

22 Апрѣля.

Библіографическій указатель

Обозрѣніе историческихъ журналовъ (II).

А. Русскій Архивъ.—Февраль, Мартъ, Апрѣль 1878 года.

Февральская книжка заключаетъ 16 отдѣловъ собственно мелкихъ статей. Самыя большія: „Угорская русь" Деволлана (историческій очеркъ, на 12-ти страницахъ)—очень поверхностный набросокъ, годный развѣ для учебника, а никакъ уже не для журнала, имѣющаго читателями любителей отечественнаго прошлаго, знающихъ его, разумѣется шире программы учебниковъ;—да „изъ бумагъ князя А. В. Суворова-Рымникскаго", хотя это выдержки изъ дѣлъ московскаго отдѣленія архива главнаго штаба. Выдержками мы въ правѣ назвать этотъ сборъ 20-ти писемъ (двухъ самаго Суворова, 13-ти къ Суворову и 5-ти къ Толстому), имѣющихъ между собою одно общее—турецкія дѣла въ 1793 году. Большаго интереса эти статьи не имѣютъ. Почти тоже можно сказать и о трехъ письмахъ императора Александра I къ воспитателю его, Салтыкову. Вѣнценосный воспитанникъ въ первомъ изъ этихъ писемъ, поздравляетъ воспитателя съ днемъ его рожденія, припомнивъ его въ дни величайшихъ затрудненій и умственнаго напряженія, когда онъ, успѣвъ выгнать страшнаго непріятеля изъ предѣловъ отечества, одинъ не считалъ дѣло—конченнымъ; тогда какъ самъ полководецъ нашъ думалъ: тутъ поуспокоиться на

лаврахъ. Не легко было императору Александру разсѣять эти иллюзiи князя Кутузова! И вотъ почему въ письмѣ Его Величества къ Салтыкову отъ 16 Декабря 1812 года, изъ Вильны, встрѣчается выраженiе—«Слава Богу у насъ все хорошо, но нѣсколько трудно *выжить отсюда фельдмаршала*, что весьма необходимо». Третьей большой статьей между содержащимися въ февральской книжкѣ русскаго архива должны мы назвать «прогулку по московскимъ улицамъ», А. А. Мартынова. Почтенный издатель „Русской Старины, въ памятникахъ зодчества" задался тою же мыслiю, которой держался и покойный И. М. Снигиревъ въ описанiяхъ нѣкоторыхъ улицъ Москвы. Но разница между авторомъ текста «Старины» и издателемъ ея только та, что Снигиревъ собиралъ, концентрируя въ своихъ очеркахъ, всевозможныя историческiя припоминанiя, сколько-нибудь идущiя къ разбираемому вопросу; тогда какъ Мартыновъ ограничиваетъ свою археологiю перечнемъ однихъ владѣльцевъ домовъ по улицамъ, нисколько не подозрѣвая, что пересчитыванье это не имѣетъ ничего общаго съ археологiею и ни для чего, собственно, непригодно. Г. Розановъ составившiй «описанiе церкви Гаврiила архангела, называемой Меньшиковой башней», идя тѣмъ же путемъ, уже безконечно выше и шире взглянулъ на свою задачу. Говоря о приходѣ, привелъ онъ обстоятельныя извлеченiя изъ исповѣдныхъ росписей минувшаго и настоящаго вѣка, годныя для справокъ. Между тѣмъ, указывая на этотъ же источникъ въ перечисленiи матерiаловъ для статьи своей (стр. 154), г. Мартыновъ въ текстѣ ея не привелъ ни одного указанiя, свидѣтельствовавшаго бы умѣнье его воспользоваться интересными данными изъ метрикъ. Даже, голословно для всякаго читающаго, авторъ называетъ *домъ* такой-то *принадлежалъ тому-то, тогда-то*; откуда это (?) ссылки ни одной нѣтъ и не сдѣлано даже оговорки, что нумерацiя такого-то года въ такимъ-то домамъ примѣняется точно, а къ такимъ-то приблизительно. Для насъ особенно это кажется важнымъ, когда авторъ называетъ домъ, принадлежавшiй одному владѣльцу въ 1737 году, и другому въ 1793 году, увѣряя что это *тотъ самый*. Хотя плана съ *раздѣленiемъ на дворы* при описанiи владѣльцевъ домовъ г. Москвы

изд. 1793 года не приложено, а въ 1737 году, очень естественно, самое раздѣленіе дворовыхъ мѣстъ было иное, чѣмъ въ 1793 году.

Патентъ М. В. Муромцеву, «коея ради вины благословнѣя тисненію предася», не говорятъ ни самъ издатель Архива, ни сообщатель документа, подобныхъ которому въ архивахъ тлѣютъ тысячи и никогда кажется не дождутся чести быть напечатанными; за невозможностью печатать все безъ разбора. Иное дѣло **воспоминанія**. Какъ бы ни были личными интересы, занимавшіе, положимъ, хотя **В. М. Еропкина**, но «изъ воспоминаній его»—**Походъ 1831 года и служба въ гвардіи**, все же даютъ черты картины современной жизни, составляя историческій матеріалъ. Хотя онѣ довольно близки къ намъ по времени, но все же принадлежатъ эпохѣ, покрывающейся уже туманомъ забвенія и нуждающейся въ сохраненіи ея характеристики посильными припоминаніями участниковъ тогдашнихъ дѣлъ, бывавшихъ тамъ и самъ, и смотрѣвшихъ каждый своими глазами, на все что совершалось передъ ними.

Библіографія. Книжныя заграничныя вѣсти—исторія и біографія — даетъ указатель книгъ вышедшихъ заграницею въ 1877 году и относящихся къ Россіи. Подобную же цѣль, преслѣдуетъ и Историческая библіотека, съ 1878 года; по этому, мы можемъ только благодарить издателя Русскаго Архива за пополненіе обзора спеціальности, которую вполнѣ обнять мы одни не въ силахъ, при всемъ нашемъ желаніи. Въ Русскомъ Архивѣ приведены указанія о 27 сочиненіяхъ: 23 сочиненія по восточному вопросу, 6 по средне-азіятскому вопросу, 11 путешествій и описаній, 12 журнальныхъ статей и 8 сочиненій смѣшаннаго содержанія (въ томъ числѣ древности финско-угорскаго народа, Аспелина и „о русскомъ искусствѣ" Віоле-Ле-Дюка).

Не лишенъ интереса анекдотъ о Жуковскомъ, „изъ письма Анны Петровны Зонтагъ къ А. М. Павловой. Имѣетъ много достоинствъ письмо Н. В. Путяты къ Е. А. Барятинскому, изъ Адріанополя, въ 1829 году. Характеренъ анекдотъ о покойномъ князѣ Сергіѣ Максимиліановичѣ, въ Виши, въ 1876 г. любезно принявшемъ на себя роль переводчика, у земляка,

русскаго, не знакомаго съ французскимъ языкомъ. Большое спасибо издателю и за сохраненіе на страницахъ журнала такихъ памятниковъ народнаго духа, какимъ по справедливости слѣдуетъ назвать „посланіе С. Т. Аксакова къ А. И. Казначееву". Москва. Сентябрь 1814 г. Къ этимъ же характерностямъ и типическимъ очеркамъ относятся и письма И. Н. Скобелева о Бракелѣ; да его приказы и слова къ солдатамъ. Въ нихъ—русскій духъ... въ нихъ Русью пахнетъ!

Мы не можемъ только равнять со всѣми прочими воспоминаніями и записками современниковъ, такія, по слухамъ составленныя, припоминанія, какъ „изъ записокъ Марьи Сергѣевны Мухановой"—семейная хроника.

Съ легкой руки госпожи Кохановской, развелись у насъ семейныя хроники, которыя не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ правдиво наивнымъ и точнымъ родомъ повѣствованій, который носитъ названіе хроникъ и который за первое время появленія своего составлялъ надежнѣйшій матеріалъ. Между семейными хрониками русскихъ барынь и хрониками средняго вѣка разница и по цѣли, и по свойству занесенія событій. Но все же и дамамъ пишущимъ семейныя хроники, и издателямъ ихъ припоминаній, не мѣшало бы вносить въ темный лабиринтъ несостоятельныхъ измышленій, какой-нибудь свѣтъ исторической критики: для сообщенія самому писанію какой-либо цѣны и значенія. Безъ того, нѣтъ возможности смотрѣть на семейную хронику, какъ на матеріалъ, годный для положенія въ основу изслѣдованія. Ну кто, напримѣръ,—изъ серьезно соображающихъ и знающихъ что-нибудь по части русской исторіи вообще и Петра I въ особенности,—можетъ безъ улыбки прочесть слѣдующія слова М. С. Мухановой: „когда бояринъ Матвѣевъ ложился отдыхать послѣ обѣда, молодой Петръ Алексѣевичъ перебѣгалъ черезъ улицу къ Мухановымъ, поиграть съ Ипатомъ; полюбилъ его и въ послѣдствіи отдалъ его учиться въ Саардамъ". Госпожѣ сочинительницѣ „семейной хроники" такъ казалась картинною нѣжная идиллія. Но, увы! исторія говоритъ, охлаждая пышныя фантазіи, что здѣсь, что—ни слово, то несбыточность. Бояринъ Матвѣевъ былъ, какъ извѣстно, одинъ—Артамонъ Сергѣевичъ; а ему отдыхать послѣ

обѣда, въ Москвѣ, не приходилось. По смерти царя Алексѣя Михайловича и раньше рожденія Ипата Калиныча Муханова онъ уже былъ отправленъ въ ссылку царемъ Ѳедоромъ; воротился же въ Москву 11 Мая 1682 года, когда стрѣльцы готовились къ бунту. А 15 мая вспыхнулъ бунтъ и одною изъ первыхъ жертвъ неистовыхъ стрѣльцовъ, погибъ Матвѣевъ, который былъ главнѣйшею опорою царицы Натальи Кирилловны, при неумѣньѣ ея братьевъ распорядиться силами. Знай это, М. С. Муханова,—ей и въ голову бы не пришло сочинить посѣщенія дома Мухановыхъ самимъ царемъ. Ему онъ сдѣлался извѣстенъ, —и то не очень рано,—въ то уже время когда у Петра изъ потѣшныхъ выработались дѣятели, на сушѣ и на морѣ. Ипатъ Мухановъ даже и въ потѣшныхъ не былъ. Да и не могъ быть; потому что ему всего минуло десять лѣтъ когда набирались и формировались Петромъ потѣшные: преображенскіе и семеновскіе. И въ Амстердамъ попалъ онъ не въ числѣ близкихъ людей. Петръ сталъ его знать уже послѣ 1711 года. Такъ что и въ женитьбѣ на Полянской государь не принималъ никакого участія, въ качествѣ свата. И первая жена не приносила Ипату Калинычу 500 душъ въ приданое. Все это—фантазія! какъ и анекдотъ что Мухановъ сказалъ царю я „лучше тебя разумѣю дѣло морское." Сказалъ эти слова Царю Петру, въ Унской губѣ, лоцманъ Антипъ Тимофѣевъ и ему, отдалъ Петръ I рубашку свою, тогда же (въ 1694 году); за спасенье во время бури, на Бѣломъ морѣ, на пути къ Соловкамъ. Ипатъ Калинычъ былъ человѣкъ ловкій, умѣвшій при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выпрашивать, провѣдавъ вымороченныя, или другимъ образомъ возвращаемыя въ казну, помѣстья. Незнанье дѣла и привиранья покрайнему разумѣнію, на Петровскомъ одномъ царствованіи неокончились. Не зная что слово *отставка*, непроизносилось съ такимъ значеніемъ какъ въ наши дни до Екатерины II.,—М. С. Муханова развязно еще замѣтила объ Ипатѣ Калинычѣ Мухановѣ,—" онъ просился, въ отставку, но Екатерина I уважая въ немъ любимца своего мужа, не хотѣла его отпустить." Любопытно бы было спросить сочинительницу „семейной хроники": откуда она почерпнула это извѣстіе? Вообще въ своемъ описаніи *мнимыхъ*

дъяній предковъ, М. С. Муханова очень напоминаетъ складъ выраженій Ивана Александровича Хлестакова и совершенно съ его апломбомъ увѣряетъ своихъ, вполнѣ довѣрчивыхъ, по ея мнѣнію, читателей Русскаго Архива, что при Екатеринѣ II должность оберъ-прокурора 1-го Д—та Сената „была очень важная, потому что въ этотъ департаментъ стекались всѣ важныя дѣла, какъ теперь въ государственномъ Совѣтѣ". Какъ бы это могло быть, когда тѣмъ же постановленіемъ, которымъ раздѣленъ Сенатъ на Департаменты, опредѣлена и равная власть каждаго изъ Департаментовъ? И какъ это оберъ-прокуроръ 1-го Департамента Сената, „увидавъ на столѣ указъ о налогѣ на соль, взялъ его и преспокойно положилъ себѣ въ карманъ, къ ужасу *прочихъ* сенаторовъ (?)—когда онъ еще не сенаторъ? Что значатъ мнимыя слова „что народъ можетъ сказать: видно уже наша матушка (Государыня) очень обѣднѣла, что *начала торговать солью*? — когда соляная регалія всегда составляла одинъ изъ важныхъ доходовъ, назначенныхъ всецѣло даже и при строгомъ Петрѣ I, на диспозицію ихъ Императорскихъ Величествъ. Такое призрачное основаніе анекдота подрываетъ вѣру и въ послѣдствіе мнимой выходки Оберъ-Прокурора, оказывающейся тѣмъ болѣе не имѣющею смысла, что еще раньше случая Зубова, положенная цѣна по 1 коп. за фунтъ соли (40 коп. пудъ) держалась въ Россіи съ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка до Александра I; и никто ни думалъ измѣнять эту нормальную цѣну. Другія сказанія о членахъ фамиліи остаются на совѣсти повѣствовательницы и мы, со своей стороны замѣтить позволимъ одно, что невозможность повѣрять указаннымъ нами баснямъ, отнимаетъ значительное количество процентовъ достовѣрности и всѣхъ остальныхъ сказаній сочинительницы „семейной хроники."

Мартовская книжка Русскаго Вѣстника начинается перепечаткою, уже разъ напечатанной, записки неизвѣстнаго автора «о походахъ Миниха противъ туровъ 1736—39 года». Съ какою цѣлью сдѣлана перепечатка, издатель необмолвился, ни однимъ словомъ. А это нужно было покрайней мѣрѣ для того, что-бы извиниться передъ читателями, которымъ приподнесли подогрѣтое блюдо; даже безъ всякой приправы, въ родѣ указа-

нія объ авторѣ. Мы не можемъ принять на вѣру слова П. И. Бартенева что, подписавшійся подъ предисловіемъ Одесскаго изданія С. С. никто другой *вѣроятно* (?) какъ Степанъ Васильевичъ Сафоновъ,—и намъ онѣ, да вѣроятно и многимъ другимъ,—не замѣнятъ удостовѣренія въ подлинности загадочной подписи и принадлежности ея Сафонову. Подстрочная замѣтка г. Бартенева, при опечаткѣ *обенфасовъ* — „непонятное намъ слово!" можетъ быть объяснена такъ: слѣдуетъ читать неразобранное переписчикомъ слово съ выноскою подъ строкою, — „*Обѣихъ фасовъ* полки. О продолженіи Московской Старины" А. А. Мартынова, мы должны бы были повторить здѣсь уже высказанное. Къ чему приводить имена владѣльцевъ домовъ, когда для описывателя они ничего не говорятъ, и онъ не можетъ самъ ничего сказать. Отъ того-то онъ и пропускаетъ, по невѣдѣнію, что владѣлецъ 6-го дома на Тверской, напримѣръ, сенатской конторы архитекторъ, секундъ маіоръ (1765) Петръ Романовичъ *Никитинъ*, былъ сынъ Пенсіонера Петра I заграницею, Романа Никитича Никитина, вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ, тоже живописцемъ какъ и онъ, пострадавшаго въ Тайной канцеляріи по Рѣшиловскому дѣлу и посланнаго въ Сибирь. Оттуда возвратила его Елизавета Петровна при воцареніи, а братъ Иванъ и померъ въ Тобольскѣ. Для автора „Московской старины" имя Петра Никитина настолько же интересно какъ и преемника его по владѣнію домомъ, купца Козьмы Баклышева или (1793) Гаврилы Шульгина. Что же мы вынесемъ со знаніемъ: что эти господа были владѣльцы того или другаго дома?—про это слѣдуетъ спросить мнимаго археолога, для котораго не существуетъ различія въ интересѣ историческихъ лицъ отъ неисторическихъ. За то по поводу очень интереснаго письма графа Ѳ. В. Ростопчина изъ Петербурга отъ 9—20 марта 1794 г., П. И. Бартеневъ находитъ что „сужденія Ростопчина нерѣдко верхоглядны", не замѣчая что это выраженіе его не подходитъ къ концу собственнаго его же отзыва объ этомъ лицѣ, въ которомъ видитъ онъ, совершенно справедливо „высокодаровитаго писателя и *зоркаго наблюдателя событій*." Какъ же согласить зоркое наблюденіе событій съ-верхоглядствомъ? Мы не беремся этого рѣ-

шить, но позволяемъ себѣ думать, что разгадка кому писалъ Ростопчинъ напечатанное письмо 9 марта 1794 г. сама въ руки дается. Стоитъ только придать надлежащее значеніе фразѣ письма этаго — „вы отнеслись съ недостаточнымъ участіемъ къ несчастной судьбѣ принцевъ и дворянъ (французскихъ), которымъ выпала доля странствующихъ жидовъ.“ Малое сочувствіе къ эмигрантамъ выказалъ въ Лондонѣ Воронцовъ.

Воспоминанія М. С. Мухановой въ мартовской книжкѣ читаются съ большимъ интересомъ; особенно анекдоты о Маріи Ѳедоровнѣ очень капитальные. То что авторъ сообщаетъ изъ видѣннаго и пережитаго лично, разумѣется имѣть должно для насъ другую цѣну, чѣмъ сказанія полученныя съ вѣтру, и страдающія промахами, несоглашаемыми съ дѣйствительностью. Самое даже пристрастіе къ любимымъ людямъ проявляющееся усиленіемъ значенія ихъ, въ примѣненіи къ обстоятельствамъ ближайшимъ къ намъ, является въ формахъ, дающихъ возможность помирить большую цвѣтность съ подлинными колерами жизни. На этомъ основаніи мы не беремся судить мартовскую статью «Семейной хроники» по тому же масштабу, какъ февральскую; отдавая автору подобающее уваженіе, гдѣ слѣдуетъ. Еще большій интересъ по самому свойству сообщеній, изъ того же почти времени — начала царствованія Николая I — возбуждаютъ воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго. Его разсказъ о бунтѣ 14 декабря 1825 г. и характеристика Дибича, особенно замѣчательны. Они не представляя въ сущности много новаго, освѣщаютъ на самомъ дѣлѣ время это особеннымъ оригинальнымъ образомъ, гдѣ чувствуется правда. Эти воспоминанія положительно лучшія страницы въ мартовской книжкѣ, составленной лучше и интереснѣе февральской, во всѣхъ отношеніяхъ. Замѣтки о характерѣ графа А. И. Остермана Толстаго, В. А Перовскаго и отношеніе къ послѣднему поэта Жуковскаго, также имѣютъ свою долю интереса, хорошо заканчивая книжку.

Апрѣльская книжка составлена еще лучше. Положимъ письма Екатерины II, къ сватьѣ ея, ландъ-графинѣ Каролинѣ Гессенъ-Дармштадтской, матери в. княгини Натальи Алексѣевны, первой супруги в. к. Павла Петровича,—взятыя изъ книги Вальтера, из-

данной въ Вѣнѣ въ 1877 году *),—имѣютъ общій интересъ писемъ нашей Великой монархини; но помѣщеніе ихъ теперь и своевременно и умѣстно, давая публикѣ этотъ новый матеріалъ объ отношеніяхъ Екатерины, къ любимой ею, родственницѣ, женщинѣ очень умной и всѣми уважаемой. Впрочемъ въ письмахъ Екатерины II всегда есть множество подробностей живо переносящихъ въ ту эпоху, когда писались онѣ. Поэтому одному уже заслуживаютъ письма Ея Вел-ва вниманія читателей. Изъ нихъ особенно богато содержаніемъ десятое письмо (2 янв. 1774), но, позволимъ себѣ замѣтить, **содержаніемъ маскировавшимъ внутреннее безпокойство Екатерины**, пославшей Бибикова противъ Пугачева и далеко неувѣренной: чтобы съ возстаніемъ въ Заволжскомъ краѣ, легко было справиться. Между тѣмъ государыня въ письмѣ къ ландъ-графинѣ ни однимъ словомъ не намекаетъ на свое истинное настроеніе, передавая мелочи: подробности житья бытья дѣтей, праздникъ у Орлова, обращеніе свое съ Гриммомъ и, вскользь только, турецкія дѣла.

«Проэктъ объ усиленіи Россійской съ Верхнею Азіею торговли, черезъ Хиву и Бухарію» писанный гр. Ст. Винскимъ, въ царствованіе Александра I и заключающій предложеніе: послать военную экспедицію въ Хиву—любопытенъ какъ доказательство медленности созрѣванія идеи о необходимости движенія силъ нашихъ въ глубь Средней Азіи. «Свиданіе съ Эверсомъ» Н. В. Баталина, хорошо рисуетъ ученаго ректора дерптскаго университета, какъ человѣка съ душей и прекрасными правилами;—характеристика, впрочемъ, отрывочная. Переводъ напечатанныхъ при Дерптскомъ городскомъ листкѣ 1877 г. «*воспоминаній*» доктора Зейдлица, друга Жуковскаго,—оставившаго прекрасную характеристику поэта какъ писателя—пріятно встрѣтить на русскомъ такъ скоро. Не говоря объ интересѣ повѣствованія и объ умѣньи разсказывать, въ «воспоминаніяхъ» своихъ Зейдлицъ живо рисуетъ мѣстности черезъ которыя проѣзжалъ онъ по пути въ армію и въ особенности расположенія ея у Шумлы. Интересъ сходства тогдашнихъ обстоятельствъ съ настоящими тоже не теряется при чтеніи Зей-

---

*) Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen 2 Bände.

длица. Почтенному доктору, замѣтимъ кстати, *болгарки* показались по основнымъ чертамъ физіономіи—*римскаго происхожденія*, не смотря на славянскія рѣчи свои. Конечно это не свидѣтельствуетъ въ пользу знаній доктора по этнографіи, но доказываетъ искренность разсказчика, прямо писавшаго что ему казалось. Отъ этого описанія мѣста у него мѣтко очерчены. Прочитавъ путевые очерки Зейдлица, другаго сказать впрочемъ неприходится,—относительно напечатанной части «воспоминаній». За то, вполнѣ высокій интересъ поддерживаютъ „Приключенія лифляндца въ Петербургѣ" въ тридцатыхъ годахъ. Мастеръ разсказчикъ высказывается въ каждой характеристикѣ живаго лица, съ которымъ ему пришлось столкнуться въ небольшомъ избранномъ кружкѣ людей высшаго общества, отмѣченныхъ своеобразными талантами. Первымъ изъ очерченныхъ оказывается двоюродный братъ автора записокъ, извѣстный археологъ-нумизматъ, впослѣдствіи генералъ, Иванъ Александровичъ Бартоломей. Вторымъ очерченъ, тоже умершій, князь Григорій Петровичъ Волконскій, а затѣмъ князь Владиміръ Петровичъ Одоевскій, находившійся въ то время въ полномъ развитіи литературнаго и музыкальнаго таланта. Очерчены мѣтко: и Пушкинъ, и сенаторъ Дегай, и графъ Литта уже доживавшій вѣкъ свой, и почтъ-директоръ Константинъ Булгаковъ, и дипломатъ гр. Нессельроде, и изящный графъ Воронцовъ-Дашковъ, и братья графы Віельгорскіе, и министръ юстиціи Дашковъ, и віолончелистъ Серве, и живописецъ баталистъ по призванію, Ладюрнеръ. Къ нему,—въ нарочно построенную среди строительныхъ балагановъ вокругъ Исакіевскаго собора, за заборомъ его, мастерскую съ стеклянною стѣною—ходилъ запросто Императоръ Николай I. Наконецъ превосходная есть характеристика и извѣстнаго туриста нашего, рисовальщика, сжившагося такъ сказать съ Остъ-Индею и ея природою, князя Алексѣя Салтыкова, обладавшаго замѣчательнымъ талантомъ къ живописи и отличавшагося странностями. И характеристики сенатора князя Лобанова, Салтыкова богача и князя Петра Мих. Волконскаго, тоже не лишены высокаго интереса. Всѣ эти лица схвачены и переданы, еще разъ повторимъ мастерски, артистически, съ большимъ талантомъ и полною непринужденностью.

О «Московской Старинѣ», въ Апрѣльской книжкѣ Р. А. мы можемъ сказать и добавочное, сколько-нибудь примиряющее насъ съ сухою выборкою фамилій изъ списковъ домовладѣльцевъ. А. А. Мартыновъ, описывая Петровку, привелъ выдержки изъ газетъ минувшаго вѣка, о театрахъ и сценическихъ всякого рода представленіяхъ въ Москвѣ, и этимъ вводомъ, тоже составленнымъ отрывочно и неособенно умѣло, успѣлъ однако разбить общую монотонію статьи своей. И за то спасибо. Большая благодарность и отцу архимандриту Леониду (Кавелину) за помѣщеніе любопытной въ высшей степени, «Родословной Отрепьевыхъ», гдѣ опредѣлилась вполнѣ личность Григорія Богдановича Отрепьева, котораго считаютъ, но едва ли справедливо, первымъ Лжедимитріемъ. Вопросъ этотъ мудрено полагать, чтобы когда либо разъяснился вполнѣ, но противъ русскаго происхожденія названнаго царя Димитрія, говоритъ многое; есть вѣскія противорѣчія въ его поступкахъ, подмѣченныя современниками и заставляющія видѣть въ искателѣ приключеній природнаго поляка. Интересъ имѣютъ и послѣднія статьи въ книжкѣ: письмо Крузенштерна (плавателя вокругъ свѣта) къ Осипу Михайловичу Рибасу изъ Ревеля, не зная еще о его внезапной кончинѣ (2 Дек. 1800 г.)—отъ 5 Декабря 1800 г.—съ предложеніемъ: устроить изъ военныхъ судовъ нашего флота облаву на англійскіе корабли, у береговъ Африки, на Атлантическомъ океанѣ; —что бы перехватить два-три кораблика съ цѣннымъ грузомъ, а тамъ... пропадать—такъ, пропадать! Въ эту пору уже Павелъ I, рѣшилъ борьбу съ Англіею и мѣра предлагаемая Крузенштерномъ, могла бы найти сочувствіе въ высшихъ сферахъ; если бы письмо достигло по назначенію, при жизни адмирала Рибаса. Ко многимъ выводамъ можетъ повести и ордеръ Потемкина харьковскому намѣстнику Норову, съ истребованіемъ извѣстій о харьковскомъ коллегіумѣ. Свѣтлѣйшій присоединитель Тавриды къ Россіи, серьезно подумывалъ объ учрежденіи на югѣ Университета и, вѣроятно, просимое свѣденіе нужно ему было для соображенія: развить ли харьковское училище до университетскаго курса, или основать новое высшее учебное заведеніе? Поправки Еропкина—не важны. Но, вообще говоря, Апрѣл.

книжка Р. Арх., благодаря появленію на нѣмецкомъ языкѣ трехъ пріятныхъ явленій—два изъ нихъ записки—переводами ихъ восполнила недостатокъ наличныхъ оригинальныхъ статей, давъ читателямъ все же очень интересный историческій матеріалъ.

Русской Старины разобрать мы можемъ тоже три книжки: **Мартовскую**, **Апрѣльскую** и **Майскую** и выскажемъ о нихъ посильныя замѣчанія, руководясь только интересомъ для читающихъ, а не какими другими соображеніями.

Въ **Мартовской** книжкѣ конченъ трудъ Е. П. Карновича «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, историко-біографическій очеркъ». По обѣщанію, мы теперь дадимъ о немъ свое мнѣніе. Можно смѣло сказать, не льстя автору, что его трудъ пополнилъ въ исторической литературѣ нашей пробѣлъ относительно выясненія жизни, характера, правилъ и наклонностей втораго сына императора Павла Петровича, представивъ въ связномъ разсказѣ: и Константина Павловича, и окружающихъ его лицъ; съ разными стремленіями, и взглядами на вещи. Нечего говорить, что усердный Лагарпъ, прекрасно приготовивъ для высокой роли правителя милліоновъ подданныхъ Александра I, ничего почти не могъ сдѣлать съ упорнымъ и своеобразнымъ его братомъ, сверстникомъ. Но что Константинъ Павловичъ имѣлъ и способности, и прекрасное сердце, это замѣчалъ воспитатель. Онъ только не имѣлъ, вѣроятно, времени къ этой подвижной натурѣ вполнѣ примѣниться; чтобы дѣйствовать на нее на столько же благотворно, какъ на Александра I. Порывы, не смягченные воспитаніемъ, остались, поэтому, на всю жизнь въ характерѣ цесаревича и ими, ближе всего, объясняется, во многихъ случаяхъ загадочный, образъ дѣйствій великаго князя, то вполнѣ расположеннаго, то совсѣмъ какъ бы охлаждающагося къ лицу, ему очень близкому. Мы разумѣемъ здѣсь первую его супругу, принцессу Кобургъ Заальфельдскую, по нашему Анну Ѳеодоровну. При встрѣчѣ ея въ числѣ сестеръ, она, какъ разсказываютъ очевидцы, произвела на Константина глубокое впечатлѣніе и выборъ ея именно въ подруги жизни, былъ сдѣланъ имъ самимъ, внѣ всякаго вліянія. Положимъ, что выборъ этотъ и вообще женитьба совершены имъ въ ранней юности, когда

едва ли глубоко сознавалъ великій князь свои высокія обязанности супруга. Однако сколько либо выяснить причины перемѣны чувствъ къ женѣ, долженъ бы.былъ авторъ біографіи, на столько полной и выработанной во всемъ прочемъ добросовѣстно, неторопясь. Но отсутствіе указаній причинъ разрыва супруговъ единственное не выполненное авторомъ, законное желаніе читателей, которое мы позволяемъ себѣ высказать; неумаляя, разумѣется, уваженія нашего къ автору прекраснаго труда. Мы, впрочемъ, готовы вѣрить что авторъ въ этомъ случаѣ принужденъ былъ обстоятельствами поступить именно такъ, а не иначе; и потому оставляемъ поднятый вопросъ открытымъ, надѣясь со временемъ выясненія его. До того же, не можемъ не сказать, что описаніе отношеній Константина Павловича къ отцу и старшему брату, вышло въ трудѣ Е. П. Карновича очень обстоятельно; равно какъ и разсказъ о его личныхъ военныхъ подвигахъ, въ итальянскую и французскія войны. О подстоличномъ житьѣ-бытьѣ, при Александрѣ I, Константина Павловича, могло набраться, разумѣется больше подробностей, но и то, что сказано, не портитъ дѣла и связности разсказа. Житье и управленіе въ Польшѣ описано какъ слѣдуетъ, хотя тоже могло бы быть еще живѣе; благодаря обилію источниковъ за это время. Мы однако, держимся того мнѣнія, что авторъ, умышленно сжималъ свой очеркъ, чтобы не сдѣлать его черезъ-чуръ обширнымъ. Въ этомъ отношеніи, самое важное по послѣдствіямъ, время польскаго возстанія, выходитъ самостоятельнымъ эпизодомъ, шире даже захватившимъ въ свои границы нить разсказа, чѣмъ за все остальное время теченія жизни цесаревича, пресекшейся раньше окончанія смуты. Хотѣлось бы видѣть по больше выставленными мотивы и подготовку возстанія, рисуя тутъ цесаревича, не вѣрившаго въ возможность чего либо подобнаго и, оттого не принимавшаго мѣръ, которыми устраненъ бы былъ взрывъ съ его тягостными послѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, совершенъ трудъ съ достоинствомъ и обрисована личность цесаревича, отрекшагося отъ русскаго престола, настолько, что кромѣ указанныхъ, можетъ быть невольныхъ, пробѣловъ, Константина Павловича могутъ понять вѣрно читатели. Искрен-

ность и честность убѣжденій Его Высочества внѣ всякихъ сомнѣній. За окончательною статьею біографіи Константина Павловича, въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» отпечатана отповѣдь Н. И. Костомарова П. А. Кулишу, по поводу измѣненія имъ взгляда на казачество;—въ чемъ расходится онъ діаметрально съ воззрѣніемъ Богдана Хмельницкаго и Разина. Мы уже высказали свое мнѣніе о томъ, насколько намъ кажется правымъ г. Кулишъ, а въ доводахъ его противника въ „Старинѣ“ мы не видимъ новыхъ пунктовъ, способныхъ измѣнить наше прежнее о немъ мнѣніе. «Русская Старина», передъ своими читателями тоже не погрѣшила, удѣливъ мѣсто возраженію почтеннаго профессора, и выкупая эту любезность помѣщеніемъ, въ первый разъ печатаемой сполна, поэмы Вильгельма Карл. Кюхельбекера „Вѣчный жидъ“. Во всякомъ случаѣ, кромѣ личнаго значенія автора, поэма эта, въ цѣломъ можетъ быть не выдержанная, заключаетъ прекрасныя мѣста. Отъ того заслуга изданія не послѣдняго, вдвойнѣ: по напечатанію своеобразнаго безспорно памятника нашего времени и интереснаго произведенія, проявляющаго жизненность таланта автора. „Обвиненіе и ссылка пастора Зейдера“ — грустная страница изъ царствованія Павла I — характерно и интересно само по себѣ. Имѣютъ интересъ тоже, какъ, продолженіе записокъ «А. Е. Попова, пребывавшаго въ Севастополѣ въ 1854 году», такъ и окончаніе „разсказовъ стараго лейбъ-казака“ (И. И. Ширяева). Послѣдніе разсказаны живо и представляютъ больше картинныхъ эпизодовъ, но, первые — серьезнѣе. Живописны тоже нѣкоторые только „Разсказы изъ прошлаго“, сообщенные г-жей Новосильцовой, которой принадлежитъ и заключительный въ этой книжкѣ Анекдотъ о Грибоѣдовѣ, [illegible] его [illegible]. Подъ вліяніемъ раздраженія, возбужденнаго [illegible], блеснула у него первая идея «Горя отъ ума». Интересна [illegible] В. И. Семевскаго [illegible] (умершаго 31 Декабря 1872 г.) Александрѣ Григорьевичѣ Ильинскаго, [illegible]

(Въ Апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ продолжается

біографія Иннокентія Харьковскаго и „Воспоминанія о восточной войнѣ" доктора Генрици. Мы отъ нихъ воздержимся, когда помѣщены они будутъ вполнѣ. По той же причинѣ не будемъ мы теперь разбирать и еще двухъ статей въ этой книжкѣ только начатыхъ: «Княжна Клаверія Друцкая-Любецкая» О. А. Пржецлавскаго и «Иванъ Константиновичъ Айвазовскій и его художественная XLII-лѣтняя дѣятельность». Записки Любови Павловны Никулиной-Косицкой, артистки московскихъ театровъ (1829—1868 г.) кончились, что называется на самомъ интересномъ мѣстѣ, заставляя глубоко сожалѣть, что окончаніе ихъ безвозвратно утрачено. Покойная талантливая артистка въ сохранившейся части записокъ изобразила только свои приключенія до 1844 г.—эпохи поступленія ея въ театральную московскую школу, гдѣ пришлось ей [illegible] роли, чтобы занять мѣсто принадлежащее по праву ея таланту. Желательно конечно бы было слышать повѣсть первыхъ сценическихъ успѣховъ но, на нѣтъ—суда нѣтъ, говоритъ пословица. И намъ приходится утѣшиться въ убѣжденіи, что сценическіе подвиги артистки можно возстановить по отрывкамъ, своевременно печатавшимся въ повременныхъ изданіяхъ. Но, тамъ, конечно, уже нельзя бы было почерпнуть для ея біографіи тѣхъ извѣстій, которыя она сама ввѣряла бумагѣ. Во всякомъ случаѣ, еще разъ повторимъ, немногое есть у насъ настолько живо разсказанное, съ сохраненіемъ всей грустной обстановки тяжелой жизненной доли, какъ дѣтство этой артистки, въ ея автобіографическихъ сказаніяхъ.

Засимъ, на обязанности разбирателя остается сказать нѣсколько словъ по поводу помѣщенной въ приложеніи къ Апрѣльской книжкѣ Р. Старины «родословной росписи Романовыхъ», составленной г. Студенкинымъ. Прежде всего, мы въ правѣ спросить: для чего составитель упоминаетъ отца Ѳедора Никитича, въ иночествѣ Филарета, опуская его братьевъ и сестеръ, судьба которыхъ тѣсно связана съ его постриженіемъ и вообще гоненіемъ на фамилію, [illegible] русскому протоколу при Борисѣ? Если хотѣлъ г. Студенкинъ представить одинъ царствующій домъ Романовыхъ, то ему слѣдовало бы начать прямо съ царя Михаила,—упомянувъ или не упоминая, кто былъ отецъ и братья его. А то, [illegible] братьевъ буду-

щаго государя, скончавшихся въ дѣтствѣ, авторъ невольно сбивается на общее родословіе фамиліи; гдѣ должны быть и другіе представители ея. Татьяна Ѳедоровна сестра царя Михаила, по нашимъ извѣстіямъ, скончалась не 21 Іюля 1611 г., а 4 Ноября 1612 года. Въ годѣ коронованія царя Алексѣя Михайловича опечатка: коронація послѣдовала не 1646 г., а 1645 года 28 Сентября. Отецъ первой супруги царя Ѳедора Алексѣевича, вовсе былъ не черкасскій дворянинъ, а *московскій*. И отецъ этаго лица, Ѳедоръ Карповичъ, былъ уже московскимъ дворяниномъ при царѣ Михаилѣ; только дѣдъ, Карпъ Евстафьевичь выѣхалъ изъ Польши. Съ какой же стати звать Семена Ѳедоровича Грушецкаго черкасскимъ дворяниномъ? Единоутробная любимая сестра Петра I, царевна Наталья Алексѣевна, погребена не въ 1716 году, а по пріѣздѣ брата государя изъ заграницы, въ ноябрѣ 1717 года. Гдѣ погребены первые дѣти Петра I отъ Екатерины I, мы не знаемъ, но,—не въ Петропавловскомъ соборѣ. Сказаніе въ описаніи собора изд. 1857 г.,—что будто погребена тамъ Екатерина Петровна, умершая 27 Іюля 1708 г.,—ни на чемъ не основано; точно также, какъ и рожденіе *въ Петербургѣ*, Анны Петровны. Мы не можемъ этого принять, зная, что Екатерина оставила Петровскій парадизъ вмѣстѣ съ государемъ, въ іюнѣ 1708 г. и сюда послѣ него, въ этомъ году, не возвращалась. Въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. XV) опечатка въ мѣсяцѣ смерти Разумовскаго: не іюня, а іюля 1771 года умеръ онъ. У Петра I (см. стр. XVI) было не три сына, *Петра*, а два только: первой двойничный съ Павломъ, раннее чадо, отъ Екатерины, род. въ Сент. 1705 г. Второй род. 27 Октября 1715 г. а умеръ уже наслѣдникомъ престола 25 Апрѣля 1719 г. и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, въ изготовленномъ только въ 1723 году склепѣ. Изъ того что прахъ царевича Петра перенесенъ въ этотъ склепъ съ церемоніею 24 Октября 1723 года,—въ день освѣщенія предѣльнаго храма въ каменной церкви Благовѣщенія,—г. Студенкинъ, вслѣдъ за баснословомъ однимъ, придумалъ третьяго сына Петра I, Петра Петровича, не зная когда указать только мнимое рожденіе его.

ВЫШЕЛЪ въ СВѢТЪ

„КАЗАНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ"

1878 года

заключающій десять статей:

«Отъ издателей-сотрудниковъ.—Въ деревнѣ.—Къ вопросу о неурожаяхъ.—Не разсуждай, а исполняй!—На Волгу.—На пчельникѣ.—Куросѣповъ.—Страничка изъ жизни пятидесятыхъ годовъ.—Казанская періодическая пресса («Заволжскій Муравей»).—Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ и его время».

Вся книжка составлена очень интересно, но послѣдняя статья, монографія о жизни всѣми уважаемаго почтеннаго врача казанскаго и ректора университета выходитъ по живости и дѣльности разсказа изъ рамокъ обыкновенно хорошихъ литературныхъ трудовъ, заключая капитальныя достоинства. Цѣна въ книжныхъ магазинахъ, принявшихъ на себя распродажу «Сборника» безвозмездно (въ Казани: А. А. Дубровина, А. С. Дубровина, Э. П. Рязанова, Д. Е. Кожанчикова, Э. С. Перилловой и музыкальный магазинъ «Восточная лира»), по 1 р. 25 к.

Во всѣхъ же прочихъ магазинахъ и для выписывающихъ «Сборникъ» по почтѣ 1 р. 50 к.

Вся чистая прибыль отъ продажи этой книги передается въ казанскую земскую управу въ пользу крестьянъ Казанской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова** и Ко, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека“** (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 7.—Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 7-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 7.—Іюль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Іюля 1878 г.

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на Помпейской аренѣ *).

Matto: Ave Caesar! morituri te salutant

Театральная афиша.

„Если погода будетъ благопріятная, то 30 іюня на Помпейской аренѣ имѣетъ быть бой гладіаторовъ изъ труппы эдила Свеція Церта и травля звѣрей. Мѣста для зрителей — крытыя и во время представленія будутъ вспрыскиваться водой."

Такъ гласитъ объявленіе, которое уже съ мѣсяцъ какъ вывѣшено на перекресткахъ улицъ, на колоннахъ галлерей, на форумѣ, на стѣнахъ Эвмахіи и храма Изиды. Со времени его появленія жителями города и окрестныхъ мѣстъ овладѣло какое-то дѣтское нетерпѣніе, какое-то лихорадочное безпокойство.

«Если погода будетъ благопріятствовать!» Завтра назначено, возвѣщенное афишей, представленіе въ честь покойнаго отца эдила Свецiя, а между тѣмъ три дня

*) Происходили въ 79 г. по Р. Х. за четыре недѣли до катастрофы, постигшей Помпею.

дождь льетъ ливнемъ. Вѣтеръ, постоянно дующій съ юга, наноситъ съ моря громады черныхъ густыхъ облаковъ, сплошной непроницаемый туманъ окуталъ вершину Везувія, ни одинъ лучъ солнца не въ состояніи проникнуть сквозь наполненную водяными парами атмосферу.

Чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, Юпитеру Плювію приносятся гекатомбы; день и ночь пылаютъ жертвенники пенатовъ; жрецы молятся и налагаютъ на себя строгій постъ; гадатели роются во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, ища хорошихъ предзнаменованій. Но напрасно! Боги неумолимы: черныя тучи по прежнему клубятся надъ пропитанными влагой нивами Кампаніи. Жители Помпеи въ страшномъ горѣ, ибо день уже клонится къ вечеру, а дождь по прежнему льетъ, какъ изъ ведра.

Только къ полуночи прояснился наконецъ горизонтъ, тучи скрылись одна за другой за его предѣлами; и на утро лучезарному Фебу путь былъ свободенъ по небесной тверди. Всеобщая радость и ликованіе! Смотрите! Фебъ къ намъ смилостивился. Слава Юпитеру! Слава всѣмъ богамъ!—гласитъ тысячеустная толпа. Улицы наполнились народомъ, зданія и храмы украсились гирляндами и цвѣтами, снова запылали треножники, курильницы распространяютъ благовоніе: завтра будетъ состязаніе, какъ возвѣщаютъ глашатые.

Чужеземцы изъ всѣхъ концовъ имперіи стекаются въ столицу Кампаніи. Гостинница „Слона", находящаяся въ такъ называемой „Via lupanaria" *), недавно перешедшая въ руки отпущенника Ситія и передѣланная имъ заново, гдѣ, судя по вывѣскѣ, можно имѣть за незначительную плату и хорошій столъ и удобное помѣщеніе,—равно какъ и гостинница Альбина близь Геркуланскихъ воротъ вмѣстѣ съ гостинницей Юліи Полибіи въ Сепареумѣ, снабженной болѣе, чѣмъ тридцатью отдѣльными помѣщеніями—не могли вмѣстить пріѣзжихъ!

*) Улица въ Помпеѣ.

Прибывшіе въ городъ изъ окрестныхъ деревень, по случаю готовящагося торжества, земледѣльцы съ своими женами и дѣтьми искали убѣжища подъ большимъ портикомъ форума или въ лавкахъ на рынкѣ и въ оградахъ храмовъ. Многіе же расположились на своихъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючнымъ скотомъ, кутаясь въ свое промокнувшее платье. Изъ невольничьихъ помѣщеній при домахъ знатныхъ и богачей слышатся пѣсни, распѣваемыя невольницами, готовящими наряды своимъ госпожамъ. Въ этотъ день обо снѣ никто и не думалъ: всѣ суетятся и хлопочутъ.

Маленькія дѣти и тѣ нигдѣ не спятъ: и имъ все грезятся медвѣди, пантеры, львы. До разсвѣта еще далеко, но уже они встали съ своихъ постелекъ и съ крикомъ въ разсыпную бѣгутъ по Брефотрофеуму. Наступившее утро застало всѣхъ горожанъ уже на ногахъ. Опустѣла Базилика и высшее судилище, въ забросѣ искусства и ремесла, заперты школы и палестры, безъ дѣла стоятъ мельницы, плуги и сохи.

Въ мѣдный сосудъ сгребаетъ невольникъ горячую еще золу изъ очага, чтобы опустѣвшему дому не угрожала никакая опасность. Но вотъ и за нимъ заперлась дверь, щелкнула задвижка, и стихло все въ покинутомъ жилищѣ.

Подобно тому, какъ несутся къ морю шумящія волны горнаго ручья, такъ стремились теперь волны народныя къ мѣсту состязанія. Патриціи—на носилкахъ, кліенты и женщины въ лектикахъ; юноши верхомъ на лошадяхъ, господа и рабы, богатые и бѣдные, даже больные и увѣчные, забывъ теперь о своихъ недугахъ,—всѣ смѣшались въ пестрой, шумной толпѣ.

Оставленныя въ опустѣлыхъ домахъ собаки, не привыкшія къ тишинѣ, жалобно воютъ; кудахчутъ куры, оставленныя въ торопяхъ безъ пищи. Ласточки и голуби въ безпокойствѣ кружатся надъ кровлями домовъ, ибо тамъ царитъ теперь какая-то странная, необычная тишина. Только Голконій «прорицатель», какъ его всѣ назы-

ваютъ, лежитъ одинъ уже въ предсмертныхъ мукахъ на своей жесткой постели.

— Дай мнѣ пить, мальчикъ, обратился онъ къ своему вѣрному рабу—страшная жажда палитъ мнѣ горло.

— Я не могу достать тебѣ воды, отвѣчаетъ тотъ; кружка пуста, а триклиніумъ запертъ, и я не вижу никого на улицѣ, кто бы могъ зачерпнуть мнѣ воды изъ колодца.

— Гдѣ же Януарія, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и сыновья съ ранняго утра ушли на арену смотрѣть травлю звѣрей.

Голконій въ борьбѣ со смертію, неподвижно устремилъ глаза въ пустоту.

Вдругъ раздается гулъ, напоминающій раскаты отдаленнаго грома; земля колеблется, слышится ударъ, вслѣдъ за нимъ другой; глиняная лампочка упала на полъ; заскрипѣли петли дверей.

— Мальчикъ, что это? простоналъ старикъ.—Мнѣ чудится, будто проваливается земля.

— Успокойся, мой господинъ: это порывъ вѣтра поколебалъ нашъ домъ,—отвѣчалъ испуганный мальчикъ.

Голконій черезъ силу приподнялся съ постели, поднялъ надъ головой свои сухія дрожащія руки, послѣдній разъ загорѣлись огнемъ глаза умирающаго и въ страстномъ экстазѣ онъ проговорилъ:

— Смотри, смотри, сынъ мой, какъ вздулась гора; изъ ея отверстаго жерла блистаетъ молнія, по ея склонамъ текутъ длинные, густые огненные потоки, все уничтожая на пути. Смотри, какъ кипитъ тамъ, какой оттуда идетъ паръ и дымъ! Кто эти три человѣка, что пригвождены къ кресту посреди толпы зѣвакъ? Изъ раны на боку у средняго изъ нихъ блеснулъ могучій лучъ свѣта и освѣтилъ всю твердь небесную, пожженную его вѣчнымъ огнемъ. Всѣ наши боги исчезаютъ предъ нимъ, какъ сумракъ ночи передъ ликомъ восходящаго дневнаго свѣтила.

Но, о ужасъ! огненный потокъ все ближе и ближе.

Прибывшіе въ городъ изъ окрестныхъ деревень, по случаю готовящагося торжества, земледѣльцы съ своими женами и дѣтьми искали убѣжища подъ большимъ портикомъ форума или въ лавкахъ на рынкѣ и въ оградахъ храмовъ. Многіе же расположились на своихъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючнымъ скотомъ, кутаясь въ свое промокнувшее платье. Изъ невольничьихъ помѣщеній при домахъ знатныхъ и богачей слышатся пѣсни, распѣваемыя невольницами, готовящими наряды своимъ госпожамъ. Въ этотъ день обо снѣ никто и не думалъ: всѣ суетятся и хлопочутъ.

Маленькія дѣти и тѣ нигдѣ не спятъ: и имъ все грезятся медвѣди, пантеры, львы. До разсвѣта еще далеко, но уже они встали съ своихъ постелекъ и съ крикомъ въ разсыпную бѣгутъ по Брефотрофеуму. Наступившее утро застало всѣхъ горожанъ уже на ногахъ. Опустѣла Базилика и высшее судилище, въ забросѣ искусства и ремесла, заперты школы и палестры, безъ дѣла стоятъ мельницы, плуги и сохи.

Въ мѣдный сосудъ сгребаетъ невольникъ горячую еще золу изъ очага, чтобы опустѣвшему дому не угрожала никакая опасность. Но вотъ и за нимъ заперлась дверь, щелкнула задвижка, и стихло все въ покинутомъ жилищѣ.

Подобно тому, какъ несутся къ морю шумящія волны горнаго ручья, такъ стремились теперь волны народныя къ мѣсту состязанія. Патриціи—на носилкахъ, кліенты и женщины въ лектикахъ; юноши верхомъ на лошадяхъ, господа и рабы, богатые и бѣдные, даже больные и увѣчные, забывъ теперь о своихъ недугахъ,—всѣ смѣшались въ пестрой, шумной толпѣ.

Оставленныя въ опустѣлыхъ домахъ собаки, не привыкшія къ тишинѣ, жалобно воютъ; кудахчутъ куры, оставленныя въ торопяхъ безъ пищи. Ласточки и голуби въ безпокойствѣ кружатся надъ кровлями домовъ, ибо тамъ царитъ теперь какая-то странная, необычная тишина. Только Голконій «прорицатель», какъ его всѣ назы-

сжимаетъ ей горло съ силою, которую даетъ только страхъ смерти, душитъ своего врага и ползкомъ пробирается за ворота,—прикладывая свѣжія листья къ своимъ безчисленнымъ ранамъ. Испуская стоны и оставляя кровавый слѣдъ на мостовой, плетется онъ, собирая послѣднія силы, къ цѣли своего побѣга, туда, къ излюбленной аренѣ, гдѣ такъ легко забывается и страданіе, и горе и нужда.

Арена.

Другъ Скавръ предложилъ намъ на сегодняшнее зрѣлище мѣсто въ своей ложѣ; мы примыкаемъ къ послѣднимъ рядамъ толпы и взбираемся по лѣстницѣ амфитеатра въ верхнія галлереи. Всѣ ходы наполнены толпами зрителей. Съ великимъ трудомъ проникли мы къ тому мѣсту галереи, откуда видна арена.

Изумленный взоръ сперва уходитъ въ глубь арены, гдѣ должно произойти состязаніе, потомъ поднимается по идущимъ въ видѣ ступенекъ мѣстамъ для публики, наполненнымъ теперь тысячами зрителей, доходитъ до покрывала, развѣшаннаго надъ головами зрителей, и въ восхищеніи останавливается на группахъ прекрасныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, облеченныхъ въ роскошную бѣлую одежду.

Курильницы, соединенныя между собою гирляндами изъ розъ, украшаютъ всѣ столбы и колонны, а оружіе и доспѣхи — порталы. Сиракузскіе ковры ниспадаютъ роскошными складками съ перилъ и парапета, и мочатъ свои концы въ водоемѣ, наполняемомъ водой изъ пасти исполинскихъ львовъ.

Самое мѣсто состязанія тщательно усыпано пескомъ, который долженъ будетъ всосать ручьи крови, которые прольются сегодня въ честь мановъ покойнаго эдила.

Сперва передъ нами открываются мѣста, предназначенныя для рабочаго класса; тутъ вы увидите красильщиковъ, пекарей, кузнецовъ, каретниковъ; полунагіе

носильщики и погонщики муловъ смѣшались здѣсь съ солдатами и земледѣльцами.

Не видно ни одного пустаго уголка. Съ трудомъ пробираются сквозь толпу торговцы, предлагая публикѣ вино и съѣстные продукты. Веселыми шутками встрѣчаютъ здѣсь всякаго вновь пришедшаго; каждый ничтожный случай сейчасъ же даетъ поводъ къ громкимъ замѣчаніямъ.

Поднявшись еще на нѣсколько ступеней, мы уже въ другой обстановкѣ; одежда, языкъ, манеры обличаютъ другой классъ общества: здѣсь помѣщается среднее сословіе. Мы привѣтствуемъ здѣсь Атимета, знаменитаго серебрянника; сдѣланные его искустной рукой сосуды, утварь, канделябры можно встрѣтить во всѣхъ богатыхъ домахъ. На его челѣ видны слѣды горя: его единственный сынъ Муцій прокутилъ въ Римѣ, въ обществѣ дурныхъ товарищей, весь достатокъ отца. Налѣво сидитъ Марція, извѣстная танцовщица, съ красноволосой галіянкой Амарилидой, съ гречанкой Атлантой изъ Хіоса и толстой Гераклеей изъ Неаполя. Эти дамы живутъ вмѣстѣ въ маленькомъ домикѣ, за «Площадью Быковъ», гдѣ онѣ щедро дарятъ любовь всякому за деньги.

Посмотрите! Туда пришла также и Абигаель, прекрасная еврейка изъ Геркуланума, дочь богатаго ювелира Мероаба. Закутанная въ тонкія роскошныя одежды и кисею, она возбуждала всеобщее удивленіе среди молодежи. Сама Юнона позавидовала-бы ей, если-бы красавица не хромала.

Въ гнѣвѣ опустила Абигаель глаза, ибо всѣ помпейскія женщины смотрятъ на нее съ презрѣніемъ.

На маленькомъ дворѣ кладбища, въ предмѣстьи Augusta Filix стоитъ мраморная урна, а на ней надпись:

«Погибшему въ пламени Нолану, посвящаетъ этотъ памятникъ неутѣшная вдова».

Скульпторъ Ноланъ былъ отравленъ ядомъ во время пира съ своими друзьями. Черезъ часъ триклиніумъ его былъ разрушенъ огнемъ. Ромула, его жена, облеклась въ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Іюля 1878 г.

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на Помпейской аренѣ *).

Матто: Ave Caesar! morituri te salutant

Театральная афиша.

„Если погода будетъ благопріятная, то 30 іюня на Помпейской аренѣ имѣетъ быть бой гладіаторовъ изъ труппы эдила Свеція Церта и травля звѣрей. Мѣста для зрителей — крытыя и во время представленія будутъ вспрыскиваться водой.“

Такъ гласитъ объявленіе, которое уже съ мѣсяцъ какъ вывѣшено на перекресткахъ улицъ, на колоннахъ галлерей, на форумѣ, на стѣнахъ Эвмахіи и храма Изиды. Со времени его появленія жителями города и окрестныхъ мѣстъ овладѣло какое-то дѣтское нетерпѣніе, какое-то лихорадочное безпокойство.

«Если погода будетъ благопріятствовать!» Завтра назначено, возвѣщенное афишей, представленіе въ честь покойнаго отца эдила Свеція, а между тѣмъ три дня

*) Происходили въ 79 г. по Р. Х. за четыре недѣли до катастрофы, постигшей Помпею.

дождь льетъ ливнемъ. Вѣтеръ, постоянно дующій съ юга, наноситъ съ моря громады черныхъ густыхъ облаковъ, сплошной непроницаемый туманъ окуталъ вершину Везувія, ни одинъ лучъ солнца не въ состояніи проникнуть сквозь наполненную водяными парами атмосферу.

Чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, Юпитеру Плювію приносятся гекатомбы; день и ночь пылаютъ жертвенники пенатовъ; жрецы молятся и налагаютъ на себя строгій постъ; гадатели роются во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, ища хорошихъ предзнаменованій. Но напрасно! Боги неумолимы: черныя тучи по прежнему клубятся надъ пропитанными влагой нивами Кампаніи. Жители Помпеи въ страшномъ горѣ, ибо день уже клонится къ вечеру, а дождь по прежнему льетъ, какъ изъ ведра.

Только къ полуночи прояснился наконецъ горизонтъ, тучи скрылись одна за другой за его предѣлами; и на утро лучезарному Фебу путь былъ свободенъ по небесной тверди. Всеобщая радость и ликованіе! Смотрите! Фебъ къ намъ смилостивился. Слава Юпитеру! Слава всѣмъ богамъ!—гласитъ тысячеустная толпа. Улицы наполнились народомъ, зданія и храмы украсились гирляндами и цвѣтами, снова запылали треножники, курильницы распространяютъ благовоніе: завтра будетъ состязаніе, какъ возвѣщаютъ глашатые.

Чужеземцы изъ всѣхъ концовъ имперіи стекаются въ столицу Кампаніи. Гостинница „Слона", находящаяся въ такъ называемой „Via lupanaria" *), недавно перешедшая въ руки отпущенника Ситія и передѣланная имъ заново, гдѣ, судя по вывѣскѣ, можно имѣть за незначительную плату и хорошій столъ и удобное помѣщеніе,—равно какъ и гостинница Альбина близъ Геркуланскихъ воротъ вмѣстѣ съ гостинницей Юліи Полибіи въ Сепареумѣ, снабженной болѣе, чѣмъ тридцатью отдѣльными помѣщеніями—не могли вмѣстить пріѣзжихъ!

*) Улица въ Помпеѣ.

Прибывшіе въ городъ изъ окрестныхъ деревень, по случаю готовящагося торжества, земледѣльцы съ своими женами и дѣтьми искали убѣжища подъ большимъ портикомъ форума или въ лавкахъ на рынкѣ и въ оградахъ храмовъ. Многіе же расположились на своихъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючнымъ скотомъ, кутаясь въ свое промокнувшее платье. Изъ невольничьихъ помѣщеній при домахъ знатныхъ и богачей слышатся пѣсни, распѣваемыя невольницами, готовящими наряды своимъ госпожамъ. Въ этотъ день обо снѣ никто и не думалъ: всѣ суетятся и хлопочутъ.

Маленькія дѣти и тѣ нигдѣ не спятъ: и имъ все грезятся медвѣди, пантеры, львы. До разсвѣта еще далеко, но уже они встали съ своихъ постелекъ и съ крикомъ въ разсыпную бѣгутъ по Брефотрофеуму. Наступившее утро застало всѣхъ горожанъ уже на ногахъ. Опустѣла Базилика и высшее судилище, въ забросѣ искусства и ремесла, заперты школы и палестры, безъ дѣла стоятъ мельницы, плуги и сохи.

Въ мѣдный сосудъ сгребаетъ невольникъ горячую еще золу изъ очага, чтобы опустѣвшему дому не угрожала никакая опасность. Но вотъ и за нимъ заперлась дверь, щелкнула задвижка, и стихло все въ покинутомъ жилищѣ.

Подобно тому, какъ несутся къ морю шумящія волны горнаго ручья, такъ стремились теперь волны народныя къ мѣсту состязанія. Патриціи—на носилкахъ, кліенты и женщины въ лектикахъ; юноши верхомъ на лошадяхъ, господа и рабы, богатые и бѣдные, даже больные и увѣчные, забывъ теперь о своихъ недугахъ,—всѣ смѣшались въ пестрой, шумной толпѣ.

Оставленныя въ опустѣлыхъ домахъ собаки, не привыкшія къ тишинѣ, жалобно воютъ; кудахчутъ куры, оставленныя въ торопяхъ безъ пищи. Ласточки и голуби въ безпокойствѣ кружатся надъ кровлями домовъ, ибо тамъ царитъ теперь какая-то странная, необычная тишина. Только Голконій «прорицатель», какъ его всѣ назы-

ваютъ, лежитъ одинъ уже въ предсмертныхъ мукахъ на своей жесткой постели.

— Дай мнѣ пить, мальчикъ, обратился онъ къ своему вѣрному рабу—страшная жажда палитъ мнѣ горло.

— Я не могу достать тебѣ воды, отвѣчаетъ тотъ; кружка пуста, а триклиніумъ запертъ, и я не вижу никого на улицѣ, кто бы могъ зачерпнуть мнѣ воды изъ колодца.

— Гдѣ же Януарія, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и сыновья съ ранняго утра ушли на арену смотрѣть травлю звѣрей.

Голконій въ борьбѣ со смертію, неподвижно устремилъ глаза въ пустоту.

Вдругъ раздается гулъ, напоминающій раскаты отдаленнаго грома; земля колеблется, слышится ударъ, вслѣдъ за нимъ другой; глиняная лампочка упала на полъ; заскрипѣли петли дверей.

— Мальчикъ, что это? простоналъ старикъ.—Мнѣ чудится, будто проваливается земля.

— Успокойся, мой господинъ: это порывъ вѣтра поколебалъ нашъ домъ,—отвѣчалъ испуганный мальчикъ.

Голконій черезъ силу приподнялся съ постели, поднялъ надъ головой свои сухія дрожащія руки, послѣдній разъ загорѣлись огнемъ глаза умирающаго и въ страстномъ экстазѣ онъ проговорилъ:

— Смотри, смотри, сынъ мой, какъ вздулась гора; изъ ея отверстаго жерла блистаетъ молнія, по ея склонамъ текутъ длинные, густые огненные потоки, все уничтожая на пути. Смотри, какъ кипитъ тамъ, какой оттуда идетъ паръ и дымъ! Кто эти три человѣка, что пригвожлены къ кресту посреди толпы зѣвакъ? Изъ раны на боку у средняго изъ нихъ блеснулъ могучій лучъ свѣта и освѣтилъ всю твердь небесную, пожженную его вѣчнымъ огнемъ. Всѣ наши боги исчезаютъ предъ нимъ, какъ сумракъ ночи передъ ликомъ восходящаго дневнаго свѣтила.

Но, о ужасъ! огненный потокъ все ближе и ближе.

Но вотъ заскрипѣли наконецъ и большія рѣшетки арены:

Распорядитель игръ, рыжебородый Кораксъ, вооруженный хлыстомъ, идетъ впереди процессіи борцевъ, состоящей изъ двадцати пяти паръ гладіаторовъ, многочисленныхъ самнитовъ, ѳракійцевъ и галловъ, предназначенныхъ для общаго сраженія и, наконецъ, всадниковъ. Подъ тактъ военнаго марша они становятся съ гордымъ, осанистымъ видомъ вокругъ арены, ихъ мѣдныя шлемы, мечи, щиты, наножники и кольца блестятъ на солнцѣ. На нихъ нѣтъ одежды, мѣшающей свободному дѣйствію членовъ.

Вторую группу составляютъ мирмилоны съ рыбными шлемами, за ними метатели сѣтокъ съ трезубцами, наконецъ, пармaты, вооруженные большими мечами.

Третья и послѣдняя группа внушаетъ намъ отвращеніе: ее составляютъ совершенно голые люди, вооруженные кирками и небольшими копьями, слѣдовательно не имѣющіе даже обыкновеннаго оружія для самозащиты; избѣгаемые гордыми гладіаторами и презираемые народомъ, не смѣя принять участія въ процессіи, они становятся у входа.

«Bestiarii» называются эти несчастные; это преступники, приговоренные къ смерти, и въ знакъ милости посылаемые теперь на борьбу съ дикими звѣрями; они должны вступить въ единоборство съ животными на потѣху жителей Помпеи. «Идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя, Цертъ»! громко кричатъ они, проходя мимо ложи эдила. При звукѣ роговъ борцы становятся другъ передъ другомъ, каждый противъ своего противника.

Никогда еще не видала Помпея такого большаго числа знаменитыхъ борцовъ, собраннаго вмѣстѣ:

Каиксъ изъ Равенны, парматъ, одержавшій уже тридцать побѣдъ, Бебриксъ изъ Ареласа, Экзохъ, прозванный непобѣдимымъ и капуанецъ Араксъ, римлянинъ Трексъ и Гопломахъ изъ Сициліи, затѣмъ Нобиліоръ и Тудесъ, Непимъ, искустный метатель сѣ-

сжимаетъ ей горло съ силою, которую даетъ только страхъ смерти, душитъ своего врага и ползкомъ пробирается за ворота,—прикладывая свѣжія листья къ своимъ безчисленнымъ ранамъ. Испуская стоны и оставляя кровавый слѣдъ на мостовой, плетется онъ, собирая послѣднія силы, къ цѣли своего побѣга, туда, къ излюбленной аренѣ, гдѣ такъ легко забывается и страданіе, и горе и нужда.

Арена.

Другъ Скавръ предложилъ намъ на сегодняшнее зрѣлище мѣсто въ своей ложѣ; мы примыкаемъ къ послѣднимъ рядамъ толпы и взбираемся по лѣстницѣ амфитеатра въ верхнія галлереи. Всѣ ходы наполнены толпами зрителей. Съ великимъ трудомъ проникли мы къ тому мѣсту галереи, откуда видна арена.

Изумленный взоръ сперва уходитъ въ глубь арены, гдѣ должно произойти состязаніе, потомъ поднимается по идущимъ въ видѣ ступенекъ мѣстамъ для публики, наполненнымъ теперь тысячами зрителей, доходитъ до покрывала, развѣшаннаго надъ головами зрителей, и въ восхищеніи останавливается на группахъ прекрасныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, облеченныхъ въ роскошную бѣлую одежду.

Курильницы, соединенныя между собою гирляндами изъ розъ, украшаютъ всѣ столбы и колонны, а оружіе и доспѣхи — порталы. Сиракузскіе ковры ниспадаютъ роскошными складками съ перилъ и парапета, и мочатъ свои концы въ водоемѣ, наполняемомъ водой изъ пасти исполинскихъ львовъ.

Самое мѣсто состязанія тщательно усыпано пескомъ, который долженъ будетъ всосать ручьи крови, которые прольются сегодня въ честь мановъ покойнаго эдила.

Сперва передъ нами открываются мѣста, предназначенныя для рабочаго класса; тутъ вы увидите красильщиковъ, пекарей, кузнецовъ, каретниковъ; полунагіе

носильщики и погонщики муловъ смѣшались здѣсь съ солдатами и земледѣльцами.

Не видно ни одного пустаго уголка. Съ трудомъ пробираются сквозь толпу торговцы, предлагая публикѣ вино и съѣстные продукты. Веселыми шутками встрѣчають здѣсь всякаго вновь пришедшаго: каждый ничтожный случай сейчасъ же даетъ поводъ къ громкимъ замѣчаніямъ.

Поднявшись еще на нѣсколько ступеней, мы уже въ другой обстановкѣ; одежда, языкъ, манеры обличають другой классъ общества: здѣсь помѣщается среднее сословіе. Мы привѣтствуемъ здѣсь Атимета, знаменитаго серебрянника; сдѣланные его искустной рукой сосуды, утварь, канделябры можно встрѣтить во всѣхъ богатыхъ домахъ. На его челѣ видны слѣды горя: его единственный сынъ Муцій прокутилъ въ Римѣ, въ обществѣ дурныхъ товарищей, весь достатокъ отца. Налѣво сидитъ Марція, извѣстная танцовщица, съ красноволосой галіянкой Амарилидой, съ гречанкой Атлантой изъ Хіоса и толстой Гераклеей изъ Неаполя. Эти дамы живутъ вмѣстѣ въ маленькомъ домикѣ, за «Площадью Быковъ», гдѣ онѣ щедро дарятъ любовь всякому за деньги.

Посмотрите! Туда пришла также и Абигаель, прекрасная еврейка изъ Геркуланума, дочь богатаго ювелира Мероаба. Закутанная въ тонкія роскошныя одежды и кисею, она возбуждала всеобщее удивленіе среди молодежи. Сама Юнона позавидовала-бы ей, если-бы красавица не хромала.

Въ гнѣвѣ опустила Абигаель глаза, ибо всѣ помпейскія женщины смотрятъ на нее съ презрѣніемъ.

На маленькомъ дворѣ кладбища, въ предмѣстьи Augusta Filix стоитъ мраморная урна, а на ней надпись:

«Погибшему въ пламени Нолану, посвящаетъ этотъ памятникъ неутѣшная вдова».

Скульпторъ Ноланъ былъ отравленъ ядомъ во время пира съ своими друзьями. Черезъ часъ трикиніумъ его былъ разрушенъ огнемъ. Ромула, его жена, облеклась въ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Іюля 1878 г.

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на Помпейской аренѣ *).

Matto: Ave Caesar! morituri te salutant

Театральная афиша.

„Если погода будетъ благопріятная, то 30 іюня на Помпейской аренѣ имѣетъ быть бой гладіаторовъ изъ труппы эдила Свецiя Церта и травля звѣрей. Мѣста для зрителей — крытыя и во время представленія будутъ вспрыскиваться водой."

Такъ гласитъ объявленіе, которое уже съ мѣсяцъ какъ вывѣшено на перекресткахъ улицъ, на колоннахъ галлерей, на форумѣ, на стѣнахъ Эвмахіи и храма Изиды. Со времени его появленія жителями города и окрестныхъ мѣстъ овладѣло какое-то дѣтское нетерпѣніе, какое-то лихорадочное безпокойство.

«Если погода будетъ благопріятствовать!» Завтра назначено, возвѣщенное афишей, представленіе въ честь покойнаго отца эдила Свеція, а между тѣмъ три дня

*) Происходили въ 79 г. по Р. Х. за четыре недѣли до катастрофы, постигшей Помпею.

дождь льетъ ливнемъ. Вѣтеръ, постоянно дующій съ юга, наноситъ съ моря громады черныхъ густыхъ облаковъ, сплошной непроницаемый туманъ окуталъ вершину Везувія, ни одинъ лучъ солнца не въ состояніи проникнуть сквозь наполненную водяными парами атмосферу.

Чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, Юпитеру Плювію приносятся гекатомбы; день и ночь пылаютъ жертвенники пенатовъ; жрецы молятся и налагаютъ на себя строгій постъ; гадатели роются во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, ища хорошихъ предзнаменованій. Но напрасно! Боги неумолимы: черныя тучи по прежнему клубятся надъ пропитанными влагой нивами Кампаніи. Жители Помпеи въ страшномъ горѣ, ибо день уже клонится къ вечеру, а дождь по прежнему льетъ, какъ изъ ведра.

Только къ полуночи прояснился наконецъ горизонтъ, тучи скрылись одна за другой за его предѣлами; и на утро лучезарному Фебу путь былъ свободенъ по небесной тверди. Всеобщая радость и ликованіе! Смотрите! Фебъ къ намъ смилостивился. Слава Юпитеру! Слава всѣмъ богамъ!—гласитъ тысячеустная толпа. Улицы наполнились народомъ, зданія и храмы украсились гирляндами и цвѣтами, снова запылали треножники, курильницы распространяютъ благовоніе: завтра будетъ состязаніе, какъ возвѣщаютъ глашатые.

Чужеземцы изъ всѣхъ концовъ имперіи стекаются въ столицу Кампаніи. Гостинница „Слона", находящаяся въ такъ называемой „Via lupanaria" *), недавно перешедшая въ руки отпущенника Ситія и передѣланная имъ заново, гдѣ, судя по вывѣскѣ, можно имѣть за незначительную плату и хорошій столъ и удобное помѣщеніе,—равно какъ и гостинница Альбина близь Геркуланскихъ воротъ вмѣстѣ съ гостинницей Юліи Полибіи въ Сепареумѣ, снабженной болѣе, чѣмъ тридцатью отдѣльными помѣщеніями—не могли вмѣстить пріѣзжихъ!

*) Улица въ Помпеѣ.

Прибывшіе въ городъ изъ окрестныхъ деревень, по случаю готовящагося торжества, земледѣльцы съ своими женами и дѣтьми искали убѣжища подъ большимъ портикомъ форума или въ лавкахъ на рынкѣ и въ оградахъ храмовъ. Многіе же расположились на своихъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючнымъ скотомъ, кутаясь въ свое промокнувшее платье. Изъ невольничьихъ помѣщеній при домахъ знатныхъ и богачей слышатся пѣсни, распѣваемыя невольницами, готовящими наряды своимъ госпожамъ. Въ этотъ день обо снѣ никто и не думалъ: всѣ суетятся и хлопочутъ.

Маленькія дѣти и тѣ нигдѣ не спятъ: и имъ все грезятся медвѣди, пантеры, львы. До разсвѣта еще далеко, но уже они встали съ своихъ постелекъ и съ крикомъ въ разсыпную бѣгутъ по Брефотрофеуму. Наступившее утро застало всѣхъ горожанъ уже на ногахъ. Опустѣла Базилика и высшее судилище, въ забросѣ искусства и ремесла, заперты школы и палестры, безъ дѣла стоятъ мельницы, плуги и сохи.

Въ мѣдный сосудъ сгребаетъ невольникъ горячую еще золу изъ очага, чтобы опустѣвшему дому не угрожала никакая опасность. Но вотъ и за нимъ заперлась дверь, щелкнула задвижка, и стихло все въ покинутомъ жилищѣ.

Подобно тому, какъ несутся къ морю шумящія волны горнаго ручья, такъ стремились теперь волны народныя къ мѣсту состязанія. Патриціи—на носилкахъ, кліенты и женщины въ лектикахъ; юноши верхомъ на лошадяхъ, господа и рабы, богатые и бѣдные, даже больные и увѣчные, забывъ теперь о своихъ недугахъ,—всѣ смѣшались въ пестрой, шумной толпѣ.

Оставленныя въ опустѣлыхъ домахъ собаки, не привыкшія къ тишинѣ, жалобно воютъ; кудахчутъ куры, оставленныя въ торопяхъ безъ пищи. Ласточки и голуби въ безпокойствѣ кружатся надъ кровлями домовъ, ибо тамъ царитъ теперь какая-то странная, необычная тишина. Только Голконій «прорицатель», какъ его всѣ назы-

ваютъ, лежитъ одинъ уже въ предсмертныхъ мукахъ на своей жесткой постели.

— Дай мнѣ пить, мальчикъ, обратился онъ къ своему вѣрному рабу—страшная жажда палитъ мнѣ горло.

— Я не могу достать тебѣ воды, отвѣчаетъ тотъ; кружка пуста, а триклиніумъ запертъ, и я не вижу никого на улицѣ, кто бы могъ зачерпнуть мнѣ воды изъ колодца.

— Гдѣ же Януарія, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и сыновья съ ранняго утра ушли на арену смотрѣть травлю звѣрей.

Голконій въ борьбѣ со смертію, неподвижно устремилъ глаза въ пустоту.

Вдругъ раздается гулъ, напоминающій раскаты отдаленнаго грома; земля колеблется, слышится ударъ, вслѣдъ за нимъ другой; глиняная лампочка упала на полъ; заскрипѣли петли дверей.

— Мальчикъ, что это? простоналъ старикъ.—Мнѣ чудится, будто проваливается земля.

— Успокойся, мой господинъ: это порывъ вѣтра поколебалъ нашъ домъ,—отвѣчалъ испуганный мальчикъ.

Голконій черезъ силу приподнялся съ постели, поднялъ надъ головой свои сухія дрожащія руки, послѣдній разъ загорѣлись огнемъ глаза умирающаго и въ страстномъ экстазѣ онъ проговорилъ:

— Смотри, смотри, сынъ мой, какъ вздулась гора; изъ ея отверстаго жерла блистаетъ молнія, по ея склонамъ текутъ длинные, густые огненные потоки, все уничтожая на пути. Смотри, какъ кипитъ тамъ, какой оттуда идетъ паръ и дымъ! Кто эти три человѣка, что пригвождены къ кресту посреди толпы зѣвакъ? Изъ раны на боку у средняго изъ нихъ блеснулъ могучій лучъ свѣта и освѣтилъ всю твердь небесную, пожженную его вѣчнымъ огнемъ. Всѣ наши боги исчезаютъ предъ нимъ, какъ сумракъ ночи передъ ликомъ восходящаго дневнаго свѣтила.

Но, о ужасъ! огненный потокъ все ближе и ближе.

аріемъ платокъ. Но, оглушенный нѣсколькими ловкими ударами кулака по лбу и мордѣ, падаетъ возлѣ своей медвѣдицы, которая пляшетъ и кружится отъ страшной боли, пронзенная на сквозь копьемъ. Животное испускаетъ жалобный, пронзительный вой, который едва могутъ заглушить цимбалы и трубы. Жадно и неутомимо слѣдятъ зрители за неровной жестокой борьбой между хитростью и грубой силой.

— Лея выходитъ, Лея, львица Діомеда! Десять тысячъ сестерціевъ за Лею! Кто бьется объ закладъ?, кричитъ толпа молодыхъ людей изъ ложи пиларіевъ. *).

Тысячи рукъ поднимаются въ ту же минуту:

— Мы, мы держимъ! раздается со всѣхъ сторонъ.

— Долой пиларіевъ, долой Лею! ставимъ двадцать тысячъ: Лея погибнетъ, — хоромъ кричатъ сагиттаріи **).

Цѣлый градъ мучныхъ шариковъ посыпался въ туже минуту въ ихъ ложу.

Въ нѣсколько сильныхъ прыжковъ, едва касаясь земли, очутилась на аренѣ львица. По жребію досталось четыремъ сагиттаріямъ вступить съ ней въ битву. Глаза всѣхъ устремились на прекрасное животное. Быстро обѣжавъ арену, львица остановилась на минуту, потомъ уклонясь отъ вызова на битву, она побѣжала назадъ къ стѣнѣ и сѣла на заднія лапы.

Цѣлый потокъ проклятій съ одной стороны, смѣхъ и свистки съ другой слышатся съ галерей.

— Фи! какой срамъ! прочь эту несчастную кошку.

Бестіаріи стараются раздразнить животное пучкомъ горящей соломы и маханіемъ платковъ. Но гордая львица не обращаетъ ни на что вниманія; смущенная окружающей обстановкой, она уныло смотритъ, не отрывая глазъ, на выходную дверь.

— Глядите: Лея труситъ! какой срамъ для старика Діомеда! кричатъ сагиттаріи.

---

*) Любители игры въ мячъ. У нихъ былъ даже свой клубъ.
**) Стрѣлки.

сжимаетъ ей горло съ силою, которую даетъ только страхъ смерти, душитъ своего врага и ползкомъ пробирается за ворота,—прикладывая свѣжія листья къ своимъ безчисленнымъ ранамъ. Испуская стоны и оставляя кровавый слѣдъ на мостовой, плетется онъ, собирая послѣднія силы, къ цѣли своего побѣга, туда, къ излюбленной аренѣ, гдѣ такъ легко забывается и страданіе, и горе и нужда.

Арена.

Другъ Скавръ предложилъ намъ на сегодняшнее зрѣлище мѣсто въ своей ложѣ; мы примыкаемъ къ послѣднимъ рядамъ толпы и взбираемся по лѣстницѣ амфитеатра въ верхнія галлереи. Всѣ ходы наполнены толпами зрителей. Съ великимъ трудомъ проникли мы къ тому мѣсту галереи, откуда видна арена.

Изумленный взоръ сперва уходитъ въ глубь арены, гдѣ должно произойти состязаніе, потомъ поднимается по идущимъ въ видѣ ступенекъ мѣстамъ для публики, наполненнымъ теперь тысячами зрителей, доходитъ до покрывала, развѣшаннаго надъ головами зрителей, и въ восхищеніи останавливается на группахъ прекрасныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, облеченныхъ въ роскошную бѣлую одежду.

Курильницы, соединенныя между собою гирляндами изъ розъ, украшаютъ всѣ столбы и колонны, а оружіе и доспѣхи — порталы. Сиракузскіе ковры ниспадаютъ роскошными складками съ перилъ и парапета, и мочатъ свои концы въ водоемѣ, наполняемомъ водой изъ пасти исполинскихъ львовъ.

Самое мѣсто состязанія тщательно усыпано пескомъ, который долженъ будетъ всосать ручьи крови, которые прольются сегодня въ честь мановъ покойнаго эдила.

Сперва передъ нами открываются мѣста, предназначенныя для рабочаго класса; тутъ вы увидите красильщиковъ, пекарей, кузнецовъ, каретниковъ; полунагіе

носильщики и погонщики муловъ смѣшались здѣсь съ солдатами и земледѣльцами.

Не видно ни одного пустаго уголка. Съ трудомъ пробираются сквозь толпу торговцы, предлагая публикѣ вино и съѣстные продукты. Веселыми шутками встрѣчаютъ здѣсь всякаго вновь пришедшаго; каждый ничтожный случай сейчасъ же даетъ поводъ къ громкимъ замѣчаніямъ.

Поднявшись еще на нѣсколько ступеней, мы уже въ другой обстановкѣ; одежда, языкъ, манеры обличаютъ другой классъ общества: здѣсь помѣщается среднее сословіе. Мы привѣтствуемъ здѣсь Атимета, знаменитаго серебрянника; сдѣланные его искустной рукой сосуды, утварь, канделябры можно встрѣтить во всѣхъ богатыхъ домахъ. На его челѣ видны слѣды горя: его единственный сынъ Муцій прокутилъ въ Римѣ, въ обществѣ дурныхъ товарищей, весь достатокъ отца. Налѣво сидитъ Марція, извѣстная танцовщица, съ красноволосой галіянкой Амарилидой, съ гречанкой Атлантой изъ Хіоса и толстой Гераклеей изъ Неаполя. Эти дамы живутъ вмѣстѣ въ маленькомъ домикѣ, за «Площадью Быковъ», гдѣ онѣ щедро дарятъ любовь всякому за деньги.

Посмотрите! Туда пришла также и Абигаель, прекрасная еврейка изъ Геркуланума, дочь богатаго ювелира Мероаба. Закутанная въ тонкія роскошныя одежды и висею, она возбуждала всеобщее удивленіе среди молодежи. Сама Юнона позавидовала-бы ей, если-бы красавица не хромала.

Въ гнѣвѣ опустила Абигаель глаза, ибо всѣ помпейскія женщины смотрятъ на нее съ презрѣніемъ.

На маленькомъ дворѣ кладбища, въ предмѣстьи Augusta Filix стоитъ мраморная урна, а на ней надпись:

«Погибшему въ пламени Нолану, посвящаетъ этотъ памятникъ неутѣшная вдова».

Скульпторъ Ноланъ былъ отравленъ ядомъ во время пира съ своими друзьями. Черезъ часъ триклиніумъ его былъ разрушенъ огнемъ. Ромула, его жена, облеклась въ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Іюля 1878 г.

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на Помпейской аренѣ *).

Matto: Ave Caesar! morituri te salutant

Театральная афиша.

„Если погода будетъ благопріятная, то 30 іюня на Помпейской аренѣ имѣетъ быть бой гладіаторовъ изъ труппы эдила Свеція Церта и травля звѣрей. Мѣста для зрителей — крытыя и во время представленія будутъ вспрыскиваться водой."

Такъ гласитъ объявленіе, которое уже съ мѣсяцъ какъ вывѣшено на перекресткахъ улицъ, на колоннахъ галлерей, на форумѣ, на стѣнахъ Эвмахіи и храма Изиды. Со времени его появленія жителями города и окрестныхъ мѣстъ овладѣло какое-то дѣтское нетерпѣніе, какое-то лихорадочное безпокойство.

«Если погода будетъ благопріятствовать!» Завтра назначено, возвѣщенное афишей, представленіе въ честь покойнаго отца эдила Свецiя, а между тѣмъ три дня

*) Происходили въ 79 г. по Р. Х. за четыре недѣли до катастрофы, постигшей Помпею.

дождь льетъ ливнемъ. Вѣтеръ, постоянно дующій съ юга, наноситъ съ моря громады черныхъ густыхъ облаковъ, сплошной непроницаемый туманъ окуталъ вершину Везувія, ни одинъ лучъ солнца не въ состояніи проникнуть сквозь наполненную водяными парами атмосферу.

Чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, Юпитеру Плювію приносятся гекатомбы; день и ночь пылаютъ жертвенники пенатовъ; жрецы молятся и налагаютъ на себя строгій постъ; гадатели роются во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, ища хорошихъ предзнаменованій. Но напрасно! Боги неумолимы: черныя тучи по прежнему клубятся надъ пропитанными влагой нивами Кампаніи. Жители Помпеи въ страшномъ горѣ, ибо день уже клонится къ вечеру, а дождь по прежнему льетъ, какъ изъ ведра.

Только къ полуночи прояснился наконецъ горизонтъ, тучи скрылись одна за другой за его предѣлами; и на утро лучезарному Фебу путь былъ свободенъ по небесной тверди. Всеобщая радость и ликованіе! Смотрите! Фебъ къ намъ смилостивился. Слава Юпитеру! Слава всѣмъ богамъ!—гласитъ тысячеустная толпа. Улицы наполнились народомъ, зданія и храмы украсились гирляндами и цвѣтами, снова запылали треножники, курильницы распространяютъ благовоніе: завтра будетъ состязаніе, какъ возвѣщаютъ глашатые.

Чужеземцы изъ всѣхъ концовъ имперіи стекаются въ столицу Кампаніи. Гостинница „Слона", находящаяся въ такъ называемой „Via lupanaria" *), недавно перешедшая въ руки отпущенника Ситія и передѣланная имъ заново, гдѣ, судя по вывѣскѣ, можно имѣть за незначительную плату и хорошій столъ и удобное помѣщеніе,—равно какъ и гостинница Альбина близь Геркуланскихъ воротъ вмѣстѣ съ гостинницей Юліи Полибіи въ Сепареумѣ, снабженной болѣе, чѣмъ тридцатью отдѣльными помѣщеніями—не могли вмѣстить пріѣзжихъ!

*) Улица въ Помпеѣ.

Прибывшіе въ городъ изъ окрестныхъ деревень, по случаю готовящагося торжества, земледѣльцы съ своими женами и дѣтьми искали убѣжища подъ большимъ портикомъ форума или въ лавкахъ на рынкѣ и въ оградахъ храмовъ. Многіе же расположились на своихъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючнымъ скотомъ, кутаясь въ свое промокнувшее платье. Изъ невольничьихъ помѣщеній при домахъ знатныхъ и богачей слышатся пѣсни, распѣваемыя невольницами, готовящими наряды своимъ госпожамъ. Въ этотъ день обо снѣ никто и не думалъ: всѣ суетятся и хлопочутъ.

Маленькія дѣти и тѣ нигдѣ не спятъ: и имъ все грезятся медвѣди, пантеры, львы. До разсвѣта еще далеко, но уже они встали съ своихъ постелекъ и съ крикомъ въ разсыпную бѣгутъ по Брефотрофеуму. Наступившее утро застало всѣхъ горожанъ уже на ногахъ. Опустѣла Базилика и высшее судилище, въ забросѣ искусства и ремесла, заперты школы и палестры, безъ дѣла стоятъ мельницы, плуги и сохи.

Въ мѣдный сосудъ сгребаетъ невольникъ горячую еще золу изъ очага, чтобы опустѣвшему дому не угрожала никакая опасность. Но вотъ и за нимъ заперлась дверь, щелкнула задвижка, и стихло все въ покинутомъ жилищѣ.

Подобно тому, какъ несутся къ морю шумящія волны горнаго ручья, такъ стремились теперь волны народныя къ мѣсту состязанія. Патриціи—на носилкахъ, кліенты и женщины въ лектикахъ; юноши верхомъ на лошадяхъ, господа и рабы, богатые и бѣдные, даже больные и увѣчные, забывъ теперь о своихъ недугахъ,—всѣ смѣшались въ пестрой, шумной толпѣ.

Оставленныя въ опустѣлыхъ домахъ собаки, не привыкшія къ тишинѣ, жалобно воютъ; кудахчутъ куры, оставленныя въ торопяхъ безъ пищи. Ласточки и голуби въ безпокойствѣ кружатся надъ кровлями домовъ, ибо тамъ царитъ теперь какая-то странная, необычная тишина. Только Голконій «прорицатель», какъ его всѣ назы-

вают, лежитъ одинъ уже въ предсмертныхъ мукахъ на своей жесткой постели.

— Дай мнѣ пить, мальчикъ, обратился онъ къ своему вѣрному рабу—страшная жажда палитъ мнѣ горло.

— Я не могу достать тебѣ воды, отвѣчаетъ тотъ; кружка пуста, а триклиніумъ запертъ, и я не вижу никого на улицѣ, кто бы могъ зачерпнуть мнѣ воды изъ колодца.

— Гдѣ же Януарія, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и сыновья съ ранняго утра ушли на арену смотрѣть травлю звѣрей.

Голконій въ борьбѣ со смертію, неподвижно устремилъ глаза въ пустоту.

Вдругъ раздается гулъ, напоминающій расваты отдаленнаго грома; земля колеблется, слышится ударъ, вслѣдъ за нимъ другой; глиняная лампочка упала на полъ; заскрипѣли петли дверей.

— Мальчикъ, что это? простоналъ старикъ.—Мнѣ чудится, будто проваливается земля.

— Успокойся, мой господинъ: это порывъ вѣтра поколебалъ нашъ домъ,—отвѣчалъ испуганный мальчикъ.

Голконій черезъ силу приподнялся съ постели, поднялъ надъ головой свои сухія дрожащія руки, послѣдній разъ загорѣлись огнемъ глаза умирающаго и въ страстномъ экстазѣ онъ проговорилъ:

— Смотри, смотри, сынъ мой, какъ вздулась гора; изъ ея отверстаго жерла блистаетъ молнія, по ея склонамъ текутъ длинные, густые огненные потоки, все уничтожая на пути. Смотри, какъ кипитъ тамъ, какой оттуда идетъ паръ и дымъ! Кто эти три человѣка, что пригвождены къ кресту посреди толпы зѣвакъ? Изъ раны на боку у средняго изъ нихъ блеснулъ могучій лучъ свѣта и освѣтилъ всю твердь небесную, пожженную его вѣчнымъ огнемъ. Всѣ наши боги исчезаютъ предъ нимъ, какъ сумракъ ночи передъ ликомъ восходящаго дневнаго свѣтила.

Но, о ужасъ! огненный потокъ все ближе и ближе.

— Кто бы это могъ быть? Кто можетъ ходить въ скалахъ въ такую непроглядную темь? Не возвращается ли Павелъ? Не отыскиваетъ ли ее здѣсь Поликарпъ?

При послѣднемъ предположеніи, Сирона прижала обѣ руки къ сильно бьющемуся сердцу, пыталась крикнуть, но ни одного слова не вылетѣло изъ онѣмѣвшихъ устъ. Съ невыразимо-тревожнымъ напряженіемъ прислушивалась она къ все болѣе и болѣе приближающимся шагамъ.

Вскорѣ подходившій человѣкъ замѣтилъ ея бѣлое платье и окликнулъ ее; то былъ Павелъ.

Узнавъ его голосъ, Сирона перевела духъ, — будто каменная тяжесть отлегла отъ груди ея.

— Я думаю, заговорилъ Павелъ, — въ такое время лучше быть внутри, чѣмъ снаружи. Что здѣсь на воздухѣ не совсѣмъ удобно, это я испыталъ собственнымъ опытомъ.

— А какъ въ пещерѣ было страшно! отвѣчала Сирона,—какой ужасъ испытывала я одинокая въ этой невыносимой темнотѣ. Еслибъ хоть моя Ямба была при мнѣ, я бы, мнѣ кажется, меньше боялась.

— Я торопился на сколько возможно, да вѣдь дороги здѣсь не такія гладкія, какъ на Конанійской улицѣ въ Александріи, а какъ я не Церберъ у ногъ Серапетмеи, и у меня нѣтъ трехъ шей въ запасѣ, такъ я и долженъ былъ быть осторожнымъ. Буря со злости проглотила всѣ звѣзды, а наши старыя горы расплакались,— видишь, какъ по каменнымъ щекамъ скатываются потоки слезъ. А — да и здѣсь мокро! Поди скорѣе въ пещеру и посмотри, какъ я разложу въ сухомъ мѣстѣ свою покупку для тебя. Есть у меня и хорошія вѣсти: завтра къ вечеру, при наступленіи темноты, намъ будетъ можно отправиться. Я запасся кораблемъ для переѣзда въ Клизму; оттуда я тебя самъ доставлю въ Александрію. Для безопасности же въ пути вотъ досталъ для тебя амалекитскую одежду и покрывало, завернуты здѣсь въ овечьей шкурѣ. Чтобъ скрыть слѣды отъ Фебиція, тебѣ

сжимаетъ ей горло съ силою, которую даетъ только страхъ смерти, душитъ своего врага и ползкомъ пробирается за ворота,—прикладывая свѣжія листья къ своимъ безчисленнымъ ранамъ. Испуская стоны и оставляя кровавый слѣдъ на мостовой, плетется онъ, собирая послѣднія силы, къ цѣли своего побѣга, туда, къ излюбленной аренѣ, гдѣ такъ легко забывается и страданіе, и горе и нужда.

Арена.

Другъ Скавръ предложилъ намъ на сегодняшнее зрѣлище мѣсто въ своей ложѣ; мы примыкаемъ къ послѣднимъ рядамъ толпы и взбираемся по лѣстницѣ амфитеатра въ верхнія галлереи. Всѣ ходы наполнены толпами зрителей. Съ великимъ трудомъ проникли мы къ тому мѣсту галереи, откуда видна арена.

Изумленный взоръ сперва уходитъ въ глубь арены, гдѣ должно произойти состязаніе, потомъ поднимается по идущимъ въ видѣ ступенекъ мѣстамъ для публики, наполненнымъ теперь тысячами зрителей, доходитъ до покрывала, развѣшаннаго надъ головами зрителей, и въ восхищеніи останавливается на группахъ прекрасныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, облеченныхъ въ роскошную бѣлую одежду.

Курильницы, соединенныя между собою гирляндами изъ розъ, украшаютъ всѣ столбы и колонны, а оружіе и доспѣхи — порталы. Сиракузскіе ковры ниспадаютъ роскошными складками съ перилъ и парапета, и мочатъ свои концы въ водоемѣ, наполняемомъ водой изъ пасти исполинскихъ львовъ.

Самое мѣсто состязанія тщательно усыпано пескомъ, который долженъ будетъ всосать ручьи крови, которые прольются сегодня въ честь мановъ покойнаго эдила.

Сперва передъ нами открываются мѣста, предназначенныя для рабочаго класса; тутъ вы увидите красильщиковъ, пекарей, кузнецовъ, каретниковъ; полунагіе

носильщики и погонщики муловъ смѣшались здѣсь съ солдатами и земледѣльцами.

Не видно ни одного пустаго уголка. Съ трудомъ пробираются сквозь толпу торговцы, предлагая публикѣ вино и съѣстные продукты. Веселыми шутками встрѣчають здѣсь всякаго вновь пришедшаго; каждый ничтожный случай сейчасъ же даетъ поводъ къ громкимъ замѣчаніямъ.

Поднявшись еще на нѣсколько ступеней, мы уже въ другой обстановкѣ; одежда, языкъ, манеры обличаютъ другой классъ общества: здѣсь помѣщается среднее сословіе. Мы привѣтствуемъ здѣсь Атимета, знаменитаго серебрянника; сдѣланные его искустной рукой сосуды, утварь, канделябры можно встрѣтить во всѣхъ богатыхъ домахъ. На его челѣ видны слѣды горя: его единственный сынъ Муцій прокутилъ въ Римѣ, въ обществѣ дурныхъ товарищей, весь достатокъ отца. Налѣво сидитъ Марція, извѣстная танцовщица, съ красноволосой галіянкой Амарилидой, съ гречанкой Атлантой изъ Хіоса и толстой Гераклеей изъ Неаполя. Эти дамы живутъ вмѣстѣ въ маленькомъ домикѣ, за «Площадью Быковъ», гдѣ онѣ щедро дарятъ любовь всякому за деньги.

Посмотрите! Туда пришла также и Абигаель, прекрасная еврейка изъ Геркуланума, дочь богатаго ювелира Мероаба. Закутанная въ тонкія роскошныя одежды и кисею, она возбуждала всеобщее удивленіе среди молодежи. Сама Юнона позавидовала-бы ей, если-бы красавица не хромала.

Въ гнѣвѣ опустила Абигаель глаза, ибо всѣ помпейскія женщины смотрятъ на нее съ презрѣніемъ.

На маленькомъ дворѣ кладбища, въ предмѣстьи Augusta Filix стоитъ мраморная урна, а на ней надпись:

«Погибшему въ пламени Нолану, посвящаетъ этотъ памятникъ неутѣшная вдова».

Скульпторъ Ноланъ былъ отравленъ ядомъ во время пира съ своими друзьями. Черезъ часъ триклиніумъ его былъ разрушенъ огнемъ. Ромула, его жена, облеклась въ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Іюля 1878 г.

ОЧЕРКИ
ДРЕВНЕ-РИМСКОЙ ЖИЗНИ.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на Помпейской аренѣ *).

Matto: Ave Caesar! morituri te salutant

Театральная афиша.

„Если погода будетъ благопріятная, то 30 іюня на Помпейской аренѣ имѣетъ быть бой гладіаторовъ изъ труппы эдила Свеція Церта и травля звѣрей. Мѣста для зрителей — крытыя и во время представленія будутъ вспрыскиваться водой.“

Такъ гласитъ объявленіе, которое уже съ мѣсяцъ какъ вывѣшено на перекресткахъ улицъ, на колоннахъ галлерей, на форумѣ, на стѣнахъ Эвмахіи и храма Изиды. Со времени его появленія жителями города и окрестныхъ мѣстъ овладѣло какое-то дѣтское нетерпѣніе, какое-то лихорадочное безпокойство.

«Если погода будетъ благопріятствовать!» Завтра назначено, возвѣщенное афишей, представленіе въ честь покойнаго отца эдила Свеція, а между тѣмъ три дня

*) Происходили въ 79 г. по Р. Х. за четыре недѣли до катастрофы, постигшей Помпею.

дождь льетъ ливнемъ. Вѣтеръ, постоянно дующій съ юга, наноситъ съ моря громады черныхъ густыхъ облаковъ, сплошной непроницаемый туманъ окуталъ вершину Везувія, ни одинъ лучъ солнца не въ состояніи проникнуть сквозь наполненную водяными парами атмосферу.

Чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, Юпитеру Плювію приносятся гекатомбы; день и ночь пылаютъ жертвенники пенатовъ; жрецы молятся и налагаютъ на себя строгій постъ; гадатели роются во внутренностяхъ жертвенныхъ животныхъ, ища хорошихъ предзнаменованій. Но напрасно! Боги неумолимы: черныя тучи по прежнему клубятся надъ пропитанными влагой нивами Кампаніи. Жители Помпеи въ страшномъ горѣ, ибо день уже клонится къ вечеру, а дождь по прежнему льетъ, какъ изъ ведра.

Только къ полуночи прояснился наконецъ горизонтъ, тучи скрылись одна за другой за его предѣлами; и на утро лучезарному Фебу путь былъ свободенъ по небесной тверди. Всеобщая радость и ликованіе! Смотрите! Фебъ къ намъ смилостивился. Слава Юпитеру! Слава всѣмъ богамъ!—гласитъ тысячеустная толпа. Улицы наполнились народомъ, зданія и храмы украсились гирляндами и цвѣтами, снова запылали треножники, курильницы распространяютъ благовоніе: завтра будетъ состязаніе, какъ возвѣщаютъ глашатые.

Чужеземцы изъ всѣхъ концовъ имперіи стекаются въ столицу Кампаніи. Гостинница „Слона", находящаяся въ такъ называемой „Via lupanaria" *), недавно перешедшая въ руки отпущенника Ситія и передѣланная имъ заново, гдѣ, судя по вывѣскѣ, можно имѣть за незначительную плату и хорошій столъ и удобное помѣщеніе,—равно какъ и гостинница Альбина близь Геркуланскихъ воротъ вмѣстѣ съ гостинницей Юліи Полибіи въ Сепареумѣ, снабженной болѣе, чѣмъ тридцатью отдѣльными помѣщеніями—не могли вмѣстить пріѣзжихъ!

*) Улица въ Помпеѣ.

Прибывшіе въ городъ изъ окрестныхъ деревень, по случаю готовящагося торжества, земледѣльцы съ своими женами и дѣтьми искали убѣжища подъ большимъ портикомъ форума или въ лавкахъ на рынкѣ и въ оградахъ храмовъ. Многіе же расположились на своихъ повозкахъ, окруженные лошадьми и вьючнымъ скотомъ, кутаясь въ свое промокнувшее платье. Изъ невольничьихъ помѣщеній при домахъ знатныхъ и богачей слышатся пѣсни, распѣваемыя невольницами, готовящими наряды своимъ госпожамъ. Въ этотъ день обо снѣ никто и не думалъ: всѣ суетятся и хлопочутъ.

Маленькія дѣти и тѣ нигдѣ не спятъ: и имъ все грезятся медвѣди, пантеры, львы. До разсвѣта еще далеко, но уже они встали съ своихъ постелекъ и съ крикомъ въ разсыпную бѣгутъ по Брефотрофеуму. Наступившее утро застало всѣхъ горожанъ уже на ногахъ. Опустѣла Базилика и высшее судилище, въ забросѣ искусства и ремесла, заперты школы и палестры, безъ дѣла стоятъ мельницы, плуги и сохи.

Въ мѣдный сосудъ сгребаетъ невольникъ горячую еще золу изъ очага, чтобы опустѣвшему дому не угрожала никакая опасность. Но вотъ и за нимъ заперлась дверь, щелкнула задвижка, и стихло все въ покинутомъ жилищѣ.

Подобно тому, какъ несутся къ морю шумящія волны горнаго ручья, такъ стремились теперь волны народныя къ мѣсту состязанія. Патриціи—на носилкахъ, кліенты и женщины въ лектикахъ; юноши верхомъ на лошадяхъ, господа и рабы, богатые и бѣдные, даже больные и увѣчные, забывъ теперь о своихъ недугахъ,—всѣ смѣшались въ пестрой, шумной толпѣ.

Оставленныя въ опустѣлыхъ домахъ собаки, не привыкшія къ тишинѣ, жалобно воютъ; кудахчутъ куры, оставленныя въ торопяхъ безъ пищи. Ласточки и голуби въ безпокойствѣ кружатся надъ кровлями домовъ, ибо тамъ царитъ теперь какая-то странная, необычная тишина. Только Голконій «прорицатель», какъ его всѣ назы-

ваютъ, лежитъ одинъ уже въ предсмертныхъ мукахъ на своей жесткой постели.

— Дай мнѣ пить, мальчикъ, обратился онъ къ своему вѣрному рабу—страшная жажда палитъ мнѣ горло.

— Я не могу достать тебѣ воды, отвѣчаетъ тотъ; кружка пуста, а триклиніумъ запертъ, и я не вижу никого на улицѣ, кто бы могъ зачерпнуть мнѣ воды изъ колодца.

— Гдѣ же Януарія, хозяйка дома, гдѣ мои дѣти?

— Твоя жена и сыновья съ ранняго утра ушли на арену смотрѣть травлю звѣрей.

Голконій въ борьбѣ со смертію, неподвижно устремилъ глаза въ пустоту.

Вдругъ раздается гулъ, напоминающій раскаты отдаленнаго грома; земля колеблется, слышится ударъ, вслѣдъ за нимъ другой; глиняная лампочка упала на полъ; заскрипѣли петли дверей.

— Мальчикъ, что это? простоналъ старикъ.—Мнѣ чудится, будто проваливается земля.

— Успокойся, мой господинъ: это порывъ вѣтра поколебалъ нашъ домъ,—отвѣчалъ испуганный мальчикъ.

Голконій черезъ силу приподнялся съ постели, поднялъ надъ головой свои сухія дрожащія руки, послѣдній разъ загорѣлись огнемъ глаза умирающаго и въ страстномъ экстазѣ онъ проговорилъ:

— Смотри, смотри, сынъ мой, какъ вздулась гора; изъ ея отверстаго жерла блистаетъ молнія, по ея склонамъ текутъ длинные, густые огненные потоки, все уничтожая на пути. Смотри, какъ кипитъ тамъ, какой оттуда идетъ паръ и дымъ! Кто эти три человѣка, что пригвождены къ кресту посреди толпы зѣвакъ? Изъ раны на боку у средняго изъ нихъ блеснулъ могучій лучъ свѣта и освѣтилъ всю твердь небесную, пожженную его вѣчнымъ огнемъ. Всѣ наши боги исчезаютъ предъ нимъ, какъ сумракъ ночи передъ ликомъ восходящаго дневнаго свѣтила.

Но, о ужасъ! огненный потокъ все ближе и ближе.

въ постоянной борьбѣ, при всѣхъ соблазнахъ міра. А я? я здѣсь одинокій, и какъ только встрѣтилъ мальчика и женщину съ мірскими помыслами, такъ и забылъ свою цѣль, такъ и увязъ въ дьявольскомъ болотѣ. Нѣтъ, не здѣсь должно достигать своей цѣли! Но гдѣ же, гдѣ? просвѣти меня, Господи, и научи, что дѣлать мнѣ.

Задавая себѣ эти вопросы, Павелъ сталъ на колѣни, и горячая сердечная молитва полилась къ престолу Всевышняго.

При концѣ молитвы голова его горѣла и уста пересохли.

Небо прояснилось; только на дальнемъ западѣ тучи еще громоздились сплошной, темной массой. Тамъ далеко на горизонтѣ, по временамъ, вспыхивали еще молніи и вдругъ на мгновеніе озаряли зубчатыя верхушки горъ; прямо надъ головой свѣтила луна, но ея неполный дискъ временами совершенно закрывался темными, быстро летящими облаками. Эти перемѣны, то сверкавшая молнія, то мягкій лунный свѣтъ, то темнота, быстро чередовались другъ съ другомъ, когда Павелъ, кончивъ молитву, направился къ источнику напиться и освѣжить холодной водою пылающій лобъ.

Ступая съ камня на камень, онъ рѣшалъ въ своей головѣ, что прежде, чѣмъ повести новую жизнь, онъ долженъ изгладить свой грѣхъ какимъ нибудь тяжелымъ покаяніемъ. Но какимъ?

И вотъ, когда онъ уже стоялъ у источника, окруженнаго скалами, и наклонялся къ нему, прежде чѣмъ губы его коснулись воды, новая мысль заставила его выпрямиться; его мучила жажда и онъ рѣшился лишить себя питья. Онъ отвернулся отъ источника и отъ этой побѣды надъ самимъ собою, въ душѣ его улеглось облегченіе.

Его тянуло покинуть пустыню и священную гору, бѣжать отсюда, но куда? Если онъ желалъ страданій, то они росли вездѣ, на всѣхъ дорогахъ. И отъ кого бѣ-

сжимаетъ ей горло съ силою, которую даетъ только страхъ смерти, душитъ своего врага и ползкомъ пробирается за ворота,—прикладывая свѣжія листья къ своимъ безчисленнымъ ранамъ. Испуская стоны и оставляя кровавый слѣдъ на мостовой, плетется онъ, собирая послѣднія силы, къ цѣли своего побѣга, туда, къ излюбленной аренѣ, гдѣ такъ легко забывается и страданіе, и горе и нужда.

Арена.

Другъ Скавръ предложилъ намъ на сегодняшнее зрѣлище мѣсто въ своей ложѣ; мы примыкаемъ къ послѣднимъ рядамъ толпы и взбираемся по лѣстницѣ амфитеатра въ верхнія галлереи. Всѣ ходы наполнены толпами зрителей. Съ великимъ трудомъ проникли мы къ тому мѣсту галереи, откуда видна арена.

Изумленный взоръ сперва уходитъ въ глубь арены, гдѣ должно произойти состязаніе, потомъ поднимается по идущимъ въ видѣ ступенекъ мѣстамъ для публики, наполненнымъ теперь тысячами зрителей, доходитъ до покрывала, развѣшаннаго надъ головами зрителей, и въ восхищеніи останавливается на группахъ прекрасныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, облеченныхъ въ роскошную бѣлую одежду.

Курильницы, соединенныя между собою гирляндами изъ розъ, украшаютъ всѣ столбы и колонны, а оружіе и доспѣхи — порталы. Сиракузскіе ковры ниспадаютъ роскошными складками съ перилъ и парапета, и мочатъ свои концы въ водоемѣ, наполняемомъ водой изъ пасти исполинскихъ львовъ.

Самое мѣсто состязанія тщательно усыпано пескомъ, который долженъ будетъ всосать ручьи крови, которые прольются сегодня въ честь мановъ покойнаго эдила.

Сперва передъ нами открываются мѣста, предназначенныя для рабочаго класса; тутъ вы увидите красильщиковъ, пекарей, кузнецовъ, каретниковъ; полунагіе

носильщики и погонщики муловъ смѣшались здѣсь съ солдатами и земледѣльцами.

Не видно ни одного пустаго уголка. Съ трудомъ пробираются сквозь толпу торговцы, предлагая публикѣ вино и съѣстные продукты. Веселыми шутками встрѣчаютъ здѣсь всякаго вновь пришедшаго: каждый ничтожный случай сейчасъ же даетъ поводъ къ громкимъ замѣчаніямъ.

Поднявшись еще на нѣсколько ступеней, мы уже въ другой обстановкѣ; одежда, языкъ, манеры обличаютъ другой классъ общества: здѣсь помѣщается среднее сословіе. Мы привѣтствуемъ здѣсь Атимета, знаменитаго серебрянника; сдѣланные его искустной рукой сосуды, утварь, канделябры можно встрѣтить во всѣхъ богатыхъ домахъ. На его челѣ видны слѣды горя: его единственный сынъ Муцій прокутилъ въ Римѣ, въ обществѣ дурныхъ товарищей, весь достатокъ отца. Налѣво сидитъ Марція, извѣстная танцовщица, съ красноволосой галіянкой Амарилидой, съ гречанкой Атлантой изъ Хіоса и толстой Гераклеей изъ Неаполя. Эти дамы живутъ вмѣстѣ въ маленькомъ домикѣ, за «Площадью Быковъ», гдѣ онѣ щедро дарятъ любовь всякому за деньги.

Посмотрите! Туда пришла также и Абигаель, прекрасная еврейка изъ Геркуланума, дочь богатаго ювелира Мероаба. Закутанная въ тонкія роскошныя одежды и кисею, она возбуждала всеобщее удивленіе среди молодежи. Сама Юнона позавидовала-бы ей, если-бы красавица не хромала.

Въ гнѣвѣ опустила Абигаель глаза, ибо всѣ помпейскія женщины смотрятъ на нее съ презрѣніемъ.

На маленькомъ дворѣ кладбища, въ предмѣстьи Augusta Filix стоитъ мраморная урна, а на ней надпись:

«Погибшему въ пламени Нолану, посвящаетъ этотъ памятникъ неутѣшная вдова».

Скульпторъ Ноланъ былъ отравленъ ядомъ во время пира съ своими друзьями. Черезъ часъ триклиніумъ его былъ разрушенъ огнемъ. Ромула, его жена, облеклась въ

трауръ и семь дней и семь ночей приносила жертвы манамъ своего погибшаго супруга. Огонь уничтожилъ всѣ слѣды этого преступленія.

Теперь сидитъ тамъ неутѣшная жена возлѣ своего втораго мужа.

Все глубже спускаемся мы, задерживаемые на нѣсколько времени идущими намъ на встрѣчу и подталкиваемые сзади идущими вслѣдъ за нами, и все богаче и роскошнѣе группы, представляющіяся нашимъ глазамъ. Кто не знаетъ прекрасную Виталиду, дочь богатаго ткача Пульхера, которая надѣла на себя теперь самые дорогіе наряды работы ея отца? Кто можетъ пройти, не засмотрѣвшись, мимо этой прелестной, весело смѣющейся дѣвушки?

Дорида, Дамалида, Марія Русса, Эпафра ослѣпляютъ мущинъ своею красотою. Окруженныя толпою молодыхъ художниковъ, онѣ назначаютъ имъ свиданія въ новомъ саду, прилегающемъ къ термамъ, чтобы натѣшиться тамъ съ ними игрою и танцами, побаловаться медовыми пирожками и старымъ фалернскимъ.

Десигнаторы [1]) опять заставляютъ насъ проходить дальше, ибо зрители все громче и громче выражаютъ свое нетерпѣніе. Раздающіеся издали звуки рожковъ возвѣщаютъ о приближеніи эдила и его свиты.

А посмотрите-ка туда внизъ! Повсюду золото, шелкъ, пурпуръ... Глаза разбѣгаются! Это ложи богатыхъ патриціевъ и всадниковъ.

Кажется, будто Олимпъ послалъ на этотъ праздникъ своихъ богинь. Ужъ не Юнона-ли и Церера съ Минервой сидятъ тамъ? А здѣсь Діана только безъ лука и стрѣлъ? нѣтъ! это не Діана: это Юлія Феликсъ, дочь Спурія, богатѣйшая наслѣдница во всей Помпеи. Войдя въ свои носилки и растянувшись на мягкихъ подушкахъ, она, не обращая вниманія на окружающее, устремила задумчи-

---

[1]) Десигнаторы (designatores) — это тоже что наши капельдинеры при театрахъ.

вый взоръ на пустую еще арену; высоко вздымается ея грудь, глаза горятъ, дыханіе порывисто.... Быть можетъ она задумалась о далекомъ миломъ? или разбились перлы въ ея діадемѣ? Нѣтъ, черный быкъ, воспитанный въ капуанскомъ помѣстьѣ ея отца, ея любимецъ, будетъ на сегодняшней травлѣ биться съ пантерой Нунціата Фаустула,—быть можетъ одержитъ побѣду и присоединитъ новые лавры къ своей славѣ. Не меньшей роскошью своихъ нарядовъ, такой же красотой и граціей поражаютъ здѣсь и другія женщины. Сегодня мы видимъ здѣсь фамиліи Скавровъ, Альбиновъ, Пливіевъ, Діомедовъ, Цертовъ, Фабіевъ, и Руфовъ.

Прохладу и тишину Баи промѣняли Истацидіи на шумный, душный городъ и поселились на время праздниковъ въ своемъ помпейскомъ субурбанумѣ. Теперь онѣ въ амфитеатрѣ, въ своихъ семейныхъ наслѣдственныхъ ложахъ.

Почтительно встрѣченныя всѣми присутствующими, онѣ ласково отвѣчаютъ на льстивыя привѣтствія, въ которыхъ разсыпаются передъ ними мущины. Сыновья патриціевъ и молодые всадники добиваются услышать какое нибудь лестное слово изъ устъ гордой Юліаны, встрѣтить привѣтливый взглядъ глубокихъ глазъ рѣзвой Лалаглеи, стараются прикоснуться какъ нибудь къ складкамъ платья пылкой Цециліи. Дамы говорятъ по гречески, потому что въ высшемъ свѣтѣ принято говорить не иначе, камъ на греческомъ языкѣ.

Только другъ Панса, большой повѣса и кутила, остается ко всему равнодушнымъ. Развалившись въ своихъ подушкахъ, онъ кажется спящимъ или страдающимъ отягощеніемъ желудка. Однакоже всякій знаетъ, что онъ откармливаетъ рыбу въ своемъ прудѣ кровью рабовъ. Къ сожалѣнію у него кривыя ноги. Ученики его квартала нарисовали третьяго дня латинское X на дверяхъ его дома съ надписью:

«Посмотрите: вотъ портретъ Пансы».

Что это? ужъ не обманываютъ ли меня глаза? Я

вижу тамъ и Мете, актрису Мете, съ прокушенной щекой. Съ прокушенной щекой? спрашиваете вы.

Живя въ Римѣ, она была въ связи съ Сальвіемъ Оттономъ. Однажды она была застигнута въ расплохъ въ термахъ женой послѣдняго — между двумя соперницами началась жестокая драка, послѣ которой супруга Оттона слегла въ постель и скоро умерла отъ ранъ, Мете же убѣжала въ Помпею. Собственно здѣсь она стала себя Мете. Въ Римѣ она называлась Laetitia Alba, «блѣдная Летиція». Послѣ драки щека у ней такъ и осталась прокушенной.

Проходя мимо, мы привѣтствуемъ также Николею Тихе, девяностодвухлѣтнюю матрону, съ совершенно бѣлыми серебристыми волосами,—останавливаемся на минуту передъ ложей весталокъ, закутанныхъ съ ногъ до головы въ свои одежды, и наконецъ достигаемъ ложы Скавра.

Какіе крики поднимаются вдругъ и шумъ, подобный гулу морскихъ волнъ! Эдилъ Цертъ, въ сопровожденіи своего семнадцати-лѣтняго чахоточнаго сына, входитъ, привѣтствуемый безконечными рукоплесканіями. Сановники города, одѣтые въ праздничныя тоги, составляютъ его почетную свиту.

Тутъ мы видимъ трубуна Тита Свеція Клеменса, совѣтниковъ Юнія Симплекса, Сирека, Модеста Фабія; также старика Пакина Прокла съ дрожащею отъ старости головою; ассесоровъ Алея Нигидія Мая, Попидія Руфа и Помпонія Фаустина.

Шествіе открываютъ трубачи, за ними идутъ жрецы, неся жертвенныхъ животныхъ и священную утварь.

Между тѣмъ какъ виновники торжества поднимаются по устланной коврами и усыпанной розами лѣстницѣ, среди всеобщихъ привѣтствій, жрецы молятся и оканчиваютъ жертвоприношенія; гадатели находятъ, наконецъ, благопріятныя предзнаменованія. Легкій дымокъ подымается отъ алтарей. Сгарая отъ нетерпѣнія, зрители громко порицаютъ слишкомъ продолжительную священную церемонію.

Но вотъ заскрипѣли наконецъ и большія рѣшетки арены:

Распорядитель игръ, рыжебородый Кораксъ, вооруженный хлыстомъ, идетъ впереди процессіи борцевъ, состоящей изъ двадцати пяти паръ гладіаторовъ, многочисленныхъ самнитовъ, ѳракійцевъ и галловъ, предназначенныхъ для общаго сраженія и, наконецъ, всадниковъ. Подъ тактъ военнаго марша они становятся съ гордымъ, осанистымъ видомъ вокругъ арены, ихъ мѣдныя шлемы, мечи, щиты, наножники и кольца блестятъ на солнцѣ. На нихъ нѣтъ одежды, мѣшающей свободному дѣйствію членовъ.

Вторую группу составляютъ мирмилоны съ рыбными шлемами, за ними метатели сѣтокъ съ трезубцами, наконецъ, парматы, вооруженные большими мечами.

Третья и послѣдняя группа внушаетъ намъ отвращеніе: ее составляютъ совершенно голые люди, вооруженные кирками и небольшими копьями, слѣдовательно не имѣющіе даже обыкновеннаго оружія для самозащиты; избѣгаемые гордыми гладіаторами и презираемые народомъ, не смѣя принять участія въ процессіи, они становятся у входа.

«Bestiarii» называются эти несчастные; это преступники, приговоренные къ смерти, и въ знакъ милости посылаемые теперь на борьбу съ дикими звѣрями; они должны вступить въ единоборство съ животными на потѣху жителей Помпеи. «Идущіе на смерть привѣтствуютъ тебя, Цертъ»! громко кричатъ они, проходя мимо ложи эдила. При звукѣ роговъ борцы становятся другъ передъ другомъ, каждый противъ своего противника.

Никогда еще не видала Помпея такого большаго числа знаменитыхъ борцовъ, собраннаго вмѣстѣ:

Каиксъ изъ Равенны, парматъ, одержавшій уже тридцать побѣдъ, Бебриксъ изъ Арелата, Экзохъ, прозванный непобѣдимымъ и капуанецъ Араксъ, римлянинъ Тревсъ и Гопломахъ изъ Сициліи, затѣмъ Нобиліоръ и Тудесъ, Непимъ, искустный метатель сѣ-

токъ изъ Августы съ римляниномъ Гермесомъ, за ними Ипполитъ, Порій и другіе знаменитые гладіаторы. Всѣ встали на свои мѣста и ждутъ только знака, чтобы вступить въ состязаніе.

Бой гладіаторовъ.

По знаку распорядителя загремѣли трубы. Съ ловкостью тигра и со смѣлостью льва устремились борцы съ обнаженными мечами другъ на друга, прикрываясь выставленными впередъ щитами и отыскивая слабыя стороны противника. Зазвенѣло оружіе, столбомъ поднялась пыль на аренѣ, и глазъ едва могъ слѣдить за разнообразіемъ и быстротой движеній.

Малорослому, но крѣпкому пармату Каиксу досталась трудная работа: онъ долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы отражать ловкіе и сильные удары своего неустрашимаго противника Бебрикса. Глаза всѣхъ зрителей устремлены теперь только на этихъ двухъ славныхъ гладіаторовъ. Бой идетъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Вотъ повидимому успѣхъ опять на сторонѣ Бебрикса. Вотъ онъ изо всѣхъ своихъ мощныхъ силъ, достаточныхъ, чтобъ повергнуть быка на землю, ударяетъ мечемъ по выставленному впередъ щиту Каикса и... мечъ разлетается на кусочки! Парматъ устремляется на безоружнаго противника и съ неимовѣрной быстротой вонзаетъ ему въ бокъ свой короткій мечъ по самую рукоятку. Кровь ручьемъ хлынула изъ широкой раны, и несчастный, какъ снопъ, повалился на свой щитъ.

При видѣ первой крови въ толпѣ раздаются неистовые крики одобренія. Пораженный боецъ не имѣетъ ни времени, ни силъ, чтобы, поднявъ руки, просить пощады. «Кровь, кровь!» раздается со всѣхъ сторонъ, и второй ударъ перерѣзываетъ ему горло.

Его еще трепещущее тѣло служители зацѣпляютъ на крюкъ и тащатъ въ камеру, гдѣ складываются трупы.

Каиксъ прибавилъ новую побѣду къ прежнимъ и свѣ-

жій лавровый вѣнокъ украсилъ его чело. Теперь глаза всѣхъ обращены на равенца Экзоха. Много лѣтъ уже гремитъ о немъ слава, какъ объ искустнѣйшемъ борцѣ; за большую сумму пригласилъ его Цертъ въ Помпею. Экзохъ еще молодъ, но онъ одержалъ уже болѣе шестидесяти побѣдъ. Сегодня противъ него выйдетъ Араксъ «капуанскій медвѣдь». Но до борьбы съ нимъ, на удовольствіе толпѣ тщеславный Экзохъ соглашается вступить въ борьбу съ двумя ѳракійцами и, больше играя, чѣмъ сражаясь, скоро наноситъ смертельный ударъ одному изъ нихъ.

Экзохъ, по мнѣнію знатоковъ, прекрасно обученный боецъ; только слишкомъ горячъ и нетерпѣливъ. Въ равенской школѣ скоро обратили на него вниманіе; и по истинѣ недостойно такого знаменитаго борца, при первомъ же натискѣ, вонзать по рукоятку свой мечъ въ грудь противника. Раненый едва успѣваетъ соблюсти принятый обычай—упасть на свой щитъ и доставить зрителямъ величайшее для нихъ удовольствіе — любоваться его предсмертными муками.

Второй ѳракіецъ также скоро палъ, подобно своему предшественнику, отъ руки Экзоха. Ему нѣтъ пощады отъ народа: всѣ рукоплещутъ побѣдителю. Экзохъ можетъ уже хвалиться, что онъ любимецъ гражданъ Помпеи.

Выходитъ Араксъ, великанъ ростомъ, необыкновенной ширины въ плечахъ, мрачный на видъ, его руки и ноги покрыты черными волосами. Экзохъ засмѣялся при видѣ этого двуногаго звѣря.

— Смѣйся, смѣйся, равенскій мошенникъ,—закричалъ ему Араксъ,—сегодня узнаешь ты медвежьи лапы и зубы. Поди сюда, коли у тебя душа не ушла въ пятки!

Экзохъ быстро опустился на колѣни, накрылся своимъ щитомъ и, сжавъ въ рукахъ свой короткій мечъ, ожидалъ врага.

Араксъ изгибается то вправо, то влѣво, стараясь поразить Экзоха, но напрасно! Предъ нимъ постоянно все одна и та же гладкая поверхность щита. Наконецъ

онъ напираетъ всею тяжестью своего тѣла на щитъ противника, стараясь опрокинуть его, но Экзохъ словно прикованъ къ мѣсту. Больше и больше горячится «капуанскій медвѣдь»; въ слѣпой ярости онъ забываетъ прикрыть свое тѣло.... въ эту минуту блеснулъ мечъ равенца и прежде, чѣмъ глазъ могъ услѣдить за его движеніемъ, на боку Аракса уже зіяла рана.

Экзохъ быстро вскочилъ, наступилъ ногою на павшаго противника и громко закричалъ:

— Отвѣдай, несчастный, равенскаго желѣза!—и съ этими словами пронзилъ своимъ острымъ мечемъ умирающаго.

Поднялись отовсюду громкіе неистовые крики одобренія.

— Да здравствуетъ нашъ Экзохъ! долой Капую! раздавалось отовсюду.

Поднявши свой окровавленный мечь, герой дня благодаритъ за привѣтствія и оставляетъ арену. Вдругъ послышался крикъ: помогите, помогите! Всѣ вскочили на ноги; всеобщее смятеніе. Присутствовавшими овладѣлъ страхъ, чтобы изъ за какого нибудь несчастнаго случая или гнѣва боговъ не было на нѣсколько времени прервано или даже отложено представленіе.

— Что такое, что случилось? всѣ спрашивали другъ у друга.

— Слава Юпитеру! ничего особеннаго: двѣ женщины съ своими грудными младенцами, сидѣвшія на верхнемъ брустверѣ, схватились за надломленную мачту, мачта переломилась,—онѣ упали на улицу и убились до смерти.

— И болѣе ничего? Столько шума изъ за этихъ двухъ несчастныхъ женщинъ? Не слѣдовало бы простому народу дозволять посѣщать арену,—разсуждаетъ знать, и скоро всѣ опять занялись зрѣлищемъ.

Красивый сициліанецъ Гопломахъ подъѣзжаетъ на конѣ къ римлянину Трексу.

— Кто бьется съ нами объ закладъ? кричатъ женщины,—Гопломахъ будетъ побѣдителемъ.

Золотыя цѣпочки, кушаки, булавки, ожерелья — все идетъ на закладъ, и съ постоянно возрастающимъ любопытствомъ слѣдитъ прекрасный полъ за борьбой этихъ двухъ знаменитыхъ борцевъ.

Небольшая лошадка Трекса бѣжитъ съ неимовѣрной быстротой, повинуясь легкому удару ноги своего господина по ея бедрамъ.

Гопломахъ, напротивъ, долженъ постоянно подстрекать копьемъ свою неуклюжую гальскую лошадь.

— Да помогутъ тебѣ боги, храбрый Гопломахъ! кричатъ его доброжелатели.

— Какъ исскусно Трексъ управляетъ своимъ конемъ! восклицаютъ противники первыхъ.

Вдругъ ударъ копьемъ. Лошади становятся на дыбы, звѣнятъ доспѣхи борцевъ.

— Клянемся Стиксомъ: Трексъ раненъ!

— Его конь падаетъ! Смотрите: копья сломаны. Впередъ Гопломахъ! кричатъ возбужденные зрители.

Переломленныя копья валяются на землѣ; ихъ замѣнили мечи. Лошади быстро поварачиваютъ въ разныя стороны, но вотъ сдѣлавъ красивый оборотъ, онѣ снова на прежнихъ мѣстахъ. Столкнувшись грудь съ грудью съ пѣной у рта, вцѣпились онѣ въ гриву другъ другу и, такимъ образомъ, гордые скакуны принимаютъ участіе въ битвѣ своихъ наѣздниковъ.

Гопломахъ нагибается и хватаетъ за гриву лошадь своего противника. Трексъ теряетъ равновѣсіе и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оправиться, сильный ударъ меча прошибаетъ ему голову, и для молодаго римлянина все кончено! Высоко поднимается на дыбы лошадь побѣдителя, какъ бы желая раздѣлить съ своимъ господиномъ заслуженныя имъ похвалы. Женщины громко кричатъ, размахиваютъ руками и платками, бросаютъ гордому Гопломаху монеты, цвѣты и банты.

Всѣми забытый лежитъ Трексъ возлѣ своего коня, который нѣжно лижетъ ему раны; а тамъ вверху, забившись въ уголокъ, молодая римлянка горько плачетъ по

убитомъ молодцѣ, котораго служители уже тащатъ по песку къ двери, гдѣ выносятся трупы. Въ эту минуту надъ амфитеатромъ изъ насосовъ поднялся искусственный дождь благовонной воды, пріятно освѣжая раскаленный воздухъ. Изъ фонтановъ бьетъ вода, окрашенная въ желтый и красный цвѣтъ. Восторгамъ толпы нѣтъ конца.

— Да здравствуетъ Цертъ, отецъ города, виновникъ торжества, нашъ общій благодѣтель!—кричитъ и старъ и малъ.

Толпы сомнитовъ, выдающіеся своими косматыми шлемами, становятся въ боевой порядокъ противъ парматовъ и подъ тактъ военной музыки смѣло устремляются на нихъ. Судя по легкости движеній, можно думать было бы, что тутъ происходитъ просто какой нибудь военный танецъ. Однако же никакая другая битва не ведется съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ эта, ибо здѣсь никто не смѣетъ оставить поле сраженія, не получивши хотя одной «почетной» раны. И скоро груды труповъ этихъ несчастныхъ покрываютъ, пропитанную кровью, почву.

Чувства состраданія, человѣчности, нѣтъ въ зрителяхъ. Стоя на скамъяхъ, глумятся они надъ павшими и превозносятъ оставшихся въ живыхъ, попирая такимъ образомъ лучшее достоинство человѣка.

Все новыя и новыя развлеченія устраиваетъ сегодня эдилъ для народа. Вотъ выступаютъ метатели сѣтокъ противъ мирмилоновъ и мѣряютъ свои силы въ битвѣ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Захваченный въ петлю Непима, падаетъ знаменитый Гермесъ, пронзенный трижды трезубцемъ своего противника; Гиполитъ бросаетъ свою сѣть и несчастный его противникъ бьется, какъ рыба на удочкѣ, затянутый крѣпкими узлами веревки своего убійцы.

своего путешествія, разорванныя цѣпи и, полный самодовольной гордости, онъ ударилъ веслами съ такой силой, что брызги, поднявшись высоко, высоко, влажнымъ дождемъ блестящихъ алмазовъ обдали лодку и его самого. Съ новой силой сталъ онъ ударять веслами, обдумывая свои будущіе воинскіе подвиги, мечта о которыхъ постепенно заслоняла очаровательный образъ Сироны. А впослѣдствіи, не болѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, тревоги и опасности военной жизни заставили его совершенно забыть молодую женщину.

Черезъ два часа послѣ отъѣзда изъ Раиту, Гермасъ достигнулъ противуположнаго берега и вступилъ на почву другой части свѣта. Укрывъ въ надежномъ мѣстѣ свою лодку, онъ тотчасъ же скрылся въ горахъ, для наблюденій за блемійцами.

Еще въ первый день онъ успѣлъ выслѣдить долину— главное мѣсто сборища блемійцевъ, а на другой день, хотя его уже замѣтили и преслѣдовали, ему посчастливилось захватить одного непріятельскаго воина, высланнаго на развѣдываніе. Связавъ и пригрозивъ ему, онъ получилъ отъ него многія вѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Число разбойниковъ, рѣшившихся произвести нападеніе, оказывалось очень значительно. Гермасъ надѣялся вовремя предостеречь своихъ, такъ какъ отъ плѣнника узналъ то мѣсто, гдѣ лежали спрятанными подъ пескомъ и камнями лодки враговъ.

При начинавшейся темнотѣ, молодой человѣкъ незамѣтно приблизился въ своей лодкѣ къ назначенному блемійцами мѣсту для переправы и въ то время, какъ разбойники занялись приготовленіемъ своихъ лодокъ, онъ направился впереди ихъ, присталъ съ большой опасностью къ западному скату горы и поспѣшилъ къ Синаю предувѣдомить фаронитскихъ караульныхъ на вершинѣ горы.

Еще до солнечнаго восхода, онъ успѣлъ достигнуть вершины горы, разбудить сонливыхъ, покинувшихъ свои

поправляя и расправляя съ богатыми оборками платья, красавицы снова занимаютъ свои мѣста.

Травля.

Второй разъ загремѣли рога, и звукъ ихъ произвелъ магическое дѣйствіе на зрителей. Подобно тому, какъ вздувшійся горный потокъ, прыгая съ камня на камень, падаетъ въ пропасть, спѣшили они въ безпорядкѣ по желѣзнымъ лѣстницамъ арены къ своимъ мѣстамъ. Шумъ толпы заглушаетъ даже ревъ звѣрей, въ безпокойствѣ снующихся въ своихъ клѣткахъ.

Рычатъ львы и пантеры, воютъ медвѣди, но голоса ихъ покрываются шумомъ ликующей толпы, ибо въ третій разъ загремѣли рога. Бьютъ фонтаны, снова дымятся треножники, нетерпѣніе зрителей достигло крайнихъ предѣловъ; но вотъ началась и дикая забава.

Подстрѣкаемое ударами кожаныхъ кнутовъ, выбѣгаетъ на арену стадо быстрыхъ газелей, которыя, освободившись отъ продолжительнаго заключенія, весело прыгаютъ по песку и радуются свободѣ. Однако же недолго продолжается обманъ, ибо слѣдомъ за ними бѣжитъ цѣлая стая голодныхъ молоскихъ договъ и съ воемъ устрѣмляется на запуганныхъ бѣглецовъ, которые съ неимовѣрной быстротой кружатся по аренѣ и тщетно ищутъ выхода. Наконецъ утомленные и запуганные собаками, одни изъ нихъ падаютъ, а другіе собираются въ тѣсный кружекъ и, глядя своими добрыми глазами на зрителей, какъ будто просятъ у нихъ пощады. Но напрасно! Крикъ мучителей и лай собакъ принуждаетъ ихъ снова къ бѣгству. Наконецъ истомленные и истерзанные они достаются въ добычу своимъ преслѣдователямъ.

Зрители приходятъ въ неистовый восторгъ.

Между тѣмъ начинается борьба между звѣремъ и человѣкомъ. Тамъ, въ другомъ концѣ арены, медвѣдь старается сбросить съ морды, наброшенный на него бесті-

аріемъ платокъ. Но, оглушенный нѣсколькими ловкими ударами кулака по лбу и мордѣ, падаетъ возлѣ своей медвѣдицы, которая пляшетъ и кружится отъ страшной боли, пронзенная на сквозь копьемъ. Животное испускаетъ жалобный, пронзительный вой, который едва могутъ заглушить цимбалы и трубы. Жадно и неутомимо слѣдятъ зрители за неровной жестокой борьбой между хитростью и грубой силой.

— Лея выходитъ, Лея, львица Діомеда! Десять тысячъ сестерціевъ за Лею! Кто бьется объ закладъ?, кричитъ толпа молодыхъ людей изъ ложи пиларіевъ. *).

Тысячи рукъ поднимаются въ ту же минуту:

— Мы, мы держимъ! раздается со всѣхъ сторонъ.

— Долой пиларіевъ, долой Лею! ставимъ двадцать тысячъ: Лея погибнетъ, — хоромъ кричатъ сагиттаріи **).

Цѣлый градъ мучныхъ шариковъ посыпался въ туже минуту въ ихъ ложу.

Въ нѣсколько сильныхъ прыжковъ, едва касаясь земли, очутилась на аренѣ львица. По жребію досталось четыремъ сагиттаріямъ вступить съ ней въ битву. Глаза всѣхъ устремились на прекрасное животное. Быстро обѣжавъ арену, львица остановилась на минуту, потомъ уклонясь отъ вызова на битву, она побѣжала назадъ къ стѣнѣ и сѣла на заднія лапы.

Цѣлый потокъ проклятій съ одной стороны, смѣхъ и свистки съ другой слышатся съ галерей.

— Фи! какой срамъ! прочь эту несчастную кошку.

Бестіаріи стараются раздразнить животное пучкомъ горящей соломы и маханіемъ платковъ. Но гордая львица не обращаетъ ни на что вниманія; смущенная окружающей обстановкой, она уныло смотритъ, не отрывая глазъ, на выходную дверь.

— Глядите: Лея труситъ! какой срамъ для старика Діомеда! кричатъ сагиттаріи.

---

*) Любители игры въ мячъ. У нихъ былъ даже свой клубъ.

**) Стрѣлки.

— Нѣтъ, нѣтъ, она сейчасъ вскочитъ. Впередъ, Лея, впередъ! возражаютъ пиларіи.

— Долой лѣнтяйку! кричатъ, спустя нѣсколько времени, выведенные изъ терпѣнія, зрители.

Гудитъ тетива и, направленная искусстной рукой, острая стрѣла глубоко вонзается въ лѣвый бокъ животнаго. Львица сдѣлала страшный прыжокъ; ея жалобные стоны потрясли весь амфитеатръ; истекая кровью, и качаясь, поплелась она къ своей клѣткѣ, бросила тамъ прощальный взглядъ на своихъ, только въ прошлую ночь еще появившихся на свѣтъ, слѣпыхъ дѣтенышей, и дважды пораженная стрѣлой въ сердце, упала безъ дыханія.

Въ эту минуту застонали мачты, поддерживающія покрывало. Холстъ закачался надъ ареной, какъ будто подхваченный сильнымъ порывомъ вѣтра.

Что это за ударъ, подобный раскату грома, поколебавшій землю?

Но толпа не обращаетъ вниманія на это необычайное явленіе. Дикая забава, происходящая внизу на аренѣ приковываетъ къ себѣ все ея вниманіе.

Двое служителей выводятъ на арену быка, едва справляясь съ нимъ. Его глаза прикрыты бѣлымъ платкомъ, тѣло украшено тонкою перевязью, сквозь ноздри продѣто золотое кольцо.

— Бріарей, быкъ Юліи! привѣтствуемъ его приходъ!

Животное отвѣчаетъ густымъ ревомъ на льстивыя привѣтствія, качаетъ своей гордой головой и бьетъ хвостомъ. Еще минута и перевязка падаетъ съ его глазъ. Вожаки быстро отбѣгаютъ прочь, а бестіаріи хватаются за свои колья. Животное отряхивается и озирается вокругъ.

Пока быкъ еще одинъ властвуетъ на аренѣ, но это продолжается не долго; ибо уже раздается рѣзкій свистъ изъ клѣтки, находящейся подъ ложей весталокъ, и выходитъ на арену, сперва крадучись, потомъ ловко припрыгивая и расправляя свои сильные мускулы, пантера Фаустула.

— Испытай! отвѣтила Мирьямъ, протягивая руку.

Онъ дружно ударилъ по ея рукѣ и, уводя за собою, говорилъ:

— Слышишь ты звукъ мѣди? Я предостерегъ караульныхъ на вершинѣ горы; идутъ блемійцы. Павелъ у отца?

— Нѣтъ, но я знаю, гдѣ онъ теперь.

— Такъ побѣги, позови его, поручалъ ей Гермасъ, сначала его, а потомъ Гелазія, Тоеса, Дулазія и другихъ отшельниковъ, кого увидишь. Всѣ они должны собраться въ крѣпости у большой дороги. Я же самъ принесу туда отца. Ну, спѣши и докажи, на сколько тебѣ можно довѣряться.

Съ послѣдними словами онъ обнялъ дѣвушку, но она стыдливо уклонилась, убѣгая съ веселымъ крикомъ:

— Увидишь, какъ я всѣмъ имъ передамъ твое порученіе.

Передъ пещерой, гдѣ она расчитывала встрѣтить Павла, она увидѣла только одну Сирону и потому, не останавливаясь, отправилась дальше, бросивъ молодой женщинѣ на бѣгу и смѣясь нѣсколько необузданныхъ оскорбительныхъ словъ.

Расчитывая найти Александрійца у ближайшаго источника, она побѣжала туда, позвала его и затѣмъ спѣшила отъ него отъ одной пещеры къ другой, скоро и въ точности исполняя порученіе Гермаса.

ГЛАВА XIX.

У гладкой стѣны, на краю дороги собрались всѣ эти странные люди, отказавшіеся отъ свѣта, со всѣми его горестями и наслажденіями, покинувшіе общество и семейства, для того, чтобъ удалиться въ пустыню и тамъ, отказавшись отъ всѣхъ другихъ стремленій, достигнуть

противъ храбраго Бріарея. Но тотъ не долго думаетъ, быстро нагнувъ книзу свою голову, онъ пронзаетъ острыми рогами хищницу, и съ такою яростью поворачиваетъ рогами, что внутренности вываливаются изъ брюха животнаго. Съ пѣной у рта и дрожа отъ ярости, онъ топчетъ ногами свою мертвую противницу, до тѣхъ поръ, пока подбѣжавшіе служители не прогоняютъ его кнутами къ выходу. Цѣлый градъ бантиковъ сыплется на него изъ ложъ.

Зрители, освободившись отъ напряженія и страха за быка, въ восторгѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, жмутъ другъ другу руки и поздравляютъ одинъ другаго. Юлія Феликсъ принимаетъ поздравленія цѣлаго города. Цвѣты сыпятся со всѣхъ сторонъ на нее, и высоко поднимается грудь счастливой, сіяющей отъ восторга дѣвушки.

Но зрители не терпятъ перерыва; все новыхъ и новыхъ увеселеній требуютъ они. Программа праздника еще не вся исчерпана. Въ клѣткахъ осталось еще много разныхъ звѣрей; и сейчасъ опять начнется дикая потѣха.

Spartores *) поливаютъ пыль, которая густыми облаками поднимается надъ мѣстомъ состязанія. Между скамьями слышны громкіе крики продавцевъ, предлагающихъ освѣжительныя напитки и лакомства.

Орѣхи, огурцы, медъ, различныя сласти и вино, смѣшанное съ охлажденной въ снѣгу водой, охотно покупаются зрителями, просидѣвшими цѣлый день въ душномъ, наполненномъ пылью воздухѣ.

Солнце уже на краю горизонта; его лучи проникаютъ черезъ отверстіе надъ нижними краями навѣса внутрь арены и ударяютъ въ глаза зрителямъ. Зрители закрываютъ лица и громко ропщутъ на Феба. Всѣ тѣснятся, стараясь занять мѣста въ тѣни.

Вотъ, по знаку эдила, опять открываются трубы насоса и смачиваютъ водой полотняный навѣсъ, растянутый надъ головами зрителей. Зрители ловятъ падающія съ навѣса капли воды и мочатъ себѣ губы и лобъ.

---

*) Служители, обязанностью которыхъ была поливка арены.

Опять гремятъ рога. Хрюкая, выбѣгаетъ на арену вепрь, охотники долго преслѣдуютъ его, затѣмъ убиваютъ острыми копьями измученное животное. Такимъ же истязаніямъ подвергаются и выпущенныя вслѣдъ за вепремъ лоси. Когда измученныя животныя падаютъ отъ изнеможенія, имъ распарываютъ животы и еще у живыхъ вырѣзываютъ ремни и поднимаютъ на показъ неистово шумящей толпѣ.

Собакъ стравливаютъ съ медвѣдями, доводя послѣднихъ до ярости ударами кнута. Оленямъ надѣваютъ на рога просмоленные обручи и зажигаютъ ихъ. Огненныя капли падаютъ на голову несчастныхъ животныхъ. Въ исступленіи отъ страшной боли, они разбиваютъ себѣ головы о камни стѣны. Все новыхъ и новыхъ кровавыхъ сценъ жаждетъ ненасытная толпа.

И снова гремятъ рога, снова скрипятъ рѣшетки клѣтокъ....

Какъ вдругъ раздается страшный гулъ, какъ будто отъ паденія громадныхъ каменныхъ скалъ.

Присутствующіе оглушены, дрожатъ нѣсколько игновеній стѣны, столбы зданія.

Но... уже опять все тихо и спокойно по прежнему, какъ будто бы ничего и не было.

— Что это такое? спрашиваютъ другъ у друга, пришедшіе наконецъ въ себя зрители.

— Это громы разгнѣваннаго Зевса, кричатъ нѣкоторые.

— Да, Зевсъ гнѣвается на насъ, говорятъ за ними всѣ,—вставайте, пойдемъ въ храмы!

И всѣ уходятъ изъ амфитеатра; старъ и малъ спѣшитъ къ жертвенникамъ молить пощады у разгнѣваннаго бога.

Опустѣли скамейки и ложи; столбы пыли стоятъ въ лучахъ заходящаго солнца, фонтаны изсякли и послѣднія рѣдкія капли воды, подобно перламъ, падаютъ на мраморный полъ. Всюду пусто; только на одной изъ верхнихъ ступенекъ лѣстницы лежитъ распростертый трупъ.

Это Кальксъ, убѣжавшій изъ тюрьмы: онъ умеръ во время представленія отъ ранъ.

* * *

Солнце погрузилось въ море, мертвая тишина стоитъ надъ амфитеатромъ. Совы и летучія мыши бороздятъ воздухъ, скрываясь въ выступахъ черныхъ стѣнъ и порталовъ.

Скоро наступитъ ночь и прикроетъ своимъ темнымъ покрываломъ это мѣсто дикихъ кровавыхъ сценъ, и прекратитъ стоны еще борящихся со смертью жертвъ ужасной забавы.

По опустѣвшимъ ступенямъ лѣстницы крадется, привлеченный запахомъ крови, осторожный шакалъ... Здѣсь валяется еще по временамъ вздрагивающій трупъ какого-то животнаго; тамъ блеститъ кинжалъ убитаго бойца; надъ лужами крови вспрыгиваютъ и тотчасъ же лопаются пузырьки.

Скоро и въ городѣ все стихло, только лай собакъ доносится изъ дальнихъ городскихъ предмѣстій.

Легкія облака дыма, разсѣкаемыя время отъ времени красными огненными зигзагами, поднимаются надъ Везувіемъ, расплываясь по темно-голубому небу. Густой гулъ слышится изъ нѣдръ горы; огненныя массы кипятъ и клокочатъ на днѣ кратера, поднимаясь иногда до его краевъ, но не выливаясь наружу: время еще не пришло.

Но скоро настанетъ день суда, и гордая Помпея понесетъ должное возмездіе за всѣ свои постыдныя дѣла, погибнетъ она и скроется съ лица земли на вѣки.

Такъ молилась язычница Сирона, а въ воображеніи ея не переставалъ носиться прекрасный образъ юноши.

Затѣмъ молитвенное настроеніе смѣнилось мечтами: вотъ она приходитъ въ его рабочую комнату убрать ее, а онъ смотритъ на нее такъ долго, слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ. Вотъ онъ приближается къ ней, протягиваетъ къ ней свои объятія. Она затрепетала всѣми членами, закрываетъ лицо руками и бросается на его вѣрную и любящую грудь. Она готова уже сама обвить руками шею дорогаго ей человѣка, какъ вдругъ неожиданно мечты ея порвались: яркій блескъ, озаривъ пещеру, рѣзко прорѣзалъ глубокую темноту; вслѣдъ затѣмъ разразились оглушительные удары грома.

Возвращенная изъ мечтательнаго міра къ дѣйствительности, она поспѣшила къ выходу изъ пещеры и стала прислушиваться. Начинало темнѣть, а изъ черныхъ тучъ, окружавшихъ вершины скалъ, лились дождевые потоки.

Павла не было въ пещерѣ, но приготовленный обѣдъ стоялъ у входа. Съ утра ничего не ѣвшая, Сирона попробовала молоко, но оно оказалось окиснувшимся, потомъ проглотила нѣсколько кусковъ хлѣба и фиников, и этой скромной трапезой утолила голодъ.

А между тѣмъ удары грома становились все чаще и чаще, молніи блестѣли быстрѣе и быстрѣй. Сирона почувствовала неизъяснимый страхъ, она отодвинула отъ себя обѣдъ и стала невольно всматриваться въ сосѣднія горы, облившіяся вдругъ пламенными потоками. Огненные мечи безпрерывно зигзагами разрѣзывали тучи, непосредственно за ними слѣдовали громовые удары, раздававшіеся надъ пустыней, перекатывавшіеся со скалы на скалу и замиравшіе въ глубинѣ долинъ.

Вотъ оглушительный ударъ и ослѣпительный блескъ молніи одновременно скатились съ неба; скала, въ которой находилась пещера Сироны, задрожала.

Сирона поспѣшно спряталась въ самый отдаленный

уголъ пещеры, вздрагивая всѣмъ тѣломъ каждый разъ, когда темная внутренность пещеры озарялась яркимъ блескомъ.

Но вотъ наконецъ промежутки между молніями стали становиться продолжительнѣе, громовые удары слабѣе, все стихло; тучи уносились далѣе къ югу.

ГЛАВА XVI.

Въ пещерѣ царствовалъ непроницаемый мракъ, наводившій на Сирону смертельный ужасъ, а между тѣмъ душа ея жаждала теперь свѣта, какъ жаждетъ утопающій пловецъ твердой опоры берега. Въ напуганномъ ея воображеніи все еще продолжали по временамъ мелькать огненные лучи свѣта, и она невольно жмурила глаза, какъ можно плотнѣе.

Ужасъ родилъ въ ея головѣ самые страшныя ожиданія.

То казалось ей, будто Павелъ совершенно бросилъ ее, оставилъ на произволъ судьбы, то ей представлялся Поликарпъ, въ такую потрясающую грозу отыскивавшій ее по горамъ, скатившійся съ утеса въ бездонную пропасть или убитый громомъ, то ей чудилось, будто утесъ, висѣвшій надъ входомъ въ пещеру, отъ бури обрушился и завалилъ ей выходъ. И тогда она, погребенная заживо, умретъ медленной, мучительной смертью, не свидѣвшись съ тѣмъ, кто для нея всего дороже и не сказавъ ему ни одного прощальнаго слова.

Подъ такими захватывающими дыханіе опасеніями, она вскочила съ мѣста и ощупью пробралась ко входу, на встрѣчу вѣтру и непогодѣ.

Здѣсь у входа въ пещеру до слуха ея донеслись звуки какихъ-то приближающихся шаговъ.

Ее охватилъ новый страхъ.

— Кто бы это могъ быть? Кто можетъ ходить въ скалахъ въ такую непроглядную темь? Не возвращается ли Павелъ? Не отыскиваетъ ли ее здѣсь Поликарпъ?

При послѣднемъ предположеніи, Сирона прижала обѣ руки къ сильно бьющемуся сердцу, пыталась крикнуть, но ни одного слова не вылетѣло изъ онѣмѣвшихъ устъ. Съ невыразимо-тревожнымъ напряженіемъ прислушивалась она къ все болѣе и болѣе приближающимся шагамъ.

Вскорѣ подходившій человѣкъ замѣтилъ ея бѣлое платье и окликнулъ ее; то былъ Павелъ.

Узнавъ его голосъ, Сирона перевела духъ, — будто каменная тяжесть отлегла отъ груди ея.

— Я думаю, заговорилъ Павелъ, — въ такое время лучше быть внутри, чѣмъ снаружи. Что здѣсь на воздухѣ не совсѣмъ удобно, это я испыталъ собственнымъ опытомъ.

— А какъ въ пещерѣ было страшно! отвѣчала Сирона,—какой ужасъ испытывала я одинокая въ этой невыносимой темнотѣ. Еслибъ хоть моя Ямба была при мнѣ, я бы, мнѣ кажется, меньше боялась.

— Я торопился на сколько возможно, да вѣдь дороги здѣсь не такія гладкія, какъ на Конанійской улицѣ въ Александріи, а какъ я не Церберъ у ногъ Серапетмеи, и у меня нѣтъ трехъ шей въ запасѣ, такъ я и долженъ былъ быть осторожнымъ. Буря со злости проглотила всѣ звѣзды, а наши старыя горы расплакались,— видишь, какъ по каменнымъ щекамъ скатываются потоки слезъ. А — да и здѣсь мокро! Поди скорѣе въ пещеру и посмотри, какъ я разложу въ сухомъ мѣстѣ свою покупку для тебя. Есть у меня и хорошія вѣсти: завтра къ вечеру, при наступленіи темноты, намъ будетъ можно отправиться. Я запасся кораблемъ для переѣзда въ Клизму; оттуда я тебя самъ доставлю въ Александрію. Для безопасности же въ пути вотъ досталъ для тебя амалекитскую одежду и покрывало, завернуты здѣсь въ овечьей шкурѣ. Чтобъ скрыть слѣды отъ Фебиція, тебѣ

необходимо переодѣться, а то если кто нибудь тебя увидитъ такъ, какъ ты теперь, такъ сочтетъ за Афродиту изъ морскихъ волнъ, и тогда молва о златокудрой красавицѣ дойдетъ и до оазиса.

— Но кажется я здѣсь совершенно безопасна, возразила Сирона. Я всегда боялась моря, да при томъ же, еслибъ намъ и удалось благополучно переѣхать въ Александрію, такъ тамъ.....

— Устроить тебя тамъ я беру на себя—перебилъ ее Павелъ, съ нѣкоторой долей хвастливости, удивившей и нѣсколько обезпокоившей Сирону. Ты вѣрно слышала сказку объ ослѣ во львиной шкурѣ, ну, на оборотъ бываютъ и львы въ ослиной или овечьей шкурѣ. Вчера ты говорила о великолѣпныхъ дворцахъ столицы, о томъ, какъ должны быть счастливы ихъ владѣльцы. Ну, вотъ и ты будешь жить въ такомъ мраморномъ дворцѣ, который будетъ принадлежать тебѣ. Я позабочусь, чтобъ у тебя были и рабы, и носилки съ носильщиками, и колесницы съ бѣлыми мулами. Ты сомнѣваешься? Я никогда не обѣщаю того, чего не въ силахъ исполнить. Однако дождикъ ужъ пересталъ; попробую зажечь огонь. Ты покушала? Ну такъ желаю тебѣ спокойной ночи и совѣтую отложить всѣ заботы до завтра.

Эти слова страшно изумили Сирону, но она безпрекословно повиновалась.

Часто бывало она завидовала владѣльцамъ тѣхъ сокровищъ, о которыхъ говорилъ теперь Павелъ, но это прежнее миновалось и теперь эти сокровища не имѣли для нея никакой заманчивости. По зародившемуся недовѣрію, она рѣшилась ни въ какомъ случаѣ не слѣдовать распоряженіямъ Павла и потому отвѣчала съ нѣкоторой холодностью въ голосѣ:

— Еще много времени до завтрашняго дня, и мы успѣемъ обо всемъ обдумать.

Павелъ пытался было развести огонь, но, по проникшей вездѣ сырости, это ему удавалось плохо; такимъ

образомъ Сирона снова осталась въ темнотѣ и снова ею овладѣлъ ужасъ.

Она позвала Александрійца.

— Мнѣ страшно въ потемкахъ. Кажется, сегодня утромъ въ сосудѣ оставалось еще довольно масла; не можешь ли ты устроить для меня лампочку.

Павелъ поспѣшилъ взять черепокъ и влить въ него масла, потомъ оторвалъ лоскутъ отъ своей изорванной одежды, свернулъ его трубочкой и вложилъ, какъ фитиль, въ налитое масло. Зажегши фитиль и передавая его Сиронѣ, Павелъ сказалъ:

— Ну, покамѣстъ довольствуйся этимъ, а въ Александріи я доставлю тебѣ лампу, устроенную не такими неискусными руками, какъ мои.

Уставивъ лампу у своего изголовья въ выемкѣ стѣны, Сирона опустилась на постель. При огнѣ страхъ ея прошелъ; какъ убѣгаетъ хищный звѣрь при появленіи свѣта, такъ точно исчезаютъ отъ свѣта ужасающія грезы воспаленнаго воображенія.

Подумавъ и спокойно осмотрѣвъ свое положеніе, Сирона рѣшилась не оставлять пещеры и не слѣдовать за анахоретомъ до тѣхъ поръ, пока не увидится и не переговоритъ съ Поликарпомъ. Такъ какъ онъ знаетъ гдѣ она, то придетъ сюда при первой же возможности. Вѣроятно онъ былъ бы здѣсь и теперь, еслибъ можно было взбираться на скалы въ такую дикую бурю и непроглядную темь.

— Завтра я съ нимъ увижусь, шептала она, и выскажу ему все, все, безъ утайки; пусть онъ прочтетъ въ моемъ сердцѣ, какъ въ книгѣ, на каждой страницѣ, на каждой строчкѣ свое имя. Я разскажу ему и о томъ, какъ я сегодня молилась его доброму Богу и какъ это меня облегчило. Я передамъ ему свое желаніе быть такой же христіанкой, какъ его мать Доротея и какъ его сестра Мортана. Госпожа Доротея вѣрно будетъ рада узнать объ этомъ; она меня всегда такъ любила, неужели она считаетъ меня дурною? а дѣти, дѣти?.....

И пронеслись въ ея воображеніи радостныя личики шумливой толпы; затѣмъ опредѣленныя представленія стали смѣняться не ясными отрывочными грезами и наконецъ благодатный сонъ уничтожилъ и послѣдній слѣдъ заботъ въ ея взволнованной душѣ.

Съ безмятежной улыбкой уснула Сирона сномъ невиннаго ребенка, которому ангелъ-хранитель поцаловалъ сомкнутыя вѣки. А между тѣмъ въ это время ея странный покровитель былъ слишкомъ далёкъ отъ мирнаго успокоенія, онъ то перекладывалъ курившіеся дрова на отсырѣвшемъ очагѣ, то раздувалъ, съ покраснѣвшимъ лицомъ потухавшіе уголья, то вставалъ и порывисто, ходилъ около пещеры, пріостанавливаясь каждый разъ у входа и кидая страстные взгляды на мѣсто, освѣщенное мерцающимъ огонькомъ самодѣльной лампы.

Его душевныя волненія не стихли послѣ борьбы и побѣды надъ Поликарпомъ.

— Раскаяніе въ несправедливомъ поступкѣ ни разу не коснулось души его, онъ не подумалъ ни разу, что ударъ о камни священной горы, твердые какъ сталь, не могъ быть также безвреденъ, какъ паденіе на песокъ арены ристалища.

— Правда, такая расправа была вызвана самимъ Поликарпомъ. Почему онъ имѣлъ на Сирону болѣе правъ, чѣмъ Павелъ, спасшій ея жизнь и принявшій на себя всѣ заботы о ней?

Съ перваго взгляда изумительная красота Сироны пріятно подѣйствовала на Павла; но ни разу ни одно нечистое помышленіе не коснулось его сердца; только съ спокойнымъ наслажденіемъ онъ смотрѣлъ на нее и прислушивался къ ея мелодическому дѣтскому голосу. Страстныя рѣчи Поликарпа забросили искру въ его душу, а потомъ ревность, боязнь лишиться ея и уступить другому быстро раздули эту искру во всесокрушающее пламя.

Онъ рѣшился не уступать этой женщины, рѣшился

принять на себя всѣ заботы объ ней, чтобы она была всѣмъ обязана только ему одному. Вотъ причина, почему съ такой поспѣшностью, и съ такой ревностью онъ занялся приготовленіями къ отъѣзду. Ни буря съ громомъ и молніей, ни ливень и непроницаемая темь, ничто не останавливало его, когда утомленный, измокшій, ощупью съ опасностью сломать себѣ шею, онъ пробирался съ утеса на утесъ; онъ думалъ только объ ней, онъ придумывалъ средства, какъ бы удобнѣе и безопаснѣе перевести ее въ Александрію и окружить ее тамъ всѣми тѣми удобствами, которыя такъ радуютъ каждую женщину.

Но всѣ эти обдумыванія, всѣ эти планы касались только ея жизни, ея удовольствій,—для себя же ему не представлялось рѣшительно ничего.

И теперь, когда онъ, изготовивши и зажегши лампу, увидѣлъ ее, ея очаровательная красота испугала его. Но очарованіе продолжалось недолго; она ушла, оставивъ его одинокимъ, подъ дождемъ въ ночной темнотѣ.

Порывисто ходилъ онъ около пещеры взадъ и впередъ, а въ сердцѣ его все болѣе и болѣе разгоралось мучительное желаніе еще разъ взглянуть на это милое личико, озаренное лампой, на ея бѣлоснѣжную протянутую ручку; болѣзненно быстро стучало его сердце.

И каждый разъ, когда онъ проходилъ полосу свѣта отъ входа въ пещеру, его влекло непреодолимой силой пробраться туда, еще одинъ разъ взглянуть на нее. Не приходили ему на мысль старыя средства противъ грѣховныхъ помысловъ — молитва и бичъ; нѣтъ, онъ только придумывалъ какія нибудь оправданія своему поступку передъ голосомъ совѣсти. Вотъ онъ нашелъ, что ночь холодна, а его овечья шкура въ пещерѣ. Онъ рѣшился взять ее оттуда, забывъ прежнее обѣщаніе никогда не надѣвать больше овечьей шкуры. Онъ переступаетъ входъ въ пещеру. Внутренній голосъ совѣсти говоритъ ему, что онъ вступаетъ на ложный путь, что онъ прокрадывается, какъ тать ночной,

но вслѣдъ за тѣмъ придумывается и оправданіе: шкуру необходимо взять, и при этомъ не разбудить ее. Послѣ этого оправданія кончилась нерѣшительность, тихо добрался онъ до того мѣста, гдѣ она спала.

Въ спокойномъ снѣ лежала Сирона на жесткой постели. Темнота господствовала въ пещерѣ за исключеніемъ только той ея части, гдѣ находилось изголовье постели; при мерцающемъ свѣтѣ лампы, голова, шея и руки спящей, казалось, выдѣлялись собственнымъ свѣтомъ и дышали какимъ то особеннымъ очарованіемъ.

Удерживая дыханіе, безъ движенія, стоялъ Павелъ на колѣняхъ съ устремленными страстными взорами на прелестный образъ Сироны.

Въ головкѣ спавшей проносились какія-то сновидѣнія.

Ея прелестная головка, съ золотистыми волосами, лежала на высокомъ изголовьѣ изъ травъ, личико ея, съ игравшимъ нѣжнымъ румянцемъ, было обращено вверхъ, къ своду пещеры; ея розовыя губки слегка шевелились... зашевилилась также и бѣлая ручка, покоившаяся частью на волосахъ, частью на лбу.

— Она сказала что-то? спрашивалъ себя Павелъ, съ силой прижимаясь къ выступу стѣны, какъ будто желая сдержать волненіе все болѣе и болѣе бушевавшей крови. Ея губки снова зашевилились... Она говоритъ, — не зоветъ ли она меня?

Нѣтъ, она спокойно спала; но ему хотѣлось такъ думать, и онъ самъ себя увѣрялъ. Подкрадываясь все ближе и ближе, онъ наконецъ наклонился надъ ней и съ напряженіемъ прислушивался; дыханіе его спиралось и голова кружилась. Внѣ себя, онъ прикоснулся своими губами, обросшими волосами, къ ея рукѣ и она во снѣ отдернула руку; затѣмъ глаза его впились въ едва раскрытыя губки, за которыми виднѣлись жемчужные зубы, страстное желаніе поцаловать эти губки охватило его съ непреодолимой силой.

Дрожа всѣмъ тѣломъ и повинуясь могучему вліянію животной силы, онъ наклонился надъ ней и вдругъ голова его откинулась, какъ будто пораженная какимъ-то страннымъ явленіемъ. Глаза его приковались уже не къ губкамъ спавшей молодой женщины, а къ рукѣ ея, спокойно лежавшей на лбу.

При свѣтѣ лампы рѣзко выдѣлялось на пальцѣ Сироны золотое кольцо, съ вправленнымъ въ него ониксомъ, на которомъ изображалась мѣстная антіохійская богиня Психея, съ шаромъ на головѣ и рогомъ въ рукѣ.

Какое-то странное ощущеніе овладѣло анахоретомъ, при взглядѣ на это кольцо.

Судорожно протянулъ онъ свою дрожавшую руку за воротъ своей изорванной рубахи, ощупывалъ и наконецъ вытащилъ небольшой желѣзный крестикъ съ кольцомъ, снятымъ съ холодной руки умершей матери Гермаса. Обернувъ это кольцо къ свѣту, онъ увидѣлъ на немъ такой же ониксъ, съ такимъ же изображеніемъ, какъ и на кольцѣ Сироны. Шнурокъ съ драгоцѣннѣйшимъ его сокровищемъ, такъ благоговѣйно чтимымъ имъ, выпалъ изъ дрожавшихъ рукъ; обѣими руками схватился онъ за свои всклокоченныя волосы, изъ его груди вырвался болѣзненный стонъ, какъ будто мольба о прощеніи и въ этомъ стонѣ слышалось имя Магдалины.

Громко крикнулъ онъ Сирону и, когда та въ испугѣ пробудилась, онъ настойчиво спросилъ ее, откуда она получила это кольцо.

— Мнѣ далъ его Фебицій, а онъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, получилъ его въ подарокъ, много лѣтъ тому назадъ, отъ кого-то въ Александріи. Я бы не желала имѣть больше этого кольца и, если оно тебѣ нравится, такъ возми его.

— Нѣтъ, брось его! сказалъ Павелъ,—это кольцо приноситъ несчастіе.

Наконецъ овладѣвъ собой, съ потупленною головою, вышелъ онъ изъ пещеры на воздухъ, гдѣ, бросившись на голые, мокрые камни у очага, началъ молиться.

— Магдалина, Магдалина! Чистое существо! Ты стала не Глицерой, а пресвятою мученицей, ты нашла себѣ успокоеніе въ царствѣ небесномъ, а я?.. и у меня было немного дней праведныхъ и я осмѣливался называться Павломъ, а теперь...

Въ отчаяніи онъ ударялъ себя въ голову и стоналъ, повторяя: напрасно, напрасно! все потеряно...

ГЛАВА XVII.

Для посредственной натуры почти непостижима безпредѣльно жгучая и острая боль отчаявающагося въ самомъ себѣ человѣка, но за то чѣмъ острѣе и мучительнѣе боль, тѣмъ живѣе освѣжается настрадавшее сердце.

Очаровательная молодая женщина сдѣлалась для Павла совершенно чуждой. Мучимый тяжелой душевной болью, лежа на жесткихъ камняхъ, онъ сознавалъ всю безслѣдность своей прежней борьбы. Еще недавно принимая на себя грѣхъ, наказаніе и позоръ Гермаса, онъ считалъ себя на пути спасенія, на пути самаго Спасителя. А теперь настоящее состояніе его походило на положеніе борца, который при состязаніи, почти уже у самой цѣли, у самой побѣды, вдругъ спотыкается и падаетъ.

— Богъ видитъ все, всѣ наши помышленія,—бормоталъ онъ, Онъ видитъ на сколько и въ чемъ я виноватъ передъ Сироной; когда я наклонился къ ней, я совершенно подчинился власти сатаны и сдѣлался союзникомъ смертельнаго врага Того, кому я думалъ отдаться всѣмъ существомъ своимъ. Къ чему же послужило мое отшельничество, эта бездѣятельная жизнь въ пустынѣ? Конечно, кто избѣгаетъ борьбы, тотъ не бываетъ побѣжденнымъ, но можетъ ли онъ назваться героемъ? Нѣтъ, награды достоинъ тотъ, кто не уклоняется отъ истиннаго пути

въ постоянной борьбѣ, при всѣхъ соблазнахъ міра. А я? я здѣсь одинокій, и какъ только встрѣтилъ мальчика и женщину съ мірскими помыслами, такъ и забылъ свою цѣль, такъ и увязъ въ дьявольскомъ болотѣ. Нѣтъ, не здѣсь должно достигать своей цѣли! Но гдѣ же, гдѣ? просвѣти меня, Господи, и научи, что дѣлать мнѣ.

Задавая себѣ эти вопросы, Павелъ сталъ на колѣни, и горячая сердечная молитва полилась къ престолу Всевышняго.

При концѣ молитвы голова его горѣла и уста пересохли.

Небо прояснилось; только на дальнемъ западѣ тучи еще громоздились сплошной, темной массой. Тамъ далеко на горизонтѣ, по временамъ, вспыхивали еще молніи и вдругъ на мгновеніе озаряли зубчатыя верхушки горъ; прямо надъ головой свѣтила луна, но ея неполный дискъ временами совершенно закрывался темными, быстро летящими облаками. Эти перемѣны, то сверкавшая молнія, то мягкій лунный свѣтъ, то темнота, быстро чередовались другъ съ другомъ, когда Павелъ, кончивъ молитву, направился къ источнику напиться и освѣжить холодной водою пылающій лобъ.

Ступая съ камня на камень, онъ рѣшалъ въ своей головѣ, что прежде, чѣмъ повести новую жизнь, онъ долженъ изгладить свой грѣхъ какимъ нибудь тяжелымъ покаяніемъ. Но какимъ?

И вотъ, когда онъ уже стоялъ у источника, окруженнаго скалами, и наклонялся къ нему, прежде чѣмъ губы его коснулись воды, новая мысль заставила его выпрямиться; его мучила жажда и онъ рѣшился лишить себя питья. Онъ отвернулся отъ источника и отъ этой побѣды надъ самимъ собою, въ душѣ его улеглось облегченіе.

Его тянуло покинуть пустыню и священную гору, бѣжать отсюда, но куда? Если онъ желалъ страданій, то они росли вездѣ, на всѣхъ дорогахъ. И отъ кого бѣ-

жать? Этотъ вопросъ безпрерывно задавался имъ самому себѣ и отвѣтъ не замедлился.

— Ты хочешь бѣжать отъ самаго себя. Твой врагъ— это ты самъ. И куда бы ты ни бѣжалъ, гдѣ бы ни укрылся, вездѣ твое я будетъ слѣдовать съ тобою, скорѣе разстанешься съ своей тѣнью, чѣмъ съ нимъ.

Павелъ сознавалъ свое безсиліе и отъ волненій послѣдняго времени перешелъ къ полному унынію. Изнемогшій и обезсиленный, съ полнымъ отвращеніемъ къ самому себѣ, онъ опустился на колѣни и сталъ вспоминать все случившееся въ послѣднее время.

— Изъ всѣхъ глупцовъ, которые мнѣ встрѣчались, я всѣхъ глупѣе, я до того перепуталъ, что не распутать и любому мудрецу. Когда-то я слышалъ разсказъ объ одномъ пустынникѣ, который прочитавъ въ писаніи, что мертвыхъ должно погребать, чтобы выполнить этотъ законъ, за неимѣніемъ трупа, нарочно для этого убилъ одного путешественника. Не поступилъ ли я точно также; желая избавить другаго отъ мученія и перенести на себѣ чужую вину, я оклеветалъ невинную женщину, сдѣлалъ ее несчастною и самъ сдѣлался грѣшникомъ. Чтобъ исправить дѣло, я съ разсвѣтомъ пойду въ оазисъ и признаюсь во всемъ сенатору Петру и Агапиту. Пусть они меня накажутъ, всякое наказаніе я буду считать за искупленіе и самъ помогу имъ строже отнестись къ моей винѣ. Чѣмъ меньше буду щадить себя самъ, тѣмъ болѣе пощадитъ меня Вѣчный Судія.

Онъ посмотрѣлъ на звѣзды и, убѣдившись въ близости утра, собрался было отправиться къ Сиронѣ, сдѣлавшейся теперь для него не болѣе, какъ бѣдной женщиной, въ отношеніи которой ему предстояло исправить, сдѣланное имъ зло, какъ вдругъ чуткое ухо различило жалобные стоны, слышавшіеся не вдалекѣ.

Невольно наклонился онъ поднять камень и сталъ прислушиваться. Жалобный стонъ повторился въ другой разъ, а такъ какъ онъ зналъ каждый уголокъ утеса, гдѣ

находился источникъ, то положительно убѣдился, что стоны выходятъ отъ мѣста обыкновеннаго его отдыха. Въ этомъ мѣстѣ большая скала, опираясь на гранитный столбъ, значительно выдвигалась впередъ, образуя, такимъ образомъ, родъ пещеры, въ которой была постоянная тѣнь, даже въ самый полдень.

— Не раненное ли это животное укрылось подъ сводомъ, защищавшимъ отъ дождя?

Павелъ осторожно пошелъ туда. Стоны слышались явственнѣе и болѣзненнѣе, и онъ уже ясно различилъ стоны человѣка. Отшельникъ, откинувъ отъ себя камень, опустился на колѣни и вскорѣ въ глубинѣ пещеры на сухой землѣ, подъ каменной плитой, онъ нашелъ неподвижное человѣческое тѣло.

Вѣроятно это пастухъ, котораго ударила молнія, подумалъ онъ, осязая кудрявую голову, корпусъ и безжизненныя руки лежавшаго. Но когда онъ потомъ приподнялъ тѣло больнаго и подперъ своей могучей грудью его голову, когда отъ головы того ясно ощутился запахъ елея, то вдругъ въ сердцѣ Павла явилось тоскливое предчувствіе.

— Поликарпъ! воскликнулъ онъ, плотнѣе охватывая руками тѣло больнаго. Тотъ сдѣлалъ легкое движеніе и произнесъ нѣсколько тихихъ, невнятныхъ словъ, но достаточно явственныхъ для Павла, который убѣдился въ основательности своихъ предположеній.

Громко крикнувъ, охватилъ онъ безсильное тѣло молодаго человѣка, поднялъ его на руки и понесъ, какъ ребенка, къ источнику, гдѣ уложилъ свою ношу на влажную траву.

Поликарпъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

Заря показалась на востокѣ; легкія облака начали окрашиваться на небосклонѣ розовымъ цвѣтомъ; показавшійся день отгонялъ темный покровъ съ очертаній и красокъ.

Молодой человѣкъ узналъ Павла, вытиравшаго тре-

пещущими руками его рану на затылкѣ. Взоръ Поликарпа освѣтился огненнымъ блескомъ и, собравъ послѣдній остатокъ своихъ силъ, онъ оттолкнулъ Павла. Послѣдній не уклонился, напротивъ онъ получилъ ударъ юноши, какъ какой нибудь желаемый даръ и только подумалъ: я не отстранилъ бы твоего удара, если бы даже въ рукѣ твоей былъ ножъ.

Рана Поликарпа оказалась глубокой и объемистой, но кровь, изливаясь въ густыхъ волосахъ, запеклась и образовала такимъ образомъ сама собой довольно плотную перевязку. Отъ промыванія водой, рана открылась снова и произвела сильное кровоизліяніе, отчего, а также и отъ напряженія послѣднихъ силъ, чтобъ нанести ударъ, Поликарпъ снова лишился чувствъ и безжизненно опустился на руки анахорета.

Слабый утренній свѣтъ еще болѣе усиливалъ мертвенность лица юноши, съ потускнѣвшими глазами неподвижно лежавшаго на рукахъ Павла.

— Онъ умираетъ, шепталъ тотъ и взоръ его съ тоскливымъ страхомъ, съ мольбою о помощи обращался то къ небу, то въ долину въ направленіи къ оазису.

Въ свѣжемъ, неиспорченномъ благоуханіи, облитая лучами утренней зари, высилась грандіозная масса горы, на которой Господь начерталъ, на каменныхъ скрижаляхъ, заповѣди для всѣхъ народовъ. И казалось Павлу, что тамъ вверху, въ самомъ высокомъ мѣстѣ горы, онъ видитъ маститый образъ Моисея, громогласно передающаго міру одну изъ самыхъ строгихъ заповѣдей: «не убей»!

Павелъ закрылъ глаза; онъ не смѣлъ смотрѣть ни на мертвенное лицо своей жертвы, ни на гору, съ высоты которой все сильнѣе и сильнѣе раздавался повторяющійся страшный голосъ «не убей»! Этому грозному призыву слѣдовалъ другой голосъ: «не пожелай жены ближняго твоего», затѣмъ третій: «не прелюбодѣйствуй» и наконецъ четвертый: «не сотвори себѣ кумира, развѣ мене».

Кто преступитъ одну изъ этихъ заповѣдей, тотъ проклятъ, а онъ, онъ по тернистому пути праведной жизни, согрѣшилъ противъ нихъ всѣхъ. Съ болѣзненнымъ стономъ обратился онъ къ горѣ, простирая руки къ небу...

Въ это время на вершинѣ Синая, на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находился наблюдательный постъ фаранитскаго сторожа, развѣвался платокъ, означавшій приближеніе враговъ.

Павелъ увидѣлъ этотъ знакъ.

И теперь, когда въ виду приближавшейся опасности въ немъ пробудилась способность соображать, онъ узналъ, что звукъ, поражавшій его съ горы, происходилъ отъ мѣднаго круга, въ который ударялъ сторожъ, возвѣщая объ опасности жителей оазиса и анахоретовъ.

Гдѣ же былъ Гермасъ? Не обошли ли его блемійцы? Откуда подходятъ разбойничьи шайки? Должно ли ему оставаться тутъ у тѣла юноши или онъ обязанъ предложить свои сильныя руки для защиты безоружныхъ собратій?

Съ недоумѣніемъ и боязнью смотрѣлъ на блѣдное лицо юноши и въ сердцѣ его все болѣе и болѣе проникало сожалѣніе. Какъ хорошъ былъ этотъ юный цвѣтокъ до соприкосновенія съ его грубой рукой! Эти темные роскошные кудри еще вчера гладила рука матери. Слезы полились изъ глазъ отшельника и нѣжно, какъ отецъ, склонился онъ къ Поликарпу и цѣловалъ его безкровные уста.

Радостный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Павла: губы Поликарпа не были холодны, какъ прежде, и даже рука его какъ будто зашевелилась.... Слава Богу! вотъ онъ открываетъ глаза.

— Такъ я не убійца! повторяли тысячи ликующихъ голосовъ въ груди Павла. Теперь я отнесу его къ родителямъ, думалъ онъ, а самъ потомъ — къ братьямъ.

Въ это время съ удвоенною силой раздался звукъ мѣди, и беззвучіе святой пустыни нарушилось говоромъ

человѣческихъ голосовъ, звуками воинской трубы и глухимъ воемъ. Будто скалы, стоявшія до сихъ поръ нѣмыми, заговорили, точно ручьи, стремящіеся по ущельямъ и лощинамъ горъ, перекатывались новые звуки.

— Поздно! прошепталъ Павелъ. Ахъ, еслибъ я зналъ, еслибъ я могъ.....

— Эй! благочестивый Павелъ! раздался съ высоты звучный женскій голосъ, прерывая нерѣшительность Павла. Гермасъ живъ! Онъ опять здѣсь! Взгляни на верхъ, ты тамъ увидишь флагъ, которымъ онъ извѣщалъ караульныхъ. Онъ послалъ отыскать тебя. Блемійцы подходятъ. Поди въ ту крѣпкую башню, которая стоитъ на западъ отъ главной дороги. Да скорѣй, не медли. Слышишь? *Онъ* тебѣ это велѣлъ передать. Да кто это лежитъ на твоей груди, вѣдь это.....

— Поликарпъ, отвѣчалъ отшельникъ, сынъ сенатора, твоего господина. Онъ очень боленъ. Поторопись предостеречь сенатора и передай Доротеи....

— Мнѣ теперь нѣкогда, у меня другое дѣло, перебила его дѣвушка. Гермасъ послалъ меня позвать Геласія, Пеоха и Дуназа, а если я явлюсь въ оазисѣ, такъ они пожалуй запрутъ меня и не отпустятъ на гору. А что такое случилось съ Поликарпомъ? Впрочемъ, это не важно. У тебя на сегодня есть поважнѣе дѣло, чѣмъ охать надъ раной на головѣ сенаторскаго сынка. Поди же скорѣе въ башню—говорятъ тебѣ, а его оставь тутъ или перенеси въ свое гнѣздо на руки къ своей любезной, пусть ухаживаетъ за нимъ.

— Экой дьяволеновъ! закричалъ Павелъ и поднялъ было камень.

— Говорю тебѣ, оставь его,—продолжала настойчиво Мирьямъ, если не выполнишь приказанія Гермаса, такъ я укажу Фебицію, гдѣ она укрывается. Теперь я побѣгу къ другимъ, а у башни мы увидимся. Да смотри не засиживайся у своей прелестной подруги, ты благочестивый Павелъ, святой Павелъ!

И громко хохоча, понеслась она, точно по воздуху, съ утеса на утесъ.

Павелъ сурово посмотрѣлъ ей вслѣдъ, но, основательно подумавъ, нашелъ совѣтъ ея благоразумнымъ; а потому, взявъ больнаго на свои плечи, быстро пошелъ къ пещерѣ.

Недоходя до пещеры, онъ услыхалъ торопливые шаги, раздирающій душу крикъ, а черезъ нѣсколько мгновеній Сирона была подлѣ него.

— Такъ это онъ, онъ! повторяла она тревожнымъ, полнымъ страсти голосомъ, и онъ долженъ, онъ будетъ жить, еслибъ онъ умеръ, тогда бы вашъ Богъ былъ бы самымъ неумолимымъ, страшнымъ и жестокимъ!

Она не могла больше высказать ни одного слова, слезы заглушали ея голосъ. Молча, не слушая ея рыданій, быстро продолжалъ идти къ пещерѣ Павелъ, и когда вошелъ туда, бережно сложилъ больнаго на ея постель. Сирона бросилась на колѣни и прижалась губами къ безжизненной рукѣ раненаго.

— Если ты любишъ его, сказалъ Павелъ спокойно и дружелюбно,—такъ успокойся. Онъ вчера былъ тяжело раненъ въ голову, я обмылъ его рану, а ты позаботься старательно перевязать и по временамъ освѣжать водой изъ источника, найти который ты сумѣешь. Потомъ, когда онъ придетъ въ себя, растирай ему ноги, дай ему хлѣба и нѣсколько капель вина; кровать найдешь ты здѣсь въ нашемъ маленькомъ погребѣ; тамже найдешъ и масло для ночника. А теперь прощай, я иду къ моимъ братьямъ,— если же я не возвращусь завтра, такъ передай попеченіе о бѣдномъ Поликарпѣ его матери. Разскажи отъ меня Доротеи, что это я, Павелъ, нанесъ ея сыну рану въ голову въ ссорѣ и пусть она и сенаторъ Петръ простятъ меня, если смогутъ. Прости и ты меня въ моихъ грѣхахъ противъ тебя. Если я буду убитъ въ сраженіи съ разбойниками, такъ помолитесь обо мнѣ, чтобъ милосердый Господь не судилъ меня строго за мои тяжкіе и великіе грѣхи.

Въ это время въ пещерѣ отдался звукъ трубы. Сирона задрожала.

— Я знаю этотъ звукъ, сказала она, это римская труба. Фебицій проходитъ мимо.

— Онъ выполняетъ свой долгъ, отвѣчалъ Павелъ. Теперь еще одна просьба: въ прошедшую ночь я видѣлъ на твоей рукѣ кольцо съ ониксомъ.

— Оно тамъ въ глубинѣ пещеры.

— Ну такъ и оставь его тамъ, прошу тебя. Павелъ наклонился къ больному, поцѣловалъ его въ лобъ и потомъ, поднявъ надъ Сироной руку, какъ бы благословляя ее, выбѣжалъ изъ пещеры.

ГЛАВА XVIII.

Исполняя приказаніе Павла, Гермасъ взялъ себѣ изъ пещеры три золотыя монеты, принадлежащія другу, запасся хлѣбомъ, достаточнымъ количествомъ стрѣлъ и лукомъ, и потомъ простившись осторожно со спавшимъ отцомъ, направился къ Раитѣ.

Его сердце наполняло сознаніе своего мужества и силы, гордость отъ выбора именно его, для выполненія порученія труднаго и достойнаго извѣстнаго и опытнаго воина и твердая рѣшимость выполнить порученіе, хотя бы и съ пожертвованіемъ своей жизни. Съ этими чувствами онъ спѣшилъ въ путь, и пользуясь достаточнымъ луннымъ освѣщеніемъ по возможности сокращалъ дорогу; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога проходила зигзагами, онъ оставлялъ ее, и по прямому направленію перескакивалъ вверхъ и внизъ, съ утеса на утесъ, тамъ же, гдѣ дорога лежала въ мѣстности плоской, онъ бѣжалъ, какъ будто спасаясь отъ погони. Подкрѣпившись послѣ солнечнаго восхода кое-чѣмъ изъ своего запаса, онъ спѣшилъ все дальше и дальше, стараясь не обращать вниманія ни на

полуденный зной, ни на сыпучій песокъ, въ которомъ тонули его ноги, по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу. Такая страстная порывистость вытѣснила изъ головы его и Сирону, и всю его прошедшую жизнь; онъ думалъ только о горахъ на другой сторонѣ моря, о блемійцахъ, соображалъ средство, какъ лучше наблюдать за ними, какъ развѣдать ихъ планы и потомъ, выполнивъ все это, какъ вернуться къ морю и къ своимъ.

Когда же силы его стали истощаться все больше и больше, когда полуденный жаръ ослаблялъ тѣло, а кровь стала сильнѣе приливать къ сердцу и стучать въ виски, Гермасъ потерялъ способность соображать, но продолжалъ двигаться впередъ подъ давленіемъ безсознательнаго желанія достигнуть скорѣе своей первой цѣли.

Около третьяго часу пополудни онъ завидѣлъ пальмы Раиту и, собравъ послѣднія силы, поспѣшилъ туда. И вотъ еще до солнечнаго заката онъ успѣлъ передать анахоретамъ порученіе Павла о томъ, что тотъ не можетъ исполнить ихъ приглашеніе и остается на святой горѣ. Послѣ того Гермасъ пошелъ къ небольшой гавани, чтобъ условиться съ мѣстными рыбаками относительно необходимаго ему челнока.

Между тѣмъ, какъ онъ условливался съ старымъ амалекитскимъ судовщикомъ, къ гавани быстро подъѣзжали два всадника. Судовщикъ, указывая на довольно значительное судно, лежавшее у пристани, сказалъ Гермасу:

— Это судно ждетъ караванъ изъ Петры. А вонъ на дромадерѣ ѣдетъ самый набольшой отъ императора — главный военачальникъ надъ римлянами въ Фаранѣ.

Теперь здѣсь въ первый разъ Гермасъ увидѣлъ Фебиція и невольно испугался, когда тотъ подъѣхалъ къ нему и моряку. Первое побужденіе Гермаса было тотчасъ же бѣжать, но, сдержавъ свой первый порывъ, онъ остановился, скрестилъ на груди руки, гордо и серьезно сталъ дожидаться галла, ѣхавшаго въ сопровожденіи спутника прямо къ нему. Свѣтлый взглядъ юноши встрѣтился съ

утомленнымъ, но въ тоже время пытливымъ взглядомъ центуріона. Гермасъ невольно покраснѣлъ.

Талибъ, видавшій юношу вмѣстѣ съ Стефаномъ, узналъ его и спросилъ—давно ли онъ находится здѣсь.

Изъ этого вопроса Гермасъ ясно понялъ, что центуріонъ объ немъ ничего не зналъ. Успокоенный этимъ онъ съ особеннымъ любопытствомъ осматривалъ Фебиція, и невольно насмѣшливая улыбка появилась на его губахъ, когда онъ увидѣлъ, какъ не ловко еле держался на своемъ дромадерѣ истомленный отъ скорой ѣзды старикъ. Такъ вотъ какой жалкій человѣкъ—мужъ прелестной, полной жизни женщины!

Не испытывая ни тѣни раскаянія при видѣ Фебиція за свое ночное приключеніе въ его домѣ, Гермасъ охотно поддался овладѣвшему имъ дерзко-насмѣшливому настроенію и, едва сдерживаясь отъ хохота, отвѣчалъ на вопросъ Фебиція—не повстрѣчалъ ли онъ на дорогѣ бѣлокурую женщину съ хромоногой собаченкой:

— Да именно я встрѣтилъ такую женщину съ собаченкой, но собаченка, кажется, не хромала.

— Гдѣ ты видѣлъ ее? съ нетерпѣніемъ допрашивалъ центуріонъ.

Приходилось лгать, и Гермасъ невольно покраснѣлъ; притомъ же ложный отвѣтъ могъ, по обстоятельствамъ, оказаться вреднымъ для Сироны. Поэтому, уклоняясь отъ положительныхъ свѣдѣній, онъ отвѣтилъ вопросомъ: А развѣ вы преслѣдуете эту женщину за какое-нибудь преступленіе?

— Тяжкое преступленіе, отвѣчалъ Талибъ, она жена этого начальника и....

— Ея преступленіе касается только меня одного, строго перебилъ Фебицій. Какъ зовутъ тебя молодой человѣкъ?

— Гермасомъ, отвѣчалъ тотъ, а ты кто?

Галлъ хотѣлъ было отвѣчать внушительно, но видимо сдержавшись, спокойно сказалъ:

— Я центуріонъ императора и спрашиваю тебя, какова была женщина, которую ты встрѣтилъ и гдѣ именно ты ее встрѣтилъ.

Суровый допросъ центуріона и злые взгляды спутника его ясно показывали, на сколько Сирона должна была ихъ бояться, а такъ какъ онъ не ощущалъ никакаго расположенія помогать имъ, то, подъ вліяніемъ насмѣшливаго настроенія, отвѣчалъ:

— Да вѣдь я встрѣтилъ не ту женщину, которую вы ищете; та женщина годилась бы въ внучки этому начальнику, а ужъ никакъ не въ жены. У той женщины были такіе роскошные золотистые волосы и розовое личико. Собаченку она, кажется, называла Ямбой.

— Да говори, гдѣ ты ее встрѣтилъ? кричалъ центуріонъ.

— Въ поселеніи рыбаковъ у подошвы горы, отвѣчалъ Гермасъ. Она вошла въ лодку и уплыла.

— Къ сѣверу? допрашивалъ Галлъ.

— Ну, этаго не знаю, я торопился и не могъ дальше послѣдить за ней.

— Мы постараемся захватить ее въ Клизмѣ, сказалъ центуріонъ амалекитянину. Вотъ если бы были лошади въ этой проклятой пустынѣ.

— Да, четыре дня пути, сомнительно замѣтилъ Талибъ, а за Эзимомъ до источника Моисея нѣтъ ни капли воды, хорошо еслибъ мы достали себѣ добрыхъ дромадеровъ.

— Во всякомъ случаѣ, еслибы и достали, сказалъ Гермасъ, такъ тебѣ, центуріонъ, нельзя далеко уѣзжать отъ оазиса; говорятъ, собираются блемійцы и я отправляюсь туда слѣдить за ними, вотъ какъ только стемнѣетъ.

Въ мрачномъ раздумьи Фебицій потупилъ глаза: вѣсти о готовящемся внезапномъ нападеніи разбойничьихъ шаекъ пустыни доходили и до него. Наконецъ отвернувшись отъ Гермаса, онъ рѣшительно сказалъ амалекитянину:

— Поѣзжай одинъ въ Клизму и постарайся поймать ее. Для такой ничтожной женщины я не могу отступить отъ своихъ обязанностей.

Гермасъ взглядомъ провожалъ удаляющихся и весело засмѣялся, когда они входили въ гостинницу.

Передъ морскимъ путешествіемъ Гермасъ позаботился подкрѣпить свои силы; онъ улегся въ лодку, нанятую имъ у стараго рыбака за золотую монету Александрійца, и скоро заснулъ спокойнымъ и глубокимъ сномъ. Разбуженный, по предварительному своему приказанію, при восходѣ луны, онъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, провожавшимъ его и умѣвшимъ управлять парусами и рулемъ, стащилъ въ море, лежавшую на пескѣ лодку. Вскорѣ они ужъ неслись по гладкой поверхности моря, подъ легкимъ вѣтромъ, и весело было на душѣ у Гермаса, какъ у молодаго орленка, впервые оставлявшаго родное гнѣздо и расправлявшаго сильныя крылья. При новомъ и сладкомъ чувствѣ свободы, ему такъ хотѣлось бы выразиться хоть радостнымъ крикомъ. Мальчикъ изумленно покачивалъ головою, когда Гермасъ, принявъ къ себѣ лежавшія весла, сталъ сильно, хотя и не ловко ударять ими по волнамъ.

— Вѣтеръ добрый, замѣтилъ мальчикъ Гермасу, перебрасывая рукой веревку отъ паруса. Мы идемъ хорошо и безъ веселъ, побереги-ка лучше свои силы впередъ.

— Э... у меня ихъ довольно и незачѣмъ беречь, отозвался Гермасъ, сильно нагибаясь назадъ для новаго удара веслами.

На полдорогѣ онъ отдохнулъ. Весело и радостно смотрѣлъ онъ на отраженіе луны въ морской глубинѣ; при этомъ невольно вспомнился ему дворъ сенатора Петра, освѣщенный тѣмъ же матовымъ, серебристымъ свѣтомъ, когда онъ влѣзалъ въ окно Сироны. Вспомнился ему образъ прелестной молодой женщины съ бѣлыми ручками, и тоскливо-страстное чувство охватило его душу.

Тихо вздохнулъ онъ разъ и другой, но уже при третьемъ болѣзненномъ вздохѣ ему вспомнилась уже цѣль

своего путешествія, разорванныя цѣпи и, полный самодовольной гордости, онъ ударилъ веслами съ такой силой, что брызги, поднявшись высоко, высоко, влажнымъ дождемъ блестящихъ алмазовъ обдали лодку и его самого. Съ новой силой сталъ онъ ударять веслами, обдумывая свои будущіе воинскіе подвиги, мечта о которыхъ постепенно заслоняла очаровательный образъ Сироны. А впослѣдствіи, не болѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, тревоги и опасности военной жизни заставили его совершенно забыть молодую женщину.

Черезъ два часа послѣ отъѣзда изъ Раиту, Гермасъ достигнулъ противуположнаго берега и вступилъ на почву другой части свѣта. Укрывъ въ надежномъ мѣстѣ свою лодку, онъ тотчасъ же скрылся въ горахъ, для наблюденій за блемійцами.

Еще въ первый день онъ успѣлъ выслѣдить долину— главное мѣсто сборища блемійцевъ, а на другой день, хотя его уже замѣтили и преслѣдовали, ему посчастливилось захватить одного непріятельскаго воина, высланнаго на развѣдываніе. Связавъ и пригрозивъ ему, онъ получилъ отъ него многія вѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Число разбойниковъ, рѣшившихся произвести нападеніе, оказывалось очень значительно. Гермасъ надѣялся во-время предостеречь своихъ, такъ какъ отъ плѣнника узналъ то мѣсто, гдѣ лежали спрятанными подъ пескомъ и камнями лодки враговъ.

При начинавшейся темнотѣ, молодой человѣкъ незамѣтно приблизился въ своей лодкѣ къ назначенному блемійцами мѣсту для переправы и въ то время, какъ разбойники занялись приготовленіемъ своихъ лодокъ, онъ направился впереди ихъ, присталъ съ большой опасностью къ западному скату горы и поспѣшилъ къ Синаю предувѣдомить фаронитскихъ караульныхъ на вершинѣ горы.

Еще до солнечнаго восхода, онъ успѣлъ достигнуть вершины горы, разбудить сонливыхъ, покинувшихъ свои

посты сторожей и прежде, чѣмъ послѣдніе добѣжали къ башнѣ, ударили въ мѣдные доски и подняли предостерегательные флаги, бѣгомъ направился въ долину къ пещерѣ своего отца.

Съ самаго ухода Гермаса Мирьямъ постоянно находилась близь пещеры Стефана и доставляла больному старику воду по утру, въ полдень и вечеромъ; это исполнять она продолжала и при новомъ, неловкомъ и нелюдимомъ служителѣ, замѣнившемъ Павла по распоряженію епископа Агапита. Мирьямъ обыкновенно питалась кореньями и хлѣбомъ, удѣляемымъ больнымъ, а по ночамъ ложилась въ давно извѣстномъ ей глубокомъ и сухомъ углубленіи въ скалѣ. Но это жесткое ложе она покидала вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ, наполняла кружку водою и относила ее къ Стефану. Ему она старалась быть особенно услужливой и охотно съ нимъ разговаривала. У обоихъ была одна мысль, у обоихъ былъ одинъ любимый разговоръ о Гермасѣ.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней больной привыкъ къ ея заботливости и принималъ ея попеченія, какъ нѣчто должное, да и сама она не сознавала и не пыталась понять, почему и на какомъ основаніи она ухаживала за старикомъ.

Стефанъ привыкъ къ ней, и ему трудно было бы перенести ея отсутствіе; для нея же бѣготня за водой и бесѣды съ старикомъ сдѣлались необходимой потребностью; да притомъ же, она не знала положительно, остался ли Гермасъ живымъ или былъ убитъ Фебиціемъ по ея доносу.

Разсказы Стефана о поѣздкѣ сына для наблюденій за блемійцами могли быть ложными: предлогъ отсутствія Гермаса могъ быть выдуманъ Павломъ съ цѣлью не убить вдругъ больнаго старика и потомъ постепенно его приготовить къ тяжкой потерѣ. Она надѣялась и охотно вѣрила разсказамъ старика; убѣгая изъ пещеры поздно вечеромъ и возвращаясь съ водой для больнаго при во-

сходѣ солнца, она каждый разъ говорила себѣ, что пропавшій Гермасъ, по возвращеніи своемъ, прежде всего явится къ отцу. Она не переживала ни одной спокойной минуты. Каждый случайно падающій камень, каждый звукъ, раздавшійся въ пустынѣ, приближавшіеся шаги заставляли ее напряженно прислушиваться съ сильно бьющимся сердцемъ не отъ страха передъ сенаторомъ Петромъ отъ котораго она убѣжала, а отъ страстнаго ожиданія, вотъ-вотъ услышитъ шаги дорогаго человѣка, преданнаго ею врагу, но котораго она любила и по которомъ такъ болѣзненно ныло и тосковало ея сердце.

Приходя къ источнику, она каждый разъ смачивала и приглаживала свои всклокоченные волосы, съ неутомимымъ усердіемъ мыла и терла лицо, какъ будто желая стереть съ своей кожи природный ея темный цвѣтъ. Она такъ желала, по возвращеніи Гермаса, понравиться ему также, какъ та бѣлая женщина въ оазисѣ, которую она такъ страстно ненавидѣла, какъ его любила.

Въ послѣднюю грозовую и дождливую ночь ручьи, скатывающіеся съ вершины горы, наполнили углубленіе и заставили ее убѣжать оттуда. Намокшая, безъ крова и пристанища, томимая раскаяніемъ, страхомъ и тоской, она перескакивала съ камня на камень, отыскивала пріютъ то подъ одной скалой, то подъ другой. Въ этомъ блужданіи она замѣтила слабый свѣтъ, выходившій изъ пещеры Павла, а затѣмъ узнала и его самого, сидѣвшаго на землѣ у очага, въ глубокой задумчивости. Такимъ образомъ теперь она случайно узнала, гдѣ находится изгнанникъ, о которомъ Стефанъ такъ часто разговаривалъ съ ней, высказывая временами въ темныхъ намекахъ и жалобахъ о томъ, какъ та бѣлая женщина, ея непріятельница опутала и погубила бѣднаго Павла.

Еще утренняя заря не исчезла, какъ Мирьямъ съ душой, наполненной безвыходной горечью, не облегчаемой благодатными слезами, подошла къ пещерѣ Стефана. Подъ невыносимымъ угнѣтеніемъ тоски ее охватило

желаніе упасть тутъ и умереть, и такимъ образомъ хоть смертью избавиться отъ страданій, недававшихъ ей покоя.

Будить больнаго было еще рано, а между тѣмъ ей такъ желалось услышать человѣческое слово, даже строгое или суровое; лишеніе людскаго сообщенія давило тоскою ея молодую душу.

И вотъ она уже стояла у входа въ пещеру, какъ вдругъ надъ собой ея чуткое ухо услыхало шумъ скатывающихся камней и вслѣдъ затѣмъ чей-то окликъ. Этотъ голосъ поразилъ ее: сначала съ вытянутой шеей и съ напряженнымъ вниманіемъ она вслушивалась въ него, потомъ громко и радостно крикнула и съ высоко поднятыми руками бросилась бѣжать на гору, на встрѣчу спускавшемуся человѣку.

— Гермасъ! Гермасъ! звонко кричала она, и въ звукахъ этого голоса выразилось столько радостнаго и свѣтлаго блаженства, что не могло не отразиться въ сочувственныхъ струнахъ сердца юноши. Онъ отвѣтилъ ей тоже веселымъ привѣтомъ.

Такъ привѣтливо онъ никогда еще не говорилъ съ ней, и звукъ его голоса мгновенно ободрилъ ея истрадавшую душу, какъ прохладный напитокъ добраго друга освѣжаетъ грудь изнемогшаго. Никогда еще неизвѣданные восторгъ и благодарность наполнили все ея сердце. Въ отвѣтъ за его добрую привѣтливость къ ней и ей захотѣлось, съ своей стороны, выказать добрую услужливость. И вотъ почему она прежде всего высказала ему:

— Я всегда находилась подлѣ твоего больнаго отца и доставляла ему воду и рано и поздно, сколько было нужно.

И такъ похваливъ себя въ первый разъ въ своей жизни, она покраснѣла.

— Ты поступала очень хорошо, и я никогда этого не забуду. Ты—необщительное, дикое существо, но я увѣренъ, что къ кому ты расположена, тотъ на вѣрность твою можетъ вполнѣ расчитывать.

— Испытай! отвѣтила Мирьямъ, протягивая руку.

Онъ дружно ударилъ по ея рукѣ и, уводя за собою, говорилъ:

— Слышишь ты звукъ мѣди? Я предостерегъ караульныхъ на вершинѣ горы; идутъ блемійцы. Павелъ у отца?

— Нѣтъ, но я знаю, гдѣ онъ теперь.

— Такъ побѣги, позови его, поручалъ ей Гермасъ, сначала его, а потомъ Геласія, Тоеса, Дуласія и другихъ отшельниковъ, кого увидишь. Всѣ они должны собраться въ крѣпости у большой дороги. Я же самъ принесу туда отца. Ну, спѣши и докажи, на сколько тебѣ можно довѣряться.

Съ послѣдними словами онъ обнялъ дѣвушку, но она стыдливо уклонилась, убѣгая съ веселымъ крикомъ:

— Увидишь, какъ я всѣмъ имъ передамъ твое порученіе.

Передъ пещерой, гдѣ она расчитывала встрѣтить Павла, она увидѣла только одну Сирону и потому, не останавливаясь, отправилась дальше, бросивъ молодой женщинѣ на бѣгу и смѣясь нѣсколько необузданныхъ оскорбительныхъ словъ.

Расчитывая найти Александрійца у ближайшаго источника, она побѣжала туда, позвала его и затѣмъ спѣшила отъ него отъ одной пещеры къ другой, скоро и въ точности исполняя порученіе Гермаса.

ГЛАВА XIX.

У гладкой стѣны, на краю дороги собрались всѣ эти странные люди, отказавшіеся отъ свѣта, со всѣми его горестями и наслажденіями, покинувшіе общество и семейства, для того, чтобъ удалиться въ пустыню и тамъ, отказавшись отъ всѣхъ другихъ стремленій, достигнуть

одной цѣли высшей, по своему назначенію, нежели жизнь человѣка.

Въ глухой пустынѣ, вдали отъ соблазнительныхъ голосовъ свѣта, легче побѣдить чувственныя побужденія, и сбросивъ оковы тѣла, привязаннаго къ праху, грѣхомъ и плотью, уподобить свое существо, хотя нѣсколько, чистому и безплотному существу Божества.

Всѣ эти люди были христіане, и какъ Спаситель черезъ добровольныя страданія сдѣлался искупителемъ, такъ и они старались очистительною силою страданій освободиться отъ грѣховъ и тяжелымъ покаяніемъ заслужить прощеніе для себя и своего рода.

Въ пустынѣ они не боялись преслѣдованій, а напротивъ надѣялись выйти изъ тяжелой борьбы побѣдителями.

Всѣ собравшіеся у башни анахореты были египтяне и сирійцы; нѣкоторые изъ нихъ еще во время служенія своимъ старымъ богамъ подвергались лишеніямъ и приносили покаяніе, а принявши христіанство избрали для своей дѣятельности то мѣсто, на которомъ самъ Господь явился избранному народу. Грозившая опасность быстро собрала вмѣстѣ всѣхъ этихъ людей, презирающихъ міръ и жизнь, и жаждущихъ смерти. Только одинъ старый Космасъ съ женою своею, нашедшій тутъ свою смерть, возвратился на Синай и оставался спокойно въ пещерѣ, говоря своему товарищу Геласію, совѣтовавшему бѣжать, что ему все равно съ какого мѣста его позоветъ Господь и что отъ воли Божіей старость или стрѣла откроютъ ему врата небесныя. Совершенно другое думали анахореты, спѣшившіе черезъ узкій проходъ во внутренность башни, переполненную до того, что Павелъ, получившій въ виду опасности, полное самообладаніе, запретилъ входить туда вновь прибывавшимъ. Толпа дрожала отъ страха.

Никакая зараза не пристаетъ такъ скоро отъ одного животнаго къ другому, никакое гніеніе не переходитъ такъ быстро отъ плода къ другому, какъ сообщается страхъ человѣческій между людьми.

Тѣ, которыхъ страхъ особенно преслѣдовалъ, бѣжали очень скоро и первые достигли крѣпости. Съ стономъ и плачемъ встрѣчали эти люди вновь прибывшихъ и тяжело было смотрѣть, какъ эта испуганная толпа, подымая руки къ небу, твердо выражала свою надежду на помощь Божію, а между тѣмъ вслѣдъ за тѣмъ каждый собиралъ свое имущеетво, укрывая его сначала отъ союзниковъ, а потомъ уже отъ враговъ.

Вмѣстѣ съ Павломъ пришли Сергій и Іеремія, которыхъ Александріецъ ободрилъ еще во время дороги. Всѣ трое старались оживить мужество этихъ напуганныхъ людей и, когда Павелъ напомнилъ имъ, какъ усердно они нѣсколько недѣль тому назадъ, втаскивали бревна и камни на стѣну для пораженія врага, каждый изъ нихъ почувствовалъ себя полезнымъ для дѣла защиты и пожелалъ не отступать, а идти дальше. Уже много людей вышло изъ башни, когда показался Гермасъ, неся на спинѣ своего отца и съ Мирьямъ, слѣдовавшей за нимъ.

Павелъ, перепрыгнувъ черезъ стѣну, пошелъ на встрѣчу къ Стефану и, снявъ старика съ плечей запыхавшагося юноши, понесъ его на спинѣ въ башню.

Но старый воинъ не желалъ спрятаться въ безопасное мѣсто и просилъ друга спустить его у стѣны.

Павелъ исполнилъ его желаніе, а самъ съ Гермасомъ взобрался на верхъ башни, осмотрѣть оттуда окрестность.

Тотчасъ послѣ ихъ ухода, Стефанъ сказалъ анахоретамъ:

— Эти камни не связаны съ землей и хоть моя сила не велика, но еще достаточна, чтобы столкнуть ихъ внизъ. Когда будетъ битва, мои старые солдатскіе глаза, съ вашей помощью, не упустятъ ничего изъ виду. Но если не хотите облегчить побѣду разбойникамъ, то выберите изъ среды вашей одного, которому беспрекословно повинуйтесь.

— Ты, отецъ, прервалъ его сиріецъ Салатіелъ, служилъ въ царскомъ войскѣ и твое мужество и военное искуство извѣстны намъ всѣмъ, распоряжайся нами!

Стефанъ грустно покачалъ головою.

— Мой голосъ сдѣлался слабъ и глухъ отъ продолжительной болѣзни и отъ раны, нанесенной мнѣ въ грудь, сказалъ онъ. Даже окружавшіе меня не въ состояніи будутъ разслышать моего голоса, среди шума битвы. Пускай Павелъ будетъ вашимъ вождемъ — онъ силенъ, осмотрителенъ и храбръ.

Уже многіе изъ анахоретовъ давно смотрѣли на Павла, какъ на главную свою опору; онъ много лѣтъ пользовался ихъ уваженіемъ и выказывалъ удивительную неустрашимость въ минуты опасности, но теперь, при этомъ предложеніи, анахореты нерѣшительно и неодобрительно переглянулись.

Стефанъ замѣтилъ это движеніе и сказалъ:

— Онъ тяжко согрѣшилъ и передъ Богомъ и вами. Онъ послѣдній изъ послѣднихъ, но въ мужествѣ и силѣ онъ всетаки превосходитъ васъ всѣхъ. Кто же изъ васъ, въ случаѣ отказа Павла, согласится занять главное мѣсто?

— Оріонъ, воскликнулъ одинъ изъ анахоретовъ, великъ и силенъ, если онъ согласится....

Но, Оріонъ рѣшительно отказался принять на себя эту трудную обязанность, сопряженную съ столькими опасностями. А когда Андрей и Іосифъ, на сдѣланное имъ предложеніе, также отвѣчали отказомъ, то Стефанъ сказалъ:

— Вы видите, что намъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ просить Александрійца начальствовать, пока намъ угрожаютъ разбойники. Вотъ онъ идетъ. Долженъ ли я говорить съ нимъ?

Нерѣшительное и нерадостное согласіе было отвѣтомъ старику, но Павелъ, давно горѣвшій желаніемъ вступить въ битву и положить жизнь и кровь свою на защиту слабыхъ, принялъ предложеніе Стефана за нѣчто неподлежащее никакому сомнѣнію и тутъ же сталъ распоряжаться анахоретами, какъ военачальникъ.

Однихъ поставилъ на верху башни сторожами, другимъ поручилъ подносить камни, третьимъ приказалъ въ

случаѣ опасности бросать внизъ камни, доски и всякіе обломки, а самыхъ слабыхъ просилъ собраться вмѣстѣ для молитвы и пѣнія гимновъ; потомъ условился со всѣми на счетъ сигналовъ и знаковъ.

Павелъ показывался то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, и его мужество и осмотрительность ободрили даже самыхъ робкихъ.

Во время этихъ распоряженій Гермасъ простился съ нимъ и своимъ отцомъ, такъ какъ онъ ужъ заслышалъ звукъ римской военной трубы и приближеніе войска фаранитовъ, которые шли прямо на встрѣчу врагу.

Гермасъ зналъ, гдѣ находится главная сила блемійцевъ и свѣдѣніе это сообщилъ центуріону Фебицію и начальнику Фаранитовъ.

Галлъ тотчасъ узналъ Гермаса, котораго онъ видѣлъ въ Раиту и съ того времени не могъ забыть по поразительному сходству глазъ его съ глазами Глицеры. Теперь онъ давалъ Гермасу короткіе вопросы, и получая отъ него быстрые и опредѣленные отвѣты, самъ дѣлалъ скорыя и дѣльныя распоряженія.

Одинъ отрядъ фаранитовъ долженъ былъ идти на встрѣчу врагамъ съ трубнымъ и барабаннымъ боемъ, и при ихъ приближеніи отступить и спуститься въ долину до самой башни. Если бы только блемійцы позволили заманить себя туда, то второй отрядъ войска, составленный изъ воиновъ оазиса, долженъ былъ напасть на ихъ лѣвый флангъ, а одновременно съ тѣмъ другая часть этого же отряда подъ начальствомъ самаго Фебиція, спрятанная за утесомъ скалы, близь башни, должна была стремительно и неожиданно ударить изъ своего убѣжища и рѣшить сраженіе.

Послѣдній отрядъ фаранитовъ, подъ начальствомъ Гермаса, получилъ приказаніе разрушить суда блемійцевъ.

Въ случаѣ неудачи, центуріонъ могъ возвратиться въ крѣпость и защищаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не придутъ на помощь войска изъ сосѣдней гавани, куда уже посланы гонцы.

Приказанія Галла безпрекословно исполнялись, и Гермасъ выступалъ во главѣ своего отряда такъ гордо и величественно, какъ опытный ветеранъ императора, выступающій передъ своимъ легіономъ.

Онъ имѣлъ стрѣлы и лукъ на спинѣ, а въ рукѣ топоръ, купленный въ Раиту.

Мирьямъ хотѣла послѣдовать за его отрядомъ, но Гермасъ, замѣтивъ ее, закричалъ: назадъ, дитя, ступай въ башню къ моему отцу, и дѣвушка безпрекословно повиновалась.

Анахореты, собравшись всѣ на краю склона, внимательно слѣдили за приготовленіями къ битвѣ и подавали внизъ различные знаки. Сначала они надѣялись, что часть воиновъ присоединится къ нимъ для ихъ защиты, но вскорѣ увидали свою ошибку. Стефанъ, слабые глаза котораго не позволяли видѣть происходившее у подножія скалы, въ равнинѣ, распрашивалъ Павла о ходѣ передвиженій и съ проницательностію стараго воина тотчасъ угодалъ планъ центуріона.

Теперь отрядъ войска, предводительствуемый Гермасомъ, проходилъ мимо башни и Гермасъ, со слезами на глазахъ, посылалъ привѣтъ своему отцу.

Слухъ Стефана лучше сохранился, чѣмъ зрѣніе, и онъ разслышавъ голосъ сына, отвѣчалъ любящими и нѣжными словами, такъ громко, какъ только могъ.

Павла тронули слова старика и онъ, собравъ всѣ пожеланія въ одинъ теплый привѣтъ, напутствовалъ имъ, какъ и благословеніямъ отправляющагося на битву сына своего друга. Гермасъ понялъ его и былъ очень благодаренъ въ душѣ, но тѣмъ не менѣе отвѣтилъ на это привѣтствіе нѣмымъ кивкомъ головы. Отецъ скорѣй найдетъ сто словъ для благословенія, чѣмъ сынъ одно слово для выраженія благодарности.

Когда юноша исчезъ между скалами, то Павелъ сказалъ:

— Онъ идетъ, какъ старый воинъ во главѣ войска, а остальные слѣдуютъ за нимъ, какъ стадо за бараномъ.

Но вотъ послушай! Какой сильный шумъ! Это вѣрно первый отрядъ фаранитовъ столкнулся съ врагами. Крики приближаются все болѣе и болѣе.

— Теперь все хорошо пойдетъ—живо сказалъ Стефанъ. Если только они дадутъ заманить себя въ долину, то, полагаю, будутъ всѣ перебиты. Отсюда мы хорошо можемъ видѣть порядокъ битвы, и если наши будутъ слишкомъ оттѣснены, то легко можетъ случиться, что разбойники бросятся къ крѣпости. Теперь ни одинъ камень не долженъ быть брошенъ внизъ безъ цѣли, намъ самимъ эти метательные снаряды навѣрное понадобятся для защиты.

Эти слова услышали нѣкоторые изъ анахоретовъ и какъ только до ихъ слуха дошелъ громкій военный крикъ и шумъ сраженія, быстро приближавшійся, всѣ они бросились со своихъ мѣстъ, и не смотря на строгое запрещеніе Павла не оставлять своихъ постовъ, бѣгали взадъ и впередъ; большая часть изъ нихъ присоединились къ старымъ и слабымъ, гимны которыхъ становились слабѣе и жалобнѣе, по мѣрѣ приближенія опасности.

Громче всѣхъ жаловался Оріонъ изъ Салта; онъ поднявъ руки къ небу, громко молился:

— Господи, чего Ты хочешь отъ насъ бѣдныхъ?

— Моисей оставилъ избранный народъ твой въ пустынѣ за то, что они отреклись отъ Тебя; мы же, не имѣя никакого вождя и руководителя, остаемся вѣрны Тебѣ, Господи, и готовы за имя Твое претерпѣть всевозможныя страданія.

— А теперь отвратительные язычники угрожаютъ намъ смертью! Не попусти ихъ, Господи, восторжествовать надъ христіанами.

Другіе также присоединились къ Оріону изъ Салту, и въ отчаяніи только молились Богу; но Павелъ бросился въ средину ихъ, упрекалъ за малодушіе, теплыми и внушительными словами просилъ отойти назадъ на свои мѣста, не оставлять хотя восточную часть стѣны открытою и не отдавать крѣпость прямо въ руки враговъ, отъ которыхъ нечего ожидать пощады.

Ужъ нѣкоторые изъ анахоретовъ рѣшились послушаться Павла, какъ вдругъ раздался страшный крикъ блемійцевъ, преслѣдующихъ фаранитовъ.

Анахореты опять испуганно прижались другъ къ другу, а сиріецъ Салатіель, стоявшій на краю склона и наблюдавшій чрезъ плечо Стефана за ходомъ сраженія, громко закричалъ:

— Наши бѣгутъ! а Геласій, сердце котораго сильно билось, а черная борода развѣвалась по вѣтру, голосомъ, прерывающимся отъ отчаянія, вопилъ:

Боже, чего ты хочешь отъ насъ? неужели Ты поразишь насъ смертью! Если язычники одержатъ побѣду надъ нами, тогда нечестіе и грубая сила восторжествуютъ надъ благочестіемъ и правдой.

Павелъ внѣ себя, уничтоженный жалобами, раздававшимися кругомъ, молча вмѣстѣ съ Стефаномъ слѣдилъ за битвой.

Натискъ блемійцевъ, бывшихъ въ большемъ числѣ, былъ такъ силенъ, что фараниты, не выдержавъ его, принуждены были отступить вплоть до узкой тропинки пѣшеходовъ.

— Дѣло идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, сказалъ Стефанъ.

— А эта безумная толпа, эти животныя, вскричалъ съ яростью Павелъ, оставляютъ стѣну не прикрытой и вмѣсто того чтобъ защищаться, только хулятъ Бога.

Анахореты, увидѣвъ движенія Павла, полныя отчаянія, еще болѣе кричали и плакались.

— Все оставляетъ насъ! кричалъ Сергій,—отчего, подобно Неопалимой Купинѣ, не загорится этотъ терновый кустъ и пламя его не уничтожитъ нашихъ враговъ? Зачѣмъ молчитъ небесный громъ? Гдѣ молніи, такъ ярко сверкавшія надъ вершиною Синая? Отчего не снизойдетъ на землю мракъ устрашить язычниковъ? Отчего не разступится земля и не поглотитъ этихъ безбожниковъ?

— Сила Божія складываетъ руки, сказалъ Дуласій.

Господь оставляетъ насъ, какъ недостойныхъ Его святаго покрова.

— Вы и недостойны его, отвѣчалъ Павелъ, слышавшій послѣднія слова, проходя мимо съ больнымъ Стефаномъ, котораго онъ скорѣе несъ, чѣмъ велъ подъ руки къ восточной стѣнѣ. Вы и недостойны, такъ какъ вмѣсто того чтобъ защищаться, вы хулите Бога и поддаетесь отчаянію и трусости. Посмотрите на этого больнаго старика. И онъ идетъ защищать васъ! Слѣдуйте за нимъ, повинуйтесь моимъ приказаніямъ, а иначе я за волосы и уши потащу васъ на ваши мѣста.

Но Павелъ не могъ продолжать своихъ угрозъ, слова его были прерваны сильнымъ голосомъ, назвавшимъ его по имени.

— Это Агапитъ, вскричалъ Стефанъ. Доведи меня до нижняго вала и оставь тамъ.

Прежде чѣмъ Павелъ исполнилъ желаніе друга, передъ ними стояла высокая фигура епископа Агапита.

Агапитъ, родомъ кападокіецъ, въ молодости служилъ воиномъ, а въ настоящее время, едва переступивъ границу старости, былъ бдительнымъ руководителемъ своихъ братій.

Когда вся фаранитская молодежь выступила противъ блемійцевъ, Агапитъ не находилъ себѣ покоя въ оазисѣ, и вотъ, поручивъ священникамъ и діаконамъ собрать всѣхъ оставшихся въ оазисѣ въ церковь на молитву, самъ съ двумя товарищами и проводникомъ отправился на гору, оттуда слѣдить за битвой.

Священникамъ и женѣ, удерживавшимъ его, Агапитъ рѣшительно отвѣчалъ: гдѣ паства, тамъ долженъ быть и пастырь!

Ни кѣмъ незамѣченный, онъ дошелъ до стѣны башни и былъ свидѣтелемъ сильныхъ словъ Павла.

Теперь онъ стоялъ передъ Павломъ, съ сверкающими глазами, высоко поднятой рукой и грознымъ словомъ:

— Какъ осмѣливаешься ты, отверженный, говорить такъ съ своими братьями? Ты—собратъ сатаны, а они

сподвижники Божіи! Конечно, тебѣ бы очень хотѣлось атлетической силой своихъ рукъ вернуть славу, которой душа твоя лишилась отъ твоихъ преступленій! Сюда, мои друзья. самъ Господь будетъ помощникомъ и защитникомъ нашимъ въ этомъ дѣлѣ!

Павелъ, молча выслушалъ слова епископа и вмѣстѣ съ другими анахоретами, поднявъ руки къ небу, выслушалъ короткую, но сильную молитву Агапита.

По окончаніи молитвы, епископъ, какъ военачальникъ, назначилъ каждому мѣста, даже самыхъ старыхъ и слабыхъ поставилъ для метанія у задней стѣны возлѣ камней.

— Докажите, что вы служители Божіи! Раздался его громовой голосъ.

Никто не противорѣчилъ ему, и когда всѣ мущины стояли на своихъ мѣстахъ, Агапитъ взобрался на склонъ горы, откуда удобнѣе было слѣдить за битвой, клокотавшей внизу, подобно бурѣ. Въ это время фараниты выдерживали съ успѣхомъ натискъ блемійцевъ, такъ какъ Фебицій бросился изъ засады съ своимъ отрядомъ въ средину ихъ толпы, и разрѣзавъ ее на части, распространялъ повсюду гибель и смерть между этими дикими сынами пустыни.

Храбрые и хорошо вооруженные римляне, казалось, легко справлялись съ своими противниками, которые въ рукопашномъ бою не могли употреблять своихъ стрѣлъ и копій.

Но блеммійцы въ частыхъ своихъ схваткахъ съ римскими войсками научились искусству выгодно употреблять свою силу въ сраженіяхъ,—такъ и теперь, какъ только увидѣли невозможность дѣйствовать натискомъ, ихъ предводители издали пронзительный крикъ, ряды ихъ разомкнулись и какъ пухъ и перья, подхваченные вѣтромъ, разлѣтаются по воздуху, такъ и блемійскіе воины разсыпались по всѣмъ направленіямъ.

Агапитъ, принявъ движеніе дикарей за бѣгство, свободно вздохнулъ и, полный благодарности къ Богу, со-

шелъ внизъ на поле оказать своимъ раненымъ единовѣрцамъ послѣднее утѣшеніе религіи.

Но ему пришлось исполнить эту благочестивую обязанность, не выходя изъ крѣпости, у дверей которой стояла Мирьямъ.

— Отецъ Агапитъ, робкимъ, но внятнымъ голосомъ сказала дѣвушка, — больной Стефанъ, отецъ Гермаса, лежитъ тамъ у стѣны и проситъ тебя придти къ нему; рана его открылась и ему кажется, что онъ умираетъ.

Агапитъ быстрыми шагами послѣдовалъ за дѣвушкой и привѣтствовалъ больнаго, которому Павелъ и Оріонъ изъ Салта уже успѣли перевязать рану, съ рѣдкимъ добродушіемъ, не всегда выказываемымъ имъ въ отношеніи къ прочимъ анахоретамъ.

Агапитъ зналъ прошлое Стефана, и, по его настоянію Гермасъ предназначался къ числу выборныхъ для посылки въ Александрію; Агапитъ держался того мнѣнія, что никто не долженъ избѣгать жизненной борьбы, не принявши ни разу въ ней участія.

Стефанъ протянулъ руку епископу, тотъ сѣлъ возлѣ него и, сдѣлавъ знакъ присутствовавшимъ удалиться, сталъ внимательно прислушиваться къ тихому говору больнаго. Когда замолкъ послѣдній, Агапитъ сказалъ:

— Я благодарю Бога, вмѣстѣ съ тобой, за твою преступную жену, обратившуюся къ истинному пути; сынъ же твой будетъ честнымъ, хорошимъ воиномъ, какимъ ты былъ прежде. На землѣ жизнь твоя устроилась хорошо, но какое жилище ты приготовилъ себѣ на небесахъ?

— Я восемнадцать лѣтъ каялся и молился, перенося тяжелыя страданія, возразилъ тихо больной. Ужъ далеко позади меня лежатъ свѣтъ, и я скоро надѣюсь идти по пути, ведущему меня на небо!

— А я буду молиться за тебя и за твою душу, сказалъ епископъ. Тяжелая доля перенесть страданія выпала тебѣ на этомъ свѣтѣ; въ состояніи ли ты простить нанесшихъ тебѣ столько зла и горя? готовъ ли ты исполнить слова Спасителя: и остави намъ долги наши, яко же и мы

оставляемъ должникамъ нашимъ? Помнишь ли ты и слѣдующее изрѣченіе: Кто проститъ людямъ согрѣшенія ихъ, тому проститъ согрѣшенія его и Отецъ Небесный?

— Я не только простилъ Глицеру, отвѣчалъ больной, но даже снова открылъ ей мое сердце; человѣку же, такъ безстыдно меня обманувшему, этому негодяю, который за всѣ мои благодѣянія къ нему, меня ограбилъ, опозорилъ, я желаю....

— Прости ему и тебѣ многое простится, сказалъ Агапитъ.

— Я восемнадцать лѣтъ уже стараюсь благословить врага, сказалъ Стефанъ, и до сихъ поръ не достигъ этого....

До этой минуты епископъ посвящалъ себя вполнѣ больному, но теперь его звали со всѣхъ сторонъ, и Гелазій, стоявшій вмѣстѣ съ другими анахоретами на склонѣ горы, закричалъ ему:

— Спаси насъ, язычники влѣзаютъ къ намъ на стѣну.

Агапитъ отошелъ отъ Стефана, сказавъ ему задушевнымъ голосомъ: прости—и небо твое!

Въ долинѣ лежало много раненыхъ и убитыхъ, а фараниты снова были оттѣснены къ узкому проходу для пѣшеходовъ, такъ какъ блемійцы въ дѣйствительности не обращались въ бѣгство, а только разсѣялись и теперь соединившись, стали взбираться на скалы, чтобъ оттуда удобнѣе обстрѣливать своихъ враговъ.

Гдѣ римляне? живо спросилъ Агапитъ у Оріона изъ Салты.

— Они прошли въ ущелье черезъ дорогу, ведущую сюда, отвѣтилъ Оріонъ. Но посмотри, посмотри на язычниковъ. Да умилосердится надъ нами Господь! Они карабкаются на скалу, словно дятлы на дерево.

— Беритесь за камни! закричалъ Агапитъ, съ сверкающими глазами, анахоретамъ, окружавшимъ его. Что дѣлается тамъ за стѣною? Прислушайтесь! Это римская труба. Мужайтесь братья, мужайтесь! самую слабую сторону крѣпостцы защищаютъ императорскія войска! А посмотрите

сюда! Видите ли вы въ ущельи эти обнаженныя фигуры? Скорѣй, сюда давайте бревно! Нажми крѣпче плечомъ Оріонъ! Еще одно усиліе Салатіель! Вотъ ужъ бревно отдѣлилось и падаетъ въ бездну! Какъ бы оно не зацѣпилось за какую нибудь щель! Нѣтъ, слава Богу, оно упало на землю! Вотъ этотъ былъ удачный ударъ! Разомъ убило шестерыхъ враговъ.

— Тамъ внизу еще стоятъ трое, закричалъ Оріонъ. Сюда, Даміанъ, помоги мнѣ!

Даміанъ и нѣсколько другихъ анахоретовъ бросились на помощь Оріону. Первый успѣхъ такъ ободрительно на нихъ подѣйствовалъ, что теперь Агапиту трудно уже было остановить ихъ усердіе и уговорить беречь драгоцѣнные для защиты, камни и бревна.

Въ то время, какъ отшельники бросали камень за камнемъ въ блеміцевъ, карабкавшихся наверхъ горы, Павелъ сидѣлъ возлѣ больнаго Стефана и смотрѣлъ въ землю.

— Отчего ты имъ не помогаешь? спросилъ Стефанъ.

— Агапитъ правъ, отвѣчалъ Александріецъ, мнѣ еще надо много каяться, а не наслаждаться радостями битвы. А какъ велика эта радость, я могу судить теперь по тому мученію, которое я испытываю, находясь въ бездѣйствіи. Тебя епископъ ласково благословилъ.

— Жизнь моя приближается къ концу, и да будетъ свидѣтелемъ само небо, какъ я прощаю врага, похитившаго мою жену. Молю Бога, чтобъ онъ простилъ ему все, все, и далъ бы успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ его! Послушай, какъ бьется мое сердце, оно какъ будто хочетъ еще разъ собраться съ силами прежде, чѣмъ замереть на вѣки. Когда я умру, то передай Гермасу мои слова и благословеніе мое и его матери. Никогда не говори ему, что въ дурной часъ, этотъ злодѣй, нѣтъ этотъ человѣкъ, этотъ несчастный, которому я все прощаю, увлекъ ее. Отдай Гермасу это кольцо и письмо, которое ты найдешь подъ травой, подъ моей постелью въ пещерѣ. Съ этимъ письмомъ и кольцомъ Гермасъ долженъ явиться къ дядѣ и получить чрезъ него достойное мѣсто въ войскѣ. Мой братъ занимаетъ

Напр. пустошь Вислоухово, да къ ней же припущено въ пашню селище Сабакино (пашня въ томъ и другомъ переложная; п. к. I. 1. Ср. 687, гдѣ пашня уже лѣсомъ поросла). Или пустошь къ пустоши: пустошь, что была дер. Фалино, да къ ней же припущена въ пашню пуст. Савино; пашни худ. земли лѣсомъ поросло 17 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 20 коп. въ пустѣ 2 выти безъ трети (I. 767, 833, 838, 845). Понятно, что это припущеніе пашней должно было произойти въ то время, когда одна изъ пустошей была жилымъ населеніемъ.

4) Также объясняются и тѣ случаи, когда къ пустоши значится припущенной пашня жилаго поселенія: починка, деревни и т. д. Напр., пустошь, что была дер. Хожлово, а къ ней припущенъ въ пашню починокъ Куровъ, пашни лѣсомъ поросло большимъ 43 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 коп., лѣсу непашеннаго 6 десятинъ, а вытей впустѣ 4 выти съ третью, земля худа, сѣна по селищу укошено 30 коп. (Писц. кн. Калач. I, 775 стр).

Такого соединенія полей различныхъ деревень не могло бы происходить такъ часто, какъ это было въ XVI в., если бы право распоряженія землей принадлежало не всей совокупности жителей поселка, а отдѣльнымъ дворамъ, т. е. если бы не было общиннаго пользованія землей.

4) Наконецъ въ доказательство существованія деревенской общины можно привести еще обычай отдѣлять нѣкоторую часть земли для общественной обработки. Напр., дер. Сысоева, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ. Изъ этихъ дворовъ 11 на трети, 4 на полтрети выти, 2 на полвыти „да онѣ жъ пашутъ сопча полвыти“. (Писц. кн. Калач. I, 748. Ср. 770, 757).

Пашни и луга, находясь въ распоряженіи цѣлой общины, раздѣлялись на участки, которые и отдавались въ отдѣльное пользованіе ея членовъ. Напротивъ, лѣса, озера и другія угодья находились въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей деревни въ размѣрахъ ихъ потребностей, при чемъ вѣроятно свобода пользованія подвергалась тѣмъ или другимъ ограниченіямъ.

Ограничиваясь этими замѣчаніями объ общинномъ бытѣ XVI вѣка и отсылая читателя, интересующагося болѣе подробнымъ изложеніемъ относящихся сюда явленій въ „Очерку исторія сельской общины на Сѣверѣ Россіи“, я перейду къ вопросу о переселенія крестьянъ.

IX.

Переселеніе крестьянъ составляетъ характеристическую черту древне-русскаго быта. До самаго конца XVII вѣка на всемъ пространствѣ Россіи происходилъ постоянный отливъ и приливъ населенія. То и дѣло возникали поселки или отдѣльные дворы въ однихъ мѣстностяхъ, въ то время какъ въ другихъ—пустѣли цѣлыя деревни. Древняя исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Повсюду, по характерному выраженію Щапова, стучалъ топоръ въ „черныхъ дикихъ лѣсахъ“, шла повсемѣстная расчистка и распашка лѣсовъ. Повсюду ставились дворы и починки, разраставшіеся въ деревни, сельца, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ отыскивались оазисы плодородной земли, чистился и выжигался лѣсъ и заводилось хлѣбопашество. Эта великая колонизаціонная работа, охватывавшая все обширное пространство восточной европейской низменности и продолжавшаяся тысячелѣтія, неоконченная даже и въ настоящее время, составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ въ исторіи грандіозной борьбы человѣка съ природой. И этотъ подвигъ совершенъ исключительно силами русскаго земледѣльца. Могутъ сказать, что дѣлу колонизаціи въ такой же мѣрѣ содѣйствовали и землевладѣльцы, созывавшіе крестьянъ на жалованныя имъ земли. Но кромѣ обѣщаній льготъ отъ податей впродолженіи нѣкотораго времени эти землевладѣльцы ничѣмъ не облегчали страдной работы русскаго земледѣльца. Единственными его помощниками были топоръ, соха и коса. Съ ними одними онъ прошелъ, среди чуждыхъ племенъ, по всей вѣроятности не всегда дружественныхъ къ пришельцамъ, и завоевалъ для земледѣльческой культуры то громадное про-

стыремъ, въ память этихъ жертвъ, продившихъ свою кровь въ борьбѣ съ разбойниками.

По окончаніи рѣчи епископа, къ умершимъ стали подходить тѣ, которые были при жизни особенно къ нимъ близки, и при этомъ не одна слеза выкатилась изъ глазъ матери и жены, и не одинъ вздохъ поднялся къ небу изъ груди отца.

Возлѣ носилокъ Стефана стояли еще другія небольшія, и между этими двумя носилками стоялъ на колѣняхъ Гермасъ и плакалъ.

Въ эту минуту онъ поднялъ голову и обернулся, какой-то глубокій и ласковый голосъ назвалъ его по имени.

— Петръ, сказалъ юноша, пожимая протянутую ему руку. Отчего, когда былъ живъ отецъ, мнѣ всегда хотѣлось быть отъ него подальше, а теперь, когда онъ умеръ, я такъ желалъ бы никогда не разставаться и всегда быть при немъ.

— Онъ умеръ прекрасной смертью, сражаясь вмѣстѣ съ своими, утѣшалъ сенаторъ.

— Павелъ былъ при немъ, когда онъ палъ, возразилъ Гермасъ. Во время защиты крѣпости, отецъ свалился со стѣны; но посмотри на эту дѣвушку, на это бѣдное дитя, которое пасло стада твоихъ козъ, она также умерла геройской смертью. Бѣдная, дикая Мирьямъ, какъ я былъ бы ласковъ къ тебѣ, еслибъ ты была жива.

Съ этими словами Гермасъ поднялъ маленькую холодную руку дѣвушки и прижавшись къ ней долгимъ поцѣлуемъ, осторожно положилъ эту руку, вмѣстѣ съ другою на грудь.

— Какимъ образомъ дѣвушка очутилась въ битвѣ, среди мужчинъ? Но ты мнѣ все это разскажешь въ моемъ домѣ. Будь нашимъ гостемъ, пока тебѣ не надоѣстъ и ты не захочешь пожить въ свѣтѣ. Мы всѣ тебѣ обязаны благодарностью.

Гермасъ покраснѣлъ и скромно отклонилъ отъ себя похвалу, которую расточали ему со всѣхъ сторонъ, какъ спасителю и защитнику оазиса.

Когда появились плакальщицы, Гермасъ еще разъ всталъ на колѣни, у изголовья отца, и посмотрѣлъ съ любовью на тихое и спокойное личико Мирьямъ; потомъ онъ послѣдовалъ за своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Сенаторъ и Гермасъ вмѣстѣ вошли во дворъ.

Гермасъ невольно взглянулъ на тѣ окна, въ которыхъ онъ такъ часто видѣлъ Сирону, и потомъ сказалъ, указывая на домъ центуріона:

— И онъ также погибъ!

Сенаторъ утвердительно кивнулъ головой.

Въ освѣщенной прихожей ихъ встрѣтила Доротея и поспѣшно спросила:

— Еще ничего не узнали о Поликарпѣ?

Мужъ ея покачалъ отрицательно головой, а Доротея продолжала:

— Впрочемъ, это и невозможно. Онъ напишетъ только, когда пріѣдетъ въ Клизму, или даже въ Александрію.

— Я тоже такъ думаю, отвѣчалъ Петръ, опустивъ глаза въ землю. Потомъ онъ обернулся къ Гермасу и подвелъ его къ своей женѣ.

Доротея приняла юношу съ теплымъ сочувствіемъ. Она уже слышала о смерти его отца и о томъ, какъ самъ онъ отличался въ бою.

Ужинъ былъ готовъ, и Гермаса пригласили раздѣлить его съ ними. Хозяйка сдѣлала знакъ дочери позаботиться о гостѣ, но Петръ удержалъ Мартану, сказавъ:

— Гермасъ займетъ мѣсто Антонія, который еще не кончилъ свое дѣло съ работниками. Гдѣ Іетро съ слугами?

— Они уже кончили трапезу, сказала Доротея.

Супруги пристально взглянули другъ на друга и Петръ, горько улыбнувшись, проговорилъ:

А я думаю, что слуги еще на горѣ.

Доротея вытерла слезу, скатившуюся изъ глазъ и отвѣчала: они навѣрное встрѣтятъ Антонія. Ахъ еслибъ они нашли Поликарпа! Я это говорю не изъ желанія тебя утѣшить, а потому, что мнѣ кажется, будто нашъ Поликарпъ не погибъ въ оврагѣ, какъ ты думаешь, а

просто уѣхалъ въ Александрію, хоть на нѣсколько времени освободиться отъ воспоминаній, преслѣдовавшихъ его здѣсь на каждомъ шагу и не дававшихъ ему покоя ни днемъ, ни ночью.

— Не отворилась ли дверь?

Доротея быстро поднялась и вышла вмѣстѣ съ Петромъ, послѣдовавшимъ за ней во дворъ, осмотрѣлась тамъ и обернувшись къ Мартанѣ, подававшей въ это время Гермасу мясо и хлѣбъ, и слѣдившей за родителями, съ глубокимъ вздохомъ промолвила:

— Это слуга Анубисъ.

Нѣсколько минутъ царствовала глубокая и томительная тишина, наконецъ Петръ, обращаясь къ Гермасу, спросилъ:

— Помнишь, ты хотѣлъ намъ разсказать, какимъ образомъ пастушка Мирьямъ погибла на полѣ битвы. Она убѣжала изъ нашего дома....

— И отправилась на гору, подхватилъ Гермасъ, гдѣ ухаживала за моимъ отцомъ, какъ родная дочь и носила ему воду.

— Видишь, мама, прервала его Мартана,—Мирьямъ никогда не была зла, я это всегда говорила.

— Сегодня утромъ, продолжалъ Гермасъ, бросивъ сочувствующій и печальный взглядъ на Мартану, Мирьямъ послѣдовала за моимъ отцомъ въ крѣпость и видѣла тамъ его паденіе со стѣны; тогда она бросилась опрометью оттуда сообщить мнѣ эту печальную новость. Мы еще въ дѣтствѣ играли вмѣстѣ съ Мирьямъ, приходившей къ нашему источнику—поить стада козъ. Я игралъ на свирѣли, а она меня съ восторгомъ слушала; а когда я переставалъ играть, она упрашивала меня продолжать, приставая ко мнѣ до тѣхъ поръ, пока я, потерявъ всякое терпѣніе, не уходилъ прочь. Это случалось каждый день, и не смотря на это, мнѣ все таки было очень лестно предпочтеніе Мирьямъ нашего источника другимъ; она была единственнымъ товарищемъ моихъ игръ. Но, по мѣрѣ того, какъ мы выростали, я старался видѣться рѣже съ Мирьямъ, такъ какъ нѣкоторыя ея рѣчи оскорбляли меня, какъ христіанина. Такимъ образомъ мы дѣлались

все болѣе и болѣе чужды другъ другу. Только одинъ разъ между нами произошло..... Но я не буду разсказывать объ этомъ..... Бѣдное дитя, оно такъ тяготилось неволей и въ ея краткой жизни проблескъ свѣта мелькнулъ только на одно мгновеніе и исчезъ.

— Она относилась ко мнѣ лучше, чѣмъ сестра къ брату и думала, что мнѣ легче будетъ услышать отъ нея вѣсть о смерти отца, оттого такъ и спѣшила ко мнѣ. Она видѣла, куда я пошелъ съ фаранитами, послѣдовала за мной и вскорѣ нашла меня, вѣдь у нея были глаза, какъ у газели, и уши, какъ у напуганной птицы. Мы сражались тогда съ блемійцами въ лощинѣ, ведущей отъ горы къ морю.

— Блемійцы превосходили насъ числомъ и окружили насъ со всѣхъ сторонъ; взбираясь, какъ дикія козы, на возвышенности и скалы, откуда градомъ летѣли стрѣлы. Двѣ или три стрѣлы задѣли меня, одна пролетѣла совсѣмъ мимо головы, и зацѣпившись за волосы, такъ и осталась тамъ. О ходѣ битвы я ничего не могу сказать, помню только, что кровь ударила мнѣ въ голову и я какъ сумасшедшій бросался, то туда, то сюда, безпрестанно подымая топоръ размозжить голову кому нибудь изъ язычниковъ.

Замѣтивъ, что часть нашихъ обратилась въ бѣгство, я отозвалъ ихъ назадъ. Они вернулись и тотчасъ послѣдовали за мной.

— Въ одно время я увидѣлъ Мирьямъ блѣдную и дрожавшую, стоявшую у скалы и тревожно слѣдившую за битвой. Я закричалъ ей оставить это мѣсто, но она продолжала стоять и посмотрѣла на меня съ такимъ грустнымъ и сочувственнымъ видомъ, который я никогда не забуду. Ея взглядъ и знаки прямо говорили мнѣ о смерти отца и я понялъ ея, понялъ, ужасное несчастіе, меня поразившее.

— Между тѣмъ полководецъ блемійцевъ напалъ на меня и между нами, на ея глазахъ, завязалась страшная борьба.

— Мой противникъ былъ силенъ, но я также не уступалъ ему, стараясь выказать свою силу Мирьямъ, которая называла меня слабымъ, вѣчно послушнымъ отцу. Я не могъ вынести мысли быть побѣжденнымъ при ней, я съ силою опрокинулъ язычника на землю и убилъ его топоромъ. Я ничего не видѣлъ въ жаркой битвѣ, а только чувствовалъ, что Мирьямъ возлѣ меня.

— Вдругъ я услышалъ позади себя громкій крикъ, и прямо предъ моими глазами упала Мирьямъ, истекая кровью. Когда я давилъ колѣнями грудь блемійца, одинъ изъ его товарищей тихонько подкрался ко мнѣ и протянулъ ужъ копье поразить меня, но Мирьямъ.... Мирьямъ....

— Она спасла тебя цѣною собственной жизни, сказалъ Петръ, прерывая рѣчь юноши, у котораго отъ воспоминаній оборвался голосъ и глаза наполнились слезами.

Гермасъ утвердительно кивнулъ головою и продолжалъ. Когда копье поразило Мирьямъ, она высоко протянула руки и крикнула мое имя. Старшій сынъ Обедіана отомстилъ за ея смерть язычнику; я же поддержалъ Мирьямъ, когда она умирая падала на землю и положивъ ея кудрявую головку на колѣни, ласково называлъ ее по имени.

— Тогда она открыла еще разъ глаза и посмотрѣла на меня такъ мягко и ласково. Я никогда не думалъ, чтобъ дикая Мирьямъ могла смотрѣть такъ кротко и сердечно, и вдругъ ужасно тяжелая боль охватила меня, я сталъ цѣловать ея ротъ и глаза. Потомъ она посмотрѣла на меня еще разъ долгимъ счастливымъ взглядомъ и умерла.

— Она была язычница, сказала Доротея, вытирая платкомъ слезы; но все таки за такую славную смерть Господь ей многое проститъ.

— Я ее любила, отвѣтила Мартана, и хочу положить на ея могилу лучшіе мои цвѣты. Позволь мнѣ так-

же отрѣзать нѣсколько вѣтокъ отъ твоихъ цвѣтущихъ миртъ для вѣнка.

— Завтра, завтра, мое дитя, возразила Доротея, а теперь поди спать; ужъ поздно.

— Позволь мнѣ еще остаться до возвращенія Іетро и Антонія, просила дѣвушка.

— Я охотно бы помогъ вамъ отыскать вашего сына, сказалъ Гермасъ, и если вы хотите, такъ я поѣду въ Раиту и Клизму и разузнаю тамъ о немъ у рыбаковъ. Нашелъ ли центуріонъ передъ смертью свою жену, которую онъ преслѣдовалъ съ амалекитяниномъ Талибомъ?

При этомъ вопросѣ, молодой воинъ въ смущеніи наклонилъ голову и посмотрѣлъ на ноги.

— Сирона до сихъ поръ не возвратилась, продолжалъ Петръ, и можетъ быть... Но ты сейчасъ въ разговорѣ упомянулъ имя Павла, который все время былъ очень близокъ къ тебѣ и твоему отцу. Знаешь ли ты, что это онъ нарушилъ такимъ безстыднымъ образомъ миръ семейной жизни центуріона.

— Павелъ, вскричалъ Гермасъ, какъ вы можете этому вѣрить!

— Фебицій нашелъ его овечью шкуру у своей жены, отвѣтилъ съ важностью Петръ. Въ нашихъ глазахъ наглый Александріецъ призналъ эту шкуру за свою и позволилъ Галлу позорно наказать себя. Онъ совершилъ это постыдное дѣло въ ту ночь, какъ ты былъ посланъ на развѣдки.

— И Фебицій билъ его? вскричалъ Гермасъ, внѣ себя,—и бѣдный перенесъ это униженіе, клевету ради меня! Теперь-то я понимаю его слова! Когда онъ встрѣтился со мной въ оазисѣ послѣ битвы и разсказалъ о смерти отца, то прибавилъ, прощаясь со мной, что онъ самый великій грѣшникъ и что я услышу обо всемъ въ оазисѣ. Я его хорошо знаю: онъ великодушенъ и добръ, но я не допущу его позора и униженія изъ за меня.

Съ этими словами Гермасъ вскочилъ съ мѣста. Встрѣ-

тивъ изумленный взглядъ своихъ хозяевъ, онъ попробовалъ немного успокоиться и сказалъ:

— Павелъ никогда не видалъ Сироны и я еще разъ повторяю: если кого нибудь можно назвать чистымъ и безгрѣшнымъ, такъ это его. Для того, чтобъ избавить меня отъ наказанія, а моего отца отъ горя, онъ взялъ на себя грѣхъ, котораго никогда не совершалъ. На такое самоотверженіе только и способенъ такой вѣрный и истинный другъ! Но я не потерплю, чтобъ еще хоть одно мгновеніе тяготѣлъ надъ нимъ этотъ ужасный позоръ.

— Помни, что ты говоришь съ старикомъ, прервалъ Петръ горячую рѣчь юноши. Твой другъ, въ нашемъ присутствіи сознался самъ.....

— Онъ это сдѣлалъ изъ любви ко мнѣ, перебилъ сенатора Гермасъ. Шкура, которую нашелъ Фебицій принадлежала мнѣ. Когда Фебицій отправился на гору, вмѣстѣ съ почитателями Митры, я пришелъ къ Сиронѣ попросить вина для отца, она позволила мнѣ войти въ домъ и надѣть вооруженіе центуріона. Я вошелъ въ окно; Сирона смѣялась надо мной, когда я надѣвалъ платье Фебиція. Вдругъ совершенно неожиданно воротился центуріонъ. Тогда я выпрыгнулъ изъ окна на улицу, позабывъ эту несчастную шкуру въ комнатѣ Сироны. Во время бѣгства я встрѣтилъ Павла и разсказалъ ему все, какъ было; тогда мой добрый другъ взялся устроить это дѣло и услалъ меня, а самъ заступилъ мое мѣсто, желая избавить моего отца отъ горя. Смотри на меня съ укоризной Доротея, мое непростительное легкомысліе завело меня въ домъ Сироны: но клянусь тебѣ памятью моего отца, котораго отъ меня только сегодня взяло небо, что Сирона играла со мной, какъ съ шаловливымъ мальчикомъ, и что она ни разу не позволила мнѣ прикаснуться къ ея прекраснымъ и золотистымъ волосамъ. Это также вѣрно, какъ то, что я надѣюсь быть воиномъ, и что душа моего отца слышитъ мои слова: грѣхъ, принятый на себя Павломъ, онъ никогда не совершалъ, и проклятіе, которое вы наложили на Сирону, несправедливо: она

никогда не измѣняла мужу для меня, а тѣмъ менѣе для Павла.

Доротея и Петръ смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ, не безъ оттѣнка сомнѣнія; наконецъ Доротея первая прервала молчаніе:

— Зачѣмъ мы должны узнавать это отъ посторонняго, а не отъ самихъ Сироны и Павла? Все это такъ удивительно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто! Да, Петръ, мы сдѣлали бы лучше, еслибъ не сомнѣвались въ Сиронѣ. Сначала мнѣ самой казалось невозможнымъ, какъ такая красавица, какъ Сирона, рѣшилась изъ этого нищаго...

— Какому тяжелому и несправедливому обвиненію подверглась бѣдная женщина, задумчиво говорилъ Петръ, и еслибъ Гермасъ не извѣстенъ былъ своимъ прямодушіемъ и не оказалъ бы столько доблести, то мы конечно не повѣрили бы ему такъ скоро.

— А теперь мы терпимъ тяжелое наказаніе, произнесла со вздохомъ Доротея; и сердце мое обливается кровью. Отчего ты не обращался за виномъ къ намъ Гермасъ? Сколькихъ бы несчастій мы избѣжали тогда.

Юноша опустилъ глаза въ землю и молчалъ. Но вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста и живо проговорилъ:

— Пустите меня отыскивать бѣднаго Павла. Я обязанъ вамъ благодарностью за вашу доброту, но оставаться здѣсь дольше не въ силахъ; я долженъ идти на гору.

Петръ и его жена не удерживали Гермаса, и когда за нимъ захлопнулась калитка, глубокая тишина водворилась въ домѣ сенатора.

Доротея сѣла въ своемъ креслѣ, опустила голову на колѣни и молча утирала слезы, катившіяся по щекамъ; Мартана держала ея руку въ своей и ласкала, а Петръ, стоя у окна и тяжело дыша, печально глядѣлъ на темный дворъ.

Горе свинцовой тяжестью лежало на ихъ сердцахъ. Все молчало вокругъ, только изрѣдка черезъ окно доносился изъ ночной тиши громкій, протяжный и жалобный вопль плакальщицъ, окружавшихъ носилки умершихъ

фарантовъ. Это былъ тяжелый часъ, богатый само-обвиненіями, горемъ, позднимъ раскаяніемъ и бѣдный радостью, надеждой и утѣшеніемъ. Петръ глубоко вздохнулъ, а Доротея поднялась съ мѣста, и подошла къ своему мужу утѣшить его сердечнымъ и откровеннымъ словомъ.

Собаки лаяли на дворѣ, а грустно и чутко настроеный отецъ тихо сказалъ:

— Можетъ быть это они?

Доротея положила свою руку на руку мужа, но тотчасъ отдернула ея назадъ, когда услыхала стукъ въ ворота.

— Нѣтъ это не могутъ быть Іетро и Антоній, замѣтилъ Петръ. Они взяли ключъ съ собой.

Мартана подошла къ отцу и ласкаясь прижалась къ нему, въ то время, какъ онъ высунувшись изъ окна, окликнулъ стучащаго во дворъ:

— Кто стучитъ?

За громкимъ лаемъ собакъ, ни сенаторъ, ни обѣ женщины, нетерпѣливо ожидавшія отвѣта, ничего не могли разслышать.

— Послушай хорошенько, сказала Доротея мужу,— Аргусъ лаетъ такъ, какъ онъ лаетъ всегда, радуясь твоему или моему возвращенію домой.

Петръ приложилъ палецъ къ губамъ и пронзительно свиснулъ; собака, повинуясь этому приказанію, сейчасъ замолчала, а сенаторъ громко закричалъ во дворъ:

— Кто бы ты ни былъ, отвѣчай громко, кто ты и тогда я отворю ворота.

Онъ дожидался отвѣта нѣсколько минутъ и собирался было повторить вопросъ, какъ вдругъ мягкій и робкій женскій голосъ отвѣчалъ:

— Это я, Петръ, я убѣжавшая Сирона.

Только что эти слова раздались въ ночной тиши, какъ Мартана сбросила съ плеча руку отца, сбѣжала съ лѣстницы и кинулась къ воротамъ.

— Сирона милая, бѣдная Сирона, кричала дѣвушка, отодвигая задвижку воротъ; какъ только ворота откры-

лись и Сирона вошла на дворъ, Мартана бросилась ей на шею, и цѣловала, и ласкала ея, какъ милую, дорогую сестру.

Потомъ она схватила Сирону за руку и, осыпая ее градомъ милыхъ словъ, потащила на лѣстницу въ комнаты. Петръ и Доротея встрѣтили ихъ на порогѣ; послѣдняя, прижавъ Сирону къ сердцу, поцѣловала ее въ лобъ.

— Бѣдная женщина, мы знаемъ, какъ несправедливо поступили съ тобой и постараемся это загладить.

Сенаторъ подошелъ также къ Сиронѣ, пожалъ ея руку и раздѣлилъ привѣтствіе Доротеи задушевно, но съ нѣкоторымъ достоинствомъ; онъ не зналъ, получила ли Сирона извѣстіе о смерти своего мужа. Сирона въ отвѣтъ не находила словъ.

Спускаясь съ горы, она ожидала пріема суроваго, ожидала, что ее оттолкнутъ, какъ отверженную, а между тѣмъ встрѣтила совершенно противное. Ея сандаліи, изорванныя отъ острыхъ камней, висѣли клочками на окровавленныхъ ногахъ, прелестные волосы, растрепавшіеся отъ вѣтра, распадались по плечамъ, ея верхняя бѣлая одежда походила на лохмотья нищаго, такъ какъ Сирона рвала ее для перевязки раны Поликарпа. За нѣсколько часовъ, передъ тѣмъ, оставляя своего больнаго, она такъ боялась встрѣчи съ родителями Поликарпа.

Какъ дрожала ея рука, опуская желѣзную колотушку на ворота сенатора. И вдругъ теперь, вмѣсто ожидаемаго горя, передъ нею открылись объятія отца, матери и сестры, всѣ такъ привѣтливо отнеслись къ ней въ этомъ дорогомъ для нея домѣ. Безграничное волненіе и глубокое чувство благодарности овладѣли душою Сироны и она, громко зарыдавъ, прижимала къ сердцу сложенныя руки.

Но только нѣсколько мгновеній наслаждалась Сирона этимъ чувствомъ; для нея не было полнаго счастья безъ Поликарпа, ради котораго она и согласилась предпринять такой опасный ночной путь.

Мартана опять было подошла къ ней съ нѣжной

привѣтливостью, но Сирона ласково отстранила ея, сказавъ:

— Не теперь, моя милая, не теперь. Я ужъ и такъ потеряла цѣлый часъ, заблудившись въ ущельи. Петръ приготовься за мной идти на гору, не пугайся Доротея, большая опасность, по словамъ Павла, ужъ миновалась, если Поликарпъ.....

— Ради Бога скажи, ты знаешь, гдѣ Поликарпъ? вскричала Доротея, съ ярко загорѣвшимися щеками, точно также и Петръ, страшно поблѣднѣвъ и перерывая дыханіе, торопилъ вопросомъ:

— Гдѣ Поликарпъ, что съ нимъ случилось?

— Приготовтесь услышать дурное, отвѣчала Сирона, смотря боязливо и грустно на родителей, какъ будто прося прощенія за передачу имъ печальной новости. Поликарпъ упалъ на острый камень и повредилъ себѣ голову. Павелъ принесъ его сегодня утромъ ко мнѣ, поручивъ мнѣ уходъ за нимъ. Я заботливо омыла и перевязала рану, и къ обѣду онъ открылъ глаза, узналъ меня и сказалъ, что вѣроятно вы сильно безпокоитесь о немъ. Послѣ заката солнца онъ заснулъ, но лихорадка не прекращалась до прихода Павла. Не будете ли вы такъ добры дать мнѣ освѣжающаго напитка, такъ какъ я сейчасъ возвращаюсь къ нему.

— Во время разсказа голосъ Сироны звучалъ грустно, а глаза наполнились слезами.

Петръ и Доротея смотрѣли на нея, какъ на пѣвца, въ траурномъ платьѣ съ радостной пѣснью о свиданіи и надеждѣ.

— Мартана, подай поскорѣй корзинку съ перевязками, распорядилась Доротея, съ блестѣвшими отъ волненія глазами, а питье я сама приготовлю.

Петръ подошелъ къ729 Сиронѣ и тихо допрашивалъ дѣйствительно ли Поликарпу не хуже, чѣмъ ты говорила?

— Живъ ли онъ и говоритъ ли Павелъ...

— Павелъ говоритъ, прервала его Сирона, что боль-

ной при хорошемъ уходѣ, чрезъ нѣсколько недѣль, совершенно поправится.

— И ты можешь меня къ нему отвесть!

— Ахъ, воскликнула Сирона, ударивъ себя по лбу; мнѣ, можетъ быть, самой не посчастливится найти Поликарпа, вѣдь я не дѣлала никакихъ знаковъ по дорогѣ. Но, погодите,—до насъ въ этой пещерѣ жилъ отшельникъ изъ Мемфиса, умершій нѣсколько недѣль тому назадъ.

— Старый Серапіонъ? спросилъ сенаторъ.

— Да, онъ такъ назывался, отвѣчала Сирона. Знаешь ли ты его пещеру?

— Какъ я могу знать, возразилъ Петръ; но можетъ быть Агапитъ....

— Источникъ, гдѣ я черпала воду, для промыванія раны Поликарпа, Павелъ называлъ Колодцемъ Куропатокъ.

— Колодецъ Куропатокъ, повторилъ сенаторъ, да я знаю это мѣсто! Глубоко вздохнувъ, онъ взялъ въ руки посохъ и закричалъ Доротеѣ: ты приготовишь питье, тесьмы для перевязи и факелы, пока я схожу къ сосѣду Магадону попросить у него невольниковъ.

— Позволь мнѣ идти съ тобой, просила Мартана.

— Нѣтъ, ты останешься съ матерью.

— Думаешь ли ты, что я буду ожидать здѣсь твоего возвращенія, сказала Доротея. Нѣтъ, я пойду съ вами.

— Тебѣ и здѣсь найдется дѣло, а намъ придется очень скоро спускаться съ горы, замѣтилъ Петръ.

— Да, я васъ задержу, сказала со вздохомъ мать, но Мартану ты можешь взять съ собой; у нея легкая, счастливая рука.

— Если тебѣ такъ этого хочется, прибавилъ сенаторъ и вышелъ изъ комнаты.

Пока мать и дочь приготовляли все необходимое для ночнаго путешествія, онѣ, все таки, находили время обращаться къ Сиронѣ съ ласковыми словами и вопросами. Мартана, не прерывая своей работы, поставила передъ ней на столѣ кушанье и питье, до которыхъ усталая Сирона едва коснулась губами.

ГЛАВА XXI.

Павелъ сидѣлъ передъ пещерой, бывшей пріютомъ Сироны и Поликарпа, и взоромъ слѣдилъ за факелами, свѣтъ которыхъ по мѣрѣ того, какъ носильщики спускались въ долину, казалось все уменьшался. Эти факелы освѣщали дорогу раненому скульптору, котораго въ носилкахъ переносили въ оазисъ отецъ сенаторъ Петръ и сестра Мартана.

— Черезъ часъ, раздумывалъ анахоратъ, мать увидитъ своего сына; черезъ недѣлю Поликарпъ совершенно оправится; черезъ годъ одинъ лишь рубецъ напомнитъ ему вчерашній день и можетъ быть поцѣлуй розовыхъ устъ Сироны, а мнѣ? мнѣ труднѣе забыть этотъ день! Лѣстница, которую я сооружалъ столько лѣтъ въ увѣренности достигнуть по ней небесъ, казавшаяся мнѣ такой великой и прочной, вдругъ разрушилась на мелкія части и рука, разрушившая ее, рука моей собственной слабости. Не владѣетъ ли слабость бóльшей силой, чѣмъ такъ называемая внутренняя сила? послѣдняя созидаетъ долго, цѣлыми годами, первая разрушаетъ въ мгновеніе. Въ слабости и я атлетъ.

Павелъ почувствовалъ сильный холодъ, и по членамъ его пробѣгала дрожь. Въ то утро, когда онъ принялъ на себя преступленіе Гермаса, онъ далъ обѣтъ не надѣвать овечьей шкуры, и это лишеніе доставляло ему не мало страданій. Тѣло его, привыкшее къ теплой одеждѣ, сдѣлалось чувствительно и особенно послѣ горячихъ и лихорадочныхъ волненій, напряженія, безсонницы и возбужденій послѣднихъ дней. Трясясь отъ холода, онъ пытался защититься своей скудной одеждой и бормоталъ:

— Я похожъ теперь на овцу, обстриженную въ серединѣ зимы; я дрожу, а голова моя горитъ, какъ у пекаря при выниманіи хлѣбовъ изъ печи; я слабъ, дитя могло бы сшибить меня; глава мои слипаются. У меня нѣтъ силы даже молиться, а въ молитвѣ чувствую глубокую потреб-

ность. Дѣйствительно, моя цѣль вѣрна и пряма, но какъ только я подумаю, что достигаю ее, какъ собственная слабость отдаляетъ меня, какъ вѣтеръ отклоняетъ плодовую вѣтку отъ руки алчущаго Тантала. Покинувъ свѣтъ, я убѣжалъ сюда на гору, но свѣтъ слѣдовалъ вмѣстѣ со мной и точно также и здѣсь окуталъ меня своими сѣтями. Не нужно ли мнѣ найдти болѣе уединенную пустыню, гдѣ я былъ бы одинъ, совершенно одинъ, съ моимъ Богомъ и съ самимъ собою? Но вѣдь я и здѣсь нашелъ бы искомый истинный путь, еслибъ это «я», «я», въ которомъ, какъ въ ничтожной точкѣ, отражается весь міръ со всѣми его страстями, не преслѣдовало меня и не портило всего подвига; кто не отдѣляетъ этого «я» и въ пустынѣ, тотъ и тамъ не одинъ.

Павелъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ: а вѣдь какъ я загордился, перенеся удары бича центуріона за Гермаса, точь въ точь какъ пьяный, упадающій на лѣстницѣ со ступеньки на ступеньку. Вотъ и бѣдный Стефанъ, какъ недалеко былъ отъ цѣли, и тоже палъ, у него не достало мужества простить врагу. За то сенаторъ, у котораго я безвинно искалечилъ любимаго сына, вотъ сейчасъ такъ дружелюбно подалъ мнѣ руку въ знакъ примиренія, и видно было, что онъ въ душѣ простилъ меня. А между тѣмъ этотъ сенаторъ Петръ ведетъ жизнь мірскую и съ утра до ночи занимается мірскими дѣлами.

Сильный ознобъ прервалъ думы Павла, такъ какъ съ разсвѣтомъ холодъ усилился, сдѣлался чувствительнѣе и рѣзче; онъ попытался развести огонь.

Въ то время, какъ отшельникъ раздувалъ уголья, къ нему подошелъ Гермасъ. Узнавъ отъ носильщиковъ Поликарпа, гдѣ нужно искать Павла, онъ нашелъ его, взялъ его руку и съ глубокою нѣжностью сталъ благодарить его за принесенную тяжкую жертву, за перенесенное позорное наказаніе за его проступокъ.

Павелъ уклонился отъ благодарности и поспѣшилъ заговорить о покойномъ Стефанѣ и о будущности Гермаса.

При наступленіи дня молодой человѣкъ сталъ соби-

раться въ оазисъ для отданія покойному послѣдняго долга. На просьбу его идти вмѣстѣ, Павелъ рѣшительно отказался.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ онъ, не теперь. Если я теперь сойдусь съ людьми, то разорвусь, какъ старый кожанный мѣхъ, въ которомъ бродитъ молодое вино. У меня въ головѣ будто рой пчелъ, а въ груди муравейникъ. Поди, а меня оставь одного.

Совершивъ погребеніе и дружески простившись съ Петромъ, Доротеей и Агапитомъ, Гермасъ возвратился къ Александрійцу, вмѣстѣ съ которымъ пошелъ въ пещеру, гдѣ онъ жилъ такъ долго съ покойнымъ отцомъ.

Тутъ отшельникъ передалъ Гермасу письмо его отца къ дядѣ, и въ голосѣ Павла звучала особенная нѣжность.

Оба они на ночь улеглись спать, но ни одинъ изъ нихъ не находилъ ни покоя, ни сна. Временами Павелъ шепталъ отрывистыя слова, въ которыхъ высказывалось глубокое страданіе.

— Напрасно, напрасно, все напрасно! Я ищу, но кто покажетъ мнѣ путь?

Еще до разсвѣта оба поднялись. Въ послѣдній разъ Гермасъ сошелъ къ источнику, преклонилъ тамъ колѣни и горячо молился о своемъ отцѣ и дикой Мирьямъ.

И вновь образы минувшаго возникли въ его памяти. Могучая сила любви нашла отголосокъ: и жалкая, смуглая дѣвушка вспомнилась ему привлекательнѣе прелестной молодой женщины, восторгавшей сердце художника.

Затѣмъ передъ восходомъ солнца, Павелъ вмѣстѣ съ Гермасомъ отправился въ рыбачье поселеніе къ старому знакомому израильтянину, торговому товарищу покойнаго его отца и, взявъ отъ того достаточное количество денегъ для Гермаса, проводилъ его до судна, отправляющагося въ Клизму.

Тяжело было анахорету разставаться съ Гермасомъ; глаза наполнились слезами и руки его дрожали.

— Не безпокойся обо мнѣ, Павелъ,—успокоивалъ его Гермасъ, — мы свидимся опять: я всегда буду помнить тебя и отца.

— И свою мать, дополнилъ Павелъ. Вотъ и тебя не будетъ со мной, впрочемъ я желаю и ищу горя. Кто могъ бы взять на себя горе всего міра и ощущать душевную муку при каждомъ біеніи своего сердца, съ какимъ упованіемъ и надеждой долженъ бы тотъ ожидать призыва Спасителя!

Съ плачемъ обнялъ его Гермасъ и испугался до какой степени сухи и горячи были губы анахорета, поцѣловавшія его въ лобъ.

Но вотъ наконецъ матросы стянули канатъ и Павелъ, обращаясь къ юношѣ, въ послѣдній разъ сказалъ:

— Ступай теперь своей дорогой, но никогда не забывай святой горы и всегда помни мой совѣтъ: изъ всѣхъ грѣховъ самые тяжелые три: поклоняться ложнымъ богамъ, желать жену ближняго и поднимать руку на убійство. Ихъ ты старайся избѣгать. Изъ всѣхъ добродѣтелей самыя великія и самыя трудныя: правдивость и смиреніе. Ты долженъ имъ слѣдовать. Изъ всѣхъ утѣшителей самые вѣрные и самые сильные: это желать справедливаго, какъ бы ни ошибался и ни оступался по человѣческой слабости и—молиться.

И обнявъ еще разъ Гермаса, онъ, уже не обарачиваясь, пошелъ по береговому морскому песку въ направленіи къ горѣ.

Глубоко озабочивало Гермаса положеніе Павла. Слѣдя внимательно за уходящимъ другомъ, онъ видѣлъ, какъ этотъ могучій, сильный человѣкъ шатался, какъ опьянѣлый и часто брался рукой за лобъ, который вѣроятно также пылалъ, какъ пылали его губы.

Послѣ того молодой человѣкъ уже никогда не видалъ ни святой горы, ни сенатора Петра, но прославясь на войнѣ и занявъ видное общественное положеніе, онъ видѣлся съ Поликарпомъ, съ большимъ почетомъ вызваннымъ императоромъ въ Византію; тамъ онъ увидѣлъ и

счастливую милую супругу Поликарпа и мать семейства —Сирону.

Куда же скрылся Павелъ послѣ разлуки съ Гермасомъ— неизвѣстно. Долго безъ всякаго успѣха искали его отшельники и самъ епископъ Агапитъ; послѣднiй, узнавъ отъ сенатора Петра о его безвинномъ наказанiи и изгнанiи, желалъ самъ лично высказать ему прощенiе и утѣшенiе. Наконецъ уже черезъ десять дней Орiонъ въ одной очень отдаленной пещерѣ нашелъ Павла, но уже не прежняго Павла.

Мирный ангелъ смерти засталъ его середи молитвы не задолго до этаго, такъ какъ тѣло его еще не охладѣло. Онъ стоялъ на колѣняхъ, прислонившись лбомъ къ утесу, держа исхудалыми пальцами кольцо Магдалины.

Отшельники уложили тѣло успокоеннаго друга на носилки; на благородномъ лицѣ покойнаго свѣтилась чистая неземная улыбка.

Слухъ о его смерти съ невѣроятной быстротой разнесся по оазису, по окружнымъ рыбачьимъ поселенiямъ, по всѣмъ пещерамъ отшельниковъ и хижинамъ амалекитскихъ пастуховъ.

И вотъ безчисленное множество народа стеклось на проводы къ послѣднему жилищу. Впереди всѣхъ провожалъ епископъ Агапитъ съ старѣйшинами и дьяконами, за ними шли сенаторъ Петръ, съ супругой и со всѣми семейными, въ числѣ которыхъ находилась и Сирона.

Выздоровѣвшiй Поликарпъ положилъ на его могилу пальмовую вѣтку въ знакъ примиренiя, и эта могила скоро сдѣлалась мѣстомъ общаго благоговѣнiя, и поклоненiя всѣхъ тѣхъ, кому покойный съ такой добротой помогалъ въ нуждѣ.

Сенаторъ соорудилъ на его могилѣ памятникъ, на которомъ сынъ его Поликарпъ начертилъ слова, написанныя дрожащими руками покойнаго углемъ на стѣнѣ пещеры:

«Помолитесь за меня грѣшнаго. Человѣкъ—я».

земли окружающія селенія и назначенныя для пастьбы скота (поскотины) находятся въ общемъ пользованіи всего селенія, и не могутъ быть заняты отдѣльными лицами въ исключительное ихъ пользованіе (свѣдѣніе это относится къ 1853 году.). Точно также и въ Кубанской области юртовыя земли не раздѣляются на участки, а только мѣста ближайшія къ усадьбамъ отводятся подъ общее пастбище; затѣмъ хлѣбопашество и сѣнокошеніе на станичныхъ земляхъ производятся каждымъ хозяиномъ по своему усмотрѣнію, гдѣ онъ найдетъ удобнымъ (Памятная книжка Кубанской области на 1875 г.). Въ иныхъ мѣстностяхъ въ одной части общинной земли предоставляется каждому члену общины свободное пользованіе, между тѣмъ какъ другая часть передѣляется періодически между всѣми общинниками. Въ Николаевской станицѣ Терскаго казачьяго войска участки, назначенные станичнымъ сходомъ подъ посѣвъ, дѣлятся между всѣми казаками, имѣющими не менѣе 17 лѣтъ отъ роду. Затѣмъ, каждый казакъ имѣетъ право обработывать земли сколько можетъ во всѣхъ лощинахъ, кругахъ и другихъ незанятыхъ и малоудобныхъ мѣстахъ. Такая свобода пользованія называется *вольницею*. Въ Галашевской и Фельдмаршальской станицахъ лучшія сѣнокосы дѣлятся между казаками, а худшіе на склонахъ горы и въ ложбинахъ могутъ коситься каждымъ безъ всякаго ограниченія. Въ Ессентукской станицѣ каждому казаку предоставляется распахивать столько земли, сколько онъ хочетъ. По господствующему обычаю, каждый заблаговременно выбираетъ себѣ пахатные участки и обводитъ плугомъ ихъ границы, въ знакъ того, что эти участки уже заняты. Въ той же станицѣ лучшіе сѣнокосы дѣлятся на паи, а худшіе предоставляются въ вольное пользованіе каждаго (Статистическіе матеріалы для изученія быта Терскаго войска, стр. 25, 57, 84, 117 и 118. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, 1878 г., т. IV). Въ Городищенской волости Устюжскаго уѣзда Вологодской губерніи, ближайшая къ селеніямъ пахатная земля распахивается каждымъ свободно (Молва, 1876; 31. Остроумовъ). Въ Юкавскомъ сельскомъ обществѣ Лодейнопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи трехпольныя пашни и часть сѣнокосовъ передѣляются по приговору

сходовъ; остальною землею никѣмъ незанятою, можетъ пользоваться каждый, принадлежащій къ обществу, сколько и гдѣ хочетъ (Отеч. записки, 1874, 2; статья Л—ша). Въ землѣ Уральскаго войска изъ вольнаго пользованія изъятъ только лѣсъ (Представленіе военнаго министра въ государственный совѣтъ 31 окт. 1875 г., № 1291). Напротивъ того въ Сибири, за исключеніемъ Курганскаго округа Тобольской губерніи, лѣса предоставлены въ вольное пользованіе каждаго, а пашни и сѣнокосы во многихъ мѣстностяхъ передѣляются по приговорамъ сходовъ (Газета Сибирь, 1877, 20. Общинное землевладѣніе въ Сибири). Въ Казанской станицѣ Донскаго войска, еще недавно отъ свободнаго пользованія изъяты были только луговые сѣнокосы (Тимощенковъ. Труды областнаго войска Донскаго статистическаго комитета, 1874, 2; стр, 146).

Бываютъ случаи, что земля, изъятая изъ свободнаго пользованія, вновь предоставляется для вольнаго захвата. Въ Галашевской станицѣ Терскаго войска пахатную землю дѣлили прежде на паи по числу казаковъ, имѣвшихъ не менѣе 17 лѣтъ, но вслѣдствіе неурожаевъ и незначительной величины паевъ, приговоромъ схода вновь введена *вольница*, т. е. свободная распашка земли каждымъ станичникомъ въ томъ количествѣ, въ какомъ онъ пожелаетъ (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, 1878; т. IV; Статистическіе матеріалы для изученія быта Терскаго казачьяго войска, стр. 48).

Что касается до права вольнаго захвата, то въ сѣверныхъ губерніяхъ оно не ограничено почти никакими стѣсненіями въ интересахъ общины: каждый можетъ распахивать, косить, гдѣ и сколько хочетъ, но вѣроятно, всегда, лишь въ размѣрахъ своихъ потребностей и силъ (Молва, 1876, № 31; Остроумовъ; Отечеств. Записки, 1874, 2, Л—шъ; Древняя и новая Россія, 1876, № 10. Потанинъ, Никольскій уѣздъ, Вологодской губерніи. Haxttausen, Studien über die innern Zustände Russlands, Bd. I, p. 228, 237, 240—242, 262, 297, 300; II, 290). Какъ кажется, такая же неограниченная свобода пользованія существовала и въ древней Россіи: починки основывались каждымъ совершенно независимо отъ общины. Въ казацкихъ общинахъ нашего времени, напротивъ, вольное пользованіе подчинено

нѣкоторымъ ограничительнымъ правиламъ. Въ Галашевской станицѣ Терскаго войска, на правой сторонѣ р. Ассы до 1876 года была вольница, но съ слѣдующими ограниченіями: 1) здѣсь никто не имѣлъ права косить ранѣе срока опредѣленнаго сходомъ; 2) впродолженіе извѣстнаго времени, заранѣе назначеннаго сходомъ, казачьи семьи могли косить только собственными силами, безъ наемныхъ работниковъ; 3) затѣмъ наступалъ второй срокъ, когда можно было нанимать работниковъ, но число ихъ не должно было превосходить числа отбывныхъ душъ въ семействѣ (отбывными душами называются казаки, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ отъ роду). По истеченіи этого срока предоставлялось каждому право нанимать работниковъ безъ ограниченія ихъ числа и наступала полная вольница. Ограниченія эти имѣли цѣлью оградить недостаточныхъ членовъ общины и тѣ семьи, работники которыхъ, занятые службой не могли участвовать въ сѣнокошеніи (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. Статистическіе матеріалы для изученія быта Терскаго войска, стр. 49). Въ Казанской станицѣ во время свободнаго пользованія землею, участки, распаханные другими можно было занять не ранѣе, какъ на пятый годъ послѣ первоначальной ихъ распашки, если хозяинъ не вспашетъ ихъ вновь. Къ поставленному въ полѣ гумну запрещено было припахивать ближе 50 саженъ (Тимощенковъ, Донскія областныя вѣдомости, 1872, 43. Относительно права пользованія и ограниченій его въ землѣ Уральскаго войска будетъ сказано подробно далѣе). Срокъ, впродолженіи котораго лица, занявшія участки въ незанятой землѣ, имѣютъ право пользоваться ею, не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаковъ. Въ Городищенской волости, Устюжскаго уѣзда Вологодской губ., дерюги (расчистки въ лѣсу), расчищенныя отдѣльными домохозяевами, не отбираются отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не вознаградится трудъ, употребленный на расчистку; старыя же дерюги присоединяются къ общимъ полямъ, какъ только общество признаетъ это нужнымъ (Молва, 1876, № 31). Тоже принято и въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи (Древняя и новая Россія, 1876, № 10. Потанинъ, Никольскій уѣздъ). Въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ Олонецкой

губерніи сѣнокосы, расчищенные отдѣльными домохозяевами остаются обыкновенно въ ихъ пользованіи впродолженіи 40 лѣтъ (этотъ срокъ былъ указанъ закономъ для казенныхъ крестьянъ, хотя законъ допускалъ назначеніе міромъ и другихъ сроковъ по обоюдному согласію съ занявшимъ землю. Общ. сводъ постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, по продолженію къ ст. 432, примѣчаніе). Но по приговору сельскаго схода они могутъ быть передѣлены и ранѣе 40 лѣтъ. (Л—шъ). Въ Сибири общества опредѣляютъ иногда срокъ пользованія пашнею, поднятою на свободныхъ земляхъ отдѣльнымъ домохозяиномъ. Этотъ срокъ бываетъ отъ 20 до 90 лѣтъ (Газета Сибирь. Общинное землевладѣніе въ Сибири, 1877; 21).

Если читатель обратитъ вниманіе на порядокъ, въ которомъ расположены приведенныя выше данныя относительно современной волостной общины, то онъ замѣтитъ въ немъ извѣстную послѣдовательность въ направленіи перехода этой общины въ деревенскую. Нераздѣльное и неограниченное пользованіе землей съ постепеннымъ измѣненіемъ въ цѣнности земли, обусловливаемой возрастаніемъ плотности населенія и размѣровъ поселковъ, уступаетъ мало по малу мѣсто общинному землепользованію съ передѣлами и большему ограниченію хозяйственной свободы личности въ интересахъ равенства всѣхъ членовъ общины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ данныя эти не подтверждаютъ предположенія, будто бы волостная община предоставленная сама себѣ, можетъ или даже должна разрушиться вслѣдствіе слабой внутренней связи составляющихъ ее частей. Какъ бы ни была ничтожна цѣнность земли, какъ бы далеко поселки ни лежали другъ отъ друга, и какъ бы мало поводовъ и случаевъ ни имѣла община вмѣшиваться въ отношенія отдѣльныхъ членовъ другъ къ другу и къ ней самой, общинная связь не можетъ уничтожиться безъ особаго внѣшняго вліянія. (Впослѣдствіи при разсмотрѣніи земли Уральскаго войска, мы увидимъ, какія вредныя послѣдствія могло бы повлечь за собою для хозяйственныхъ интересовъ каждаго раздѣленіе войсковыхъ угодій по станицамъ, и какъ, напротивъ, много выгодъ представляетъ такое общее нераздѣльное землепользованіе). Потому всего вѣроятнѣе предположить, что

разрушеніе древней волостной общины произошло вслѣдствіе раздачи земель и административной группировки селеній безъ всякаго соотвѣтствія съ ихъ поземельными отношеніями.

Но какъ бы то ни было, въ XV—XVI вѣкахъ, мы видимъ лишь обломки волостныхъ общинъ, а наиболѣе распространенной формой крестьянскаго землевладѣнія была та же самая, которая существуетъ и въ настоящее время, то-есть, деревенская община. Каждый отдѣльный поселокъ образовалъ отдѣльную поземельную группу, не имѣвщую никакой связи по землѣ съ сосѣдними селеніями. Поселки эти носили различныя названія, указывающія на способъ ихъ образованія, и различались также по пространству владѣемой земли, по количеству жителей и по ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Наиболѣе распространенныя названія ихъ были: выставка, починокъ, деревня, сельцо, село, погостъ, слобода, ямъ и рядокъ. Послѣднія три названія относятся впрочемъ къ поселкамъ, отличающимся болѣе ремесленнымъ или промышленнымъ характеромъ, хотя земледѣліе и здѣсь составляло одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованію.

Разсмотримъ каждый изъ перечисленныхъ разрядовъ поселковъ подробно.

Выставкой называлось поселеніе, основанное переселенцами изъ другаго села или деревни. (Прил. 115) Волость, составившаяся изъ такихъ выставокъ, сама называлась «волостью выставкой». (Выставка погостъ на озерѣ на Магѣ. съ церковью (Нев. Прил. 335. Ср. 338). Наиболѣе употребительное названіе для заводящихся селеній было *починокъ*. Это названіе указываетъ только на ту особенность поселенія, что оно начиналось, такъ что мы лишены всякой возможности опредѣлить, которые изъ починковъ заводились выселенцами изъ мѣстныхъ селъ и какіе посторонними пришельцами. Первые должны были встрѣчаться чаще (Выставка изъ села Неволинъ, прилож. 251, 277 стр.). Починки встрѣчаются въ Россіи XVI в. въ громадномъ множествѣ. Въ большинствѣ изъ нихъ, по новгор. писцовымъ книгамъ, въ концѣ XVI в., вовсе нѣтъ пашни, въ другихъ она только начинается напр. «Починокъ Лешино, дв. Ѳедко, пашни—нѣтъ, сѣлъ ново». (Дер.

I. 51. Ср. 82. 149. 177. 251. 265. 469. 507. 629. 650. 663. 726. 2. 584. 595). Напротивъ „Починокъ Пепелниково: дв. Ивашьо Исаковъ, сѣетъ ржи коробью, а сѣна коситъ 8 коп., пол-обжы, дохода нѣтъ, сѣлъ ново". (Дер. II, 490). Въ Тверскомъ уѣздѣ (по писц. к. 1540 г.) и въ центральныхъ уѣздахъ починки всегда почти имѣли пашню. Напр. «починокъ Тулупово 1 дв., пашни въ полѣ 2 четьи, сѣна 3 коп.» «Починокъ Мокрой, 1 дв., пашни въ полѣ 4 четьи, сѣна 2 копны". Затѣмъ идетъ описаніе еще 10 такихъ же починковъ съ пашней и сѣнокосомъ. И тутъ же описываются 3 займища (Писц. кн. Калач. II, 114). Починокъ, не имѣющій пашни представляетъ рѣдкое явленіе (Ср. Писц. кн. II. 38). Починки были большей частью однодворныя селенія, и только изрѣдка встрѣчалось въ какомъ нибудь изъ нихъ, 2, 3 дв., земли подъ ними меньше, чѣмъ подъ старыми селеніями. Такъ, въ Посонскомъ погостѣ Дерев. пятины въ каждомъ изъ 5 починковъ по 1 дв. и 1 челов., на каждый дворъ приходится по $^3/_5$ обжи, тогда какъ въ старыхъ поселеніяхъ приходится среднимъ числомъ на дворъ по обжѣ. Изъ 11 починковъ въ помѣстьѣ Левашова въ Микулинской четверти Тверскаго уѣзда только въ одномъ 3 двора а въ остальныхъ—10 по 1 дв. Въ каждомъ изъ нихъ земли меньше чѣмъ въ деревняхъ. Между тѣмъ какъ въ деревнѣ Доронкинѣ (тутъ же) на 1 дв. приходится 10 четв. въ полѣ и 5 коп. сѣна, въ погостѣ Бакшеевское займище на 1 дв. прих. 2 четв. и 12 коп. сѣна (П. к. Калач. II. 124), въ починкѣ Ямышова Веретея на 1 дв. прих. 2 четв. пашни и 3 коп. сѣна (ibid. 114). Въ 12 починк. вокругъ села Озаткова въ той же четверти въ каждомъ по 1 двору. Впрочемъ въ количествѣ дворовъ, земли и сѣнокоса между самими починками замѣчается большое разнообразіе. Такъ, въ черныхъ деревняхъ волости Захожье, Твер. уѣзда, въ одномъ изъ починковъ на 1 дв. пашни въ полѣ 2 четв., сѣна 3 копны, а рядомъ съ нимъ въ другомъ—на 1 дворъ приходится пашни въ полѣ 5 четв. и сѣна 160 коп. (П. к. II 50). Вотъ образецъ описанія починка: „Починокъ Лазаревскій, а Климовскій тожъ, на рѣчкѣ на Човкѣ, а въ немъ крестьянъ 2 дв., пашни паханые худ. земли 5 четв., да лѣсомъ поросло 2 четв. въ полѣ, а въ дву

потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Човкѣ и по Заполью 30 коп., лѣсъ вонче съ дерев. Поповской". (П. кн. изд. Кал. II. 38).

Названіе починокъ обыкновенно удерживалось поселкомъ только до истеченія льготнаго срока, на который поселенецъ освобождался отъ платы дохода помѣщику или оброка князю. Съ этого времени починокъ становился деревнею.

Деревня представляетъ наиболѣе распространенный видъ селеній въ XVI в., такъ что древнюю не городскую Россію можно назвать не сельскою, какъ теперь, а деревенской. Подъ деревней разумѣлась вообще незначительная группа дворовъ съ извѣстнымъ количествомъ пашень, сѣнокоса и лѣса. Иногда названіе деревни прилагалось именно къ этой послѣдней части ея, что видно изъ выраженій «распахать деревню» и т. д. Вотъ описаніе деревни въ Новгородской области: деревня Часовня: дв. Микитка Ивановъ; дв. Олтушко, сѣетъ ржи 5 короб., а сѣна косятъ 20 коп., 2 обжи» (Дер. I. 187). Въ твер. уѣздѣ «дер. Савкино, 4 дв., пашни въ полѣ 12 четв., сѣна 105 коп. (П. кн. II. 80). Въ Сузд. уѣздѣ «дер. Кропивная, а въ ней крестьянъ 4 дв., пашни худ. земли 20 четв., да перелож. 15 четв., да лѣсомъ поросло 20 четв. въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 коп., лѣсу непашеннаго десятина (П. кн. Кал. I. 860). Населенность деревень, равно какъ и другихъ поселковъ замѣтно возрастала по направленію отъ окраинъ къ центру (Очеркъ ист. сельской общины, стр. 54). Причины такого явленія надо искать главнымъ образомъ въ почвенныхъ условіяхъ сѣвернаго пространства Россіи, гдѣ удобныя земли встрѣчаются лишь клочками.

Сельцомъ называлось селеніе, служившее въ какомъ либо отношеніи центромъ для извѣстной группы деревень и починковъ. Впрочемъ признаки средоточія въ сельцѣ вообще довольно слабы. Дѣйствительно довольно часто встрѣчаемъ мы въ сельцѣ мѣстопребываніе помѣщика или его прикащика съ крѣпостными людьми (Сельцо Якимово; въ немъ дворъ Васюковъ (помѣщичій), а въ немъ самъ живетъ, а людей его: дворъ Ивашко Слѣпой, дв. Гридка ключникъ, сѣютъ на Васюка обжу и т. д. (Дер. писц. кн. II, 597; ср. 594, 638, 647; I, 131, 138, 139, 251). Но помѣщики жили

Количество населенія въ погостахъ значительнѣе сравнительно съ селами и деревнями и иногда достигало довольно высокой цифры: напримѣръ, въ погостѣ Солцо, въ Жабенскомъ погостѣ, было 39 дворовъ. Между погостскими жителями было не мало ремесленниковъ, торговцевъ и промышленниковъ, вообще «непашенныхъ» людей (Писц. кн. Дерев. пятины I, 691. Ср. II. 756, 445). Лавки, амбары, торги (Неволинъ, Приложеніе 281, 175, 359), встрѣчающіяся въ иныхъ погостахъ также указываютъ на ихъ торговое значеніе. Подобно тому какъ и къ селамъ центральныхъ уѣздовъ къ погостамъ тянули села, деревни, займища, пустоши, напримѣръ, къ Тюхольскому погосту тянуло 14 деревень (Неволинъ, прилож. 209, Ср. 340, 343). Поселки съ тѣмъ же названіемъ погоста встрѣчались и въ центральныхъ уѣздахъ, но здѣсь они имѣли совершенно иной характеръ. Такъ называлось мѣстечко, гдѣ стояла церковь и при ней дворы духовенства. Крестьянъ въ этихъ погостахъ не было, иногда лишь жили бобыли. Быть можетъ, это были просто кладбища. Погосты эти почти всегда называются погостами Великаго князя. Въ писцовыхъ книгахъ они описываются иногда цѣлыми группами, напримѣръ, больше 10 погостовъ Царя и Великаго Князя описываются въ большомъ Микулинскомъ стану Колом. уѣзда (писц. кн. изд. Кал. I, 393—394, 407, 431, 472, 492, 664, 727 ,791; II, 235. Единственный, кажется, помѣщичій погостъ описанъ въ I отд., стр. 706). При такихъ погостахъ никогда не было деревень, напротивъ сами они иногда тянули къ селу (ibid. I, 721, 681). Поселки извѣстныя подъ именемъ рядковъ, ямовъ, слободъ имѣли болѣе промышленный, чѣмъ земледѣльческій характеръ, хотя земледѣліе и здѣсь составляло одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованію (объ этихъ поселеніяхъ см. у Ильинскаго, Городскія поселенія въ Новгородской области, Журналъ М. Нар. Просв. 1876 года, т. 3).

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть поземельныя отношенія жителей земледѣльческихъ селеній. Каждое селеніе заключало въ себѣ: 1) групу дворовъ; 2) пахатную землю и сѣнокосы, и 3) лѣсъ и другія угодья. Дворъ представлялъ скорѣе самостоятельную хозяйственную ассоціацію, чѣмъ кров-

ный союзъ. Количественный составъ дворовъ, повидимому, былъ повсюду болѣе или менѣе одинаковъ, какъ бы ни различались поселки населенностью, и ограничивался однимъ, много двумя работниками. Въ писцовыхъ книгахъ при описаніи крестьянскихъ дворовъ обыкновенно упоминается лишь одинъ домохозяинъ, иногда сынъ, еще рѣже братъ. Повидимому въ многоземельныхъ мѣстностяхъ дѣти, по достиженіи самостоятельнаго возраста, заводили отдѣльные дворы или въ той же деревнѣ, или во вновь основанномъ починкѣ. Только при такомъ предположеніи можно объяснить постоянное передвиженіе населенія и быстрое заселеніе обширной восточно-европейской низменности. Каждому двору принадлежала часть усадебной земли, извѣстное пространство пахатной земли и право на участіе въ общихъ угодьяхъ. При однообразіи рабочаго состава дворовъ и одинаковости потребностей крестьянъ участки или жеребья земли должны были быть одинаковы. Но равенство подворныхъ участковъ поддерживалось самой формой владѣнія и пользованія землей. Существуетъ много доказательствъ въ пользу повсемѣстнаго существованія общиннаго землепользованія, характеристической чертой котораго, какъ извѣстно, служитъ равное право всѣхъ жителей на участіе въ занимаемой ими землѣ.

Во 1-хъ, въ источникахъ есть прямыя указанія на существованія такой формы землевладѣнія. Въ Ужинскомъ погостѣ Шелонской пятины каждый дворъ въ 1500 — 1501 г. пахалъ равную съ другими полосу въ пахатной землѣ и скашивалъ равную же полосу въ лугахъ. Въ селѣ Едимоновѣ крестьянамъ велѣно было „верстатися межъ себя самимъ полосами на всякую выть по ровну". Въ нѣкоторыхъ актахъ говорится о передѣлахъ земель. (Очеркъ исторіи сельской общины стр. 82 и 93). По смыслу этихъ актовъ, передѣлъ земли былъ явленіемъ обыкновеннымъ. Напримѣръ, въ одной грамотѣ 1642 года, посланной въ Бѣлевскій уѣздъ, въ Верхоруцкую волость, въ отвѣтъ на челобитье безсемейныхъ крестьянъ, жаловавшихся на семьянистыхъ крестьянъ, расчистившимъ пашню въ бортномъ лѣсу и не дававшимъ имъ „того бортнаго лѣсу" между прочимъ говорится: „и тѣхъ деревень крестьяне въ той Вер-

хоруцкой волости въ селахъ и въ деревняхъ крестьянскую старую полевую и росчистную пахатную землю для верстанья смечали, и тое земли крестьяне для своего верстанья сами межъ себя мѣрили въ двухъ поляхъ, а въ третьемъ полѣ не мѣрили, потому что была къ новому году рожь сѣяна; и по ихъ мѣрѣ старые новые розчистные земли пашни объявилось за ними сверхъ живущихъ вытей въ двухъ поляхъ много. И межъ себя тое земли верстать и дѣлить противъ вытей не стали, отсрочили межъ себя сами, какъ послѣ ржанова жнитва въ третьемъ полѣ измѣряютъ" (Русская Бесѣда, т. IV, стр. 103—104).

2) Почти одинаковые размѣры подворныхъ участковъ въ одномъ и томъ же селеніи составляютъ общее явленіе, доказывающее повсемѣстное существованіе общиннаго землепользованія. Разница въ величинѣ этихъ запахиваемыхъ участковъ такъ ничтожна, что ее можно объяснить лишь разнокачественностью почвы и различіемъ въ количественномъ составѣ дворовъ и ихъ рабочей способности: наибольшій подворный участокъ любой деревни никогда не превышалъ наименьшаго болѣе, чѣмъ вдвое и весьма рѣдко втрое, подобно тому какъ и въ современныхъ деревняхъ. Въ Новгородскихъ пятинахъ дворы запахивали равные участки, называвшіеся здѣсь обжами. Это слово, какъ было уже сказано, обозначало пространство земли, которое могъ обработать одинъ работникъ на одной лошади (ср. нѣмецкое Hufe, англійское hyde). Равенство подворныхъ участковъ за незначительными уклоненіями было въ XV вѣкѣ общимъ явленіемъ во всѣхъ Новгородскихъ селеніяхъ. Напримѣръ, въ деревнѣ Боровичахъ 5 дворовъ и земли у нихъ пять обжъ. (Дер. II, 487). Въ трехъ сосѣднихъ боярщинахъ Боженского погоста было:

въ 1-й: 4 деревни, 10 дворовъ, 11 человѣкъ, 11 обжъ.
во 2-й: 5 деревень, 10 дворовъ, 11 человѣкъ, 10 обжъ.
въ 3-й: 3 деревни, 9 дворовъ, 10 человѣкъ, 10 обжъ.

Въ Туреньскомъ погостѣ:

въ одномъ помѣстьѣ было	8 дерев.,	12 дв.,	12 чел.	12 обжъ.
въ другомъ „	„	10 дерев.,	14 „	15 „	13 обжъ.
въ третьемъ „	„	29 дерев.,	29 „	29 „	29 обжъ.

Въ одномъ монастырскомъ имѣніи того же погоста было 6 деревень, 12 дворовъ, 12 чел., 12 обжъ; въ одномъ своеземческомъ—3 деревни, 3 двора, 3 чел., 3 обжи. Послѣ того какъ въ этомъ имѣніи поселился четвертый крестьянинъ, прибавилась и четвертая обжа. Такое строгое равенство подворныхъ участковъ существовало, какъ сказано, во всѣхъ селеніяхъ Деревской и Вотской пятинъ. Оно объясняется всего скорѣе одинаковымъ составомъ семей и однообразіемъ ихъ потребностей. Весьма рѣдко въ XV вѣкѣ бывали случаи, когда два или три двора сидѣли на одной обжѣ, еще рѣже, чтобы одинъ дворъ имѣлъ земли болѣе одной обжи. Но со временемъ равенство это нарушилось, и въ XVI вѣкѣ уже мы встрѣчаемъ въ актахъ указанія на случаи, когда крестьянинъ бралъ $^1/_6$ или $^1/_{12}$ обжи. Въ московскихъ уѣздахъ Новгородской обжѣ соотвѣтствовала выть, величина которой, какъ и обжи, была различна въ разныхъ мѣстностяхъ. Можетъ быть, подобно тому какъ было въ XV вѣкѣ въ Новгородскихъ пятинахъ, и въ московскихъ уѣздахъ полная выть была первоначально нормой крестьянскихъ участковъ, но въ XVI вѣкѣ дворы сидѣли обыковенно на полвыти чети выти, полчети выти т. е. $^1/_8$, трети выти, пол-трети ($^1/_6$) выти и т. д. Но въ каждомъ отдѣльномъ селеніи подворныя запашки, по большей части, весьма мало разнились между собою. Колебанія не переходятъ за предѣлы выти. Напримѣръ, въ селѣ Синковѣ Каменскаго стану Дмитровскаго уѣзда (подъ Москвой) изъ 27 дворовъ, 15 дворовъ было на полчети ($^1/_8$) выти, 7 дворовъ на чети, два двора на полполчети ($^1/_{16}$), 1 дворъ на трети, два двора на полтрети ($^1/_6$) выти (писц. кн. Калачева I, 744). Въ деревнѣ Рязановѣ 7 дворовъ было на $^1/_3$ выти и 1 на полтрети (ibid. 745 стр.) Въ Рузскомъ уѣздѣ въ среднемъ

на дворъ приходилось около $5^1/_2$ четей (четь равняется полдесятинѣ) пашни паханой, около 26 четей пашни переложной и поросшей лѣсомъ въ каждомъ полѣ. (Писц. кн. Калач. Отд. I, Рузскій уѣздъ). Въ Ярославскомъ уѣздѣ приходилось на 1 дворъ около $4^1/_4$ четей пашни паханой и около 2 съ небольшимъ переложной и поросшей лѣсомъ. Сѣнокосъ на пожняхъ, отхожихъ лугахъ, въ лѣсахъ между полями (межъ поль), составлялъ, само собою разумѣется, необходимую составную часть земель каждой деревни. Количество скашиваемаго дворами сѣна въ любомъ селеніи почти одно и тоже. Въ Деревской и Вотской пятинахъ на обжу или дворъ скашивалось 20, 15 иногда даже 10 копенъ сѣна, больше 20 весьма рѣдко. Въ вотчинахъ Тр.-Сергіева монастыря въ Рузскомъ уѣздѣ скашивалось на дворъ около 23 копенъ, во Владимірскомъ—17, въ Юрьевъ-Польскомъ—5, въ Суздальскомъ—$5^1/_2$, въ Пошехонскомъ около 6 копенъ (писц. кн. Калач. Отд. I.) Такое равенство подворныхъ участковъ, не смотря на однообразіе потребностей дворовъ и способа хозяйства, однакожъ должно было бы современемъ болѣе или менѣе нарушаться если бы не было передѣловъ земли, которые, какъ сказано, были извѣстны уже въ ту пору.

3) Кромѣ того доказательство повсемѣстнаго существованія общиннаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ мы видимъ въ томъ постоянномъ явленіи, что 2, 3, 4 земледѣльческихъ селенія соединяли свои поля вмѣстѣ: «припускали» ихъ. Напримѣръ, деревня Коснищево-Савкино, да къ ней же припущены въ пашню дер. Полянки, да поч. Мостищевъ, да поч. Враниковъ, а въ ней крестьянъ 4 дв., а людей въ нихъ тожъ; пашни паханыя въ полѣ 20 четьи, а въ дву потомужъ; земля худа, сѣна 20 коп., рощи пашенной 2 десятины (п. к., I. 817). Или, деревня Макмерово, да къ той же деревнѣ припущено въ поля: пуст. Лапино, пуст. Сычово, пуст. Полухино, пуст. Душинково, а въ ней крестьянъ 20 дв., пашни паханые серед. земли 45 четьи, да перел. 40 четьи въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 30 коп. (п. к., II, 32). При этомъ:

1) Припускались поля жилаго поселенія къ пашнѣ другаго жилаго напр. одной деревни къ другой, какъ видно изъ при-

веденнаго примѣра. (Ср. п. к. I, 678, 726, 818, 836, 823, 835, 860, 900), при чемъ иногда соединялись поля нѣсколькихъ поселковъ, существовавшихъ прежде отдѣльно другъ отъ друга: дер. Скокова, на рѣчкѣ на Тоногѣ, да къ ней же припущена въ пашню дер. Усища, да дер. Селивановская, да дер. Онтоново, а въ ней крестьянъ 16 дв., да дв. пустъ, пашни сер. земли 67 четьи и т. д. (п. к. I. 901) или къ дер. припускался въ пашню починокъ (п. кн. I. 835, 843, 845). Къ сельцу припущенъ починокъ (837). Къ селу припущена деревня (I. 841).

2) Всего чаще однакожь припускались поля какого нибудь поселка, оставленнаго жителями, т. е. сдѣлавшагося селищемъ, пустошью къ пашнѣ другаго жилаго поселенія. Напр. дер. Софроново, да къ той же дер. припущено къ пашнѣ селище Усово (п. к. I. 553, 633 Ср. I. 696, 710. II. 123. Прилож. 292, къ погостской пашнѣ въ пашню припущена пустошь). Или „дер. Елниково на Суходолѣ, да къ ней припущено въ пашню пустошь Петрилово, а въ ней крестьянъ 12 дв.", по обозначеніи пашни паханой и переложной говорится, что сѣно у деревни вопче съ сельцомъ Филисовой слободкой на рѣкѣ на Клязьмѣ, на отхожемъ лугу (п. к. I. 787. Ср. 791, 816. II. 7. Ср. I. 278, 268, 370, 560, 664, 678, 683, 709, 895 (къ сельцу припущена пустошь), 585, 711, 726, 763, II. 11). Одно какое нибудь поселеніе присоединяло къ своимъ полямъ нѣсколько пустошей и селищъ. Такъ къ вотчинной дер. Слободѣ (Звениг. у. Городскаго стану), имѣвшей 16 двор., крестьянъ припущено въ пашню 6 селищь и 7-я пустошь (I. 690. См. также II. 7, гдѣ къ сельцу припущено 3 пустоши). Иногда, напротивъ, къ нѣсколькимъ дер. присоединялась одна пустошь: напр. въ звенигородскомъ у. къ 3 дер. припущ. пустошь (II. 683).

При припущеніи полей встрѣчаются оригинальные случаи. Такъ 3 поля пустоши Опухтино припущены въ пашню не къ одной деревни, а каждое поле отдѣльно къ какой нибудь дер., 1 къ одной, 2 къ другой деревни, 3 къ третьей (п. к. Кал. II. 12. Ср. 13).

3) Припускалась къ пустоши пашня селища или пустоши же.

Напр. пустошь Вислоухово, да къ ней же припущено въ пашню селище Сабакино (пашня въ томъ и другомъ переложная; п. к. I. 1. Ср. 687, гдѣ пашня уже лѣсомъ поросла). Или пустошь къ пустоши: пустошь, что была дер. Фалино, да къ ней же припущена въ пашню пуст. Савино; пашни худ. земли лѣсомъ поросло 17 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 20 коп. въ пустѣ 2 выти безъ трети (I. 767, 833, 838, 845). Понятно, что это припущеніе пашней должно было произойти въ то время, когда одна изъ пустошей была жилымъ населеніемъ.

4) Также объясняются и тѣ случаи, когда къ пустоши значится припущенной пашня жилаго поселенія: починка, деревни и т. д. Напр., пустошь, что была дер. Хожлово, а къ ней припущенъ въ пашню починокъ Куровъ, пашни лѣсомъ поросло большимъ 43 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 коп., лѣсу непашеннаго 6 десятинъ, а вытей впустѣ 4 выти съ третью, земля худа, сѣна по селищу укошено 30 коп. (Писц. кн. Калач. I, 775 стр).

Такого соединенія полей различныхъ деревень не могло бы происходить такъ часто, какъ это было въ XVI в., если бы право распоряженія землей принадлежало не всей совокупности жителей поселка, а отдѣльнымъ дворамъ, т. е. если бы не было общиннаго пользованія землей.

4) Наконецъ въ доказательство существованія деревенской общины можно привести еще обычай отдѣлять нѣкоторую часть земли для общественной обработки. Напр., дер. Сысоева, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ. Изъ этихъ дворовъ 11 на трети, 4 на полтрети выти, 2 на полвыти „да онѣ жъ пашутъ сопча полвыти". (Писц. кн. Калач. I, 748. Ср. 770, 757).

Пашни и луга, находясь въ распоряженіи цѣлой общины, раздѣлялись на участки, которые и отдавались въ отдѣльное пользованіе ея членовъ. Напротивъ, лѣса, озера и другія угодья находились въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей деревни въ размѣрахъ ихъ потребностей, при чемъ вѣроятно свобода пользованія подвергалась тѣмъ или другимъ ограниченіямъ.

Ограничиваясь этими замѣчаніями объ общинномъ бытѣ XVI вѣка и отсылая читателя, интересующагося болѣе подробнымъ изложеніемъ относящихся сюда явленій въ „Очерку исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи", я перейду къ вопросу о переселеніи крестьянъ.

IX.

Переселеніе крестьянъ составляетъ характеристическую черту древне-русскаго быта. До самаго конца XVII вѣка на всемъ пространствѣ Россіи происходилъ постоянный отливъ и приливъ населенія. То и дѣло возникали поселки или отдѣльные дворы въ однихъ мѣстностяхъ, въ то время какъ въ другихъ—пустѣли цѣлыя деревни. Древняя исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Повсюду, по характерному выраженію Щапова, стучалъ топоръ въ „черныхъ дикихъ лѣсахъ", шла повсемѣстная расчистка и распашка лѣсовъ. Повсюду ставились дворы и починки, разраставшіеся въ деревни, сельца, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ отыскивались оазисы плодородной земли, чистился и выжигался лѣсъ и заводилось хлѣбопашество. Эта великая колонизаціонная работа, охватывавшая все обширное пространство восточной европейской низменности и продолжавшаяся тысячелѣтія, неоконченная даже и въ настоящее время, составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ въ исторіи грандіозной борьбы человѣка съ природой. И этотъ подвигъ совершенъ исключительно силами русскаго земледѣльца. Могутъ сказать, что дѣлу колонизаціи въ такой же мѣрѣ содѣйствовали и землевладѣльцы, созывавшіе крестьянъ на жалованныя имъ земли. Но кромѣ обѣщаній льготъ отъ податей впродолженіи нѣкотораго времени эти землевладѣльцы ничѣмъ не облегчали страдной работы русскаго земледѣльца. Единственными его помощниками были топоръ, соха и коса. Съ ними одними онъ прошелъ, среди чуждыхъ племенъ, по всей вѣроятности не всегда дружественныхъ къ пришельцамъ, и завоевалъ для земледѣльческой культуры то громадное про-

странство, которое занято теперь русскимъ государствомъ. Великъ, непомѣрно тяжелъ былъ трудъ русскаго піонера. Не имѣя ни географическихъ свѣдѣній, ни руководителей, лишенный даже въ большей части колонизуемой земли, гдѣ годная земля попадалась клочками, возможности идти въ обществѣ съ другими колонистами, снабженный самыми грубыми орудіями, онъ долженъ былъ въ большинствѣ случаевъ одинъ рубить и выкорчевывать лѣса, вспахивать новины, удобрять малоплодородную почву, терпя при этомъ всѣ невзгоды изолированной жизни.

Нужно замѣтить, что это была, по крайней мѣрѣ въ историческое время, исключительно земледѣльческая колонизація, только на югѣ русскіе переселенцы занимались преимущественно рыболовствомъ и скотоводствомъ. Въ источникахъ XII—XVI нигдѣ мы не находимъ данныхъ, которыя бы доказывали, что русскіе колонизовали ту или другую мѣстность сѣверовосточной низменности, находясь на степени звѣроловческой или какой либо иной степени культуры, кромѣ земледѣльческой.

Что касается до размѣровъ, въ какихъ происходило переселеніе крестьянъ въ то или другое время въ различныхъ мѣстностяхъ, то, разумѣется, опредѣлить ихъ точно, при бѣдности указаній источниковъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Но судя по разнымъ отрывочнымъ даннымъ можно предположить, что переселеніе это усиливалось съ каждымъ столѣтіемъ по мѣрѣ приближенія ко времени введенія крѣпостнаго права. Въ княжескихъ договорахъ, въ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ XIV вѣка свободный переходъ признается какъ постоянное и повсемѣстное явленіе „А христіаномъ межъ насъ вольнымъ воля" (Собр. Госуд. грам. и догов., т. I, № 127), сказано въ договорѣ рязанскихъ князей. Такое же право свободнаго переселенія было признано за крестьянами и другими князьями, напримѣръ, Владиміромъ Андреевичемъ (ibid. т. I, № 40). Нѣкоторыя ограниченія переселенія старались ввести Московскіе князья, вмѣстѣ владѣвшіе Москвою и притомъ лишь по отношенію другъ къ другу. Въ своихъ договорахъ они постоянно включали условіе: „а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ

сотникомъ, тѣхъ ни въ службу не принимать". Но собственно и это постановленіе стѣсняло болѣе князей и ихъ служилыхъ людей, которые въ силу его не могли принимать черныхъ, и нисколько не уничтожало свободы крестьянъ: они всегда могли переселиться въ другое княжество. Но возможно ли допустить, чтобы князья такъ постоянно признавали право неограниченнаго свободнаго перехода, еслибы переходъ этотъ совершался въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, которые влекли бы за собою опустѣніе болѣе или менѣе значительной части ихъ княжества. Дѣйствительно, даже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка переходъ крестьянъ при полномъ почти отсутствіи его ограниченій составлялъ явленіе далеко не частое. Сравнивая количество дворовъ въ Вотской и Деревской пятинахъ по старой и новой описи, промежутокъ между которыми былъ, повидимому, довольно длиненъ, мы находимъ сравнительно съ слѣдующими періодами исторіи весьма незначительныя перемѣны. Напримѣръ въ Черньчевичскомъ погостѣ Деревской пятины въ промежутокъ времени между переписью 1495 года и предыдущей произошли слѣдующія перемѣны: во время старой переписи въ немъ, было 26 деревень разныхъ владѣльцевъ (великаго князя оброчныя, помѣщичьи, монастырскія, своеземческія), которыя заключали въ себѣ 57 дворовъ, занимавшихъ 42½ обжи, по переписи же 1500 года число деревень возрасло всего до 33, число дворовъ до 82, а обжъ до 53. Прибыль произошла въ монастырскихъ, великокняжескомъ и одномъ своеземческомъ помѣстьи, убыль же относится къ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ Островьскомъ погостѣ той же пятины въ тотъ же промежутокъ времени число деревень съ 50 возрасло до 62, а число дворовъ съ 123 до 135. Чтобы судить о размѣрахъ ухода и прихода крестьянъ въ имѣніяхъ владѣльцевъ различныхъ разрядовъ приведемъ данныя по всѣмъ разрядамъ тогдашнихъ владѣльцевъ въ нѣсколькихъ погостахъ Деревской пятины. Въ Туреньскомъ погостѣ въ имѣніяхъ великаго князя по старому письму числилось 73 деревни съ 119 дворами, по новому 72 съ 156 дворами, прибыло, слѣдовательно, 37 дворовъ; въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи по старому письму было 8 деревень съ 12 дворами, по новому

столько же, въ другомъ—10 деревень и 14 дворовъ по той и другой переписи, въ третьемъ—число деревень по обѣимъ переписямъ тоже самое, 17, а число дворовъ увеличилось лишь на 2: съ 29 до 31. Въ единственномъ монастырскомъ имѣніи этого погоста по старому письму было 6 деревень и 12 дворовъ, по новому—число тѣхъ и другихъ увеличилось на 1. Въ единственномъ своеземческомъ имѣніи во время той и другой переписи деревень было 3, лишь число дворовъ съ 3 возрасло до 4.

Въ Рутиньскомъ погостѣ: 1) въ великокняжескомъ имѣніи было:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	24 дер.	58 двор.	23 дер.	65 двор.
въ 2-мъ » . . .	6 »	11 »	6 »	11 »
въ 3-мъ » . . .	3 »	6 »	3 »	8 »

2) въ помѣщичьихъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	40 дер.	78 двор.	40 дер.	88 двор.
въ 2-мъ » . . .	19 »	36 »	19 »	38 »
въ 3-мъ » . . .	10 »	18 »	10 »	18 »
въ 3-мъ » . . .	— »	2 »	— »	2 »
въ 4-мъ » . . .	21 »	26 »	21 »	26 »

3) въ монастырскомъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . .	17 дер.	22 двор.	18 дер.	33 двор.

Въ Сеглиньскомъ погостѣ;

1) въ великокняжескомъ оброчномъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	1 дер.	2 двор.	1 дер.	2 двор.
въ 2-мъ » . . .	65 »	119 »	81 »	236 »

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . .	56 дер.	85 двор.	66 дер.	129 двор.
въ 2-мъ » . .	15 »	33 »	12 »	28 »
въ 3-мъ » . .	11 »	23 «	11 »	23 »

3) въ своеземныхъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	5 дер.	14 двор.	5 дер.	14 двор.
въ 2-мъ » . . .	2 »	5 »	7 »	13 »
въ 3-мъ » . . .	1 »	1 »	1 »	2 »
въ 4-мъ » . . .	4 »	9 »	3 »	6 »

Въ Великопорожскомъ погостѣ;

1) въ великокняжескомъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	9 дер.	19 двор.	14 дер.	31 двор.

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму,		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	24 дер.	35 двор.	27 дер.	33 двор.
въ 2-мъ » . . .	4 »	8 »	4 »	8 »
въ 3-мъ » . . .	10 »	13 »	9 »	15 »
въ 4-мъ » . . .	9 »	14 »	9 »	9 »

3) въ своеземческомъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	8 дер.	15 двор.	9 дер.	15 двор.

Въ Тюхольскомъ погостѣ:

1) въ великокн. имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	7 дер.	20 двор.	7 дер.	26 двор.

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	2 дер.	6 двор.	4 дер.	11 двор.

3) въ монастырскихъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	6 дер.	16 двор.	6 дер.	17 двор.
въ 2-мъ » . . .	11 »	17 »	11 »	18 »
въ 3-мъ » . . .	26 »	51 »	45 »	63 »

Въ Короцкомъ погостѣ въ одномъ помѣстьѣ по старому письму было 36 деревень съ 56 дворами, по новому—число первыхъ увеличилось до 40, число вторыхъ уменьшилось до 49.

Въ Нерецкомъ погостѣ:

1) въ великокняжескомъ имѣніи было:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	10 дер.	13 двор.	10 дер.	15 двор.

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	13 дер.	29 двор.	13 дер.	26 двор.
въ 2-мъ » . . .	6 »	8 »	6 »	9 »

3) въ монастырскомъ имѣніи;

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	9 дер.	13 двор.	9 дер.	12 двор.

4) въ своеземческихъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	2 дер.	3 двор.	2 дер.	3 двор.
въ 2-мъ » . . .	1 »	4 »	2 »	3 »

Изъ этихъ примѣровъ, относящимся къ различнымъ мѣстностямъ Деревской пятины, читатель можетъ видѣть, что передвиженіе крестьянъ было незначительно, особенно если допустить вѣроятное предположеніе, что промежутокъ между переписями былъ длиненъ, хотя онъ не могъ быть болѣе 17 лѣтъ. Пустыхъ дворовъ и деревень встрѣчается относительно не много. Въ современныхъ актахъ весьма часто говорится о старожильцахъ. Такъ же незначительно было переселеніе и въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1539—40 гг. (Писц. кн. Калач. отд. II). Но по мѣрѣ приближенія къ закрѣпощенію, переселенія все болѣе усиливаются, принимая съ конца XVI столѣтія эпидемическій характеръ.

Количество пустошей, деревнищъ, селищъ, пустыхъ дворовъ, пустыхъ мѣстъ дворовыхъ далеко превосходитъ количество жилыхъ поселковъ и дворовъ. Напримѣръ въ васильцевскомъ стану Московскаго уѣзда въ 1570—80 годахъ на 46 поселковъ „въ живущемъ" (6 селъ, 8 селецъ, 31 деревня и 1 слободка) приходилось пустыхъ: 1 погостъ, 2 сельца, 31 деревня, 124 пустоши съ полупустошью, въ которыхъ изчезли уже всякіе слѣды жилья, и селище (ibid I, 9). Въ другомъ стану, Кошелевомъ, на одну заселенную деревню съ 16 жителями приходилось 44 пустоши (ibid I, 50). Тоже отношеніе приблизительно существовало и въ другихъ станахъ Москов. уѣзда. Не меньшимъ количествомъ опустѣвшихъ поселковъ изобиловалъ и сосѣдній Коломенскій у., гдѣ въ 1577—1578 г. на земляхъ разныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ было 70 пустыхъ селъ, деревень и починковъ, 574 пустоши и 83 селища (ibid I, 603—608). Въ Полоцкомъ повѣтѣ въ 1569 г. количество селищъ почти тоже что и селъ (ibid II. 443—455). Въ такомъ же обиліи встрѣчаются опустѣлые дворы и деревни въ уѣздахъ Вяземскомъ (въ 1594—95 г,), Тульскомъ (1587—89) и другихъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ съ половины XV вѣка началось такое же повальное выселеніе или, лучше, бѣгство. Жители Шенкурья и Вельска жаловались, что «многія деревни запустѣли» (А. А. Э. т. I № 234; ср. № 344; А. Ист. I, № 200; Доп. къ Ак. ист. I, 298). Опустѣніе государства было предметомъ разсужденій на соборахъ, напри-

мѣръ въ 1584 г. (Г. грам. и дог., т. I, № 202). Особенно интересна въ этомъ отношеніи судьба нѣкоторыхъ частей Новгородской области, напримѣръ, Деревской пятины. Въ концѣ XV вѣкѣ и въ началѣ XVI, слѣдовательно спутя лѣтъ 20 послѣ присоединенія ея къ Москвѣ, тамъ было густое и, какъ мы видѣли, мало склонное къ переходу населеніе. Чрезъ 80 лѣтъ въ той же пятинѣ мы встрѣчаемъ всего 123 жилыхъ поселка и 977 пустыхъ деревень, рядковъ, селищъ и полуселищъ. Объ увеличеніи переходовъ крестьянъ можно заключать также по постепенному усиленію мѣръ, направленныхъ сначала къ ограниченію перехода опредѣленнымъ срокомъ, а, послѣ прикрѣпленія крестьянъ, къ совершенному прекращенію побѣговъ.

Переселенцы, первоначально не выходившіе изъ предѣловъ государства, съ половины XVI столѣтія начинаютъ выселяться все чаще за его границы, преимущественно на юговостокъ.

Гдѣ искать причинъ такого повсемѣстнаго и постояннаго переселенія, такого броженія земледѣльческаго класса, не имѣющаго себѣ ничего подобнаго въ исторіи другихъ народовъ? Что побуждало древне-русскаго земледѣльца бросать свой домъ, свои поля, чтобы начинать снова въ другомъ мѣстѣ тяжелую работу обзаведенія жильемъ и хозяйствомъ? Относительно этого вопроса въ нашей исторической литературѣ существуетъ много мнѣній, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одно не заключаетъ въ себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, придавать какое либо серьезное значеніе объясненію этого грандіознаго явленія одною обширностью пространства Россіи, какъ думаетъ Соловьевъ (исторія Россіи, т. IV) и Щаповъ (Русское Слово 1864, № 9; Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія стр. 117). «Огромное равнинное пространство, говоритъ Щаповъ, и обиліе земель просторомъ своимъ невольно вызывало массы къ свободному, привольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, пріучало къ полукочевому земледѣлію, къ полукочевой, полуномадной колонизаціи. Только на обширной и равнинной землѣ, на громадныхъ пространствахъ пахатной земли могъ произойти этотъ характеристическій обычай и

способъ колонизаціи—свободный переходъ крестьянъ, господствовавшій до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Благодаря этому переходу распространилась земледѣльческая колонизація и культура, но за то земледѣльческія поселенія долго не имѣли прочной осѣдлости, носили полукочевой, полуномадный характеръ. Въ народонаселеніи развилась страсть къ разгулу, къ расходчивости, расплывчивости по широкому пространству русской земли и, наконецъ, склонность къ броженію врознь, къ бродяжничеству и бѣгству. Отсюда возникъ характеристическій и многочисленный классъ населенія—такъ называемые *вольные гулящіе люди*. Далѣе въ подтвержденіе своей мысли онъ указываетъ на ушкуйниковъ и повольниковъ, появленіе которыхъ вызвалъ „раздольный просторъ" русской земли, украинъ и степей.—Но развѣ эти ушкуйники выходили изъ среды земледѣльческаго населенія?

Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, по причинѣ огромнаго пространства русской земли, какъ отдѣльныя лица, крестьяне и посадскіе, такъ и цѣлыя общины, волости стремились къ простору, къ расходчивости, къ расплывчивости и, по характеристическому выраженію актовъ „*разбродились врознь*". Почти тоже самое объясненіе предлагаетъ и Соловьевъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что кромѣ увлекающаго дѣйствія обширности пространства онъ приписываетъ склонность къ переселеніямъ еще лѣни, которая заставляла древне-русскаго крестьянина переходить на новое мѣсто, лишь только обработка прежней земли становилась труднѣе (Ист. Р. т. IV, стр. 379—380 и въ друг. мѣстахъ).

Но что значило для древне-русскаго земледѣльца *переселиться*? Обзаведеніе земледѣльческимъ хозяйствомъ стоило громадныхъ трудовъ: нужно было построить домъ съ многочисленными хозяйственными пристройками, вырубить лѣсъ, выкорчевать корни и исполнить много другихъ работъ, чтобы обезпечить себѣ сносное существованіе. Переселяясь на новое мѣсто, крестьянинъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ результатовъ этой продолжительной и напряженной работы для того, чтобы начать туже страду снова съ истощенными

силами. Не говоримъ уже о нравственныхъ привязанностяхъ къ прежней средѣ, къ самому мѣсту, къ которому должны были приковывать его воспоминанія о всѣхъ радостяхъ и горестяхъ прожитой жизни. Возможно ли допустить, чтобы онъ рѣшился на такой важный шагъ подъ вліяніемъ какого-то таинственнаго стремленія къ броженію. Это стремленіе понятно въ туристѣ, но совершенно неестественно въ земледѣльцѣ, принужденномъ для обезпеченія своего существованія соблюдать возможно большую экономію въ затратѣ своихъ трудовыхъ силъ. Не имѣлъ онъ основанія переходить на новое мѣсто съ цѣлью облегчить трудъ, какъ полагаетъ г. Соловьевъ, потому что гораздо легче измѣнить систему полеводства, чѣмъ снова обзаводиться всѣмъ нужнымъ для хозяйства при тѣхъ неблагопріятныхъ природныхъ условіяхъ, какія, напримѣръ, были на сѣверѣ Россіи, куда долгое время преимущественно направлялась крестьянская колонизація. Въ виду сказаннаго также мало кажется намъ убѣдительнымъ объясненіе переходовъ истощеніемъ почвы, которому приписываетъ главную роль въ данномъ случаѣ, кромѣ Щапова, также и Бѣляевъ (Временникъ, XXII, отд. I), полагающій, что при первобытномъ хозяйствѣ выжиганіе лѣса и подниманіе новины представляло болѣе выгоды, чѣмъ удобреніе земли, истощенной многократными посѣвами. „Нѣкогда цвѣтущій, вольный Новгородъ великій, говоритъ Щаповъ (стр. 96) сильно былъ подорванъ истощеніемъ своей и безъ того не очень плодородной почвы. Лѣтописныя цифры о неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ, съ XI по XIV столѣтіе, служатъ краснорѣчивыми цифрами постепеннаго упадка плодородія почвы. Цифры хлѣбныхъ цѣнъ начинаются 3 гривнами за кадь, переходятъ въ 4, 5, 6, 8, 10 и доходятъ до 20, 25 и 30 и наконецъ до 40 гривенъ за кадь (но вѣдь эти цифры, замѣтимъ, относятся къ годамъ необычайнаго голода). При этой послѣдней цѣнѣ, когда почва уже была сильно истощена, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ хлѣба изъ за моря еще спасенъ былъ на время отъ послѣдняго паденія. Съ тѣхъ поръ какъ почва

истощилась на тощихъ поляхъ новгородскихъ—задержка со стороны Москвы низоваго подвоза хлѣба окончательно рушила самобытное развитіе Новгорода и его колоній, и вѣчевой колоколъ на берегахъ Волхова замолкъ печально и на вѣки". Далѣе: „Когда почва великорусской земли, во многихъ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, въ XVII вѣкѣ уже значительно истощилась отъ расхищающаго хозяйства—тогда началось обширное и вѣковое переселеніе народа въ Сибирь, и стали колонизоваться обширныя, пустынныя пространства; русскіе люди тамъ искали землицы или земель хлѣбородныхъ. На сѣверѣ великорусской земли почва и такъ была худая, каменистая, болотистая и мшистая, а къ XVII-му столѣтію и та истощилась, вслѣдствіе чего были частью неурожаи, особенно при тамошнемъ суровомъ климатѣ. И вотъ сѣверные поморцы въ XVII вѣкѣ первые толпами устремились въ Сибирь на новыя, непочатыя хлѣбородныя земли". Въ подтвержденіе своего объясненія авторъ ссылается на прямыя указанія источниковъ, гдѣ дѣйствительно упоминаются случаи переселенія крестьянъ вслѣдствіе „хлѣбнаго недороду". Но подобные случаи составляютъ лишь самый незначительный процентъ въ общей массѣ переселеній. Притомъ же еще нужно доказать, что хлѣбный недородъ происходилъ именно отъ истощенія почвы, а не отъ истощенія средствъ земледѣльца. Деревни были малолюдны, кругомъ лежало много земли, и ослабленіе производительности почвы въ одномъ мѣстѣ могло привести лишь къ тому, что крестьянинъ перевелъ бы свое поле въ другое мѣсто деревенской территоріи, какъ это дѣлается и теперь въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Далѣе Щаповъ приводитъ аналогичные случаи опустѣнія вслѣдствіе истощенія почвы цѣлыхъ странъ: Ломбардіи, нѣкоторыхъ штатовъ Америки, наприм. Алабамы, случаи позднѣйшихъ переселеній съ безплодныхъ земель на хлѣбородныя въ Сибири, даже громадныя выселенія изъ Европы, наполняющія весь XIX вѣкъ, объясняетъ онъ, слѣдуя Либиху, тѣмъ, что послѣ голодныхъ 1816 и 1817 годовъ почва въ европейскихъ государствахъ была сильно истощена расхищающимъ хозяй-

ствомъ. Относительно Ломбардіи и другихъ названныхъ мѣстностей, исторія которыхъ недостаточно изслѣдована, остается еще нерѣшеннымъ, насколько ихъ опустѣніе зависѣло отъ дурнаго управленія и неудовлетворительнаго распредѣленія земли, а переселенія XIX вѣка уже несомнѣнно есть продуктъ чисто соціальныхъ отношеній Западной Европы.

Причины громаднаго передвиженія населенія надо искать не въ непосредственномъ вліяніи физическихъ факторовъ (развѣ не при тѣхъ же природныхъ условіяхъ живутъ нѣмецкіе колонисты въ теперешней Россіи, отличающіеся такимъ образцовымъ хозяйствомъ и зажиточностью), а въ условіяхъ общественнаго быта. Источники доказываютъ это какъ нельзя полнѣе. Жители Шенкурья и Вельска жаловались Ивану Грозному, что „многія деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ Важскихъ намѣстниковъ, и отъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, и отъ татей и отъ разбойниковъ", что крестьяне де у нихъ отъ того насильства и продажъ и тяжебъ разошлись (А. А. Э. т. I, № 234. Ср. № 344; А. И. т. I, № 200; Доп. къ А. И. I, 298). На вопросы „выборной излюбленной головы" и выборныхъ цѣловальниковъ съ товарищами крестьяне Вотской пятины отвѣчали, что въ ихъ погостахъ много пустыхъ деревень и что громадное большинство дворовъ запустѣло „отъ государевыхъ податей и отъ подводъ" и отъ „опричного правежу". Затѣмъ, какъ на причины запустѣнія деревень, крестьяне указывали на насилія „Свейскихъ Нѣмецъ", а также казаковъ и татаръ, и наконецъ на моръ (Очеркъ ист. сельской общины, стр. 40—41). Крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, въ свою очередь, жаловались на прикащиковъ и доводчиковъ, что они берутъ оброкъ и пошлины не по граматамъ и не по окладу, что они требуютъ съ крестьянъ исполненія лишнихъ повинностей (А. А. Э. т. I, № 258) и также расходились. Напр. изъ имѣнія Суздальскаго епископа, послѣ того какъ крестьяне были привлечены къ отбыванію повинностей вмѣстѣ съ посадскими и волостными людьми впродолженіе 4 лѣтъ, вышло 74 семьи (Писц. кн. Калач. от. I). Правительство также не разъ признавало, что запустѣ-

ніе происходитъ отъ произвола и хищничества намѣстниковъ и предпринимало для устраненія зла различныя реформы, которыя впрочемъ ни къ чему не приводили, потому что корень зла лежалъ въ тяжести „царскихъ даней и разметовъ", какъ это и было признано наконецъ, на соборѣ 1584 г., самимъ правительствомъ и всѣми участвовавшими въ совѣщаніи (С. г. гр. и дог. т. I, № 202). Очевидно, что никакая почва, никакой климатъ, никакія усовершенствованныя системы хозяйства не могли парализовать разрушительнаго вліянія такихъ общественныхъ условій и чтобы бѣжать отъ нихъ вовсе не нужно было имѣть романтической склонности къ „броженію".

Крестьяне бѣжали отъ „царскихъ даней и разметовъ", отъ „опричного правежу" отъ чрезмѣрныхъ оброковъ за землю въ пользу служилыхъ людей,—уничтожить побѣги можно было бы, слѣдовательно, устраненіемъ этихъ причинъ, но правительство XVI в. не обнаружило ни желанья, ни умѣнья идти въ этомъ направленіи и предпочло другой путь—путь насильственнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Впродолженіи двухъ съ половиною вѣковъ тянется систематическая борьба противъ свободы переходовъ. Она открывается въ половѣ XV вѣка домогательствами вотчинниковъ ограничить переходы извѣстнымъ срокомъ. Въ прежнее время опредѣленныхъ сроковъ не было. Въ разныхъ мѣстностяхъ и случаяхъ для переходовъ назначались Николинъ день вешній, Николинъ день осенній, Юрьевъ день вешній, Святая Недѣля, Рождество Христово, Спасовъ день, Дмитровъ день, Семеновъ день, Покровъ, Юрьевъ день осенній и другіе дни (А. И. № 178, 180). Въ заемныхъ и закладныхъ грамотахъ назначались также разные сроки, иногда Юрьевъ день осенній и другіе дни (А. Юр. № 232, 233, 235, 237, 238, 247). Крестьяне переходили, слѣдовательно, весной, лѣтомъ, осенью и зимой—все зависѣло отъ ихъ соглашенія съ землевладѣльцами. Московскіе князья въ первое время не вмѣшивались въ эти договоры и въ большей части жалованныхъ грамотъ употребляютъ выраженіе: «кто учнетъ жити людей», безъ всякихъ оговорокъ. Но съ половины XV вѣка въ

ихъ политикѣ замѣчается поворотъ въ пользу землевладѣльцевъ. Въ 1450 г. Ѳерапонтовъ монастырь, жалуясь на несвоевременный перезывъ монастырскихъ половниковъ сосѣднимъ путнымъ бояриномъ, добивается, наконецъ, того, что князь не только запрещаетъ перезывать крестьянъ иначе, какъ за двѣ недѣли до Юрьева дня осенняго и одну недѣлю послѣ, но, что гораздо важнѣе, предоставляетъ игумену право не выпускать изъ своихъ деревень серебрянниковъ (какъ сказано выше половниковъ, взявшихъ у монастыря взаймы серебро, деньги) отъ Юрьева дня до Юрьева (А. А. Э. т. I, № 48 I). Это первый извѣстный случай законнаго ограниченія свободы переселенія. Того же самого права не выпускать съ своей земли серебрянниковъ, половниковъ, рядовыхъ людей и юрьевскихъ иначе, какъ въ Юрьевъ день и когда сосѣдніе управители и вотчинники, игнорируя это право, продолжали перезывать («отказывать») монастырскихъ крестьянъ въ другіе сроки, монастырь снова обратился за подтвержденіемъ жалованной грамоты, что и было ему дано сначала великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, а потомъ его сыномъ.

Другіе землевладѣльцы шли дальше. Они добились не только ограниченія переходовъ, но и прямаго ихъ запрещенія. Троицкій монастырь, по грамотѣ данной въ 1460 г., получилъ право возвратить назадъ всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ въ этомъ году изъ его Углицкихъ селъ и не отпускать тѣхъ, которые жили (А. А. Э. т. I, № 64 Ср. А. И. т. I, № 59.)

Наконецъ третьи прибѣгали съ цѣлію удержать у себя крестьянъ къ насиліямъ: съ отходящаго крестьянина они произвольно требовали большихъ суммъ денегъ и подвергали ихъ побоямъ (Д. къ А. И. т. I, № 51). Въ одной грамотѣ правительство признаетъ эти насилія самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, заявляя, что помѣщики крестьянъ изъ за себя не выпускаютъ и, поймавъ ихъ, мучатъ и грабятъ и въ желѣзо куютъ и пожилое съ нихъ берутъ не по Судебнику, рублей по 5 и по 10 (Доп. къ А. И. т. I, № 56).

Законодательство скоро распространило эти частныя распоряженія на все крестьянство. Законами Ивана III-го 1497 г.

позволялось перезывать крестьянъ только въ Юрьевъ день осенній, т. е. по окончаніи полевыхъ работъ. Судебникъ 1550 г. подтверждаетъ такое ограниченіе, допуская лишь въ одномъ случаѣ безсрочный выходъ, именно, когда крестьянинъ продаетъ себя въ полные холопы (А. И. т. I, № 153).

Но въ видахъ возможно полнаго ограниченія переходовъ и въ Юрьевъ день, законодательство предоставляетъ землевладѣльцамъ брать съ уходящаго крестьянина опредѣленную сумму, постепенно повышаемую впродолженіе 16 столѣтія. Въ законахъ Ивана III размѣръ этой платы (пожилое) былъ назначенъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ (полѣхъ) рубль съ двора, въ лѣсистыхъ полтина. Судебникъ Ивана IV, повысилъ ее въ обоихъ случаяхъ еще на 2 алтына. Продававшійся въ холопы освобождался и отъ пожилого. При дороговизнѣ денегъ, взысканіе такой суммы должно было сдѣлать въ большинствѣ случаевъ уходъ крестьянина не только труднымъ, но и совершенно невозможнымъ.

Вмѣстѣ съ этими общими мѣрами для нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ издаются постановленія, направленныя къ полному прикрѣпленію всего крестьянства. Чернымъ общинамъ на Вагѣ предписывалось въ 1552 году: «старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того (А. А. Э. I, № 234).

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы уменьшить тяжесть даней и разметовъ, вмѣсто того чтобы уничтожить насилія служилыхъ людей и обуздать произволъ землевладѣльцевъ въ наложеніи оброковъ, вмѣсто того, чтобы устранить эти явленія, которыя само же правительство признавало причиной броженія народа, оно старалось поддержать ихъ авторитетомъ закона.

Въ дѣйствительности, однакожъ, эти усилія долго оставались безуспѣшными и всѣ названныя мѣры не достигали своей цѣли. Онѣ слишкомъ противорѣчили правовому сознанію русскаго народа, чтобы найти себѣ безпрекословное повиновеніе. Идея подчиненія закону, создаваемому безъ его участія, приви-

валась весьма медленно къ народу. Правительство же не располагало почти никакими средствами заставить исполнять свои постановленія: у него не было ни дѣятельной администраціи, ни полиціи, ни стройно организованныхъ судовъ. Наперекоръ законамъ, переходы все болѣе усиливались и въ концѣ XVI вѣка приняли, какъ мы видѣли, громадные размѣры. При этомъ ни крестьяне, ни землевладѣльцы нисколько не стѣснялись и срокомъ перехода. Изъ всѣхъ порядныхъ XVI в., и начала XVII в. напечатанныхъ въ актахъ только въ немногихъ срокомъ выхода крестьянъ назначенъ опредѣленный закономъ Юрьевъ день осенній, въ большей же части порядныхъ сроки эти были другіе и приходились на всѣ времена года (Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 185.)

Въ виду страшной будущности остаться безъ рабочаго населенія, осаждаемое челобитьями помѣщиковъ и вотчинниковъ, правительство въ концѣ XVI вѣка рѣшилось наконецъ совершенно запретить переходъ. Первый указъ, до насъ не дошедшій, о всеобщемъ прикрѣпленіи крестьянъ былъ изданъ, повидимому, въ 1592 или 93 году, какъ можно судить по указу 24 ноября 1598 въ которомъ говорилось, что: „Царь и великій князь Θедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали *до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ*; и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, тѣмъ помѣщикамъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтямъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикамъ и служкомъ давати судъ и сыскивати накрѣпко, всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“. Крестьянъ же, выбѣжавшихъ до 1598 года лѣтъ за 6, за 7,

10 и болѣе, ихъ бывшіе помѣщики и вотчинники, если „не бивали челомъ“ отыскивать и вывозить назадъ не имѣли права (А. Ист. I.) Такой указъ, нарушавшій вѣковое право народа, невыгодный для многихъ, особенно мелкихъ землевладѣльцевъ, долженъ былъ возбудить сильное неудовольствіе и повести къ нескончаемымъ жалобамъ и искамъ. По крайней мѣрѣ въ ноябрѣ (28) 1601 года правительство нашло необходимымъ снова» пожаловать во всемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣть крестьянамъ давати выходъ (А. А. Э. т. II, № 20). Тоже стремленіе возвратиться къ старому порядку, узаконенному судебникомъ, выражено въ указѣ 24 ноября 1602 г., равно какъ и въ «памяти» Новгородскимъ пятиконечнымъ старостамъ (30 Ноября того же года). Всѣми тремя указами возстановлялся прежній порядокъ съ Юрьевымъ днемъ подъ угрозой опалы всѣмъ, кто будетъ удерживать, грабить и чинить продажи крестьянамъ (А. А. Э, № 23 и 24). Но подобныя постановленія, очевидно, не могли имѣть продолжительнаго примѣненія. Поворотъ къ прежнему порядку привелъ бы къ прежнему запустѣнію государства и безконечнымъ челобитьямъ владѣльцевъ. При томъ же прикрѣпленіе крестьянъ было весьма выгодно для крупныхъ вотчинниковъ, располагавшихъ гораздо большими средствами вліять на правительство, чѣмъ всѣ остальные классы. Понятно, что указы 1601 и 1602 г., явно изданные въ интересахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, такъ какъ ими безусловно воспрещался переходъ крестьянъ изъ большихъ и въ большія имѣнья духовенства и знатныхъ служилыхъ людей, равно какъ и съ дворцовыхъ и черныхъ земель, понятно, что такой указъ, дозволявшій къ тому же и мелкимъ владѣльцамъ перезывать не болѣе одного, двухъ человѣкъ, долженъ былъ вызвать сильное недовольство въ боярствѣ. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что бояре болѣе чѣмъ когда либо могли осуществить свои требованія. Смутное время, какъ извѣстно, характеризуется усиленіемъ ихъ вліянія на государственныя дѣла. И не болѣе, какъ чрезъ 4 года послѣ возстановленія прежняго порядка, 1-го февраля 1606 года,

при Лжедимитріѣ I-мъ, былъ изданъ новый указъ совершенно противоположнаго содержанія. Бояре приговорили сыскивать и отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ старымъ помѣщикамъ, безразлично—отошли ли они къ другому помѣщику въ крестьяне, или продались въ холопы. Срокъ для сыска, какъ и прежде, опредѣленъ въ 5 лѣтъ. Исключеніе сдѣлано лишь для тѣхъ крестьянъ, которые сбѣжали во время голодныхъ 1602, 1603 и 1604 годовъ, если будетъ доказано слѣдствіемъ, что они бѣжали въ виду невозможности прокормиться у прежняго помѣщика. Съ того времени политика правительства принимаетъ твердое направленіе и закрѣпощеніе крестьянъ развивается съ неудержимой силой. О Юрьевомъ днѣ, послѣ Бориса, нѣтъ болѣе и помину. Въ такъ называемомъ указѣ царя Василія Ивановича отъ 9 марти 1607 г. [1]) за пріемъ бѣглыхъ крестьянъ опредѣлены даже штрафы. Въ первые годы царствованія Михаила Федоровича срокъ для сыска и вывоза бѣглыхъ крестьянъ былъ увеличенъ съ пяти лѣтъ на десять. Самый указъ не сохранился, и о существованіи его мы узнаемъ только изъ ссылокъ въ указѣ 9 марта 1640 г. и изъ нѣкоторыхъ дѣйствій правительства. Въ 1615 г. было предоставлено Троицкому монастырю отыскивать крестьянъ въ теченіи десятилѣтняго срока. Вслѣдъ за Троицкимъ монастыремъ стали добиваться той же привиллегіи дворяне и дѣти боярскіе украинскихъ и замосковныхъ городовъ, откуда особенно легко было бѣжать въ сосѣднія привольныя степи. Но скоро въ виду насильственнаго вывоза и укрывательства крестьянъ и десятилѣтній срокъ оказался недостаточнымъ. Въ 1640 году (указъ 9 марта) его продлили на 15 лѣтъ для людей и крестьянъ, вывезенныхъ силою изъ имѣвій прежнихъ владѣльцевъ, а десятилѣтній срокъ былъ оставленъ для сыска лишь тѣхъ крестьянъ и бобылей, которые бѣжали самовольно (А. И. т. III, стр. III). За каждаго бѣглеца, сверхъ того,

[1]) Указъ этотъ напечатанъ у Татищева при Судебникѣ и, по мнѣнію Карамзина и Бѣляева, подлинность его сомнительна (Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 111—112).

брался съ укрывавшаго штрафъ по 5 р. въ годъ. Этотъ указъ относился одинаково какъ къ частнымъ владѣльцамъ, такъ и къ дворцовымъ селамъ и чернымъ волостямъ. Въ 1641 году помѣщики сдѣлали въ своихъ домогательствахъ еще шагъ впередъ. Въ этомъ году они подали сообща просьбу о совершенной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Помѣщики били челомъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ за нихъ крестьянамъ урочныя лѣта велѣлъ отставить; а велѣлъ бы имъ государь тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, кто кому кѣмъ крѣпокъ» (А. И. т. III, стр. 110). Они третировали, очевидно, крестьянъ уже какъ полныхъ крѣпостныхъ. Трудно объяснить, почему правительство не удовлетворило этой просьбы. Можетъ быть, оно считало такую мѣру слишкомъ крутой, желая оставаться вѣрнымъ правилу московскихъ государей все дѣлать постепенно и незамѣтно, „тихимъ московскихъ обычаемъ". Впрочемъ для крестьянъ, послѣ уничтоженія свободы перехода, всѣ эти различія въ срокахъ ихъ вывоза могли имѣть лишь самое ничтожное значеніе, тѣмъ болѣе что они, повидимому, не обнаруживали ни малѣйшаго желанія исполнять новыхъ указовъ.

Ни дружныя усилія вотчинниковъ и помѣщиковъ, ни дѣятельная поддержка со стороны правительства не могли привести къ скорому и полному прекращенію крестьянскихъ переходовъ. Необходимо было побѣдить множество препятствій, выдержать упорную и продолжительную борьбу съ естественною потребностью человѣка въ свободѣ, съ вѣковыми привычками народа, поддерживаемыми самими природными свойствами страны. Борьба эта была тѣмъ труднѣе, что правительство дѣйствовало безъ всякаго плана и твердости.

Указы о прикрѣпленіи редактированы такъ не точно, что, неизвѣстно, имѣли ли они въ виду только тѣхъ крестьянъ, которые сидѣли на землѣ, — состояли въ тяглѣ, — или всѣхъ вообще. По мнѣнію Бѣляева (Крестьяне на Руси) указы могли относиться только къ первымъ. Но кромѣ тяглыхъ въ древ-

ней Россіи было много людей вольныхъ, не тягольныхъ, непашенныхъ крестьянъ и бобылей: дѣти и братья домохозяевъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, племянники и подсусѣдники (А. А. Э. т. Ш, № 217; Ср. П, № 133 и друг. м.). Нельзя было этихъ вольныхъ людей прикрѣпить къ землѣ уже потому, что они не пользовались ею. Заставлять же брать землю насильно еще не вошло въ обыкновеніе. Относительно этихъ затяглыхъ крестьянъ и бобылей издавались не разъ указы, дозволявшіе перезывать ихъ (А. А. Э. т. Ш, № 265. Ср. А. И. т. Ш, № 211). Условія перехода какъ они обозначены въ многочисленныхъ порядныхъ, сохранившихся отъ XVП вѣка, во многомъ сходны съ тѣми, какія были до прикрѣпленія. Разница относится главнымъ образомъ къ размѣрамъ суммы, взыскиваемой землевладѣльцами при уходѣ крестьянъ: въ XVП вѣкѣ она была значительно больше, чѣмъ прежде. Напримѣръ, крестьяне давшія въ 1630 году порядныя записи Тихвину монастырю, между прочимъ договорились, что если они вздумаютъ „рядиться жить во крестьяне въ монастырщину или боярщину" или за кого бы то ни было, то игуменъ имѣлъ право взять съ нихъ за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу по 30 рублей московскую съ человѣка (А. Юр. № 196, I. П. Ср. № 194, стр. 205 отъ 1628 г.). Правда, съ порядныхъ XVП в. вольные люди, рядясь въ крестьянство, обыкновенно писали: „а съ той земли мнѣ не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться"; но не говоря уже о постоянныхъ фактическихъ нарушеніяхъ такого обязательства, во многихъ порядныхъ прямо выговаривается право перехода, впрочемъ, всегда съ условіемъ или заплатить убытки или посадить на свой участокъ жильца. „А будетъ мнѣ, Ивану, тутъ не поживется, сказано въ одной порядной въ Софійскую вотчину митрополита Никона, и мнѣ бы вольно на свое мѣсто иного порядить на тотъ участокъ, а мнѣ бы выйти на иное мѣсто въ Софійскую же вотчину или куда ссяжно". (Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 169). Нуженъ былъ правильно организованный контроль, чтобы подъ именемъ вольныхъ людей не переходили тяглые крестьяне. Такого контроля не существо-

вало въ московскомъ государствѣ и законы оставались мертвой буквой. Уходъ крестьянъ, напротивъ, повидимому усиливался, и притомъ за предѣлы государства. Переходъ съ земли одного владѣльца на землю другаго не могъ теперь представлять для крестьянина тѣхъ выгодъ, какія онъ имѣлъ прежде.

Экономическій гнетъ усиливался съ каждымъ годомъ и нужны были очень счастливыя обстоятельства, чтобы крестьянинъ, разъ порядившійся на землю извѣстнаго владѣльца, могъ перейти отъ него, если бы даже въ порядной и была выговорена свобода перехода. Власть помѣщика надъ личностью крестьянина съ изданіемъ закона о прикрѣпленіи должна была необходимо расшириться, и въ большинствѣ случаевъ прикрѣпленный крестьянинъ фактически дѣлался закрѣпощеннымъ личности помѣщика. Особенно должна была возрасти эта власть послѣ изданія Уложенія, которымъ отвѣтственность во взносѣ податей возложена исключительно на помѣщиковъ. Въ силу 6-й статьи XI главы Уложенія за бѣглаго крестьянина платитъ налоги владѣлецъ, и при томъ не тотъ, къ которому крестьянинъ бѣжалъ, а тотъ изъ за кого онъ вышелъ. Правительство имѣло въ виду такимъ постановленіемъ устранить путаницу въ платежѣ податей, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняло крестьянина вполнѣ волѣ помѣщика. Другимъ постановленіемъ (10-я статья той же главы) помѣщику предоставлено право взыскивать за бѣглаго крестьянина съ укрывателя по 10 рублей за государевы подати и помѣщиковы доходы, чѣмъ уничтожалась всякая выгода переманивать крестьянъ для землевладѣльцевъ и всякая надежда избавиться хотя бы отъ казенныхъ податей для крестьянъ. Въ 60 годахъ XVII столѣтія прикрѣпленіе къ землѣ уже вполнѣ замѣнилось прикрѣпленіемъ къ личности помѣщика: въ оффиціальныхъ книгахъ сначала въ приказѣ холопьяго суда, а потомъ также и въ помѣстномъ приказѣ стали записываться, какъ законныя, сдѣлки о продажѣ людей безъ земли (Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 164). Крѣпостное право установилось: вольные крестьяне были признаны зако-

номъ рабами и если они не сдѣлались ими, то благодаря совершенно инымъ обстоятельствамъ.

Но нужно было употребить еще много усилій, чтобы добиться исполненія закона, шедшаго въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ жизни крестьянства. Трудно было достигнуть исполненія такого закона уже потому, что крестьяне имѣли полную возможность уклониться отъ подчиненія ему. Стоило лишь перебраться за южный рубежъ московскаго государства, что бы найти всѣ условія для свободной жизни. На всемъ громадномъ пространствѣ отъ южнаго конца Уральскаго хребта до Дона и предгорій Кавказа простирались привольныя степи съ богатой первобытной почвой, дававшей обильные урожаи при самой ничтожной затратѣ труда. Но не было даже нужды заниматься земледѣліемъ: роскошная трава давала возможность кормиться однимъ скотоводствомъ, рѣки въ изобиліи доставляли рыбную пищу. Здѣсь не было ни царскихъ воеводъ, ни помѣщиковъ и та „вольная воля", о которой московскій крестьянинъ XV—XVII вѣка зналъ только изъ преданій далекаго прошлаго, могла быть достигнута въ этихъ степяхъ во всей неограниченной полнотѣ и безъ всякой борьбы. И дѣйствительно, по мѣрѣ усиленія гнета, какъ вольные такъ и изстаринные, тяглые крестьяне со всѣхъ концовъ московскаго государства бѣжали въ юго-восточныя украйны. Но понятно, что оставлять родину, хотя бы для того, чтобы попасть въ лучшія условія, не могли они безъ тяжелаго чувства и въ нихъ естественно развивалась жажда мести тѣмъ, кто былъ причиной ихъ невольнаго бѣгства. Бунтъ Стеньки Разина представляетъ лишь одно изъ наиболѣе крупныхъ проявленій народной мести. Правительство, въ свою очередь, дѣйствовало все съ большей энергіей. По мѣрѣ усиленія побѣговъ, усиливались и мѣры для ихъ прекращенія. Разсматривая дѣло съ болѣе общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ всего крестьянства и въ связи со всѣми послѣдствіями, надо признать, какъ переходъ XVI вѣка, такъ и побѣги XVI, самою неудачною формою протеста противъ существовавшаго гнета. Правда, переходъ оказалъ благодѣтельное вліяніе на положеніе крестьянъ: онъ спасалъ

ихъ впродолженіе долгаго времени отъ тяжелыхъ повинностей и давалъ возможность избавляться на нѣкоторый срокъ и отъ податей. Землевладѣльцы не могли доводить своихъ требованій до чрезмѣрнаго предѣла подъ опасеніемъ совершенно остаться безъ рабочихъ. Но когда, подъ давленіемъ развивавшихся потребностей, явилась необходимость возвысить эти требованія, и когда, вслѣдствіе того, возникла мысль о всеобщемъ закрѣпленіи, крестьяне разсѣянные по громадному пространству Россіи, искавшіе по прежнему выхода въ переходѣ или бѣгствѣ, должны были неизбѣжно проиграть въ пассивной борьбѣ съ помѣщиками, дѣйствовавшими съ неуклонной энергіей и послѣдовательностью.

Указомъ 15 февраля 1658 года правительство повелѣвало отыскивать бѣглецовъ всѣми средствами и пойманныхъ отдавать по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и по всякимъ крѣпостямъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ холоповъ (людей) въ холопство, а крестьянъ въ крестьянство прежнимъ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Тѣмъ же указомъ въ первый разъ велѣно было наказывать бѣглыхъ крестьянъ, разорявшихъ своихъ владѣльцевъ: ихъ было приказано бить нещадно кнутомъ, а наиболѣе важныхъ „воровъ", которые, убѣжавъ, убивали помѣщиковъ и вотчинниковъ или ихъ женъ и дѣтей, выжигали ихъ домы, велѣно было казнить смертью (Полн. Собр. законовъ № 220). Это постановленіе важно также въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о степени раздраженія крестьянъ. Принимавшіе и укрывавшіе бѣглыхъ должны были платить штрафъ по Уложенію. Но скоро и по отношенію къ укрывателямъ усилены были мѣры взысканія. Новымъ указомъ отъ 15 сентября 1661 года прикащиковъ, принимавшихъ крестьянъ, самовольно, безъ приказанія господъ, велѣно было бить кнутомъ; если же они дѣйствовали по волѣ владѣльцевъ, то эти послѣдніе обязывались не только перевозить бѣглыхъ крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ на свой счетъ, но и сверхъ того за каждаго принятаго бѣглаго отдавать въ придачу еще одного своего съ семействомъ и имуществомъ (ibid. 307). Въ 1664 году взысканіе было увеличено: вмѣсто одного

семейства приказано было брать за каждаго бѣглаго четверыхъ (ibid. № 364). Вѣроятно эти постановленія возбудили негодованіе, по крайней мѣрѣ въ 1681 году (31 августа) строгій законъ 1664 года былъ отмѣненъ и правительство нашло необходимымъ возвратиться къ порядку, узаконенному соборнымъ уложеніемъ 1649 года, предписавшихъ взыскивать по 10 рублей за годъ укрывательства каждаго бѣглаго и нѣкоторую сумму за расходы по розыску (ibid. № 891). Но въ 1682 году всѣ помѣщики и вотчинники подали снова общее челобитье, въ которомъ, выставляя на видъ, что крестьяне разбѣжались въ понизовые и украинные города, просили царей уничтожить постановленіе Өеодора Алексѣевича, отмѣнявшее взысканіе четырехъ наддаточныхъ душъ и послать въ тѣ города сыщиковъ для розыска и возвращенія бѣглыхъ людей и крестьянъ и высылки за поруками въ Москву тѣхъ лицъ, которыя ихъ принимали (А. А. Э., т. IV, № 279). Челобитье было удовлетворено лишь на половину. Указомъ 1-го декабря 1682 г. отмѣнялось постановленіе Өедора и за каждаго бѣглаго снова велѣно было брать по 4 наддаточныхъ крестьянина (П. собр. зак. № 972), но слѣдующемъ 1683 году положено было вмѣсто живыхъ людей взыскивать по 20 рублей за каждый годъ пожилого (ibid. 985) Петръ Великій продолжалъ преслѣдованіе бѣглыхъ съ тою же желѣзною энергіей, которая отличала его во всѣхъ поступкахъ. Убѣдившись, что побѣги и укрывательство бѣглыхъ крестьянъ вопреки всѣмъ предъидущимъ распоряженіямъ продолжаются по прежнему, онъ въ 1698 году велѣлъ разослать грамоты и сыщиковъ для сыску бѣглыхъ крестьянъ, причемъ за каждаго бѣглаго приказывалось брать, сообразно съ прежними указами, по четыре крестьянина съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, которыхъ пріемщикъ долженъ былъ отправить на своихъ подводахъ, и 20 рублей въ годъ пожилого, а людей этихъ пріемщиковъ, ужь неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и за какія вины, велѣно было бить кнутомъ (Полн. Собр. законовъ, № 1623). Но въ томъ же году (23 марта) взысканіе наддаточныхъ крестьянъ было отмѣнено, и въ силѣ оставлено было одно пожилое въ 20 руб., за то назначено было жесто-

кое наказаніе кнутомъ для тѣхъ помѣщиковъ, которые бы осмѣлились не пускать къ себѣ и бить посыльныхъ и служилыхъ людей, отправленныхъ для сыска бѣглыхъ. Въ случаѣ же убійства сыщиковъ помѣщики осуждались на смертную казнь. Всѣ эти строгости оказались однакожъ въ концѣ концовъ безуспѣшными. Петръ попробовалъ тогда прибѣгнуть къ новой мѣрѣ. Указомъ 1706 года помѣщикамъ, принимавшимъ бѣглыхъ предписывалось самимъ отсылать назадъ бѣглыхъ крестьянъ подъ угрозой лишенія половины своихъ помѣстій и вотчинъ въ пользу прежнихъ владѣльцевъ укрываемыхъ бѣглыхъ. И эта угроза, однакожъ, не помогла. Въ 1707 г. (5 апр.) Петръ, заявляя, что побѣги и пріемы продолжаются, снова предписывалъ наказывать ослушниковъ. Кромѣ того велѣно было составить сказки на основаніи показаній, какъ помѣщиковъ, вотчинниковъ, ихъ прикащиковъ и старостъ, такъ и „добрыхъ и знатныхъ" крестьянъ, выбравъ для того по 5 или 6 человѣкъ въ малыхъ, и по 10 — 15 чел. въ большихъ селахъ и деревняхъ. Послѣ этого указа не встрѣчается болѣе распоряженій относительно бѣглыхъ. По всей вѣроятности, убѣдившись въ невозможности достигнуть цѣли при помощи указанныхъ выше мѣръ, правительство пришло къ мысли поставить крестьянъ въ такія условія, чтобы побѣги не представляли для нихъ выгодъ и съ этою цѣлью отдѣлило тягло отъ земли, переложивши его на личность крестьянина. Мѣра эта, впрочемъ, примѣнялась и раньше. Зачатки ея можно видѣть въ указѣ 1682 года, которымъ крестьянинъ, записанный на новомъ мѣстѣ не перевозился назадъ, а долженъ былъ жить и отбывать повинности тамъ, гдѣ его застала перепись. Распоряженіе это относилось впрочемъ только къ крестьянамъ, переходившимъ изъ одной волости въ другую. Наказами писцамъ того же 1682 года велѣно было отдавать бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на дворцовыхъ земляхъ, назадъ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ только въ тѣхъ случаяхъ, если владѣльцы искали ихъ сами, въ противномъ же случаѣ предписывалось записывать бѣглыхъ на новыхъ мѣстахъ. Въ томъ же направленіи принята была еще одна мѣра. Всѣхъ крестьь-

янъ, сдавшихъ свои жеребьи и проживавшихъ у кого нибудь въ захребетникахъ и сосѣдяхъ, не платя государевыхъ податей, велѣно было вывозить назадъ; «чтобы въ захребетникахъ никто безъ тягла не жилъ» (ibid. № 981). Но полное осуществленіе мысли объ отдѣленіи тягла отъ земли принадлежитъ царствованію Петра Великаго.

Увлеченный мыслью создать въ Россіи городское сословіе на западно-европейскій образецъ Петръ дозволилъ вотчинниковымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ записываться для промысловъ въ тягло по городамъ и слободамъ. Съ переходомъ въ города уничтожались всѣ другія крѣпости на крестьянина, а онъ возвращался владѣльцу лишь въ томъ случаѣ, если не имѣлъ городской собственности или не занимался городскимъ промысломъ (ibid. № 1666; Ср. № 1775). Владѣльцы же перешедшихъ въ городъ крестьянъ освобождались отъ платежа податей, лежавшихъ на ихъ дворахъ. (ibid № 2252). За основаніе раскладки податей, такимъ образомъ, было принято не количество земельныхъ участковъ, а число наличныхъ домохозяевъ. Скоро эта мѣра, относившаяся только къ городамъ Московской губерніи, получила дальнѣйшее развитіе. 14 февраля 1714 Петръ дозволилъ торговать всѣмъ крестьянамъ безъ различія, а 6 мая того же года издалъ указъ, исключавшій изъ раскладки пустые дворы по всей Россіи и предписывавшій брать подати только съ наличныхъ жилыхъ дворовъ, причемъ не дѣлалось различія между старыми и новоприбылыми дворами, «хотя бы кто пришелъ за день до указа». «Понеже, говорилось въ указѣ, не всѣ крестьяне на Донъ или въ Сибирь ушли, а большая часть живетъ ушедъ отъ своихъ помѣщиковъ за иными помѣщиками, того ради равнымъ образомъ переписать вездѣ и прибылые дворы, въ которыхъ селѣхъ и деревняхъ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ крестьянъ прибыло; хотя бы за день до сего указа перешли куда жить, то брать съ прихожихъ тожъ, что и съ подлинныхъ доведется взять за всѣ годы, за которые доимка. А понеже иные не платили за пустотою, то съ оныхъ отнюдь не править». Подобный указъ долженъ былъ въ значитель-

ной степени уменьшить въ крестьянахъ стремленіе къ переселеніямъ, а въ помѣщикахъ охоту перезывать крестьянъ, такъ какъ одна изъ выгодъ переселенія, заключавшаяся въ возможности укрыться отъ государевыхъ податей, была теперь уничтожена.

Сдѣланный нами бѣглый обзоръ развитія законодательства относительно прикрѣпленія крестьянъ, при всей его неполнотѣ, даетъ основаніе сдѣлать тотъ выводъ, что иниціатива въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ принадлежала помѣщикамъ и вотчинникамъ, и что только со второй половины XVII вѣка правительство стало дѣйствовать самостоятельно.

Въ нашей исторической литературѣ укоренилось мнѣніе, что крѣпостное право было государственнымъ установленіемъ. Крестьяне были сначала прикрѣплены къ землѣ, а потомъ закрѣпощены за помѣщиками въ видахъ исправнаго исполненія помѣщиками службы государству и въ видахъ болѣе правильнаго поступленія въ казну податей. Такое объясненіе представляется довольно правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе что дворяне въ своихъ челобитныхъ мотивировали просьбы о преслѣдованіи бѣглыхъ (А. А. Э. т. IV. № 14) именно невозможностью отправлять службу при выходѣ крестьянъ съ ихъ земель. Но здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Допуская такое объясненіе, необходимо признать, что интересы государства всецѣло и исключительно сливались съ интересами одной части его подданныхъ, въ жертву которымъ оно принесло существеннѣйшія права громаднаго большинства остальныхъ подданныхъ.

Дѣйствительно всѣ дѣйствія правительства въ XVII и въ XVIII вѣкахъ доказываютъ, что оно смотрѣло на свои обязанности съ этой узкой точки зрѣнія. Отдавая крестьянъ въ полнѣйшее распоряженіе владѣльцевъ наравнѣ съ землей, предоставляя этимъ послѣднимъ право суда «во всѣхъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ» оно не предпринимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для огражденія личности крестьянина отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Оно ограничивалось лишь совѣтами и приказаніями защищать крестьянъ отъ стороннихъ

людей, брать съ нихъ подати «по силѣ» «причемъ опредѣленіе этой силы предоставлялось владѣльцу, не отнимать у нихъ «насильствомъ» имущества. Но въ источникахъ нѣтъ свѣдѣній, подвергались ли владѣльцы наказаніямъ въ случаѣ неисполненія подобныхъ совѣтовъ, между тѣмъ данныхъ и самыхъ крайнихъ злоупотребленіяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, третировавшихъ своихъ крѣпостныхъ какъ рабовъ, множество. (Котошихинъ, XI, 3. Ср. Исторія Россіи Соловьева, IX, стр. 429). Нѣкоторые писатели стараются доказать впрочемъ, что крѣпостное право было введено въ интересахъ самихъ крестьянъ.

„Обезземеленіе крестьянъ, говоритъ г. Градовскій, былъ печальный, но всеобщій фактъ XVI вѣка. Вдумываясь въ его значеніе нельзя не прійдти къ заключенію, что крѣпостное право было, можетъ быть, еще хорошимъ исходомъ изъ этого положенія вещей. Можетъ быть, безъ него крестьянъ ожидало бы простое холопство, полное рабство“. Чрезъ четыре строки „можетъ быть“ изчезаетъ и говорится прямо: „Холопство принимало страшные размѣры, и указъ, закрѣпившій крестьянъ, спасъ ихъ отъ худшей доли“. Эта если не единственная, то во всякомъ случаѣ одна изъ немногихъ мыслей, на которыя г. профессоръ можетъ заявить право собственности, не подтверждается имъ ничѣмъ, кромѣ совершенно невѣрной ссылки на судебникъ, который будто бы принималъ энергическія мѣры противъ развитія холопства. Если бы авторъ попробовалъ обратиться къ изученію источниковъ, напримѣръ, писцовыхъ книгъ, то онъ, конечно, не сочинилъ бы такого панегирика крѣпостному праву. Въ Ляжолобицкомъ погостѣ Деревской пятины въ 1500 году на 260 крестьянъ было всего 10 людей (холоповъ), въ Еглинскомъ на 282 крестьянина—21 холопъ, въ

[1]) Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи т. I. Введеніе. Уѣздъ(?) Московскаго государства. Послѣдняя часть заглавія совершенно непонятна, какъ непонятна была бы фраза „Гдовскій уѣздъ, включающій въ себѣ Россійскую Имперію“.

Короцкомъ погостѣ первыхъ было 57, вторыхъ—4 человѣка, въ Нерецкомъ—первыхъ было 88, вторыхъ 2, въ Ужиньскомъ погостѣ на 183 крестьянина приходилось 11 холоповъ. Подобное же отношеніе было и въ другихъ погостахъ, а въ нѣкоторыхъ—даже совсѣмъ не встрѣчается холоповъ. Писцовыя книги другихъ уѣздовъ XVI и XVII вѣка. (См. Писц. кн. изд. Калачева) почти совсѣмъ не упоминаютъ о холопахъ. Такимъ образомъ страшное развитіе холопства въ древней Россіи такое же открытіе, какъ и миѳическій „уѣздъ Московскаго государства".

Что касается до другихъ объясненій значенія крѣпостнаго права, въ родѣ, напримѣръ, того, что оно будто бы пріучило народъ цѣнить блага осѣдлой жизни (побѣги цѣлыми массами и бунты крестьянъ доказываютъ конечно лишь чрезмѣрную тупость народа, неспособнаго понимать этихъ благъ) и слѣдовательно имѣетъ значеніе прогрессивнаго фактора (Хлѣбниковъ) и тому подобныхъ измышленій, выдаваемыхъ у насъ за научныя истины, то несостоятельность ихъ слишкомъ очевидна, чтобы останавливаться на ихъ опроверженіи.

Гораздо полезнѣе заняться рѣшеніемъ вопроса, отчего крѣпостное право при множествѣ благопріятныхъ для того условій не перешло у насъ въ полное рабство? Оставляя въ сторонѣ соображенія правительства, которое волей не волей должно же было въ своихъ выгодахъ препятствовать такому превращенію, и свойства помѣстной системы, мы ограничимся разсмотрѣніемъ лишь наиболѣе важнаго условія, препятствовавшаго развитію рабства—общиннаго землевладѣнія. Если бы землевладѣльцы древней Россіи имѣли дѣло съ отдѣльными лицами, то лишеніе крестьянина возможности предлагать свой трудъ, гдѣ онъ считалъ выгоднымъ, и прикрѣпленіе его къ землѣ одного владѣльца при неизбѣжной конкурренціи наемщиковъ, повело бы къ чрезмѣрному повышенію арендной платы за землю, къ той же „мучительной рентѣ", которая существуетъ въ Ирландіи. Не имѣя права уйти отъ землевладѣльцевъ, крестьяне были бы принуждены соглашаться на всѣ требованія помѣщика. И весьма вѣроятно,

что лишь немногіе изъ нихъ не сдѣлались бы изъ вѣчныхъ должниковъ кабальными холопами.

Община предупредила этотъ страшный результатъ. На землѣ каждаго владѣльца жила группа земледѣльцевъ пользующихся сообща и на равномъ правѣ взятой ими помѣщичьей землей. Уменьшеніе района крестьянской земли и возвышеніе оброка за нее должно было влечь за собой измѣненіе какъ въ объемѣ участковъ всѣхъ членовъ общины, такъ и въ суммѣ платежей за нее. Провести подобную мѣру было, очевидно, гораздо труднѣе, чѣмъ отнять землю или увеличить оброкъ съ отдѣльнаго крестьянина.

Результаты, въ послѣднемъ случаѣ достигаемые легко посредствомъ конкурренціи, при общинѣ могли быть достигнуты только принудительными мѣрами, для проведенія которыхъ не было достаточно сильныхъ средствъ, ни у владѣльцевъ, ни у правительства. Права общины охранялись не только членами ея, за нихъ стоялъ обычай, уваженіе къ которому связывало одинаково обѣ стороны.

Нельзя было уменьшить размѣровъ крестьянской земли и потому еще, что по количеству ея взимались съ крестьянъ государственныя подати и отбывались повинности.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ крестьянская земля и послѣ прикрѣпленія, была отдѣляема отъ господской, [1]) а размѣры ея и сумма повинностей за нее, по крайней мѣрѣ въ первое время оставались тѣже, что и до прикрѣпленія. По Бѣлевской писцовой книгѣ на выть приходилось около 6 десятинъ въ трехъ поляхъ доброй земли, 7 дес.—средней и 8—худой (12 четвертей первой, 14—второй и 16—третьей) въ трехъ поляхъ—почти тоже, что было и въ XVI вѣкѣ. Сравненіе грамоты Новинскаго монастыря 1590 года съ наказомъ Корса-

---

[1]) За Петромъ Ивановымъ сыномъ Юшковымъ — пашни пахаными вотчинниковъ 10 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни 16 четвертей (Бѣлевская Вивліоѳика, книга II, стр. 51. Ср. Временникъ, Смѣсь стр. 41—54).

кова 1662 года доказываетъ, что и размѣры повинностей измѣнились немного (Бѣляевъ, стр. 139). Охраняя своихъ членовъ отъ экономическаго гнета извнѣ, община по самому существу своего устройства должна была въ тоже время противодѣйствовать развитію пролетаріата внутри, помогая упалымъ и поощряя безпечныхъ и вообще поддерживая благосостояніе своихъ членовъ на одинаковомъ уровнѣ. Никакая финансовая система не могла бы безъ могущественнаго дѣйствія общины достигнуть такого равенства крестьянскихъ участковъ, какое было повсюду въ древней Россіи [1]). Въ этомъ отношеніи не было раз-

---

[1]) Гг. Герье и Чичеринъ въ сочиненномъ ихъ общими силами памфлетѣ «Русскій Дилетантизмъ и общинное землевладѣніе», въ одномъ изъ примѣчаній, посвященномъ моей книгѣ „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ съ обычной своей развязностью утверждаютъ, будто я не имѣлъ основанія сказать, что древняя русская община „надѣливши своего члена наравнѣ съ другими участкомъ земли въ большей части сѣверныхъ селеній предоставляла ему полную свободу въ распоряженіи доходомъ отъ земли“. Но если бы они дали себѣ трудъ заглянуть въ источники, напримѣръ, писцовыя книги новгородскихъ пятинъ, то они нашли бы тамъ всеобщее равенство крестьянскихъ участковъ, на что я указалъ въ многихъ мѣстахъ своей книгѣ. (См. особенно стр. 26 и 82). Какимъ образомъ могло явиться такое равенство, если бы не было равнаго распредѣленія земли? Они не понимаютъ далѣе совмѣстнаго существованія общиннаго землевладѣнія и свободы распоряженія землей, не смотря на приведенныя въ доказательство такой совмѣстимости факты,—въ такомъ случаѣ мнѣ остается только посовѣтовать имъ побывать въ деревняхъ Олонецкой, Вологодской и друг. сѣверныхъ губерній, или, покрайней мѣрѣ, повнимательнѣе прочесть мою книгу и указываемыя въ ней статьи. Впрочемъ относительно г. Чичерина можно напередъ сказать, что его не убѣдятъ никакіе факты, никакія наблюденія, какъ не убѣдили его новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ невозможности считать семью первой стадіей исторіи, а экономическія—въ совершенной ложности выводовъ политической экономіи (см. его политическія ученія, т. IV и начало V-го). Для г. Чичерина имѣютъ цѣну лишь такіе факты, которые легко нанизываются на гегелевскую схему, искаженную имъ, замѣтить кстати, до смѣшного. Что касается до упрека въ навязываніи идеаловъ народной жизни, то, не говоря уже о томъ, что нужно быть очень непритязательнымъ и недальновиднымъ, чтобы заниматься подобными безполезными упражненіями, я желалъ бы спросить г.

ницы между изстаринными и новоприбылыми членами общины. Вольный человѣкъ, порядившись отдѣльно съ владѣльцемъ, вступалъ, затѣмъ, въ общину на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми остальными крестьянами даннаго помѣстья. Община правда не могла предупредить бобыльства, такъ какъ многіе находили выгоднымъ для себя дробить и тягла, но она спасла русскій народъ отъ повальнаго рабства. Прослѣдивши исторію земледѣльческаго класса внутри московскаго государства, мы обратимся теперь къ изслѣдованію судьбы крестьянъ, выбѣжавшихъ за его предѣлы въ юговосточныя степи.

X.

Обширное пространство, простирающееся отъ Дона и его притоковъ до южнаго конца Уральскаго хребта и отъ средняго теченія Волги до предгорій Кавказскаго хребта и занимаемое въ настоящее время областью Войска Донскаго, губерніями: Ставропольской, Астраханской, Саратовской частью Воронежской, Самарской, Уфимской и землей Уральскаго войска, представляло въ XV вѣкѣ почти безлюдную степь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которой блуждали Ногайцы. Венеціанскій путешественникъ Контарини, возвращавшійся изъ Персіи чрезъ Астрахань в Москву, нашелъ эти страны совершенно не населенными и только вблизи Рязани встрѣтилъ первыя поселенія. Даже въ 1521 г. въ наказѣ царскому послу Третьяку Губину

Чичерина, на чемъ основываетъ онъ такое обвиненіе? Чѣмъ онъ докажетъ также, что я недобросовѣстно пользовался источниками? Надо сожалѣть, что подобные не литературные пріемы до сихъ поръ продолжаютъ практиковаться въ нашей литературѣ. Пора бы ихъ бросить уже потому, что они слишкомъ истасканы еще Булгаринымъ, чтобы быть для кого либо убѣдительными. Всего чаще такія обвиненія обрушиваются на изслѣдователей народныхъ обычаевъ, и чѣмъ вѣрнѣе ихъ выводы, чѣмъ добросовѣстнѣе ихъ отношеніе къ своей задачѣ, тѣмъ легче они рискуютъ подвергнуться инсинуаціямъ. Но виноваты ли эти изслѣдователи, что принципы, лежащіе въ основаніи народныхъ обычаевъ, діаметрально противоположны взглядамъ, излюбленнымъ гг. Чичеринымъ, Герье и имъ подобными?

стосъ и сказалъ: „мать моя благодаритъ васъ очень за поклоны, которые вы ей кладете; но не забывай же однако кланяться и мнѣ". [1])

Въ такомъ же родѣ были и представленія о Іисусѣ Христѣ. „Какое понятіе, говоритъ Лоранъ [2]), составляли себѣ средніе вѣка о самомъ Богочеловѣкѣ? Феодализмъ, по своему существу, былъ воинственъ; ему нуженъ былъ и воинственный богъ. Іисусъ Христосъ превратился въ барона, въ сюзерена. Великое занятіе феодальнаго дворянства состояло въ турнирахъ и войнахъ: Іисусъ Христосъ садится на лошадь, чтобы сражаться съ Антихристомъ. Одинъ монахъ аббатства St.-Germain de Prés воспѣлъ подвиги этого знаменитаго турнира: Богородица присутствовала при битвѣ, одѣтая въ блестящее, какъ солнце, платье, ноги ея покоились на лунѣ. Войско Антихриста состояло изъ языческихъ боговъ Юпитера, Сатурна, Аполлона и Меркурія. Исходъ битвы не могъ быть сомнителенъ: Іисусъ Христосъ восторжествовалъ». Все это имѣло главнымъ образомъ цѣлію отуманить и запугать народъ и, въ тоже время, возвысить въ его глазахъ значеніе духовенства; оно было только прелюдіей для пущенія въ ходъ другихъ, болѣе матеріальныхъ и болѣе выгодныхъ средствъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежатъ ложныя легенды и ложныя мощи. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ нахальствѣ и низости духовныхъ пастырей и учителей народа и сдѣлать понятнымъ, почему народъ не былъ, наконецъ, въ состояніи терпѣть ихъ и, при достиженіи малѣйшаго умственнаго развитія, дѣлалъ попытки къ освобожденію.

Въ X и XI вѣкѣ, посредствомъ благочестивыхъ обмановъ, первые галльскіе епископы были обращены въ учениковъ самихъ Апостоловъ. Когда норманны уничтожили всѣ документы хранившіеся въ древнихъ церквахъ и оставались только одни имена святыхъ да темныя о нихъ преданія, то католическое духовенство воспользовалось этимъ, чтобы составить множе-

---

[1]) *Laurent* т. VIII стр. 71.
[2]) I, т. VIII. стр. 39.

ство ложныхъ легендъ. Такъ, напримѣръ, монахи «St.-Martial à limges» сдѣлали своимъ патрономъ одного изъ учениковъ Христа. [1]) Но нѣтъ ни одной легенды, которая бы болѣе говорила въ пользу нашего мнѣнія, какъ сказаніе о св. Урсулѣ и ея одиннадцати тысячахъ дѣвъ. [2]) Здѣсь обманъ достигаетъ самыхъ грандіозно-нелѣпыхъ результатовъ. Разрывается кладбище древней Colonia Agrippensis и находимыя въ ней кости выдаются духовенствомъ за кости святыхъ. Шаде' старается даже доказать, что мнимая св. Урсула была не что иное, какъ древняя языческая богиня. [3])

Не менѣе интересные факты встрѣчаемъ мы и касательно ложныхъ мощей, которыя уже въ XV столѣтіи стали одною изъ важныхъ статей торговли католическаго духовенства. Монахи доискались до всего: имъ въ руки попали куски Ноева ковчега, клокъ изъ бороды Аарона, жезлъ Моисея, перо изъ крыла архангела Гавріила, молоко Богородицы, пеленки, въ которыя она пеленала Христа, его молочный зубъ, пупокъ, препуціумъ и даже его дыханіе. [4]) Однимъ словомъ, духовенство торговало всѣмъ, что только приходило ему въ голову, будучи увѣрено въ томъ, что народъ не только не заподозритъ его въ обманѣ, но, въ простотѣ души, еще съ ревностью и благоговѣніемъ будетъ платить за подобныя рѣдкости свои послѣднія деньги. Подобнаго рода святотатства производились да и до сихъ поръ еще производятся въ католическихъ странахъ совершенно спокойно. Тѣ, которые должны бы были быть пастырями и наставниками народа, стали его совратителями съ истиннаго пути и ввергли его, ради стяжанія денегъ, въ грубѣйшее язычество, такъ что ему потомъ стоило многихъ трудовъ вырваться изъ него.

Послѣ всего этого, понятна становится ненависть, которую питали къ католическому духовенству первые реформаторы. Они совершенно основательно утверждали, что, воскресни какимъ-

---

[1]) *Laurent* т. VIII стр. 89.

[2]) *Schade* „Die Sage von der heiligen Ursula". Hannover 1854.

[3]) Тамъ же.

[4]) *Laurent*, т. VIII. стр. 86—87.

либо чудомъ какой-нибудь изъ первыхъ христіанъ и взгляни на римское духовенство, то онъ бы съ ужасомъ отвернулся отъ него, непремѣнно счелъ бы его за какую-нибудь касту языческихъ жрецовъ, эксплуатирующихъ и давящихъ народъ. Это были скорѣе послѣдователи буддизма, чѣмъ евангельскаго ученія.

Взглянемъ-же теперь на состояніе нравственности и на общественное положеніе этого духовенства.

Папство, какъ мы это сказали еще въ первомъ отдѣлѣ нашей статьи, особенно стало возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ вступило въ тѣсную связь съ франкскими королями, которые надѣлили римскихъ епископовъ поземельною собственностью. Впрочемъ, до смерти Карла Великаго, папы находились въ повиновеніи у королей и императоровъ, удовлетворяли ихъ требованіямъ, и во всемъ почти имъ потворствовали. Но, со смертью Карла, когда на императорскомъ престолѣ появились люди слабые и бездарные, папы быстрыми шагами пошли впередъ къ завѣтной цѣли: всесвѣтной духовной монархіи.

Мы уже видѣли, какъ и чего удалось имъ достигнуть при Григоріи VII и Иннокентіи III. Но вмѣстѣ съ ихъ возвышеніемъ, все болѣе и болѣе начинаетъ въ нихъ ослабѣвать нравственность, которою они такъ гордились. Еще до Гильдебранда римскій престолъ, хотя и достается часто людямъ умнымъ и энергическимъ, но они уже стоятъ очень низко на степени нравственности и безъ разбора хватаются за все, что обѣщаетъ имъ выгоду. Такъ, напримѣръ, папа Николай I, безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей, съ радостью встрѣтилъ появившіяся при немъ лжеисидоровы декреталіи, выводившія права папской власти изъ древнѣйшаго времени, и призналъ ихъ имѣющими силу закона. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, говоритъ Ранке [1]), что эти декреталіи составлены въ эпоху Карла Великаго, и составляютъ чрезвычайно важный моментъ въ исторіи этого времени. Онѣ имѣли цѣлію подорвать существовавшее тогда и основанное на митрополичьей власти

[1]) *Ranke* «Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation». 1842, т. I. Введеніе, стр. 10—11.

устройство церкви, подчинить ее непосредственно папѣ и образовать такимъ образомъ полное единство духовной власти, посредствомъ котораго она бы вскорѣ совершенно высвободилась изъ подъ опеки свѣтскихъ правителей. Съ этимъ-то и рѣшились тогда выступить. Цѣлый рядъ именъ прежнихъ папъ долженъ былъ послужить къ тому, чтобы укрѣпить и связать разные вымышленные документы, которымъ придали силу узаконеній». Какъ извѣстно, папы не сразу достигли того могущества, которымъ они пользовались со временъ Григорія VII. Свѣтскіе правители, въ особенности германскіе императоры изъ саксонскаго дома, постоянно старались имъ противодѣйствовать и часто совершенно подчиняли себѣ римскій престолъ, такъ, напримѣръ, Оттоны I, II и III сами назначали папъ, а въ 1048 г., когда престолъ св. Петра остался незамѣщеннымъ, то римскіе послы явились даже въ Саксонію, отыскали тамъ императора и просили его поставить имъ папу [1]. Словомъ, между папами и императорами велась постоянная борьба, и счастіе попеременно склонялось то на ту, то на другую сторону. Эта-то борьба болѣе всего и способствовала нравственному упадку церкви. Римскіе прелаты теперь только и заботятся о томъ, какъ бы имъ высвободиться изъ рукъ императоровъ и самимъ стать во главѣ всей Европы, дѣла же религіи и нравственность клириковъ и монаховъ ими совершенно упускаются изъ виду. Слѣдствіемъ этого было появленіе такъ называемой симоніи, т. е. торговли духовными мѣстами. Императоры, захватившіе въ свои руки бѣлое духовенство, старались привлечь его на свою сторону, почему и раздавали ему огромныя земли и обращали такимъ образомъ пастырей церкви въ могущественныхъ свѣтскихъ властителей. Уже Оттонъ I началъ соединять графства съ епископствами (Bisthümer); изъ узаконеній Генриха II, мы усматриваемъ, что онъ раздавалъ иной церкви два графства, иной три, а иной до восьми [2]. Поэтому прелаты, сдѣлавшись въ то же время и свѣтскими правителями, должны были обратить свое главное вниманіе на

[1] *Ranke*, тамъ-же, стр. 23.
[2] *Ranke*, тамъ же, стр. 26—27.

дѣла подвластныхъ имъ областей, оставляя въ сторонѣ дѣла церкви. Какъ свѣтскіе государи, они хотѣли и жить сообразно со своимъ положеніемъ и ни въ чемъ не уступали князьямъ и баронамъ. Кромѣ того, императоры вскорѣ сознали всю важность лежавшаго на нихъ права раздачи духовныхъ мѣстъ и стали уже болѣе, чѣмъ прежде, дорожить имъ. Они даже рѣшились сдѣлать изъ него предметъ выгодныхъ аферъ и пользоваться имъ для пополненія своей казны. Такимъ образомъ, они стали продавать, почти съ аукціоннаго торга, разныя духовныя мѣста. Дѣло дошло до того, что священническія и даже епископскія должности доставались часто людямъ не знавшимъ хорошо грамотѣ. «Архіепископъ веронскій, собравши свое духовенство, нашелъ, что многіе изъ нихъ не знали даже символа вѣры. Кардиналъ Даміани увѣряетъ [1]), что священники не понимали того, что читали, съ трудомъ умѣли они складывать [2]). Уже въ XI-мъ столѣтіи нравственное разложеніе духовенства доходитъ до страшныхъ результатовъ. Папа Бенедиктъ VIII, въ присутствіи цѣлаго собора, упрекалъ служителей Бога въ томъ, что они бросались на женщинъ, какъ жеребцы на кобылъ, и что они высшее благо жизни поставляли въ роскоши, подобно епикуровымъ поросятамъ [3]). Весь народъ, говоритъ Даміани, знаетъ мѣсто, гдѣ предаются разврату священики, знаетъ даже названія ихъ наложницъ» [4]).

Такому разврату не мало способствовало одно изъ основныхъ положеній католичества: безбрачіе бѣлаго духовенства. Невозможность вполнѣ строго выдержать свой обѣтъ, заставляла большинство втайнѣ искать удовлетворенія своей страсти. Впрочемъ, вскорѣ дѣло дошло до того, что не смо-

---

[1]) Этотъ кардиналъ Даміани, который, находясь при Гильдебрандѣ, былъ строгимъ цензоромъ эпохи и даже папства, и который просилъ у свѣта только келіи для бичеванія себя, такъ ясно и рѣзко описалъ злоупотребленія современнаго ему западнаго духовенства, что папа Александръ уничтожилъ эту страшную картину, какъ опасную для нравовъ. *Hase* «Histoire de l'église», т. I, стр. 277

[2]) *Laurent*, «La papauté et l'empire», стр. 73.

[3]) Тамъ же, стр. 74.

[4]) Тамъ же.

тря на всю строгость закона [1]), священники почти оффиціально вступали въ браки и жили со своими семействами. Такъ, напримѣръ, епископъ Руэнскій имѣлъ многочисленную семью; онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ 48 лѣтъ, и только въ старости сталъ совершать покаяніе [2]).

Папы, которые въ сущности и сами не далеко ушли отъ прочихъ духовныхъ, повременамъ старались положить этому конецъ, поставляя главной причиной всего этого зависимость духовенства отъ свѣтскихъ правителей. Но для прекращенія симоніи и другихъ злоупотребленій имъ нельзя было не войти въ непріязненныя столкновенія съ императорами.

Долгое время дѣлали они неудачныя попытки, пока, наконецъ, Гильдебранду не удалось достигнуть своей цѣли. Онъ возсталъ противъ симоніи и рѣшился ее уничтожить, вырвавши вмѣстѣ съ тѣмъ изъ рукъ императора право раздавать духовныя мѣста. Борьба его съ Генрихомъ IV была не на жизнь, а на смерть; она извѣстна въ исторіи подъ именемъ борьбы за инвеституру. Папа восторжествовалъ. Торжество это не много однако помогло дѣлу [3]), такъ какъ не всѣ папы отличались такимъ же стойкимъ характеромъ, какъ Григорій VII и такою строгою нравственностью.

Еще въ XI столѣтіи развратъ при дворѣ св. отца почти входитъ въ пословицу. Посмотримъ, для доказательства, на жалобу, поданную римскимъ народомъ императору Оттону на

---

[1]) Особенно сильно стали преслѣдовать браки духовныхъ лицъ во время Гильдебранда. «Вступленіе въ бракъ церковно-служителей, говоритъ Hase, объявлено было незаконнымъ; оно допускалось только въ X вѣкѣ въ Англіи и въ Испаніи, а въ XIII столѣтіи — въ сѣверныхъ королевствахъ. Нѣкоторые священники погибли изъ за того, что не захотѣли покинуть женъ и дѣтей. Но если Григорію VII и удалось прекратить браки духовенства, то онъ не былъ однако въ состояніи уничтожить распутства. Hase, стр. 77.

[2]) *Laurent*, «La papauté et l'empire». стр. 75.

[3]) *Ranke* находитъ даже, что униженіе Генриха IV въ Каноссѣ вовсе не было такъ знаменательно, какъ это полагаютъ многіе историки. „Со времени происшествія въ Каноссѣ, говоритъ онъ, собственно только и начинается самая борьба". — *Ranke*. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. т. I, стр. 37—38.

папу Іоанна XXII... «Что мы говоримъ, то знаетъ весь свѣтъ. Доказательствомъ можетъ служить госпожа Renier, вдова его вассала; ослѣпленный своею страстью, онъ отдалъ ей въ управленіе многіе города и уступилъ крестъ и золотыя чаши изъ церкви св. Петра. Доказательствомъ можетъ служить и Etienette, его тетка, которая не давно умерла, рождая ребенка, котораго онъ ей сдѣлалъ. — Если бы все молчало, то заговорилъ бы латранскій дворецъ; жилище святыхъ сдѣлалось мѣстомъ проституціи... Нѣтъ болѣе иностранки, которая бы рѣшилась посѣтить церковь Апостоловъ, зная, что онъ во зло употребилъ довѣріе многихъ женъ, вдовъ и дѣтей» [1]).

Какъ власть и владѣнія папъ, говоритъ Робертсонъ [2]), не переходили къ ихъ потомству, то они менѣе другихъ государей заботились о благѣ общественномъ и просвѣщеніи. Правленіе ихъ было кратковременно: они имѣли въ виду только настоящія выгоды; старались пріобрѣтать и копить, а не улучшать; изъ тщеславія развѣ оставляли они какой-нибудь суетный памятникъ своего первосвященства или-же, по необходимости, учреждали полезныя заведенія, чтобы польстить буйной черни въ Римѣ и успокоить ее. — Но мѣры, для общаго блага подданныхъ и при томъ съ заботою о будущемъ, рѣдко бывали предметомъ державнаго искуства первосвященниковъ. Наслѣдіе св. Петра управлялось хуже другихъ частей Европы и хотя иной великодушный папа на время прекращалъ вредныя слѣдствія недостатковъ, свойственныхъ духовному правленію, или противодѣйствовалъ имъ, однакоже они оставались неистребимы и вѣкъ отъ вѣка все болѣе усиливались, а государство клонилось къ упадку, по мѣрѣ ихъ возрастанія.

Постепенно это нравственное паденіе усиливается, принимаетъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры и, со времени знаменитаго Авиньонскаго плѣненія папъ, становится почти баснословнымъ: авиньонскій дворъ сталъ мѣстомъ самаго утонченнаго разврата. Пиры и увеселенія разнаго рода не прекращались ни на минуту. Роскошь и нѣга духовенства пре-

---

[1]) *Laurent* „La papauté et l'empire", стр. 76-я.

[2]) *Робертсонъ* „Исторія Карла V." Т. I, стр. 125-я.

взошли все, что до того времени когда либо существовало въ этомъ родѣ.—Новые Лукуллы, называющіе себя святыми отцами и намѣстниками Бога на землѣ, перещеголяли изнѣженностью древнихъ персидскихъ монарховъ. Папство переживаетъ послѣдній моментъ своего вліянія. Съ этого времени оно начинаетъ терять всякій авторитетъ въ народѣ, а великій расколъ окончательно раскрываетъ на ихъ счетъ глаза всему міру.

Само собою слѣдуетъ, что для поддержанія такой жизни требовались и особенные, соотвѣтственные этому капиталы, тѣмъ болѣе, что ни одинъ почти изъ папъ не умеръ такъ, чтобы оставить пустою свою казну и не обезпечить своихъ приближенныхъ и друзей [1]). Іоаннъ XXII, сынъ кагорскаго сапожника, оставляетъ послѣ своей смерти 25,000,000 флориновъ, въ этомъ числѣ на 7,000,000 драгоцѣнныхъ камней и золотой и серебряной утвари.—Современники думали, что онъ нашелъ философскій камень [2]). Всю эту роскошь, весь этотъ утонченный развратъ должны были поддерживать доходы, получаемые церковью, доходы, собираемые съ благочестиваго и добродушнаго народа, готоваго отдавать послѣднюю копѣйку для поддержанія своей религіи. Въ простотѣ своего сердца бѣдные міряне долгое время и не подозрѣвали того, что жертвуя пріобрѣтеніями рукъ своихъ и отказывая себѣ, вслѣдствіе этого, часто въ самомъ необходимомъ, они только способствуютъ безнравственности своихъ духовныхъ пастырей.

Вскорѣ однако и этихъ доходовъ стало мало; корыстолюбіе овладѣло всѣмъ духовнымъ міромъ: папы стали торговать

[1]) Такъ какъ не многіе прелаты, говоритъ Робертсонъ, достигали первой степени церковнаго достоинства, не достигши напередъ глубокой старости, то перемѣна правителей въ папскихъ владѣніяхъ случалась чаще, нежели въ другихъ государствахъ и политика римскаго двора была поэтому не постояннѣе политики прочихъ дворовъ Европы. Каждый папа спѣшилъ какъ можно выгоднѣе для себя употребить краткое время своего правленія и для того только пользовался властью, чтобы возвысить свое семейство и устроить свои частныя дѣла; первою же заботою его преемника бывало нерѣдко, уничтоженіе всѣхъ его трудовъ и стараній. *Робертсонъ* „Исторія Карла V". т. I, стр. 124-я.

[2]) *Вызинскій.* „Папство и св. Римская Имперія". Гл. 6 стр. 152.

епископіями, епископы мѣстами священниковъ, а эти старались съ лихвою выручить свои убытки съ бѣднаго народа, увѣряя его, что такъ предписано самимъ Богомъ и что безъ этого не возможно достигнуть спасенія души. Когда, наконецъ, и этихъ средствъ стало недоставать, то папы начали придумывать новыя, болѣе рѣшительныя и болѣе доходныя. Къ числу ихъ принадлежатъ: инквизиція, индульгенціи и учрежденія различныхъ празднествъ и процессій. Такъ, напримѣръ, Бонифацій VIII учредилъ папскій юбилей, торжественный столѣтній праздникъ римской церкви.

Сотни тысячъ пиллигримовъ изъ разныхъ странъ и народовъ стекаются въ Римъ, получаютъ отпущеніе грѣховъ и, въ замѣнъ за это, обогащаютъ своими приношеніями римскія церкви.—Столѣтній періодъ такой обильной жатвы показался слишкомъ долгимъ наслѣдникамъ Бонифація: они сокращаютъ его сначала на 50, потомъ на 33 и, наконецъ, на 25 лѣтъ [1]).

Индульгенціи были не менѣе выгодною аферою: папскіе легаты отправлялись во всѣ концы западной Европы и продавали, за большія деньги, клочки ничего не стоющей бумаги, съ которыми однако было связано отпущеніе настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ грѣховъ. Человѣкъ, гласили они, пріобрѣтшій себѣ папскую индульгенцію, свободно можетъ разсчитывать попасть по смерти въ царствіе небесное, хотя бы онъ и совершилъ самыя страшныя преступленія.

Индульгенціи эти бывали разныхъ родовъ: однѣ отпускали всевозможныя прегрѣшенія—настоящія, прошедшія и будущія; другія выдавались на менѣе долгій срокъ, или же обозначали извѣстныя группы прогрѣшеній. Продажа ихъ, по преимуществу, поручаема была нищенствующимъ монахамъ. Что касается инквизиціи, то это возмутительное средство, придуманное въ одно и тоже время для искорененія еретичества и для обогащенія папскаго престола, лежитъ неизгладимымъ пятномъ на католическомъ духовенствѣ. Цѣлые милліоны людей были вслѣдствіе этого учрежденія замучены, а имѣнія ихъ конфискованы и проданы въ пользу церкви. Мотлей въ своемъ

[1]) *Вызинскій* „тамъ же“. Гл. 6-я стр. 148—149-я.

сочиненіи „The rise of the Dukch Republic“ [1]) различаетъ три рода инквизиціи: папскую, епископскую и испанскую. „Во всѣхъ своихъ видахъ, впрочемъ, говоритъ онъ, это была машина для изслѣдованія мыслей человѣка и для сожженія его, если результатъ сказывался неудовлетворительнымъ“. Для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что папство и все вообще католическое духовенство ничего не щадило для достиженія своекорыстныхъ цѣлей и не брезгало даже самыми страшными преступленіями, которымъ оно придавало названіе священныхъ, заимствую изъ сочиненія Мотлея описаніе инквизиціоннаго процесса въ Испаніи. [2])

„Испанская инквизиція, учрежденная папою Александромъ VI и Фердинандомъ католикомъ, была безспорно самая жестокая и утонченная изъ всѣхъ родовъ этого учрежденія“.

„Первоначально она была направлена противъ евреевъ и мавровъ; но скоро ее примѣнили и къ еретикамъ“. „Доминиканецъ Терквамеда былъ первымъ главой этого ужаснаго суда и имя его осталось въ исторіи типомъ безчеловѣчнаго, жестокаго и холоднаго фанатизма. Съ его времени *святой судъ* былъ постоянно въ рукахъ доминиканскаго ордена. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ управленія Торкваметы 10,220 лицъ разнаго званія были сожжены заживо и 97,321—наказаны конфискаціей имуществъ и вѣчнымъ заключеніемъ; такъ что число семействъ, погубленныхъ этимъ фанатическимъ возмутительнымъ учрежденіемъ, простирается до 140,000 слишкомъ. Съ теченіемъ времени кругъ дѣятельности суда былъ расширенъ; онъ научилъ дикарей Индіи и Америки трепетать при имени Христа. Страхъ его появленія обратилъ въ католичество еретиковъ Италіи, Германіи и Франціи. Это былъ трибуналъ независимый ни отъ какой свѣтской власти, стоящій выше всѣхъ другихъ судовъ. Это былъ трибуналъ монаховъ, судившихъ безъ апелляціи, имѣвшихъ шпіоновъ въ каждомъ семействѣ, проникавшихъ въ сокровеннѣйшія тайны домашняго очага, произносившихъ приговоры безконтрольно и безот-

---

[1]) 1857 г. т. I.

[2]) Тамъ же.

вѣтственно. Трибуналъ этотъ судилъ не дѣла, но помышленія. Онъ брался заглядывать въ человѣческую совѣсть и осмѣливался наказывать преступленія, которыя ему только чудились.

„Инквизиціонный процессъ отличался возмутительною безнравственностью, произволомъ и простотою. Человѣка схватывали по простому подозрѣнію, мучили до тѣхъ поръ, пока онъ не сознавался, и тогда сожигали на кострѣ“.

„Двухъ свидѣтелей, хотя бы ихъ показанія не относились къ одному и тому же дѣлу, было достаточно, чтобы бросить человѣка въ мрачную тюрьму. Здѣсь его снабжали скудною пищей, запрещали говорить, пѣть и, оставляя въ мрачномъ уединеніи, держали до тѣхъ поръ, пока голодъ и отчаяніе не сломятъ его духа. Тогда его подвергали допросу. Если онъ сознавался въ ереси (виноватъ-ли былъ или нѣтъ на самомъ дѣлѣ), его одѣвали въ священную рубашку и онъ отдѣлывался только конфискаціей всего своего имущества. Если же онъ упорно стоялъ за свою невинность, то два свидѣтеля отсылали его на костеръ, одинъ—на пытку. Ему объявляли содержаніе доноса, но онъ не зналъ, кто доносилъ и никогда не видѣлъ его въ глаза. Обвинителемъ могъ быть его собственный сынъ, отецъ или жена; ибо всѣмъ, подъ страхомъ смерти вмѣнено было въ обязанность доносить о каждомъ подозрительномъ словѣ, вырвавшемся у его родныхъ, или знакомыхъ. „Если обвиненный стоялъ на своемъ, то его подвергали пыткѣ. Камера пытки и была собственно трибуналомъ, гдѣ производился судъ. Его единственнымъ адвокатомъ было его мужество и терпѣніе; потому что номинальный защитникъ, котораго ему давали, былъ только пародіей и поруганіемъ законныхъ юридическихъ формъ. Обвиненный не имѣлъ никогда съ нимъ личныхъ сношеній, ему не давали ни документовъ, ни права требовать поясненій.

Пытка производилась обыкновенно въ полночь, въ какомъ нибудь мрачномъ подвалѣ, освѣщенномъ факелами. Жертву, кто бы она ни была, мужчина, женщина или дѣвушка, раздѣвали до-нага и бросали на деревянную лавку. Вода, тяжести, огонь, блоки и винты, весь страшный аппаратъ, посред-

ствомъ котораго можно было растянуть жилы, не разрывая ихъ, измять кости, не ломая ихъ и терзать тѣло, не причиняя смерти, было приводимо въ движеніе. Палачъ, одѣтый съ ногъ до головы въ черное, съ глазами сверкавшими изъ отверстій, прорѣзанныхъ въ его капишонѣ, производилъ надъ несчастнымъ всѣ роды утонченныхъ мукъ, изобрѣтенныхъ дьявольскимъ воображеніемъ монаховъ. Всякая фантазія блѣднѣетъ въ сравненіи съ этой ужасной дѣйствительностью. Періодъ, въ теченіе котораго пытка могла быть производима ежедневно, былъ не ограниченъ: только сознаніемъ можно было сократить его. Единственнымъ исходомъ изъ нея былъ эшафотъ. Были жертвы, которыя терпѣли эти муки по 15 лѣтъ и потомъ были сожжены на кострѣ.

„За сознаніемъ слѣдовали приговоръ и казнь; впрочемъ—иногда проходило довольно времени, прежде чѣмъ назначали *auto-da-fé*. Кровавое зрѣлище это обыкновенно происходило во время какихъ нибудь большихъ праздниковъ и къ этому времени старались накопить по больше жертвъ, чтобы достойнымъ образомъ почтить торжество.

„Съ возмущающей и торжественной обстановкой совершалось обыкновенно auto-da-fé. Король, высшіе сановники, духовенство и чернь смотрѣли на нихъ, какъ на назидательный и прекрасный спектакль.

„Въ назначенное для этого утро жертву выводили изъ тюрьмы. Ее одѣвали въ желтое платье безъ рукавовъ (какъ платье герольдовъ), вышитое черными фигурами демоновъ. На голову ей надѣвали высокую коническую бумажную шапку, на вершинѣ которой была человѣческая фигура въ пламени. Осужденному какъ-то связывали языкъ, такъ что онъ не могъ ни закрыть, ни открыть рта. Въ минуту выхода изъ тюрьмы ему предлагали, съ ироническою вѣжливостью, отличный завтракъ изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ. Затѣмъ его везли на площадь. Процессія устраивалась съ огромнымъ великолѣпіемъ: она открывалась школьными мальчиками. За тѣмъ шла партія, одѣтая въ свой роковой костюмъ. Далѣе сановники, прелаты и аристократія. Наконецъ самъ великій инквизиторъ верхомъ въ красномъ кроваваго цвѣта плащѣ, съ развѣваю-

щимся надъ нимъ знаменемъ св. инквизиціи. На немъ съ одной стороны портретъ Александра VI, съ другой Фердинанда католика, учредителей этого суда. Затѣмъ валила чернь.

„На площади, когда все пришло въ порядокъ, передъ собраніемъ говорилась проповѣдь, наполненная похвалами инквизиціи и ругательствами противъ осужденныхъ. Послѣ нея читался приговоръ. Все духовенство затягивало 50-й псаломъ и оканчивало его потрясающимъ *miserere*.

„Если между осужденными случался священникъ, то сначала снимали съ него посвященіе и кускомъ стекла скоблили ему руки, губы и темя, посредствомъ чего предполагалось стереть слѣды елея, которымъ онъ былъ помазанъ при посвященіи.

„За тѣмъ, отдѣляли примиренныхъ съ церковью, преступниковъ и тѣхъ, которыхъ казнь еще не была назначена. А остальныхъ передавали палачу, который велъ ихъ на костеръ, при чемъ инквизиторъ иронически просилъ его обращаться съ нимъ, какъ можно кротче и мягче.

„Такова была инквизиція, технически называемая *испанскою*. Это былъ трибуналъ, стоявшій выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, безъ апелляціи и безъ отвѣта передъ властями неба и земли. Никакое званіе, какъ бы высоко, или низко оно ни было, не спасало человѣка отъ этого суда. Даже смерть не могла защитить отъ него. Святой судъ вторгался во дворецъ вельможи и въ хижину нищаго. Даже трупы были вырываемы и сожигаемы на кострѣ".

Главными орудіями папства во всѣхъ этихъ дѣлахъ были монашескіе ордена, и въ особенности, тѣ изъ нихъ, которые извѣстны подъ именемъ нищенствующихъ. — Разсѣянные въ народѣ и перекочевывая съ мѣста на мѣсто, они легче всего могли достигать вліянія и поддерживать въ народѣ идею о святости и непогрѣшительности папъ, имъ то и были поручаемы римскимъ дворомъ сборы съ народа подаяній въ пользу церкви. Въ основаніи уставовъ этихъ орденовъ лежали, правда многія благія и честныя цѣли, но на практикѣ онѣ оказались непримѣнимыми. Ходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, эти монахи всюду проповѣды-

вали покаяніе. Они носили рубища и, повидимому, питались только подаяніемъ вѣрующихъ; но на самомъ дѣлѣ, они обладали огромными богатствами, ни въ чемъ себѣ не отказывали, въ тайнѣ предавались всевозможнымъ удовольствіямъ... Такая бѣдность, говоритъ Кондрадъ Вальдгаузеръ въ одной изъ своихъ проповѣдей, [1]) вовсе не соотвѣствуетъ жизни и примѣру Христа, который даже статиръ, уплаченный имъ за себя и Петра, вынулъ изъ челюсти рыбы, а не пошелъ его вымаливать". «Вліяніе этихъ монаховъ было такъ велико, что родители, часто еще до рожденія своихъ дѣтей, давали обѣты опредѣлять ихъ въ эти ордена. Однимъ словомъ, не было народа болѣе искуснаго для служенія папству и болѣе нахальнаго въ образѣ своихъ дѣйствій, что и было причиной того, что многіе изъ первыхъ реформаторовъ, какъ Виклефъ, Конрадъ Вальдгаузеръ и другіе начинали свою дѣятельность съ борьбы съ этими лжепророками, какъ они ихъ называли.

Принявши во вниманіе все до сихъ поръ сказанное, намъ уже легко будетъ понять, почему римская церковь съ древнѣйшихъ поръ вызываетъ различные протесты и постоянно служитъ предметомъ упрековъ мыслящихъ и развитыхъ людей, а потому мы теперь и приступимъ къ главному предмету, составляющему задачу нашей статьи.

III.

Древнѣйшія проявленія реформаціоннаго духа въ западной Европѣ.

Религіозное анти-христіанское движеніе на востокѣ Европы начинаетъ проявляться уже съ древнѣйшаго времени, чему сильно способствовало вліяніе, во 1-хъ, греческой философіи, а во 2-хъ—разныхъ восточныхъ гностическихъ ученій. Къ числу такихъ движеній, извѣстныхъ подъ именемъ ересей, принадлежатъ—Аріанизмъ, Манихейство, ересь Евтихія, Пав-

[1]) См. *Böringer* „Die Vorreformatoren" т. 2. стр. 6-я.

ликіане и мн. др., которыя сначала пріобрѣли было себѣ послѣдователей, но вскорѣ были оставлены. Нельзя однако сказать, чтобы онѣ всѣ прошли совершенно безслѣдно, и если онѣ не оказали особеннаго вліянія на восточную церковь, то за-то на западѣ нашли себѣ пріютъ и не мало способствовали образованію тамъ многихъ сектъ. [1]) Пріобрѣтеніе вліянія въ западной Европѣ было тѣмъ легче для этихъ сектаторовъ, что народъ начиналъ уже ощущать тягость римской державы и сознавать произвольность поступковъ католическаго духовенства. [2]) Главная заслуга этихъ сектъ и состоитъ именно въ томъ, что онѣ помогли народу понять злоупотребленія римско-католической церкви и, такъ сказать, въ тихомолку приготовили реакцію. По этому мы и намѣрены остановиться на разсмотрѣніи 2-хъ главныхъ изъ этихъ сектъ, а именно Катарцевъ и Вальденцевъ, послѣ чего перейдемъ къ реформаціонному движенію въ Чехіи до Гусса.

---

[1]) *Rotteck* въ V т. своей всеобщей исторіи говоритъ слѣдующее: „Разными путями, по большей части во время крестовыхъ походовъ, достигли идеи Павликіанъ и Западной Европы. Италія, и въ особенности южная Франція, незамѣтнымъ образомъ воспріяли сѣмена ереси. Ихъ произрастенію способствовала господствовавшая тогда испорченность церкви и злоупотребленіе ею своей власти... Многіе думаютъ открыть въ ученіи первыхъ реформаторовъ, появившихся въ XII ст., какъ-то въ Альбигойцахъ, Вальденцахъ и др. и въ положеніяхъ Виклефа и Гусса слѣды вліянія Павликіанъ. *Rotteck* „Allgemeine Geschichte т. 5-й стр. 343-я.

[2]) Только сильнымъ пробужденіемъ нравственнаго духа, говоритъ Baur, можно объяснить происхожденіе сектъ, которыя признавали бѣдность и отреченіе отъ міра за основное положеніе ихъ воззрѣній на жизнь и дѣлали высшей цѣлію своей жизни—во всемъ поступать сообразно съ евангельскимъ ученіемъ, вполнѣ подражать жизни Христа и его учениковъ и, по ихъ примѣру, стараться проповѣдью привлекать на свою сторону новыхъ приверженцевъ».‘«*Baur* (F. Ch.) «Die christliche Kirche des Mittelalters» т. 3. стр. 489-я.

«Спросите у папъ, говоритъ Лоранъ, спросите у соборовъ XIII ст., что было причиной появленія сектъ, и они, вамъ отвѣтятъ: развращеніе духовенства». *Laurent* т. VIII «la réforme», стр. 107-я.

„Развратъ духовенства подвинулъ сектаторовъ отдѣлиться отъ церкви, не имѣвшей на своей сторонѣ никакой уже гарантіи для спасенія“. (Ibidem. стр. 108-я).

1. Секта Катарцевъ.

На восточное происхожденіе этой секты указываетъ уже самое ихъ названіе, происходящее отъ древней формы глагало χαϑαρω—χαϑαιρω—дѣлаю чистымъ, очищаю. Такое названіе принято было послѣдователями этой секты, потому что они считали себя единственными чистыми христіанами, сохранившими Евангельское ученіе въ первоначальной его чистотѣ. Подъ именемъ Катарцевъ извѣстно въ западной Европѣ множество сектъ, въ основаніи ученія которыхъ лежатъ однако одни и тѣже главныя положенія, хотя и встрѣчаются нѣкоторыя довольно рѣзкія различія. „При этомъ, говоритъ Неандеръ, [1]) рождается вопросъ,—происходятъ-ли эти различія отъ первоначальной разницы, лежащей въ основѣ восточныхъ системъ, отъ которыхъ происходятъ эти секты, или же отъ вліянія позднѣйшихъ западныхъ школъ, внесшихъ сюда нѣкоторыя смягченія.

По главному различію можно раздѣлить Катарцевъ на двѣ группы: одни изъ нихъ признавали въ мірѣ господство абсолютнаго дуализма, т. е. двухъ другъ другу совершенно противуположныхъ началъ—добра и зла; другіе-же принимали только относительный дуализмъ, разсматривая злое начало, какъ отпавшаго отъ Бога духа, основателя 1-й міровой революціи. Послѣдняя группа носитъ на себѣ ясные слѣды своего родства съ сектою Богомиловъ, такъ распространенною между славянами Византійской имперіи, на что также указываетъ и употребленіе извѣстнаго апокрифическаго Евангелія отъ Іоанна, столь уважаемаго Богомилами. Хотя бы на основаніи этого можно было положить, что вообще вся секта Катарцевъ исходитъ изъ ученія Богомиловъ о дуализмѣ, и что принятіе нѣкоторыми абсолютнаго дуализма было дѣломъ позднѣйшаго времени, однако же между обѣими группами, не смотря на близкое ихъ родство, находится и такая существенная раз-

---

[1]) „Geschichte der Christlichen Kirche und Religion“ т. V. отд. 2-е, стр. 1107-я.

ница, что мы должны отказаться отъ этого предположенія и искать начала ученія Катарцевъ въ какой-нибудь другой восточной сектѣ.

Постараемся здѣсь изложить главныя положенія, раздѣляющія обѣ группы, а за тѣмъ уже перейдемъ къ изложенію самаго ученія этой секты, придерживаясь при этомъ знаменитаго ученаго Неандера.

Первая группа, какъ мы сказали, исходящая изъ абсолютнаго дуализма, признаетъ существованіе испоконъ-вѣка двухъ другъ другу противуположныхъ началъ,—добра и зла, и двухъ соотвѣтственныхъ этому міровъ. Добраго Бога считаютъ они зиждителемъ близкаго къ нему міра, пользующагося безконечнымъ существованіемъ; все же преходящее,—какъ ничтожное, ложное,—производятъ они отъ злаго начала. Между обоими мірами допускаютъ они, впрочемъ, нѣкоторыя сношенія. По ихъ ученію все видимое и преходящее въ нашемъ мірѣ имѣетъ соотвѣтственное себѣ, но истинное и постоянное, въ высшей сферѣ. Для подтвержденія этого приводили они многія мѣста изъ ветхаго и новаго завѣта, въ которыхъ говорится о различіи между плотію и духомъ, міромъ и Богомъ. Въ особенности опирались они на VIII главу 44-й стиха Евангелія отъ Іоанна гдѣ, будто бы, есть указаніе на то, что діаволъ испоконъ-вѣка состоялъ въ противорѣчіи съ добромъ и никогда не былъ съ нимъ связанъ. [1]) Они отрицали возможность проявленія Бога въ явленіяхъ природы:—„Какъ могутъ, говорили они, [2]) огонь и вода, разрушающіе жилища бѣдныхъ и святыхъ, быть произведеніями добраго Бога".

По ихъ ученію злой духъ, сатана,—воспылалъ завистью къ добру, поднялся на небо и убѣдилъ треть небесныхъ душъ отпасть отъ Бога. На эти небесныя души Катарцы смо-

[1]) Вы отца вашего діавола есте и похоти отца вашего хощете творити: онъ человѣкоубійца бѣ искони и во истинѣ не стоитъ: яко нѣсть истины въ немъ: егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ; яко ложь есть и отецъ лжи. (Гл. и Ст. мд)

[2]) *Neander* «Gesch. d. Chr. Kirche und Religion», т. V, отд. 2-е стр. 1111-я.

трѣли какъ на нѣчто среднее между самымъ высокимъ и самымъ низкимъ; каждой душѣ соотвѣтствуетъ, по ихъ мнѣнію, родственный ей духъ, которому она служитъ органомъ и который ею управляетъ и руководитъ; каждая душа имѣетъ, въ свою очередь, и подчиненный себѣ органъ — небесное тѣло, которое вполнѣ отъ нея зависитъ, точно также, какъ она сама отъ управляющаго ею духа.—Эти высшіе духи были уподобляемы ангеламъ.—Черезъ отпаденіе расторгли небесныя души всѣ сношенія съ высшимъ міромъ и были заключены сатаною въ земныя тѣла.

Такимъ образомъ объясняли Катарцы 1-й группы происхожденіе рода человѣческаго. Іисуса Христа почитали они высшимъ небеснымъ духомъ послѣ Бога, но разнящимся отъ него по своему существу и ему подчиненнымъ; святаго духа считали они такимъ же высшимъ духомъ, только стоящимъ степенью ниже сына Божія.—Нѣкоторые, на основаніи этого, полагали, что Катарцы считали Христа твореніемъ Божіимъ; Неандеръ, однако, съ этимъ не согласенъ: «Если, говоритъ онъ, [1]) на основаніи дѣлаемаго ими объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ св. писанія и заключаютъ, что они считали Христа твореніемъ Божіимъ, то это не справедливо, такъ какъ они вообще сильно придерживались ученія объ эманаціи.“

Христосъ, учили они, былъ ниспосланъ на землю для того, чтобы разрушить здѣсь царство сатаны, освободить падшія души изъ тѣлеснаго заключенія и, помиривши ихъ съ небомъ, возвратить имъ прежнее состояніе. — Для этой цѣли соединился сынъ Божій съ духомъ, душею и тѣломъ въ высшемъ мірѣ и такимъ образомъ низошелъ въ Марію, черезъ посредство которой и родился. — По ихъ ученію, небесное тѣло Христа было чудеснымъ образомъ устроено самимъ Богомъ, такъ что оно совершенно походило на человѣческое и могло быть ощущаемо чувствами.—Всѣ чувственныя дѣйствія и привязанности Христа считали Катарцы только кажущимися; все, говорили они, что разсказывается о чудесехъ Спасителя должно принимать не иначе, какъ въ символическомъ

---

[1]) *Neander* „Gesch. d. Chr. Kirche und Religion“ т. V отд. 2, стр. 1114.

смыслѣ. Это послѣднее основывали они на словахъ священнаго писанія и старались подтвердить свидѣтельствомъ апостола Павла „буква убиваетъ, духъ-же животворитъ".—„Такое отрицаніе чудесъ, говоритъ Неандеръ, [1]) имѣло первоначальное основаніе вовсе не въ противномъ супранатуралистическому принципу направленіи, но вытекало прямо изъ спиритуалистическаго дуализма, по которому разсматривали чувственный міръ, какъ твореніе злаго начала и всюду старались унизить все чувственное." Одна изъ вѣтвей этой группы Катарцевъ дошла даже до того, что утверждала, будто бы Пресвятая Троица получила свое начало только съ рожденіемъ Христа.

По ученію 1-й группы Катарцевъ, покаяніе должно распространяться не только на всѣ мельчайшія прегрѣшенія, но также и на предшествовавшій нашему временному существованію грѣхъ, а именно на отпаденіе небесныхъ душъ отъ Бога. Сознаніе этого отпаденія и сѣтованіе о немъ составляетъ, по ихъ понятіямъ, главную сущность покаянія.—Они признавали три страшныхъ суда: 1-й изгнаніе небесныхъ душъ изъ рая, 2-й начавшійся со времени сошествія на землю Христа, и 3-й когда Спаситель снова соединитъ павшія и имъ освобожденныя души съ небомъ.—Это послѣднее считали они конечной цѣлью міра и называли воскресеніемъ.

Вторая группа Катарцевъ не признавала вѣчно существующаго злаго начала, а выводила все злое изъ отпаденія отъ Бога высшаго духа, которому Богъ предоставилъ надзоръ за всѣми прочими духами, и который возмечталъ сдѣлаться независимымъ. — Указаніе на это находили они въ притчѣ о зломъ домоправителѣ.—Этотъ духъ увлекъ за собой множество подчиненныхъ ему ангеловъ. — По ученію Катарцевъ (2-й группы) матерія была создана самимъ Богомъ, но форму придалъ ей сатана.—Адамъ, по ихъ мнѣнію, былъ ниспосланный Богомъ на землю, для наблюденія за тѣмъ, какъ сатана будетъ устраивать міръ, ангелъ, котораго сатанѣ удалось заключить въ оковы земнаго тѣла.—Солнце, луна и звѣзды—не

---

[1]) «Geschihte der Kristl. Kirche und Religion». т. V. отд. 2 стр. 1116.

что иное, какъ облеченные въ видимую форму ангелы.—Ева была также ангеломъ, заключеннымъ сатаною въ земное тѣло для того, чтобы произвесть первое земное, матеріальное бракосочетаніе, считавшееся у Катарцевъ нечистымъ.—Отъ связи сатаны съ Евой родился Каинъ. — Грѣхъ Адама (вкушеніе запретнаго плода) состоялъ, по ихъ мнѣнію, въ совокупленіи его съ Евою, плодомъ котораго былъ Авель. [1]) Такимъ образомъ изъ души Адама родились и всѣ прочія души, какъ изъ его тѣла—всѣ прочія тѣла.

По обученію этой группы сатана былъ Богомъ Ветхаго завѣта: онъ открылся Аврааму и устроилъ потопъ, желая погубить весь родъ человѣческій. Богъ старался ему противодѣйствовать и слѣдствіемъ этого было спасеніе Ноя. Моисей и пророки по своему ученію, были слугами сатаны, хотя изрѣдка и бывали осѣняемы истиннымъ духомъ, такъ напр. когда они предсказывали о Спасителѣ [2]).

Катарцы (этой группы) стремились къ опредѣленію разницы между Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ, причемъ особенно опирались на противуположность, существующую между проповѣдью Христа на горѣ и закономъ Моисея. Законъ Моисея, говорили они, запрещаетъ только богохульство, а Христосъ всякую клятву; законъ Моисея угрожаетъ смертью виновнымъ, а Христосъ запрещаетъ пролитіе всякой крови. Катарцы обвиняли поэтому католическую церковь въ томъ, что она снова обратилась къ закону Моисея, между тѣмъ какъ они сами хотѣли возстановить, въ полной его чистотѣ, ученіе Спасителя, почему и возставали противъ войны, смертной казни и всякой клятвы. Вмѣстѣ съ пророками отрицали они и святость Іоанна Крестителя, называя его посланникомъ сатаны, который хотѣлъ противупоставить водяное крещеніе духовному. Что касается Пресвятой Троицы, то они Христа и Св. Духа нисколько не стѣснялись, какъ послѣдователи 1-й группы, называть Богомъ. О личности Спасителя учили они, что онъ, принесъ съ собою на землю и особое небесное, эѳирное тѣло,

---

[1]) *Neander* „Gesch. d. Chr. u. Kirche." т. V, отд. 2, стр. 1122—1123.

[2]) Neander «Gesch. d. Chr. R. u. K. т. V. отд. 2, ст. 1124.—

въ доказательство чего приводили они путешествіе Христа по водамъ Генисаретскаго озера. Присоединеніе Св. Духа къ Троицѣ совершилось, по ихъ мнѣнію, только послѣ Воскресенія Христова, которое они впрочемъ понимали не въ земномъ, а въ высшемъ эѳирномъ смыслѣ. Исходнымъ пунктомъ міра считали они уничтоженіе всего созданнаго сатаною и приведеніе всего къ первоначальному хаосу.

Главной задачей Катарцевъ и точкой, въ которой сходились обѣ группы, было нападеніе на церковную обрядность и на преданія. Они всѣми силами стремились къ тому, чтобы отдѣлить въ христіанствѣ элементъ апостольскій отъ позднѣе сдѣланныхъ примѣсей. Разумѣется, что при этомъ они постоянно впадали въ крайности, такъ какъ не имѣли на своей сторонѣ твердой точки опоры. Такъ напр. начавши съ отрицанія крещенія водою вообще, увѣряли, что таковое было установлено сатаною въ противоположность крещенію духовному, установленному Богомъ. „Если Христосъ, говорили они, и былъ крещенъ Іоанномъ Крестителемъ, то это было не что иное, какъ уступка, сдѣланная имъ требованіямъ времени [1]).

Духовное крещеніе, по ихъ понятіямъ, должно было состоять въ одномъ рукоположеніи, при чемъ они понимали не самый обрядъ, а только духовный смыслъ этого дѣйствія, называемаго ими *Consolamentum*. Это Consolamentum было двухъ родовъ: одно, посредствомъ котораго принимали человѣка въ число простыхъ членовъ секты (credentes), и другое, посредствомъ котораго рукополагались такъ называемые perfecti, т. е. посвященные во всѣ тайны ученія. Это послѣднее дѣйствіе считалось самымъ важнымъ. Что касается обѣдни, то они и ее отрицали, говоря, что слова Христа, сказанныя имъ на тайной вечери, должно принимать не въ прямомъ, а въ символическомъ смыслѣ. Въ воспоминаніе же этого событія были у нихъ установлены такъ называемые обѣды любви, во время которыхъ настоятель чтеніемъ Евангелія распространялъ освященіе. Точно такимъ же образомъ отрицали они таинство покаянія и обязанность искупать грѣхи, совершенные послѣ

---

[1]) Neander. т. 5. ч. 2. стр. 1127.

крещенія. Consolamentum замѣняло у нихъ всякое покаяніе. Они основывались на томъ, что Іисусъ Христосъ не возложилъ ровно никакого покаянія на встрѣченную имъ въ іерусалимскомъ храмѣ грѣшницу.

Сильно возставали Катарцы противъ всякаго церковнаго ритуала: они нападали на церкви, увѣряя, что Богъ не можетъ обитать въ домахъ, построенныхъ руками человѣческими. «Не зданіе, говорили они, а хорошій человѣкъ и хорошая женщина составляютъ церковь, молитва въ церкви ничѣмъ не лучше и не дѣйствительнѣе молитвы у себя въ горницѣ; лучше одѣвать нищихъ, чѣмъ украшать стѣны храмовъ [1]).

Не смотря однако на подобныя правила, Катарцы не были и сами чужды нѣкоторой обрядности, противъ которой такъ сильно возставали въ теоріи. Секта эта впала даже вскорѣ въ сильный мистицизмъ. Consolamentum'у стали приписывать магическую силу и поставили въ зависимость отъ него полученіе царствія небеснаго. Эта обрядная сторона въ Consolamentum, говоритъ Neander [2]) зашла у Катарцевъ даже далѣе, чѣмъ церковный ритуалъ при совершеніи таинствъ въ католической церкви».

Хотя Катарцы своимъ отрицаніемъ іерархіи, святыхъ, почитанія иконъ и путешествій къ св. мѣстамъ и были прямыми предшественниками реформаціи, но тѣмъ не менѣе они, раздѣляя духъ своего времени, во многихъ случаяхъ сильно расходились. Такъ напримѣръ признавали они добрыя дѣла за единственное средство для достиженія блаженства, чѣмъ давали сильное противъ себя орудіе своимъ противникамъ, которые противупоставляли этому ученіе о вѣрѣ и милости, ставя добрыя дѣла прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ вѣры въ Бога. Изъ ученія Катарцевъ вытекаетъ также самый строгій аскетизмъ, къ принятію котораго были, однако, обязываемы только самые *совершенные* изъ членовъ секты, *perfecti*.

Искавшіе полнаго блаженства должны были строго воздерживаться отъ вкушенія мяса, яицъ, молока и т. п., однимъ

---

1 Neander, стр. 1137-я.

2) Neander стр. 1132-я.

словомъ отъ всего, что происходитъ вслѣдствіе смѣшенія двухъ половъ, которое считалось Катарцами самымъ тяжкимъ изъ грѣховъ. Они, на томъ же основаніи, допускали только одинъ духовный бракъ, а отнюдь не физическій, и слова Іисуса Христа «что свяжете на земли, будетъ связано на небесахъ» старались они объяснить тѣмъ, что будто бы здѣсь говорится только о единеніи самаго Христа съ церковію.

Всѣ члены этой секты (обѣихъ группъ) подраздѣлялись на такъ называемыхъ *perfecti*, или *bones homines*, пользовавшихся именемъ Катарцевъ по преимуществу, и на *credentes*. Первые стояли во главѣ секты и, какъ истинные подражатели Христа, пребывающіе въ постоянной нищетѣ и вѣчномъ смиреніи, пользовались огромнымъ уваженіемъ. Изъ ихъ числа выбирались и настоятели секты: сначала епископъ, потомъ подчиненные ему filius major filius minor и, наконецъ, діаконъ. Это чиноподраздѣленіе свидѣтельствуетъ о существованіи у Катарцевъ церковной іерархіи, противъ которой они въ теоріи такъ сильно возставали; они доказали на дѣлѣ, что многія ихъ утопическія и соціалистическія убѣжденія были совершенно не своевременны. Мало того, что они оставили у себя іерархію, они пошли даже дальше и впали въ тѣ самыя крайности, за которыя нападали на римскую церковь. Такъ напримѣръ, часто случалось, говоритъ Неандеръ, [1]) что многіе ихъ епископы бывали предназначаемы къ этой должности съ самаго дѣтства, почему имъ давалось и особенное воспитаніе: имъ непозволялось ѣсть никакого мяса, кромѣ рыбы, и не разрѣшалось пить никакого молока, кромѣ миндальнаго.

Не смотря на многіе недостатки этой секты и на многія несообразности и противорѣчія, встрѣчаемыя здѣсь между теоріей и практикой, невозможно однако не отдать имъ и полной справедливости. Такъ напр. самые злѣйшіе изъ ихъ противниковъ всѣ единогласно свидѣтельствуютъ о безукоризненной нравственности этихъ еретиковъ. [2])

---

[1]) Neander, т. V, отд. II, стр. 1136—1137.

[2]) Даже тѣ, которые ихъ преслѣдовали, какъ враговъ Божіихъ, говоритъ Лоранъ, отдавали справедливость чистотѣ ихъ нравовъ и постав-

Особенно обращали они на себя вниманіе и привлекали къ себѣ приверженцевъ строгостью своей жизни и воздержаніемъ отъ всякаго рода клятвы. «Да» или «нѣтъ» были единственными и, въ тоже время, ненарушимыми выраженіями ихъ увѣреній. Такою жизнію особенно отличались такъ называемые *perfecti*; что же касается до *credentes*, то они походили на толпу мірянъ католической церкви и бывали часто причиной тѣхъ обвиненій, которыя взводили на всю секту. Многіе изъ этихъ *credentes* до самой смерти своей не принимали Consolamentum, и только чувствуя приближеніе смерти обращались къ нему, какъ къ единственному средству для полученія царствія небеснаго.—До чего часто доходило при этомъ злоупотребленіе, ясно видно изъ многихъ фактовъ, приводимыхъ Неандеромъ. Такъ напр. многіе *credentes*, впадая въ тяжкую болѣзнь, обращались къ своимъ епископамъ за посвященіемъ, но потомъ, когда выздоравливали, совершенно отказывались отъ возлагаемыхъ имъ обязанностей. [1])

Катарцы чрезвычайно ревностно заботились о распространеніе своего ученія и не пренебрегали для этого никакими средствами; особенно искусно умѣли они пользоваться благопріятными для себя обстоятельствами, въ которыхъ не было тогда недостатка. Войны между императорами и папами, размолвки между государствами и церковью способствовали вторженію и распространенію ихъ идей въ Германіи, что особенно происходитъ во время Гогенштауфеновъ, когда ученіе Катарцевъ утвердилось въ прирейнскихъ областяхъ и проникло даже въ Италію.

Не было ни одной страны, на которую бы папа наложилъ интердиктъ, или въ которой возникли религіозныя недоразумѣнія, куда бы Катарцы не съумѣли проникнуть и гдѣ бы они не распространили своего ученія. Переодѣтые купцами или ремесленниками, являлись они на религіозные праздники

ляли ихъ набожность въ примѣръ вѣрнымъ сынамъ церкви; Катарцы ничего не дѣлали безъ молитвы и безъ того, чтобы не испросить благословенія Божія; блѣдность ихъ лицъ свидѣтельствовала о строгости ихъ жизни *Laurent* т. 8. стр. 109.

[1]) Neander т. 5-й отд. 2-е стр. 1139-я.

и на ярмарки и, при посредствѣ торговли, передавали многочисленному, туда стекавшемуся, народу свои убѣжденія. Они даже посылали свою молодежь въ парижскій университетъ, съ цѣлію приготовить для себя ловкихъ въ діалектикѣ поборниковъ своего ученія, и, въ тоже время, для передачи, если возможно, своихъ взглядовъ прочему университетскому юношеству.

Такъ какъ между Катарцами было много торговцевъ, то поэтому нѣкоторые изъ нихъ составили себѣ довольно значительныя состоянія, и, при ихъ посредствѣ, помогали бѣднымъ своимъ собратіямъ. Преслѣдованія и гоненія со стороны католической церкви сплотили ихъ въ тѣсный кружокъ, который, по своему устройству, сильно напоминалъ общины первыхъ христіанъ. Какъ всякій христіанинъ первыхъ временъ, имѣвшій при себѣ свидѣтельство отъ своей общины, могъ быть увѣренъ въ хорошемъ пріемѣ во всякой другой христіанской общинѣ, такъ точно и Катарецъ, имѣвшій при себѣ удостовѣреніе отъ своего общества, бывалъ самымъ радушнымъ образомъ встрѣчаемъ своими собратіями въ Германіи, Франціи и Италіи. Особеннымъ почетомъ пользовались странствовавшіе *Perfecti*. Стоило кому-либо изъ нихъ только явиться въ домъ какого-нибудь Credens'а, чтобы тотчасъ же туда собрались всѣ Катарцы, жившіе въ той мѣстности. Его встрѣчали поклонами до самой земли и съ благоговѣніемъ слушали, какъ онъ объяснялъ мѣста изъ св. Писанія.

Бесѣда этого послѣдняго привлекала въ домы Катарцевъ даже многихъ католиковъ, которымъ чтеніе Библіи и Евангелія было недоступно. Это послѣднее обстоятельство служило для нихъ неотразимымъ средствомъ снискивать себѣ приверженцевъ; объясняя міря̀намъ св. Писаніе, Катарцы старались при этомъ показать всѣ противорѣчія, существующія между словами Спасителя и господствующей церковью и постоянно выставляли на видъ ея несостоятельность. Когда такимъ образомъ имъ удавалось поколебать въ комъ либо изъ католиковъ вѣру въ истинность своей религіи, то они начинали излагать ему свои идеи. Если кто изъ защитниковъ римской церкви опирался на чудеса, совершавшіяся въ древнее и но-

вое время, и старался ихъ поставить на видъ, то Катарцы прямо объявляли все это или обманомъ, или же слѣдствіемъ колдовства, вытекающаго отъ злаго начала. Вообще должно замѣтить, что Катарцы съ удивительнымъ искусствомъ проводили свои идеи и были чрезвычайно опасными для католическаго духовенства противниками, такъ какъ они умѣли ловко вкрадываться въ довѣріе народа и всегда находили случай показать ему несостоятельность его духовныхъ пастырей. Слѣдствіемъ этого была жестокая ненависть, которую возъимѣло католическое духовенство противъ Катарцевъ. Оно въ свою очередь не стало брезгать никакими средствами для того, чтобы имъ противодѣйствовать. Опаснѣе всего, какъ мы сказали, была преданность къ нимъ народа и, для успѣха дѣла, нужно было чѣмъ нибудь отвратить массу отъ еретиковъ. Вотъ духовенство и начинаетъ, въ своихъ проповѣдяхъ, пускать въ народъ разные, самые нелѣпые слухи о Катарцахъ, приписывая имъ ужаснѣйшіе пороки и злодѣянія. Мало по малу эти слухи распространяются и, какъ вообще въ массѣ народа, подвергаются измѣненіямъ и прикрасамъ. Народъ начинаетъ представлять себѣ (разумѣется не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ римское духовенство успѣло взять верхъ) Катарцевъ какъ извергов, агентовъ нечистой силы, поэтому подъ первымъ впечатлѣніемъ, бросается на нихъ и начинаетъ ихъ преслѣдовать. Примѣры такихъ преслѣдованій со стороны самаго народа встрѣчаемъ мы въ прирейнскихъ областяхъ и во Франціи. Дѣло дошло тамъ до того, что духовенство даже сочло себя обязаннымъ пріудержать нѣсколько религіозную ревность массы. Такъ Бернардъ Клервосскій, въ проповѣдяхъ своихъ, постоянно даетъ замѣтить народу, что еретиковъ должно стараться исправить и переубѣдить, а отнюдь не рѣзать и не мучить. „Они должны, говоритъ онъ, [1]) быть поражены не оружіемъ, а доводами и убѣжденіемъ“. Подобныя вспышки народнаго фанатизма были однако далеко не повсемѣстны, въ большинствѣ государствъ преслѣдованія, воздвигнутыя Римомъ на Катарцевъ, возбуж-

[1]) *Neander*, ч. V. отд. 2-е стр. 1149-я.

дали сожалѣніе массы народа и привлекали на сторону еретиковъ новыхъ адептовъ. Катарцы пользовались этимъ чрезвычайно удачно и, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались показать, основываясь на св. Писаніи, что преслѣдованіе даже враговъ церкви противно ученію Христа. Твердость, съ которою они шли на казнь, возбуждала всеобщее удивленіе. Такъ напр. одинъ катарскій священникъ Арнольдъ, будучи возведенъ на костеръ, вмѣстѣ со многими изъ своихъ единовѣрцевъ и уже окруженный со всѣхъ сторонъ огнемъ, простеръ свои руки на ихъ головы и сказалъ: «Будьте спокойны, братья! Еще сегодня будемъ мы всѣ соединены со святымъ Лаврентіемъ». [1]) Еще болѣе яркій примѣръ находимъ мы въ сочиненіи Шмита: «Около 1170 г. говоритъ онъ, одинъ реймскій священникъ,—встрѣтивши молодую дѣвушку, гулявшую въ уединеніи, захотѣлъ ее соблазнить; она его оттолкнула, говоря, что если она когда либо перестанетъ быть дѣвою, то будетъ на вѣки проклята. Духовный отецъ тотчасъ же понялъ по этому отвѣту, что дѣвушка принадлежала къ нечистой сектѣ Манихеевъ, подъ именемъ которыхъ часто разумѣли Катарцевъ; въ религіозномъ своемъ рвеніи онъ сейчасъ же обвинилъ въ еретичествѣ ту, которая не захотѣла отдаться его страсти. Дѣвушка была сожжена; она взошла на костеръ не произнося ни одной жалобы, не проливши ни одной слезинки. [2]) Ученіе Катарцевъ, такимъ образомъ, стало такъ сильно распространяться и находить себѣ столько сочувствія, что папы должны было издавать противъ нихъ буллы, которыми не только угрожалось смертью и отлученіемъ отъ церкви всякому еретику, но даже и всякому знакомому съ ними, или съ ихъ ученіемъ и не доносящему объ этомъ. Было строго запрещено всякому міряпину даже вступать въ пренія о религіи съ еретиками. Все это достаточно, повидимому, доказываетъ наше положеніе, что распространенію и существованію, какъ Катарцевъ, такъ и другихъ сектъ, особенно много способствовало то, что народъ сталъ уже понимать несостоятельность

---

[1]) Neander, ч. V. отд. 2-е стр. 1156-я.

[2]) *Laurent* «la réforme» стр. 110-я.

своихъ духовныхъ руководителей, и, тяготясь гнетомъ Рима, искалъ избавленія отъ него и успокоенія своей души. Катарцы особенно хорошо понимали это, почему ихъ дѣятельность и была постоянно направлена противъ католическаго духовенства. Они поняли, что только этимъ путемъ имъ можно удержаться и распространить свои идеи.

Теперь перейдемъ къ другой не менѣе важной и не менѣе распространенной въ З. Европѣ сектѣ Вальденцевъ.

2. Вальденцы.

Одновременно съ Катарцами, но совершенно самостоятельно отъ нихъ и независимо отъ востока, развивается въ южной Франціи секта Вальденцевъ [1]. Будучи во многомъ сходна съ сектой Катарцевъ, имѣя даже многія общія съ нею черты, стоитъ она однако гораздо выше ея по чистотѣ своихъ принциповъ. Вальденцы чужды этого дуализма, который составляетъ отличительную черту Катарцевъ и перешелъ къ нимъ съ востока; къ тому же они были чужды и того строгаго аскетизма, которымъ тѣ отличались. Секта Вальденцевъ есть самое отрадное явленіе своего времени по чистотѣ и нравственности своихъ идей. Ихъ однихъ считаютъ протестанты достойными названія предшественниковъ реформаціи [2].

„Секта эта, говоритъ Неандеръ [3]), свободная отъ разрушительныхъ и сумасбродныхъ началъ, свойственныхъ большинству другихъ, какъ чистѣйшее выраженіе реакціи уясненнаго

---

1) *Вильменъ* въ своей «Hist. de la lit. du moyen age» выводитъ впрочемъ и Вальденцевъ съ востока: когда магометанство, говоритъ онъ, распространилось на малую Азію, то Павликіане, преслѣдуемые греческими императорами, довольно терпѣливо покорились мусульманскому игу, но подъ этимъ игомъ они сохранили свою вѣру, примѣшавши только къ ней нѣсколько восточной фантазіи. Съ магометанами перешли они въ Испанію, а оттуда распространились въ Провансѣ и другихъ странахъ южной Европы при помощи побѣдъ, одерживаемыхъ ихъ властителями; мы встрѣчаемъ ихъ уже въ VIII ст. т. I-й стр. 200—201-я.

2) *Laurent* «la Reforme» стр. 110.

3) *Neander*, т. V, отд. 2-е стр. 1186.

христіанскаго сознанія, переживаетъ всѣ прочія явленія этого рода и передаетъ свои идеи послѣдующимъ вѣкамъ; по этому она является, не только какъ дѣло одного человѣка, но какъ отдѣльное звено черезъ все это время тянущейся цѣпи реакціоннаго движенія христіанскаго сознанія противъ католико-теократической системы среднихъ вѣковъ; она представляется отдѣльнымъ проявленіемъ, возникшей въ религіозномъ сознаніи времени идеи подражанія апостольской жизни и евангельской нищетѣ".

Основателемъ секты Вальденцевъ былъ Петръ Вальдъ (Pierre de Vaux) богатый ліонскій гражданинъ. Причина, побудившая его сдѣлаться основателемъ религіознаго общества, чрезвычайно проста: слыша во время общественнаго богослуженія чтеніе отрывковъ изъ Св. Писанія, захотѣлъ онъ ближе познакомиться съ евангельскими истинами и обратился съ просьбой къ двумъ священникамъ Стефану Анза и Бернгарду Идросъ, чтобы они перевели для него евангеліе на народный, доступный ему языкъ. Они согласились на это и, за довольно значительную сумму денегъ, изготовили ему переводъ евангелія и извлеченіе изъ Св. отцевъ, извѣстное подъ именемъ Sententiae. Такъ какъ въ этомъ желаніи, говоритъ Бауръ [1]), высказывается принципъ чисто евангельскаго сознанія, то ближайшимъ слѣдствіемъ его удовлетворенія было рѣшеніе осуществить въ своей жизни, почерпнутую изъ евангелія истину, или по образу апостоловъ, поставить цѣлію своей жизни достиженіе евангельскаго совершенства. Вальдъ продалъ все свое имущество, роздалъ его нищимъ и рѣшился образовать религіозный союзъ апостоликовъ, союзъ, который бы имѣлъ цѣлью распространеніе евангельскихъ истинъ между массой простаго населенія, какъ въ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Для этого былъ употребленъ имъ переводъ евангелія, а мало по малу и всей библіи, который онъ поручилъ изготовить. Онъ и его послѣдователи, которыхъ вскорѣ нашлось довольно много, дѣйствовали съ большимъ усердіемъ, и имъ, по всей вѣроятности, сначала не приходило даже и въ голову

¹) *Baur*, т. 3, стр. 492.

отдѣляться отъ церкви; напротивъ того, они хотѣли составить духовный союзъ, который бы, подобно многимъ другимъ, былъ въ услуженіи у церкви, съ тою только разницей, что всѣ другіе основатели подобныхъ союзовъ были исключительно одушевляемы рвеніемъ къ этому служенію церкви и принимали всѣ ея узаконенія за непреложную истину, почерпнутую Римомъ прямо отъ премудрости Божіей, между тѣмъ, какъ Вальдъ и его приверженцы болѣе всего обращали вниманіе на истины, вытекавшія прямо изъ Евангелія, хотя эти послѣднія и были еще, въ его представленіи, сильно проникнуты духомъ господствующей церкви.

Проповѣданіе Вальда и его послѣдователей было главной причиной того, что они разошлись съ Римомъ. Католическое духовенство, блюдя свои собственные интересы, никакимъ образомъ не могло допустить свободной проповѣди и свободнаго объясненія евангелія; разрѣшить таковое мирянамъ, значило подорвать въ самомъ основаніи все сословіе духовенства и разомъ лишить его того вліянія, которымъ оно пользовалось [1]). По этому-то духовенство сейчасъ же начало противодѣйствовать. Архіепископъ ліонскій вздумалъ даже сразу положить всему конецъ и послалъ Вальду и его приверженцамъ строгое запрещеніе открыто читать и объяснять Св. писаніе. Такое запрещеніе не имѣло однако желаемаго успѣха; тѣ, къ кому оно относилось, считали себя предназначенными для проповѣди самимъ Богомъ, почему и отвѣчали, что они должны болѣе слушаться Его приказаній, чѣмъ повелѣній человѣка.

Послѣ этого Вальду и его послѣдователямъ оставалось только—или прямо вступить въ борьбу съ католической церковью, или же исходатайствовать себѣ разрѣшеніе на проповѣдь отъ самаго папы. Они рѣшились на послѣднее и отправили посла къ папѣ Александру III, препровождая ему одинъ

---

[1]) *Baur* въ 3 т. своего соч. на 493 стр. говоритъ: «Die Kirche konnte ihnen, als blossen Laien, dieses Recht nicht zugestehen, ohne dadurch das Prinzip auf welchem der ganze kirchliche Organs mus im Urterschied der Kleriker und Laien beruhte, in Frage Gestellt zu fuhen». Тоже самое находимъ и у Неандера, см. т. V, отд. 2, стр. 1191.

экземпляръ, переведеннаго ими на романскій языкъ, евангелія и прося его освятить и утвердить ихъ новый духовный союзъ.

Получивши такое посольство, папа тотчасъ же созвалъ такъ называемый латеранскій соборъ (1170 г.), на которомъ положено было ближе изслѣдовать дѣло. Съ этой цѣлью назначена была особая коммисія, которая нашла Вальденцевъ людьми через-чуръ неотесанными и простыми, чтобы имъ можно было позволить открыто читать и объяснять Св. писаніе. На основаніи такого отзыва, папа отказалъ Вальду и его послѣдователямъ, такъ что они, волей не волей, принуждены были стать въ оппозицію съ римскою церковью, ибо отказаться отъ своихъ убѣжденій они ни за что не соглашались. Съ этого времени начинаютъ уже Вальденцы образовывать особое общество, которое быстро ростетъ и распространяется. Доказательствомъ этого можетъ быть уже то, что въ 1184 г. на соборѣ въ Веронѣ, они въ числѣ прочихъ еретиковъ были преданы проклятію [1]). Изъ южной Франціи распространились вскорѣ Вальденцы и въ Италіи, гдѣ мы ихъ встрѣчаемъ подъ именемъ pauperes de Lombardia и гдѣ они только утвердились въ пьемонтскихъ горахъ [2]). Римская церковь открыто выступила противъ нихъ и, какъ со всѣми еретиками, нисколько не стѣснялась въ выборѣ средствъ для ихъ искорененія. Однако не смотря на всѣ преслѣдованія и жестокости, на которыя только способенъ былъ римскій дворъ, секта Вальденцевъ еще долго продолжала существовать, и постоянно, то тамъ, то самъ, выдвигалась наружу. Такъ въ 1231 году появляются они вдругъ въ прирейнскихъ провинціяхъ и во многихъ другихъ частяхъ Германіи. Иннокентій III думалъ

---

[1]) Соборъ веронскій былъ созванъ папою Луціемъ III. Имени Вальденцевъ мы здѣсь еще не встрѣчаемъ, но о нихъ говорится слѣдующимъ образомъ: «qui se humiliatos vel pauperes de Lugduno falso nomine nuncupantur». См. Неандеръ т. V, отд. 2, стр. 1194.

[2]) «Изо всѣхъ до сихъ поръ существующихъ сектъ, говоритъ Рейнеръ, нѣтъ ни одной болѣе вредной для церкви. чѣмъ секта Леонистовъ, такъ какъ она есть самая распространенная изъ всѣхъ и нѣтъ почти ни одной страны, гдѣ бы не встрѣчались ея приверженцы». См. Neander т. V, отд. 2-е, стр. 1198.

было дѣйствовать противъ нихъ другимъ путемъ, чѣмъ всѣ его предшественники: ему пришла мысль притянуть Вальденцевъ снова въ лоно католической церкви, образовавши изъ нихъ особаго рода духовное общество, стоящее въ непосредственномъ служеніи папы, и такимъ образомъ положить конецъ ихъ вредному для духовенства вліянію. Однако было уже поздно и всѣ его попытки остались тщетными. При Иннокентіи IV снова начинаются преслѣдованія, не имѣвшія тоже никакого успѣха [1]).

Вальденцы, исходя изъ принципа, что св. Писаніе должно быть объясняемо совершенно свободно и независимо отъ какого бы то нибыло авторитета, должны были, конечно послѣ своего отдѣленія отъ католической церкви, все болѣе и болѣе стремиться, какъ можно точнѣе понять и усвоить себѣ Евангельскія истины. Поэтому они отбросили все, не вытекающее прямо изъ словъ Спасителя и оказывали даже менѣе уваженія къ книгамъ Вѣтхаго Завѣта. Слова Евангелія, принимаемыя ими всегда въ буквальномъ смыслѣ, служили единственнымъ руководствомъ ихъ нравственной жизни. Всѣ церковные обряды и установленія, какъ напр. сословіе духовенства, ученіе о семи таинствахъ, обѣдня и пр., были ими отрицаемы. Прямо основываясь на Евангеліи, они возставали противъ всякой клятвы, пролитія крови, военной службы и смертной казни; ложь считалась ими за тяжкій грѣхъ. „Духъ чистаго Евангельскаго направленія, говоритъ Неандеръ, [2]) высказывается во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ, писанныхъ на романскомъ языкѣ; эти сочиненія всюду носятъ на себѣ отпечатокъ времени, въ которомъ жили Вальденцы".

Изъ сочиненій Вальденцевъ дошедшихъ до насъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ два объ Антихристѣ и такъ называемая „Noblaleiozon". — Въ первомъ изъ нихъ дѣйствію Антихриста приписывается всякое отчужденіе людей отъ Спасителя, пристращеніе ихъ къ церковной обрядности и т. д. Отсюда мы видимъ, что Вальденцы подобно Катарцамъ, были противниками крещенія дѣтей при-

---

[1]) *Neander* Ibidem. стр. 1200—1204.
[2]) Неandеr, т. V. отд. II. стр. 1206.

знавая его за внушеніе антихриста. Во 2-мъ сочиненіи проведенъ параллель между древнимъ и новымъ завѣтомъ, причемъ постоянно показывается превосходство послѣдняго надъ первымъ. Такъ напримѣръ: „Старый законъ, говорится тутъ, [1]) произноситъ проклятіе на всякое безплодное чрево, — въ новомъ же совѣтуется, по возможности, сохранять дѣвственность; старый законъ запрещаетъ ложную клятву, а новый возстаетъ противъ всякой клятвы вообще». Апостолы выставляются въ этомъ сочиненіи, какъ образцы добровольной нищеты, которой непремѣнно слѣдуетъ подражать.

Однимъ изъ основныхъ положеній Вальденцевъ, какъ мы сказали, было свободное чтеніе и объясненіе св. Писанія, что и послужило главной причиной ихъ отчужденія отъ церкви. Слѣдствіемъ этого принципа было необходимо отрицаніе ими сословія духовенства и ученіе о всеобщемъ священничествѣ. [2])

Это ученіе болѣе всего сближаетъ ихъ съ реформаторами XVI столѣтія; они, какъ и эти, исходя изъ желанія узнать истину въ самомъ ея источникѣ и отдѣлить ученіе Христа отъ позднѣйшихъ прибавокъ, вступили въ открытую оппозицію съ римской церковью, которая видѣла себя, въ случаѣ удачи противниковъ, окончательно поколебленною. Вальденцы, болѣе чѣмъ всѣ остальныя секты, затронули католичество и болѣе чѣмъ всѣ другія подтверждаютъ высказанную нами мысль, что реформація имѣла свой источникъ въ пробудившемся сознаніи народа. Будучи основана людьми, выходящими изъ массы простаго народа, секта Вальденцевъ болѣе всего поддерживалась простолюдинами и сильно способствовала ихъ развитію и пониманію ими того, что римское духовенство и большинство его основныхъ принциповъ, были такъ же далеки отъ ученія Спасителя, какъ книжники и фарисеи. Она открыла глаза народу и показала ему, что по ученію Рима, спасеніе человѣка зависитъ не отъ нравственности, а

---

[1]) ibidem стр. 1208.

[2]) Вальденцы однако не совершенно уничтожали значеніе церковныхъ должностей; напротивъ того, многія изъ нихъ были ими оставлены и даже приняты въ число своихъ установленій. См. Neander т. V отд. II стр. 1205.

только отъ внѣшней формальности. Такимъ образомъ Вальденцы представляютъ вполнѣ отрадное явленіе среднихъ вѣковъ и служатъ лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія, будто бы тѣ времена были эпохой полнаго нравственнаго и умственнаго застоя.

IV.

Реформаціонное движеніе въ Чехіи до Гуса.

Какъ мы видѣли изъ предъидущаго, недовольство католицизмомъ начало проявляться уже съ XI вѣка нашей эры и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивалось. Причиной этого мы признали съ одной стороны развитіе народнаго сознанія, а съ другой испорченность и развратъ, постепенно возраставшіе въ средѣ римскаго духовенства. Въ первое время, впрочемъ всѣ проблески этого реформаціоннаго духа бывали подавляемы Римомъ, который былъ черезчуръ силенъ, чтобы какіе нибудь мелкіе сектаторы, выходившіе по преимуществу изъ среды простаго народа, могли его поколебать. Анти-католическія идеи находили себѣ, правда, приверженцевъ; но эти приверженцы были всѣ разсѣяны по разнымъ странамъ и распространяли по одиночкѣ свои взгляды. Нигдѣ почти не встрѣчаемъ мы въ то время сплошнаго населенія сектаторовъ; всюду они живутъ разбросанно. Нѣтъ до самаго XIV столѣтія ни одного народа, который бы весь сознавалъ необходимость церковной реформы и, руководимый какою-нибудь даровитою личностью (а въ подобныхъ тогда недостатка не было), съумѣлъ съ достоинствомъ поддержать свои взгляды.

Въ южной Франціи, гдѣ все населеніе впало въ ересь Альбигойскую [1]) и вздумало открыто противодѣйствовать тре-

---

[1]) Альбигойцы, или Альбигенцы признаются одними историками, какъ напр. Неандеромъ (т. V. отд. 2. стр. 1257-я) за отрасль секты Катарцевъ. Другіе же, какъ напр. Willemain и Шлоссеръ, считаютъ ихъ Вальденцами. См. „Histoire de la litterature du moyen age" т. 2-й лекція 6-я. Шлоссеръ, Всемірная Исторія т. 7-й въ русскомъ переводѣ.

бованіямъ папы, оно жестоко поплатилось за это и страна изъ цвѣтущей и богатой, вдругъ обращена была въ пустыню. [1]) Такая же участь постигла и другихъ сектаторовъ, а именно Штетингеровъ, появившихся въ Нидерландахъ. [2]) Однимъ словомъ Римъ всегда выходилъ торжествующимъ и никогда не щадилъ никакихъ средствъ для того, чтобы подавить еретиковъ. Но уже съ XIV столѣтія начинаютъ народы болѣе тѣсно соединяться для защиты своихъ идей и уже болѣе открыто выступаютъ противъ римскаго ига. Чехи доказали всей Европѣ, что они сознали необходимость реформы и съумѣли крѣпко постоять за свои убѣжденія.

Не касаясь здѣсь Гуса и его послѣдователей, мы намѣреваемся только показать причины появленія реформаціоннаго движенія въ Чехіи и представить ученіе нѣкоторыхъ личностей, служившихъ предтечами Гусу.

Первый, представляющійся намъ здѣсь, вопросъ заключается въ томъ, какимъ образомъ и почему явилось это реформаціонное движеніе въ Чехіи? Одни изъ историковъ стараются доказать, что эта вспышка была дѣломъ случая, и что происхожденіе ея исключительно зависитъ отъ вліянія, перешедшихъ въ Чехію, идей Виклефа. Подобное мнѣніе далеко неосновательно; его придерживаются только нѣмцы, которые

---

[1]) *Villemain* въ своихъ лекціяхъ по исторіи средневѣковой литературы представляетъ великолѣпную картину состоянія южной Франціи до альбигойской войны и послѣ нея. См. „Histoire de la lit. du moyen age" т. 1-й лекція 6-я стр. 196—214-я. Прекрасно изображено тоже самое у Шлоссера въ его Всемірной Исторіи, русскій переводъ т. VII стр. 233—251-я.

[2]) Штетингеры, секта крестьянской общины Фризовъ, близь Антверпена. Они, не безъосновательно, извѣстны подъ именемъ христіанской республики. Церковный и феодальный гнетъ въ XIII столѣтіи никѣмъ не былъ почувствованъ такъ сильно, какъ ими, которые были такъ привязаны къ общественной свободѣ. Но Штетингеры имѣли еще меньше шансовъ, чѣмъ Альбигенцы на отстояніе своихъ реформаціонныхъ идей, такъ какъ все феодальное рыцарство было озлоблено противъ нихъ, и едва стало извѣстно воззваніе Григорія IX, какъ явилось 40,000-е войско, которое тотчасъ же подавило ихъ. См. о Штетингерахъ у Neander'a т. V, отд. 2-е стр. 1264—1265-я.

всегда рады оспаривать самостоятельность въ славянскихъ народахъ. Въ противуположность ему существуетъ другой, менѣе односторонній и болѣе справедливый, взглядъ на это дѣло. Палацкій, [1]) Новиковъ, [2]) Böringer [3]) и нѣкоторые другіе утверждаютъ, что, не отрицая вліянія идей Виклефа, должно однако искать начала реформаціонной вспышки въ причинахъ національныхъ. Чешская реформація при Гусѣ, говорятъ они, имѣетъ свои главныя основы въ самой Чехіи, а Гусъ имѣетъ своихъ чешскихъ предшественниковъ. Успѣхъ, который имѣло ученіе Гуса, не можетъ быть иначе и объясненъ, какъ тѣмъ, что чешскій народъ, издавна подготовляемый, достигъ раньше прочихъ народовъ западной Европы сознанія несостоятельности ученія римской церкви и, при первомъ толчкѣ, данномъ ему идеями Виклефа и горячей проповѣдью Гуса, весь возсталъ на защиту себя и своихъ убѣжденій, выработанныхъ долгимъ временемъ.

„Сначала раздѣльнымъ, говоритъ Böringer и скорѣе подобнымъ ручью, представляется намъ антикатолическое движеніе въ Чехіи; но, мало по малу, становится оно стремительнымъ потокомъ, а въ началѣ XV столѣтія достигаетъ уже полнаго развитія". Это движеніе въ Чехіи получаетъ уже силу въ XV столѣтіи, когда на сцену стали, одна за другой, выдвигаться даровитыя личности. Эти предшественники реформаціи и были главными руководителями и двигателями народа. Слѣдуя за ихъ характеромъ и дѣйствіями, мы видимъ, что каждый изъ нихъ стоитъ уже далѣе своего предшественника и, такъ сказать, старается завершить то, что тотъ началъ. Такъ продолжалось дѣло до Гуса, который является уже вполнѣ выработаннымъ дѣятелемъ и который поэтому смѣло выступаетъ на театръ исторіи.

Здѣсь мы намѣрены представить этотъ постепенный ходъ чешскаго движенія до Гуса, почему и начнемъ съ перваго изъ этихъ предшественниковъ реформаціи, какъ по времени, такъ и по взглядамъ, а именно съ Конрада Вальдгаузера:

---

[1]) „Geschichte von Böhmen" т. 3.

[2]) „Гусъ и Лютеръ".

[3]) „Die Vorreformatoren" т. 2.

1) Конрадъ Вальдгаузеръ.

Годъ рожденія Конрада Вальдгаузера, точно также, какъ и первые годы его молодости, намъ совершенно неизвѣстны. Хотя уроженецъ Австріи, а слѣдовательно нѣмецъ, принадлежитъ онъ однако по своей дѣятельности исключительно одной Чехіи. Долгое время личность его была почти совсѣмъ неизвѣстна, такъ что его постоянно смѣшивали съ другимъ дѣятелемъ на томъ же поприщѣ, а именно съ Іоанномъ Стекною, отъ котораго до насъ впрочемъ дошло одно только имя. Первый писатель, обратившій на это вниманіе и выдвинувшій впередъ личность Конрада былъ *Jordan* въ своемъ сочиненіи „Vorläufer des Hussitismus", вслѣдъ за нимъ обратилъ на тоже самое вниманіе и знаменитый J. Palacky и, въ своемъ сочиненіи „Geschichte von Böhmen", окончательно уже выдвинулъ Конрада въ число предшественниковъ Гуса и возвратилъ ему снова то мѣсто, которое онъ по праву долженъ былъ занимать [1]). Имя его встрѣчается въ первый разъ около 1349 года, когда онъ отправился въ Римъ, на назначенный папою Климентомъ VI-мъ, юбилей. Затѣмъ проповѣдывалъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Австріи и преимущественно въ Вѣнѣ. Карлъ IV чешскій король, постоянно заботившійся объ образованіи и благѣ своего народа, услыша о неутомимой дѣя-

---

[1]) Неправильно напечатанное въ соч. Кохлеуса „Historiae Hussitorum libri XII (стр. 12)" мѣсто изъ лѣтописи одного современника Гуса, а именно чешскаго теолога Андрея изъ Броды, писавшаго противъ него, заставило позабыть этого предшественника реформаціи и перемѣщать его имя съ именемъ другаго проповѣдника, также возстававшаго противъ злоупотребленій римскаго духовенства, а именно Циртенційца Іоанна. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: когда друзья Гуса въ защиту его доказывали, что онъ преслѣдуемъ за то именно, что возставалъ противъ испорченности духовенства, то Андрей изъ Броды, указывалъ для ихъ опроверженія на Конрада, Стекну и Милича, какъ на людей жарко порицавшихъ недостатки клира, но тѣмъ не менѣе не попавшихъ въ число еретиковъ. Nam et ab antiquis temporibus Milicius, Conradus, Stekna et abicaet. Именно то, что въ приводимомъ нами мѣстѣ между двумя послѣдними названіями пропущена была запятая и послужила къ появленію недоразумѣнія. (См. Neander т. 6. стр. 241).

тельности и дарованіяхъ Конрада, сталъ приглашать его въ Чехію, куда этотъ и явился въ званіи священника города Лейтмерица. Съ этого времени и начинается собственно дѣятельность Конрада, почему мы намѣрены нѣсколько подробнѣе прослѣдить за всей его жизнью, начиная до его переѣзда въ Чехію.

Въ 1360-мъ году [1]) явился онъ въ Лейтмерицъ. Жажда большей дѣятельности и разныя притязанія нищенствующихъ монаховъ, имѣвшихъ близь Лейтмерица два монастыря, побудили Конрада вскорѣ оставить этотъ городъ и переѣхать въ Прагу. Здѣсь выступилъ онъ, со своими проповѣдями къ народу, въ церкви S-t Gallus и пріобрѣлъ вскорѣ неимовѣрный успѣхъ. Народъ толпами сбѣгался къ нему, такъ что Конрадъ былъ вынужденъ произносить свои проповѣди съ паперти, потому что слушатели его не могли помѣщаться въ церкви и занимали всю, находившуюся передъ храмомъ площадь [2]). Около того времени, а именно въ Маѣ 1364 г., получилъ Конрадъ Вальдгаузеръ отъ герцога Рудольфа Австрійскаго приглашеніе вернуться снова на родину, но онъ отказался отъ этого и до самой уже смерти своей оставался въ Прагѣ.

Это былъ могучій и неутомимый ораторъ. Проповѣди свои онъ произносилъ всегда на нѣмецкомъ языкѣ, который въ это, блестящее для Чехіи, время, былъ доступенъ почти всѣмъ жителямъ Праги, такъ какъ этотъ городъ, по милости Карла IV, сдѣлался центромъ всей германской имперіи. Подобно большинству проповѣдниковъ того времени, проводилъ Конрадъ Вальдгаузеръ ту мысль, что скоро долженъ наступить конецъ міра. Съ необыкновенной строгостью нападалъ, онъ на господство роскоши, изнѣженности и другихъ пороковъ, занесенныхъ тогда въ Прагу со всѣхъ концовъ великой римской имперіи. Вліяніе, имъ вскорѣ пріобрѣтенное, было такъ велико, что его никакъ не могли поколебать находившіеся съ

---

[1]) Böringer стр. 2.

[2]) Ibidem „Die Vorreformatoren“ т. 2. стр. 3. Neander т. 6. стр. 342—343.

нимъ въ открытой враждѣ монашествующіе ордена. Одинъ изъ его современниковъ *Benes Krabice* слѣдующимъ образомъ отзывается объ томъ: „Когда онъ явился въ Чехію, то нашелъ, что люди черезчуръ предаются тамъ нѣгѣ и во многихъ случаяхъ переходятъ всякіе предѣлы; тогда исправилъ онъ своими святыми проповѣдями нравы людей въ нашемъ отечествѣ, такъ что многіе отказались отъ суеты міра и обратились къ служенію Бога. Между произведенными этимъ человѣкомъ добрыми дѣлами, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что пражскія женщины, имѣвшія обыкновеніе облекаться въ самые дорогіе наряды, сложили ихъ съ себя и въ простомъ костюмѣ ежедневно ходили слушать проповѣди своего учителя. Безстрашно гремѣлъ Конрадъ противъ ростовщиковъ и другихъ лихоимцевъ, но въ особенности сильно нападалъ онъ на монашествующихъ обоихъ половъ" [1]. Какъ на особенно блестящій примѣръ вліянія Конрада, смотрѣли на обращеніе къ истинѣ одного юноши, по имени Сланко, который стоялъ во главѣ развратнаго и преданнаго разгулу и нѣгѣ юношества; безъ всякаго благоговѣнія посѣщалъ онъ церкви и занимался тамъ только тѣмъ, что оглядывался во всѣ стороны, отыскивая глазами хорошенькихъ дѣвушекъ, которыхъ онъ часто преслѣдовалъ своими шутками и даже во время поста бросалъ въ нихъ камешками; такъ продолжалъ онъ себя вести и въ первое время пріѣзда Конрада въ Прагу. Вскорѣ однако слова проповѣдника глубоко поразили его; онъ измѣнилъ весь свой образъ жизни и сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ и приближеннѣйшихъ къ Конраду слушателей [2].

Сила слова Вальдгаузера была такъ велика, что даже евреи стали посѣщать его проповѣди, не смотря на неудовольствіе, съ которымъ смотрѣли на нихъ за это христіане. „Случилось такъ, говоритъ самъ Конрадъ, что многіе евреи стали посѣщать мои проповѣди; какъ мужчины, такъ и женщины стояли, или сидѣли между христіанами; тогда было мнѣ донесено, что многіе изъ христіанъ, считая не приличнымъ

---

1) Böringer т. 2. стр. 4..

2) Neander R. K. u B. т. 6. стр. 243.

для себя сообщество евреевъ, хотѣли воспретить этимъ посѣщенiе моихъ проповѣдей. Я тогда сказалъ: до меня дошли слухи, что нѣкоторые изъ васъ прогнали евреевъ, съ вниманiемъ меня слушавшихъ; прошу васъ этого впередъ не дѣлать, потому что уже приближается день страшнаго суда, передъ которымъ, по словамъ Исаiи, всѣ евреи должны обратиться къ истинѣ. Можетъ быть, по милости Божiей, обратится кто нибудь и изъ этихъ[1].

Но главнымъ предметомъ нападковъ Конрада были, какъ мы уже сказали, нищенствующiе ордена монаховъ, которыхъ онъ прямо называетъ лже-пророками. Отъ этого пункта обыкновенно исходили всѣ первые реформаторы, почему онъ и долженъ обратить на себя здѣсь наше главное вниманiе. Ни одинъ изъ вольномыслящихъ людей среднихъ вѣковъ не прошелъ на поприщѣ исторiи безъ того, чтобы не излить своей желчи на этихъ монаховъ. Въ первой части нашей статьи мы сказали о нихъ нѣсколько словъ, а потому теперь можемъ пройти ихъ молчанiемъ и только остановиться на упрекахъ, дѣлаемыхъ имъ Конрадомъ, такъ какъ въ ихъ обличенiи и борьбѣ съ ними, какъ главными орудiями Рима и такъ называемымъ войскомъ папы, и лежитъ главная его заслуга.

Прежде всего нападаетъ онъ на нихъ за ихъ нищенство и старается доказать народу, что оно вовсе несообразно съ бѣдностью, предписываемой Евангелiемъ. Всѣми силами возстаетъ онъ противъ того, чтобы имъ что-либо подавали: „Я думаю, говоритъ онъ[2], что всякiй здравомыслящiй человѣкъ со мною въ этомъ согласится, потому что въ противномъ случаѣ должно допустить, что лучше подать милостыню богатому прежде, чѣмъ бѣдному Лазарю, что должно давать пирующему въ гостинницѣ богачу, оставляя бѣднаго, питающагося крохами хлѣба, умирать съ голоду“. Вслѣдъ за тѣмъ доказываетъ онъ, что не смотря на кажущуюся бѣдность, они между тѣмъ плаваютъ въ роскоши и развратѣ. „О, святой Бернардъ! восклицаетъ онъ[3], чтобы ты сказалъ, еслибы увидѣлъ нищенствующихъ

1) Böringer. «Die Vorreformatoren» т. 2 стр. 5.
2) Böringer «Die Vorrereformatoren» т. 2 стр. 6.
3) Ibidem.

монаховъ, вопреки апостольскому запрещенію, обитающихъ въ великолѣпнѣйшихъ дворцахъ!“ Жестоко клеймитъ онъ ихъ и за ихъ выманиваніе чужихъ наслѣдствъ. „Часто, говоритъ онъ, обманываютъ они своею наружной бѣдностью и своимъ смиреніемъ, вкрадываются въ довѣріе людей и такимъ образомъ грабятъ ихъ“. — „Есть многіе, продолжаетъ онъ, которые поддавшись ихъ обману, обрекаютъ на служеніе ордену еще не родившихся дѣтей своихъ“. Конрадъ открыто возстаетъ противъ этого и уговариваетъ родителей не дѣлать подобнаго.— „Пусть дѣти не поступаютъ въ монахи до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ зрѣлаго возраста, такъ какъ тѣ только и могутъ быть истинными слугами Бога, которые добровольно посвятили себя этому дѣлу“. Впрочемъ, онъ придерживается вообще того мнѣнія, что гораздо лучше совершенно не поступать въ монахи, и раскаевается въ томъ, что самъ когда-то принадлежалъ къ одному изъ такихъ орденовъ. Въ заключеніе всего, порицаетъ онъ ихъ за ихъ фарисейскую вѣру въ святость своихъ орденовъ, по случаю святости жизни ихъ основателей, и за ведомую ими торговлю разными ложными мощами, служащими для того, чтобы вытянуть только деньги у бѣдныхъ мірянъ.—„Никакой монахъ, говоритъ онъ [1]), не долженъ надѣяться сдѣлаться святымъ, потому только, что таковымъ былъ основатель его ордена; это равно тому, какъ еслибы я сталъ надѣяться, что св. Августинъ, помимо всякихъ добрыхъ дѣлъ съ моей стороны, одною своею святостью сдѣлаетъ меня блаженнымъ“. — „Я думаю, что, еслибы Св. Францискъ, упрекнулъ ихъ теперь въ ихъ дурномъ поведеніи, то навѣрное былъ бы онъ ими признанъ недостойнымъ называться основателемъ ихъ святаго ордена, до такой степени, отдалились они теперь отъ первоначальной чистоты жизни и бѣдности“.

Подобныя выходки противъ монаховъ не могли пройти безслѣдно, тѣмъ болѣе, если мы примемъ во вниманіе огромное вліяніе Конрада Вальдгаузера на народъ—И въ самомъ дѣлѣ день ото дня масса пражскаго населенія начинаетъ отдѣ-

[1]) ibidem стр. 8.

ляться отъ нищенствующихъ орденовъ: все рѣже и рѣже начинають ихъ принимать въ дома, гораздо меньшее число людей ходитъ къ нимъ на исповѣдь, никто уже не отдаетъ имъ своихъ дѣтей, и церкви, въ которыхъ они проповѣдуютъ, остаются безъ слушателей. Такой печальный для нищенствующей братіи оборотъ дѣла не могъ ея не встревожить; монахи чувствовали, что ихъ поразили въ глубь сердца и рѣшились защищаться. Разумѣется, что вся ихъ ненависть обратилась теперь противъ Конрада, который одинъ былъ виновникомъ ихъ злополучія. Они поклялись жестоко ему отомстить и сразу лишить его всякой популярности. Для достиженія этой цѣли оба находившіеся въ Прагѣ нищенствующіе ордена, а именно Францисканцы и Доминиканцы, которые до того времени постоянно ссорились между собою, составили тѣсный союзъ и стали пускать въ народъ всякаго рода ложь [1]). Когда все это имъ однако не помогало, а вліяніе Конрада, напротивъ того, сильно росло, то отважились они наконецъ на послѣднее отчаянное средство, которое должно было имъ дать побѣду, или же совершенно погубить ихъ самихъ.

Весною 1364 года, когда въ Прагу явился, какъ папскій легатъ, генералъ доминиканскаго ордена, то воспользовались они этимъ случаемъ и представили архіепископу цѣлый рядъ различныхъ самыхъ нелѣпыхъ обвиненій противъ Конрада [2]). Вполнѣ сознавая ничтожность подобнаго доноса, Вальдгаузеръ однако по пунктамъ отвѣчалъ на него и доказалъ всю его гнусность и наглость. Слѣдствіемъ этого было то, что архіепископъ вывѣсилъ на дверяхъ всѣхъ монастырей объявленіе, въ которомъ приглашались всѣ, имѣющіе что-либо противъ Конрада, выступать открыто его обвинителями. Но такъ какъ дѣйствовать открыто и честно не входило въ разсчеты служителей Рима, то они должны были объявить себя несостоятельными и отказаться отъ взведенныхъ ими на Конрада обвиненій. Это было рѣшительнымъ для нихъ ударомъ; ихъ влія-

[1]) Böringer стр. 10.

[2]) Эти обвиненія были подраздѣлены на 24 пункта, изъ которыхъ 18 принадлежали Доминиканцамъ, и 6 Францисканцамъ.

ніе совершенно пало въ Чехія и они стали предметомъ презрѣнія въ глазахъ всего народа.—Конрадъ былъ однако и съ своей стороны раздосадованъ и рѣшился, защищая себя, окончательно уже поразить своихъ противниковъ; съ этою цѣлью изложилъ онъ въ этомъ же 1364 году свой споръ съ нищенствующими въ формѣ тезисовъ и представилъ его въ такомъ видѣ на общественный актъ, происходившій 13 Мая. Въ тоже самое время написалъ онъ и оправдательную статью, которую отправилъ въ Вѣну; въ ней онъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ не вѣрить, взводимымъ на него со стороны монаховъ обвиненіямъ. Это посланіе къ своимъ соотечественникамъ было, какъ сказано нами, написано въ 1364 году. Съ этого времени мы уже ничего не знаемъ о его дѣтельности, такъ какъ не имѣемъ на это никакихъ документовъ. Умеръ онъ въ 1369 году, какъ говоритъ это *Beneš z Weitmilä*.

2. Миличъ Кремсирскій.

Миличъ изъ Кремсира—природный славянинъ. О времени его рожденія, точно также какъ и о первыхъ годахъ его молодости, не имѣемъ мы никакихъ извѣстій. Приданное ему нѣкоторыми изслѣдователями, преимущественно нѣмцами, имя Іоанна вовсе ему не принадлежитъ. «Миличъ, говоритъ Палацкій, [1]) не назывался Іоанномъ, какъ его называютъ нѣкоторые изслѣдователи, такъ какъ уже самое названіе Миличъ было въ то время имя собственное".

Онъ выступаетъ на поприще уже человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ. Прежде всего встрѣчаемъ мы его въ Прагѣ каноникомъ при церкви St. Veit въ званіи архидіакона, но главная его дѣятельность начинается съ того времени, какъ онъ поступилъ секретаремъ къ императору Карлу IV-му. Его вліяніе можетъ быть и было главнымъ источникомъ попеченій Карла IV о преобразованіи клира. Заботы Карла IV о преобразованіи клира, говоритъ Палацкій [2]), какъ важны для его характеристики и для его времени, что мы не должны опустить ихъ

[1]) *Palacky* „Geschichte von Böhmen", т. 2, ч. 2.
[2]) «Geschichte von Böhmen» т. 2-й, ч. 2. стр. 347—350.

безъ вниманія. Когда Иннокентій VI, черезъ своего посланника, сталъ настоятельно требовать на имперскомъ сеймѣ въ Майнцѣ, въ Маѣ 1359 года, представленія въ Римъ десятины отъ доходовъ церкви въ Германіи и когда всѣ германскіе князья возстали противъ того, то точно также поднялъ голосъ и Карлъ IV замѣтивъ, что папа беретъ много денегъ съ духовенства, а между тѣмъ не заботится даже объ исправленіи его нравовъ, что уже давно слышны совершенно основательныя жалобы на то, что духовенство стало выказывать совершенно свѣтскія наклонности и распутство, невоздержность и роскошь въ одеждѣ, въ тоже время пренебрегая своими служебными обязанностями. Такимъ образомъ посолъ папскій долженъ былъ возвратиться во свояси съ пустыми руками. Между тѣмъ Карлъ долгое время убѣждалъ присутствовавшихъ на сеймѣ прелатовъ и вскорѣ послѣ того написалъ къ отсутствовавшимъ, чтобы они обратили серьезное вниманіе на исправленіе нравовъ подчиненнаго имъ духовенства и безъ всякаго страха и обдумыванья наказывали строптивыхъ, а безпечныхъ лишали бы мѣста до ихъ исправленія, потому что всякій, стыдящійся служить алтарю, не достоинъ и пользоваться получаемыми съ него доходами. Карлъ присоединилъ къ этому угрозу, что если прелаты не захотятъ выполнить его требованій, то онъ потребуетъ отъ свѣтскихъ князей, чтобы они отняли у нихъ самихъ владѣнія и удержали ихъ до того времени, пока папа не рѣшитъ, какъ поступить съ землями, бывшими прежде въ столь дурныхъ рукахъ. „Очень можетъ быть, что на такое рѣшеніе со стороны Карла VI, имѣлъ вліяніе, находившійся при императорской канцеляріи пражскій каноникъ Миличъ Кремсирскій (изъ Kremsira), который въ скоромъ времени и обратилъ на себя во многихъ странахъ вниманіе своимъ усерднымъ наблюденіемъ за строгостью нравовъ. Во всякомъ случаѣ то, что Карлъ VI, не смотря на постоянныя жалобы, приносимыя ему на Милича, со стороны духовенства, нисколько не лишилъ его мѣста, и даже ничуть не измѣнилъ своего съ нимъ обращенія, достаточно доказываетъ ихъ одинаковость образа мыслей.

На уваженіе, которое оказывалъ Карлъ IV Миличу, указы-

ваютъ слова Beneš'а z Weitmila, подъ 1372 годомъ. D. Imperator, ductus consilio quorundum presbyterorum secularium, qui pro illo tempore verbum Dei praedicando in civitate Pragensi multa bona faciebant, et de quorum operibus et conversatione laudabili post mortem eorum dicetur, ferit destrui lupanar etc...[1]).

Такимъ образомъ, поддерживаемый могучей рукой германскаго императора, началъ Миличъ свою общественную дѣятельность. Осенью 1360 года и весною 1362 года совершалъ онъ, вмѣстѣ съ Карломъ IV, свои путешествія по Германіи, гдѣ всюду преслѣдовалъ злоупотребленія и развратъ пастырей римской церкви[2]). Уже въ это время выдается онъ, какъ человѣкъ необыкновенно набожный, честный и ведущій строгую жизнь. Ревность его къ улучшенію нравовъ духовенства и къ поднятію падавшаго кредита церкви доходила до того, что онъ постоянно предпринималъ на свой счетъ путешествія по Чехіи и постоянно носилъ въ дорогѣ толстую власяницу[3]). Все это казалось ему однако недостаточнымъ и осенью 1363 г. вдругъ отказался онъ сразу отъ своего состоянія и положенія въ свѣтѣ и удалился отъ міра. При этомъ должно обратить особое вниманіе на то, что онъ не поступилъ въ монахи, а рѣшился идти къ своей цѣли совершенно инымъ путемъ, за что на него не мало злились всѣ бывшіе въ Чехіи монашескіе ордена, называвшіе его даже еретикомъ. Сначала удалился онъ въ Бишофштейницъ, маленькій городокъ, лежащій въ Пильзенскомъ округѣ, намѣреваясь здѣсь въ тиши собраться съ мыслями и подготовиться къ своей будущей дѣятельности проповѣдника.

Проведши здѣсь полгода въ изученіи св. писанія и отцевъ церкви и въ проповѣданіи въ тамошней церкви, вернулся онъ въ Прагу, съ цѣлію принести здѣсь какую либо пользу, такъ

---

1) *Palacky* ,,

2) На это указываютъ между прочимъ [illegible], подписанныя [illegible] въ это время бумаги. См. Böringer, т. 2 стр. 14.

3) Миличъ, впрочемъ, могъ дѣлать подобныя путешествія на свой счетъ, такъ какъ онъ былъ достаточно обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи: Карлъ IV презентовалъ ему большое имѣніе *Тманъ*. См. Boringer. Ibidem.

какъ единственной мечтой его жизни было служить человѣчеству, а не заключаться въ мрачныя монастырскія стѣны“ [1]).

Возвратившись въ Прагу, началъ онъ, не принимая никакой оффиціальной должности, проповѣдывать народу на его родномъ чешскомъ языкѣ. Это обстоятельство такъ важно, что его никакъ нельзя пройти молчаніемъ. Проповѣдуя на родномъ языкѣ, Миличъ становится прямымъ предшественникомъ Гуса и является намъ уже совершенно народнымъ, славянскимъ преобразователемъ. Проповѣди его были доступны всему народу, а слѣдовательно могли имѣть и вліяніе на большее число людей, чѣмъ проповѣди Конрада Вальдгаузера. Этимъ уже однимъ Миличъ становится выше его. Правда, что въ это блестящее для Чехіи время, нѣмецкій языкъ былъ господствующимъ въ образованномъ классѣ народа, и что большинство даже бѣдныхъ гражданъ было съ нимъ отлично знакомо, но тѣмъ не менѣе, оставалась цѣлая масса сельскихъ жителей, которымъ онъ былъ недоступенъ. Миличъ далъ и этимъ послѣднимъ возможность услышать объясненія слова Божія и былъ первымъ, заронившимъ въ ихъ сердцахъ сознаніе въ безчестности и непослѣдовательности дѣйствій римскаго духовенства.—„Это, говоритъ Böringer [2]), имѣетъ значеніе, какъ въ національномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи; такъ какъ все иностранное играло тогда еще чрезвычайно важную роль въ Чехіи, то именно въ реакціи противъ него и въ поднятіи народности и народнаго языка и состоитъ неотъемлемая заслуга Милича; въ этомъ отношеніи является онъ ближайшимъ и непосредственнымъ предшественникомъ Гуса, который былъ совершеннымъ чехомъ».

Сначала имѣлъ Миличъ мало успѣха; надъ нимъ насмѣхались за его дурное чешское произношеніе и за его забывчивость при произнесеніи нѣкоторыхъ формулъ литургіи. Это его однако нисколько не устрашило и онъ съ прежней ревностью продолжалъ свое дѣло, стараясь, по возможности, исправлять свои промахи. Слѣдствіемъ этого было то, что

[1]) Boringer «Vorreformatoren» т. 2 ст. 2. 16.

[2]) Boringer—ibidem.

мало по малу число его слушателей стало возростать; не одинъ только простой народъ, но и множество лицъ изъ образованнаго класса, стали являться на его проповѣди. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ числа слушателей, возрастало и рвеніе Милича: онъ проповѣдывалъ ежедневно, а въ праздничные и воскресные дни дѣлалъ это по два и по три раза на день. Что особенно удивительно при этомъ, такъ это та полнота мыслей и чувствъ, которыми преисполнены были всѣ его слова: «Хотя, говоритъ о Миличѣ Матвѣй изъ Янова, онъ прежде и былъ только простымъ священникомъ и секретаремъ при императорскомъ дворѣ, но тѣмъ не менѣе, съ того времени какъ его осѣнилъ духъ Христа, сдѣлался онъ столь богатъ мудростью и всякимъ научнымъ словомъ, что для него было чрезвычайно легкимъ дѣломъ проповѣдывать по пяти разъ (въ исключительныхъ случаяхъ) въ день, а именно разъ по латыни, разъ по нѣмецки и три раза по чешски, и при этомъ всегда съ одинаковымъ успѣхомъ и рвеніемъ; всегда извлекалъ онъ изъ своей сокровищницы какъ старое, такъ и новое въ полномъ порядкѣ и значеніи [1]. Не малаго удивленія заслуживаетъ и его основательное знакомство со священнымъ писаніемъ и съ твореніями св. отцевъ, такъ какъ онъ имѣлъ чрезвычайно мало времени для ихъ изученія.

Если ко всему сказанному мы присовокупимъ еще постоянную заботливость Милича о спасеніи души своей паствы, то намъ станетъ понятна та популярность и то вліяніе, которое онъ вскорѣ пріобрѣлъ въ Прагѣ. Подобно Конраду Вальдгаузеру гремѣлъ онъ противъ роскоши и изнѣженности, и слѣдствіемъ его словъ было то, что богатыя граждани (а на женскій полъ особенно вліялъ Миличъ) вдругъ сложили съ себя свои богатыя одежды и перестали носить на себѣ золото, жемчугъ и другія драгоцѣнности.

Эта дѣятельность показалась ему однако недостаточной; онъ рѣшился совершенно угнести свою плоть и исключительно посвятить себя служенію Господа; въ немъ родились сомнѣнія и недовѣріе къ самому себѣ, такъ что друзья его едва

[1]) См. *Boringer* т. 2 стр. 17.

удержали его отъ поступленія въ монастырь. Мистицизмъ его дошелъ до nec plus ultra, такъ что онъ подъ вліяніемъ такого настроенія, нѣкоторое время воздерживался отъ проповѣданія. Онъ удалился теперь въ уединеніе и здѣсь то развилось въ немъ то сумасбродно-апокалиптическое направленіе, которое навело его на мысль, будто-бы скоро долженъ наступить день страшнаго суда и что ему суждено дожить до этого времени и подготовить народъ ко второму пришествію Мессіи. На близость конца міра, по его мнѣнію, указывало рѣшительно все. „Развѣ, говоритъ онъ, по милости нерадѣнія пастырей, не опустѣла церковь, какъ нѣкогда ради той же причины обезлюдила синагога? Если въ настоящее время она пользуется всѣми благами міра и изобиліемъ матеріальныхъ богатствъ, то за то уже совершенно лишена богатствъ нравственныхъ [1]). „Не оскудѣла развѣ, продолжаетъ онъ, любовь, не взяло развѣ верха въ жизни неправосудіе? Продажничество, лихоимство и другіе подобные пороки господствуютъ теперь въ клирѣ [2]). Затѣмъ переходитъ онъ къ разсмотрѣнію нравственнаго состоянія остальныхъ сословій, и здѣсь всюду видитъ только испорченность и паденіе. Всё это приводитъ Милича къ тому убѣжденію, что уже наступило время появленія Антихриста; онъ даже утверждалъ будто-бы этотъ послѣдній родился въ 1366 году. Ему казалось, что уже есть признаки, указывающіе на пришествіе людей, посланныхъ Богомъ для борьбы съ Антихристомъ, и что къ числу такихъ боговдохновенныхъ личностей принадлежитъ, между прочимъ, и онъ самъ.

Волнуемый подобными мыслями, рѣшился онъ отправиться къ папѣ Урбану V и лично объявить ему о своемъ призваніи, требуя, чтобы этотъ папа сталъ самъ во главѣ реакціоннаго движенія противъ Антихриста. Весною 1367 года совершаетъ онъ въ самомъ дѣлѣ свое путешествіе въ Римъ. Видѣлся ли онъ тамъ съ папой и каковъ былъ результатъ его разговора, намъ неизвѣстно, что же касается приключеній, бывшихъ съ нимъ

[1]) *Boringer* „Die Vorreformatoren" т. 2 стр. 19.

[2]) *ibidem.*

въ Римѣ, то они нисколько не относятся къ нашему дѣлу, почему мы и считаемъ себя въ правѣ пройти ихъ здѣсь молчаніемъ. Путешествіе въ Римъ имѣло однако на Милича хорошее вліяніе, такъ какъ, съ возвращеніемъ его на родину, въ немъ все болѣе и болѣе начинаетъ ослабѣвать мистическое настроеніе духа; онъ съ новымъ жаромъ принимается за оставленную имъ проповѣдническую дѣятельность и съ прежней ревностью заботится о спасеніи душъ своего народа. Къ этому времени его жизни относятся и многія, устроенныя его иждивеніемъ, душеспасительныя учрежденія. Такъ, напримѣръ, обратилъ онъ въ это время особое вниманіе на небольшую часть Праги, состоявшую исключительно изъ публичныхъ домовъ и называемую малой Венеціей. Онъ задумалъ обратить къ истинѣ несчастныхъ обитательницъ люпанаровъ, на которыхъ большинство смотрѣло самыми презрительными глазами и которымъ отказывали во всякомъ человѣческомъ достоинствѣ. Миличъ своими попеченіями объ искорененіи подобнаго мнѣнія, до сихъ поръ еще господствующаго въ нашемъ обществѣ, доказалъ, на сколько онъ почиталъ слова Евангелія, на сколько онъ былъ истиннымъ христіаниномъ. Его возмущало обыкновеніе католической церкви отлучать несчастныхъ жертвъ разврата, принявшихъ подобный образъ жизни ради дневнаго пропитанія, отъ церкви, которая, по его мнѣнію, должна бы была именно стремиться къ тому, чтобы привести заблудшихъ овецъ къ истинѣ и дать имъ возможность иначе повести себя. Послѣ долгихъ настойчивыхъ стараній удалось ему наконецъ достигнуть нѣкотораго успѣха: болѣе 100 несчастныхъ, пораженныхъ его словомъ и увлеченныхъ его рвеніемъ, бросили прежнюю жизнь; мало по малу вся «малая Венеція» опустѣла и Миличъ, выпросивши себѣ у магистрата въ даръ эту обезлюдѣвшую часть города, устроилъ изъ бывшихъ развратницъ домъ кающихся грѣшницъ, при которомъ находилась и часовня въ честь Маріи Магдалины [1]). Неподалеку отъ этого дома устроилъ Миличъ еще и другой для молодыхъ священниковъ, въ которомъ онъ посе-

[1]) См. Boringer стр. 22 и Neander т. 6 стр. 231.

лилъ ихъ, приходилъ самъ молиться вмѣстѣ съ ними и всѣми силами старался способствовать ихъ развитію. Такимъ образомъ онъ не только самъ работалъ на поприщѣ обращенія грѣшниковъ, но позаботился еще и о томъ, чтобы на будущее время подготовить подобныхъ себѣ дѣятелей. Такое стремленіе показываетъ намъ всю предусмотрительность Милича, всю глубокую обдуманность и разсчитанность его дѣйствій. Онъ является человѣкомъ прямо и настойчиво идущимъ къ своей цѣли, почему и вызываетъ противъ себя безчисленное множество враговъ и недоброжелателей, которые, разумѣется, всѣ выходили изъ среды тогдашняго римскаго духовенства.

Эти враги его стали всевозможными средствами устранять вліяніе Милича на народъ и открыто бранили его, называя еретикомъ, лжецомъ, обманщикомъ и т. п. Даже частная жизнь его была ими публично разбираема и комментируема. Всѣ ухищренія ихъ остались однако тщетны и масса жителей Праги по прежнему стекалась слушать своего любимаго учителя. Тогда рѣшились они дѣйствовать болѣе энергично и въ концѣ 1373 года послали въ Авиньонъ къ папѣ Григорію XI-му двѣнадцать жалобныхъ пунктовъ. Въ нихъ обвиняли они Милича въ ереси, упрекали его за профанированіе слова Божія, которое онъ проповѣдуетъ отлученнымъ отъ церкви, называли его богохульцемъ и прямымъ врагомъ католической церкви. Каковы были эти жалобы можно судить уже потому, что въ 1374 году папа прислалъ къ чешскимъ епископамъ буллы, въ которыхъ упрекалъ ихъ за то, что они терпятъ въ своей странѣ еретиковъ, подобныхъ Миличу, и требуетъ отъ нихъ объясненія. Въ тоже самое время обращается онъ письменно къ Карлу IV, прося его содѣйствовать искорененію въ своей странѣ вредныхъ для церкви мыслей. Появленіе буллы произвело въ Прагѣ страшное смущеніе и архіепископъ сильно перепугался; Миличъ остался однако совершенно спокоенъ и отправился въ Авиньонъ для своей защиты. Въ Авиньонѣ былъ онъ чрезвычайно радушно встрѣченъ своимъ стариннымъ другомъ кардиналомъ Альбано и получилъ даже позволеніе открыто проповѣдывать въ присутствіи кардиналовъ. Вскорѣ послѣ этого впалъ онъ однако

въ тяжкую болѣзнь, отъ которой и умеръ. О мысляхъ Милича и его взглядахъ на религію узнаемъ мы изъ дошедшихъ до насъ его сочиненій, какъ-то: трактатъ объ Антихристѣ, правила Ветхаго и Новаго завѣта и нѣкоторыя проповѣди; но особый свѣтъ на его реформаторскія начала бросаютъ тѣ 12 жалобныхъ пунктовъ, которые были посланы его врагами къ папѣ. Изъ нихъ мы видимъ, что Миличъ имѣлъ много общаго съ Виклефомъ и что римская церковь совершенно основательно считала его опаснымъ для себя человѣкомъ [1]). Такъ напримѣръ: онъ (т. е. Миличъ) утверждалъ, гласитъ второй пунктъ жалобы, и торжественно проповѣдывалъ, что всякій священникъ, купившій что либо и перепродавшій купленное за болѣе дорогую цѣну, долженъ быть отлученъ отъ церкви; что на десятины взимаемыя священниками съ домовъ и виноградниковъ (3-й пунктъ) должно смотрѣть, какъ на ростовство".— „Далѣе, продолжаетъ жалоба (12-й пунктъ), проповѣдывалъ онъ и его послѣдователи, что священники не должны имѣть ровно никакой собственности".

Такимъ образомъ, говоритъ Böringer [2]), Миличъ является реформаторомъ еще въ большей степени, чѣмъ Конрадъ. Этотъ послѣдній, можетъ быть, правда, поставленъ съ нимъ наряду по строгому аскетическому направленію, по своей неутомимой дѣятельности и рвенію на поприщѣ спасенія душъ, по своей борьбѣ съ ханжествомъ и наружной добродѣтелью, точно также, какъ и по ненависти, которую онъ возбудилъ противъ себя со стороны монаховъ; но за то Миличъ превосходитъ его обширностью, приводимыхъ имъ въ исполненіе плановъ и большею силою духа. Его пріютъ въ честь Марія Магдалины и семинарія молодыхъ священниковъ (если мы ихъ такъ смѣемъ назвать) служатъ неопроложными доказательствами его человѣколюбія и увѣренности въ милость Божію, его глу-

---

[1]) Въ VIII пунктѣ жалобы говорится: „Когда ему (Миличу) говорили, что за многія нововведенія онъ достоинъ быть отлученнымъ отъ церкви, то онъ отвѣчалъ: „если меня папа отлучитъ—я прибѣгну подъ защиту императора. См. Böringer Die Vorreformatorem стр. 17.

[2]) Böringer стр. 31.

бокаго пониманія пороковъ времени и средствъ для ихъ искорененія и, наконецъ, его неутомимой энергіи. Но не по одному только этому выполненію своей миссіи стоитъ Миличъ выше Конрада; онъ пошелъ далѣе его и въ своихъ реформаціонныхъ взглядахъ, и въ своихъ планахъ для преобразованія всего тогдашняго строя церкви. Особенно высказывается это въ его борьбѣ противъ свѣтской власти духовенства, которому онъ даже не хочетъ позволить обладаніе какой бы то ни было собственностью; не менѣе важны его положенія относительно таинства причащенія и отношенія свѣтскаго правительства къ реорганизаціи церкви,—положенія, играющія въ то время такое важное значеніе во всѣхъ реформаціонныхъ движеніяхъ".

3) Матвѣй зъ Янова.

Продолжателемъ дѣятельности Милича былъ Матвѣй зъ Янова. Политическая дѣятельность его мало извѣстна и не представляетъ намъ ни одного выдающагося факта, почему мы и имѣемъ полное право оставить ее безъ особеннаго вниманія и остановиться главнымъ образомъ только на разсмотрѣніи идей, высказанныхъ имъ, въ дошедшихъ до насъ, его сочиненіяхъ.

Матвѣй зъ Янова былъ сыномъ состоятельнаго чешскаго рыцаря Венцеслава зъ Янова. Первоначальное воспитаніе получалъ онъ въ Прагѣ, откуда потомъ отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ и получилъ званіе магистра [1]). По возвращеніи на родину, вступилъ онъ въ должность священника при церкви St. Veit. Съ этого времени и начинается его разнообразная дѣятельность: проповѣдника, заботящагося о спасеніи душъ соотечественниковъ, и писательство. Сначала, какъ мы усматриваемъ даже изъ его собственныхъ словъ, не имѣлъ онъ никакихъ реформаторскихъ мыслей, которыя такъ отчетливо развиты имъ въ его сочиненіяхъ: „Я сознаюсь, говоритъ онъ [2]), что я еще недавно былъ мучимъ и одержимъ

[1]) Neander т. VI стр. 253.
[2]) Böringer т. II стр. 35.

духомъ, Антихриста, былъ преисполненъ честолюбія и страстно желалъ пріобрѣсть богатство, славу и почести въ этомъ мірѣ; я много работалъ для этой цѣли и положилъ много силъ и денегъ, чтобы добиться четырехъ бенефицій, и до сихъ поръ одна изъ нихъ, по праву принадлежащая мнѣ, находится въ рукахъ моего противника. Такимъ образомъ, желая сдѣлаться богатымъ въ этомъ мірѣ, сильно запутался въ сѣти діавола". Перемѣна произошла въ немъ довольно быстро и была вѣроятно, вызвана большей опытностью и постоянными столкновеніями съ испорченностью римскаго духовенства. Самъ Матвѣй приписываетъ этотъ переходъ въ своихъ убѣжденіяхъ благости Божіей: „Іисусъ Христосъ, говоритъ онъ, исторгъ меня изъ омута, въ которомъ я было погрязъ; онъ, не смотря на мое сопротивленіе, вырвалъ меня изъ среды Содома". Сдѣлавшись священникомъ и ближе ознакомившись съ нравственнымъ состояніемъ тогдашняго клира, Матвѣй, какъ честный и разумный человѣкъ, не могъ не вознегодовать и не пожелать произвести во всемъ измѣненіе къ лучшему. Такое желаніе лучшаго и было главной причиной того, что онъ рѣшился вдругъ оторваться самъ отъ прежней жизни и пойти новой дорогой, совершенно противоположной направленію католичества. Первый и важнѣйшій фактъ, на который онъ обратилъ теперь свое вниманіе, былъ таинство причащенія. Вопросъ этотъ сильно тревожилъ умы всего западнаго католическаго міра и горячо обсуждался въ кружкахъ защитниковъ и противниковъ Виклефа; но для Чехіи это былъ вопросъ существенной важности, такъ какъ самъ народъ тяготился здѣсь, введеннымъ Римомъ, причащеніемъ подъ однимъ только видомъ. Миличъ Кромѣрижскій первый высказался открыто противъ этого; Матвѣй сначала стоялъ было на сторонѣ постановленія папы [1]), но вскорѣ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на этотъ предметъ и, подобно многимъ другимъ современнымъ ему священникамъ, сталъ доказывать необходимость причащенія міранъ подъ обоими видами, сильно отстаивая въ тоже время и право причащать ихъ даже ежедневно, не смотря на

[1]) Böringer Die Vorreformatoren т. 2.

совершенно противное этому послѣднему постановленіе Рима. Вмѣстѣ съ этимъ коснулся Матвѣй и почитанія иконъ, причемъ онъ отвергалъ необходимость ихъ безусловнаго почитанія. Все это сильно сближаетъ его съ послѣдующими реформаторами и подтверждаетъ мысль о постоянномъ ходѣ развитія реформаторскихъ идей въ западной Европѣ.

Слѣдствіемъ высказыванія Матвѣемъ и нѣкоторыми изъ его послѣдователей подобныхъ мыслей было собраніе въ Прагѣ въ 1388 году, или въ 1389 синода, который призналъ мнѣнія Матвѣя не только ошибочными, но даже и еретичными и воспретилъ ему дальнѣйшее проповѣданіе въ этомъ духѣ [1]. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ имѣемъ мы только изъ сочиненія самаго Матвѣя, такъ какъ всѣ акты синода, къ несчастію, утратились. Всѣ идеи и взгляды Матвѣя извѣстны намъ изъ его сочиненія „Правила Стараго и Новаго Завѣта“, которое дошло до насъ только въ отрывкахъ, но тѣмъ не менѣе даетъ довольно ясное понятіе о реформаціонномъ характерѣ направленія этого ближайшаго предшественника Гуса.

Вотъ вкратцѣ, всѣ высказанные имъ въ этомъ сочиненіи взгляды на современное ему состояніе церкви и духовенства, взгляды, раздѣляемые въ это бурное для западной Европы время почти всѣмъ народомъ:

Въ своихъ нападкахъ на церковь Матвѣй изъ Янова, подобно Конраду Вальдгаузеру и Миличу изъ Кремсира, характеризируетъ ее слѣдующими словами: „время Антихриста наступило и господствуетъ; [2]) по этому посмотримъ, что онъ понимаетъ подъ именемъ Антихриста, тѣмъ болѣе, что онъ въ этомъ отношеніи, совершенно разнится со всѣми своими предшественниками. „Антихристъ, говоритъ онъ, [3]) не есть тѣло и кровь, а только духъ, противуположный Христу и составляющій исключительную принадлежность христіанства, такъ какъ внѣ его онъ не мыслимъ, а слѣдовательно не могъ

---

[1]) Подробный разборъ этого синода смотри у Neander'a т. 6 стр. 307—310.
[2]) Böringer „Die Vorreformatoren“ стр. 44 (т. 2).
[3]) ibidem.

существовать и до него". Антихристомъ, по его мнѣнію, должно считать всякое противное евангельской истинѣ дѣйствіе. „Кто, говоритъ онъ, [1]) идетъ противъ истины и добродѣтели, дѣлаетъ ухищренія противъ мудрости и ненавидитъ любовь, тотъ есть Антихристъ". Какъ на характеристическую черту пришествія Антихриста указываетъ Матвѣй на то, что онъ явится подъ видомъ добродѣтели и сходства съ Іисусомъ Христомъ, что онъ облачится въ форму святаго духа.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этомъ отношеніи Матвѣй пошелъ далеко впередъ противъ Милича; онъ не вдается, подобно ему, въ мистицизмъ и не принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ слова апокалипсиса, а старается обсудить ихъ и примѣнить къ своему времени. Съ Миличемъ онъ раздѣляетъ только вѣру въ то, что послѣдніе дни міра уже наступили и что всѣ явленія прямо указываютъ на это.

Матвѣй зъ Янова отличаетъ, при этомъ, три степени вліянія Антихриста: 1-я; когда онъ дѣйствовалъ явно противъ святыхъ, воздвигая на нихъ гоненія язычниковъ; 2-я когда онъ сталъ дѣйствовать противъ христіанства путемъ полемики, возбуждая появленіе различныхъ еретическихъ сектъ и писаній, и 3-я, наконецъ—когда онъ принимаетъ маску святости, подъ которой скрываются ложь и обманъ.

Это послѣднее средство, употребленное Антихристомъ, считаетъ онъ самымъ утонченнымъ и опаснымъ и старается доказать, что оно именно проявилось въ его время. „Антихриста, говоритъ онъ, уже нечего болѣе ожидать въ будущемъ, такъ какъ онъ уже пришелъ и дѣйствуетъ среди насъ, хотя мы этого не замѣчаемъ". «Мы такъ глубоко отуманены, что хотя уже и наступило время, въ которое приводятся въ исполненіе пророчества, высказанныя о послѣднихъ временахъ, не хотимъ однако этого понять и продолжаемъ ожидать антихриста въ будущемъ" [2])."

---

[1]) ibidem.
[2]) Böringer „Die Vorreformatoren" т. 2 стр. 47.

Затѣмъ слѣдуетъ, въ сочиненіи Матвѣя, цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ современное ему состояніе общества и доказывающихъ его основную мысль.—Въ особенности жестоко нападаетъ оно при этомъ на католическое духовенство и на обрядность, которую оно распространяетъ и поддерживаетъ въ народѣ.—«Горе тѣмъ, восклицаетъ онъ, [1]) которые сами изобрѣтаютъ разныя обѣщанія и расточаютъ ихъ народу, которые даютъ грѣшникамъ различныя средства для видимаго оправданія и такимъ образомъ, отуманиваютъ ихъ и лишаютъ ихъ возможности заблаговременно сознаться и принести истинное покаяніе!... Горе, тысячу разъ горе тѣмъ, которые дѣлаютъ подобное изъ личныхъ выгодъ, какъ напримѣръ, продавцы индульгенцій!» Не менѣе ярко и не съ меньшимъ негодованіемъ изображаетъ Матвѣй и состояніе низшаго духовенства: „Устами, конечно, исповѣдуютъ они Господа, но сердце ихъ далеко отъ него; они тѣсно связываютъ между собою дѣла міра сего" съ вѣчнымъ блаженствомъ; имъ хочется помирить то и другое: пользоваться спокойной и полной нѣги жизнью, а въ тоже время не утратить и царствія небеснаго; ничего непріятнаго не испытать въ этомъ мірѣ, но избѣжать наказанія въ будущемъ". [2]) „Ихъ христіанство, продолжаетъ онъ, [3]) есть христіанство по привычкѣ (Gewohnheitschristhum). Они придерживаются заповѣдей, ученій и постановленій церкви только потому, что они доставляютъ имъ насущную пищу. Поэтому же стараются они увеличить и распространить число обрядовъ, болѣе всего бросающихся въ глаза неразвитой массѣ народа и привлекающихъ ее наружной торжественностью. Въ этомъ же родѣ представляются и ихъ проповѣди, въ которыхъ они хитро-сплетенными словами затуманиваютъ головы бѣдныхъ мірянъ и запугиваютъ ихъ кажущейся ученостью".

Но не на одни только случайныя, и внесенныя папствомъ и

---

[1]) ibidem, стр. 49.
[2]) ibidem, стр. 74.
[3]) ibidem.

монашествомъ злоупотребленія нападаетъ Матвѣй; онъ идетъ далѣе и задѣваетъ даже многіе основные догматы католической церкви, какъ напримѣръ: почитаніе иконъ и поклоненіе святымъ.

Подробный разборъ этихъ догматовъ не входитъ въ нашу задачу; намъ важно здѣсь только то, что они были затронуты Матвѣемъ, такъ какъ въ этомъ высказывается его реформаторство. Оставляя въ сторонѣ всѣ подробности, которыя не входятъ въ цѣль нашей статьи, намѣрены мы, въ заключеніе, привести характеристику Матвѣя зъ Янова, этого выдающагося въ исторіи религіознаго броженія на западѣ дѣятеля. Заимствуемъ эту характеристику изъ капитальнаго труда германскаго ученаго Böringer'а [1]). „Въ Матвѣѣ зъ Янова находимъ мы энергическаго противника испорченности христіанства въ современной ему церкви, которую онъ считаетъ возможнымъ назвать только „антихристіанскою и святотатною". Но не одно дѣлаетъ его реформаторомъ: мы находимъ у него и положительно евангельскіе взгляды, какъ то: идея непосредственнаго общенія Христіанъ съ Іисусомъ Христомъ, помимо всякаго священническаго посредничества; противопоставленія Св. Писанія всѣмъ постановленіямъ человѣческимъ; идея общаго священничества всѣхъ вѣрующихъ; противопоставленіе евангельской простоты мертвой книжной учености и привиллегіямъ іерархіи; поднятіе проповѣди Слова Божія. Впрочемъ іерархію, какъ учрежденіе, оставилъ онъ не тронутою, и нападалъ на нее только за злоупотребленія своей власти и своихъ правъ. Точно также не уничтожаетъ онъ прямо ни одного изъ догматовъ католической церкви, хотя бы этого часто и можно было отъ него ожидать, въ особенности, если принять во вниманіе его нападки на почитаніе иконъ и святыхъ. Въ томъ то и заключаются главные его недостатки: неясность и нерѣшительность, которыя онъ перенялъ отъ Милича, точно также, какъ онъ перенялъ отъ него и апокалитическіе взгляды.

Разсматриваемый, какъ христіанинъ, является нашъ Мат-

---

[1]) „Die Vorreformatoren" т. II стр. 101—104.

вѣй человѣкомъ вполнѣ искреннимъ и, подобно Гусу, безотчетно вѣрующимъ въ Евангеліе, хотя и не вдающимися подобно германскимъ мистикамъ въ полную отвлеченность.

Матвѣемъ заканчивается рядъ предшественниковъ чешской реформаціи. Всѣ они Конрадъ, Миличъ и Матвѣй держали оппозицію духовенству и монашеству и боролись съ разширеніемъ церковной іерархіи. Всѣ они, поэтому, возбудили противъ себя сильную ненависть римскаго клира и были признаны еретиками.

Ѳ. Деларю.

Библіографическій указатель

Майская книжка Русской Старины даетъ начало очерка управленія путями сообщенія К. Вл. Чевкина и окончаніе воспоминаній О. А. Пржецлавскаго о знаменитомъ финансистѣ польскомъ, поднявшемъ финансы царства до революціи ноября 1830 г.,—князѣ Ксаверіѣ Францовичѣ Друцкомъ-Любецкомъ. Исполняя обязанность разбора оконченной характеристики полезнаго дѣятеля, мы прежде всего скажемъ, что авторъ, обладая замѣчательнымъ умѣньемъ интересно разсказывать, лично зналъ князя, почему интересъ, естественно, долженъ получиться большій. Назвать просто хорошимъ очеркъ жизни Любецкаго, было бы умаленіемъ достоинства, рѣзко бросающагося въ глаза, и которое невольно заставляетъ высоко цѣнить умно и прекрасно изложенное. Но достоинства несомнѣнныя труда г. Пржецлавскаго, не лишаютъ насъ права указать замѣченныя нами неточности выраженій, именно ради желанія полнаго безпристрастія. Что Новосильцова авторъ изображаетъ чернѣе, чѣмъ онъ былъ—таковъ уже взглядъ на вещи пишущаго, и мы не въ правѣ ему предлагать измѣнить его. Но, сына знаменитаго математика Эйлера, бывшаго преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ и наставникомъ Любецкаго, никто не назоветъ „ученымъ европейской славы“ и намъ кажется, здѣсь вмѣсто сына, имѣлся въ виду родитель. Кудреватость выраженій автора не всегда бываетъ удачна, и мы не назовемъ

образцовою фразу—«счастливая совокупность эклектическихъ способностей, сосредоточенныхъ въ геніальной интеллигенціи съ присущимъ всегда чувствомъ безусловной правды». Не можемъ также понять, какъ при „опредѣленія денежной единицы, Любецкій имѣлъ неуспѣхъ“, „если онъ предлагалъ опредѣлить стоимость серебрянаго рубля въ 3 р. 50 к. на ассигнаціи, но принято было мнѣніе Канкрина, чтобы эту монету считать въ 3 р. 60 коп.“ Стоимость серебрянаго рубля въ обращеніи была, правда 3 р. 60 коп., но съ 1 Іюля 1839 г. велѣно считать указомъ серебряный рубль въ 3 р. 50 коп. ассигнаціями и, согласно этой цѣнности, сдѣланы всѣ переложенія на серебро; что въ самомъ дѣлѣ съ того времени и не измѣнялось, а ассигнаціи исчезли изъ памяти.

Кромѣ Друцкаго-Любецкаго, въ этой же книжкѣ окончились „письма Пикара къ князю Куракину изъ Петербурга, въ 1781 и 1782 году“, во время путешествія Павла Петровича по Европѣ. Французъ гувернеръ собиралъ, въ доступной ему сферѣ петербургскаго бомонда, всѣ столичные толки по поводу текущихъ явленій придворной жизни и нерѣдко искажалъ въ своихъ донесеніяхъ къ Куракину, или не понявъ, или невѣрно разслышавъ подлинное дѣло. Не смотря на указанныя неточности, письма эти драгоцѣнны на самомъ дѣлѣ,—въ качествѣ припоминанія здѣшней городской жизни за то время. «Страданія пастора Зейдера», за разсказомъ главнаго въ предшествующей книжкѣ, являются почти повтореніемъ поданной порціи, уже проглоченной съ аппетитомъ, ради исключительности явленія, при пересказѣ не производящаго въ другой разъ того же впечатлѣнія, будь это изложеніе вторичное даже образцомъ въ стилистическомъ отношеніи. О „воспоминаніяхъ г-жи Пассекъ“ мы до окончанія ихъ ничего не говоримъ, позволяя себѣ развѣ замѣтить, что слѣдуетъ и ихъ считать пересказомъ своими словами записокъ покойнаго графа Ѳ. П. Толстаго. «Портреты Гоголя и рисунки къ его сочиненіямъ» очень почтенный художественно-библіографическій трудъ извѣстнаго знатока литературы и жизни нашихъ писателей, какимъ давно уже и безусловно признается П. А. Ефремовъ. Разсказы, замѣтки и матеріалы представляютъ на этотъ разъ

хорошій подборъ интересныхъ мелочей. Лучшія статьи здѣсь: «Отзывъ о Грозномъ Даніила принца", „письмо Амвросія Юшкевича къ Варсонофію еп. Архангельскому, обличительное", и „Павелъ I и старообрядцы". „Чертъ въ Курмышѣ" по нашему мнѣнію только отрывокъ и малосодержательный. Письма Жуковскаго къ Гнѣдичу указываютъ, разумѣется, взаимныя ихъ отношенія и для характеристики обоихъ могутъ въ своемъ мѣстѣ пригодиться. Точно тоже можно сказать о бумагахъ „Владиміра Ивановича Даля" и „портретахъ княгини Ловичъ". Но, „хвалебная пѣснь мировому посреднику" должна быть признана за одну изъ тысячи попытокъ острить, перевертывая акаѳисты и ихъ выраженія, смысла которыхъ собиратель не доискивался. Интересны подобныя мелочи и шутки лицъ извѣстныхъ и на извѣстныя личности. Въ такомъ только случаѣ онѣ полное достояніе исторіи, а всѣхъ попытокъ острить не только нельзя напечатать, но даже и собрать. Что же касается мнимой замѣтки „Жанъ Вуаль", то мы, по правдѣ сказать, поняли изъ ней одно только, что сообщателю хотѣлось выдать за одно лицо двухъ лицъ, нисколько другъ на друга не похожихъ. Авторъ замѣтки смѣшиваетъ Вуаля, Жана Луи, съ *Віолье*, Габріэль Франсуа, не зная, что первый изъ нихъ писалъ масляными красками только; тогда какъ второй былъ миніатюристъ, первый работалъ въ Россіи, въ 1770-хъ годахъ, а второй сталъ извѣстенъ только съ 1782 года, попавъ въ службу къ цесаревичу Павлу Петровичу еще очень молодымъ.

Древняя и новая Россія за Мартъ и Апрѣль настоящаго года можетъ назваться по отдѣлу „замѣтки и новости" стремящеюся дать видное развитіе этнографіи. Потому, оставляя замѣтки и новости, мы разберемъ одинъ историческій отдѣлъ статей. Въ обѣихъ разсматриваемыхъ нами книжкахъ, любопытная внѣ всякихъ сомнѣній, статья извѣстнѣйшаго изслѣдователя прошлаго быта Руси московской, Ив. Егор. Забѣлина „Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ". Здѣсь высказано существенное отличіе нашихъ сооруженій отъ другихъ народовъ, особенно западной Европы, такъ какъ у насъ возникаетъ постройка «наслоеніемъ однородной формы». Высказано это съ представленіемъ основательныхъ доказательствъ и

можетъ назваться самымъ удачнымъ отвѣтомъ на происхожденіе русскаго стиля, собственно выказывавшагося въ Москвѣ на украшеніяхъ; такъ какъ выработка общей формы была внѣ условій строителя. Обширная біографія Кольцова Денуле, не окончена и разборъ ея мы оставляемъ. О статьяхъ на «Уралѣ» мы говорили уже, что это путевыя очерки, скорѣе этнографическаго характера, чѣмъ историческаго. Прекрасна, въ полномъ смыслѣ и цѣльная, при новости предмета вообще, статья Н. Фирсова «Отношенія Англіи и Россіи въ царствованіе Александра I. Одна эта статья, между историческими, можетъ назваться безспорно лучшею изо всего, до сихъ поръ напечатаннаго. Хорошо разработанные источники въ цѣльномъ и легко читаемомъ изложеніи заставляютъ насъ смотрѣть на трудъ г. Фирсова съ полнымъ уваженіемъ. Трудъ его наглядно доказываетъ, что, не смотря на обширность «исторіи царствованія Александра I, генерала Богдановича, время правленія «Благословеннаго», остается собственно далеко не вполнѣ разработаннымъ; даже въ самыхъ существенныхъ основныхъ чертахъ его политики. Ясный взглядъ г. Фирсова на людей и событія не имѣетъ надобности, разумѣется, прибѣгать для оправданія рискованныхъ положеній собственнаго измышленія къ придумыванью новыхъ софизмовъ, которыми любятъ иногда удивлять читателей, интересующихся исторіей, зная ея цѣль, требованія, заслуги и ложныя стремленія.

Въ Мартовской книжкѣ Древ. и Нов. Рос. въ статьѣ нашего почтеннаго писателя г. Мордовцева встрѣчается выраженіе, намъ не совсѣмъ понятное. Онъ говоритъ: рано-ли, поздно-ли, сила *демократизаціи* заставитъ *исторію окончательно породниться съ беллетристикой*, какъ въ настоящее время роднится мужикъ съ бариномъ». Изъ дальнѣйшаго развитія идеи открывается что, «въ сущности *исторія*, какою она должна быть и *немыслима безъ внесенія въ нее того*, что въ каждую данную эпоху *даетъ беллетристика*... такъ, вѣкъ Екатерины не мыслимъ безъ Скотининыхъ, хотя Скотинины не историческія личности, а сочиненныя». На это можно отвѣтить, если авторъ смотритъ на типъ Скотинина, какъ на вырванный Фонъ-Визинымъ изъ дѣйствительной общественной

среды, не утрированнымъ нисколько творческою способностью автора-сатирика,—то, отвергать возможность подобнаго склада общества въ данное время, говоря о немъ, ни одинъ историкъ не вздумаетъ. Но придавать всей цѣльности художественнаго типа неприкосновенную полноту и точность выраженій — совсѣмъ другое дѣло. Умѣнье выбирать характерное подлинное, отличая его отъ возможнаго въ творчествѣ, дѣло здравой критики, а *демократизація фактовъ*—если мы и примемъ новоизобрѣтенный терминъ, намъ все же покажется трудно понимаемымъ словомъ: что бы это было такое? Мы не будемъ спорить, что выясненіе по источникамъ достовѣрнымъ, въ красивой формѣ, разсказа общественныхъ язвъ и уродливости увлеченій общества съ прямой дороги прогресса, будетъ во всѣ времена двойною заслугою талантливаго автора. Но авторскій трудъ, въ которомъ много своего «я», не оставляющемъ никакого сомнѣнія въ переработкѣ фактовъ мышленіемъ и творческою способностью писавшаго, подъ лучемъ его личнаго взгляда, — назвать прямо богатѣйшимъ *источникомъ* для исторіи мы не позволимъ себѣ. Иное дѣло источникъ, сырой матеріалъ; иное — умственная переработка его въ трудѣ автора-историка даже, а нетолько беллетриста. Это двѣ крайности, которыхъ соглашать невозможно. Поэтому можемъ мы назвать парадоксомъ положеніе г. Мордовцова что „никакія архивныя богатства не помогутъ историку изобразить съ такою *историческою* правдою извѣстныя эпохи нашей новѣйшей исторіи, какъ напримѣръ „Мертвыя души“ Гоголя и «Отцы и дѣти» Тургенева“. Авторъ, высказавъ этотъ парадоксъ, не подумалъ, что въ указываемыхъ имъ твореніяхъ для современниковъ подлинное знаніе современныхъ имъ идей дѣлаетъ близкимъ колоритъ дѣйствительности, а внѣ этого условія историку другой эпохи никогда не открыть и не напасть на подлинную струйку жизни, которая пробивается между творческими образами автора. Не имѣя же въ распоряженіи этой струйки, историкъ другой эпохи не будетъ имѣть и точки опоры въ опредѣленіи степени вѣрности, въ любомъ изъ типовъ, выдуманныхъ авторомъ и оживленныхъ его творческимъ самовидѣніемъ. Стало быть и источникъ для исторія по-

терянъ для всякаго строгаго къ себѣ выбирателя жизненныхъ элементовъ.

Далѣе въ Мартовской книжкѣ Древн. и Нов. Рос. помѣщены „изъ дѣлъ XVIII столѣтія" случай грубаго принужденія идти въ монахи священника епархіальнымъ начальствомъ, при Елизаветѣ Петровнѣ,—очень характерный документъ, сообщенный И. Я. Морошкинымъ, да извѣстіе И. Дубасова о существовавшей приЕкатеринѣ II „*типографіи* Рахманинова въ с. Козинкѣ Козловскаго уѣзда",—тоже любопытное. Такъ что Мартовскую книжку должны мы считать интереснѣе Февральской.

Въ Апрѣльской кн., кромѣ статей Забѣлина и Дейуле (все еще продолжаемой), мелкія статьи изъ документовъ архивныхъ имѣютъ свою цѣну. Г. Шпилевскій напечаталъ исковое дѣло отца поэта Державина, о которомъ совсѣмъ ничего не было извѣстно, между тѣмъ изъ дѣлъ пополняются генеалогическія извѣстія о фамиліи. Г. В. Есиповъ помѣстилъ эпизодъ изъ жизни Крекшина, дополняющій для насъ образъ этаго баснотворца, подъ именемъ историка пускавшагося въ объясненія значенія кометы 1742 г., по его мнѣнію предвѣщавшей „Россіи блаженство въ войнѣ". Г. Есиповъ въ сообщеніи о Крекшинѣ обошелся безъ всякихъ личныхъ толкованій и взглядовъ и выбралъ, по этому, самый вѣрный путь для служенія исторіи.

Записка генерала Хрулева 7 января 1854 года „о походѣ въ Афганистанъ, для уничтоженія владычества англичанъ въ Индіи", положимъ, немного даетъ фактическихъ указаній въ подкрѣпленіе возможности выполненія угрозы, но во всякомъ случаѣ, не лишена интереса для характеристики образа мыслей храбраго защитника Севастополя. Дополненія же и поправки вышедшихъ листовъ словаря русскихъ писателей Г. Н. Геннади конечно не исчерпываютъ всѣхъ неточностей, встрѣченныхъ знакомыми съ дѣломъ и интересущимися имъ. «Пенсіонеры Академіи художествъ въ Римѣ въ 1845 г. — поповоду отпечатаннаго въ февральской книжкѣ Русской Старины, письма графа Ѳ. И. Толстаго къ Григоровичу являются уже тогда, какъ мы успѣли сказать, что думали о значеніи самаго сообщенія. Поправка и замѣтка Завалишина о С. П. Шиповѣ (по счету V), какъ и все писанное этимъ авто-

ромъ, любопытна. Послѣдняя страница книжки заключаетъ два документа о Пугачевѣ (показаніе его жены 1-й и посланіе его ко второй), сообщенные Гр. В. Есиповымъ безъ указанія изъ какого архива. Показаніе первой жены заключаетъ варіанты противъ напечатаннаго Пушкинымъ въ Исторіи Пугачевскаго бунта (Анненков. изд. Пушкина т. 6. стр. 235—237). Оно отличается только сбивчивостью ея счета въ опредѣленіи годовъ замужества за самозванцемъ: въ началѣ говоритъ жена, что «назадъ тому 12 лѣтъ выдана» а по счету годовъ отбытія мужа на службу выходитъ 14 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ варіанты въ этомъ показаніи имѣютъ свою цѣну, и цѣна эта возвысилась бы при указаніи, гдѣ и въ какомъ видѣ найденъ документъ.

Закончивъ этимъ обзоръ историческихъ журналовъ, скажемъ нѣсколько словъ о нововышедшемъ сборникѣ въ Казани, увѣдомленіе о которомъ напечатано въ концѣ № 6 нашего журнала.

Это «Казанскій Литературный Сборникъ», составленный мѣстными литераторами, изданный прекрасно и назначаемый для филантропической цѣли: вся сумма дохода въ пользу голодающихъ.

Глядя независимо цѣли изданія на этотъ Сборникъ,—въ которомъ историческая собственно одна статья,—мы не можемъ не выразить полнаго удовольствія за отличный составъ книги, гдѣ же самымъ цѣннымъ оказывается превосходный трудъ гг. Лаврскаго и Пономарева «Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ и его время». Въ монографіи этой личность почтеннаго, всѣми любимаго въ Казани врача, ректора Университета, очерчена съ теплотою и задушевностью и читается съ постояннымъ возвышеніемъ интереса. Если что либо подобное выполняла бы провинціальная печать,—внѣ университетскихъ городовъ центровъ умственнаго движенія, то мы нисколько неусумнились бы въ достиженіи ею способности къ самостоятельному труду.

Іюльская книжка Русской Старины, заключаетъ очень хорошую и живо изложенную характеристику „Ссыльно - каторжные въ Охотскомъ саловаренномъ заводѣ" сообщеніе самаго дѣятеля Э—ва. 2. Разсказъ очевидца, „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Варшавѣ, 21 Ноября 1830 г. „(пере-

вокъ съ польскаго),—гдѣ описанъ пріемъ депутатовъ польскаго народнаго правительства, — показался намъ несовсѣмъ правдоподобнымъ. Принимая толкованія мнимыхъ чувствъ Цесаревича, по личнымъ воззрѣніямъ записавшаго аудіенцію, мы еще желали бы доказательствъ въ подлинности высказаннаго русскимъ великимъ княземъ въ это время. 3. Сообщеніе П. Ѳ. Вистенгофа объ «Андреѣ Николаевичѣ Карамзинѣ, въ дѣлѣ 16 мая 1854 г., полно такихъ подробностей, которымъ не хочется вѣрить изъ любви къ родинѣ и соотечественникамъ, по смыслу разсказа способнымъ предавать товарища изъ личныхъ неудовольствій. Предательства прямаго и грубаго, положимъ, скажутъ намъ, нѣтъ тутъ, но настолько выступаетъ, въ томъ что выражено, грязи и низости, что даешь невольный зарокъ не стараться добиваться далеко, а скорѣе отвернуться, содрагаясь и жалѣя о гибели человѣка добраго и благороднаго. 4. „Воспоминанія о восточной войнѣ доктора Генрици", въ послѣдней статьѣ еще рельефнѣе представляющія опять грязь и недостойныя продѣлки,—въ цѣломъ выражаютъ то самое, что мы раньше высказали о нихъ. Это—правдивая картина горькой дѣйствительности и борьбы долга съ нагромождаемыми умышленно, со стороны, затрудненіями, тамъ, гдѣ нужнѣе всего единодушная поддержка всѣхъ и чистота побужденія. Мемуары доктора Генрици, какъ мы замѣтили уже, имѣетъ цѣну и со стороны спеціальнаго выясненія положенія дѣлъ у медиковъ, во время самое серьезное для насъ во всей той компаніи. 5. Далѣе, „начатый біографическій разсказъ Георгій Васильевичъ Новицкій (1800—1878)" обѣщаетъ много хорошаго. 6. Замѣтка г. Венюкова „къ исторіи заселенія Кавказа въ 1861—1863 годовъ заключаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Для насъ же болѣе интереса заключается въ замѣткахъ изъ „записной книжки „Русской Старины". Чѣмъ больше печатать историческихъ документовъ изъ семейныхъ архивовъ, тѣмъ больше открывается непочатыхъ угловъ, или пополняются пробѣлы въ извѣстномъ и соображенномъ уже. Въ Іюльской книжкѣ «Русской Старины» явилось въ печати IV документа изъ домашняго архива фамиліи Селивановыхъ; разумѣется,—неровнаго

достоинства. Первый, напримѣръ — заявленіе о кражѣ сбѣжавшимъ холопомъ, немного даетъ пищи любознательности археолога, но третій и четвертый — рядныя записи, однѣ изъ самыхъ любопытныхъ и цѣнныхъ по обилію подробностей, характеризующихъ достоинство уборовъ и костюма. Не безъинтересна была бы и отпуска о назначеніи мамки къ Царевичу Петру Алексѣевичу 7 декабря 1674 года Матрены Романовны Леонтьевой, рожденной Селивановой, если бы мы не встрѣчали ея имени въ спискѣ служащихъ и не знали родственной связи Нарышкиныхъ съ Леонтьевыми. Замѣтка о Зоричѣ, Нассекѣ тоже имѣютъ свое значеніе, хотя въ точности показаній неизвѣстнаго автора, онъ самъ заставляетъ насъ усумниться, разсказывая невозможныя вещи о Потемкинѣ. „Разсказы изъ прошлой жизни“ Т. Новосильцовой имѣютъ опять свой интересъ.

Стихъ о разореніи скитовъ, сообщенный Можаровскимъ, тоже прибавляетъ новыя черты къ извѣстнымъ доселѣ стихамъ въ этомъ родѣ, какъ и замѣтка «В. К. Кюхельбекеръ», гдѣ выясняются, не приведшія къ результату, ходатайства автора поэмы „Вѣчный жидъ“ о разрѣшеніи печатать его творенія. Послѣднее письмо къ Жуковскому изъ Тобольска отправлено было Кюхельбекеромъ за два мѣсяца до смерти своей, 11 Іюня 1846 г.

Приложенный хромолитографическій снимокъ съ портрета Н. В. Гоголя, писаннаго А. А. Ивановымъ въ Римѣ, вышелъ очень хорошо.

Іюльская книжка русской Старины заключаетъ одиннадцать подраздѣленій, хотя въ одномъ отдѣлѣ (IX) «замѣтки, очерки, разсказы и пѣсни», 17 статей и въ X два некролога.

Въ этой книжкѣ продолжаются записки Жиркевича (III) и біографическія припоминанія И. К. Айвазовскаго (IV), потому до совершеннаго окончанія ихъ, по принятому порядку, мы говорить не должны. Некрологи: декана Кіевскаго университета, Александра Ивановича Селина, умершаго 17 Марта 1877 г. и декабриста, Ивана Александровича Анненкова (27 Января 1878 г.) тоже не заключаютъ въ себѣ ни особенно замѣчательнаго, ни неточностей, требующихъ неотмѣнной оговорки, чтобы выдѣлять ихъ изъ перечня. Въ подобномъ же положеніи находится разбиратель вышедшей книжки

Русской Старины и къ родословной Скобелевыхъ. Если родъ продолжается всего четвертое поколѣніе, то, конечно, въ изложеніи его не можетъ встрѣтиться такого рода сомнительныхъ пунктовъ, чтобы они могли привести въ разногласіе два мнѣнія лицъ, интересующихся дѣломъ. Съ своей стороны, мы позволимъ, по этому, выразить развѣ одно желаніе, чтобы въ четвертомъ колѣнѣ рода Скобелевыхъ указана была дата рожденія героя минувшей турецкой войны, генералъ-лейтенанта Михаила Дмитріевича Скобелева.

Относительно восьми остальныхъ статей іюльской книжки, мы не намѣрены слѣдовать порядку простаго указанія, но позволимъ себѣ высказать и мысли, ими возбуждаемыя при чтеніи. Татьяна Петровна Пассекъ, продолжая передавать по своему воспоминанія графа Өедора Петровича Толстаго, за время пребыванія его за границею въ 1845 году, первая заставляетъ насъ, хоть бы и не хотѣлось, заявить кажущіеся намъ неточными факты въ пересказахъ ея. Намъ кажется, напримѣръ, невозможнымъ допустить въ собственномъ разсказѣ графа художника, нелѣпый анекдотъ объ антикваріи Висконти, который будто бы медаль графа Толскаго принялъ за античную (?). Если госпожа Пассекъ не подумала, что это за человѣкъ Висконти и что на него нельзя всклепать подобной нелѣпости, то мы позволимъ себѣ указать, что рѣчь идетъ о знаменитомъ Энніо Квирино Висконти археологѣ, хранителѣ музея антиковъ въ Парижѣ при Наполеонѣ I. Уже никто изъ знающихъ, кто и что былъ Энніо Квирино Висконти, не повѣритъ, чтобы съ нимъ могъ произойти подобный казусъ;—особенно послѣ того, какъ въ Парижѣ медали графа Толстаго оцѣнены были на столько низко, что самому автору понадобилось писать въ защищеніе себя и увѣрять петербургскихъ своихъ почитателей, что французскіе спеціалисты къ нему несправедливы изъ патріотизма, ненавидя русскихъ. Что касается до пресловутыхъ барельефовъ изъ Одиссеи, то и здѣсь мы не въ состояніи восхищаться ими и находить красоты особенныя, а не только невозможно Энніо Квирину Висконти выражать искренно похвалы имъ. Развѣ можно допустить злую иронію подобнаго знатока и такую нагдость со стороны ослѣпленнаго

автора, которая ставитъ уже его въ свѣтѣ, изъ любви нашей къ отечественному преуспѣянію вовсе не желаемъ для занимавшаго постъ вице-президента И. А. Х. Не для доконъчанья ли удара острякъ Висконти и привелъ къ графу-медальеру рѣзчика Вокаиино, грубаго, мастероваго, котораго оцѣнка должна унизить, а никакъ уже не польстить произведенію, если оно подлинно изящно. А наивный графъ-вице-президентъ, еще, по словамъ Татьяны Петровны, будто увѣрялъ, что этого ремесленника,—изъ самаго разсказа какъ видно ничего не смыслящаго—«поразили барельефы, какъ сочиненіемъ и рѣзьбой въ металлѣ, такъ и отлитые съ нихъ въ мѣди слѣпки гальванопластическимъ способомъ». Подлинному художнику, съ чутьемъ изящнаго, не поздоровится, пожалуй, отъ такой оцѣнки. Впрочемъ, по словамъ пересказчицы, графъ былъ способенъ равно восторгаться и топорными виршами приподносимыми ему пенсіонерами академіи, и экспромтами въ родѣ четверостишія:

„Нашъ Богдановичъ милую поэму написалъ,
„Но Пушкина стихи ее убили;
„Къ ней графъ Толстой рисунки начерталъ,
„И, „Душеньку“ рисунки воскресили“.

По нашему понятію, рисунки графа Толстаго стоятъ этого четверостишія—несомнѣнно. А чтобы они могли воскресить идею психеи, по русски «Душеньки» то, это поэтическая вольность великодушнаго автора, котораго въ его личномъ мнѣніи никто не поддержитъ своимъ голосомъ. Что касается Бецкаго, то онъ въ ту пору, какъ видно, былъ въ настроеніи, допускавшемъ признавать въ почтенномъ вицѣ-президентѣ—геній и кричать ему ура! Для насъ такое дешевое пожалованіе геніальности теперь звучитъ нѣсколько дико, а тѣмъ болѣе въ словахъ будто бы того самаго, къ которому относился восхвалитель черезъ мѣру. Что же подумать о подобныхъ „воспоминаніяхъ“, и куда отнести подобное авторство въ исторіи? Слава Богу что въ книжкѣ «Русской Старины» одно настолько приторное блюдо и, въ противувѣсъ ему помѣщена біографія Г. В. Новицкаго.

Статьи «призывъ Россіи на борьбу съ Турціею въ 1684

году», „Овладѣніе Дарданеллами въ 1783 году“ и „Баязетское славное сидѣнье съ 5 по 28 Іюня 1877 года“ — матеріалы, по значенію своему получающіе цѣну въ глазахъ историка того времени, къ которому каждый изъ нихъ относится. „Завѣщаніе же Юрія Деспота Зеновича 1582 г.“—должно имѣть для насъ значеніе по самой рѣдкости покуда подобныхъ документовъ въ печати.

Изъ рода Замѣтокъ, лучшая: „О холерномъ кладбищѣ на Куликовомъ полѣ“. Интересъ самаго сообщенія о первой холерѣ удваивается ради ограниченности сообщеніи о ней современниковъ. Кстати, приведемъ—пользуясь случаемъ упоминанія въ статьѣ о холерномъ кладбищѣ извѣстіе о грустной судьбѣ врача, заплатившаго жизнью за безпорядки у него въ больницѣ, возбудившіе взрывъ народнаго раздраженія на Сѣнной. Іоганъ Христіанъ Зееманъ, докторъ медицыны, былъ уроженецъ Бадена; въ русской службѣ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и былъ почти старецъ. Онъ былъ человѣкъ холостой, состоялъ по службѣ при полиціи и былъ истерзанъ народною толпою и брошенъ съ каретою съ Обуховскаго моста въ Фонтанку 25 Іюня 1831 года. Погибъ онъ, имѣя 58 лѣтъ отъ роду.

Встрѣтивъ теперь въ печати указъ о предполагавшейся экспедиціи рисовальщика академіи наукъ, Андрея Ангилѣевича Грекова,—мы позволяемъ себѣ дополнить его извѣстіемъ, что посылка Грекова, требованная Ломоносовымъ, вовсе не состоялась по интригамъ враговъ безсмертнаго ученаго и лирика. Успѣли они въ это именно время Грекова назначить учить рисовать В. Кн. Павла Петровича, чтобы остановать его археологическую командировку.

Что же касается до надписи на плитѣ въ Валаамскомъ монастырѣ, сочиненной въ XVIII вѣкѣ, то уже языкомъ самымъ дается почувствовать ея поддѣльность, а неподлинность. Пѣсни скопческія хорошій матеріалъ, какъ и пѣсня о сынѣ Разина а „донесеніе о неблагочиніи“ и „анекдотъ о Піѣ IX“—очень мѣлки, сами по себѣ, и ничтожны. Полное частностей и письмо изъ эпохи изгнанія Наполеона мало говорятъ тоже объ особенностяхъ и характерѣ времени.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова** и К°, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библіотека" (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 8.—Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 8-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

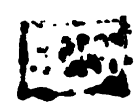
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 8.—Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.
1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Августа 1878 г.

Пиръ у Лукулла.

74 г. до Р. Х.

Motto: «jo Bacche! evoe!»

Кимейская сивилла.

У платана, привязанная къ его нижнимъ вѣткамъ, стоитъ бѣлая кобыла; она бьетъ задними ногами и трясетъ своей головой такъ сильно, что звенятъ цѣпочки и пряжки на ея уздечкѣ; она бьетъ себя хвостомъ по ребрамъ и вся вздрагиваетъ: мошки и другія ядовитыя насѣкомыя цѣлымъ роемъ кружатся надъ ней и жестоко кусаютъ ее. На землѣ лежитъ пурпуровый плащъ ея господина. Въ кустахъ розмарина и тамариса раздается трескъ, какъ будто бы спугнутый вепрь прокладываетъ тамъ себѣ путь; это Лукуллъ, прочищая себѣ мечемъ дорогу сквозь кустарникъ, ищетъ входа въ пещеру.

Передъ нимъ возвышается каменная стѣна; у ея подножія тихо журчитъ сѣрный ручей, а порединѣ вырѣзано изображеніе змѣи. Лукуллъ ударяетъ въ стѣну рукояткой своего меча,—какъ бы по волшебству каменная глыба на своихъ петляхъ поворачивается передъ нимъ, и полководецъ вступаетъ черезъ открывшійся входъ въ пещеру, съ трудомъ пробираясь въ темнотѣ и хватаясь за мокрые камни, чтобы не сбиться съ дороги; достигаетъ, наконецъ, передней площадки пещеры, опускается на землю и моетъ себѣ ноги въ холодной водѣ протекающаго тамъ источника, боясь осквернить священное жилище, вступивъ въ него нечистыми ногами.

Въ пещерѣ сидитъ возлѣ слабо мерцающей лампы,

расплетая себѣ косу, сивилла и, обратившись къ служанкѣ, держащей передъ ней зеркало, тихо говоритъ:

— Ну, Велея, открой теперь чашку адитона и завѣсь лампочку покрываломъ: сейчасъ придетъ Лукуллъ; онъ легко можетъ узнать свою жену въ лицо; но въ темнотѣ онъ не догадается, что подъ маской сивиллы съ нимъ говоритъ его супруга. Онъ отвергъ сегодня совѣтъ своей вѣрной жены, но онъ услышитъ его, какъ приказаніе сивиллы и долженъ будетъ ему повиноваться. Мужъ скоро придетъ: мое сердце чувствуетъ, что онъ недалеко.

Приподнявъ темную занавѣсь, входитъ Лукуллъ въ слабо освѣщенную пещеру и, положивши мечъ къ ногамъ сивиллы, говоритъ:

— Прости меня, высокочтимая жрица, что я осмѣлился переступить порогъ твоего священнаго жилища. Не любопытство или дерзость направляли мои шаги къ тебѣ. Благо государства, опоры котораго колеблютъ измѣнники и участь войска, ввѣренная мнѣ для того, чтобы поразить злѣйшаго и непримиримаго врага Рима, Митридата — я отдаю въ твои руки. Центуріи выбрали меня единогласно своимъ вождемъ; однакоже сенатъ, подстрекаемый Помпеемъ, отвергъ выборъ народный; онъ противится моему отъѣзду, военныя гавани заперты для моихъ кораблей; а Помпей между тѣмъ снаряжаетъ тайно для отплытія свои галеры. Я пришелъ, жрица, испросить твоего совѣта и содѣйствія.

— Я знаю все, Лукуллъ; ибо что можетъ отъ меня укрыться? Ты напрасно надѣешься побороть толпу завистниковъ, которые стараются лишить тебя твоей славы. Какъ головы гидры, отдѣленныя отъ туловища, снова выростаютъ, такъ и они. Мудрый законъ Манлія, по которому нужно было бы у тебя отнять власть, а самаго послать въ изгнаніе, поддержанъ Цицерономъ, который самъ желалъ-бы сдѣлаться консуломъ. Честолюбивый Помпей добивается, чтобы сенатъ и народъ провозгласили его единовластнымъ повелителемъ моря и суши; Котта, который для Рима еще ничего не сдѣлалъ, Глабріонъ, который

домогается твоей дружбы, чтобы тѣмъ легче тебя погубить, Квинкцій, Габиній, Крассъ, Метеллъ,—всѣ они ненавидятъ тебя и соединились вмѣстѣ, чтобы вычеркнуть твое имя изъ римской исторіи. Твоя звѣзда померкнетъ, Лукуллъ; я вижу тебя блуждающимъ на чужбинѣ и раздѣляющимъ участь Марія.

Но боги сдѣлаютъ иначе.

Еще не всѣ средства исчерпаны, чтобы вручить тебѣ судьбу Рима; одно еще остается неиспробованнымъ: приближаются празднества въ честь Вакха.

Пригласи къ себѣ въ домъ своихъ завистниковъ и соперниковъ. Говорятъ, что Лукуллъ умѣетъ пожить, какъ никто. Отумань ихъ мысли и чувства волшебствомъ твоей кухни, омрачи имъ разсудокъ старымъ фалернскимъ; умъ слабѣетъ, когда работаетъ желудокъ. Они сдѣлаются такими же ручными и смирными, какъ откормленные голуби. Даже дикіе звѣри, обитатели пустыни, и тѣ теряютъ присущую имъ свирѣпость, когда у нихъ переполнится желудокъ. Напрасно стараешься ты возбудить гнѣвъ змѣи, когда она лежитъ, свернувшись въ клубокъ, и у ней переваривается пища. Вино развязываетъ языкъ и дѣлаетъ человѣка откровеннымъ. Ты узнаешь, Лукуллъ, намѣренія и происки своихъ враговъ, когда они отвѣдаютъ фалернскаго. Семь дней еще въ твоемъ распоряженіи, воспользуйся ими. Отопри свои кладовыя, погреба, сады и рыбные садки; возьми себѣ въ помощь игры, танцы и любовь.

Когда они будутъ побѣждены этимъ оружіемъ,—и они будутъ побѣждены имъ, клянусь богами,—иди, не мѣшкая, къ кораблямъ, къ своему войску, сражайся, побѣждай и, какъ побѣдитель, съ тріумфомъ возвращайся въ Римъ. Народъ встрѣтитъ тебя съ восторгомъ, клеветники и завистники замолчатъ и будутъ только удивляться тебѣ. Иди, Лукуллъ! Съ тобой моими устами сегодня говорятъ боги. Расплачиваться-же за все будетъ Митридатъ.

Приглашеніе.

«Боги защищаютъ Лукулловъ Тускуланумъ. Приходи, Котта, отдохнуть въ его тѣни, насладиться виномъ и удовольствіями вкуснаго стола, музыкой и всѣми прелестями тайной любви *)».

Торопливымъ шагомъ идетъ невольникъ по улицамъ Баи, спѣша разнести гостямъ дощечки съ приглашеніями. Возлѣ виллы консула Котты останавливается и стучится въ дверь. Ему отворяютъ.

— Иди, Теста, — обращается онъ къ привратнику, передай твоему господину это письмо и скажи, что ждутъ отвѣта. Да поторопись: ужъ поздно, а мнѣ еще много нужно разнести такихъ писемъ.

— Поваръ говоритъ, что сами боги будутъ завидовать гостямъ Лукулла. Его садки наполнились рыбой. Смѣлые охотники, карабкаясь по скаламъ Исхіи, похищаютъ для его обѣдовъ яица изъ гнѣздъ морскихъ ласточекъ, и каждый день приносятъ свѣжую дичь. Изъ хлѣвовъ вывели жирныхъ вепрей, съ лукринскимъ мелей ему къ столу собрали всѣхъ устрицъ!

Да! Долго будутъ вспоминать о пирахъ Лукулла!

Бая и Тускуланумъ.

Бая, этотъ по преимуществу городъ Афродиты и Гигіеи, расположенъ вдоль прелестнаго побережья Кампаніи.

Заперты красивые дачные домики, лавки, игорные дома и термы. Ночь опустилась надъ этимъ мѣстомъ разгула и сладострастія. Тихо дремлетъ море; спятъ, предавшись сладкимъ грезамъ, жители мирнаго городка въ своихъ уютныхъ домикахъ, окруженныхъ роскошными

*) Форма этого приглашенія заимствована изъ оды Горація (кн. I, ода XVII).

цвѣтниками изъ миртъ, розы и жасмина. Сенаторъ и мальчикъ-поваренокъ, господинъ и слуга, домашнія куры и собаки—всё давно спитъ. Только въ предместьѣ, гдѣ живетъ бѣднѣйшая часть населенія,—нищета, болѣзнь, голодъ да порокъ и злодѣйство не находятъ себѣ сна. Узки и грязны улицы предмѣстья; такъ узки, что между рядами темныхъ домовъ видишь только клочекъ неба. Мраченъ, какъ Оркусъ, Vicus lupanaris; пустынны улицы въ этомъ обиталищѣ нищихъ, воровъ и развратниковъ, гдѣ каналы своей грязной водой заражаютъ воздухъ, а ночныя птицы и летучія мыши одни нарушаютъ тишину, гдѣ въ подвалахъ и подземельяхъ господствуетъ нищета и болѣзнь да царилъ Бакхъ — единственный утѣшитель бѣдняковъ.

Дымящіяся лампочки, подвѣшанныя на желѣзныхъ крючьяхъ слабо освѣщаютъ мрачное жилище. Въ немъ живутъ Филида, Лагиска, Херфилида и Леодика. Отверженныя обществомъ, онѣ поселились въ этомъ кварталѣ и торгуютъ здѣсь виномъ и своимъ расположеніемъ. Скрипитъ обшитая желѣзомъ дверь. Изъ подвала, придерживаясь за грязную веревку, поднимаются по лѣстницѣ три человѣка. «Это вѣроятно нищіе возвращаются домой»—думаете вы. Нѣтъ! это трое знатныхъ молодыхъ людей въ бѣлыхъ тогахъ, отороченныхъ пурпуромъ и съ вѣнками изъ розъ на головахъ.

— Покойной ночи, Глабріонъ—произнесъ тоненькій женскій голосокъ. Покойной ночи, Котта! до свиданія! Звучитъ поцѣлуй, сорванный съ хорошенькихъ женскихъ губокъ, и за вышедшими запирается дверь.

Три путника пробираются въ темнотѣ, осматриваясь каждую минуту, чтобы не сбиться съ дороги.

— Нужно сознаться,—говоритъ наконецъ одинъ изъ нихъ, зѣвая и опускаясь на выступъ лѣстницы,—Лагиска все еще хороша, не смотря на свои восьмнадцать лѣтъ.

— Кому какъ, возражаетъ другой—по моему, со времени ея перваго появленія въ Римѣ, когда Лукуллъ нашелъ ее между продавщицами зелени, и Лагиска въ пер-

вый разъ показалась въ обществѣ, она постарѣла и измѣнилась. Теперь она не имѣетъ уже никакого вліянія на рѣшенія сената и живетъ поскромнѣе, чѣмъ прежде. Обстоятельства перемѣнчивы. Неправда ли, Котта!

— Ахъ! провалились бы въ преисподнюю эти бабенки! Такое вино, какимъ торгуетъ Лагиска, хорошо развѣ покажется какому-нибудь гладіатору на пустой желудокъ. Мнѣ же оно противно до тошноты.

— Да, да, Котта,—отвѣчалъ первый смѣясь,—человѣкъ старѣется. Кто, подобно тебѣ считаетъ уже тридцатую весну и обзавелся внушающей уваженіе лысиной, тотъ пусть лучше остается въ Римѣ, купитъ себѣ въ Эсквилинѣ небольшой домикъ съ садомъ да и разводитъ тамъ дроздовъ, чижей да пчелъ, позабывъ про Баю вино и женщинъ. Однако же пора идти, друзья! Судя по звѣздамъ, до утра остается не больше часу; съ разсвѣтомъ проснутся горожане, и мнѣ право непріятно будетъ, если насъ, римскихъ сенаторовъ, увидятъ въ этомъ кварталѣ развалившимися посреди улицы.

И дальше поплелись полуношники черезъ лужи и канавы, пробираясь по небольшимъ мостикамъ и перекладинамъ къ морскому берегу, гдѣ ждутъ ихъ три великолѣпныхъ гондолы и факельщики.

— Прощайте, друзья! до свиданія за завтракомъ въ новыхъ термахъ, а потомъ въ домѣ Лукулла, если будемъ живы и здоровы,—прощаются пріятели, и скоро лодки подъ тактъ дружныхъ ударовъ веселъ понеслись вдоль морскаго берега.

На востокѣ уже совершенно свѣтло. Скоро и лучезарный Фебъ поднимется изъ-за окраины лѣса, и заблестятъ въ его лучахъ дачные домики и замки знатныхъ римлянъ, отражая свои башни и бѣлоснѣжныя стѣны въ гладкой, какъ зеркало, темно-голубой поверхности залива.

Слышите ли вы это пѣніе, крики и шумъ? Проснулся берегъ, оживились улицы. Уже подплываютъ гон-

доки изъ Путеоли, Мизены и Кимы, везя гостей на никогда не превращающіяся Сатурналіи и празднества. Кричатъ либаріи и крустуларіи, предлагая только что вынутые изъ печи медовые пирожки. Выкрикаютъ продавцы вина, благовонныхъ товаровъ, свѣжаго мяса и другіе мелкіе торговцы. Одѣтые въ грязные лохмотья парни привлекаютъ толпу, разложивъ на столикахъ и превознося до небесъ различный клей для склейки стеклянной посуды, новыя хорошія лекарства отъ нарывовъ и для возстановленія упавшей энергіи.

Спѣшатъ на рынокъ женщины и молодыя дѣвушки, тянутся тяжело нагруженные зеленью и овощами мулы, идутъ на прогулку свободные отъ занятій люди, торопятся въ школу дѣти, суетятся на берегу ткачи и судовщики. Всѣ рады ясному солнечному дню. Пробудилась и та часть города, гдѣ живетъ знать. Старъ и малъ идетъ въ новыя термы, и скоро ихъ сады и терассы наполнились не только больными, но и здоровыми.

Нѣкоторые изъ больныхъ приносятся сюда прислугой въ обитыхъ пурпуромъ креслахъ или привозятся на тележкахъ, другіе плетутся кое-какъ сами, опираясь на костыль. Храмые, разслабленные, падагрики и различными другими недугами удрученные люди надѣются найти исцѣленіе въ теплыхъ водахъ сѣрнаго источника. Здѣсь полный сенаторъ, каждый годъ являющійся сюда погрѣть остывшую кровь, тамъ молодая дѣвушка съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ, пьющая горькую сѣрную воду, сдѣлавъ сперва возліяніе въ честь наяды, господствующей надъ источникомъ; за ними богатый владѣлецъ кораблей изъ Неаполя, жертва излишества и праздной жизни; покрытый ранами воинъ, страждущій проказой нищій и прихрамывающая матрона изъ Стабіи. Дрожащими руками бросаютъ въ ручей монету *) и пре-

*) У древнихъ былъ обычай бросать въ ручей монету въ жертву богинѣ, его покровительницѣ.

сыщенный жизнью богачъ и придавленный горемъ бѣднякъ, съ одинаковой надеждой глядя на струи цѣлительной влаги.

Одинъ шагъ отдѣляетъ здѣсь богатство отъ бѣдности—вверху роскошная терраса, галлерея обсаженная съ обѣихъ сторонъ миртами и кипарисомъ, крытый ходъ, усаженный розами,—открываются для веселой, беззаботной жизни.

Окруженныя толпою своихъ поклонниковъ, шумя своими шлейфами, выходятъ подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ сіяющія красотой молодыя женщины и дѣвушки. Блѣдныя римлянки, пылкія полуодѣтыя гадитанки и смуглыя гречанки хвастаются здѣсь другъ передъ другомъ пышностью и великолѣпіемъ своихъ нарядовъ. Небрежно развалившись на мягкихъ коврахъ, искусстной рукою разставляютъ онѣ сѣти мущинамъ. Приманкой служатъ золото и игры. Игры въ мячъ, въ гуськи и войну сближаютъ полы гораздо скорѣе и легче, чѣмъ самая искусстная рѣчь, и незамѣтное пожатіе руки при круговомъ танцѣ или игрѣ въ колечко легко нораждаетъ самыя смѣлыя желанія.... Такъ кружится золотая молодежь, прыгая отъ цвѣтка къ цвѣтку и выпивая по каплѣ сладкій сокъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ, выращенныхъ въ самыхъ роскошныхъ цвѣтникахъ Кампаніи. Сброшены ненавистныя узы принужденности, разорваны цѣпи приличій и забыта холодная сдержанность столичныхъ нравовъ; съ одинаковой страстью наслаждаются сладкимъ медомъ, собраннымъ съ ядовитаго цвѣтка и благородныя патриціанки и танцовщицы, законныя супруги и продажныя красавицы. Плодъ, который въ Римѣ едва успѣлъ созрѣть, здѣсь въ Баѣ лопается, выливая свой сладкій сокъ на золотую чашку Купидона. Что въ столицѣ стыдливо укрывается отъ любопытныхъ взоровъ и бываетъ величайшей тайной, то здѣсь на берегу Лукрино совершается открыто среди бѣлаго дня и такъ заманчиво, соблазнительно.... Рѣчь здѣсь льется свободно, не стѣсняясь никакими приличіями; пылаютъ щеки, огнемъ горятъ

глаза отъ бурныхъ желаній. Въ Баѣ человѣкъ живетъ полной жизнью, а въ Римѣ онъ только прозябаетъ и вянетъ въ медленной агоніи.

Всѣ выходы и гроты лабиринта со всѣхъ сторонъ закутаны роскошными кустами жасмина, розъ и лавровъ, а внутри его соединилось желаніе и наслажденіе, то и дѣло прихотливо мѣняя свои формы. На темно-голубой поверхности моря тихо покачиваются роскошныя гондолы, везя съ собой, кажется, саму богиню счастья и веселья.

Все выше и выше поднимается золотая колесница Феба, заставляя толпу веселящейся молодежи искать тѣни. Спасаясь отъ знойныхъ лучей предполуденнаго солнца, дамы отправляются къ своимъ носилкамъ, и носильщики быстро разносятъ свою дорогую ношу по прохладнымъ дворикамъ дачъ.

Великолѣпная дорожная повозка съ позолоченными спицами у колесъ и защищаемая кожаннымъ навѣсомъ отъ солнца быстро несется по улицѣ. Нумидійскіе наѣздники удерживаютъ коней, а скороходы, бѣгущіе по лѣвую и по правую сторону повозки, спорятъ въ быстротѣ съ лошадьми. Это ѣдутъ, сказавъ съ стѣсненнымъ сердцемъ «прости» веселой Баѣ, консулъ Аврелій Котта и его другъ Ацилій Глабріонъ въ Тускуланумъ къ Лукуллу. Вмѣсто тоги они одѣты въ дорожное платье.

Проснувшись противъ обыкновенія въ такой ранній часъ, они, развалившись на мягкихъ подушкахъ своей повозки, смотрятъ сонными глазами и зѣвая на раскрывающійся передъ ними ландшафтъ. Вотъ повозка катится вдоль берега моря, гладкая поверхность котораго теперь не шелохнется,—проѣзжаетъ мимо священныхъ оливковыхъ рощъ, которыя тянутся между Баей и Кимой, тамъ, гдѣ озеро Лукринское и Аверпское скрываютъ ворота Аида и гдѣ возвышается надъ окрестностью храмъ Аполлона. Вдали блеститъ снѣжная вершина Везувія, и отливаетъ серебромъ въ лучахъ солнца заливъ Партенопе, покрытый безчисленнымъ множествомъ

нарусныхъ судовъ. Проѣзжающіе киваютъ головами и, слѣдуя движенію повозки, отъ сотрясенія нагибаются то въ одну сторону, то въ другую. Природа наконецъ беретъ свое, усталые глаза путешественниковъ слипаются, и они засыпаютъ, Ацилій,—склонивши голову на грудь а Аврелій,—перекинувшись назадъ и съ полуоткрытымъ ртомъ. Обоимъ имъ вѣроятно грезятся теперь сладкія блюда, которыя ихъ ждутъ на обѣдѣ у Лукулла.

Повозка катится по гладкой мостовой, вздымая густое облако пыли, кони фыркаютъ, скороходы запыхались отъ усталости. Улицы дѣлаются все оживленнѣе и оживленнѣе. То и дѣло встрѣчаются носилки, предшествуемыя музыкантами и сопровождаемыя толпой невольниковъ съ опахалами, пешеходы, носильщики тяжестей; повозки, нагруженныя съѣстными припасами и виномъ мѣрно тянутся къ виллѣ, башни которой уже виднѣются изъ за группы деревьевъ. Проѣзжающей повозкѣ консула всюду съ почтеніемъ даютъ дорогу. Но сидящіе въ ней путешественники смотрятъ невесело: они не успѣли еще оправиться послѣ оргіи прошедшей ночи и приготовиться для ожидающихъ ихъ въ этотъ день новыхъ треволеній. У седьмаго дорожнаго столба повозка остановилась и въѣхала черезъ открытыя ворота во дворъ одной изъ дачъ. У воротъ дачи толпится цѣлая ватага нищихъ, выставляющихъ на показъ свои дѣйствительныя и вымышленныя увѣчья, чтобы тѣмъ разжалобить богатыхъ и сдѣлать ихъ щедрѣе на подаянія. Аврелій и Ацилій проснулись; потягиваясь и зѣвая, протерли себѣ глаза и вылѣзли при помощи слугъ Лукулла изъ повозки, усѣлись въ стоящіе готовыми уже носилки и отправились въ нихъ по незамѣтно поднимающимся террасамъ, обсаженнымъ по сторонамъ розами, фіалками и кустами винограда, въ Тускуланумъ, знаменитое помѣстье Лукулла.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ невольники въ домѣ Лукулла бѣгаютъ и хлопочутъ съ утра до вечера, то переставляя съ одного мѣста на другое столы и скамейки, то перетаскивая большіе репозиторіи, канделябры,

сосуды и различные предметы украшенія; одни чистятъ шерстяными тряпками стѣны, колоны и потолки комнатъ, другіе подметаютъ мокрыми тамарисовыми метелками мозаиковый полъ и разстилаютъ по нему длинные ковры. Весь домъ принимаетъ праздничный видъ.

Привлеченные запахомъ жарящагося мяса, мы входимъ въ ярко освѣщенную кухню, гдѣ уже распоряжается главный поваръ, привезенный Лукулломъ изъ Сиракузъ за очень большія деньги *). Горшки различной формы и величины выпускаютъ паръ въ отверстіе своихъ крышекъ. Длинные и узкіе сосуды стоятъ посреди горящихъ угольевъ, кострюли съ соусомъ изъ кореньевъ разставлены вокругъ огня. Поворачивается подвѣшенный на блокѣ вертелъ, обжаривая то зайцевъ, то голубей, то залитыхъ жиромъ куръ. На сковородку тщательно уложены рыбы и устрицы, и сковорода медленно подвигается въ огонь. Старательный поваръ не отходитъ отъ печи, онъ—то подсовываетъ въ огонь горшки, сковороды, то пробуетъ кушанье; между тѣмъ какъ его сподручный просѣиваетъ въ это время коренья подвѣшеннымъ на цѣпяхъ рѣшетомъ, а пекарь мѣситъ свое тѣсто, разбавляя его горячимъ, только что вскипяченнымъ коровьимъ молокомъ. По полу и на полкахъ разложена всевозможная дичь, зелень и овощи; въ бронзовыхъ бассейнахъ ползаютъ раки и плещутся рыбы самыхъ разнообразныхъ породъ.

Согласно приказанію хозяина, сегодня обѣдъ будетъ въ залѣ Аполлона, завтра въ золотой залѣ, а послѣ завтра въ египетской. Такимъ образомъ каждый день перемѣна, каждый день новыя удовольствія. Сводъ портика въ триклиніумѣ покрытъ позолотой; посрединѣ его поддерживаетъ другой рядъ колонъ, въ промежуткахъ между которыми для защиты отъ сквознаго воздуха развѣшаны роскошные сирійскіе ковры. Стѣны обложены

*) Сиракузскіе повара считались въ древности лучшими, все равно какъ теперь парижскіе.

чернымъ гладко отполированнымъ эфіопскимъ камнемъ, который, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ въ себѣ изображенія предметовъ. Рѣшетчатый потолокъ устроенъ такъ, чтобы его всегда можно было приподнять; на длинныхъ богато украшенныхъ цѣпочкахъ привѣшаны къ нему бронзовыя лампы, которыя въ силѣ освѣщенія могутъ поспорить съ серебряными канделябрами, висящими между колоннами. Свѣжій благоухающій запахъ распространяется отъ цвѣтовъ и растеній, разставленныхъ по верхнимъ галлереямъ; веселыя трели птицъ раздаются изъ клѣтокъ, и пріятная прохлада проникаетъ снаружи сквозь опущенную занавѣсь.

Если бы эти такъ богато украшенныя стѣны умѣли разсказывать, то онѣ разсказали бы намъ о послѣднемъ царѣ римскомъ, который поселился въ этомъ мѣстѣ, будучи изгнанъ изъ Рима, и каялся здѣсь за свой постыдный поступокъ съ Лукреціей, имѣвшій для него такія печальныя послѣдствія; разсказали бы намъ и о Корнеліи, несчастной вдовѣ Семпронія Гракха, какъ она, запершись здѣсь, въ этихъ четырехъ стѣнкахъ, въ продолженіи цѣлаго года оплакивала смерть своихъ сыновей.

Вокругъ столовъ, вырѣзанныхъ изъ драгоцѣннаго дерева, съ новыми выточенными ножками помѣщаются лежанья для гостей, накрытыя покрывалами и снабженныя мягкими подушками. Триклинархъ, разставивъ столы по мѣстамъ, кладетъ для каждаго изъ приглашенныхъ по салфеткѣ, отороченной золотомъ, и по золотой ложкѣ, разставляетъ солонки изъ оникса и мурры *) и ставитъ по срединѣ большой кубокъ изъ отшлифованнаго кристалла. Горами нагромаждены другъ на друга по стоящимъ вдоль стѣнъ столикамъ служащіе для украшенія сосуды, дорогія блюда и вазы. Кажется, всѣ сокровища, хранившіяся въ кладовыхъ, перенесены сегодня въ этотъ прекрасный залъ.

*) Мурра (murrha) камень, изъ котораго въ древности приготовлялась дорогая столовая утварь.

Съ довольнымъ лицомъ бросаетъ триклинархъ послѣдній испытующій взглядъ на убранство столовъ и комнатъ и отправляется въ атріумъ, чтобы отдать необходимыя приказанія находящимся тамъ. невольникамъ

Мало по малу оживились и садъ и площадка передъ домомъ. Гости, вышедшіе изъ купаленъ и успѣвшіе уже побывать у цирюльника, одѣваются въ короткое пестрое платье, въ которомъ принято являться къ обѣду; затѣмъ одни идутъ въ ксистъ *) полюбоваться видомъ на окрестности, другіе садятся въ носилки и велятъ себя нести въ тѣнистыя аллеи сада, гдѣ они смотрятъ на игру пиларіевъ въ мячъ и громко рукоплещатъ искусстнымъ метателямъ. Пышные кусты розановъ, которые благодаря искусству Лукуллова садовника пріобрѣли всемірную извѣстность, вспрыскиваются мелкимъ, какъ пыль, искуственнымъ дождемъ и не уступаютъ въ силѣ аромата запаху шафрана, фіалки и нарциса.

Вдругъ густой ревъ слышится изъ противуположнаго конца сада, оттуда, гдѣ находятся клѣтки съ звѣрями. Мы отправляемся туда. Медвѣжья клѣтка заперта двойнымъ запоромъ. Cave! раздается въ эту минуту надъ нашими ушами; медвѣдица, лишенная своихъ медвѣжатъ, вкусныя лапы которыхъ будутъ сегодня поданы за обѣдомъ, въ дикой ярости ищетъ своихъ дѣтей, мечась изъ угла въ уголъ и прыгая на рѣшотку клѣтки.

Откормленные зайцы и кролики боязливо жмутся другъ къ дружкѣ, забившись въ уголъ лепоріума,—морщатъ свои тупые носики и опускаютъ уши. Бѣлки и мыши въ вѣчномъ безпокойствѣ лазяютъ по стѣнамъ своей клѣтки. А какое богатство и разнообразіе представляютъ авіаріи! тутъ вы видите пестрыхъ и бѣлыхъ павлиновъ изъ Самоса, нумидійскихъ цецарокъ и колхидскихъ фазановъ. Сколько движенія среди перепелокъ, дроздовъ и куропатокъ! Но можетъ быть вы предпочитаете послушать пѣніе пѣвчихъ птицъ, такъ пойдемте къ этимъ по-

*) Верхняя крытая галлерея.

золоченнымъ клѣткамъ съ ихъ щебечущими обитателями, возлѣ которыхъ, какъ-бы для того, чтобы увеличить контрастъ, висятъ въ своихъ клѣткахъ и сонливые каплуны, завидуя свободѣ, предоставленной голубямъ и гордымъ родосскимъ пѣтухамъ. Однакоже, пора идти отсюда: букцинаторъ *) кричитъ съ башни, что уже девятый часъ; и солнечные часы показываютъ, что приближается время обѣда **).

Пиръ.

Кончилось предшествующее обѣду умыванье и намазываніе тѣла благовоннымъ масломъ. Цирульникъ тщательно завилъ Лукуллу волосы; на его пальцы уже надѣты украшенные драгоцѣнными камнями перстни, а на ноги—роскошныя сандаліи. Хозяинъ дома еще разъ быстро взглядываетъ въ стоящее передъ нимъ зеркало, и кивкомъ головы подзываетъ къ себѣ своего домашняго префекта.

— Собрались-ли гости, и кто именно? спрашиваетъ онъ.

— Всѣ, господинъ, за исключеніемъ Цицерона; онъ проситъ у тебя извиненія: сегодня онъ долженъ ѣхать въ Помпею, чтобы присутствовать тамъ на избраніи новаго эдила.

Котта и Глабріонъ пріѣхали вмѣстѣ изъ Баи, и гордый трибунъ Цертей пожаловалъ сюда изъ Кимы; Квинкцій, Крассъ, Манилій, Метеллъ — всѣ здѣсь.

— Ну, Иктъ! Сегодня мои старыя вина должны литься рѣкой, а кушанья и продукты должны быть одно другаго лучше! Ступай, запри ворота, и смотри, чтобы слава, которой пользуется мой домъ, не была ничѣмъ запятнана. Да! имѣешь-ли ты какія-нибудь извѣстія отъ моего брата?

*) Букцинаторы (Buccinatores) — невольники, которые должны были выкрикивать часы.

**) Девятый часъ, по нашему времяисчисленію, соотвѣтствуетъ 2 ч. 30 м. лѣтомъ, и 1 ч. 30 м. зимой.

— Твой братъ здѣсь, господинъ. Я скрылъ его между домашней прислугой. Во время обѣда онъ подъ видомъ разскасчика будетъ занимать разсказами твоихъ гостей, и какъ только подуетъ вѣтеръ, попутный для твоихъ кораблей, онъ дастъ тебѣ знакъ. Сегодня утромъ пришло одно извѣстіе изъ Рима; боги покровительствуютъ моему господину: Помпей упалъ и повредилъ себѣ ногу; теперь онъ не можетъ больше преслѣдовать тебя.

— Благодареніе богамъ! Ну, время обѣдать, а потомъ и къ дѣлу! Пусть гости соберутся въ атріумѣ и ждутъ меня тамъ. Послѣ этого приказанія въ домѣ скоро всѣ поднялись на ноги. Отъ привратника съ своей эпиротской собакой до аквилина*) въ стойлахъ, отъ маленькаго поваренка, едва виднаго изъ-за своей бронзовой ступки до рослаго писторія и изящно одѣтаго кондитера, отъ сутоловатаго носильщика до неуклюжаго педагога, и отъ униженно изгибающихъ спину кліентовъ до наглыхъ отпущенниковъ—всѣ спѣшатъ занять свои мѣста. Вскочили, какъ молодыя охотничьи собаки, факельщики, музыканты, чтецы, переписчики, безобразные домашніе шуты; ибо Лукуллъ, хозяинъ дома, выйдя изъ экседры, идетъ на встрѣчу своимъ гостямъ, сопровождаемый богато одѣтой свитой изъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ и подчиненныхъ. Арея, передняя комната, вся скорѣе заваленная, чѣмъ уставленная статуями и блестящими военными доспѣхами и протирумъ, коррндоръ, соединяющій внѣшнія выходныя двери съ внутренними — отворяются передъ приближающейся процессіей, которая вслѣдствіе отраженія въ гладко-отполированныхъ стѣнахъ кажется безконечной.

Цѣлый лѣсъ мраморныхъ кимейскихъ колоннъ идетъ вдоль блестящихъ стѣнъ, украшенныхъ черепахой и драгоцѣннымъ металломъ; изъ великолѣпнаго портика работы лучшихъ греческихъ и итальянскихъ художниковъ видны

*) Служитель, завѣдывавшій конюшнями.

таблинумъ и триклиніумъ; посрединѣ послѣдняго бьетъ фонтанъ, распространяя въ воздухѣ пріятную прохладу.

Гости встрѣчаютъ хозяина обычными объятіями, поцѣлуями и привѣтствіями, и, присоединяясь попарно къ процессіи, входятъ при звукѣ роговъ въ залъ Аполлона. Архитравы, колонны, точно также какъ и внѣшнія террасы, украшены вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Вставленныя въ верхнія окна полупрозрачные камни распространяютъ въ комнатахъ какой-то таинственный полусвѣтъ. Гости въ самомъ веселомъ настроеніи духа; слѣдуя примѣру хозяина, располагаются они полулежа вокругъ столовъ, послѣ того, какъ въ честь ларовъ была высыпана соль, а въ честь пенатовъ зажжены курильницы. Молодые невольники—одни разуваютъ возлежащимъ ноги, другіе надѣваютъ имъ фіалковые вѣнки на голову, третьи приносятъ серебряные сосуды съ ароматной водой для смачиванья рукъ.

Распорядитель пира съ серьезнымъ видомъ разноситъ карточку кушаній, чтеніе которой вездѣ сопровождается одобрительнымъ киваньемъ головы и шумнымъ говоромъ. Все готово, и густаторіумъ, игра предшествующая обѣду, можетъ начаться.

Подобно тому, какъ гладіаторы на аренѣ ждутъ только знака, чтобы броситься съ обнаженнымъ мечемъ на противника, такъ благородные гости готовятся здѣсь, впрочемъ съ увѣренностью въ побѣдѣ, встрѣтить первый натискъ кухонной когорты съ грудами жаркого и пирожковъ.

Десять слугъ, нагибаясь подъ тяжестью, тащатъ репозиторіумъ, обставленный цѣлой пирамидой круглыхъ, продолговатыхъ, плоскихъ и овальныхъ блюдъ. Вниманіе присутствующихъ приковано къ его срединѣ.

Фазаны и павлины, которыхъ можно было бы принять за живыхъ, покачиваются наверху пирамиды во всемъ великолѣпіи своихъ перьевъ.

Вкусныя и красивыя кивинскія мирены съ искуственными серебряными плесами лежатъ, какъ въ тростникѣ

среди кипрской капусты съ артишоками, устрицами и улитками. Раки окаймляютъ края блюда, живыя молюски раскрываютъ свои раковины, какъ будто-бы находясь въ волнахъ Лукрино. Всевозможныя морскія раковины, харіусы, летучія рыбы, лягушки, форель и все, что живетъ въ водѣ, начиная отъ осетра и кончая пискаремъ, лежитъ на этихъ плоскихъ блюдахъ, соблазняя глазъ и раздразнивая аппетитъ. Кому не нравится рыба, тотъ можетъ брать изъ стоящихъ по правую и по лѣвую сторону серебряныхъ сосудовъ колбасу, пѣтушьи гребешки, форшированное свиное вымя, гусиную печенку; все это приправлено равенской спаржей, арицiанскимъ лукомъ, огуречной травой, сицилійской тыквой, радиской. Объ устрицахъ и говорить нечего; ихъ подаютъ цѣлыми тысячами, плавающими въ своей собственной слизи. Маленькія чашечки, съ различными сластями, разносятся вокругъ столовъ, и слуги наливаютъ гостямъ, смотря по ихъ желанію, однимъ сладкіе, другимъ кислые прохладительные напитки. Веселое настроеніе духа все больше и больше овладѣваетъ присутствующими, по мѣрѣ того, какъ пустѣютъ блюда густаторіума; и какъ въ бою при первомъ успѣхѣ возрастаетъ мужество и жажда новыхъ подвиговъ у сражающихся, такъ и теперь у пирующихъ увеличивается охота и аппетитъ, послѣ того, какъ счастливо кончилась предобѣденная закуска, и съ неудержимою радостью встрѣчаютъ гости начало обѣда, возвѣщенное звукомъ рожковъ. Первая смѣна: «фазаны колхидскіе, приправленные перепелками, іонійскіе рябчики, карфагенскія цесарки, родоскіе каплуны, каппадокійскія куры, гальскіе кулики».

Вдругъ, точно по волшебству, передъ присутствующими является курица фазата, которая, какъ бы при приближеніи невидимаго врага топырится и поднимаетъ крылья, чтобы укрыть подъ ними своихъ цыплятъ. Гости изумлены при видѣ этой искусной штуки, но недолго продолжается обманъ, ибо нарядъ изъ перьевъ уже снятъ съ птицы, и изъ ея тѣла выпадаютъ трюфели и молодой горохъ. Цыплята же, при всеобщемъ смѣхѣ гостей,

превращаются въ обыкновенныхъ дроздовъ. Не менѣе искусно сдѣланы и сидящія на яицахъ куры, какъ будто высиживающія цыплятъ, спящіе пѣтухи и бьющіяся перепелки; цѣлая стая куръ вылетаетъ изъ корзины съ цвѣтной капустой, но всё это обманъ и фокусъ: всѣ птицы оказываются зажаренными и нашпигованными. Необычныя блюда изготовилъ сегодня сиракузскій поваръ; кулики и дрозды приправлены перцемъ и чеснокомъ, цесарки—портулакомъ и тминомъ, одни плаваютъ въ соусѣ, другія обсыпаны сухарями. Ничего не опущено, чтобы угодить гостямъ, и они могутъ требовать каждый что угодно, — смотря по своему вкусу.

Сладкое питье уже не подается больше. Съ верхней галереи хоръ музыкантовъ, услаждающій шумными піесами слухъ присутствующихъ, даетъ знакъ, что передъ второй смѣной должны начаться радости Вакха. Погребщикъ осторожно откупориваетъ обвитыя плющемъ амфоры и бережно переливаетъ дорогой напитокъ въ серебряный, охлажденный въ снѣгу колюмъ, а оттуда, какъ ему приказано, въ чашу, гдѣ къ вину подмѣшивается двѣ трети воды; золотымъ ковшикомъ разливаетъ виночерпій искрящуюся влагу по бокаламъ гостей, которые въ честь веселаго бога пировъ фіалковые вѣнки замѣняютъ вѣнками изъ листьевъ.

— Bene tibi, за твое здоровье! обращаются присутствующіе другъ къ другу, осушая бакалы. Вино скоро оживляетъ всё общество, и Лукуллъ, обратившись къ своимъ гостямъ, говоритъ:

— Цицеронъ прислалъ мнѣ въ подарокъ изъ Капуи двухъ гладіаторовъ; не угодно-ли будетъ моимъ друзьямъ посмотрѣть на ихъ искусство?

Гости одобрительно киваютъ головой, и тотчасъ же въ залу входятъ два полуобнаженныхъ гладіатора. Ихъ намазанное жиромъ тѣло покрыто безчисленными рубцами. На ихъ головахъ надѣты большіе мѣдные шлемы; лицо защищаетъ сплошное забрало: Andabatae «слѣпые борцы» называются эти несчастные, предоставляющіе

свою жизнь на волю случая. Они сражаются, не видя другъ друга и привязанные другъ къ дружкѣ цѣпью, чтобы во время боя не могли разойтись. Ихъ оружіе состоитъ изъ короткихъ тупыхъ мечей. Преслѣдуя другъ друга и стараясь наносить удары, они много разъ не попадаютъ въ цѣль и наконецъ останавливаются, прислушиваясь, чтобы узнать, гдѣ противникъ, потомъ схватываются опять, и скоро многочисленныя раны покрываютъ ихъ тѣло, ручьями льется кровь, кожа и мясо лоскутьями висятъ на нихъ.

Благородные зрители въ это время кушаютъ устрицъ, распиваютъ фалернское и смѣются надъ стонами разошедшихся наконецъ бойцовъ, кровь которыхъ залила весь полъ и забрызгала скатерти на столахъ. Между тѣмъ лампы и канделябры закрываются роговыми блиндами, и въ залѣ распространяется пріятный, матовый полусвѣтъ. Полъ усыпается свѣжими розами и жасминомъ, и утомленные продолжительнымъ сидѣньемъ гости встаютъ при помощи слугъ и мѣняютъ свои мѣста. Триклинархъ дѣлаетъ своимъ слугамъ знакъ перемѣнить блюда, и убранство стола быстро мѣняется.

Слѣдуетъ вторая смѣна: Пирожки, начиненные мясомъ дикихъ голубей, языки цаплей и фламинго, мозги перепелокъ, рыба, морскіе раки, черепахи, дичь съ салатомъ и фруктами, наконецъ огромный тридцати фунтовый осетръ изъ Родоса, залитый медомъ.

Недолго красуется на столахъ эти чудеса кулинарнаго искусства; запивая фалернскимъ, кипрскимъ и лесбійскимъ, принимаются пирующіе и за вторую смѣну. Даже и тѣ изъ гостей, которые клялись Юпитеромъ, что поберегутъ аппетитъ для третьей смѣны, при видѣ бѣлыхъ, какъ молоко, мозговъ перепелокъ и тоненькихъ язычковъ цаплей, не выдерживаютъ.

Развалившись на своихъ подушкахъ, пыхтя и покрываясь потомъ и только какъ бы нехотя прикасаясь губами къ кубкамъ, ждутъ гости представленія, о которомъ съ веселымъ лицомъ возвѣстилъ имъ префектъ дома.

Являются девять танцовщицъ—гадитанокъ съ распущенными волосами, въ легкихъ коротенькихъ костюмахъ, и подъ тактъ крусматы*) начинаютъ свой дикій танецъ. Вотъ онѣ приближаются къ гостямъ, простирая свои прекрасныя руки, и сейчасъ-же удаляются, изгибаясь всѣмъ тѣломъ; и танцуя на кончикахъ пальцевъ, со смѣхомъ опять подходятъ къ приведеннымъ въ восторгъ зрителямъ, пробуждая въ нихъ нескромныя желанія.

Долго продолжается этотъ дикій танецъ. Наконецъ Терція, самая живая и пылкая изъ всѣхъ, опускается на мягкое лежанье возлѣ Котты, другія слѣдуютъ ея примѣру...

Прежнее освѣщеніе смѣняется новымъ, лазурнымъ. При звукахъ музыки поднимается потолокъ залы, и на присутствующихъ падаетъ цѣлый цвѣточный дождь. Гости, вооруженные пальмовыми зубочистками и съ чистымъ полотномъ, перекинутымъ черезъ плечо, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ третьей и послѣдней смѣны, въ которой падаются: мясо дикаго кабана, домашняя свинина, гальскіе окорока, кролики и мыши.

Одѣтый въ зеленое охотничье платье, съ охотничьимъ копьемъ въ рукахъ, идетъ лѣсной сторожъ впереди носилокъ, обвѣшенныхъ со всѣхъ сторонъ зеленью и гнущихся подъ тяжестью огромнаго кабана. Послѣдній представленъ съ большимъ искуствомъ падающимъ отъ удара копья, обломокъ котораго у него торчитъ еще въ лѣвомъ боку; искуственная кровь, сдѣланная изъ меду и вина, течетъ у него изъ раны, падая на зеленую подстилку, изображающую лѣсную лужайку. Стеклянные глаза, горящіе при свѣтѣ лампъ, и сильные клыки животнаго придаютъ ему совершенно натуральный видъ. Острымъ ножомъ разрѣзываетъ кравчій мясо животнаго, и изъ его брюха выпадаютъ небольшія колбаски, сдѣланныя на подобіе кишокъ.

Восемь, сдѣланныхъ изъ тѣста, поросятъ украшаютъ блюдо. Каждому изъ гостей подносится одинъ изъ нихъ въ видѣ особенно дорогаго праздничнаго подарка.

*) Crusmatae—костаньетъ.

Откормленные кролики, кусочки окорока въ горчичномъ соусѣ и рагу изъ мышей составляютъ третью смѣну, къ которой гости приступаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Съ фригійскими шапочками и въ коротенькихъ, плотно облегающихъ тѣло, платьицахъ входятъ, по знаку Лукулла, двѣ десятилѣтнія сирійскія дѣвочки, — subligatae, какъ ихъ называютъ.

Весьма искусно укрѣпивъ на полу кинжалы остріями вверхъ такъ, что между ними едва можетъ уложиться ладонь, танцуютъ онѣ на рукахъ, головами внизъ, между этими острыми клинками, избѣгая всякаго неосторожнаго движенія, потому что оно легко можетъ причинить опасную рану и даже смерть. Присутствующіе, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за этой странной пляской, тотчасъ начинаютъ биться объ закладъ, держа сторону той или другой изъ дѣвочекъ. Большія суммы ставятся за ихъ головы, и все быстрѣе, все неистовѣе становится опасный танецъ. Лица дѣвочекъ покраснѣли отъ прилившей крови. Ихъ лбы почти уже касаются остріи кинжаловъ, но маленькія ручки искусно избѣгаютъ опаснаго прикосновенія.

Забывши о кабанахъ и окорокахъ, присутствующіе страстно слѣдятъ за дикой игрой.

Вдругъ слышится короткій болѣзненный крикъ, и Вереника, старшая изъ дѣвочекъ, измѣнившись въ лицѣ, падаетъ, перегнувшись всѣмъ тѣломъ, на кинжалы, острія которыхъ вонзаются ей въ грудь; кровь фонтаномъ брызжетъ во всѣ стороны, и два невольника выносятъ еще теплый трупъ несчастной дѣвушки. Между тѣмъ ея подруга быстро вскакиваетъ на ноги и среди всеобщихъ одобреній получаетъ въ подарокъ кубокъ, наполненный монетами.

Приносятся новыя амфоры фаустинскаго вина, охлажденнаго въ снѣгу, различныя лакомства, медъ и плоды: искусно сдѣланныя коробочки, напоминающія своимъ видомъ плоды и птицъ, наполненныя финиками, винными

ягодами и миндалемъ, поражаютъ разнообразіемъ формы и содержимаго. Столы заставлены напитками, между которыми преобладаютъ: ароматный oenantinum, amaricinum, metopium, susinum и regale-unguentum.

Со всѣхъ сторонъ поднимаются шумныя привѣтствія: съ лавровымъ вѣнковъ на сѣдой головѣ, появляется разсващикъ сказокъ. Занявши свое обычное мѣсто передъ гостями, онъ начинаетъ такъ:

Сказка.

Въ тѣ стародавнія времена, когда звѣри были одарены даромъ слова и одни властвовали на землѣ, на дальнемъ востокѣ у медвѣдей былъ царь, который, будучи подстрекаемъ жаждой славы, задумалъ войну противъ храбраго племени волковъ, жившаго на западъ отъ его царства. Ужасъ овладѣлъ волками, когда дошло до нихъ это извѣстіе. На капитоліѣ собрался сенатъ и рѣшилъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, снарядить для встрѣчи враговъ сильное войско. Со всѣхъ концовъ царства сбѣгаются волки на кровавый бой.

Имъ не доставало до сихъ поръ только искуснаго полководца, но и этотъ найденъ; это былъ рослый, представительный волкъ, украшенный всевозможными рыцарскими доблестями; хитрый, мужественный и опытный въ военномъ дѣлѣ, онъ былъ признанъ единственнымъ способнымъ стать во главѣ войска.

Но въ сенатѣ у него нашлось много завистниковъ и клеветниковъ. Изъ нихъ одни говорили, что онъ слишкомъ еще молодъ, другіе—что у него очень большія уши, что онъ всегда чѣмъ-нибудь недоволенъ и постоянно ворчитъ въ сенатѣ; третьи, наконецъ, высказывали опасеніе, что онъ легко можетъ злоупотребить довѣріемъ, которымъ пользуется и, имѣя въ своемъ распоряженіи такое сильное войско, легко можетъ захватить верховную власть въ государствѣ. Нѣкоторые обвиняли его даже въ томъ, что

онъ пріобрѣлъ себѣ вліяніе въ народѣ подкупами и подарками.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ полководецъ обратился къ одной волшебницѣ, которая жила въ пещерѣ на берегу моря, и просилъ у ней помощи и совѣта. Волшебница отнеслась къ нему очень благосклонно; подавая ему ядовитую траву, она сказала:

— Пригласи твоихъ враговъ къ себѣ на пиръ, подлей въ вино соку этого корня и тогда ступай съ миромъ! Полководецъ сдѣлалъ, какъ она ему велѣла, и всѣ его враги и завистники собрались къ нему на пиръ.

Послѣ третьей смѣны, когда гости выпили достаточное количество фалернскаго вина, смѣшаннаго съ сокомъ корня, всѣ они вдругъ превратились, по волѣ волшебницы, въ обезьянъ! Скаля зубы и строя смѣшныя рожи, попрыгали они съ своихъ мѣстъ и бросились въ триклиніумъ; тамъ полезли на столбы и портики, затѣмъ усѣлись на столы и скамейки, опустошили всѣ блюда и бокалы и перебили всю посуду.

Хозяинъ дома, изумленный такимъ превращеніемъ, приказалъ слугамъ этихъ звѣрей переловить, запереть въ клѣтки и держать ихъ тамъ до его пріѣзда; самъ-же немедленно отправился къ своему войску, скоро розыскалъ врага, ночью неожиданно напалъ на него, перебилъ почти всё непріятельское войско, захватилъ въ плѣнъ самого царя и въ тріумфальномъ шествіи привёзъ его съ толпою женщинъ, дѣтей и невольниковъ въ столицу волчьяго царства.

Народъ ликовалъ и предлагалъ храброму полководцу всевозможные подарки и почести. Но онъ отъ всего отказывался, довольствуясь завоеванной добычей, и остался тѣмъ, что былъ, т. е. вѣрнымъ и честнымъ гражданиномъ государства.

А обезьяны?

Онѣ такъ и остались обезьянами; на половину звѣри, на половину люди, онѣ вѣчно будутъ напоминать о справедливой карѣ, понесенной злобными завистниками.

Старикъ кончилъ свой разсказъ и, подобравъ дрожащею рукою монеты, которыя набросали ему со всѣхъ сторонъ, сопровождаемый мальчикомъ, вышелъ изъ залы.

Лукуллъ бросилъ острый, пытливый взглядъ на присутствующихъ и убѣдился, что ни однимъ изъ гостей не понялъ внутренній смыслъ сказки.

Сонные глаза, вялыя тѣлодвиженія и безсвязныя рѣчи ясно показывали, что гости утратили способность воспріятія, и желудокъ одинъ господствуетъ надъ организмомъ.

Они всѣ какъ-бы одеревенѣли, и такимъ образомъ слова сивиллы сбылись въ точности: Вакхъ побѣдилъ.

— Теперь въ пальмовую рощу! приказываетъ хозяинъ слугамъ. Сильные нумидійцы поднимаютъ гостей вмѣстѣ съ ихъ скамейками, ставятъ на приготовленные уже носилки, и пустѣетъ, еще недавно столь шумная, зала Аполлона.

Вакханаліи.

— Анцилла! ты, ночная сова! чего сидишь здѣсь въ кустахъ, да точно пьяная качаешь изъ стороны въ сторону своей лѣнивой головой! Не даромъ станетъ тебѣ Лукуллъ платить деньги. Сейчасъ иди танцовать, коли не хочешь отвѣдать моей плети!

Съ такими грубыми словами обращается мимоходомъ префектъ Лукуллова дома къ хорошенькой вакханкѣ; затѣмъ, подходитъ къ толпѣ слугъ, которые бѣгаютъ взадъ и впередъ по дорожкамъ сада, разнося блюда, кружки и амфоры; однимъ отдаетъ какое-нибудь приказаніе, другимъ дѣлаетъ выговоръ, понукаетъ усталыхъ музыкантовъ и плясуновъ, пробуетъ, проходя мимо, смѣсь вина, повертываетъ кранъ у фонтана.

— Тяжелая наша должность, бормочетъ онъ себѣ подъ носъ, утираетъ потъ, который ручьемъ течетъ у него со лба и щекъ, и бѣжитъ на встрѣчу гостямъ, мед-

леннно двигающимся въ своихъ носилкахъ и лектикахъ по дорожкамъ сада, по направленію къ пальмовой рощѣ облегчить тамъ желудку трудную работу пищеваренія.

За желѣзной рѣшеткой, освѣщенная лучами заходящаго солнца, лежитъ съ своими дѣтенышами мавританская львица и смотритъ на странную процессію господъ и невольниковъ, факельщиковъ и трубачей, которые, выйдя изъ залы Аполлона, неторопливымъ шагомъ проходятъ мимо звѣриныхъ клѣтокъ. Рычитъ пестрая гіена, привезенная сюда изъ далекой Ливійской пустыни. Въ безпокойствѣ снуются по своимъ клѣткамъ медвѣдь и рысь, обитатели холоднаго сѣвера; забываетъ тигръ о брошенныхъ ему костяхъ; сильные германскіе зубры, гальскіе бизоны и сарматскіе буйволы поднимаютъ уши и поводятъ ноздрями. Поднялись съ земли горбатые египетскіе верблюды, дикія британскія лошади, сигамбрскіе единороги и лани, каменные бараны изъ Ретійскихъ Альповъ, длинно-шерстныя андалузскія козы, робкія серны, антилопы и газели — всё оживилось при приближеніи хора музыкантовъ и плясуновъ, сопровождавшихъ процессію. Только чудовища Нила, крокодилъ и гиппопотамъ, попрежнему лежатъ неподвижно въ своемъ илѣ, равнодушные ко всему, что передъ ними происходитъ.

Если вы видѣли прежде знаменитую пальмовую рощу Лукулла днемъ, и удивлялись при видѣ этихъ цвѣточныхъ мозаикъ, обновляемыхъ каждодневно произведеніями жаркой Кампаніи, которую природа осыпаетъ своими дарами такъ щедро, какъ можетъ быть никакое другое мѣсто на земномъ шарѣ,—то увидавъ ее теперь, когда лучи вечерняго солнца, пронизая сквозь безчисленныя перепутавшіяся вѣтви деревьевъ, играютъ на ихъ зеленыхъ листьяхъ, на стебелькахъ и чашечкахъ цвѣтовъ, искрятся и переливаются въ самые прихотливые и разнообразные цвѣта,— вы остановитесь, оцѣпенѣвъ отъ восторга, при видѣ этой волшебной панорамы.

Къ чему здѣсь ковры и подушки, къ чему лектики

и мягкіе носилки здѣсь, гдѣ благоухающія лужайки поросшія борщевикомъ, болдырьяномъ и фіалками, представляютъ какъ-бы естественныя подушки, прихотливо разбросанныя щедрой рукою природы.

Къ чему здѣсь благовонныя эссенціи и курильницы! эти жасмины, гіацинты, нарцисы, розы и росмарины не суть-ли тѣ же склянки съ ароматами, которыми такъ богато обдѣляетъ здѣсь смертныхъ богиня Флора?

Да впрочемъ, что такое природа, лѣса и луга, цвѣты и травы, свѣтъ и вся поэзія жизни для этихъ отупѣлыхъ обжоръ? вялые, пресыщенные и какъ бы скованные тяжелыми цѣпями недавней оргіи, изъ залы пиршества они уже переносятся невольниками къ мѣсту новой попойки. А чтобы облегчить желудокъ и сдѣлать его способнымъ къ новой дѣятельности, гости искусственно возбуждаютъ рвоту посредствомъ щекотанья.

Теперь перемѣнилась не суть дѣла, а только сцена, мѣсто дѣйствія. Какъ прежде среди позолоченныхъ стѣнъ залы Аполлона, такъ и теперь въ пальмовой рощѣ разлеглись гости Лукулла на роскошныхъ подушкахъ, освѣщаемые огнями многочисленныхъ лампъ, спорящихъ въ силѣ свѣта съ яркими звѣздами южнаго неба.

Фонтаны и водопады бросаютъ искрящіяся струи въ каменные резервуары ксиста; исполинскія курильницы, какъ бы на зло наступающей темнотѣ, выбрасываютъ цѣлые снопы пламени. Вывозятся на придѣланныхъ колесикахъ массивные столы, уставленные серебрянными кубками, чашами, наполненными снѣгомъ и продолговатыми на богато украшенныхъ подставкахъ амфорами съ дорогимъ виномъ, полъ вѣка хранившимся въ наслѣдственныхъ погребахъ хозяина. Лакомства, столь же различныя по формѣ, внѣшнему виду и способу приготовленія, какъ различны страны, изъ которыхъ они привезены, подаются въ блюдахъ, чашкахъ и раковинахъ, какъ легкая и удобоваримая закуска къ вину, которое рѣкой льется по кубкамъ пирующихъ.

Погоня за наслажденіемъ, состязаніе, гдѣ наградой

служитъ вино и лакомства, арена для страстей и чувственныхъ удовольствій,—вотъ что такое миръ Лукулла. Не какія нибудь обыденныя пошлыя увеселенія устраиваетъ Лукуллъ для своихъ благородныхъ гостей; онъ не устраиваетъ боя гладіаторовъ или безнравственныхъ танцевъ, не заставляетъ какого-нибудь посредственнаго поэта читать свои не менѣе безнравственныя эротическія стихотворенія, такъ нравящіяся римской черни и небогатому среднему классу: у Лукулла въ его саду состязаются на призы въ быстротѣ бѣга страусы, цапли и аисты, огромныя змѣи вступаютъ въ борьбу съ неуклюжими гиппопотамами; на потѣху гостямъ у львицы отнимаютъ ея дѣтенышей и издѣваются надъ безсильнымъ гнѣвомъ матери; пантеры, рыси и вепри прыгаютъ черезъ узкія кольца, гордые жеребцы покорно становятся на колѣна, олени бѣгаютъ подъ сѣдломъ. Здѣсь природа какъ бы роднится съ противуестественнымъ. Характеръ и привычки дикихъ звѣрей являются здѣсь совершенно измѣнившимися. Ихъ воля какъ бы направлена на другой путь: смирныя и ручныя животныя здѣсь дики и кровожадны, а свирѣпые обитатели пустыни, напротивъ, являются тихими и смирными, какъ овцы.

Пара ручныхъ леопардовъ, запряженныхъ въ небольшую позолоченную колесницу, везутъ прекрасную молодую женщину въ пестрой звѣриной шкурѣ и съ вѣнкомъ изъ свѣжихъ листьевъ на головѣ; это вакханка, фантастическій нарядъ дѣлаетъ ее еще пышнѣе и прелестнѣе. Сатиръ, Силенъ и Панъ съ толпою танцовщицъ окружаютъ колесницу богини.

Гости шумно привѣтствуютъ ея появленіе и осыпаютъ ее льстивыми словами.

— Лагиска, царица субурбіума, нѣкогда первая красавица во всей столицѣ—а теперь содержательница увеселительнаго заведенія въ клоакахъ Баи.

Дико развѣваются ея черные вьющіеся локоны, выбиваясь изъ подъ вѣнка и, какъ блестящія змѣи, ниспадаютъ на ея бѣлый лобъ и плечи. Громче играетъ му-

зыка, шумнѣе становятся увеселенія пирующихъ; въ кустахъ и между деревьями мелькаютъ фигуры, повсюду видны быстрыя оживленныя движенія, и вотъ начинается общій круговой танецъ, такой же дикій и неистовый, какъ пляска адскихъ духовъ.

Танцуютъ хоры и граціи, пляшутъ жрицы Цибелы, вихремъ кружатся прекрасныя вакханки. Кажется, будто цѣлый сонмъ полубоговъ собрался въ рощѣ Лукулла. По знаку распорядителя празднества зажигаются новые факелы и свѣтильники и, представляется, будто каждое дерево, каждый кустикъ и листокъ издаетъ отъ себя свѣтъ подобно исполинскимъ, устроеннымъ самой природой канделябрамъ.

Невольники подаютъ сосуды со свѣжимъ виномъ; но уже не на плечахъ или въ рукахъ приносятъ ихъ они, а подвозятъ сюда въ тележкахъ, и не изъ бокаловъ пьютъ теперь гости, но изъ большихъ кружекъ и чашъ. Съ террасы струей льется вино въ чаши и пригоршни хорошенькихъ вакханокъ, и уже не танцуютъ, но какъ-то бѣшено кружатся онѣ теперь по гладко утоптанной площадкѣ.

Въ это самое время вдругъ падаетъ сброшенная съ подставки большая курильница, горящая смола льется изъ нея на головы танцующихъ и обливаетъ леопардовъ, которые, забытые всѣми, дремали въ травѣ. Опаленные звѣри вскакиваютъ на ноги и въ изступленіи отъ боли падаютъ снова, ложатся на спины и катаются по землѣ, тщетно стараясь погасить огонь, вскакиваютъ опять и въ слѣпой ярости бросаются на людей, которые съ крикомъ въ ужасѣ разбѣгаются во всѣ стороны.

Уже трое хористовъ, страшно истерзанные бѣшеными животными, лежатъ на землѣ безъ признаковъ жизни.

— Ха, ха, ха! усмѣхается высокомѣрный Метеллъ,— какъ прекрасно другъ Лукуллъ умѣетъ развлекать своихъ гостей! Даже звѣриную травлю, арену въ миніатюрѣ, это любопытнѣйшее изъ зрѣлищъ, устраиваетъ онъ се-

годня для насъ. Клянусь Вакхомъ и всѣми богами, что ни одинъ истый римлянинъ не устоитъ передъ такимъ соблазномъ! Вино и кровь! какъ родственны и близки вы другъ другу; до сихъ поръ мы наслаждались первымъ, а теперь насладимся и вторымъ. Онъ подходитъ къ стѣнѣ, гдѣ развѣшены трофеи, снимаетъ мечъ, обвиваетъ себѣ, какъ то было въ обычаѣ, плащемъ лѣвую руку и, смѣло спустившись съ террасы, подходитъ къ животнымъ. Гости слѣдятъ за каждымъ движеніемъ героя и шумно рукоплещутъ ему.

Приблизясь къ одному изъ леопардовъ, съ воемъ катавшемуся по землѣ, Метеллъ сильной рукою вонзаетъ ему въ грудь свой мечъ по самую рукоятку. Какъ вдругъ въ эту минуту у него за спиной раздается страшный, раздирающій душу крикъ. У зрителей кровь застыла въ жилахъ.

— На помощь, Метеллъ! скорѣе, скорѣе!

Но прежде чѣмъ, Метеллъ успѣлъ тронуться съ мѣста, вторая кошка, еще больше разъяренная краснымъ цвѣтомъ тимпана, бросается на стоявшую возлѣ своей колесницы царицу вакханокъ, та хочетъ спастись бѣгствомъ, но напрасно! цвѣточныя гирлянды, ковры и другія украшенія спутали ей ноги; животное въ одну минуту настигаетъ ее, и Лагиска съ растерзанной грудью падаетъ безъ дыханья на землю. Вслѣдъ за ней повалился леопардъ подъ ловкими ударами Метелла.

Среди этого всеобщаго смятенія, поставивши, какъ бестіарій, ногу на трупъ животнаго и гордо поднимая окровавленный мечъ, съ сіяющимъ лицомъ, выслушиваетъ Метеллъ поздравленія товарищей. А до несчастной дѣвушки, сдѣлавшейся жертвой этой ужасной сцены—какое ему дѣло? Про нея онъ и забылъ уже.

Распорядитель пира даетъ знакъ, и тотчасъ-же является цѣлая толпа невольниковъ съ метлами и водой убрать трупы и счистить слѣды кровавой сцены. Съ равнодушными и тупыми лицами, какъ будто бы дѣло было въ очисткѣ какого нибудь козьяго хлѣва, приступаютъ они къ своей работѣ.

Теперь они подошли къ несчастной вакханкѣ, чтобы безъ церемоніи оттащить за ноги прочь; но въ это время раздался голосъ господина:

— Лагиска моя! прочь вы, черномазая сволочь! нѣсколько лѣтъ тому назадъ ее, еще робкаго ребенка, я вывезъ въ свѣтъ: сегодня я хочу и проводить ее въ другую жизнь и съ такой пышностью и великолѣпіемъ, какъ будто бы она принадлежала къ моему роду. Пусть сейчасъ соберется погребальная процессія, и всѣхъ, кто есть въ моемъ домѣ, мущинъ и женщинъ, рабовъ и отпущенниковъ, точно также, какъ и моихъ благородныхъ— всѣхъ—приглашаю на похороны!

Цѣлая буря рукоплесканій поднялась въ отвѣтъ на слова Лукулла.

— Погребальная процессія вмѣсто забавы, поминки по усопшей вмѣсто ночного пиршенства и ужасы Аида среди веселой и шумной жизни! Ха, ха, ха! клянемся Плутономъ и всѣми подземными богами—это блестящая мысль; честь и слава той головѣ, въ которой она родилась!

— Такъ кричатъ гости, и тотчасъ при звукѣ роговъ и флейтъ начинается погребальная церемонія. Плутонъ, Либитина и всѣ важнѣйшіе изъ подземныхъ боговъ сейчасъ же явились на сцену. Поллинкторы и либитинаріи принялись за свое дѣло; принесены курильницы съ пурпуровой мукой и румянами, чтобы скрыть блѣдность умершей, вино, различныя благовонныя эссенціи и мази. Ни одинъ обычай не забытъ, чтобы придать дѣлу серьезный характеръ. Чело усопшей украшаетъ вѣнокъ изъ розъ, тѣло обвито тонкимъ бѣлымъ холстомъ, въ ногахъ свѣжія травы и листья. Прощаясь съ дѣвушкой, опьянѣлые гости со смѣхомъ цѣлуютъ ее въ губки, которыя и теперь у ней такъ обольстительно хороши. Ей осторожно закрываютъ глаза, уже холодные безжизненные глаза, которые еще недавно горѣли такимъ огнемъ и страстью. Нашлись и плакальщицы; ихъ жалобные вопли присоединяются къ пѣнію хора.

слѣдомъ бѣжитъ съ боку дороги, скрываясь въ кустахъ и вымоинахъ, завернетъ въ сторону въ лѣсъ, обогнетъ небольшой уголъ и опять пересѣчетъ дорогу, уйдетъ въ сторону и снова появится, какъ будто деревенская баловница заигрываетъ съ путникомъ. Проглянетъ въ сторонѣ озерко съ берегами, затянутыми иломъ, или болото, покрытое изрѣдка чахлыми соснами, плоское, ровное, съ зеленью похожею на плесень и потянется далеко, далеко.... а по сторонамъ хвойный лѣсъ высокой стѣной подымается къ небу. Все кругомъ безжизненно и монотонно, ни звѣря, ни птицы невидно, жужжатъ только слѣпни да комары назойливо лѣзутъ къ рожѣ. Однообразіе утомительное; иногда на десять верстъ идетъ одна и таже картина. Дорога—Сибирь; то идутъ по цѣлымъ верстамъ сплошные мосты изъ кругляшей, то по глинистому грунту глубокія колеи и выбоины съ добавкомъ пней, колодъ и крупныхъ камней. Съ приближеніемъ къ судоходной рѣкѣ лѣсъ начнетъ понижаться и рѣдѣть, болота станутъ уходить въ сторону и озера—прятаться, появятся пожейки и нивки, кое-гдѣ выглянетъ невзрачная коровенка или тощая лошадь, но дорога все хуже и хуже. Не дай Богъ забраться въ эту глушь, дорога замаетъ толчками, дремота одолѣетъ отъ однообразія и въ добавокъ изъѣдятъ комары и слѣпни. Только при большей нуждѣ можно рискнуть по этому пути.

Петръ Алексѣичъ Псалмовъ тянулся въ одноколкѣ по такой дорогѣ. Онъ возвращался домой изъ самой дальней деревни своего прихода, заброшенной совершенно въ сторону, отъ села верстъ на двадцать.

Псалмовъ уже проѣхалъ полпути; всѣ трудности, кривые, ненадежные мосты и большія топи миновали; осталось помаяться еще какихъ-нибудь четыре версты по колеямъ и выбоинамъ, а дальше предстояла гладкая, спокойная дорога.

Вдругъ раздался въ сторонѣ, въ лѣсу звонъ колокольчика.

— Слышишь Василій? спросилъ своего возницу Псалмовъ.

— Слышать-то слышу, батюшка, но, мнѣ кажется, что-то несовсѣмъ ладно.

Снова раздался звонъ колокольчика.

— Кто-нибудь ѣдетъ, замѣтилъ священникъ.

— Кому въ этой трущобѣ.

— Да вѣдь тутъ зимникъ идетъ?

— Зимникъ-то зимникъ, да только зимой и ѣзда, а лѣтомъ и не подумай.

Раздался снова звонъ колокольчика, и послышались человѣческіе голоса.

— Стой, Василій, можетъ быть помочь кому надо.

— Кому помочь? Заберется ли добрый человѣкъ въ такую трущобу.

— Пойдемъ,—посмотримъ.

— Ладно-ль будетъ?

— Чего ладно? Можетъ быть и завязъ кто въ болото.

— А туда ему и дорога, коли залѣзъ въ болото.

— Грѣшно, Василій; душа-то все христіанская; слышишь голоса человѣческіе раздаются.

— Кому же быть; тутъ никакого проѣзда нѣтъ. Охъ! батюшка, ладно ли будетъ?

— Ладно ли, не ладно ли, а пойти надо. Идемъ.

Псалмовъ слѣзъ съ одноколки и пошелъ въ лѣсъ, за нимъ нехотя поплелся и Василій. Только что они завернули за кусты, какъ увидѣли впереди завязшій въ лягѣ тарантасъ и двухъ людей у него.

— Богъ васъ послалъ, батюшка, привѣтствовалъ Бубновъ подошедшаго священника. Помогите Христа ради, вотъ ужъ три часа, какъ мы бьемся здѣсь, изъ силъ выбились.

— Какъ васъ сюда Господь занесъ?

— И не спрашивайте.

Принялись за дѣло, отпрягли лошадей и вытащили изъ топи; потомъ нарубили толстаго колья и насилу вы-

воротили тарантасъ. Добрались до дороги, гдѣ стояла однооколка.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ, батюшка, говорилъ Бубновъ, пожимая крѣпко руку священнику.— Еслибы не вы, мы пропали бы.

— Вы куда же теперь? спросилъ священникъ.

— Къ Алябьеву.

— Черезъ Глубочку?

— Ну, да.

— Въ тарантасѣ-то на тройкѣ?

— Вы же проѣхали?

— Мы въ таратайкѣ, и то едва пробрались. Вамъ до ночи и до Глубочки-то не добраться. Опять завязнете, кто васъ вытащитъ?

— Жизнь что ли надоѣла, баринъ, — замѣтилъ Василій.

— Хорошо тебѣ разсуждать, какъ у тебя никакого дѣла нѣтъ, огрызся на мужика Бубновъ.

— Положеніе-то мое безвыходное, мнѣ непремѣнно надо завтра быть у Алябьева, а время рѣшительно не достаетъ.

— Поѣдемте ко мнѣ въ село, переночуете, лошади отдохнутъ; а завтра, чѣмъ свѣтъ, вы отправитесь къ Алябьеву, да не черезъ Глубочку, а по дорогѣ.

— Такъ больше семидесяти верстъ будетъ! Когда же я попаду къ нему? Помилосердуйте, батюшка!

— Сократить пути вашего я не могу, а если вы здѣсь поѣдете, я не ручаюсь, что вы доѣдете и въ трое сутки.

— Развѣ невозможно проѣхать?

— На таратайкѣ можетъ быть еще проберетесь, и то развѣ къ вечеру пріѣдете къ Алябьеву.

— Вотъ и хлопоты объ общей пользѣ! Еще предсѣдатель управы въ десяти верстахъ живетъ, а проѣзду нигдѣ нѣтъ. Хорошо хозяйство! Такъ и не проѣхать мнѣ прямо къ Алябьеву?

— Конечно не проѣхать.

комъ будитъ ихъ хозяинъ дома и велитъ смолкнувшимъ музыкантамъ играть новыя мелодіи. Золото, соблазнительно разбросанное по столамъ, проигрышъ и одуряющій виноградный сокъ доводятъ гостей до безсознательнаго состоянія, и теперь дѣло легко можетъ дойти до общей свалки. Но хозяинъ нажимаетъ слегка пружину, едва замѣтную для посторонняго взгляда, и столъ вмѣстѣ со всей посудой, амфорами и гостями съ легкимъ трескомъ опускается внизъ, и въ комнатахъ водворяется прежняя ничѣмъ ненарушимая тишина.

Только одинъ человѣкъ остался въ залѣ. Это Лукуллъ; бодрый и веселый подходитъ онъ къ невольнику и беретъ у него изъ рукъ кубокъ:

— Въ честь тебя, сивилла! говоритъ онъ, и, осушивъ бокалъ, разбиваетъ его о мозаику. Затѣмъ, оставляетъ залу, и мерцая гаснутъ одна за другою лампы въ опустѣвшихъ покояхъ.

Прощаніе.

Вѣчная, ничѣмъ невозмутимая тишина царитъ подъ темными сводами знаменитой писцины Лукулла *). Кристаллы, своей формой похожіе на растенія и окаменѣлыхъ змѣй, висятъ длинными прядями со свода; на ихъ оконечностяхъ свѣтятся водяныя капли, которыя, падая въ озеро, производятъ на немъ едва замѣтные, медленно расходящіеся кружки. Свѣжая вода течетъ сюда изъ моря, черезъ каналъ, высѣченный въ скалѣ; а искусно устроенные шлюзы мѣшаютъ обитателямъ садка освободиться изъ плѣна. Частыя тропинки, переходы и мостики облегчаютъ, какъ многочисленнымъ сторожамъ исполнять ихъ трудныя обязанности, такъ и уходъ за рыбой, за которой ухаживаютъ здѣсь не меньше, чѣмъ за знаменитыми капитолійскими гусями.

До времени, когда кормятъ рыбу, еще долго, но одна-

*) Piscina mirabilis Лукулла сохранилась до сихъ поръ—поражаетъ своими необыкновенно большими размѣрами.

кожъ скрипитъ рѣшетка и рычаги у главнаго входа въ садокъ. Вооруженные съ ногъ до головы люди, сопровождаемые факельщиками, спускаются по каменнымъ лѣстницамъ водоема.

Взявши съ собой нѣсколькихъ вѣрныхъ спутниковъ, тихо ѣдетъ Лукуллъ въ небольшомъ челночкѣ по темной поверхности озера, направляясь къ шлюзамъ главнаго канала. Но вотъ застонали желѣзные засовы «водяныхъ воротъ», и челнокъ стрѣлою понесся къ открытому морю. Послѣдній благодарный взглядъ останавливаетъ Лукуллъ на Кимейскихъ скалахъ, бросаетъ съ руки въ воду свой перстень въ жертву богамъ, и направляется къ кораблямъ, которые должны доставить его къ войску.

А на прибрежномъ возвышеніи стоитъ его вѣрная, любящая жена, и смотритъ, не сводя своихъ мокрыхъ отъ слезъ глазъ, на корабль, который увозитъ ея супруга, машетъ руками и шлетъ привѣтствія, пока быстролетное судно не исчезаетъ вдали.

— Прости, мой милый! кричитъ она. Да помогутъ тебѣ всемогущіе боги счастливо окончить твое предпріятіе. Здѣсь на этомъ мѣстѣ, по цѣлымъ днямъ я буду ждать отъ тебя извѣстія, буду молиться и приносить жертвы, чтобы облегчить тебѣ побѣду надъ врагомъ отечества.

Съ тѣхъ поръ, каждый вечеръ въ одинъ и тотъ-же часъ она приходитъ на этотъ берегъ.

Въ девятый разъ уже погрузился Фебъ въ морскія волны, а на Мизенской скалѣ попрежнему бѣлѣется образъ женщины, неподвижно устремившей свой взоръ на востокъ.

Страшная бурная ночь, гремитъ громъ, блистаетъ молнія, высоко вздымаются надъ пучиной пѣнящіяся волны....

— О Зевсъ! пошли мнѣ знакъ, что мой мужъ побѣдитъ врага и вернется на родину здоровымъ и невредимымъ!

Согнанный бурей со своего гнѣзда на вершинѣ скалы, низко пролетаетъ мимо берега орелъ, описывая круги въ воздухѣ.

— Благодарю тебя, Зевсъ, за этотъ знакъ—залогъ моего будущаго счастья. Какъ орелъ возвратится онъ и взойдетъ на Капитолій, какъ побѣдитель и гроза своихъ враговъ—такъ восклицаетъ она, и прижавшись головою къ мокрой стѣнѣ скалы, не заботясь о бурѣ, ждетъ наступленія утра. Много разъ еще приходитъ на то мѣсто, гдѣ внялъ ей великій отецъ боговъ, и вотъ, наконецъ, прилѣтаютъ крылатые вѣстники Лукулла, голуби съ желанной вѣстью:

Митридатъ побѣжденъ!

— Ну, теперь въ Римъ.

* * *

Улицы Рима пусты. Жадная до зрѣлищъ толпа разбрелась по домамъ, потому что тріумфъ Лукулла уже кончился.

На полу атріума, возлѣ своего окровавленнаго меча, лежитъ Аврелій Котта. Мертвенная блѣдность покрываетъ его лицо; впалые глаза обращены къ двери. Поддерживая лѣвой рукой свое тѣло, правой—самоубійца старается остановить бьющую изъ раны кровь, чтобы отсрочить смерть на нѣсколько времени.

Въ эту минуту съ шумомъ поднимается занавѣска, и передъ нимъ стоитъ Ацилій Глабріонъ, его задушевный другъ.

Дрожащею рукою указываетъ Котта на улицу и слабымъ голосомъ говоритъ:

— Вспоминаешь-ли ты когда-нибудь, другъ, о Тускуланумѣ и о сказкѣ, которую разсказывалъ намъ старикъ? Царь медвѣжьяго царства, котораго въ цѣпяхъ вели въ тріумфальномъ шествіи черезъ волчью столицу—мнѣ кажется, никто иной, какъ Митридатъ, волкъ-побѣдитель—это Лукуллъ, а мы, другъ, мы обезьяны! Теперь я отправляюсь въ Аидъ, чтобы въ волнахъ Леты смыть нашъ позоръ.

Прощай, Ацилій, прощай!...

ЗЕМСКІЙ ЯРЫЖКА.

(Изъ записокъ земскаго дѣятеля).

Не все то золото, что блеститъ.
Поговорка.

I.

Едва потухала заря на западѣ, а на востокѣ занималась новая. Было это въ началѣ іюня, когда на сѣверѣ ночей почти не бываетъ. На откосѣ крутаго берега рѣки Воложбы появились два человѣка, одинъ пожилой, здоровый мущина, съ окладистой темнорусой бородой съ просѣдью, въ нанковомъ полукафтаньѣ и поярковой шляпѣ несъ ведро, за плечами у него болтался берестяный кошель; другой — молодой блондинъ въ сѣромъ пальто и клеенчатой фуражкѣ—несъ веревку, весла, сачекъ и полный горшокъ дождевыхъ червей.

Спускались они, молча, съ косогору, первый оглядывалъ небо, а другой преусердно зѣвалъ.

— Надо полагать, сегодня ловъ будетъ удачный, утро отличное, заговорилъ первый.

— А если опять туча налетитъ, какъ было въ субботу, отвѣтилъ второй.

— Не слѣдовало тогда ѣздить, съ вечера еще бѣлое облако на западѣ не предвѣщало ничего хорошаго да и утромъ ужъ вѣтерокъ заигрывалъ.

— Хорошую дало намъ трепку, я боялся, чтобы не опрокинуло лодку. А дождемъ то какъ насъ отхлопало!

— Охоту тѣшить—не бѣду творить.

Они подошли къ лодкѣ, наполовину вытащенной изъ воды на берегъ.

Лодка была *шитовка*. Осмѣливаюсь предполагать, что большинство читателей не имѣютъ понятія объ этой крѣпкой, легкой и удобной лодкѣ, а потому не лишнимъ будетъ коротенькое описаніе. Лодка шитовка строится изъ пяти сосновыхъ досокъ толщиною въ дюймъ; первая доска служитъ дномъ, къ ней кручеными еловыми кореньями откосомъ пришивается съ боковъ по доскѣ, къ этимъ доскамъ пришивается еще по доскѣ. Вотъ и вся техника. Лодки эти плотныя, легки на ходу и так крѣпки, что служатъ лѣтъ по двадцати.

Ловцы взяли вмѣсто якоря камень и пустились въ путь.

Это были мѣстный священникъ Псалмовъ и его родственникъ студентъ Слѣпневъ, послѣдній работалъ веслами, а священникъ правилъ.

— Мы опять тудаже? спросилъ Слѣпневъ.

— Конечно. Только въ этомъ мѣстѣ и ловится лещь, отвѣтилъ Псалмовъ.

— Который то часъ?

— Три четверти втораго, отвѣтилъ священникъ, посмотрѣвъ на часы.

— Греби ровнѣе, у тебя все правое весло забираетъ, замѣтилъ онъ товарищу.

— Правая рука дѣйствуетъ сильнѣе, я не лѣвша.

Ловцы миновали слободу и приближались къ мызѣ.

Густымъ лѣсомъ разрослись липы и дубье въ саду мызы, изъ за нихъ едва виднѣлась верхушка дома; мыза была раскинута на крутомъ высокомъ косогорѣ, стѣной стоявшемъ надъ рѣкой; берегъ весь былъ засыпанъ мелкими валунами, изъ воды же торчали огромные камни, и вода по всей рѣкѣ въ этомъ мѣстѣ шла вьюрами, что означало довольно значительный порогъ.

Какъ только поровнялась лодка съ мызой, Псалмовъ

сталъ осторожно спускать въ воду камень, привязанный на веревкѣ. Студентъ складывалъ весла и неосторожно стукнулъ ими.

— Стучать то нельзя, замѣтилъ Псалмовъ.

— А разговаривать можно?

— Хоть пѣсни пой, это не помѣшаетъ; рыба пугается стуку, особенно объ лодку.

Рѣка къ этомъ мѣстѣ была болѣе полуверсты ширины, а ловцы остановились по самой серединѣ. Они вынули изъ кошеля по парѣ *отпусковъ* и начали приготовляться къ ловлѣ.

Отпуски состоятъ изъ двухъ частей, стрѣлы и тетвы, стрѣла сучится изъ бѣлаго конскаго волоса, въ шесть или восемъ волосковъ, а длиною до пяти саженей; по ней привязываются на длинныхъ припятнышахъ крючки на разстояніи аршина одинъ отъ другаго, крючковъ навязываютъ отъ десяти до пятнадцати. Тетива сучится болѣе изъ чернаго конскаго волоса, въ десять и болѣе волосковъ, а длина ея дѣлается сообразно глубинѣ рѣки; тамъ, гдѣ стрѣла соединяется съ тетивой, прикрѣпляется къ ней грузиво—гладкій, свинцовый кубикъ въ четверть фунта вѣсомъ. Ближе къ грузиву крючки на стрѣлѣ падаютъ на дно рѣки, а крайніе поднимаются теченіемъ къ верху.

Студентъ справился раньше, онъ закурилъ папиросу и наблюдалъ за своими отпусками.

— Клюетъ, клюетъ! шепотомъ произнесъ Слѣпневъ и торопливо взялся за правый отпускъ.

— Не торопись. Либо ершъ схватилъ, либо окунь налетѣлъ, удержалъ его Псалмовъ.

— Сильно дергаетъ. Смотрите какъ трясетъ, и у васъ клюетъ.

— Должно быть ерши, замѣтилъ съ недовольной миной Псалмовъ. — Впрочемъ тащи. Слѣпневъ осторожно подбиралъ въ лодку тетиву.

— Сильно что-то дергаетъ и тянетъ. Не лещь ли?

Возьмите-ка сачекъ, заговорилъ Слѣпневъ, когда показалось грузиво.

— Ненадо, ершъ не сорвется, тяни смѣлѣе.

Дѣйствительно со стрѣлой показались ерши, почти на каждомъ крючкѣ и премелкіе.

— Дрянь дѣло, больше не забрасывай отпуски. Если показалась эта пакость, хорошей рыбы нѣтъ, она въ берегу. Вытаскивай, надо стать бережнѣе.

Переѣхали на новое мѣсто, ближе къ берегу.

— Здѣсь еще хуже. И ершей не слыхать, заговорилъ Слѣпневъ, когда они устроились на новомъ мѣстѣ.

— А ну ихъ негодныхъ, только хорошую рыбу отбиваютъ.

— Нешто закурить.

— Кури, но только не стучи. На твоемъ лѣвомъ отпускѣ клюетъ.

— Не замѣтно.

— Возьмись за тетиву.

— Въ самомъ дѣлѣ клюетъ, обрадовался Слѣпневъ,— Не потащить ли?

— Погоди.

— Дергаетъ то какъ сильно!

— Навѣрно не ерши, а что нибудь покрупнѣе.

— Я начну выбирать.

— Пожалуй. Только пожалуйста по осторожнѣе.

Слѣпневъ сталъ тщательно выбирать отпуски; чѣмъ подходило ближе грузиво, тѣмъ болѣе поводило отпуски, то ихъ утягивало въ глубину, то отводило въ сторону, то поднимало кверху.

— Лещъ, честное слово, лещъ! радостно восклицалъ Слѣпневъ.

— Сильно не натягивай, начнетъ поддергивать, отпускай тетиву свободнѣе, надо его замаять, чтобы подходилъ къ лодкѣ плашмя, совѣтовалъ Псалмовъ и съ приготовленнымъ сачкомъ слѣдилъ съ полнымъ вниманіемъ за движеніемъ отпусковъ.

Слѣпневъ подтянулъ стрѣлу, показался большой лещъ,

Псалмовъ намѣревался подхватить сачкомъ, но рыба всплеснулась и оторвала крючекъ.

— Э-эхъ, въ сердцахъ произнесъ Псалмовъ,— лещъ то какой!

— А вы чего зѣвали? отвѣчалъ Слѣпневъ, готовый броситься за лещомъ въ воду.

Священникъ только махнулъ рукой.

Двѣ большихъ плотицы болтались на крайнихъ крючкахъ отпусковъ, но это не утѣшало огорченнаго ловца, онъ торопливо навязывалъ крючекъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Малиновка пустила трель, яркая полоса свѣта озарила востокъ, верхушки отдаленнаго лѣса покрылись легкимъ розовымъ налетомъ, и на всемъ протяженіи рѣки, по зеркальной ея поверхности, отразилось пурпурное небо.

Студентъ засмотрѣлся на эту картину.

— Бери сачекъ, Алексѣй, позвалъ его Псалмовъ,

— Хорошо... пробормоталъ Слѣпневъ, неохотно отвлекаясь отъ пріятной картины.

— Хорошо! Леща то какого опустилъ! укорилъ Псалмовъ.

— А вы чего смотрѣли? впрочемъ поймаемъ лучше.

— Дожидайся, поймаешь! Къ чему было торопиться.

Занятые своимъ дѣломъ ловцы не замѣтили, какъ изъ саду мызы вышелъ молодой человѣкъ въ легкомъ лѣтнемъ нарядѣ, въ соломенной шляпѣ и, стоя на краю обрыва, любовался на раскинувшуюся предъ нимъ картину.

— Это что за явленіе? спросилъ Слѣпневъ, первый замѣтивъ присутствіе новаго лица на берегу.

— Что такое?

— Посмотрите на берегъ.

— Откуда онъ взялся? не безъ удивленія спросилъ Псалмовъ.

— Больше неоткуда, какъ съ мызы.

— Можетъ быть. Да никакъ это племянникъ Звѣревой. Когда же онъ пріѣхалъ? что то не было слышно.

— Откуда?

— Изъ заграницы......

— Клюетъ, клюетъ! прервалъ Слѣпневъ.

— Гдѣ?

— На лѣвомъ то отпускѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, фу, какъ забираетъ!

— Этотъ, пожалуй, побольше того, что опустили, замѣтилъ Слѣпневъ, осторожно вытряхивая изъ сачка въ лодку леща.

— Два было бы, если бы перваго не отпустили, отвѣтилъ добродушно Псалмовъ.

— Куда же онъ дѣвался?

— Кто?

— Вотъ тотъ, что на кряжу стоялъ.

— Ушелъ на мызу.

— Кто онъ такой?

— Должно быть племянникъ Звѣревой, Валерьянъ Павловичь. Отецъ его, родной братъ Звѣревой, былъ учителемъ въ Казани, жинился тамъ, жены мы не видали, всего года два она и побыла замужемъ, родила Валерьяна и умерла; отецъ его ребенкомъ привезъ къ сестрѣ, гдѣ онъ и росъ до девяти лѣтъ, потомъ отецъ отдалъ его въ гимназію; когда онъ кончилъ курсъ, умеръ и отецъ, а онъ поступилъ въ университетъ, и вотъ уже два года, какъ кончилъ курсъ.

— Что же онъ теперь?

— Магистръ политической экономіи.

— Вотъ что!

— Закусить не хочешь ли?

— Не мѣшаетъ.

Псалмовъ досталъ изъ кошеля по ломтю хлѣба и куску баранины.

— Чайку бы хорошо.

— Думалъ было взять самоваръ, да возни много, а при хорошемъ клевѣ некогда.

— Мы порядочно натаскали, семь лещей да съ десятокъ плотицъ.

— Перваго леща жалко, хорошій былъ.

— Перестанте вспоминать; было бы досадно, если бы ничего не поймали.

— Меня такое зло взяло, когда ты опустилъ, что я готовъ былъ поколотить тебя.

— Оба мы не правы, вы тоже сплошали.

— Клевъ былъ хорошій, ловцы то и дѣло потягивали лещей.

Псалмовъ посмотрѣлъ на часы.

— Десять часовъ, шабашъ, домой пора.

— Часокъ половимъ еще, не скоро дождемся такого хорошаго клева, уговаривалъ Слѣпневъ.

— До половины мѣсяца продолжится хорошій ловъ, выберемъ свободной денекъ и опять сюда съѣздимъ; теперь пора домой: дома дѣло есть.

Скоро ловцы справились, Слѣпневъ усердно началъ работать веслами, но лодка противъ теченія подвигалось тихо, и, когда изъ за колѣна ловцы повернули къ погосту, ихъ встрѣтили двое дѣтей, которыя въ перегонку бѣжали за лодкой по берегу и кричали:

— Папа! много ли рыбы наловили?

— Взять бы ихъ въ лодку, замѣтилъ Слѣпневъ.

— Боловать ненадо, а то всякій разъ будутъ проситься, когда поѣдешь на лодкѣ.

II.

Мыза Любитово не отличалась ни роскошью, ни затѣйливостью архитектуры. Господскій домъ, построенный изъ толстаго рудоваго лѣса, потемнѣлъ отъ времени; бурый мохъ мѣстами покрывалъ стѣны, и на кровлѣ росъ большими гнѣздами, стекла въ окнахъ отливали особеннымъ зеленоватымъ отливомъ съ блестками, неизбѣжный мезонинъ увѣнчивалъ верхъ, а вновь при-

дѣланное крыльцо свѣтилось яркимъ пятномъ и еще болѣе придавало мрачности дому. Службы домашнія современны были дому и такой же имѣли характеръ. Большой дворъ былъ чистъ, на немъ не валялось ни какого хлама, но травѣ рости представлена была полная свобода; доставалось только той, которая нахально лѣзла на тропинки, проложенныя къ людской, погребу и прочимъ хозяйственнымъ службамъ. Садъ, раскинувшійся на цѣлой десятинѣ, запущенъ былъ и скорѣе походилъ на лѣсъ, дорожекъ нѐ было, а вились только тропинки къ банѣ и къ рѣкѣ. Мыза казалась необитаемою, ни собакъ, ни ребятишекъ, необходимой принадлежности каждаго двора, не было видно. Во всемъ домѣ отворено было одно окно.

Вечерѣло; солнце почти садилось. Изъ людской вышелъ старикъ босый, безъ шапки, въ одномъ грубомъ бѣльѣ, медленнымъ шагомъ добрелъ до воротъ, чтобы затворить ихъ, остановился и остался неподвиженъ въ такомъ положеніи.

У раствореннаго окна въ домѣ противъ воротъ сидѣла Авдотья Семеновна Звѣрева, вязала чулокъ, спицы, быстро вращаемыя ея сухими пальцами, блестѣли на солнышкѣ. Звѣрева была немолода, но ее нельзя было назвать старухой; сѣдина сильно окрасила ея каштановые волосы, а на лицѣ не было морщинъ: оно было сухощаво и просто. По всему видно было, что и съ молоду она не была красива, а теперь она совсѣмъ одеревенѣла.

Звонъ колокольчика и пыль по дорогѣ привлекли ея вниманіе; осѣнивъ рукою глаза отъ солнца, она стала всматриваться.

— Кто это ѣдетъ? подумала она въ слухъ. А тройка ямскихъ лошадей быстро несла тарантасъ къ мызѣ, сѣдокъ былъ молодой человѣкъ, въ сѣромъ лѣтнемъ нарядѣ и въ соломенной шляпѣ.

— Господи! Да вѣдь это Валерьянъ! вскрикнула Звѣрева и поспѣшила встрѣтить дорогаго гостя.

— Марфа, Пелагея, Марья.... второпяхъ Звѣрева сзывала прислугу.

Тарантасъ подкатилъ къ крыльцу, и молодой человѣкъ былъ въ объятьяхъ Звѣревой.

На дворѣ поднялась суматоха, изъ людской высыпало все населеніе, отъ кухни къ дому неслись въ перегонку три женщины; кучеръ и работники уже были у тарантаса и ребятишки тудаже присунулись, одинъ по бойчѣе успѣлъ уже забраться на задокъ тарантаса; ласковая рука матери, схвативъ его за вихры, призвала къ порядку, раздался вопль, но затрещина по затылку съ приговоромъ «молчи пострѣленокъ», возстановила тишину; все на дворѣ пришло въ движеніе, одинъ только старикъ стоялъ неподвижно, все держась за туже половинку, онъ точно замеръ на мѣстѣ.

Господа уже были въ комнатѣ. Звѣрева еще разъ обняла своего племянника.

— Вотъ нежданный гость, говорила, задыхаясь отъ волненія, Звѣрева.

— Я собрался домой вдругъ. Ѣздилъ, ѣздилъ.... надоѣло. Въ Вѣнѣ одолѣла тоска, я и отправился на желѣзную дорогу; письмо отослать было поздно, а телеграмма дошла бы послѣ моего пріѣзда.

— Садись, мой дорогой.

— Отпустить надо ямщика. Тамъ еще чемоданъ.

— Не безпокойся: все будетъ сдѣлано. Звѣрева вышла.

Валерьянъ оглядѣлъ комнату. Минутное возбужденіе радости исчезло, а внутренній голосъ заговорилъ: «зачѣмъ ты такъ торопился въ эту трущобу?»

Весь передній уголъ въ комнатѣ былъ убранъ образами, передъ ними теплилась лампада, въ углу на столикѣ лежали библія и евангеліе, у окна стояло спокойное ясневое кресло, ситцевая подушка почти была придавлена, видно было, что это любимое мѣсто хозяйки; у стѣны вытянулся диванъ краснаго дерева съ волосяной подушкой, передъ нимъ уродливый овальный столъ, дальше громоздится массивный туалетъ съ поблекшимъ зеркаломъ, за нимъ громадный комодъ, на окнахъ герани

и олеандры. Вся обстановка была аляповата и безвкусна, отзывалась стариной и указывала на безъисходность деревенской жизни.

Вернулась Звѣрева, а за ней внесли волтеровское кресло.

— Садись-ка противъ меня, дай налюбоваться; шутка ли, два года невидались.

— Налюбуетесь, я все лѣто пробуду у васъ.

— А потомъ?

— Потомъ... что Богъ дастъ.

— Мой дорогой! Какъ меня обрадовалъ. Думала, что тебя совсѣмъ не увижу. Тамъ, гдѣ ты былъ, говорятъ, такъ хорошо, что многіе не возвращаются.

— Вездѣ со всячиной, добрая тетушка, впрочемъ я никогда не думалъ оставаться за границей.

Подали чай. Густые сливки, свѣжее масло и превосходный бѣлый хлѣбъ произвели пріятное впечатленіе на Валерьяна. «Сытая сторонка,» подумалъ онъ.

— Не ждала такого дорогаго гостя, говорила Звѣрева, приготовляя чай,—не знаю, что и подать къ ужину. На этотъ разъ извини, попрошу, чѣмъ Богъ послалъ, а завтра постараемся приготовить получше.

— Зачѣмъ ужинъ? Довольно и этого.

— Что ты! какъ можно съ дороги голодному спать ложиться. Дарья найдетъ намъ что нибудь закусить. Вина нѣтъ, извини, а наливкой поподчую.

— А вы по прежнему все живете затворницей.

— Никого у меня не бываетъ, кромѣ батюшки.

Легкая ироническая улыбка сложилась на минуту на губахъ Валерьяна, ему вспомнились заграничные патеры. «И здѣсь тоже, неизбѣжно попъ и старая барыня вмѣстѣ», подумалось ему, и онъ зѣвнулъ.

— Ты отдохнуть хочешь съ дороги, а Дарья тамъ закопалась и глазъ не кажетъ, засуетилась Звѣрева.

— Спать я не хочу; мы еще посидимъ, я вотъ покурю.

— Въ дорогѣ плохое спанье, ты, я думаю, не выспался.

— Выспался я въ городѣ, пріѣхалъ ночью, завалился въ гостинницѣ спать, проспалъ до полудня, потомъ взялъ почтовыхъ и покатилъ домой.

— Такъ ни къ кому и не зашелъ.

— Къ кому же?

— Хоть бы къ Ивану Ивановичу Жмотову. Добрѣйшій человѣкъ, а тебя то какъ любитъ.

— Не догадался. Впрочемъ можно и нарочно съѣздить.

— Пожалуй не соберешься, вѣдь не близко.

— Мнѣ не такъ далеко показалось; я замѣтилъ перемѣну къ лучшему, дорога сносная, мосты надежные.

— Земство все устраиваетъ, только тянетъ съ насъ много.

— Вы, кажется, нерасположены къ земству.

— Никого я ихъ не знаю; расходовъ очень много, до трехсотъ рублей наберется.

— Вы развѣ не слѣдите за распоряженіями земства, оно вѣдь все публикуетъ.

— Говорилъ батюшка, что присланы какіе то журналы, книга большая, можно взять почитать, если тебѣ любопытно.

Подали ужинъ. Гуся маринованнаго, жирнаго жареннаго каплуна и творогъ со сливками.

— Извини, что такая бѣдная закуска, не ждала дорогаго гостя.

— Заграницей такой закуской похвастался бы и богачъ.

— Что ты? тамъ, говорятъ, такая утонченность.

— Черезчуръ ужъ тонко, добрая тетушка, соусовъ замысловатыхъ, приправъ разныхъ много, а существеннаго мало. Такую штуку тамъ не скоро найдешь. Валерьянъ взялъ кусокъ каплуна и выпилъ рюмку наливки.

— Наливка очень хороша, мнѣ нравится лучше вина.

— Пей на здоровье.

Часы пробили двѣнадцать. Валерьяну надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ, онъ приподнялся съ креселъ.

— Пора тебѣ отдохнуть, заговорила Звѣрева,—на этотъ разъ приготовлена тебѣ постель въ гостиной, а завтра устрою тебѣ въ мезонинѣ.

— Мнѣ спать не хочется.

— Отдохнуть съ дороги непремѣнно надо, убѣждала тетка и повела племянника въ гостиную.

Валерьянъ не послѣдовалъ совѣтамъ тетки, а закурилъ сигару и заходилъ по комнатѣ.

— Что же это такое? думалъ Валерьянъ,—я дома, куда такъ нетерпѣливо стремился въ надеждѣ выспаться по русски, какъ здѣсь спятъ обыкновенно, а сна нѣтъ. Какая то безтолковая жажда дѣятельности и тревожное чувство безпокоятъ, а дѣлать совершенно нечего. Это не радость, скорѣе безцѣльная суетливость. Чего мнѣ безпокоиться! все нашелъ по прежнему, перемѣны никакой, заботы еще меньше; дѣла за мной не стоитъ, а вотъ такъ и подмываетъ. Фу, какъ скверно!

Онъ отворилъ двери въ садъ, свѣжей прохладой пахнуло ему въ лицо. Звѣревъ спустился съ крыльца и пошелъ бродить по заглохшимъ алеямъ. Сумракъ въ саду нисколько не успокоивалъ его, онъ выбрался на берегъ, когда появился на востокѣ первый свѣтъ, предвѣстникъ восходящаго солнца. Картина эта привлекла его вниманіе и возбудила пріятныя воспоминанія его путешествія за границей. Онъ остановился на верху обрыва и задумался. Легкій плескъ на рѣкѣ привлекъ его вниманіе; лодка съ неподвижными фигурами не понравилась ему

— Поразиты, пропустилъ сквозь зубы Звѣревъ, спустился съ кручи на берегъ и побрелъ медленно на рель, за мызу. На рели трава была въ полномъ цвѣту, сильный ароматъ пропитывалъ воздухъ; Звѣревъ бросилъ сигару и упивался этимъ ароматомъ и шелъ медленно, шагъ за шагомъ. Дремота стала одолѣвать Звѣрева, онъ вернулся домой и очень радъ былъ, что добрался до постели.

Былъ двѣнадцатый часъ утра, тетка нѣсколько разъ подходила на цыпочкахъ къ двери гостиной послушать, не проснулся ли племянникъ; а тотъ такъ крѣпко спалъ, что по временамъ всхрапывалъ.

Чай, кофе и завтракъ ждали въ столовой; въ кухнѣ шла стряпня, досталось и бѣдному савраскѣ: кучеръ верхомъ за семь верстъ сгонялъ къ сосѣду за бутылкой портвейна.

Къ полдню проснулся Валерьянъ и едва успѣлъ облечься въ халатъ и туфли, какъ Марья и Марфа явились со всевозможными услугами, а тетка приглашала къ чаю.

— Хорошо ли спалъ! спросила тетка послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Отлично. Вы давно встали?

Валерьянъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, вчерашняго волненія и слѣдовъ не было видно.

— Какъ всегда, въ шесть часовъ.

— И чаю не пили?!

— Тебя дожидала.

— Напрасно. Рано вставать я не охотникъ, а если вы будете ожидать меня къ чаю, то заставите вставать вмѣстѣ съ вами.

— Это только сегодня. Мы будемъ такъ жить, чтобы не стѣснять другъ друга.

— Согласенъ, но съ уговоромъ, чтобы вы не затѣвали для меня ничего лишняго и не измѣняли своего обыкновеннаго порядка жизни.

— Лишняго я ничего не затѣваю.

— А это? Валерьянъ указалъ на вино.

— Пустяки. Какъ же безъ вина?

— Добрая моя тетушка, два года разлуки не измѣнили меня, не сдѣлали меня большимъ бариномъ. Я тотъ же Валерьянъ, какой былъ студентомъ. Будемте жить по старому, какъ бывало прежде, когда вы кормили меня вкусными щами, масляной кашей, а вмѣсто вина поили молокомъ.

У Звѣревой навернулись слезы.

— Другъ мой, заговорила она, — то было время, а теперь другое. Тогда ты былъ студентъ, а теперь самъ хозяинъ и баринъ и еще не какой-нибудь баринъ, а настоящій. И по своему состоянію и по образованію ты во многомъ превосходишь своихъ сосѣдей.

— Полно, полно, добрая тетушка,—говорилъ, обнимая ее Валерьянъ,—въ вашихъ глазахъ, конечно, я лучше всѣхъ, это очень естественно; я единственный человѣкъ, на которомъ сосредоточена вся ваша любовь. А каковъ я баринъ, должны показать послѣдствія.

— Какія тамъ послѣдствія, дѣло говоритъ само за себя. Вѣдь ты магистръ. Такихъ ученыхъ во всей губерніи нѣтъ.

Валерьянъ только на это улыбнулся.

— Мнѣ бы вотъ чего хотѣлось, заговорила нерѣшительно Звѣрева,—если бы ты принялъ отъ меня хозяйство.

— Этого только и не доставало, прервалъ племянникъ. — Знаете ли вы, что если сдадите хозяйство, такъ черезъ недѣлю сляжете въ постель.

— Нѣтъ. Мнѣ пора отдохнуть, заняться спасеніемъ души, подумать о смерти.

— Все это въ вашемъ распоряженіи: церковь близко, священникъ постоянно васъ посѣщаетъ, дома молиться никто не мѣшаетъ; а умирать еще рано.

— Для чего же мнѣ жить-то?

— Для васъ не кончились еще всѣ радости; вотъ я женюсь, будутъ у васъ внуки; какъ весело-то нянчиться и баловать ихъ бабушкѣ.

Тетушка встрепенулась.

— Я тебѣ хорошую невѣсту высватаю.

— Ну, не такъ скоро....

Валерьянъ заглянулъ въ окно и захохоталъ.

— Посмотрите, какая къ намъ ѣдетъ кавалькада!

Старикъ, затворявшій вечеромъ ворота, въ томъ же

нарядѣ тащилъ на дворъ за холку лошадь, съ которою было связано шесть лошадей за хвосты.

— Опять потрава, произнесла тетушка.

— Гдѣ ты, Ефимъ, взялъ ихъ? спросила она въ окно старика.

— Опять же въ еровомъ. Вотъ эта проклятая, — при этомъ Ефимъ своей босой ногой ткнулъ въ брюхо лошадь, — учнетъ чесаться объ изгородь да и навалится, а изгородь-то и хрясть, такъ все прясло и завалитъ, а онѣ за ней всѣмъ табуномъ въ поле. Половину полосы лоскомъ положили.

— Запри въ сарай, распорядилась Звѣрева.

— Что же потомъ будетъ? спросилъ Валерьянъ.

— Придутъ мужики, побраню, постращаю и отпущу. Дадутъ покою на недѣлю, потомъ снова таже исторія, такъ и возишься съ ними, пока не уберутъ хлѣбъ.

— Мировой судья есть?

— Какъ же, Ардаліонъ Ивановичъ.

— Это идіотъ-то, перебилъ племянникъ.

— Простой человѣкъ, но зато добрый. Всѣ имъ довольны. Дѣла у него рѣшаются все миромъ; уговоритъ, усовѣститъ и помиритъ. Недавно пришли къ нему судиться два мужика; одинъ требовалъ съ другаго долгу двадцать рублей, а должникъ сталъ отпираться: у неграмотныхъ мужиковъ росписокъ нѣтъ. «Ты долженъ?», — спросилъ должника судья. «Не долженъ, ваше благородіе.—«Если не сознаешься, то встань вотъ тутъ на колѣни и я не отпущу тебя, пока не сознаешься». Мужикъ всталъ на колѣни около стола судьи, постоялъ полчаса и сознался, что долженъ.

— Соломонъ! замѣтилъ плѣмянникъ. Вы бы ему подали жалобу на потраву.

— И пробовать нечего. Послать со старостой,—помирить, самой пойти—онъ изъ уваженія, можетъ быть и накажетъ мужиковъ, да судиться-то съ ними послѣднее дѣло. — Съ этимъ словомъ Звѣрева ушла распоряжаться по хозяйству.

— Все идетъ хорошо да гладко, подумалъ Валерьянъ, заберутся лошади въ поле, вытравятъ, ихъ выгонятъ, не весь же овесъ съѣдятъ, что-нибудь останется и хозяину. Попробовали бы у нѣмцевъ!... А мировой? На то онъ и мировой, чтобы мирить. Онъ вышелъ на крыльцо, въ глаза ему попался кучеръ.

— Живъ сѣрый жеребенокъ? спросилъ кучера Валерьянъ.

— Какой жеребенокъ! весь жеребецъ, да еще такой статный и красивый, что залюбуешься! отвѣчалъ кучеръ.

— Приведи его сюда.

Сильный кучеръ, Никита, едва сдерживалъ статнаго сѣраго коня, когда подводилъ къ крыльцу.

Валерьянъ подошелъ къ лошади, погладилъ, потрепалъ коня по шеѣ и спросилъ кучера:

— Верхомъ можно ѣздить, не задуритъ?

— Смирная лошадь, умница, отвѣчалъ кучеръ.

— Сѣдло цѣло?

— Цѣлехонько, Лаверьанъ Павловичъ, и что ему сдѣлается! Съ той поры, какъ ваша милость, изволили уѣхать, оно тамъ въ сараѣ, въ углу и виситъ, никто и недотрогивался.

— Принеси посмотрѣть.

— Будьте благонадежны, совсѣмъ готово, хоть сейчасъ сѣдлай, произнесъ благодушно Никита.

— Все посмотрѣть не мѣшаетъ, принеси-ка.

Никита вернулся съ сѣдломъ, совсѣмъ сконфуженный.

— Никакъ мыши проклятыя сѣдло потравили, ваша милость.

— Не мыши, а моль. Видишъ черви на немъ. Если бы ты почаще его чистилъ, оно было бы цѣло.

— Не въ домекъ, ваша милость, и кто его зналъ, что такая моль водится,—отвѣчалъ, почесываясь, Никита, прибрано было, кажется, повѣшено въ уголъ. И что съ нимъ сталось! И откуда взялась эта моль проклятая.

— Надо поправить.

— Видишь, каково женское дѣло въ хозяйствѣ, за-

мѣтила тетка Велерьяну, которая изъ окна слышала весь разговоръ его съ кучеромъ.

— Это отъ того, что вы верхомъ не ѣздите, а хозяйство вы все таки лучше моего умѣете вести.

III.

Звонъ колокола призывалъ православный народъ къ обѣднѣ. Звѣрева, одѣтая по праздничному, не разъ посылала на мезонинъ справиться не проснулся ли Валерьянъ, ей хотѣлось вмѣстѣ съ племянникомъ сходить въ церковь помолиться и отслужить молебенъ; а племянникъ спалъ по своему обыкновенію.

Вотъ и звонъ затихъ и оттрезвонили, а Валерьянъ все не вставалъ и Звѣрева отправилась одна въ церковь. Изъ церкви Звѣрева пришла въ сопровожденіи Слѣпнева; она думала пріобрѣсти товарища племяннику, чтобы ему одному не было скучно. Но племянникъ исчезъ, уѣхалъ кататься верхомъ на сѣромъ.

Слѣпневъ былъ сконфуженъ; магистръ политической экономіи представлялся ему какимъ то великимъ существомъ, авторитетомъ науки, а потому, не смотря на свою словоохотливость, сообщительность и живость характера, онъ все жался и хмурился.

Запахъ жирнаго пирога съ сигомъ пріятно щекоталъ носъ, изъ столовой доносился звукъ посуды, прислуга суетилась. Звѣрева ушла переодѣться, а Слѣпневъ остался одинъ въ гостиной. Въ это время прискакалъ Валерьянъ и быстро вошелъ въ гостиную. Слѣпневъ совершенно растерялся, онъ стоялъ молча и потупивъ глаза. Валерьянъ тоже остановился по срединѣ; онъ надѣялся найти тетку, а встрѣтился съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ. Онъ не зналъ, кто этотъ незнакомецъ, проситель ли, гость ли или случайно забредшій человѣкъ въ домъ и потому недоумѣвалъ, какъ къ нему отнестись.

Только приходъ Звѣревой вывелъ ихъ изъ непріятнаго положенія, она ихъ познакомила и пригласила завтракать.

За завтракомъ разговоръ не вязался, молодые люди все еще находились подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ встрѣчи, а Звѣрева была огорчена, что ей не удалось помолиться вмѣстѣ съ племянникомъ.

Послѣ завтрака молодые люди вышли на берегъ.

— Въ этомъ мѣстѣ отлично ловится рыба, заговорилъ Слѣпневъ, указывая на порогъ. Мы недавно удили здѣсь съ отцомъ Петромъ и порядочно наловили. Когда хорошо клюетъ, удить весело.

— Я не могу судить объ этомъ, никогда мнѣ не приводилось испытывать такого удовольствія. Хоть я выросъ здѣсь надъ рѣкой, но тетушка не подпускала меня и близко къ берегу. Дѣтство провелъ я одиноко, товарищей не было, а надзоръ былъ строгій.

— Безъ товарищей дѣтство не радость, но и безъ присмотру рыскать съ ребятишками опасно, вотъ какъ я росъ. Я удивляюсь, какъ остался живъ и цѣлъ! Со мною много случалось самыхъ опасныхъ происшествій, и все проходило благополучно. Село, гдѣ я выросъ, было расположено при большомъ озерѣ; отправимся бывало гурьбой ловить въ немъ щукъ; бродишь въ водѣ до тѣхъ поръ, пока лихорадка начнетъ колотить, прибѣжишь домой, заберешься на печку отогрѣваться, а на другой день опять за тоже. Разъ погнался я за щукой, запнулся за колоду, разбилъ въ кровь колѣно и нырнулъ въ яму, товарищи всѣ ударились въ разсыпную. Хорошо, что близко косилъ пономарь, онъ меня вытащилъ и на рукахъ принесъ домой.

— Порядкомъ таки вамъ доставалось.

— Ровно ничего. Родители благодушно смотрѣли на это, какъ на обыкновенное явленіе, на другой день я съ завязаннымъ колѣномъ снова болтался въ озерѣ. Быстро измѣнился взглядъ на воспитаніе дѣтей въ наше время; не много еще лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ

мальчишкой, а теперь и крестьянскихъ иначе ребятъ ведутъ.

— Давно пора приняться за разумное ученье въ народныхъ школахъ.

IV.

Въ небольшой тележкѣ сивая лошадка бойко везла Псалмова съ Слѣпневымъ по гладкой, проселочной дорогѣ, извивавшейся по берегу Воложбы. Псалмовъ правилъ, а товарищъ его сидѣлъ молча. Дорогу постоянно прерывали глубокія лощины, гдѣ протекали ручьи, впадающіе въ рѣку; тележка то исчезала въ лощинѣ, то появлялась на вершинѣ бугра, откуда рѣка была видна на далекое пространство.

По берегамъ тянулся лѣсъ и мѣстами, казалось, онъ жалъ дорогу къ рѣкѣ, такъ онъ близокъ былъ къ берегу; впереди онъ густой стѣной совершенно загораживалъ дорогу, но рѣка круто брала въ сторону, а съ нею и дорога. Кончился лѣсъ, рѣка потекла по обширной полянѣ, по обоимъ берегамъ, на возвышенностяхъ, какъ орлинныя гнѣзда, разсѣлись усадьбы, а вдали бѣлѣлось каменное зданіе, окутанное зеленью.

— Посмотри, какая красивая мѣстность, обратился Псалмовъ къ спутнику.

— Да, красиво, отвѣтилъ разсѣянно Слѣпневъ.

— Видишь вдали бѣлый домъ. Это то и есть усадьба Воложбина.

— Неужели онъ ничего не говорилъ, зачѣмъ я нуженъ, спросилъ Слѣпневъ.

— Рѣшительно ничего. Онъ попалъ встрѣчу, когда я возвращался домой изъ Верстея; ѣхали они верхами, дочь только поклонилась, а онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ тобой чай пить. Только бы поспѣть. Онъ махнулъ на лошадь вожжями и лошадка крупной рысью понеслась по ровной дорогѣ.

Они по пути миновали нѣсколько усадебъ, гдѣ ихъ злооблаяли собаки и наконецъ поравнялись съ помѣстьемъ Воложбина. На противоположномъ берегу, на самой вершинѣ холма красовался большой каменный двухъэтажный домъ, украшенный по угламъ башенками. Широкая терраса была убрана цвѣтами, широкое крыльцо вело съ террасы въ садъ, но за густою листвою сада больше ничего не было видно.

— Кажется близко, вотъ хоть рукой подай, а еще версты три надо ѣхать, сказалъ Псалмовъ.

Миновавъ мызу, путники пріѣхали въ деревню, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣку. Изъ толстыхъ бревенъ сколоченный плотъ неблизко подходилъ къ берегу, надо было имѣть привычную лошадь, чтобы изъ воды взобраться на плотъ. Два мужика съ длинными шестами переправили путниковъ на другой берегъ, гдѣ пришлось спускаться съ плота такъ-же, какъ въѣзжали.

Наконецъ путники стали приближаться къ мѣсту своихъ стремленій. За версту отъ усадьбы глинистая дорога, обсаженная двойнымъ рядомъ старыхъ березъ и изрытая глубокими колеями, была крайне неудобна для маленькой тележки; ѣхать надо было шагомъ, чтобы не поломать осей или не опрокинуться.

У самой усадьбы дорога раздваивалась. Алея упиралась въ подъѣздъ дома, а крутой поворотъ велъ на черный дворъ. Послѣдній путь былъ избранъ ѣхавшими, они остановились у покривившагося сарая, лошадь сдали работнику, а сами направились къ барскому дому черезъ дворъ.

На сколько усадьба была красива съ главнаго фасада, на столько она была безобразна съ этой стороны. Большой четыреугольникъ, обстроенный со всѣхъ сторонъ службами, имѣлъ самый плачевный видъ; кровли зданій, по большей части соломенныя, были взъерошены и растрепаны, стекла въ окнахъ побиты и замѣнены бумагой, стѣны искривившіяся, домъ, съ этой стороны не бѣленый, выглядывалъ фабрикой, по двору разбросаны были

— Вотъ въ этомъ-то случаѣ, вы, какъ человѣкъ торговый и опытный, всегда бы могли дать хорошій совѣтъ.

— Чужими деньгами распоряжаться, баринъ, только одинъ грѣхъ. Полно, объ этомъ толковать, это не наше дѣло. Ты, я думалъ, на счетъ дачи пріѣхалъ.

— Объ дачѣ-то надо поговорить послѣ, больно дешево даешь.

— И то ладно. Правду сказать, меня совѣсть мучила, больно много я надавалъ.

— Побойся Бога, Митрофанъ Ильичъ! Дача-то десять тысячъ стоитъ. Нужда только заставляетъ отдать тебѣ за три.

— Я силой не беру; любо — отдавай, не любо — бери дороже съ другаго.

— Скажите по совѣсти, Митрофанъ Ильичъ, если бы эта дача была ваша, — продали бы вы ее за три тысячи.

— Смотря по нуждѣ. Прижало бы и за тысячу отдалъ бы.

— Побойтесь Бога, Митрофанъ Ильичъ! Вы ее даромъ берете. Сколько товару въ ней будетъ.

— Товару много, говорить надо правду. Расчета-то нашего вы не знаете. Три тысячи я разомъ отдамъ, а ворочать-то я буду три года. Капиталъ раньше убью на уплату, на обработку, а получка-то черезъ три года, и, Богъ ее знаетъ, еще какова. Расчетъ-то вотъ какой выходитъ.

— Приходится, кажется, по рукамъ ударить.

— Какъ вамъ угодно. Подождите, можетъ кто и дороже дастъ.

— Да ну ладно, молись Богу. Только вотъ что, Митрофанъ Ильичъ, сегодня тысячу задатку дай, деньги до зарѣзу нужны.

— Тяжело для меня, Егоръ Мартьянычъ.

— Помолимся Богу, да перо съ бумагой на столъ, я и запродажную напишу.

— Мой управляющій обѣщаетъ хорошій урожай, не было бы только раннихъ морозовъ, замѣтилъ хозяинъ.

— Не полагаюсь на опытность вашего управляющаго, онъ отставной военный.

— Очень способный человѣкъ. Какое не поручи дѣло, исполнитъ со всею аккуратностью и точностью; съ тѣхъ поръ, какъ смѣненъ бурмистръ, я нахожу, что хозяйство идетъ гораздо лучше.

— Гдѣ же ему было научиться сельскому хозяйству? Онъ изъ кантонистовъ, кажется.

— И еврей. Замѣтьте... еврей! Будь онъ русскій, еще можно было бы сомнѣваться въ его способностяхъ; но у евреевъ врожденная наклонность къ экономическимъ оборотамъ, здѣсь онъ въ своей сферѣ. Удивительно, какъ онъ возвысилъ доходы съ лѣсныхъ участковъ.

— Не истощитъ ли это лѣсу и не поведетъ ли къ его уничтоженію?

— Нисколько. Лѣсу у насъ дѣвать некуда.

Положеніе Слѣпнева было страдательное, вмѣшаться въ разговоръ съ хозяиномъ не было повода, а съ барышней о чемъ заговорить?

Сама Елена Александровна затруднялась; объ семинаристахъ она слыхала только саркастическіе анекдоты, а говорить съ семинаристомъ ей приводилось первый разъ въ жизни.

Между тѣмъ Слѣпневъ произвелъ на нее очень пріятное впечатлѣніе и своей красивой наружностью и скромнымъ и приличнымъ нарядомъ; по всему видно было, что молодой человѣкъ былъ очень приличный и не безъ образованія. Она рѣшилась предложить ему малины, красовавшейся въ большой хрустальной вазѣ на столѣ.

— Позвольте предложить вамъ, заговорила она ласкающимъ голосомъ, хоть ягоды не изъ лучшихъ, но садовникъ нашъ ссылается на суровость климата и утверждаетъ, что лучшихъ сортовъ малины развести нельзя. Я сомнѣваюсь и думаю, что климатъ не причемъ, а недостаетъ знанія.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Слѣпневъ и яркій румянецъ покрылъ его щеки.

— Малина растетъ въ лѣсу и морозы не вредятъ ей.

— Въ лѣсу малина сохраняется подъ снѣгомъ; она растетъ въ такихъ мѣстахъ, куда много надуваетъ снѣгу, въ открытыхъ мѣстахъ она вымерзаетъ.

— Я люблю лакомиться лѣсной малиной, она очень ароматна, и хожу иногда въ лѣсъ; но больше люблю сбирать грибы. Жаль только, что теперь ихъ нѣтъ.

— Скоро появятся рыжики.

— Весело сбирать ихъ; стоитъ только завидѣть одинъ, наклонишься къ нему, а кругомъ цѣлая группа и такіе маленькіе....

Подкатилъ тарантасъ на тройкѣ съ колокольчикомъ. На террасу явился господинъ, въ плисовой поддевкѣ безъ рукавовъ, въ бѣлой полотняной рубахѣ разукрашенной вычурными узорами изъ красной и синей бумаги и въ высокихъ сапогахъ. Онъ почти бѣгомъ пронесся по террасѣ, быстро поздоровался и опустился въ кресло. Спросивъ позволенія, онъ закурилъ толстую папиросу. Это былъ помѣщикъ лѣтъ сорока, средняго роста и довольно плотный, лысая голова его только съ краевъ прикрывалась рыжеватыми волосами, завивавшимися въ нескладные кудри, такого же цвѣта борода окаймляла простое и обыденное лицо. Блѣдноголубые глаза отличались стекловидностью; они все отражали, но ничего не выражали.

— Я только что изъ города съ важными новостями, заговорилъ пріѣзжій, обводя безсмысленнымъ взоромъ собраніе. Выборы кассированы!

— Какъ! воскликнулъ не безъ радости хозяинъ.

— Да такъ... кассированы! Вавиловъ обработалъ. Назначены новые выборы.

— Новыхъ пожалуй и гласныхъ выберутъ.

— Непремѣнно. Сердюкова и Абрамыча прокатимъ на вороныхъ, пусть останутся благонадежны. Есть новыя—достойныя лица.

— Кто такія?

— Хоть бы Звѣревъ! Вы его, батюшка, знаете?

— Прекрасный молодой человѣкъ и ученый, магистръ политической экономіи.

— Въ первый разъ слышу.

— Какъ же это? Вашъ близкій сосѣдъ изъ Любитова. Только что вернулся изъ заграницы, а намъ такихъ-и нужно, подавай ихъ сюда въ работу, въ управу.

— Предсѣдателемъ, не безъ ироніи замѣтилъ хозяинъ.

— Ну, на первый разъ и членомъ довольно. Предсѣдателя найдемъ по благонадежнѣе, гость значительно поглядѣлъ на хозяина.

— Пойдетъ ли только, замѣтилъ священникъ.

— Силой возьмемъ, на абордажъ, а въ работу упрячемъ; намъ нужны свѣжія силы, чтобы оживить земство, вдохнуть въ него жизнь и творчество.

Раздался звонъ колокольчика у подъѣзда.

— Что же это лошадей не приберутъ, сказалъ хозяинъ.

— Не безпокойтесь, мнѣ надо ѣхать сейчасъ.

— Вы, можетъ быть, голодны?

— Сытешенекъ. Петръ Ильичъ такъ накормилъ, что жажда мучитъ.

— Будемъ пить чай.

— Времени то мало. Повидать надо многихъ. Исправника поймать никакъ не могу. Пріѣдешь на станцію, спросишь — былъ исправникъ? Былъ да уѣхалъ. Вотъ и мечешься по его слѣдамъ. Къ Звѣреву надо еще заѣхать. Застану ли дома?

— Застанете, ободрилъ священникъ.

— Дался вамъ этотъ Звѣревъ.

— Я уважаю ученыхъ людей; говорить начнетъ — любо слушать.

— Ну, а какъ противъ васъ пойдетъ?

— Не позволятъ; я всегда въ большинствѣ.

— Для земства практическіе люди дороги; ими земство красится.

— Э — эхъ! Практическіе люди! Павелъ Ильичъ практическій человѣкъ, а какъ въ нашъ карманъ заѣхалъ.

— Онъ хорошо говорилъ, а вы то въ большинствѣ ушами хлопали.

— Провелъ ловко. Даромъ не пройдетъ; вырвемъ изъ рукъ бразды правленія и перададимъ достойному.

— Не такъ легко это сдѣлать; за него крестьянство.

— Вотъ и надо поработать, что бы его сторонниковъ устранить.

— Дѣло сдѣлано, не воротишь, а за землю втораго разряда платить будемъ.

— Не будемъ. Повѣрьте честному слову, не будемъ, загорячился гость. Такую бурю поднимемъ въ собраніи, что свѣту божьяго не увидятъ. Непремѣннымъ условіемъ поставимъ управѣ, чтобы налогъ былъ отмѣненъ.

— Увидимъ.

— Мы, крупные землевладѣльцы, и чтобы не могли отстоять собственныхъ интересовъ! Никогда этого налога не будетъ, торжественно произнесъ гость и распрощался.

Хозяинъ пригласилъ Слѣпнева въ кабинетъ.

— Вы забыли наше село, Елена Александровна, заговорилъ священникъ.

— Село ваше я очень люблю и съ большимъ удовольствіемъ всегда бываю въ церкви, но у папа эту пору столько работы, столько работы, что онъ не выходитъ изъ кабинета. Опасаюсь даже, чтобы усиленные труды не разстроили бы его здоровья.

— Охота ему убивать себя; человѣкъ онъ обезпеченный и совершенно независимый.

— А долгъ гражданина и честнаго человѣка? Это прежде всего, говоритъ папа и онъ правъ.

— Противъ этого ничего сказать нельзя, но можно работать исподволь.

— Вопросы важные, а времени мало. Онъ разрабатываетъ къ земскому собранію вопросы по народному образованію и по уравненію повинностей. Вы сами знаете, какъ обширна сфера этихъ вопросовъ и сколько надо труда, чтобы собрать данныя для разъясненія этихъ вопросовъ.

— Да, трудъ почтенный.

V.

Авдотья Семеновна еще сидѣла въ столовой за чаемъ съ племянникомъ, какъ подкатилъ къ дому тарантасъ на тройкѣ. Пріѣзжій былъ тотъ же самый, который только что уѣхалъ отъ Воложбина. Онъ влетѣлъ въ своей плисовой поддевкѣ въ столовую, раскланялся съ хозяйкой, какъ старый знакомый, а Звѣреву рекомендовался сосѣдомъ—помѣщикомъ.

Звѣревъ съ любопытствомъ осматривалъ гостя, а Авдотья Семеновна была смущена появленіемъ его и казалась не совсѣмъ спокойною.

— Надѣюсь, что вы не обидитесь, если я представился не во время; я человѣкъ дѣловой, и у меня столько хлопотъ, что не могу распоряжаться свободно своимъ временемъ, заговорилъ гость и снова протянулъ руку Звѣреву.

— Странно было бы считаться визитами въ деревнѣ. Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно ваше посѣщеніе, что оно уже ручается за ваше расположеніе къ намъ, отвѣтилъ Звѣревъ, пожимая руку гостю.

— Это мнѣ нравится, заговорилъ развязно гость. Образованный человѣкъ всегда съумѣетъ оцѣнить искреннія чувства, потому я прямо приступлю къ дѣлу, безъ всякихъ предисловій. Мы, Валерьянъ Павловичъ, имѣемъ на васъ виды.

— То есть! вопросительно произнесъ Звѣревъ.

— Страна наша велика и обильна и прочее, прер-

валъ его гость на первомъ словѣ, и потому рѣшили мы призвать васъ къ участію въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ земскаго гласнаго.

— Выборы гласныхъ были, вмѣшалась Авдотья Семеновна.

— Были, Авдотья Семеновна, дѣйствительно были, но они кассированы, а потому будутъ новые выборы.

— Кто васъ тамъ знаетъ, что вы затѣваете, сказала Авдотья Семеновна и ушла хлопотать объ ужинѣ.

— Не много пользы вы отъ меня получите, какъ гласнаго,—я съ земскимъ дѣломъ совершенно незнакомъ.

— Земское дѣло простое, а вы, какъ ученый и совершенно новый человѣкъ, внесете въ наше дѣло научный элементъ и проведете высшіе взгляды на насущные земскіе вопросы.

— Вотъ чушь то! подумалъ про себя Звѣревъ.

—Особенно знаменательна настоящая пора въ земствѣ; предстоятъ выборы мировыхъ судей, непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и предсѣдателей и членовъ во всѣ управы.

— Въ такомъ случаѣ мое участіе будетъ безполезно: я никого не знаю.

— Познакомитесь до той поры; на выборахъ и въ собраніи увидите всѣхъ. Образованный человѣкъ сразу можетъ оцѣнить всякаго.

— Все это прекрасно, сближеніе между сосѣдями дѣло хорошее, но я не вижу большаго интереса, если все дѣло будетъ ограничиваться выборами.

— Въ выборахъ то вся и суть, въ нихъ ясно обрисовываются и взаимныя отношенія, и борьбы партій и направленіе массы. А сколько комическихъ и драматическихъ эпизодовъ этой борьбы, я вамъ разсказать не умѣю.

Высказавъ эту фразу, гость высокомѣрно поглядѣлъ на хозяина.

Подали закуску. Авдотья Семеновна усердно принялась угощать.

— Въ теченіи года я перебываю у всѣхъ помѣщи-

ковъ своего уѣзда да и въ сосѣдніе загляну, но нигдѣ такъ вкусно и сыто не накормятъ, какъ у васъ, Авдотья Семеновна, говорилъ гость послѣ третьей рюмки водки, набивъ себѣ ротъ гусиными полотками.—Надо отдать честь.

— Вы все льстите, Егоръ Мартьянычъ.

— Вотъ, ей Богу же, говорю сущую правду. Вы не повѣрите, какъ Авдотья Семеновна меня прикормила, никогда не могу миновать Любитова, какое бы не было экстренное дѣло, всегда заверну къ ней,—обратился гость къ Звѣреву.

— Я вамъ очень благодарна, что вы старуху не забываете.

— Люблю и уважаю васъ, Авдотья Семеновна, отъ всей души и потому то я готовъ предложить Валерьяну Павловичу всевозможныя услуги, чтобы этимъ хоть сколько-нибудь выразить мою искренную благодарность за то вниманіе, котораго вы меня удостоиваете.

— Выпейте еще наливочки за мое здоровье, если я вамъ такъ понравилась.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Только чокнемтесь.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ съ нимъ чокайтесь сколько угодно, а я вамъ не товарищъ.

— За будущую совмѣстную дѣятельность, произнесъ гость, чокаясь съ хозяиномъ,—я отъ васъ такъ не отстану: вы будете нашимъ гласнымъ.

Гость распрощался и укатилъ дальше.

— Кто это такой? спросилъ племянникъ тетку.

— Земскій Ярыжка.

— Земскій Ярыжка! повторилъ Звѣревъ и захохоталъ.

— По крайней мѣрѣ всѣ его такъ за глаза называютъ, въ глаза зовутъ просто Жоржемъ, другаго имени ему нѣтъ. Фамилія ему Бубновъ. Отецъ его былъ хорошій человѣкъ, а онъ баламутъ какой то уродился.

— Я съ самого начала замѣтилъ, что онъ вамъ не очень нравится.

— Визиты его—кара божья. Всю жизнь носится по губерніи и развозитъ сплетки. Какое отличное хозяйство разстроилъ! Дома все идетъ вверхъ дномъ; имѣніе большое и богатое, а дошелъ до того, что только займами и живетъ. Будь съ нимъ осторожнѣе, непремѣнно денегъ въ займы попроситъ.

— Отъ меня то онъ немного поживится.

— Ему все равно, сколько не взять, а отдачи не жди. И кому онъ не долженъ! Мужики, и тѣ отъ него бѣгаютъ.

— Визитъ то ему надо отдать?

— По моему мнѣнію, тебѣ не слѣдовало бы ѣздить.

— Вы говорите, что онъ большой сплетникъ; не слѣдуетъ же ему подавать новода злословить; не отдать визита, значитъ вооружить противъ себя и подать поводъ къ злословію.

— Согласна; но къ первому къ нему не слѣдуетъ ѣхать, сперва надо сдѣлать визиты почтеннымъ сосѣдямъ, а потомъ уже и къ нему завернуть мимоходомъ.

— Нелегкая принесла его. Какъ было хорошо сидѣть дома, устроился я такъ уютно, только что хотѣлъ приняться за дѣло, а тутъ добывай изъ комода фракъ и безъ цѣли шляйся по сосѣдямъ.

— Надо же было когда-нибудь начинать, безъ общества жить нельзя.

— Общество хорошо въ городѣ, а не въ деревнѣ. Тамъ когда вздумалъ,—пошелъ, а нѣтъ охоты,—есть много благовидныхъ предлоговъ отказаться отъ приглашеній и принять можно, кого и когда захочешь. Въ деревнѣ же получилъ приглашеніе—поѣзжай, а не то сплетню распустятъ; пріѣхалъ кто,—принять необходимо, нельзя не пустить въ домъ, когда пріѣхали за двадцать верстъ.

— Тебѣ отъ непривычки кажется такъ; начать трудно, а потомъ самому полюбится.

— Интереснаго-то я ничего не вижу.

— Не всѣ же земскіе ярыжки, есть и хорошіе люди, вотъ хоть бы Воложбинъ — аристократъ, живетъ по

барски, дочь красавица, самъ человѣкъ доброй души. Къ нему — первому надо ѣхать, онъ во всемъ околоткѣ пользуется почетомъ. Иванъ Ивановичъ Гвоздевъ, очень умный и образованный, языкъ у него злой, но не сплетникъ. Песочниковъ, Сердюковъ — предсѣдатель управы, Мавра Михайловна Курицына—почтенная дама. Къ этимъ непремѣнно надо съѣздить. Только въ какомъ экипажѣ ѣхать? Крытаго тарантаса нѣтъ, надо ѣхать въ каретѣ.

— Рано захлопотали, я еще подожду, успѣю.

— Ты думаешь, что наши экипажи въ такомъ порядкѣ, — приказалъ закладывать и готово? нѣтъ. Надо еще послать за кузнецомъ, чтобы осмотрѣлъ и починилъ, гдѣ ненадежно. Въ каретѣ-то я больше году не ѣздила.

— Нѣтъ ли чего полегче?

— Ѣхать-то непремѣнно придется въ каретѣ, только какъ переправиться будетъ на перевозѣ.

VI.

Въ нашемъ сѣверномъ краѣ тянется длинная, низменная полоса земли, наполненная безграничными болотами, рѣчками и озерами. Озеръ въ этой сторонѣ безчисленное множество; то они тянутся по одному направленію на нѣсколько верстъ, то расположены группами, или стоятъ одиноко въ глуши, въ лѣсу или среди топкаго болота. Озера эти чрезвычайно разнообразны и по величинѣ и по формѣ; иныя изъ нихъ простираются верстъ на тридцать и болѣе, а другіе менѣе версты; глубина ихъ также различна, въ иныхъ доходитъ до тридцати саженей, а въ иныхъ не достигаетъ и полной сажени. По формѣ они еще разнообразнѣе: круглыя, извилистыя, покрытыя мелкими островами и совершенно чистыя. Это пространство скорѣе похоже на море, чѣмъ на твердую землю, такъ много воды. Въ иномъ мѣстѣ почти на каждой верстѣ попадается озерко или рѣчка; только что переберешься черезъ послѣднюю по живому мосту, а она

слѣдомъ бѣжитъ съ боку дороги, скрываясь въ кустахъ и вымоинахъ, завернетъ въ сторону въ лѣсъ, обогнетъ небольшой уголъ и опять пересѣчетъ дорогу, уйдетъ въ сторону и снова появится, какъ будто деревенская баловница заигрываетъ съ путникомъ. Проглянетъ въ сторонѣ озерко съ берегами, затянутыми иломъ, или болото, покрытое изрѣдка чахлыми соснами, плоское, ровное, съ зеленью похожею на плесень и потянется далеко, далеко.... а по сторонамъ хвойный лѣсъ высокой стѣной подымается къ небу. Все кругомъ безжизненно и монотонно, ни звѣря, ни птицы невидно, жужжатъ только слѣпни да комары назойливо лѣзутъ къ рожѣ. Однообразіе утомительное; иногда на десять верстъ идетъ одна и таже картина. Дорога—Сибирь; то идутъ по цѣлымъ верстамъ сплошные мосты изъ кругляшей, то по глинистому грунту глубокія колеи и выбоины съ добавкомъ пней, колодъ и крупныхъ камней. Съ приближеніемъ къ судоходной рѣкѣ лѣсъ начнетъ понижаться и рѣдѣть, болота станутъ уходить въ сторону и озера—прятаться, появятся пожении и нивки, кое-гдѣ выглянетъ невзрачная коровенка или тощая лошадь, но дорога все хуже и хуже. Не дай Богъ забраться въ эту глушь, дорога замаетъ толчками, дремота одолѣетъ отъ однообразія и въ добавокъ изъѣдятъ комары и слѣпни. Только при большей нуждѣ можно рискнуть по этому пути.

Петръ Алексѣичъ Псалмовъ тянулся въ одноколкѣ по такой дорогѣ. Онъ возвращался домой изъ самой дальней деревни своего прихода, заброшенной совершенно въ сторону, отъ села верстъ на двадцать.

Псалмовъ уже проѣхалъ полпути; всѣ трудности, кривые, ненадежные мосты и большія топи миновали; осталось помаяться еще какихъ-нибудь четыре версты по колеямъ и выбоинамъ, а дальше предстояла гладкая, спокойная дорога.

Вдругъ раздался въ сторонѣ, въ лѣсу звонъ колокольчика.

— Слышишь Василій? спросилъ своего возницу Псалмовъ.

— Слышать-то слышу, батюшка, но, мнѣ кажется, что-то несовсѣмъ ладно.

Снова раздался звонъ колокольчика.

— Кто-нибудь ѣдетъ, замѣтилъ священникъ.

— Кому въ этой трущобѣ.

— Да вѣдь тутъ зимникъ идетъ?

— Зимникъ-то зимникъ, да только зимой и ѣзда, а лѣтомъ и не подумай.

Раздался снова звонъ колокольчика, и послышались человѣческіе голоса.

— Стой, Василій, можетъ быть помочь кому надо.

— Кому помочь? Заберется ли добрый человѣкъ въ такую трущобу.

— Пойдемъ,—посмотримъ.

— Ладно-ль будетъ?

— Чего ладно? Можетъ быть и завязъ кто въ болото.

— А туда ему и дорога, коли залѣзъ въ болото.

— Грѣшно, Василій; душа-то все христіанская; слышишь голоса человѣческіе раздаются.

— Кому же быть; тутъ никакого проѣзда нѣтъ. Охъ! батюшка, ладно ли будетъ?

— Ладно ли, не ладно ли, а пойти надо. Идемъ.

Псалмовъ слѣзъ съ одноколки и пошелъ въ лѣсъ, за нимъ нехотя поплелся и Василій. Только что они завернули за кусты, какъ увидѣли впереди завязшій въ лягѣ тарантасъ и двухъ людей у него.

— Богъ васъ послалъ, батюшка, привѣтствовалъ Бубновъ подошедшаго священника. Помогите Христа ради, вотъ ужъ три часа, какъ мы бьемся здѣсь, изъ силъ выбились.

— Какъ васъ сюда Господь занесъ?

— И не спрашивайте.

Принялись за дѣло, отпрягли лошадей и вытащили изъ топи; потомъ нарубили толстаго колья и насилу вы-

воротили тарантасъ. Добрались до дороги, гдѣ стояла одноколка.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ, батюшка, говорилъ Бубновъ, пожимая крѣпко руку священнику.— Еслибы не вы, мы пропали бы.

— Вы куда же теперь? спросилъ священникъ.

— Къ Алябьеву.

— Черезъ Глубочку?

— Ну, да.

— Въ тарантасѣ-то—да тройкѣ?

— Вы же проѣхали?

— Мы въ таратайкѣ и то едва пробрались. Вамъ до ночи и до Глубочки-то не добраться. Опять завязнете, кто васъ вытащитъ?

— Жизнь что ли надоѣла, баринъ,— замѣтилъ Василій.

— Хорошо тебѣ разсуждать, какъ у тебя никакого дѣла нѣтъ, огрызся на мужика Бубновъ.

— Положеніе-то мое безвыходное, мнѣ непремѣнно надо завтра быть у Алябьева, а время рѣшительно не достаетъ.

— Поѣдемте ко мнѣ въ село, переночуете, лошади отдохнутъ; а завтра, чѣмъ свѣтъ, вы отправитесь въ Алябьеву, да не черезъ Глубочку, а по дорогѣ.

— Такъ больше семидесяти верстъ будетъ! Когда же я попаду къ нему? Помилосердуйте, батюшка!

— Сократить пути вашего я не могу, а если вы здѣсь поѣдете, я не ручаюсь, что вы доѣдете и въ трое сутки.

— Развѣ невозможно проѣхать?

— На таратайкѣ можетъ быть еще проберетесь, и то развѣ къ вечеру пріѣдете къ Алябьеву.

— Вотъ и хлопоти объ общей пользѣ! Еще предсѣдатель управы въ десяти верстахъ живетъ, а проѣзду нигдѣ нѣтъ. Хорошо хозяйство! Такъ и не проѣхать мнѣ прямо къ Алябьеву?

— Конечно не проѣхать.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Я вамъ предлагаю, поѣдемте ко мнѣ, хоть грязь то съ себя счистите; посмотрите, на кого вы похожи!

— До грязи-ли, когда дѣло горячее.

— Вы больше выиграете, если поѣдете черезъ село; по крайней мѣрѣ навѣрное попадете въ Алабьеву, а тутъ если вы и до Глубочки доѣдете, такъ по мосту то не проѣдете; такъ ненадеженъ, что мы съ Васильемъ не рѣшились переѣхать въ таратайкѣ, пѣшкомъ перешли.

— Неужели ѣхать въ село?

— Конечно.

— Господи, господи! Что же это будетъ? Когда я успѣю!

— Все Богъ! Садитесь, Егоръ Мартьяновичъ, въ тарантасъ и поѣдемъ въ село. Теперь худой дороги версты три не больше осталось, скоро пріѣдемъ, а я Василья отпущу домой.

— Быть по вашему.

— Какъ это вы попали сюда? спросилъ священникъ Бубнова, когда тарантасъ тронулся.

— Все добрые люди помогли, батюшка,—вотъ что. Бейся, хлопочи для общаго дѣла, а они не только не цѣнятъ этого, а еще надсмѣхаются.

— Охота же вамъ убивать себя.

— Что же прикажете дѣлать? Никто пальцемъ о палецъ не ударитъ, а время уходитъ. Назначены новые выборы, а они сидятъ себѣ дома и ничего не знаютъ. Не предувѣдомь, не сговори, какіе выборы будутъ? Вчера пріѣзжаю къ Гвоздеву, говорю ему выборы кассированы, новые будутъ. Что вы думаете онъ отвѣтилъ?... Преравнодушно сказалъ:—ну, такъ что же?—Гвоздевъ, образованный человѣкъ, считается умницей. Вѣдь это возмутительно. Меня зло взяло. Говорю ему: вы, Гвоздевъ, и такъ равнодушно относитесь къ такимъ важнымъ вопросамъ. После этого все земское дѣло перейдетъ въ руки къ мужикамъ. А онъ мнѣ въ отвѣтъ: А можетъ быть и лучше выйдетъ.

Ну, какъ тутъ быть? Кому же нибудь да надо за дѣло взяться.

— Гвоздевъ давно отъ земскаго дѣла отсталъ. Разъ только онъ и побывалъ въ собраніи, когда его выбрали въ гласные, а потомъ отказался. Говоритъ, что мало толку изъ этого выйдетъ.

— Мало-ли что онъ говоритъ. Просто оскорбился, что не выбрали предсѣдателемъ. Предложите ему мѣсто члена въ губернской управѣ, — сейчасъ толкъ пойдетъ, какъ дадутъ двѣ съ половиной тысячи жалованья.

— Вы тоже не отказались бы.

— Вы думаете, — у насъ умѣютъ людей цѣнить. Никогда.

— А все еще не сказали, какъ забрались въ болото.

— Очень просто. Сижу у Гвоздева и говорю, что много времени пойдетъ на поѣздку къ Алябьеву; а онъ мнѣ говоритъ, — есть прямая дорога. Гдѣ? спрашиваю. — Черезъ Глубочку. — Какая же дорога; я не знаю. Нельзя сказать, говоритъ, чтобы дорога была удобная; но вы способный человѣкъ, куда угодно проберетесь; этимъ путемъ вы, покрайней мѣрѣ, верстъ на пятьдесятъ, если не больше, сократите путь и къ вечеру навѣрное будете у Алябьева. Вы не шутите? спрашиваю. — Я вамъ серьезно говорю; отъ меня вы прямо лѣсомъ выѣдете на дорогу, которая идетъ на Глубочку. Всего-то верстъ тридцать, не больше будетъ до Алябьева. Я его послушался и поѣхали. Верстъ пять лѣсомъ шла сносная дорога, а потомъ и пошло и пошло. Не успѣешь выбраться изъ одной ляги, какъ попадешь въ другую. Ворочаться было неудобно и то думаю, вотъ выѣдемъ сейчасъ на Глубочскую дорогу. Мы дальше, а топь больше, наконецъ такъ втропались, что, если бы не вы, мы и теперь тамъ бы сидѣли. Не подарю же я этого Гвоздеву! Вотъ, ей-Богу, ни въ сей, ни въ будущей жизни онъ никогда не попадетъ ни въ гласные, ни въ мировые!

Между тѣмъ тарантасъ покатился по ровной дорогѣ, замелькали посторонамъ кусточки, въѣхали въ ровное

полѣ, показалось село и тройка подкатила къ дому священника.

Отецъ Петръ нарядилъ гостя въ свой подрясникъ, а его платье было отдано вымыть и высушить. Уютно усѣвшись подъ окномъ, откуда былъ хорошій видъ на рѣку, Петръ Алексѣичъ распивалъ съ гостемъ чаекъ и любовался рѣкой, которая тихо и плавно катилась, отражая небо, облитое легкимъ багрянцемъ отъ заходящаго солнца.

— Мнѣ очень понравился вашъ сосѣдъ, Звѣревъ,— симпатичная личность, заговорилъ Бубновъ за чаемъ.

— Ученый человѣкъ, магистръ. У насъ въ околоткѣ никого такого ученаго, отвѣтилъ священникъ.

— Въ губерніи то, пожалуй, не сыщешь. Мнѣ очень хочется завербовать его въ нашу партію, непремѣнно выберемъ въ гласные и въ губернскіе переведемъ. Вы, батюшка, посодѣйствуйте.

— Что я могу сдѣлать?

— Вы то? Полно скромничать. Мужики въ васъ, какъ въ Бога вѣруютъ.

— Это ужъ много сказано.

— Вы полагаете, что я не знаю. Я знаю, о чемъ каждый думаетъ, а не то, что говорятъ. Не первый годъ толкаюсь между народомъ.

— Пойдетъ ли еще въ гласные Звѣревъ-то.

— Почему ему не идти? Для молодаго человѣка это честь.

— Говорилъ я какъ то съ нимъ объ этомъ, отпирается, ссылается на незнакомство съ земскимъ дѣломъ.

— Баклушники эти ученые. Съ другой стороны оно и естественно. Вѣдь почти четверть жизни провести за книгой, да какъ провести? не разгибая горбу, захочется позадорничать. Мы его запряжемъ. Вы тетку то, тетку нашпигуйте.

— Тетка то непрочь; она ему совѣтуетъ, такъ онъ все шуточками отъѣзжаетъ.

— Ну, такъ и дѣло въ шляпѣ. Мужики не выберутъ, такъ мы выберемъ.

— А я къ вамъ непремѣнно хотѣлъ заѣхать, заговорилъ послѣ краткой паузы Бубновъ. Орла вы знаете?

— Степенный и не глупый мужикъ, даромъ что молодой.

— Мироѣдъ и больше ничего.

— Напрасно вы такъ объ немъ думаете, онъ разумный и честный человѣкъ.

— Полноте! Въ гласные лѣзетъ. Съ его ли рыломъ? Какая стать ему? только мѣсто даромъ будетъ занимать.

— Можетъ быть и польза будетъ отъ него; человѣкъ онъ грамотный, бывалый; все лучше, чѣмъ Ѳадѣй.

— Ѳадѣй милый человѣкъ; скажешь ему влади на право — онъ на право; влади на лѣво, — онъ на лѣво. А этотъ шутить начнетъ, не только самъ, другихъ съ толку будетъ сбивать; а нынѣ выборы, единодушіе необходимо.

— Орелъ не пойдетъ противъ хорошаго человѣка.

— Развѣ они умѣютъ цѣнить людей? тотъ для нихъ и хорошъ, кто имъ поблажаетъ. Еще въ управу начнетъ добиваться.

— Служатъ и крестьяне въ управѣ.

— Гдѣ это, гдѣ? Что они сиволапые тамъ будутъ дѣлать.

— Въ Заболотскомъ уѣздѣ.

— Нашли уѣздъ; тамъ и дворянъ четыре съ половиной души и тѣ босые. Въ нашемъ уѣздѣ титулованныя особы въ гласныхъ сидятъ, такъ рядомъ съ ними мужика посадить? Полно того, что купца намъ городъ всегда втискаетъ.

— Земское дѣло общее, отчего же мужика не послушать и онъ можетъ сказать разумное слово.

— Не раздражайте меня, батюшка, я и безъ того разстроенъ, сколько времени пропало даромъ по милости Гвоздева, не успѣть до выборовъ всѣхъ объѣздить, а еще въ сосѣдній уѣздъ надо съѣздить по дворянскимъ выборамъ, и тѣ въ этомъ году будутъ.

— Много же у васъ дѣла, Егоръ Мартьянычъ.

— Голова идетъ кругомъ. Пріятно было бы имѣть дѣло съ людьми то покладливыми, а то всякій на дыбы, умоляй, упрашивай, мелкимъ бѣсомъ разсыпься передъ нимъ. Устроишь, а тебя вмѣсто благодарности вырýгаютъ. А кто виноватъ? самъ опростоволосится, не туда полѣзетъ, его и по носу.

— Вы Орла, батюшка, предостерегите, чтобы онъ не лѣзъ, куда его не просятъ.

— Не могу вамъ обѣщать; онъ не моего прихода, когда я еще его увижу.

— Онъ постоянно здѣсь бываетъ; шуринъ волостнаго, все и торчитъ въ правленіи. Впрочемъ я самъ здѣсь на выборахъ буду, съ непремѣннымъ членомъ пріѣду и посмотрю, что они заведутъ дѣлать.

Подали ужинъ и пока закусывали, тутъ же на диванѣ устроили постель Бубнову.

— Ложитесь съ Богомъ, отдохните, а завтра въ четыре часа разбужу васъ, сказалъ священникъ гостю.

— Сдѣлайте милость, не дайте проспать.

VII.

Бубновъ ли разшевелилъ или сами помѣщики догадались, что выборы приближаются и надо хлопотать,— не попадется ли жирный кусочикъ какой. По селу постоянно раздавался звонъ поддужныхъ колокольчиковъ, въ одну и въ другую сторону катили на тройкахъ различные тарантасы, а иногда и коляски. Нѣсколько человѣкъ завернули и къ Звѣревымъ по дорогѣ. Пришлось Валерьяну Павловичу облекаться во фракъ.

Карета, запряженная четверкой разношерстныхъ, но сытыхъ и бодрыхъ лошадей была уже подана къ крыльцу, кучеръ оправлялся на козлахъ, у дверецъ кареты стоялъ козачекъ, одѣтый съ иголочки.

Валерьянъ Павловичъ охорашивался передъ зеркаломъ въ гостиной, на него любовалась Авдотья Семеновна;

слезы умиленія навертывались на ея глазахъ! «Эхъ, какъ бы живъ былъ покойный братъ, не налюбовался бы на него; какой бравый молодецъ то вышелъ»! думала про себя тетушка.

— Готовъ, произнесъ весело Звѣревъ, повернулся на каблучкахъ, разшаркался передъ теткой и направился было къ дверямъ, но тетка его остановила, перекрестила трижды, поцѣловала и потомъ уже отпустила; въ комнату тогда только вернулась она, когда карета совсѣмъ скрылась изъ глазъ ея.

На рѣзвой четверкѣ Звѣревъ не долго ѣхалъ до перевоза, опустившись къ рѣкѣ, карета остановилась. Перевозчики обошли кругомъ, полюбовались на щегольской экипажъ и стали переминаться съ ноги на ногу и почесываться.

Звѣревъ взглянулъ въ окно, перевозчики сняли шапки.

— Что же не ѣдешь на плотъ! спросилъ кучера Звѣревъ.

— Такъ нельзя, отвѣтили въ голосъ перевозчики и подошли къ дверцамъ кареты.

— Что же дѣлать?

— Надо народъ собирать. Ванька, бѣги!

— Кого звать то? всѣ на покосѣ — поди.

— Митрофанъ дома.

— Что одинъ то Митрофанъ подѣлаетъ?

— Кузьму зови.

— Пойдетъ Кузьма?! Не пойдетъ.

— Обѣги деревню; можетъ кто у гуменъ сѣно сушитъ.

— А какъ нѣтъ никого!

— Бабъ веди.

— Что бабы подѣлаютъ, какой отъ нихъ толкъ?

— Не сидѣть же барину здѣсь.

— Можетъ кто подъѣдетъ, вотъ и пособятъ.

— Да бѣги, лѣшій ты окаянный.

— Сбѣгать недолго. Кого приведешь?

— Говорятъ тебѣ Митрофана и Кузьму.

— Къ Кузьмѣ ходить нечего, ругани что ли его не слыхали?

— Да онъ, оборотень неотесанный.

— Сходи самъ, тебя лучше послушаютъ.

— Не все едино. Чѣмъ калякать то, давно бы сходилъ и народъ были бы здѣсь.

— Кабы бы народъ былъ, давно бы я привелъ, а то гдѣ его возьмешь, теперь пора страдная.

— Иди же ты, иди, лѣшій проклятый, а не то я тебѣ въ загривокъ нагрѣю.

— Ну, тебя, иду, только даромъ ноги намнешь.

Ванька нога за ногу поплелся въ деревню.

— Лошадей то отпречь бы надо, обратился къ кучеру перевозчикъ.

— Зачѣмъ же? спросилъ Звѣревъ.

— Такъ намъ не перебраться будетъ, сперва карету переправимъ, а потомъ лошадей.

Звѣревъ вышелъ изъ кареты.

— Отъ кого перевозъ? спросилъ Звѣревъ.

— Афонасья Петровича.

— Волостнаго старшины?

— Ну да, онъ самый и есть.

— Значитъ перевозъ отъ волости?

— Да не отъ волости.

— Такъ отъ кого же?

— Да отъ Афонасья Петровича.

— Афонасій то отъ кого нибудь снялъ?

— Снялъ то снялъ.

— Отъ кого же.

— Отъ земства.

— Значитъ перевозъ земскій.

— Можетъ быть и земскій, мы то рядились отъ Афонасья Петровича.

— Глубока рѣка? спросилъ Звѣревъ.

— Богъ ее знаетъ, а шестомъ все хватаетъ, вотъ какъ плотъ переправляемъ, вездѣ шестомъ хватаетъ.

— Великъ ли шестъ?

— Вотъ шесть, перевозчикъ поставилъ шесть —
— Сажени двѣ будетъ?
— Будетъ, если не больше.
— Значитъ съ сажень глубины въ рѣкѣ есть?
— Богъ ее знаетъ, можетъ и есть; никто не мѣрялъ.

Стали одинъ по одному подходить мужики, наконецъ показался и Ванька. Мужики сняли нижнее платье и въ однихъ рубахахъ стали длинными и толстыми кольями пихать плотъ къ берегу; къ Звѣреву обратился перевозчикъ:

— Вы бы, ваше благородіе, въ карету сѣли, а то больно замочитесь.

Приволокли карету на плотъ. Крикъ, ругань и разныя присловія раздавались полчаса, пока втащили карету на плотъ, переправились и съ такой же церемоніей спустили ее на берегъ. Лошадей переправили скорѣе.

Звѣревъ пріѣхалъ къ Воложбину; его проводили въ кабинетъ.

— Очень благодаренъ за то удовольствіе, которое вы изволите доставлять своимъ знакомствомъ. Съ вашимъ почтеннымъ батюшкой мы были хорошіе знакомые, а Авдотью Семеновну я искренно уважаю, говорилъ Воложбинъ, усаживая Звѣрева въ кресло у письменнаго стола.

На столѣ были разложены въ безпорядкѣ разныя рукописи, раскрытыя книги и бѣлый листъ бумаги, на которомъ очень неразборчиво было написано строчки двѣ; работа была такъ свѣжа, что чернила не успѣли засохнуть. По всему казалось, что хозяина отвлекли отъ серьезнаго дѣла.

Звѣревъ благодарилъ хозяина и намекнулъ на то, что помѣшалъ ему работать.

— Это обыкновенныя мои занятія. Я утро всегда провожу за письменною работой, отвѣчалъ хозяинъ. — Вы, я полагаю, занялись хозяйствомъ.

— И не думалъ. У тетушки оно такъ хорошо ведется, что лучше и желать нельзя.

— Да, она очень опытная и осмотрительная хозяйка. Но такое хозяйство было хорошо при крѣпостномъ правѣ. А теперь надо ввести на новыхъ началахъ, болѣе раціальное.

— По моимъ соображеніямъ наше хозяйство приноситъ десять процентовъ. Чего же болѣе желать?

— Много-ли десять процентовъ! Съ вашего хозяйства надо получать въ двое больше. Земля у васъ глиній съ суглинкомъ, самая лучшая во всемъ нашемъ околоткѣ; поля культурныя, легкія для обработки.

— Нельзя жаловаться; урожаи удовлетворительные.

— Хорошо бы на вашихъ поляхъ завести сѣвооборотъ семипольный, машинную обработку и костяное удобреніе; тогда былъ бы доходъ.

— Для этого требуется большой свободный капиталъ.

— Валерьянъ Павловичъ, не скромничайте; у вашей тетушки капиталецъ очень почтенный.

— Можетъ быть и есть, я не допытывался.

— Вамъ нѣтъ надобности и капитала трогать. Стоитъ продать одинъ лѣсной участокъ на срубъ.

— Лѣсъ трогать я не намѣренъ.

— Беречь лѣсъ хорошо, но не при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь. Наши интересы въ этомъ случаѣ, совершенно не ограждены; порубки постоянныя, а какое за это взысканіе?

— Я осматривалъ свои лѣса и не нашелъ большой потравы. Въ одномъ мѣстѣ оказалась значительная порубка, но мнѣ объяснили, что лѣсъ взятъ на дорожныя сооруженія.

— Кто же и какое имѣлъ право распорядиться вашей собственностью? Виноватъ ли владѣлецъ тѣмъ, что у него хорошій лѣсъ, а у сосѣдей нѣтъ. Устройство дорожныхъ сооруженій есть общее дѣло, зачѣмъ нести повинность одному за все общество? При томъ вамъ не такъ передали. Дорожныя сооруженія сданы съ торговъ старшинѣ съ тѣмъ, чтобы ставилъ собственный матеріалъ, но конечно ему чужой лѣсъ брать выгоднѣе.

Доложили, что подан завтракъ; Волошинъ повелъ гостя на террасу, гдѣ поданъ былъ завтракъ.

Елена Александровна сидѣла съ Слѣпцевымъ на террасѣ, когда вошли хозяинъ со Звѣревымъ.

Хозяинъ представилъ гостя дочери, та наговорила любезностей и пригласила за столъ.

— Книгъ намъ больше давайте, Валерьянъ Павловичъ, у васъ, какъ ученаго, библіотека должна быть въ порядкѣ.

— Какими же я могу служить вамъ, Елена Александровна?

— Русскихъ давайте; у меня есть хорошій чтецъ, — Елена Александровна повела своими блестящими глазами на Слѣпцева.

— Полагаю вамъ больше беллетристика нравится.

— Конечно, я не прочь почитать и серьезную книгу. Вы, я полагаю, всѣ русскіе большіе журналы получаете.

— Почти.

— Вотъ это и прекрасно, а я вамъ буду присылать французскія и англійскія. Папа можетъ посылать вамъ нѣмецкія.

— Вы нѣмецкую литературу не жалуете?

— На нѣмецкомъ языкѣ много превосходныхъ сочиненій, но языкъ, ужасный языкъ, я всегда читаю въ переводѣ.

— Въ переводѣ оригиналъ теряетъ свое достоинство, вмѣшался Слѣпцевъ.

— Не всегда, особенно ученыя сочиненія отъ перевода не страдаютъ, развѣ только плохой переводчикъ.

Раздался звонъ колокольчика и на террасу явился Бубновъ.

— Побѣда, побѣда! торжественно провозгласилъ Бубновъ.

— Неужели вы сражались? спросила Елена Александровна.

— Генеральное было сраженіе, генеральное!

— Съ кѣмъ же? это очень любопытно.

— Конечно съ волненіемъ, когда къ Алябьеву ѣхалъ, вставилъ слово хозяинъ.

— А вы ужь знаете!

— Еще бы. Какой подвигъ, цѣлая глава изъ романа Майнъ-Рида.

— Вы описали бы, Егоръ Мартьяновичъ, ваше путешествіе, преинтересная вышла бы книга.

— Къ сожалѣнію я просто земскій дѣятель, а не литераторъ, Елена Александровна.

— Побѣда то какая? спросилъ хозяинъ.

— Пятнадцать голосовъ собралъ противъ Сердюкова, придется сдать бразды правленія.

— Поручиться нельзя, наобѣщаютъ много, а какъ къ дѣлу придетъ, и свернутъ въ крендель.

— Честнымъ словомъ обязались. Я нарочно ѣхалъ къ вамъ, Елена Александровна.

— Предложить мѣсто предсѣдателя управы? Благодарю и принимаю.

— Если бы давсь выбирали, я бы душей своей не задумался пожертвовать, чтобы только доставить вамъ мѣсто предсѣдателя губернской управы.

— Въ вашемъ расположеніи и преданности я вполнѣ увѣрена, но чѣмъ могу служить вамъ въ настоящую минуту.

— Я намѣренъ предложить свои услуги. Завтра ѣду въ городъ и потому прошу вашихъ порученій, которыя обязуюсь исполнить съ буквальною точностью.

— Вы меня ставите въ большое затрудненіе, право не могу придумать. Въ городѣ я ничего для себя не покупаю, все выписываю изъ Петербурга.

— Я васъ выручу, Егоръ Мартьяновичъ, заверните къ смотрителю и привезите мнѣ отъ него журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за этотъ годъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Для васъ то, Александръ Александровичъ, само по себѣ, а Еленѣ Александровнѣ хотѣлось бы услужить.

— Были бы вы литераторъ, могли бы сдѣлать мнѣ одолженіе. Признайтесь, книгъ у васъ никакихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Есть. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, конскій лечебникъ, хозяйственныя книги и еще кое-какія найдутся.

— Мы съ Валерьяномъ Павловичемъ будемъ книгами мѣняться, я нашу библіотеку предоставляю въ его полное распоряженіе. Надѣюсь, что, какъ хорошій знакомый, вы насъ будете навѣщать почаще.

— Я воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ.

— Въ городъ то вы заѣдемъ?

— Представьте себѣ, крестьяне Орла хотятъ къ намъ вписывать, много шансовъ на его сторонѣ, отецъ Петръ и тотъ за него. Надо увальня непремѣннаго члена расшевелить и приволочь на крестьянскіе выборы.

— Охота вамъ изъ пустяковъ хлопотать.

— Помилуйте—это такой горланъ, скандалъ заведетъ въ собраніи, протестовать будетъ.

— Вамъ онъ не нравится, а по моему мнѣнію мужикъ очень не глупый.

— Въ этомъ то вся и бѣда. Будь онъ дуракъ, я бы рукой махнулъ.

— Какъ же согласить, Егоръ Мартьяновичъ? Вы стоите за земскіе интересы, а умныхъ людей устраняете отъ участія въ немъ.

— Сословные принципы, Валерьянъ Павловичъ.

— Просто сказать, ему не нравится Орелъ, вмѣшался хозяинъ. — Когда вы изъ города вернетесь, Егоръ Мартьянычъ?

— На той недѣлѣ непремѣнно, сказалъ Бубновъ и распрощался.

— Сойдетъ онъ съ ума отъ земскаго дѣла; теперь ужъ начинаетъ заговариваться, проговорилъ хозяинъ.

Зрѣревъ сталъ прощаться, Воложбины съ него взяли слово, что онъ ихъ часто будетъ посѣщать.

VIII.

По этой же рѣкѣ Воложбѣ, но верстъ пятнадцать дальше отъ Воложбина, на мысѣ, который круто огибала Воложба, угнѣздилась уютно небольшая усадьба, очень красивая издали.

Деревянный почти новый домъ, обшитый тесомъ и когда-то крашенный, всѣмъ фасадомъ глядѣлъ на рѣку и очень былъ бы красивъ, если бы въ цѣлой половинѣ рамъ не было побитыхъ стеколъ, не торчали по мѣстамъ сползшія съ кровли доски, не валялся грудами кирпичъ на кровлѣ отъ осыпающихся трубъ. На дворѣ былъ такой же безпорядокъ и тѣмъ больше бросался въ глаза, что онъ не былъ слѣдствіемъ разрушенія разъѣдающаго времени, а происходилъ отъ безалаберности хозяина.

Въ домѣ было не лучше. Мебель не очень старая была оборвана и поломана, пыль толстымъ слоемъ покрывала ее мѣстами; на окнахъ и по угламъ висѣли паутины; изрѣдка по комнатамъ пробѣгали тараканы и чиркали сверчки.

Егоръ Мартьянычъ Бубновъ только что всталъ отъ сна. Было пять часовъ утра. Онъ стоялъ противъ окна, выходящаго въ садъ и насвистывалъ какой-то мотивъ; одѣтъ онъ былъ по домашнему, въ одномъ бѣльѣ и старыхъ туфляхъ.

Молодая, красивая женщина въ ситцевомъ платьѣ принесла кипящій самоваръ и заварила чай.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма у насъ стекла бьетъ? заговорилъ хозяинъ.

— Вѣтромъ выбиваетъ.

— Вишь ты поди, во всемъ околоткѣ нигдѣ вѣтеръ стеколъ не бьетъ, только у насъ. Я думаю—ребятишки-сопливики.

— Дѣти нисколько не причинны.

— А помнишь,—въ моихъ глазахъ кресло сломали.

— Вамъ кресла то больше жалко, чѣмъ ребенка; Егорушка то до крови розбился тогда.

— А ну тебя.

— Денегъ барчикъ надо, заговорила, не много подождавъ, женщина.

— Тебѣ на что?

— Соль вся вышла, крупы ни зерна, бѣлой муки послѣднюю опару поставила.

— Возьми въ долгъ въ лавкѣ.

— Я и такъ серебро заложила.

— Какъ заложила?

— Что же будешь дѣлать? Въ долгъ не вѣрятъ, а людей кормить надо.

— А ну тебя къ чорту, прикрикнулъ Бубновъ.

Женщина ушла. Бубновъ досталъ бумажникъ, заглянулъ во всѣ отдѣленія, кромѣ записокъ ничего въ немъ не оказалось. Онъ досталъ кошелекъ; въ нёмъ не большой капиталъ нашелся, рублей пятнадцать.

Женщина вошла снова.

— Семенъ пришелъ.

— Зови сюда.

Вошелъ степенный крестьянинъ, помолился на образъ и въ поясъ поклонился барину.

— Сѣно убрали? спросилъ Бубновъ.

— Убрали. Господь помогъ.

— Все?

— Гдѣ же все! Егоръ Мартьянычъ. Только и успѣли ухватить попову ниву да горожонку, а на лугахъ еще и не принимались.

— Пора, Семенъ, поторопись.

— Пора-то—пора, время уходитъ, только вотъ что.

— Что тамъ такое?

— Деньжонокъ бы надо.

— Тебѣ недавно дано.

— Какія это деньги? На задатки все извелъ. Надо расчитать рабочихъ да новые задатки выдать, народу то много потребуется луга убирать.

— Вотъ я посмотрю еще, каково убрано.

— И смотрѣть нечего, Егоръ Мартьянычъ. Сѣно первый сортъ, чай да малина. Эту пору такую благодать Богъ послалъ! Только овсы сгорѣли совсѣмъ.

— Совсѣмъ плохи?

— Не приведи Богъ. Можетъ что въ бабкахъ будетъ, а въ полѣ только бы семена собрать.

— Это плохо, Семенъ.

— Воля божья. Становой пріѣзжалъ, сборъ земскій требовалъ да недоимку прежнюю, больше пятисотъ рублей насчиталъ, грозился, что опись будетъ.

— Ну его къ лѣшему. Больше ничего?

— Деньжонокъ то очень нужно. Кучеръ къ вашей милости пришелъ.

— Посылай сюда.

Семена смѣнилъ кучеръ.

— Ты что?

— Тарантасъ чинить надо, оковка какъ есть вся расхлябалась, перетянуть надо. Заднія колеса больно не надежны.

— Отвези въ кузницу.

— Ладно-ль будетъ, Егоръ Мартьянычъ.

— Это что такое?

— Кузнецъ деньги требуетъ. Грозится тарантасъ задержать.

— Ахъ разбойникъ! Пусть попробуетъ. Я его!

— Коновала надо бы позвать.

— Зачѣмъ?

— Коренному насосы спустить надо; лѣвая пристяжная замутилась, крови надо бросить.

— Ну, зови коновала.

— Тоже денегъ проситъ.

— Убирайтесь къ дьяволу! Всякому подлецу деньги надо.

Послѣ кучера явился еще крестьянинъ.

— Ты, Фома, за чѣмъ?

— Расчетецъ бы надо.

— И тебѣ денегъ?

— Какъ же-съ, Егоръ Мартьянычъ, Илья на дворѣ.

— На вино, небось?

— Вѣстимо къ празднику на вино надо: изъ-за того и бьемся.

— Когда вы перестанете пьянствовать?

— Какой безъ вина праздникъ, Егоръ Мартьянычъ!

— Много ли надо?

— Красненькую бы.

— Куда такъ много?

— За вашей милостью еще столько же останется.

— Ладно, такъ посмотрю.

Фому смѣнилъ другой крестьянинъ.

— Ты что?

— На крестины надо.

— И тебѣ денегъ?

— Какъ же, Егоръ Мартьянычъ. Бабѣ, попу надо, крестины справить.

Бубновъ подалъ рубль. Мужикъ не уходилъ.

— Что же ты?

— Маловато.

— Рубля-то?

— Что съ рублемъ заведешь дѣлать? Прибавь пятерочку, я и уйду.

— На, и убирайся. Всѣ ли вы?

— Тамъ еще коровница ждетъ.

— За деньгами тоже? Ахъ, вы черти проклятые!

— Покорно благодаримъ.

— Тебѣ что надо? вскинулся Бубновъ на коровницу.

— За деньгами къ вашей милости.

— Такъ я и зналъ.

— Илья на дворѣ. Сынъ — женихъ, дочка — невѣста.

— Ну, такъ что же?

— Времена-то тяжелыя настали. Пошла мода сапоги съ наборомъ носить да и башмаки-то на высокихъ каблукахъ. Мы и въ церковь не пойдемъ, коли намъ модной обуви не купишь, говорятъ.

— Ну, пусть и не ходятъ.

— Что ты, баринъ, Христосъ съ тобой, какъ это въ церковь не ходить?

— То-то и есть, въ церковь божью сапоги съ наборомъ да башмаки на высокихъ каблукахъ, развѣ для мольбы это нужно? Зажились. На готовыхъ то хлѣбахъ модничать давай.

— Чего ты, баринъ, своимъ хлѣбомъ коришь. Расчитай, я уйду, не буду тебя объѣдать.

— Куда ты пойдешь? Дура небитая.

— Слава Богу, найду мѣсто, не безъ добрыхъ людей. Управляющій Воложбина давно пристаетъ.

— А ну васъ къ дьяволу! Сколько тебѣ надо?

— Четвертную надо.

— Ахъ ты анафема! Откуда я возьму?

— Ваше дѣло—барское, деньги у васъ привольныя.

— Убирайся ты къ черту.

— Расчитай, я и надоѣдать не буду.

— Я тебя ужо расчитаю!

— Черти проклятые, думалъ Бубновъ, оставшись одинъ,—никакъ они сговорились, всѣмъ денегъ давай. А гдѣ взять? Еще шутъ гороховый за земскимъ сборомъ прикатилъ. Сказано разъ, что платить не буду и за что платить? Земскихъ денегъ я и въ глаза не видалъ, содержанія то мнѣ не даютъ, а я что за дуракъ! зачѣмъ платить стану. Пусть платятъ мужики да кто жалованье получаетъ. Выбрали бы членомъ губернской управы, ну, тогда, куда не шло, изъ двухъ съ половиной тысячъ сотенную далъ бы. Выдумали, платить! Мнѣ коровницѣ заплатить не чѣмъ, а уйдетъ она, мать, и гони—весь скотъ со двора. Ахъ, они черти проклятые! Хоть глазъ домой не кажи. Надо денегъ добывать.... Придется отдать за безцѣнокъ дачу Митрофану. Надо ѣхать за деньгами.

Бубновъ вышелъ на крыльцо. Съ двухъ сторонъ бросились къ нему собаки, онъ далъ имъ ногой по хорошему пинку, собаки отошли на почтительное разстояніе, умильно смотрѣли въ глаза и виляли хвостомъ.

— Никита! крикнулъ Бубновъ.
— Что надать? раздался изъ сарая голосъ.
— Что ты, анафема, тамъ дѣлаешь?
Изъ сарая вышелъ кучеръ.
— Мнѣ и не въ домекъ, что вы звать изволите.
— Осѣдлай карюю.
— Карій захромалъ.
— Такъ и есть! Скотина. Ну, пегаго.
— На пегомъ уѣхали за островьемъ.
— Такъ сиваго.
— Сивый на гороженкѣ кучи обвозитъ.
— Сѣдлай воронка.
— Далеколь вы поѣдете?
— Тебѣ что за дѣло, скотина?
— Ѣзда то ваша, прости Господи; долго-ли молодаго коня испортить.
— Дѣлай, что приказываютъ безъ разговоровъ.
— Воронко то въ полѣ спущенъ, изловить то его не легко.
— Живо подавай, сказалъ Бубновъ и ушелъ въ домъ.
— Скоро захотѣлъ—конь молодой, двѣ недѣли въ полѣ гуляетъ, бѣсъ его поймаетъ! Къ вечеру словить и то слава Богу. Майся тутъ съ нимъ, ворчалъ Никита, идучи въ поле.

Бубновъ порылся въ бумажникѣ, пересчиталъ деньги, которыхъ уже убыло, замоталъ головой и, повернувшись къ окну, засвисталъ.

— Неужели они, прохвосты, не оцѣнятъ моихъ заслугъ и не выберутъ въ члены управы, хоть бы уѣздной? заговорилъ Бубновъ. Сдалъ бы въ аренду имѣніе и зажилъ бы въ городѣ припѣваючи, хоть бы этой маяты не зналъ. Валишь, валишь деньги, точно въ бездонную яму, а толку нѣтъ, все денегъ просятъ. Попробовать развѣ посвататься за Воложбину. А дѣвка ухъ!... Такъ мурашки по тѣлу и забѣгаютъ, какъ вспомнишь про нее! Не пойдетъ, носъ натянетъ, за гвардейца, небось, мѣтитъ. А какого чорта въ деревнѣ гвардейца

дождется, состарится въ дѣвкахъ. А жаль. Ухъ какая забористая!.. Да отчего меня не выберутъ? Чѣмъ я хуже другихъ? Я хоть призваніе имѣю по земскому дѣлу. Вонъ Кривоносовъ даромъ деньги беретъ, съѣздитъ разъ въ мѣсяцъ за жалованьемъ въ городъ и благодушествуетъ дома. Дѣятель земскій! Всѣ то они выѣденаго яйца не стоятъ!

Въ комнату вбѣжала женщина.

— Къ намъ баринъ какой-то на тройкѣ ѣдетъ.

— А дьяволъ ихъ возьми! Ужъ не Звѣрева-ли чортъ несетъ? Проводи въ гостиную. Осмотри сперва. Тамъ, небось, мѣсяцъ не метено. Не нагажено-ли гдѣ еще у ребятишекъ? Ломаную то мебель вынеси.

— Валерьянъ Павловичъ! Давно желанный гость! восклицалъ Бубновъ, встрѣчая гостя на крыльцѣ.

— Сейчасъ надо выпить и закусить съ дороги, говорилъ Бубновъ, усаживая Звѣрева въ гостиной на диванѣ.

— Благодарю васъ, я сытъ. По дорогѣ завернулъ къ Прасковьѣ Петровнѣ, а она меня безъ завтрака не отпустила.

— Такъ и есть. Вы бы сперва ко мнѣ, а потомъ къ Прасковьѣ Петровнѣ. Чѣмъ же просить дорогаго гостя? Чаю не прикажите-ли?

— Отъ чаю не отказываюсь.

Бубновъ бросился къ дверямъ.

— Дуня, чаю, живо.

— Вы меня, дорогой Валерьянъ Павловичъ, такъ обрадовали, такъ обрадовали, что я и не знаю, какъ благодарить васъ, что обо мнѣ вспомнили.

— Я за самую пріятную обязанность считалъ побывать у васъ. Извините, что мнѣ не удалось къ первому къ вамъ явиться съ поклономъ.

— Много чести, Валерьянъ Павловичъ, со мной можно и попроще; я самъ простой человѣкъ. Вотъ Воложбинъ — другое дѣло. А какова дочка? Эхъ, дѣвочка!

— Да, не дурна.

— Развѣ можно такъ хладнокровно про нее гово-

рить? Красавица! рѣдкая красавица, развѣ только на картинѣ такую встрѣтишь. А развита-то какъ!

— Вы влюблены въ нее? Егоръ Мартьяновичъ.

— Рыбой надо быть, что бы не влюбиться. Огнемъ палитъ, когда къ ней близко подойдешь.

— Вотъ вы какой пылкій! Я этого не подозрѣвалъ.

— Я то перебѣсился; скоро сорокъ стукнетъ. А вотъ вы-то. Кровь то молодая, сердце заливаетъ, духъ захватываетъ!

— Полноте! Хорошъ виноградъ да зеленъ; не изъ чего и волноваться.

— Не скромничайте. Вы здѣсь первый женихъ. Состояніе ваше нисколько не меньше Воложбина, даромъ что онъ живетъ широко. Было у Воложбина, дѣйствительно было состояніе да много и ухнуло. Сталъ бы онъ въ деревнѣ жить. Неужели вы думаете, что онъ для земскаго дѣла забрался въ глушь работать, какъ онъ увѣряетъ каждаго? Не то, совсѣмъ не то. Ему хочется пробиться въ предсѣдатели губернской управы. Содержаніе солидное и мѣсто видное. Можно махнуть въ губернаторы или выше.

— Вы думаете?

— Вполнѣ увѣренъ. Смотрите-ка, какъ нынѣшній предсѣдатель зубами держится. Борьба будетъ жестокая и врядъ ли одолѣетъ Воложбинъ. Онъ воображаетъ пустить пыль въ глаза земству своими проэктами о народномъ образованіи и уравненіи повинностей. Года два съ ними бьется, дѣло то не подается ни на волосъ, семинариста взялъ. Напрасно трудится и тратится. Въ собраніи слушать не станутъ, передадутъ въ коммисію, а та живо похоронитъ. Тутъ не то надо.

— А что же?

— Сила нужна. Заручись большинствомъ голосовъ, двоихъ, троихъ прокатилъ на вороныхъ и заходятъ передъ тобой на заднихъ лапкахъ.

— Быть не можетъ! Вы шутите, Егоръ Мартьянычъ.

— Будете сами гласнымъ, такъ и увидите оборотную

сторону медали. Къ будущему собранію всѣ соберутся; кому не зачѣмъ ѣхать, насильно притащатъ, на свой счетъ привезутъ, что бы только лишній голосъ имѣть. Два года не ѣздятъ, едва наберется законное число, чтобы собраніе состоялось; а на третій всѣ привалятъ.

— Очень грустно.

— Кому смѣхъ, кому горе. Гражданское мужество въ книгахъ привлекательно, а всякому своя рубашка ближе къ тѣлу.

— Вы часто бываете у Воложбина? спросилъ Бубновъ послѣ небольшой паузы.

— Не очень. Но къ нимъ охотнѣе завернешь; она дѣвушка умная, развитая, много читала; съ ней поболтать пріятно.

— Это само собой, а физика то, физика!

— У васъ, какъ кажется, слабенькая натура.

— Нельзя похвастать. Она меня, впрочемъ разжигаетъ, ухъ какъ разжигаетъ!

— Я пріѣхалъ съ васъ взять слово.

— Готовъ всей душой служить вамъ.

— Въ Ильинъ день кое кто изъ сосѣдей обѣдать къ намъ будутъ. Не побрезгуйте моимъ хлѣбомъ—солью.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Очень вамъ благодаренъ за честь, Валерьянъ Павловичъ.

Звѣревъ простился и уѣхалъ.

— Ишь ты! обѣдомъ кормитъ, значитъ мѣстечка теплаго ищетъ. А чортъ его знаетъ? Можетъ въ губернскую членомъ махнетъ. Не на свою ли голову я его въ гласные потянулъ?

Бубновъ сѣлъ на воронка и пустился во всѣ лопатки по берегу.

Верстахъ въ пяти отъ усадьбы Бубнова растянулась по берегу большая деревня, въ концѣ ея стоялъ особнякомъ большой деревянный двухъэтажный домъ съ длиннымъ дворомъ подъ одной кровлей; за дворомъ въ саду на высокой мачтѣ развѣвался огромный флагъ съ широкими яркими полосами. Домъ и дворъ обшитые тесомъ

заново были выкрашены, рѣзные наличники на окнахъ такъ ярко и пестро были раскрашены, что въ глазахъ рябило, если пристально на нихъ посмотрѣть. Вся кровля окрашена была зеленой краской. Длинный дворъ, выстланный пластинникомъ, въ такой содержался чистотѣ, которой не въ каждой крестьянской избѣ встрѣтишь; часть двора занимали рядъ нѣсколькихъ тарантасовъ, двѣ новыхъ одноколки и водовозная бочка дубовая, крашеная зеленой краской.

На этотъ-то дворъ въѣхалъ Бубновъ, отдалъ воронка работнику и по крашеному крыльцу направился въ горницу. Большую, но не очень высокую комнату освѣщали шесть оконъ, по три съ каждой стороны, украшенныхъ кисейными занавѣсками; на окнахъ цвѣли герани и жасмины. Перловаго цвѣта обои были испещрены широкими золотыми разводами; солидная краснаго дерева мебель, обитая краснымъ штофомъ, тянулась по ранжиру по стѣнкамъ. Между оконъ всю стѣну закрывали зеркала; въ двухъ переднихъ углахъ въ золоченыхъ рѣзныхъ кіотахъ и въ серебряныхъ ризахъ образа освѣщались зажженными лампадками.

Хозяинъ, еще бодрый мужчина, лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, полный, съ румянымъ лицомъ, большой, окладистой бородой русой съ просѣдью, одѣтъ былъ въ красную ситцевую рубаху, малиновый бархатный жилетъ; синіе суконные брюки были запущены въ голенищи козловыхъ сапоговъ.

— Милости прошу, Егоръ Марьянычъ, привѣтствовалъ Бубнова хозяинъ.

— Какъ поживаете, Митрофанъ Ильичъ? спрашивалъ Бубновъ.

— Да ни што, Богъ милуетъ. На диванъ-то къ столу поближе милости просимъ.

Мигомъ явился на столъ кипящій ведерный самоваръ, блестящій, какъ новый, чайный приборъ съ густой позолотой, бутылка хересу и бутылка рому, бѣлый отличный хлѣбъ и икра.

— Съ дорогими то, конфетки прошу.
— Напиться съ хозяиномъ.
— Былое дѣло, но для дорогаго гостя можно еще.
— Пожалуйте, Егоръ Марьяновичъ, пожалуйте, подчивалъ хозяинъ, когда выпили по первой.
— А сами то.
— Нѣтъ, ужъ увольте! Кушайте, пожалуйста, сдѣлайте милость.

Бубновъ безъ церемоніи принялся за карась и икру съ хлѣбомъ. Хозяинъ разливалъ чай по чашкамъ.

— Какъ дѣла? спросилъ Бубновъ.
— Дѣла плохія. Холмины обидѣли. Подвалили рожью, сбили цѣны. Близко рубля пришлось сбавить. А то цѣны были добрыя.
— Вы въ убыткѣ не будете.
— Не та пора, баринъ, не та пора. Приходится дѣло бросать. Много больно появилось торговцевъ.
— Цѣны сбиваютъ?
— Дѣло портятъ.
— Какъ такъ?
— Возмется за дѣло безъ капитала и безъ разума, привезетъ товаръ и торопится сбывать.
— Чтобы капиталъ воротить.
— Ну да. Такъ обворотитъ, что на слѣдующій годъ и не является. Мы то изъ за него и терпи.
— Вамъ бы, Митрофанъ Ильичъ, земскимъ дѣломъ заняться.
— Какъ это такъ, Егоръ Марьяновичъ?
— Нынѣ выборы, пошли бы въ гласные.
— Намъ не рука.
— Васъ то всѣми бѣлыми выбрали бы.
— Неподходящее для насъ дѣло.
— Развѣ оно нисколько васъ не интересуетъ?
— Какой же интересъ? Земскіе сборы мы уплачиваемъ всѣ сполна за себя да еще и за деревню; а тамъ присуждать куда что дѣло барское, за то они жалованье получаютъ.

— Вотъ въ этомъ-то случаѣ, вы, какъ человѣкъ торговый и опытный, всегда бы могли дать хорошій совѣтъ.

— Чужими деньгами распоряжаться, баринъ, только одинъ грѣхъ. Полно, объ этомъ толковать, это не наше дѣло. Ты, я думалъ, на счетъ дачи пріѣхалъ.

— Объ дачѣ-то надо поговорить досугѣ, больно дешево даешь.

— И то ладно. Правду сказать, меня совѣсть мучила, больно много я надавалъ.

— Побойся Бога, Митрофанъ Ильичъ! Дача-то десять тысячъ стоитъ. Нужда только заставляетъ отдать тебѣ за три.

— Я силой не беру; любо — отдавай, не любо — бери дороже съ другаго.

— Скажите по совѣсти, Митрофанъ Ильичъ, если бы эта дача была ваша, — продали бы вы ее за три тысячи.

— Смотря по нуждѣ. Пришлось бы и за тысячу отдалъ бы.

— Побойтесь Бога, Митрофанъ Ильичъ! Вы ее даромъ берете. Сколько товару въ ней будетъ.

— Товару много, говорить надо правду. Расчета-то нашего вы не знаете. Три тысячи я разомъ отдамъ, а ворочать-то я буду три года. Капиталъ раньше убью на уплату, на обработку, а получка-то черезъ три года, и Богъ ее знаетъ, еще какова. Ращетъ-то вотъ какой выходитъ.

— Приходится, кажется, по рукамъ ударить.

— Какъ вамъ угодно. Пообождите, можетъ кто и дороже дастъ.

— Да ну ладно, молясь Богу. Только вотъ что, Митрофанъ Ильичъ, сегодня тысячу задатку дай, деньги до зарѣзу нужны.

— Тяжело для меня, Егоръ Мартьянычъ.

— Помолимся Богу, да перо съ бумагой на столъ, и запродажную напишу.

— Вѣрно надо васъ потѣшить, сказалъ хозяинъ и всталъ передъ образомъ молиться.

Бубновъ сѣлъ писать росписку, а Митрофанъ пошелъ за деньгами. Онъ принесъ десять сотенныхъ и положилъ передъ Бубновымъ.

— Дайте мнѣ, Митрофанъ Ильичъ, на двѣ сотни мелочи, деньги эти мнѣ сейчасъ раздать надо.

Бубновъ уложилъ деньги въ бумажникъ и поскакалъ на воронкѣ во всѣ лопатки домой.

IX.

— Заѣхать или не заѣхать? раздумывалъ Звѣревъ, когда показалась усадьба Воложбина. Пожалуй еще оставать обѣдать, а тетка ждать дома будетъ. Можно завтра нарочнѣ съѣздить, а то и такъ почти каждый день у нихъ.

— Пошелъ къ Воложбину, крикнулъ кучеру Звѣревъ, когда поровнялись съ усадьбой.

— Вотъ кстати. Мы идемъ рыбу ловить, вы съ нами пойдете. Папа занятъ, вы къ нему и не ходите, говорила Елена Александровна при встрѣчѣ Звѣрева въ саду.

— Вы можетъ быть завтракать хотите?

— Покорно благодарю; я завтракалъ и чай пилъ. Я къ вамъ на минуточку по дорогѣ завернулъ.

— Вотъ еще новости какія. Я васъ не отпущу, вы непремѣнно должны сегодня съ нами обѣдать.

— Помилосердуйте, Елена Александровна,—тетушка къ обѣду меня будетъ ждать.

— И одна отобѣдаетъ. Не упрямьтесь. Пойдемте рыбу ловить. Превеселое занятіе.

— Я никогда не ловилъ рыбы.

— Я сама никогда не ловила. Николай Николаевичъ научилъ, и я ему за то очень благодарна. Идите, время уходитъ.

Они всѣ спустились къ рѣкѣ; вошли на плотъ, гдѣ

была устроена скамейка. Слѣпневъ наживилъ крючки, удочки опустили въ воду.

— Первое условіе—не стучать. Говорить, смѣяться—можно, но не стучать; рыба пугается и Николай Николаевичъ сердится.

— Вотъ и поймала! Николай Николаевичъ, посмотрите какой скверный окунь, крючекъ проглотилъ; какъ я его достану?

Слѣпневъ перочиннымъ ножикомъ разрѣзалъ окуня и досталъ крючекъ, снова наживилъ и передалъ удочку Воложбиной.

— Валерьянъ Павловичъ, рыба стащитъ съ вашей удочки наживку, тащите скорѣе.

Звѣревъ выхватилъ удочку, большая плотица сорвалась съ крючка и упала въ воду.

— Не такъ быстро, полегоньку, вотъ такъ, —Воложбина вытянула плотицу и опустила на плотъ, Слѣпневъ снялъ рыбку съ крючка.

— Нравится вамъ? обратилась Воложбина къ Звѣреву.

— Ничего не могу сказать, я только начинающій.

— Я очень благодарна Николаю Николаевичу. Превеселое занятіе. Какъ онъ все знаетъ! Сначала рыба плохо ловилась, онъ опустилъ приманку и рыбы набралось такъ много, постоянно попадаетъ на удочку. Вотъ и вы поймали.

— Что же мнѣ дѣлать съ ней?

— Снимите съ крючка и опустите въ ведро.

— Съ Николаемъ Николаевичемъ не видно, какъ проходитъ время; то мы рыбу ловимъ, то грибы сбираемъ. Лодку приведутъ намъ, кататься будемъ.

Звѣревъ поглядѣлъ на Слѣпнева, тотъ казался сосредоточеннымъ на своей удочкѣ и какъ будто не слышалъ, что объ немъ говорятъ.

— Мы къ вамъ пріѣдемъ на лодкѣ рыбу ловить, говорятъ у васъ лещи ловятся большіе.

— Милости просимъ. Я лодку приготовлю.

— На первый разъ довольно.

Слѣпневъ отправился въ садъ.

— Скорѣе приходите, сказала ему Воложбина и повела Звѣрева къ большому дубу, подъ тѣнью котораго они сѣли на скамейку.

— Это любимое мое мѣсто въ саду. Не правда-ли, какой хорошій отсюда видъ? говорила Воложбина.

—Да, отвѣтилъ Звѣревъ. Въ деревнѣ хорошо, особенно лѣтомъ.

— Когда еще нѣтъ дождя, прибавьте. Привычка только миритъ человѣка съ его положеніемъ.

— Вы желали бы лучше жить въ Петербургѣ?

— Конечно. Вы не повѣрите, какъ я скучала сначала. Побродишь по саду, все надоѣстъ, сядешь гдѣ нибудь подъ тѣнью. Воспоминаніе объ обществѣ, объ театрѣ встанутъ передъ мной и такъ захочется въ Петербургъ, что даже заплачешь.

— Сосѣди-домосѣды, заняты своимъ хозяйствомъ. Можно бы придумать было какія нибудь развлеченія; тѣмъ больше, что въ нашемъ околодкѣ такъ много помѣщиковъ.

— Мы всегда рады принимать къ себѣ, домъ нашъ открытъ для всѣхъ, а сами видите, кто у насъ бываетъ. Только одинъ и вертится передъ глазами противный Бубновъ. Не повѣрите, какъ надоѣлъ онъ съ своимъ земствомъ, только и разговору. Папа его поддразниваетъ, а онъ несетъ околесную. Сначала забавляло, потомъ опротивило.

— Отчего бы сосѣдямъ не собираться запросто, устраивать сельскіе праздники, спектакли.

— Я предлагала не разъ, но ничего не состоялось. Домъ нашъ оживился, благодаря присутствію Николая Николаевича. Онъ умѣетъ все устроить мило, не лишенъ и юмора, особенно когда начнетъ разсказывать о семинарской жизни. Онъ много насъ смѣшитъ.

— Изъ семинаристовъ выдаются и образованные и

талантливые, у нихъ только недостатокъ свѣтскаго лоску.

— Про него и этого нельзя сказать.

— Очень милый молодой человѣкъ, мнѣ нравится его прямота и откровенность.

— Елена! позвалъ дочь Воложбинъ.

— Мы подъ дубомъ, папа, крикнула дочь.

— Хорошъ! заговорилъ Воложбинъ, подавая руку Звѣреву, чтобы зайти ко мнѣ, хоть на минуту, я бы показалъ вамъ кое-что интересное.

— Елена Александровна во всемъ виновата. Сказала, что вы заняты и приказала идти рыбу ловить.

— А гдѣ этотъ лодарь?

— Давно домой ушелъ, папа.

— Способный человѣкъ, только лодарь большой. За грибами, рыбу удить. Чего только не выдумаетъ! Лодку заставилъ купить.

— Да, очень способный и развитой господинъ.

— Представьте себѣ. Я пригласилъ его кататься верхомъ, собственно чтобъ позабавиться его неловкимъ положеніемъ, онъ какъ ни въ чемъ не бывало, началъ гарцовать, какъ кавалеристъ.

— Онъ вамъ нравится?

— Отличный господинъ. При немъ у насъ живѣе въ домѣ стало. Чего же не просишь обѣдать, хозяйка. Столъ накрытъ.

Они направились къ дому.

Слѣпневъ явился, когда подали супъ.

— Я васъ лишу пирожнаго за неисправность, обратилась къ нему Воложбина.

— Прикажите особый столикъ подать, какъ дѣлали у насъ въ семинаріи.

— Что же тамъ дѣлали? спросилъ хозяинъ.

— Отъ несытнаго стола садили за голодный. Поставятъ особый столъ съ приборомъ, какъ слѣдуетъ, и посадятъ за него виноватаго. Отъ нечего дѣлать сидишь и разные корчишь товарищамъ рожи.

— Былъ наконецъ у Бубнова, сказалъ Звѣревъ.

— Что-же?

— Нашелъ живописный безпорядокъ.

— Про земство разсуждали?

— Не безъ того. Что-то онъ былъ не въ духѣ.

— Причина извѣстна; денегъ нѣтъ и достать негдѣ.

— Что же рыбы не подавали?

— Рыбы сегодня и не готовили, папà.

— А которую наловили? Не варите-ли вы тамъ ухи на берегу, сколько разъ вы ловили, а я рыбы никогда не видалъ.

— Ее обираетъ садовникъ.

Пришелъ отецъ Петръ.

— Я пріѣхалъ увести отъ васъ Николая Николаевича.

— Что это такое значитъ? съ тревогой спросила Воложбина.

— Не большое дѣло случилось, не больше, какъ дня на два. Можно Александръ Александровичъ?

— Николай Николаевичъ всегда можетъ свободно распоряжаться собой. Я попросилъ бы только васъ не долго его удерживать. Работы-то, вы знаете, у насъ много.

Звѣревъ поздно вечеромъ вернулся домой.

— Извините, милая тетушка, что я заставилъ ждать. Впередъ никогда не буду.

— Что ты, Господь съ тобой, я даже рада, что ты веселишься. У Воложбина былъ?

— Отъ Бубнова по дорогѣ завернулъ на часокъ, безъ обѣда не пустили. Вы долго ждали меня обѣдать?

— Совсѣмъ не ждала; была увѣрена, что ты заѣдешь къ Воложбину и будешь обѣдать.

— Почему вы такъ думали?

Тетка лукаво прищурила глаза.

— Мимо дому проѣхать и не зайти нельзя.

— Это единственный домъ, гдѣ можно пріятно провести время.

— Ѣзди, ѣзди съ Богомъ; я очень рада.

— Вы что-то не досказываете.

— Ты бываешь тамъ не ради самаго Волховитина, полагаю.

Звѣрева передернуло.

— Ѣзжу, потому что мнѣ тамъ веселѣе, чѣмъ въ другихъ домахъ.

— Не скрытничай. Сознайся, тебѣ нравится Елена Александровна. Дѣвушка съ большими достоинствами, я ее люблю и уважаю.

— Такъ и есть. Вы тетушка готовы шляпу надѣть и ѣхать съ предложеніемъ.

— Я считала бы себя счастливой, если бы Богъ привелъ.

— Объ женитьбѣ мнѣ еще рано думать, сказалъ Звѣревъ и ушелъ на верхъ.

«Замѣтила старая! Подмѣтила», думалъ Звѣревъ, лежа въ кровати. «А можетъ быть она права! Но семинаристъ этотъ. Семинаристъ зачѣмъ? Не можетъ быть, чтобы онъ успѣлъ завладѣть ея сердцемъ; она не на столько проста, чтобъ влюбиться въ семинариста.

X.

Отецъ Петръ сидѣлъ у окна съ книгой; въ комнату вошла его жена; было уже десять часовъ утра.

— Что это парень то до сихъ поръ не сходитъ съ верху? Сходилъ бы ты посмотрѣть.

— Отсыпается.

— Онъ никогда у насъ такъ долго не спалъ. Въ девятомъ часу вчера ушелъ спать и до сихъ поръ не проснулся. Сходи, посмотри, Петръ Алексѣичъ.

— Не безпокойся; выспится и придетъ.

— Тебѣ все ни почемъ. Я сама пойду.

Матушка поднялась на верхъ и крикнула въ двери.

— Николай! Живъ ли ты?

— Живехонекъ.

— Что это, до которой поры спать будешь?

— Славно выспался. Который часъ?

двѣнадцати, завтракать иди.

— Вотъ такъ поспалъ къ сердцу. Теперь я готовъ!

Слѣпневъ спустился въ низъ, тамъ уже на столѣ готовы были горячіе пирожки и кофе.

— Попадью растревожилъ, говорилъ Слѣпнёву Петръ Алексѣевичъ, когда сѣли за столъ, — она, и Богъ вѣсть, что подумала.

— Отлично выспался. Очень вамъ благодаренъ, что меня выручили, въ эти два дня я поправлюсь, а то совсѣмъ смаялся.

— Тебя работать съ утра до ночи заставляютъ вѣрно.

— Работы большой нѣтъ, время идетъ безтолково, выспаться не даютъ. Утромъ чай собираются пить около десяти, а часто и въ десять, съ десяти до двѣнадцати въ кабинетѣ съ Воложинымъ разсуждаешь, это хуже всего, переливаешь изъ пустаго въ порожное, въ эти два часа все бы дѣло справилъ къ слѣдующему утру, а тутъ слушай его чепуху и записывай еще, а все бы надо выбросить. Въ двѣнадцать позавтракаемъ и маршъ — либо рыбу ловить, либо за грибами. Тамъ обѣдъ, послѣ обѣда прогулка, а тамъ читать имъ въ слухъ. Въ часъ спать пойдешь, а въ четыре часа встану и за работу. Только и времени на работу, что утро до девяти часовъ. Притомъ же цѣлый день на вытяжкѣ въ сюртукѣ, ну просто смаялся.

— Хорошо-бы лещиковъ половить теперь, заговорилъ Слѣпневъ, когда позавтракали.

— Не рука, братъ, не рука. Во-первыхъ, времени нѣтъ мнѣ, а если бы и свободно было, ни на порогъ ѣхать нельзя. Зубревъ непремѣнно увидитъ. Вотъ, скажетъ, за какимъ важнымъ дѣломъ уѣхалъ. Лгуномъ прослывешь. Ты ужъ лучше эти дни поспи, можешь выспаться впередъ.

— Кажется, что такъ и придется сдѣлать, сказалъ Слѣпневъ, ушелъ на берегъ и растянулся подъ тѣнью дерева на лужкѣ.

говорится что всѣ земли отъ Азова вверхъ по Дону по переволоку и до устья Медвѣдицы были пусты и принадлежали частію азовцамъ, частью татарамъ (Труды донскаго войсковаго статистическаго комитета. Выпускъ первый. Новочеркаскъ 1867. стр. I). Наша задача заключается въ томъ, чтобы прослѣдить, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ постепенное заселеніе юговосточныхъ окраинъ русскими переселенцами и возстановить внутреннее устройство основанныхъ ими колоній. Первыя русскія поселенія появились въ мѣстности, орошаемой Дономъ и его притоками, съ которой мы и начнемъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о заселеніи этой мѣстности, мы должны сдѣлать очеркъ природныхъ условій ея, оказавшихъ могущественное вліяніе не только на направленіе колонизаціи, но и на образъ жизни, равно какъ и на общественныя отношенія поселенцевъ.

Направленіе русской колонизаціи въ этомъ краю опредѣлилось теченіемъ рѣкъ. Главный недостатокъ степной полосы состоитъ въ слабомъ орошеніи. По незначительности своихъ размѣровъ, Азовское и Черное моря не могутъ дать влаги въ количествѣ, достаточномъ для правильнаго орошенія страны и образованія водныхъ путей, удобныхъ для судоходства. Рѣкъ и рѣчекъ здѣсь не много. Наиболѣе важный изъ водныхъ путей, Донъ, въ сухое время пересыхаетъ, образуя множество мелей. Дождя выпадаетъ мало, какъ и во всей степной полосѣ, особенно весною и въ началѣ лѣта, что должно было мало располагать переселенцевъ къ занятію земледѣліемъ, такъ какъ въ это именно время хлѣбъ всего болѣе нуждается въ орошеніи. Бываютъ годы, когда во все время роста хлѣба, совсѣмъ не выпадаетъ дождя, тогда бываютъ страшныя засухи (Чаславскій, Земледѣльческіе отхожіе промыслы. Сборникъ государственныхъ знаній, т. 2). За то бываютъ, правда, годы, что два, три хорошихъ дождя производятъ урожаи въ самъ—50.

Въ виду такого непостоянства урожаевъ, а главнымъ образомъ въ виду неудобствъ вести въ пустынной степи осѣдлую жизнь земледѣльца, сопряженную съ значительными затратами, при постоянной опасности подвергнуться нападеніямъ

хищниковъ, земледѣліе могло сдѣлаться здѣсь господствующимъ занятіемъ лишь съ прекращеніемъ всякой возможности питаться продуктами звѣроловства, скотоводства и рыбной ловли. Какъ ни быстро увеличивалось населеніе Донской области, но при благопріятныхъ природныхъ условіяхъ, существующихъ тамъ, нужно очень много времени, чтобы потребовалось такая перемѣна. Луговыя степи, покрытыя толстымъ слоемъ чернозема, представляли всѣ условія для развитія обширнаго скотоводства. И дѣйствительно, даже въ самое недавнее время степная полоса была по преимуществу полосою скотоводства. Огромныя стада паслись на степяхъ, никогда не тронутыхъ сохой, сами добывая зимою кормъ изъ подъ снѣга, такъ что запасаться сѣномъ приходилось лишь на время гололедицы. Но не скотоводство составляло главный источникъ средствъ существованія для первыхъ поселенцевъ Дона. Чтобы заниматься имъ необходимо было жить разсѣянно по всему пространству области, перекочевывая, по мѣрѣ истощенія травы, съ одного мѣста на другое, въ постоянномъ ожиданіи нападеній ногаевъ и татаръ. При томъ же оно требовало и гораздо большихъ средствъ, гораздо болѣе значительной траты труда, чѣмъ звѣроловство и рыболовство въ такой многорыбной рѣкѣ, какъ Донъ, которое въ первый періодъ и было главнѣйшимъ занятіемъ донцовъ. Скотоводство служило лишь какъ подспорье.

Въ раннюю пору общественнаго развитія природа, какъ извѣстно, оказываетъ могущественное вліяніе на человѣка. Сосредоточеніе донскихъ поселенцевъ по берегамъ Дона обусловило не только выборъ извѣстныхъ занятій для добыванія средствъ къ существованію, оно въ значительной степени вліяло и на характеръ казаковъ, отличавшихся всѣми свойствами приреченыхъ жителей, незнакомыхъ съ трудностями земледѣлія, и на ихъ общественное устройство. Мы увидимъ далѣе, что начало вражды казаковъ съ ихъ сосѣдями, Азовцами, вражды, наполнявшей большую часть ихъ жизни, слѣдуетъ искать отчасти въ борьбѣ за обладаніе Дономъ, хотя, разумѣется, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи вражда эта была обусловлена совершенно иными вліяніями.

Переходя къ изслѣдованію исторіи и быта Донскихъ

поселенцевъ, мы должны доказать еще, что поселенцы эти пришли сюда изъ Московскаго государства. Вопросъ о происхожденіи донскихъ казаковъ остается до сихъ поръ далеко неразрѣшеннымъ, раздѣляя, такимъ образомъ, участь большей части важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи. Кромѣ недостаточности источниковъ, несовершенства общепринятыхъ историческихъ методовъ, разъясненію судьбы казачества мѣшаетъ еще общая склонность историковъ, какъ центральныхъ, такъ и особенно мѣстныхъ, приступать къ изслѣдованію фактовъ съ предвзятыми цѣлями, неимѣющими никакого отношенія къ наукѣ, и узкій, совершенно невѣрный взглядъ на казачество, какъ на сословіе военное. Изъ всѣхъ изслѣдователей только Сухоруковъ и отчасти Костомаровъ свободны до нѣкоторой степени отъ послѣдняго недостатка.

Донскіе писатели, за исключеніемъ Сухорукова, до послѣдняго времени занимались исключительно лишь восхваленіемъ военныхъ доблестей своихъ соотчичей, считая, вѣроятно, военныя наклонности особенно цѣннымъ качествомъ. Прошедшее казаковъ представлялось ими въ видѣ какой-то непрерывной Иліады. Задаваясь нехитрою цѣлью собрать всевозможныя данныя для убѣжденія читателей въ «безпримѣрной славѣ» донскихъ казаковъ, созданной ихъ небывалыми доблестными дѣяніями, ихъ неслыханными заслугами предъ Россіей, наивные донскіе исторіографы прибѣгали къ самымъ невѣроятнымъ натяжкамъ, усиливая значеніе однихъ фактовъ и игнорируя массу другихъ. Понятно, что при подобной постановкѣ дѣла не могло быть и рѣчи о сколько нибудь раціональной разработкѣ источниковъ. Надо сказать впрочемъ, что патріотическія усилія донскихъ писателей превратить казаковъ въ рыцарей безъ страха и упрека вызваны были не одною потребностью создать эпопею для услажденія досуговъ празднаго донскаго читающаго люда и вящаго возбужденія мужества въ казакахъ, — поводомъ къ нимъ послужило прежде всего желаніе дать достойный отпоръ обиднымъ нареканіямъ на казачество со стороны историковъ центральной школы. Извѣстно, что большая часть этихъ историковъ, вообще чувствующихъ слабость къ нравоучительному тону, держится самого оскор-

бительнаго мнѣнія о казакахъ, особенно о первомъ самостоятельномъ періодѣ ихъ исторіи до Петра Великаго. По ихъ мнѣнію казачество образовалось изъ «русскихъ бѣглецовъ и разбойниковъ» (Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества) «людей бѣглыхъ разныхъ россійскихъ, а наиболѣе украинскихъ городовъ, искавшихъ дикой вольности и добычѣ въ опустѣлыхъ улусахъ орды Батыевой» (Карамзинъ). «Одни укрывались здѣсь, говорятъ авторы историческаго описанія Земли Войска Донскаго, избѣгая притѣсненій отъ владѣльцевъ, другіе, увлекаясь своевольствомъ, алчностью къ добычѣ и грабежамъ... и грабили здѣсь все, что могли». По мнѣнію Соловьева, сюда удалялись бездомные и преступники, которыхъ по закону никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ принимать, а общества держать у себя, хотя бы они прежде состояли членами ихъ. Еще хуже думаетъ о казакахъ Кояловичъ, превращающій Донскую область въ какую то клоаку, куда стекались „испорченныя силы русскаго народа, питомцы неестественно-натянутой русской жизни временъ Іоанновыхъ первыхъ, третьихъ и четвертыхъ, негодные люди, испорченные злыми началами управленія". Еще въ XVII вѣкѣ одинъ персидскій шахъ выразился про казаковъ, что это такіе люди, что гдѣ-бы они не завелись, ихъ всегда хотѣніе одно, какъ бы человѣка убить и ограбить. Огорченный такимъ предосудительнымъ поведеніемъ казаковъ и вѣрный своему правилу уснащать историческое повѣствованіе поучительными сентенціями, Карамзинъ не безъ сожалѣнія заключаетъ, что, „происхожденіе казаковъ не весьма благородно". „Слово, сказанное кстати, говоритъ г. Костинъ (Донская Газета 1874, № 23. О происхожденіи донскихъ казаковъ) производитъ всегда сильное дѣйствіе на тѣхъ, кого касается. Казаки глубоко почувствовали этотъ укоръ. Какъ на бѣду же въ эту пору наша донская интеллигенція только что достигла правъ именно на благородство происхожденія, а тутъ вдругъ опять этакая аттестація! Не обидно-ли?... Этого мало,—вслѣдъ за такими коноводами прочіе русскіе хлыщи, которымъ уже какъ есть нечѣмъ было больше величаться, какъ своей сословной спѣсью, туда же ну колоть намъ тоже этимъ неблагородствомъ происхожденія. Мочи не стало у нашей интеллигенціи, и вотъ

она рѣшилась доказать, что это не только ложь, но и клевета, что казаки не только не воры и не разбойники, а, напротивъ, такіе люди, какихъ свѣтъ мало производилъ! Всякій почти, кто брался за перо у насъ, непремѣнно парадировалъ на эту тему. Образовался цѣлый родъ пѣснопѣній, явилась настоящая традиція самопоклоненія". Увлеченіе культомъ казачества коснулось и такихъ писателей, которые во многихъ случаяхъ обнаружили способность критически относиться къ изслѣдуемымъ явленіямъ.

Можно было бы составить весьма солидную коллекцію курьезныхъ теорій, сочиненныхъ донскими писателями съ патріотическою цѣлью снять съ своихъ соотчичей мнимый позоръ происхожденія отъ русскихъ бѣглецовъ и разбойниковъ, но ограничимся наиболѣе выдающимися измышленіями. Поповъ производилъ казаковъ ни болѣе ни менѣе, какъ отъ амазонокъ. Пудавовъ не углубляется такъ далеко въ древность и довольствуется болѣе скромной генеалогіей, по которой первые казаки произошли отъ русскихъ людей, проживавшихъ въ услуженія у казаръ и тамъ усвоившихъ себѣ военный духъ. Но единственное основаніе для такого предположенія представляетъ, повидимому, лишь нѣкоторое созвучіе словъ казаръ и казакъ,—основаніе, во всякомъ случаѣ, не твердое. Ульяновъ (Донская газета 1873 г., „Старина Донскихъ казаковъ") производитъ Донцовъ отъ бѣглецовъ изъ Рязани, бѣжавшихъ и долго жившихъ будто бы на Кавказѣ, откуда въ XV вѣкѣ они, сначала подъ именемъ Азовскихъ казаковъ, потомъ Донскихъ, являются на Дону. Его доказательства, состоящія главнѣйшимъ образомъ изъ мнѣній Карамзина, Ригельмана, Морошкина и другихъ писателей, неподтвержденныхъ свидѣтельствами источниковъ, всесторонне разсмотрѣны и опровергнуты въ указанной выше статьѣ Костина. Трудъ наиболѣе безпристрастнаго и талантливаго изъ донскихъ историковъ В. Сухорукова (Историческое описаніе Земли Войска Донскаго) къ сожалѣнію подвергся передѣлкѣ невѣжественныхъ редакторовъ (Богдановича), такъ что его мнѣніе о происхожденіи донскихъ казаковъ въ точности неизвѣстно, хотя есть основаніе думать, что онъ держался взгляда, по которому казачество

образовалось изъ выходцевъ различныхъ національностей, преимущественно русской.

Также мало изслѣдованъ и весь періодъ самостоятельной жизни казачества, особенно его общественнаго устройства. Вообще исторія нашихъ окраинъ, въ томъ числѣ и Дона, можно сказать, еще не разрабатывалась. Писано о нихъ много и у насъ и за границей, но все это или нелѣпые вымыслы, повторяемые безъ критики одними писателями вслѣдъ за другими, или сырыя данныя, не связанныя между собою никакой идеей. Вымыслами особенно изобилуютъ заграничныя издѣлія о казачествѣ [1]).

Въ однихъ изъ нихъ казаки представляются какими-то центаврами, людьми, проводящими всю жизнь на лошади, въ другихъ — повѣствуется о ихъ пристрастіи къ сырому мясу, ожерельямъ изъ человѣческихъ ушей и сальнымъ свѣчамъ и пр. Одинъ ученый даже открылъ специфическій казачій запахъ! (Улэ и Вагнеръ, Общая патологія стр. 168). Даже наиболѣе серьезные изъ иностранныхъ писателей имѣютъ такъ мало свѣдѣній о занимающемъ ихъ предметѣ, что, напримѣръ, искренно убѣждены въ происхожденіи донскихъ казаковъ отъ Запорожцевъ (Die Kosaken. Berlin 1861. 8°).

Что касается до русскихъ центральныхъ историковъ, то, увлеченные мыслью прослѣдить постепенное развитіе государственнаго начала, они все свое вниманіе сосредоточивали на фактахъ, уясняющихъ это развитіе, или совершенно игнорируя явленія народной жизни, или останавливаясь на нихъ лишь въ такой мѣрѣ, насколько онѣ препятствовали и содѣйствовали государственному прогрессу. Понятно, что исторія Донской области, явившейся безъ участія Москвы и долгое время жившей самостоятельно, отдѣльною отъ Москвы жизнью, не могла особенно интересовать ихъ и, если они иногда обращались къ ней, то для того лишь, чтобы доказать на этомъ примѣрѣ невозможность существовать внѣ государства, причемъ едини-

[1]) Въ каталогѣ «Rossica» Публичной Библіотеки перечислены всѣ сочиненія о казачествѣ на иностранныхъ языкахъ. Ихъ оказывается весьма значительное количество.

ственнымъ основаніемъ для такого вывода служило различіе устройства этой области отъ порядковъ Московскаго государства. Обращаясь къ фактическому изложенію исторіи колонизаціи Донской области, мы находимъ первыя извѣстія о существованіи русскихъ поселеній здѣсь не ранѣе XVI вѣка. До этого времени все степное пространство представляло, какъ уже было сказано, безлюдную пустыню, на которой по временамъ происходили ожесточенныя схватки между Волжскими и Крымскими татарами. Такъ, въ 1435 году скитался здѣсь съ своимъ особеннымъ улусомъ царь Муртоза съ Волги, на котораго въ слѣдующемъ году сдѣлалъ нападеніе крымскій ханъ Менгли-Гирей (Карамзинъ, VI. Стр. 173, 191). Повидимому, къ тѣмъ же ордынцамъ слѣдуетъ относить разсказы Пимена, проѣзжавшаго по Дону въ 1389 г., о разбойникахъ въ верховьяхъ этой рѣки. Впрочемъ многочисленныя развалины разныхъ построекъ, даже городовъ, видѣнныя тѣмъ же Пименомъ, доказываютъ, что здѣсь существовало нѣкогда осѣдлое населеніе, стоявшее на извѣстной степени культуры. Можетъ быть это были слѣды поселеній казаръ. Во всякомъ случаѣ они не могли принадлежать русскимъ, какъ это предполагаетъ Ульяновъ, основываясь на нѣкоторыхъ неясныхъ указаніяхъ источниковъ о движеніи русскихъ на Донъ еще въ XIV вѣкѣ. Это движеніе не могло имѣть обширныхъ размѣровъ и было непродолжительно „Частые набѣги ордынскихъ хищниковъ, говоритъ Иловайскій въ своей Исторіи Рязанскаго княжества, заставили русскихъ князей прибѣгнуть къ содержанію въ степи карауловъ, которые могли бы во время извѣщать объ опасности". Начало такихъ карауловъ относится ко второй половинѣ XIV вѣка; въ первый разъ о нихъ упоминается въ грамотѣ митрополита Алексѣя около 1360 года. Вначалѣ они представляли не болѣе, какъ скрытые притоны разъѣзжавшихъ сторожей и станичниковъ, имѣвшихъ обязанностью наблюдать за движеніемъ татаръ, а впослѣдствіи изъ нихъ развилась цѣлая и довольно сложная система пограничной стражи. Въ эпоху Дмитрія Донскаго на ряду съ рязанскими встрѣчаются въ степяхъ (степи эти назывались русскими *полемъ*) уже караулы и московскіе. Но рязанское княжество болѣе другихъ нужда-

лось въ подобныхъ мѣрахъ предосторожности, такъ какъ на него падали обыкновенно первые удары кочевниковъ. Олегъ рязанскій (отъ 1350 до 1402 г.), заботясь о безопасности своихъ подданныхъ, старался восполнить недостатокъ естественныхъ границъ и укрѣпленій на юговостокѣ бдительностью сторожевыхъ ратниковъ, разставленныхъ по разнымъ притонамъ въ степяхъ. Благодаря постоянному движенію этой стражи все глубже въ степь, юговосточная граница рязанскаго княжества уже въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, по словамъ Иловайскаго, далеко перешагнула рѣку Воронежъ и углубилась въ степи, гдѣ и опредѣлилась русскими поселеніями. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ грамоты Алексѣя, населеніе это было осѣдлымъ и вообще здѣсь были тѣ же общественныя отношенія, какъ и въ остальной Россіи того времени. Грамота написана „ко всѣмъ крестьянамъ, обрѣтающимся въ предѣлѣ Червеннаго Яру и по карауламъ возлѣ Хоперъ по Дону, попамъ и дьякамъ, и къ баскакамъ, и къ сотникамъ и къ боярамъ". Но въ виду совершеннаго молчанія митрополита Пимена, записывавшаго вообще весьма тщательно все встрѣчавшееся во время путешествія, о русскихъ поселеніяхъ на Дону, можно думать, что приведенныя свѣдѣнія относятся не къ Донскимъ казакамъ. По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о поселеніяхъ, удаленныхъ отъ Дона и временныхъ, возникавшихъ по мѣрѣ надобности въ защитѣ границъ.

Подъ 1444 годомъ въ лѣтописяхъ упоминается о какихъ-то рязанскихъ казакахъ, составлявшихъ цѣлый отрядъ войска, но всей вѣроятности, отправлявшій пограничную стражу. Очень можетъ быть, что Донскіе казаки переняли это названіе именно отъ рязанцевъ. Во всякомъ случаѣ въ концѣ XV вѣка Донъ былъ совершенно пустъ. Въ 1493 году Мещерскіе казаки, желая добыть „языка" т. е. получить какія либо вѣсти о движеніяхъ татаръ, должны были спуститься подъ самый Азовъ.

Но съ этого времени начинается сильное движеніе русскихъ людей съ разныхъ концовъ государства въ область Дона. Когда въ 1501 году татары волжской и крымской ордъ снова сошлись на Дону (при устьѣ Тихой Сосны) съ своими вой-

ками, то Менгли-Гирей, прося помощи у Ивана III, писалъ: „*люди твои ходятъ на судахъ рѣкой Дономъ*, пришли мнѣ съ ними нѣсколько пушекъ для одной славы и врагъ уйдетъ".— Значитъ, движеніе русскихъ людей было настолько значительно, что для устрашенія врага не было нужды снаряжать новыхъ судовъ. Но Крымскій ханъ совершенно ошибочно думалъ, что эти люди были въ зависимости отъ московскаго князя. Это были, напротивъ, бѣглецы изъ московскаго государства. Испуганный вѣроятно значительными размѣрами, которое принимала эмиграція, Иванъ III писалъ въ 1502 г. княгинѣ Агриппинѣ: „изъ твоего княжества бѣгаютъ на Донъ разные люди и черные, и средніе и торговые и ты - бъ имъ запретила, а ослушается кто и пойдетъ въ *молодечество* и ты - бъ ихъ велѣла казнить, а не велишь ихъ казнить, я ихъ велю казнить и продавать" (Иловайскій). По мнѣнію Иловайскаго подъ молодечествомъ слѣдуетъ разумѣть здѣсь Донскихъ казаковъ. Можетъ быть это молодечество и не приняло еще въ ту пору названія казаковъ, но дѣло въ томъ, что оно отличается всѣми особенностями, свойственными донскому казачеству, »а главное, что оно т. е. молодечество уже существуетъ и даже становится въ какое-то самостоятельное, оторванное положеніе, такъ что обезпокоиваетъ даже московское правительство, больше всего хлопотавшее о томъ, чтобы нивеллировать всѣ сколько нибудь выдающіяся самобытности". Легко понять почему именно въ это время образовалось казачество, если припомнить, „какъ много было поводовъ выдѣляться въ то время разной вольницѣ, ибо то время было временемъ броженія на Руси, временемъ всевозможныхъ переходовъ и бояръ отъ царя и крестьянъ отъ бояръ, время подавленія мѣстныхъ самоуправленій, отрицанія исконно-русскаго уклада народной жизни, уклада вѣчеваго, и все это въ средѣ народа, который во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда борьба начинаетъ превышать его силы снимается и идетъ розно». Понятно, что лишь представилось къ тому удобное мѣсто, такъ началась эмиграція (Костинъ). Въ 1549 году казаки уже стояли на Дону твердою ногою. Въ походѣ этого года ногайскій князь, Юсуфъ, жаловался великому князю, что нѣкто Сарыазманъ, «холопъ твой», на Дону

въ трехъ или четырехъ мѣстахъ городки поставилъ и дѣлалъ нападенія на ногайскихъ татаръ: ногайскіе люди ходили въ Москву съ торгомъ и на возвратномъ пути на нихъ напали стоявшіе на Дону казаки Севрюки, при чемъ однихъ побили и куны ихъ взяли, а другихъ повели къ русскому царю. На жалобы Юсуфа Иванъ IV отвѣчалъ, что эти холопи его въ русской землѣ многое лихо учинили и убѣжали въ „полѣ". Спустя полтора года султанъ турецкій уже жалуется, что русскій царь Иванъ все поле и рѣки у него поотымалъ, отнялъ Донъ и всю волю въ Азовѣ, казаки же царя Ивана съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дону пить не даютъ и крымскому царю дѣлаютъ великія обиды (Савельевъ, Трехсотлѣтіе войска донскаго). Въ началѣ 1570 года Иванъ Грозный прислалъ на Донъ свою грамоту, которая считается первой по времени и съ которой начинается признанное московскими царями существованіе донскаго казачества, образованіе котораго, какъ организованнаго цѣлаго, можно отнести, такимъ образомъ, къ первой половинѣ XVI столѣтія.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ видно, что главнѣйшій контингентъ казачества доставляли русскіе люди. Тождество языка, религіи, обычаевъ доказываетъ тоже самое. Русскіе цари неоднократно заявляли, что казаки бѣглые русскіе люди. Въ грамотахъ турецкому султану, въ отвѣтъ на его жалобы на казаковъ, московскіе цари отвѣчали, что „донскіе казаки опальные бѣглые и иные казаки тутъ и состарѣлись живучи" (въ 1584 г.) что „на Дону живутъ люди вольные, русскіе бѣглецы, на которыхъ лежитъ опала государева" (въ 1592 и 94 гг.) и вообще, что „нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ, а живутъ тамъ нашего государя бѣглые люди", что „донскіе казаки не по нашему велѣнью живутъ (на Дону), бѣгая изъ разныхъ земель нашего государства и изъ Литовской земли, и всякое мирное и бранное дѣло у нихъ дѣлается безъ нашего вѣдома (Историческое описаніе земли войска донскаго, стр. 55, 62, 86, 90 и др.). Подобнаго же мнѣнія о происхожденіи казаковъ держался и Котошихинъ: „а люди сія породою москвичи и иныхъ городовъ и новокрещеные татарове и запорожскіе казаги и поляки и ляхи и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ

и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и татьинныхъ и иныхъ дѣлахъ и покрадчи и пограбя своихъ бояръ уходятъ на Донъ и бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а случится имъ съ чѣмъ нибудь пріѣхать къ Москвѣ и до нихъ напередъ дѣла никакого не бываетъ ни кому, кто что ни воровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ дѣлъ освобождаются, и дано имъ на Дону жить своя воля".

Нѣкоторые изъ донскихъ историковъ, напримѣръ, Ульяновъ (Старина донскихъ казаковъ), сильно заподозрѣваютъ справедливость и искренность заявленій московскаго правительства, предполагая, что очерненіе казаковъ было однимъ изъ маневровъ „бестактной и безчестной" политики русскихъ дипломатовъ того времени, не умѣвшихъ «ни честно лгать, ни умно обманывать, заботившихся лишь о своихъ личныхъ интересахъ и въ избыткѣ раболѣпства измѣрявшихъ служебныя достоинства количествомъ грязи, выброшенной на головы беззащитныхъ,—благо повѣрять сказаннаго никто не станетъ». Общество и лѣтописцы, слыша кругомъ себя эти злорѣчивыя и настойчиво повторявшіяся розсказни русскихъ бояръ, естественно усвоивали себѣ такое же мнѣніе и заносили, не мудрствуя лукаво, эти гнусныя клеветы въ свою лѣтопись. Но кромѣ раздраженнаго тона и рѣзкихъ эпитетовъ, въ родѣ „воры собаки", которыми награждали лѣтописцы казаковъ, особенно лѣтопись о мятежахъ, нѣтъ никакихъ основаній къ заподозрѣванію справедливости общераспространеннаго и правдоподобнаго мнѣнія о происхожденіи казаковъ, а эти основанія далеко недостаточны. Гораздо вѣроятнѣе объясненіе московской политики, предложенное Сухоруковымъ, по мнѣнію котораго двуличное поведеніе Москвы, съ одной стороны выдававшей казаковъ головой, съ другой — тайно помогавшей имъ всѣми средствами усиливаться, объясняется желаніемъ создать изъ казачества орудіе своихъ цѣлей, не подвергая ни себя, ни казаковъ нападеніямъ непріятелей, тогда еще сильныхъ. Цѣль эта была достигнута вполнѣ: дѣйствуя то угрозами, то лаской, а всего чаще раздачей жалованья, подкупомъ, привлекая на свою сторону наиболѣе выдающихся атамановъ,

разъединяя казачество на враждебныя партіи, московское правительство добилось, наконецъ, того, что донскіе казаки, сбѣжавшіеся въ степь для вольной жизни, не только сами сдѣлались ревностными исполнителями его приказаній, но покорили его власти громадныя области. Болѣе откровенная и крутая политика польскихъ королей, относительно украинскихъ казаковъ, какъ извѣстно, привела совершенно къ противоположнымъ результатамъ. Вмѣстѣ съ бѣглецами изъ московскаго государства въ составъ донскаго казачества входили бѣглецы и изъ Украйны. Переселеніе малороссовъ на Донъ началось еще до 1584 года, но наплывъ ихъ сталъ особенно усиливаться съ 1588 года. Притѣсненія польскою шляхтою малороссовъ, начавшіяся со времени завоеванія въ 1340 г. Польшею Червонной Руси (Галиція, Волынь и Подолія) особенно усилились съ Люблинской уніи, которою открывается рядъ суровыхъ мѣръ, направленныхъ польскимъ правительствомъ и шляхтою къ закрѣпощенію казаковъ шляхтичами и уничтоженію ихъ вольнаго общиннаго устройства. Количество недовольныхъ, центромъ которыхъ, чуть-ли не съ самаго татарскаго нашествія, служило Запорожье, особенно увеличилось со времени раздѣленія Баторіемъ казаковъ на реестровыхъ и нереестровыхъ. Съ выборомъ на престолъ Сигизмунда III, запорожцы, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, подъ предводительствомъ общаго гетмана Сагайдачнаго, начинаютъ ожесточенную борьбу противъ Польши, во имя политической и религіозной свободы. Польское правительство употребляетъ всѣ усилія подчинить своему вліянію Запорожье, употребляя тѣже средства, что и московское относительно донскихъ казаковъ, но съ меньшею послѣдовательностью и меньшимъ успѣхомъ. Не находя желанной воли на Днѣпровскихъ островахъ, нѣкоторые изъ малоруссовъ отправлялись искать ее на Дону. Первая значительная партія запорожцевъ пришла сюда въ 1588 году. Она пришла сухимъ путемъ и, прежде чѣмъ соединиться съ донцами, пробыла годъ у сѣвернаго Донца, живя грабежомъ. Въ 1589 г. запорожцы, вмѣстѣ съ донскими казаками, ходили на Азовъ. Но обыкновеннымъ путемъ для переселенія на Донъ служило имъ море. Преслѣдуемые турецкими

кораблями, запорожцы и прежде нерѣдко спасались въ устьяхъ Дона: большая часть ихъ чрезъ притоки Дона возвращались назадъ, перетаскивая по сушѣ свои мелкія суда на себѣ, но многіе оставались на Дону. Но въ 1630 году въ одинъ день, 16 марта, ихъ явилось до 500 человѣкъ съ приглашеніемъ къ Донскимъ казакамъ идти вмѣстѣ для добычи на море, что и было съ охотою принято. (Историческое описаніе земли Войска Донскаго т. I, стр. 216 и слѣд.). Московское правительство постоянно спрашивало казаковъ о числѣ запорожцевъ на Дону, которыхъ оно не особенно жаловало.

Наконецъ есть много основаній предполагать, что въ составъ казачества вошли также люди и другихъ національностей, кромѣ русской, подобно тому, какъ среди запорожцевъ встрѣчаемъ турокъ, евреевъ и др. Въ очертаніи лица донскіе казаки до сихъ поръ сохранили смѣшанныя черты кавказской и монгольской расъ, съ преобладаніемъ особенностей первой. Многія фамиліи казаковъ указываютъ также на восточное происхожденіе ихъ владѣльцевъ. Первый извѣстный казацкій предводитель носилъ азіатское имя Сарназманъ. И въ настоящее время на Дону встрѣчаются много прозваній, указывающихъ на происхожденіе татарское, калмыцкое, греческое, нѣмецкое, польское, турецкое, персидское, литовское, сербское, молдавское, валашское, мордовское, мадьярское, цыганское, черкесское и еврейское (Донская Газета 1874 г., № 8).

Подобно Запорожью, Донъ былъ сборнымъ пунктомъ, куда сходились недовольные изъ всѣхъ окружающихъ странъ, рѣшавшіеся лучше переносить лишенія бezпріютной скитальческой жизни, чѣмъ подчиниться угнѣтеніямъ. Это было, конечно, наиболѣе сильныя и, вѣроятно, наиболѣе даровитыя личности. Скрещиваніе породъ должно было содѣйствовать развитію ихъ физическихъ и психическихъ качествъ. Все, что мы знаемъ о казакахъ того времени, свидѣтельствуетъ объ ихъ предпріимчивости и страстной любви къ свободѣ, защищаемой ими съ необыкновенной энергіей. Но это не была эгоистическая жажда свободы только для себя. Убѣгая въ степь, казакъ уносилъ съ собою ненависть къ тѣмъ, кто былъ причиною его невольнаго выселенія съ родины въ безлюдную пустыню и горячее сочувствіе

ко всѣмъ угнетеннымъ. Нѣтъ иного ошибочнѣе мнѣнія, будто „казакъ искалъ чрезъ бѣгство изъ общества только личной свободы", что онъ „вышелъ въ степь съ тѣмъ узкимъ, младенческимъ взглядомъ на общественныя отношенія, къ какому пріурочила его прежняя среда частной зависимости, что „онъ бѣжалъ вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ труду: онъ бѣжалъ, чтобы быть вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ, ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужичества; вольный казакъ, молодецъ, не хотѣлъ работать, или хотѣлъ работать какъ можно меньше, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда". (С. Соловьевъ). Онъ не хотѣлъ оставаться дома не вслѣдствіе отвращенія къ труду, а потому что продуктами его труда пользовались другіе, потому что личныя права его подвергались съ каждымъ годомъ все большимъ стѣсненіямъ.

Есть основаніе думать, что въ первое время казаки вели мирный образъ жизни и что воинственныя наклонности и неразрывно связанная съ ними въ ту пору страсть къ грабежу развились уже на новомъ мѣстѣ и, главнымъ образомъ, подъ соперничествующимъ вліяніемъ Москвы и крымскаго хана, особенно первой, стремившейся образовать изъ казаковъ надежную стражу противъ татаръ. «Нынѣ, писалъ султанъ хану въ 1574 г., ты межъ казаковъ великую вражду учинилъ; впередъ отъ нихъ нельзя устоять моему Азову; *а вѣдь Азовъ казаками и жилъ, а казаки Азовомъ жили, отчего и было между ними мирно* (Историческое описаніе, стр. 58). Разъ возбужденная страсть къ войнѣ и грабежу должна была развиваться все сильнѣе, если бы она даже и не поощрялась искусственно. Къ тому же, развитію воинственной вражды съ сосѣдями (Азовцами) должно было способствовать также соперничество изъ за обладанія Дономъ. По крайней мѣрѣ, въ 1584 г. Федоръ Ивановичъ, повелѣвая казакамъ прекратить всѣ ссоры съ Азовцами, требовалъ отъ нихъ, главнымъ образомъ, чтобы они дозволяли Азовцамъ „безпрепятственно ходить для рыбныхъ ловель, для дровъ и для иныхъ запасовъ (Ист. описаніе, стр. 61). Наконецъ грабежъ судовъ, торговцевъ объясняется не только корыстью, но и чувствомъ мести. Доста-

точно бросить самый бѣглый взглядъ на ихъ внѣшнюю исторію и внутреннее устройство, чтобы убѣдиться въ томъ, что казаки не были разбойниками и грабителями „изъ любви къ искусству“, что они дѣйствительно утвердили болѣе правильныя отношенія къ труду и вовсе не презрительно относились къ мужику, а, напротивъ, всегда выступали его защитниками. Сойдясь съ разныхъ сторонъ, но проникнутые одинаковою жаждою дѣятельности и свободы, казаки съ перваго же времени, говоритъ г. Ульяновъ (Донская газета, 1873, № 36) „основываютъ общину на простыхъ и совершенно свободныхъ началахъ, которая возбуждаетъ сразу сочувствіе со стороны русскаго народа и глубоко укоренившуюся ненависть со стороны рабовладѣльцевъ всѣхъ степеней... цѣлыя столѣтія ведетъ непримиримую кровавую борьбу съ нехристями на всѣхъ окраинахъ Руси, покоряетъ орды, завоевываетъ Сибирь, удивляетъ современный міръ взятіемъ укрѣпленнаго Азова и еще болѣе защитою развалинъ его противъ чудовищно-несоразмѣрныхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ Турціи и Крыма“. Мы не будемъ излагать политической исторіи донскихъ казаковъ, замѣтимъ только, что она слагается, главнѣйшимъ образомъ, изъ борьбы противъ турокъ, участія въ возстаніяхъ противъ боярства внутри Московскаго государства и завоеванія новыхъ странъ.

Гораздо болѣе полное понятіе объ идеѣ, лежавшей въ основѣ казачества, можетъ дать разсмотрѣніе ихъ внутренняго устройства.

Но предварительно считаемъ нужнымъ сообщить свѣдѣнія о возрастаніи численности и территоріальномъ распространеніи донскаго казачества. По недостатку данныхъ нѣтъ возможности точно опредѣлить для каждой эпохи количество населенія на Дону. Въ 1521 году Донъ, какъ сказано, былъ безлюденъ, спустя 50 лѣтъ земли по нему уже заняты казаками. Въ 1574 году число казаковъ возрасло уже на столько, что они могли взять *изгономъ* городъ Азовъ. По мѣрѣ развитія прикрѣпленія и вообще ухудшенія экономическаго быта крестьянъ въ Россіи и Украйнѣ, являлось все болѣе охотниковъ вступать въ казачество и, не смотря на непрерывныя войны съ сосѣ-

дями, неизбѣжно уменьшавшими ихъ число, не смотря на удаленіе большихъ партій на Волгу, Яикъ и въ Сибирь, не смотря на отсутствіе внутренняго прироста населенія при безбрачной жизни, число донскихъ казаковъ увеличивалось весьма быстро. Въ 1737 году, когда Азовъ во 2-й разъ былъ взятъ казаками, крымскій ханъ, намѣреваясь освободить городъ и навсегда согнать казаковъ съ Дону, угрожалъ вооружить противъ нихъ 80 кораблей и 200 струговъ. Нѣкоторое понятіе о возрастаніи численности казаковъ можно составить по количеству царскаго жалованья, отправляемаго ежегодно на Донъ со времени царствованія Федора Ивановича вплоть до настоящаго столѣтія. При Михаилѣ Федоровичѣ ежегодно высылалось на Донъ отъ 200 до 400 четвертей разнаго хлѣба (кромѣ вина, пороху, свинцу, сукна и денегъ), при Алексѣѣ Михайловичѣ — отъ 2 до 5 тыс. четвертей, при Петрѣ Великомъ до 1700 года — около 6500 четвтертей. Втеченіи XVII столѣтія число казаковъ, признаваемыхъ правительствомъ и получавшихъ жалованье съ 5 тысячъ, какъ показывалъ въ Москвѣ въ 1624 году атаманъ Старовъ (Савельевъ, Трехстолѣтіе Донскаго войска, стр. 15—16) увеличилось до 30 тысячъ (Краткія историческія свѣдѣнія о заселеніи Донскаго края. Труды донскаго статистическаго комитета, 1867). Но количество жалованья далеко не даетъ точнаго понятія о численности казаковъ: казаки говорили, что царскаго хлѣба хватаетъ имъ всего по зерну. Въ XVII вѣкѣ особенно сильна была эмиграція крестьянъ, бѣжавшихъ отъ установившагося уже крѣпостнаго права; сюда шли большими массами запорожцы и въ наказахъ посламъ московскій дворъ очень часто приказывалъ разузнавать, есть ли между казаками Черкасы, сколько ихъ, давно ли пришли (Савельевъ, Трехсотлѣтіе донскаго войска, стр. 15 и др.). Наконецъ, значительный контингентъ бѣглецовъ на Донъ доставили строгія преслѣдованія раскольниковъ въ концѣ XVII столѣтія и „можно положительно сказать, что русскому расколу обязаны своимъ заселеніемъ верховья Дона, и рѣки въ него впадающія: Хоперъ, Медвѣдица, Бузулукъ и Донецъ“. (Труды Донскаго стат. комитета, 1867). Во время Булавинскаго бунта сторону Булавина приняли 21,690 человѣкъ (26 городковъ по Хопру съ

3,670 казаками, 16 городковъ по Бузулуку съ 1,490 казаками, 14 городковъ по Медвѣдицѣ съ 1,480 каз., 22 городка по Сѣверскому Донцу и въ нихъ 8,580 человѣкъ и 33 городка по Дону съ 6,470 казаками): на сторонѣ же войсковаго атамана остались Черкаскъ съ 5-ю тыс. чел. и пять городковъ на Дону съ 1,780 чел., такъ что всего казачьяго населенія въ 1780 году было около 28,470 чел. Булавинскій бунтъ, бѣгство Некрасовцевъ, кровавая расправа царскихъ воеводъ значительно уменьшили численность казаковъ и только въ 1775 г. она снова достигла цифры 30 тыс. Въ войсковой грамотѣ 1793 года число ихъ опредѣлено въ 30,476 чел., но эта цифра, повидимому, не соотвѣтствовала дѣйствительности, потому что въ 1812 году Донская область выставила до 60,000 казаковъ. Войны 1812, 13 и 14 годовъ значительно уменьшили ея населенность, но чрезъ 10 лѣтъ она снова достигла цыфры 58,968 чел. По послѣдней подворной переписи жителей области войска Донскаго (1873 г.), каснувшейся и поселеній, находящихся на бывшихъ срочныхъ участкахъ и войсковыхъ земляхъ, количество населенія простирается до 1,299,466 чел. обоего пола. Увеличеніе населенія въ XVIII и XIX вѣкахъ произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе добровольнаго или насильственнаго водворенія крестьянъ на земляхъ, появившихся тамъ съ прошлаго столѣтія, частныхъ владѣльцевъ.

Неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ донскіе казаки разбили свой первый станъ. Несомнѣнно лишь, что первыя жилища ихъ были на нижнемъ теченіи Дона (Сухоруковъ). Здѣсь вѣроятно били устроены тѣ три, четыре городка, о которыхъ въ 1549 говорилъ Юсуфъ. Въ 1571 году упоминается въ первый разъ мѣстечко Раздоры, въ мѣстѣ соединенія Донца съ Дономъ, продолжавшее долгое время служить сборнымъ пунктомъ казаковъ, но, по всей вѣроятности, оно существовало и ранѣе. Кромѣ Раздоръ изъ другихъ городковъ выдѣлялись Монастырскій и Черкаскъ. Затѣмъ казацкія поселенія стали распространяться по притокамъ и по вехнему теченію Дона. Въ 1572 г. турецкій чеушъ жаловался русскому послу на постройку четырехъ городковъ на Манычѣ, въ Черкасскомъ и Раздорахъ. Плодородье и приволье береговъ Хопра, Медвѣдицы и Бузулука, равно какъ и верхняго

теченія Дона скоро привлекли поселенцевъ и въ эти мѣстности, такъ что въ XVII вѣкѣ онѣ поравнялись населенностью съ нижнимъ Дономъ. Среднее теченіе Дона, отъ Цымлы и почти до Чиру, оставалось долгое время слабо населеннымъ. Наконецъ Міусскій и Донецкій округа стали заселяться только съ половины 18 го столѣтія преимущественно бѣглыми малороссами, которыхъ донскіе чиновники записывали за собою въ качествѣ крѣпостныхъ. Въ 1738 г. Донскую область прикочевали калмыки, занявшіе обширныя Задонскія степи.

Казаки издавна раздѣлялись на низовыхъ и верховыхъ. Границей между ихъ поселеніями служили Раздоры: «а которые останутся низовые атаманы отъ Азова до Раздоръ (Царскія грамоты 1584 и 1592 г.) Въ отпискѣ (1592 г.) русскаго посла Нащокина приводятся слѣдующія слова самихъ казаковъ: «прежде сего посылована къ намъ селитра на Верхніе Раздоры, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоръ съ нами не мѣшивали (Донская газета 1873, № 36). Раздѣленіе это замѣтно и теперь въ говорѣ, обычаяхъ и другихъ этнографическихъ чертахъ. Какъ и вслѣдствіе чего оно явилось, остается пока не разъясненнымъ. Низовые казаки считали себя старшими и оскорблялись, если цари въ грамотахъ называли ихъ послѣ верховыхъ. Въ нижнихъ юртахъ находилось и главное управленіе Донскихъ казаковъ. Впрочемъ основы быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ первое время были одинаковы, низовые отличались лишь большею предпріимчивостью.

Внутренняя организація казачества была въ высшей степени своеобразна.

Поселки казаковъ были двухъ родовъ: постоянные (городки) и временные (зимовища). Въ зимовищахъ бездомовные казаки проводили зиму въ шалашахъ или землянкахъ; съ наступленіемъ весны они уходили на военные поиски для добычи. Городки назывались такъ по своимъ наружнымъ укрѣпленіямъ (городить, огораживать); это были остроги или крѣпостцы, обнесенные кругомъ стѣною изъ двойнаго плетня или двойнаго полисада съ набитымъ землею промежуточнымъ пространствомъ. Въ видахъ лучшей защиты отъ нападеній не-

пріятеля, они строились всегда въ неприступныхъ мѣстахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ водою или болотами. Жили казаки въ избахъ или землянкахъ. Что касается до взаимныхъ отношеній казаковъ, то они были основаны на началахъ равенства и взаимности. Всего болѣе поражаетъ легкость, съ какою усвоивались эти начала бѣглецами на До́ну. «Сшедшіеся въ дикихъ пустыняхъ случайно и изъ разныхъ племенъ, говоритъ Сухоруковъ (Соревнователь просвѣщенія 1824 г., часть 26, стр. 183 — 184) безъ всякихъ предварительныхъ условій и соглашеній, люди эти представляютъ замѣчательный примѣръ довольно быстраго гражданскаго устройства, ибо въ концѣ XVI вѣка оное уже получило у нихъ нѣкоторую опредѣленность и правила, кои были просты, какъ ихъ нравы, но совершенно оригинальны». «Составленные изъ разноплеменной вольницы, они не могли иначе распоряжать общественными предпріятіями и дѣлами, какъ только общимъ совѣтомъ; ибо всѣ были равно свободны и по самому своевольству своему власти никакой не терпѣли» (ibid. стр. 188). „Развитію этого начала демократіи весьма много способствовала первоначальная совокупная жизнь казаковъ, ибо по малому протяженію, на коемъ тогда помѣщались ихъ юрты, они во всякое время имѣли возможность собираться въ одно мѣсто. Послѣдовавшее распространеніе жилищъ казачьихъ на пространство 800 верстъ (отъ устья рѣки Хопра внизъ до рѣки Аксая) ни мало тому не препятствовало, ибо казаки всѣ проводили жизнь, собираясь вмѣстѣ въ Раздорахъ". Однообразіе жизни и единство общихъ цѣлей также способствовали поддержанію этихъ началъ. „Предметы совѣщаній были не многочисленны и всегда одинаковы: идти на войну или поискъ, раздѣлить добычу, предложить кому либо услуги, наказать измѣнника—вотъ главныя статьи, подлежавшія общему рѣшенію".

Всѣ эти условія несомнѣнно оказали большее вліяніе на устройство казацкой общины, но ихъ однихъ было бы не достаточно для созданія этого устройства, если бы эмигранты, сходившіеся на Дону, не приносили съ собой склонности жить

общей равной жизнью и ненависти къ стѣсненію личной свободы и произволу.

Самый бѣглый обзоръ общественныхъ и экономическихъ отношеній казаковъ можетъ дать понятіе, до какой сильной степени они были проникнуты идеями равенства и взаимности. „Въ *главномъ войскѣ* или городкахъ казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площади или въ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти, тенета, дѣлали разсохи, слушали разсказы о походахъ. Жили они истинно по братски; всякій открывалъ чистосердечно, что намѣренъ дѣлать завтра, послѣ завтра и т. д. Набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы, отвѣдывали ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищество казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по *казанамъ* (котламъ): человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей имѣли общую суму и все добычное; потому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: *односумъ*». Общія удовольствія, преимущественно состоявшія въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ скачкахъ, въ играхъ; обычай сходиться на общія бесѣды въ станичныхъ домахъ, на голубцахъ (кладбищахъ), на крыльцахъ домовъ, на майданѣ, все это должно было поддерживать наклонность къ общей жизни.

Раздоровъ казаки не любили. „Случалась ли въ бесѣдахъ какая ссора, старики тотчасъ мирили ее, или заставляли обидчика идти по утру въ домъ къ обиженному, чтобы поклономъ въ ноги испросить прощеніе. Вообще всѣ казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ станицахъ, поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. Такъ атаманъ и старики сами кланялись въ ноги тяжущимися, чтобъ они помирились и не ѣздили въ Черкасскъ, гдѣ было правленіе. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часто на пути за чарой вина будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нѣтъ нужды, что назадъ до станицы надлежало тянуться противъ воды иногда верстъ сто и двѣсти: пріятно то, что ата-

манъ и старики, встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ" (Русская Старина на 1825, изд. Корниловичемъ. Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII вв. В. Сухорукова).

Равенство отношеній охранялось ими чрезвычайно ревниво. Когда, напр., въ 1592 г. Нащокинъ, по московскому обычаю, предложилъ раздать присланное съ нимъ жалованье „лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна расловскія" то казаки рѣшительно возстали противъ такого раздѣла, говоря: „у насъ большихъ нѣтъ никого: всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, почему достанется" (Савельевъ, Трехсотлѣтіе, стр. 4).

Дѣйствительно, „большихъ" у нихъ не было. Правленіе ихъ было народное въ полномъ смыслѣ слова. Вся власть сосредоточивалась въ *войсковомъ кругу*, тождественномъ по своей организаціи съ древнимъ вѣчемъ, южно русской радой и современной сельской сходкой (по хозяйственнымъ дѣламъ). Въ этомъ кругу, происходившемъ обыкновенно на открытой площади, гдѣ казаки становились кругомъ, рѣшались всѣ дѣла о мирѣ, войнѣ, вообще внѣшнихъ сношеніяхъ, равно какъ вопросы управленія и суда. Войсковой кругъ собирался сначала въ Раздорахъ, потомъ Монастырскомъ, наконецъ Черкаскомъ, которые послѣдовательно носили названіе *главнаго войска*.

Дѣла обыкновенныя могли рѣшаться казаками, присутствовавшими въ данное время въ главномъ войскѣ; но въ важнѣйшихъ случаяхъ всегда дожидались товарищей изъ походовъ и звали всѣхъ изъ городковъ. Всякій казакъ считалъ себя участникомъ общаго дѣла (Истор. описаніе, I, стр. 102). Въ кругъ не пускали только *порочныхъ* или *пенныхъ*, но и имъ „прощали вины при трудномъ какомъ либо предпріятіи, подъ условіемъ заслужить дарованную милость храбростью; въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ граматахъ по городкамъ: „Собирайтесь въ войско всѣ атаманы молодцы, *пенные* и *непенные*; а вины ихъ намъ отдадутся; ослушники же да лишатся расправы въ войскѣ".

Но были лишенные права гражданства. Это лишеніе выражалось въ слѣдующей формѣ: „и на томъ ослушникѣ наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ

не будетъ". Круги велись очень шумно, нерѣдко происходили на нихъ и буйныя ссоры.

„Особенныхъ властей, распоряжающихъ, равно какъ и старшинства лицъ, у нихъ вовсе не было". Исполнительную власть представляли войсковой атаманъ и войсковые есаулы. Письменною частью завѣдывалъ войсковой дьякъ. Всѣ эти лица выбирались кругомъ.

Войсковой атаманъ лично первоначально не имѣлъ особенной власти. Онъ былъ лишь блюститель порядка и исполнитель приговоровъ народа. „Въ войсковомъ кругу голосъ его былъ равенъ голосу всякаго казака и все преимущество его въ этомъ случаѣ состояло, кажется, въ томъ, что представленіе и доводы атамана народъ принималъ иногда съ большимъ уваженіемъ. Атаманъ вопреки этого ограниченія не могъ ничего предпринимать по собственному произволу, иначе съ безчестіемъ могъ лишиться своего достоинства". Избирались атаманы погодно. По окончаніи срока, если его не выбирали вновь, онъ опять вступалъ въ ряды простыхъ казаковъ.

Во время походовъ выбирали втораго атамана, называвшагося „походнымъ атаманомъ," въ помощь къ которому для командованія частями рати: сотнями и посусотнями выбирались отрядомъ есаулы, сотники и пятидесятники. Ихъ власть кончалась съ окончаніемъ похода.

Но въ концѣ XVII вѣка войсковые атаманы соединили въ себѣ управленіе, какъ военными, такъ и мирными дѣлами, и власть ихъ вообще пріобрѣла бо́льшее значеніе. Перемѣна эта совершилась подъ вліяніемъ московской политики.

Знакомъ должности атамана была насѣка (трость). Петръ Великій, желая придать войсковымъ атаманамъ болѣе значенія и власти, пожаловалъ въ 1704 г. Донскому войску печать, особую насѣку и пернач (въ 1706 г.).

Выборные и срочные атаманы существовали до 1718 г., когда былъ опредѣленъ войсковымъ атаманомъ до указа безъ перемѣны Василій Флоровъ. Съ 1738 года назначеніе атамановъ стало зависѣть исключительно отъ правительства и они пріобрѣли всемогущее значеніе.

Сочувствіе, встрѣченное въ казакахъ Разинымъ и Булави-

нымъ, доказываетъ, что казаки долго не могли помириться съ перемѣной прежнихъ отношеній.

Организація мѣстнаго управленія въ городкахъ была одинакова съ войсковой. «Всякое общество казаковъ, въ городкахъ или зимовищахъ жившее, равно и посланное куда либо, называясь станицею, имѣло своего атамана. Они избирались своими обществами изъ людей храбрѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ; имѣли значеніе предводителей и совѣтниковъ, но власти никакой имъ не принадлежало». Въ каждомъ городкѣ была общая, такъ называемая, становая изба, куда сходились казаки для бесѣдъ, совѣщаній объ исполненіи рѣшеній войсковаго круга и для разбора менѣе важныхъ дѣлъ.

Современемъ это вольное устройство значительно измѣнилось. Лежавшая въ основѣ его свобода личности, подъ вліяніемъ историческихъ условій, все болѣе подвергалась ограниченіямъ. Въ 1690 году мы встрѣчаемъ, напримѣръ, постановленіе, свидѣтельствующее о крайнемъ стѣсненіи личныхъ правъ, совершенно немыслимомъ въ ранній періодъ. Войсковой кругъ, узнавъ, что по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ начали сѣять хлѣбъ, разослалъ по всѣмъ городкамъ грамоты, чтобы никто земли не пахалъ и хлѣба не сѣялъ: «а если станутъ пахать и того бить до смерти и грабить».

Напрасно было бы объяснять паденіе вольнаго самоуправленія недостаткомъ гражданскаго смысла въ казачествѣ, которое будто бы, не умѣя жить иначе, какъ войной и грабежемъ, было не способно къ культурной жизни и гражданской свободѣ. Распоряженія, подобныя вышеприведенному, если не исходили, то поддерживались извнѣ въ видахъ воинственной политики. (Истор. Описаніе II, стр. 584).

Общественные классы, существующіе съ конца XVIII вѣка на Дону, также не были продуктомъ внутренняго развитія казачества. Казачество долгое время представляло одно образную массу, какъ по экономическому положенію, такъ и относительно правъ отдѣльныхъ личностей. Донское дворянство было создано изъ чиновниковъ, замѣнившихъ съ половины прошлаго столѣтія выборныхъ старшинъ. „Чины создали аристократію, аристократія роскошь, роскошь потребо-

вала большихъ матеріальныхъ средствъ для жизни—и братья по языку и вѣрѣ перестали быть братьями". (Труды Донскаго статистич. комитета стр. 73).

Классъ крѣпостныхъ крестьянъ явился на Дону въ 1796 году, когда закономъ было введено здѣсь крѣпостное право на общихъ условіяхъ съ Великороссіей. Торговый классъ и теперь незначителенъ въ Донской области, въ прежнее же время его совсѣмъ не существовало. Казаки вели торговлю сами и притомъ исключительно для пріобрѣтенія предметовъ непосредственнаго потребленія: покупали хлѣбъ, оружія, суда; сбывали русскимъ лошадей, турецкія и персидскія издѣлія, отнятыя въ наѣздахъ; съ азовцами торговали дровами и разною мелкою рухлядью. (Ист. Описаніе, I, стр. 105).

Духовенства не было на Дону до половины XVII столѣтія, когда исполняя обѣтъ, данный во время азовской защиты, потомъ было забытый, и снова возобновленный во время мороваго повѣтрія въ 1649 г., казаки построили первую деревянную церковь въ Черкаскѣ (въ 1653 г.). Священники были присланы изъ Москвы. При полнѣйшемъ религіозномъ индиферентизмѣ казаковъ, оно не могло здѣсь пользоваться вліяніемъ. Правда, казаки считали себя преданными православной церкви, но въ жизни совсѣмъ не слѣдовали ея ученіямъ: для совершенія брака, напримѣръ, они долгое время считали излишнимъ прибѣгать къ посредничеству церкви, находя достаточнымъ простое заявленіе о желаніи жить какъ мужъ и жена предъ сходкой. Впрочемъ на перешедшихъ въ могаметанство они смотрѣли не дружелюбно, называя такихъ охріянами, и наказывая даже смертью.

Исторія перваго періода казачества противорѣчитъ, такимъ образомъ, установившемуся въ соціологической наукѣ мнѣнію, будто военныя общества необходимо должны имѣть деспотическое устройство. (Спенсеръ, Начала Соціологіи. Т. 2-й).

Въ этомъ отношеніи важно различать, развились ли воинственныя наклонности даннаго общества вслѣдствіе постоянной потребности въ самозащитѣ или онѣ вызваны стремленіемъ къ порабощенію. Вышеприведенное мнѣніе справедливо лишь для послѣдняго случая; казаки же поработителями не были и не

знали, напр., что дѣлать съ Азовомъ, когда имъ случилось его завоевать.

Изъ другихъ сторонъ быта казаковъ обращаетъ на себя вниманіе положеніе женщины. Долгое время жены добывались на Дону лишь путемъ плѣна преимущественно турчанокъ, татарокъ и черкешенокъ. Очень понятно, что положеніе женщины при такихъ условіяхъ не могло быть завиднымъ, особенно если принять во вниманіе противоположность требованій семейной и военной жизни, заставившую Запорожцевъ даже совсѣмъ запретить бракъ: казакъ цѣнилъ въ людяхъ силу, ловкость въ наѣздахъ и вообще качества, которыми женщина не обладала; ему дорога была свобода дѣйствій, которую семья неизбѣжно ограничивала. Въ раннюю пору большая часть казаковъ предпочитали оставаться холостыми, такъ что въ иномъ городкѣ было не болѣе одного или двухъ женатыхъ. Но при всемъ томъ по сравненію съ положеніемъ женщины въ московскомъ государствѣ того времени, особенно въ высшихъ классахъ общества, можно сказать, что донская женщина была нисколько не въ худшихъ условіяхъ, если не наоборотъ. Здѣсь еще не были извѣстны византійскія воззрѣнія.

Нѣкоторые вѣнчались по церковнымъ уставамъ, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Этотъ послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщимъ между казаками и обязателенъ даже для вѣнчавшихся по правиламъ церкви. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста приходили вмѣстѣ въ кругъ или въ становую избу. Помолившись и поклонившись на всѣ стороны, женихъ, называя имя невѣсты, говорилъ: „ты будь мнѣ жена“. Невѣста, кланяясь ему въ ноги и называя его также по имени, отвѣчала: „а ты будь мнѣ мужъ“. Затѣмъ супруги цѣловали другъ друга и принимали отъ присутствующихъ поздравленія. Уже изъ этого обряда видно, какимъ преимуществомъ мужъ пользовался предъ женою: дѣйствительно власть его была почти неограничена: онъ во всякое время могъ развестись съ женой, хотя бы подъ тѣмъ предлогомъ, что она ему не нравится. Но для того необходимо было исполнить особенный обрядъ, который по всей вѣроятности

многихъ сдерживалъ отъ слишкомъ скорыхъ рѣшеній. Обрядъ состоялъ въ томъ, что мужъ, желавшій развестись съ женой, вводилъ ее въ кругъ и обращаясь къ собранію, говорилъ: «Атаманы молодцы! Она была мнѣ услужливая и вѣрная жена, теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ». *Отказанную* жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платья и произнеся фразу: «ты будь мнѣ жена» и пр. Прикрытіе полою считалось важнымъ символомъ: это значило снять съ отказанной жены безчестіе развода. Чувство ревности, по увѣренію Сухорукова, было казакамъ незнакомо.

Но вообще семейная жизнь „нравилась казакамъ до такой степени, что дѣтей у женатаго няньчили всѣ его станичники, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ" (Русская старина на 1825 г., стр. 201—203).

Всего полнѣе выразились начала соціальнаго міровоззрѣнія казаковъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе ихъ въ высшей степени важно. Если въ политическихъ дѣлахъ казачество въ большей или меньшей степени дѣйствовало подъ внѣшнимъ вліяніемъ то при распредѣленіи земли оно было совершенно независимо отъ какихъ либо вліяній и неподчинено никакому контролю. Эти отношенія не регулировались ни закономъ, ни даже обычаями, которые не могли еще выработаться въ обязательныя нормы, еще менѣе религіей или предписаніями власти. Здѣсь намъ представляется, слѣдовательно, довольно рѣдкій въ исторіи случай узнать, въ какія отношенія къ другимъ становится личность, вполнѣ свободная отъ принудительныхъ вліяній и руководящаяся въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно индивидуальными интересами? Справедливо ли предположеніе нѣкоторыхъ о неизбѣжности при такихъ условіяхъ войны всѣхъ противъ всѣхъ или, напротивъ, вѣрнѣе другое мнѣніе, что личность человѣческая уже по существу своему, т. е. разсматриваемая, какъ сумма унаслѣдованныхъ качествъ, стремится жить въ самомъ полномъ согласіи съ другими подобными же личностями?

Исторія поземельныхъ отношеній казачества представляетъ гораздо болѣе доказательствъ въ пользу послѣдней гипотезы,

чѣмъ первой. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ данныхъ ранѣе 1681 года. Но въ началѣ новые пришельцы на Дону, какъ утверждаетъ Сухоруковъ (Истор. Описаніе II, стр. 572), занимали городками впустѣ лежавшія мѣста по Дону и по впадающимъ въ него большимъ рѣкамъ по праву захвата, безъ разрѣшенія и даже вѣдома войсковаго круга, и такой порядокъ, повидимому, не влекъ за собою никакихъ неудобствъ. Съ увеличеніемъ населенія оказалось нужнымъ раздѣлить поземельныя угодья (юрты) между городками и ограничить права вольной оккупаціи. Желающіе основать городокъ въ пустомъ никѣмъ незанятомъ мѣстѣ являлись въ главное войско со словесною просьбою; войсковой кругъ, по разсмотрѣніи такой просьбы, дозволялъ охотникамъ занять указанныя ими мѣста и собрать столько людей, сколько могутъ отъ того юрта прокормиться. При этомъ имъ давалась войсковая грамота въ родѣ слѣдующей: „Отъ донскихъ атамановъ-молодцовъ, отъ Фрола Минавича и отъ всего Великаго Войска Донскаго, въ верхъ по Запольной нашей рѣкѣ по Сиверскому Донцу городокъ отъ городка покамѣсть нашъ казачій присудъ. Вѣдомо вамъ атаманы-молодцы будетъ: въ нынѣшнемъ 189 (1681) году генваря въ 3 день били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Өедору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, а намъ всему Великому Войску Донскому въ *кругу* били челомъ словесно изъ Кагальницкаго городка Михайла Ивановъ, да Ведерниковскова городка Иванъ Медвѣдъ, да Анька... въ словесномъ своемъ челобитьѣ сказали, чтобъ имъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ имъ занять юртъ Гундоровской. По указу Великаго Государя и по нашему войсковому приговору мы все Великое Войско Донское велѣли ему Михайлѣ Иванову съ товарищами въ Гундоровскомъ юрту поселиться и *станицу собрать колько имъ годно, чтобъ прокормиться*. (Ист. опис. II, стр. 573). Заимщики такихъ новыхъ юртовъ для заселенія городка или созывали старожильцевъ изъ другихъ городковъ или принимали въ свою общину бѣглецовъ. Впослѣдствіи этотъ послѣдній способъ былъ запрещенъ. Войсковой кругъ, давая въ 1705 году одному казаку заимочную грамоту на основаніе новой станицы по

Бузулуку, запретилъ, какъ бывало часто и раньше, подъ угрозою жестокихъ наказаній принимать „новопришлыхъ людей, которые съ Руси станутъ приходить". (Труды Донскаго Войсковаго статист. комитета. Выпускъ первый. 1867. Акты, стр. 64—65). Основатель не пользовался, конечно, никакими преимуществами предъ новоприбылыми станичниками.

Границы юртовыхъ угодій опредѣлялись по взаимному соглашенію сосѣднихъ станицъ. Онѣ составляли для этой цѣли полюбовныя записи, изъ которыхъ приведемъ одну: «Се азъ Зотовскія станицы станищной атаманъ... и всѣ станищные молодцы въ нынѣшнемъ въ 198 (1690) году сентября въ 15 день... договорились мы той же вольной рѣки Хопра съ Арженовскою станицею съ станищнымъ атаманомъ... и съ рядовыми молодцами... и со всѣми станищными молодцами въ томъ, што межъ себя договорились полюбовно въ юртовомъ дѣлѣ объ рубежахъ» (слѣдуетъ названіе пограничныхъ урочищъ). Рѣкою Усть-Серебрянкою договорились пользоваться такимъ образомъ, что «въ верхъ по Серебрянкѣ на Красный Яръ лука наша Зотовская, а въ той рѣчкѣ Арженовскія станицы, а Арженовскимъ въ той рѣчкѣ съ Ильмомъ таскать и запоръ запирать, а намъ въ томъ имъ не запрещать; а имъ Арженовскимъ въ той нашей лукѣ гульбою не гулять и капканы не мѣтать и никакова промыслу не чинить, а выше Серебрянки зимній запоръ запирать и къ нашему берегу припирать, а намъ Зотовскимъ не запрещать". Въ случаѣ нарушенія условій договора потерпѣвшей сторонѣ предоставлялось взять съ нарушившей безъ суда 100 рублей штрафу. Договоръ скрѣпленъ подписями 2 послуховъ изъ двухъ другихъ станицъ и попа (ibid. стр. 59).

Полюбовныя записи представлялись затѣмъ въ главное войско (Войсковой кругъ), который и выдавалъ, на основаніи ихъ, разводныя грамоты. Разводныя грамоты посылались также и въ случаѣ спора двухъ станицъ о границахъ, если онѣ обращались въ Войсковой кругъ, причемъ, кромѣ пени, нежелавшихъ идти за разводчиками велѣно было подвергать порицанію, иногда выражавшемуся въ оригинальной формѣ: „да ихъ же назвать бездушниками". (ibid. стр. 59).

Въ отдѣльное пользованіе станицъ выдѣлялись только наиболѣе удобныя мѣста, какъ то: лѣса, луга и озера, расположенныя при берегахъ рѣкъ и нѣкоторое пространство лежащей вблизи тѣхъ рѣкъ степи; отдаленныя же отъ станицъ земли находились въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ казаковъ.

Границы юртовъ обозначались живыми урочищами. Нерѣдко случалось, что такія границы чрезъ нѣкоторое время уничтожались, вслѣдствіе чего между станицами возникали столкновенія изъ за земли. Споры эти улаживались или полюбовно, или недовольные обращались въ войсковой кругъ. Въ 1717 году, напримѣръ, станичные атаманы и молодцы двухъ станицъ Слащевской и Федосѣевской „поговоря полюбовно межи себя обѣими станицами объ юртовомъ дѣлѣ" для прекращенія бывшей у нихъ ссоры объ юртовомъ дѣлѣ, „били челомъ обѣими станицами Еланской станицы казаку Лаврентію Петрову развесть рубежи", что тотъ и сдѣлалъ. Послѣ разграниченія было рѣшено „буде которые станутъ сѣнные покосы косить и рыбу ловить и иную какую обиду чинить, звѣрей бить и на той станицѣ взять заряду сто рублей; а буде которой станицы одинъ казакъ станетъ рыбу ловить или звѣря бить въ чужемъ юрту и тово казака выдать той станицѣ головою." Зарядная запись была скрѣплена свидѣтельствомъ казаковъ другихъ станицъ. Такою же мировою прекратили въ 1730 году споры за юртовыя довольствія станицы Усть-Бузулуцкая и Алексѣевская (ibid. стр. 68, 75).

Если же недовольная станица обращалась съ жалобой въ войсковой кругъ, то онъ поручалъ кому либо разобрать дѣло на мѣстѣ на основаніи словъ свидѣтелей, на кого обѣ спорящія станицы будутъ „слатца" (стр. 73, 74), или собравши въ кругу отъ челобитчиковъ и отвѣтчиковъ „правды" (показанія) о прежнихъ границахъ приказывалъ развести рубежи по этимъ правдамъ (стр. 58) или, наконецъ, склонялъ спорящихъ согласиться на общую правду т. е. на рѣшенія какого нибудь старожила, который, поклявшись предъ евангеліемъ поступать по совѣсти, долженъ былъ съ иконою пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, по его воспоминаніямъ, прохо-

дила прежняя граница. Нарушители границъ наказывались пеней, обыкновенно въ сто рублей, а впослѣдствіи еще брались на поруки для расправы въ Главномъ Войскѣ (стр. 73 и друг.). Для такой же расправы привозились за поруками казаки, въѣзжавшіе насильствомъ «сѣнные покосы окашивать и всякія угодья обивать и оталачивать» въ чужихъ юртахъ (ibid. стр. 63). Для переселенія станицы съ одного мѣста на другое требовалось также разрѣшеніе (стр. 76).

Вмѣшательство войсковаго круга въ поземельныя отношенія станицъ замѣтно возрасло въ XVIII вѣкѣ. Процедура отвода мѣстъ для станицъ дѣлается сложнѣе. Заявившимъ желаніе основать новую станицу давалась отъ войска заимная грамота, которой разрѣшалось занять извѣстное пустое мѣсто и собрать станицу. Затѣмъ, когда поселеніе было устроено, основатели станицы обязаны были вновь обращаться съ прошеніемъ въ войско и представлять отъ себя и сосѣднихъ станицъ разводчиковъ, на совѣсть которыхъ предоставлялось размежеваніе новаго поселка съ смежными станицами. Разграниченіе записывалось и представлялось на утвержденіе войска, которое и выдавало разводную грамоту. Иногда, впрочемъ, дѣло оканчивалось полюбовнымъ размежеваніемъ безъ утвержденія войсковаго круга.

Станицы, такимъ образомъ, весьма рано обособились въ поземельномъ отношеніи. Но съ увеличеніемъ числа поселковъ внутри самихъ станицъ явилась необходимость разверстанія земли между этими поселками, подобно тому, какъ мы видѣли это въ сѣверныхъ волостяхъ—общинахъ. Поводомъ къ этому разверстанію служили, повидимому, какъ и тамъ, всего болѣе различныя внѣшнія вліянія. Здѣсь мы приводимъ описаніе этого интереснаго процесса въ Казанской станицѣ, какъ оно изложено г. Тимощенковымъ (Донскія областныя вѣдомости 1872, № 43). „Изстарины во всѣхъ нашихъ станицахъ, говоритъ г. Тимощенковъ, повелось луговыя сѣнокосныя мѣста дѣлить между гражданами на паи, сѣнокосомъ же въ степяхъ и пахатною землею въ юртѣ пользоваться вольно, кто сколько захватитъ. При этомъ установились такія правила: если кто вспашетъ землю, то она принадлежитъ ему четыре года: два

года для посѣва на ней хлѣба (обыкновенно одинъ разъ по паханному, а въ другой наволокомъ, подъ рало и борону) и два года для снятія съ ней травы, причемъ она должна считаться мягкою залогою. На пятый же годъ, если хозяинъ ее вновь не вспашетъ, то ее имѣетъ право пахать уже всякій, какъ общественную. Также, если кто займетъ гдѣ поле, загородитъ гумно и поставитъ шалашъ, то къ его гумну никто не смѣетъ поставить ближе пятидесяти саженей. Такіе порядки въ старину были возможны, когда народонаселеніе было далеко меньше теперешняго, да и земледѣліе было не такъ развито. Въ послѣднее же время они сдѣлались источникомъ большаго зла въ нашихъ станичныхъ обществахъ. Люди зажиточные, имѣя по два и по три плуга воловъ, могли много вспахать земли и пріобрѣсть, такимъ образомъ, на нее право четырехлѣтней собственности; чтобы захватить ея какъ можно больше, они даже нанимали пахать малороссіянъ изъ находящихся вблизи свободъ, строили гумна во многихъ мѣстахъ, землю кругомъ гумна на пятьдесятъ саженей, которая и не пахатная не могла быть занята другими, они совсѣмъ не пахали, а оставляли себѣ подъ сѣнокосъ, далѣе этого разстоянія пахали, но такъ, что между пашнями оставались широкіе клины—однимъ словомъ, ухитрялись всѣми способами захватить побольше земли. Дошло дѣло до того, что земля оказалась вся разобранною по рукамъ; если она и оставалась еще свободною, то гдѣ нибудь на краю юрта, верстъ 40 или 50 отъ поселеній, куда ѣздить ее обработывать не было никакой возможности. Между тѣмъ люди, вновь обзаводившіеся хозяйствомъ и люди недостаточные, не успѣвшіе во время и не могшіе захватить въ свое владѣніе земли, терпѣли крайнее стѣсненіе: земля на долю ихъ приходилась кое-гдѣ, клочками и притомъ неудобная. Чтобы посѣять хлѣбъ на хорошей землѣ, нѣкоторые изъ нихъ приставали къ плугамъ людей зажиточныхъ и работали съ извѣстнаго дня, выработывая и плугъ и землю; работали, напримѣръ, одну недѣлю за день паханія, а другую — за то, что хозяинъ уступалъ имъ клочекъ изъ своей земли; другіе же старались отвоевать землю у тѣхъ, кто ея много захватилъ, но тутъ встрѣчали

сильный отпоръ. Хозяинъ обыкновенно говорилъ: эту землю еще отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ заняли, кто же смѣетъ у меня ее взять? и онъ становился въ оборонительное положеніе. Противная сторона тоже предъявляла свои права и происходила непремѣнно жесточайшая схватка. Если дѣло доходило до станичнаго правленія, то оно большею частію возвращало землю хозяину, а претендента дѣлало распоряженіе надѣлить свободною землею, т. е. такою, которая гдѣ нибудь вдали, или хотя и близко, но не совсѣмъ удобная. Тотъ не былъ доволенъ этимъ, считалъ себя обиженнымъ и рѣшался на все, чтобы только поставить на своемъ. Не смотря ни на что, онъ выѣзжалъ въ поле и начиналъ пахать. Хозяинъ тоже выѣзжалъ, и тутъ опять ссора и драка. Случалось также, что жители какого либо поселка, стѣсненные въ своихъ довольствіяхъ, подъѣзжали къ другому поселку и начинали пахать, а тѣ себѣ въѣзжали туда же съ плугами и начинали пахавшихъ опахивать кругомъ, чтобы помѣшать имъ работать. Дѣло обыкновенно кончалось и тутъ тѣмъ, что многіе возвращались домой съ порубленными плугами и пробитыми головами. Нечего и говорить, какъ вреденъ былъ такой порядокъ дѣлъ и какъ онъ подрывалъ народное благосостояніе. Справедливѣй всего было бы раздѣлить землю между всѣми гражданами поровну, но это было невыгодно самымъ богатымъ и самымъ вліятельнымъ изъ гражданъ; они старались оставить пользованіе землею по старому; людямъ бѣднымъ и темнымъ сломить ихъ было очень трудно. Наконецъ, безурядица дошла до крайняго предѣла, обратилась въ совершенную войну сосѣда съ сосѣдомъ, поселка съ поселкомъ, и тутъ только въ станицахъ приступлено къ раздѣлу земли.

Такова исторія раздѣла юртовыхъ земель въ нашихъ станицахъ. Нѣкоторыя изъ станицъ, уже нѣсколько лѣтъ, какъ раздѣлили свою землю, пользуются ею въ совершенномъ порядкѣ и замѣтно поднялись въ матеріальномъ отношеніи: людей крайне бѣдныхъ и безпомощныхъ совсѣмъ не стало: всякій сталъ находить поддержку въ землѣ, на службу казаки стали справляться почти всѣ на свой счетъ (иной заложитъ на нѣсколько лѣтъ свою землю, исправится), прежде же

СУПРУЖЕСТВА ГЕНРИХА VIII.

Одно мое слово, и эта прекрасная голова падетъ.

Калигула.

Генрихъ VIII, король англійскій, человѣкъ странный; жизнь его романъ, а не исторія.

Обладая твердостію духа и тѣла, онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества замѣчательнаго государя и всѣ пороки тирана. Необыкновенно способный къ наукамъ, искуствамъ и военному дѣлу, онъ въ тоже время былъ необузданно горячъ, циниченъ, жестокъ и лицемѣренъ. Алчный, онъ подчасъ расточалъ милости; съ сильно развитой чувственностью — умѣлъ бывать вполнѣ рыцаремъ.

Онъ писалъ противъ Лютера и за это получилъ отъ Юлія II-го золотую розу, освященную мѵромъ, отъ Льва X титулъ «защитника вѣры» [1]) въ послѣдствіи же совершилъ актъ громаднаго произвола надъ націей, заставя нѣсколько милліоновъ человѣкъ измѣнить своей вѣрѣ, и все это было сдѣлано лишь для удовлетворенія его капризной, чувственной натуры.

Генрихъ VIII былъ женатъ шесть разъ. [2]) Законныя узы

---

[1]) Хотя продолжать носить титулъ „защитника вѣры“ было не логично и не послѣдовательно, но тѣмъ не менѣе всѣ акты его царствованія обнародованы отъ имени Генриха VIII, короля Англіи, Франціи и Ирландіи *Защитника вѣры* и высшей главы церкви Англіи и Ирландіи.

[2]) Генрихъ VIII вступилъ въ супружества:

3-го іюня 1509 г., съ Екатериной Арагонской, умершей въ 1536 г.

двухъ своихъ супружествъ онъ уничтожилъ разводомъ и два другихъ—ударомъ топора. Когда мать его сына испустила духъ отъ ужасной операціи, сдѣланной ей по его приказанію, онъ не уронилъ слезы; послѣдняя же супруга его избѣгла какимъ то чудомъ горькой участи. Таковы были забавы этаго государя.

Католики очернили память Генриха VIII, а протестанты благоговѣютъ передъ ней. Истина затемнена противорѣчащими свидѣтельствами, не смотря на факты, которые всѣми одинаково понимаются и послѣ трехъ вѣковъ возбуждаютъ еще любопытство.

18-ти лѣтъ, вступивъ на престолъ, онъ женится по разсудку, обуздываетъ въ себѣ дурныя наклонности, выказывается паладиномъ, соперничаетъ съ Францискомъ 1-мъ въ рыцарской любезности, ломаетъ съ нимъ копье въ полѣ (Camp du drap d'Or) и выигрываетъ битвы.

Въ часы досуга онъ покровительствовалъ ученымъ и артистамъ, домогался литературной славы, сочинялъ обѣдни для своей капеллы, перевелъ Аристотелеву логику, изложилъ размышленія о сновидѣніи св. Ѳомы, истолковалъ Библію и изъ Кембриджа получилъ докторское достоинство. Изощривъ умъ діалектикой, онъ опровергнулъ реформу силою такого краснорѣчія, что папа сравнивалъ его съ Іеронимомъ и св. Августиномъ. Вмѣстѣ съ такими умственными трудами, онъ развивалъ физическія силы въ воинской брани.

Видя его пылкое стремленіе къ славѣ, невольно спрашиваешь себя—не сдѣлается ли онъ Пикомъ-Мирандолемъ, или Ричардомъ Львиное Сердце? Отъ такой необузданной натуры всего можно ожидать и можно всего бояться. Съ годами

25-го января 1533 г., съ Анной Болейнъ, обезглавленной 19-го мая 1536 г.

20-го мая 1536 съ Іоанной Сеймуръ, умершей въ родахъ 14-го октября въ слѣдствіи операціи цезарскаго сѣченія.

6-го января 1540 г., съ Клевесъ, съ которой развелся въ томъ-же году.

Въ 1540 году 8-го августа съ Екатериной Говаръ, обезглавленной 13-го февраля 1541 г.

Въ 1543 г., 12-го іюля съ Екатериной Пирръ, пережившей его и впослѣдствіи вышедшей замужъ; она умерла въ 1548 г.

его страсти развивались и наконецъ вполнѣ обнаружились предъ лицемъ всей Европы; слухъ о скандалахъ, производимыхъ имъ, пронесся по континенту. Тогда для Англіи началась новая жизнь, которая вслѣдствіе продолжительныхъ внутреннихъ раздоровъ привела ее къ окончательному разрыву съ латинскими расами. Виновникъ всѣхъ этихъ происшествій считалъ себя личностію, предназначенною Провидѣніемъ для всего случившагося. Впрочемъ необыкновенные результаты капризной воли были вызваны заблужденіями Рима. Виклефъ, къ счастію Англіи, съ XIV столѣтія посѣялъ на англійской почвѣ семена религіознаго возрожденія.

Что же касается до героя этой драмы, то годы не только не умертвили его страстей, но еще болѣе усилили ихъ. Непостоянство въ немъ равнялось жилкости.

Хотя много было говорено о XVI столѣтіи, но много еще интереснаго можно сказать о немъ. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, надо держаться за перечень изложенныхъ здѣсь событій. Результаты внимательнаго изученія этого періода могутъ дать полезные плоды.

* * *

Генриха VIII сравнивали съ Нерономъ. Дѣйствительно въ этихъ двухъ личностяхъ много общаго. Въ нихъ одинаковы: знатность рода и презрѣніе къ людямъ, блестящій умъ и любовь къ искуствамъ, необузданность страстей, наклонность къ развращенности, деспотизму и жестокости.

Несчастія Екатерины Арагонской живо напоминаютъ намъ несчастія Октавіи. Въ участи Анны Болейнъ мы узнаемъ участь Поппеи; въ Екатеринѣ Говардъ—Актею, въ Уольси — Палласа; въ Норфолькѣ—Корбулона, въ Бріанѣ—Париса и Тигеллина.

Поппея торжествовала со смертію Октавіи,—Анна со смертію Екатерины Арагонской.

Неронъ приказалъ открыть жилы одной изъ своихъ женъ, а другую убилъ ударомъ ноги,—Генрихъ двухъ женъ отправилъ на эшафотъ.

Неронъ погубилъ множество христіанъ,—Генрихъ подражалъ ему въ этомъ.

Какая разница между совершившимися опустошеніями въ провинціяхъ, по приказанію Нерона, и разграбленіемъ монастырей при Генрихѣ?

Римскій властелинъ и англійскій деспотъ—оба вѣрятъ въ колдуновъ и блѣднѣютъ отъ предсказаній астрологовъ.

Въ обѣ эпохи падаютъ головы высокихъ лицъ. Въ Римѣ: Меллы, Церіала, Криспина, Вестина, Латерана, Пизона, Тразея; въ Лондонѣ: Дудлея, Эмпсона, Букингема, Томаса Мура, Фишера, Кромвеля, графини Салисбюри и Сюррея. Жертвы изъ лицъ менѣе извѣстнаго происхожденія неисчислимы.

При Неронѣ смерть ожидала засыпавшихъ во время его пѣнія; Сенека, Луканъ и Петроній погибаютъ за то, что слава ихъ помрачаетъ славу государя.—Генрихъ изъ чувства же зависти приказалъ высѣчь профессоровъ Оксфорда и отдать палачу Ламберта и Анну Аскевъ.

Императоръ обираетъ богатства Палласа,—король богатства Уольси.

Тотъ и другой распространяютъ свои беззаконія и наглость.

Епихарисъ и Анна Аскевъ подверглись одинаковымъ мученіямъ: ихъ члены были вывихнуты.

Въ эти двѣ эпохи общественныя власти соперничаютъ въ низости и жестокости. Сенатъ аплодируетъ императору въ циркѣ и воздаетъ похвалы его краснорѣчію, дару творчества и пѣнію. Лорды и парламентъ не болѣе выказали достоинства въ амфитеатрѣ, куда притащили Ламберта, сравнивая короля съ Геркулесомъ, Ахилломъ и Соломономъ.

Въ оба царствованія доносчики благоденствовали. Квинтіанъ и Синецiонъ обвиняютъ Галла и Полліона, своихъ друзей, въ заговорѣ противъ императора. Аницетъ обвиняетъ Октавію въ любовной съ нимъ связи. Луканъ, авторъ «Форсала,» выдаетъ Атиллу, мать свою. Леди Рошфоръ обвиняетъ своего мужа въ кровосмѣшеніи съ сестрой своей, герцогъ Норфолькскій доноситъ на свою племянницу и тѣмъ осу-

ждалъ ее на смерть; герцогиня Норфолькская доноситъ на своего мужа, а Елизавета Голдандъ на своего любовника.

Какъ въ Римѣ, такъ и въ Лондонѣ, несчастные въ минуту смерти должны были лицемѣрить передъ властелиномъ, желая спасти своихъ близкихъ отъ жестокой мести его. Сенека, Пизонъ, Уольси и Кромвель, умирая, дѣйствовали такимъ же образомъ. Не есть ли это предѣлъ несчастія? Что можно сказать о виновникѣ такихъ минутъ?

Когда Римская чернь, послѣ рѣзни гладіаторовъ, бросалась въ сады и, оспаривая другъ у друга жалкія лохмотья, добытыя при свѣтѣ горящихъ тѣлъ, кричала: «да здравствуетъ Цезарь!» императоръ считалъ себя богомъ.

Король, раздавши богатства разоренныхъ монастырей и, слушая похвалы парламента и лордовъ добродѣтелямъ, которыхъ онъ не имѣлъ, говорилъ, что онъ боготворимъ своимъ народомъ.

Высокомѣрные съ высокопоставленными лицами, они оба бывали фамильярны до буфонства съ низшими.

Наконецъ смѣшное самообольщеніе считать себя знаменитыми артистами было въ нихъ одинаково. Восклицаніе умирающаго Нерона „Qualis artifex pereo!“ нашло отголосокъ въ сердцѣ умирающаго Генриха VIII, отдающаго душу Богу или аду. — Сынъ Агриппины приказалъ бросать на съѣденіе звѣрямъ, тѣхъ—кто предсказалъ его смерть; — англійскій папа, Генрихъ VIII, въ пылу такого же безумія, зоветъ къ себѣ на помощь палача, чтобъ воспретить дерзкимъ предвидѣть его кончину. Оба обезсмертили свою память злодѣйствами и ненавистью къ людямъ.

Отравленіе Британика, супружество съ Пифагоромъ, кровосмѣшеніе съ Агриппиной, ея убійство и затѣмъ поруганіе надъ трупомъ ея—обезсмертили имя Нерона.

Екатерина Арагонская и Анна Болейнъ.

I.

Послѣднее двадцатипятилѣтіе XV-го столѣтія отмѣчено событіями, измѣняющими общій строй Европы,—они подготовляютъ ее къ новой конституціи, освященной трактатами Оснабрюка и Мюнстера.

Въ 1477 г., смерть герцога Бургундскаго освободила Францію отъ великой опасности потому что Карлъ Смѣлый, купивши Гельдрію и большую часть Эльзаса, распространилъ свои владѣнія отъ Эмса до Соммы—вплоть до Страсбурга, и послѣ побѣды надъ Лореной и Швейцаріей долженъ былъ принять титулъ короля. На что не отважился бы тогда такой опасный сосѣдъ, вполнѣ сознающій, что въ жилахъ его течетъ кровь Карла Великаго? Его единственная дочь принесла въ приданое Эрцгерцогу Максимиліану, сыну императора Фридриха III, всѣ наслѣдственныя владѣнія герцоговъ Бургундскихъ. Вотъ какъ началось величіе Австрійскаго дома, поднятаго на высоту Карломъ V, послѣ положенія до того скромнаго, что Марія должна была снабдить своего жениха необходимыми деньгами и этимъ дать ему возможность явиться въ Гентъ—просить ея руки въ приличномъ видѣ по его званію.

Лудовикъ XI, нанеся жестокій ударъ феодализму, не поднявшемуся уже въ послѣдствіи, положилъ основаніе національному союзу; оружіемъ или хитростію, но пріобрѣлъ Артуа, Пикардію; герцогство Бургундское и ленныя владѣнія получилъ по мужской линіи отъ Карла Смѣлаго; онъ присоединилъ Провансъ, Анжу, Менъ, графство Баръ, какъ наслѣдникъ Рене Анжуйскаго. Въ царствованіе сына его Карла VIII Бретань украсила новымъ цвѣткомъ корону Валуа.

По другую сторону Пириней Фердинандъ и Изабелла соединили Арагонію и Кастилію. Какъ люди болѣе счастливые, чѣмъ ловкіе, они воспользовались тонкой политикой Хименеса, отъ Гонзальва получили Гренаду и Неаполь, а отъ Колумба—Новый свѣтъ.

Въ Англіи Бозвортская побѣда прекратила борьбу Алой и Бѣлой Розы. Распри Іорка и Ланкастера окончились при Ричардѣ III: Общее утомленіе заставило признать государемъ побѣдителя, принявшаго имя Генриха VII, который, возстановивъ администрацію, залечилъ бѣдствія, порожденныя внутренной междуусобной борьбой.

Австрійскій домъ, Испанія и Англія составили коалицію противъ Франціи, страшившей ихъ расширеніемъ своихъ владѣній. Фердинандъ, чтобы скрѣпить этотъ союзъ, котораго онъ былъ душою, отдалъ одну изъ дочерей своихъ, Іоанну, за эрцгерцога Филиппа, а другую Екатерину—за Артура принца Галльскаго, наслѣдника Генриха XII.

Іоанна, до безумія любившая своего мужа, по смерти его сошла съ ума.

Екатерина, овдовѣвъ чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ свадьбы, нѣсколько лѣтъ спустя вышла за брата своего мужа. Она стояла предъ алтаремъ вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами, какъ въ первый разъ выходящая за мужъ... Матроны, находившіяся при ней послѣ вѣнца, утверждаютъ, что эта вдова была дѣвицей, что никого не удивило въ 1509 г. а изумило въ 1530. Папа Юлій II далъ разрѣшеніе на бракъ, а архіепископъ Кентерберійскій Варгамъ совершилъ бракосочетаніе и благословилъ молодыхъ супруговъ. Король въ коронѣ на головѣ, съ перстнемъ на пальцѣ, изображавшемъ двѣ Розы, и со скиптромъ въ рукѣ, поклялся подъ сводами Вестминстера, 29 іюня 1509 г., сохранитъ привиллегіи, пожалованныя церкви и духовенству Англіи Эдуардомъ Исповѣдникомъ и принцами—его предками.

Генрихъ VIII обладалъ всѣми условіями счастія, на какія только можетъ расчитывать прихотливый смертный. 18-ти лѣтъ онъ наслѣдовалъ отъ отца благоустроенное королевство, крѣпкія и прочныя связи съ другими государствами и сундуки, съ 1,800,000 фунт. стерл. Никто не скорбѣлъ о смерти умершаго короля: разсчетливость его доходила до скряжничества, твердость до тиранніи, а во внутренней политики разсудительность впадала въ слабость. Сыну его Генриху VIII благопріятствовало не только стеченіе стольких обстоятельствъ, но даже

самые недостатки отца; ему оставалось только умѣть пользоваться фортуной, чтобъ быть любимымъ, сильнымъ и счастливымъ.

Писатели и поэты истощали все свое краснорѣчіе, воспѣвая его. Онъ, по словамъ ихъ, обладалъ силою Геркулеса, плѣнительной красотой Адониса, величіемъ Юпитера. Екатерина была добродѣтельнѣе древнихъ сабинокъ, вѣрна какъ Пенелопа, прелестна, какъ дочь неба, свѣжа—какъ Аврора и премудра, какъ Минерва.

Нельзя не привести здѣсь двустишій изъ латинской піесы, въ честь ея сочиненной: «глаза ея блещутъ огнемъ, въ лицѣ видишь Венеру, розы на ланитахъ цвѣтутъ. Въ ней сила и грація мужественной амазонки. Таковъ былъ Ахиллъ въ одѣяніи нимфы, и таковъ онъ былъ, несшій за своей колесницей трупъ Гектора». Двѣсти стихотвореній такого-же смѣшнаго содержанія декламировали въ присутствіи короля, наслаждавшагося куреніями ѳиміамовъ и серьезно поздравившаго потомъ поэта съ успѣхомъ.

Вѣрный портретъ Генриха VIII вполнѣ дѣлаетъ честь кисти Гольбейна; сходство его съ оригиналомъ поразительно. Обширный лобъ и нѣкоторыя очертанія напоминаютъ антика, но толстая и тупая нижняя часть лица выражаетъ жестокость, лукавство и звѣрство. Генрихъ могъ бы обмануть общественное мнѣніе, заставя всѣхъ предполагать, что, женившись на женщинѣ семью годами старше себя, онъ послушался голоса разсудка, оцѣнившаго ея нравственныя качества; но онъ былъ слишкомъ надмѣненъ и не давалъ себѣ даже труда скрывать, что въ этомъ случаѣ руководствовался только политическими видами и денежнымъ расчетомъ. Цѣль его была очевидна: помѣшать разрыву съ Испаніей и пріобрѣсти приданое въ 200,000 дукатовъ. Это супружество, не смотря на неровность лѣтъ, было въ началѣ, однако, счастливо. Такъ обоятельна бываетъ добродѣтель!

Екатерина, четвертая дочь Фердинанда и Изабеллы, не имѣла ни коварства отца, ни фанатизма матери. Провидѣніе надѣлило ее прямотою характера и добрымъ сердцемъ, въ чемъ примѣромъ не могли служить ей родители. Подобныя

исключенія существуютъ, какъ бы для того, чтобъ искупить часто встрѣчаемую развращенность въ дѣтяхъ умныхъ и мудрыхъ людей, и тѣмъ самымъ помѣшать порицать Бога, назначившаго Коммоду быть сыномъ Марка Аврелія.

Марія Тюдоръ обладала душею своей бабки Изабеллы, что тоже встрѣчается, иногда, по законамъ природы.

Первая жена Генриха VIII никогда не нарушала своихъ обязанностей и была ангеломъ кротости и щедрости. Ея любовь къ уединенію и безукоризненная нравственная чистота дѣлали ея совершенно равнодушной къ клеветѣ. Тяготясь роскошью и подавая бѣднымъ, она полагала, что отдаетъ часть, принадлежащую имъ по праву. Непремѣннымъ ея правиломъ было дѣлать добро тайно и избѣгать благодарности тѣхъ кому она помогала и, наоборотъ, оставлять вблизи себя неблагодарныхъ. Не боясь унизиться сближеніемъ съ горестными и оскорбленными людьми, она старалась приравнять ихъ къ себѣ, они же въ свою очередь, не злоупотребляя такою высокою добротою, сторицею возвышали ее. Наконецъ, выше всего въ ней было то, что добродѣтель ея не только не тяготила никого, но обоятельно дѣйствовала на окружающихъ, и долго спустя это благотворное вліяніе приносило хорошіе плоды. Она съ одинаковою любовію ходатайствовала, какъ за достойнаго награды, такъ и за облегченіе участи виновнаго, и вмѣшательство ея придавало двойную цѣну получаемому. Она еще болѣе отдалась добродѣтели и дѣламъ благотворительности, когда сестра ея лишилась разсудка; этотъ жестокій ударъ былъ началомъ бѣдствій Екатерины. Различныя причины уничтожили привязанность къ ней супруга, именно въ то время, когда она могла считать свое супружеское счастіе упроченнымъ.

Фердинандъ предложилъ зятю, соединивъ средства, дѣйствовать за одно, чтобы возвратить Англіи Гіенну, отнятую у нея въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Генрихъ VIII снарядилъ флотъ и армію къ услугамъ испанскаго короля, который воспользовался англичанами, чтобы завладѣть Наваррой, не предпринимая ничего относительно Гіенны, тогда неприступной. Аррагонецъ, лишивши милости Хименеса, Гонзальва

Кордуанскаго, Христофора Колумба, будучи обязанъ имъ своимъ величіемъ, надсмѣялся надъ своимъ зятемъ, королемъ неаполитанскимъ, надъ Венеціанцами и папами. Вошло въ обыкновеніе хвалить этого короля, не упоминая о его неблагодарности и вѣроломствѣ. Ложъ и плутовство, царившія въ XV и XVI столѣтіяхъ, составляютъ особую эпоху. Усердные послѣдователи теоріи Макіавеля были достойны своего учителя.

Дочь Фердинанда, болѣе своей матери заслужившая названіе «Католической» поплатилась за двойственность родителя. Лишенная расположенія своего супруга, Генриха Тюдора, она разстроила свое здоровье и, дѣтямъ родившимся отъ нея, перешла слабость надорваннаго горемъ организма; изъ всѣхъ ихъ осталась Марія, царствовавшая позднѣе, послѣ многихъ переворотовъ. Преждевременная старость и недуги посѣтили ее вслѣдствіе пережитыхъ душевныхъ пытокъ.

Нелюбовь короля быстро развивалась. Хотя вѣрность въ полномъ смыслѣ слова была для него всегда недоступна, но по крайней мѣрѣ уклоненія отъ нея онъ облекалъ прежде нѣкоторою таинственностію; теперь же мы увидимъ, какъ онъ, разъ вдавшись въ порочность, все глубже и глубже въ нея погрязалъ. Одна изъ любовницъ его родила сына; королевскій гербъ украшалъ колыбель незаконнорожденнаго младенца. Рядъ другихъ скандалезныхъ исторій уничтожилъ остатокъ семейнаго благополучія.

II.

Въ Лондонѣ существовало семейство Болейнъ, благороднаго происхожденія, но весьма невзыскательнаго взгляда на нравственность.

Серъ Томасъ Болейнъ изощрялся въ искуствѣ выставлять на видъ свое смиреніе и преданность, надѣясь чрезъ это съ каждымъ днемъ быть ближе къ милостямъ; но на его долю предстояли милости, превышающія всякое ожиданіе. Жена его была тоже сомнительной нравственности, и дѣти ихъ не могли, конечно, почерпнуть изъ жизни родителей ни хорошихъ правилъ, ни хорошихъ примѣровъ. Болейны, энергично стре-

мившіеся за фортуной и неразборчивые на средства къ достиженію ея, возлелли въ короткія съ ними отношенія нѣкоего шевалье Бріана. Мы увидимъ что были за мотивы, руководящіе ими въ этомъ случаѣ. Бріанъ былъ непроницаемъ для толпы, почти всегда довольный поверхностнымъ пониманіемъ людей. Его хорошія манеры и вѣжливость дворянина оставляли пріятное впечатлѣніе съ перваго знакомства съ нимъ и, хотя онъ казался созданнымъ для любви и нѣжности, но связи его никому не были извѣстны. Казалось, что онъ ни въ какой предметъ не углублялся, но во всему относился съ саркастической насмѣшкой. Если что нибудь производило на него мимолетное впечатлѣніе, то губы его сжимались, а маленькіе глаза освѣщались зеленоватымъ оттѣнкомъ, какъ глаза кошки, и хотя подобное выраженіе бывало моментально, но внимательный наблюдатель, разъ подмѣтившій его, никогда болѣе не довѣрялъ этому человѣку, дышавшему порокомъ. Если же кто напрашивался хотя на нѣкоторую долю его симпатіи, то добивался только холоднаго отвѣта и, затѣмъ никогда къ нему болѣе не обращался. Не занимая никакого офиціальнаго положенія, онъ одинъ съ кардиналомъ Уолси пользовался привиллегіей входить когда угодно къ королю, безъ его приглашенія. Часто, во время общественныхъ удовольствій, Генрихъ подзывалъ его къ себѣ и подолгу разговаривалъ съ нимъ. Хитрый куртизанъ умѣлъ всегда сгладить морщины на лбу своего коронованнаго собесѣдника, обремененнаго подчасъ государственными заботами, и возбудить въ немъ циническій смѣхъ.

Самые знатные вельможи боялись его; они ухаживали за этимъ косоглазымъ, на видъ сладенькимъ денди, зная, что придется расчитываться съ его тайной силой. Онъ былъ изобрѣтателемъ царскихъ удовольствій, какъ Шиффинчъ при Карлѣ II. Этотъ агентъ безчестныхъ похожденій служилъ своему повелителю во всѣхъ продѣлкахъ сомнительнаго свойства съ удивительнымъ самоотверженіемъ. Сердце и мускулы этого человѣка были крѣпки, какъ сталь. Генрихъ называлъ его намѣстникомъ ада. Вѣроятно Лабрюйеръ имѣлъ въ виду подобныхъ людей, когда выразилъ мысль, утѣшительную для

простыхъ смертныхъ, далеко поставленныхъ обстоятельствами отъ земнаго Олимпа: «дворъ—это мраморное зданіе, я подразумѣваю его составъ изъ людей жестокосердыхъ, но отполированныхъ и мягко стелющихъ».

Сильный фаворитъ поддался ухаживанію этой семьи, состоящей изъ глупаго хлопотливаго старика, матери тщеславной и легкомысленной и двухъ дочерей, очень неглупыхъ но воспитанныхъ въ дурномъ направленіи. Леди Болейнъ сама была мимолетной прихотью короля.

Маргарита, старшая дочь, принявшая за серьезное чувство пустую прихоть, вскорѣ замѣнила мать. Однажды, вечеромъ, она имѣла неосторожность взять съ собою въ Гамптонъ — Куртъ младшую сестру свою. Генрихъ, человѣкъ минутныхъ вспышекъ, былъ ею плѣненъ. — „Кто эта обворожительная особа, обратился онъ къ Бріану,—подлѣ леди Болейнъ?

— Государь, это ея дочь.

— А, я ее никогда не видалъ.

— Она пробыла нѣсколько лѣтъ во Франціи и только недавно пріѣхала сюда.

— Ее сравнить нельзя съ неотесанными чурбанами и снѣговыми глыбами меня окружающими! Неправда ли, что онѣ всѣ въ ея присутствіи походятъ на Макбетовыхъ колдуній. Мнѣ очень досадно, что братъ мой Францискъ такъ долго держалъ ее при себѣ. Эти Валуа очень любятъ охоту на голубокъ.

— Государь, она и не ожидаетъ счастія быть замѣченной вашимъ величествомъ, но...

— Но что?

— Развѣ вы обратили бы на нея ваше милостивое вниманіе?

— Почему же нѣтъ?

— Да вотъ видите ли, государь.... Маргарита Болейнъ, какъ милости ждетъ вашего взгляда.

— Маргарита.... я, право, объ ней пересталъ уже думать.

— Я полагалъ, что вы все еще ею заняты.

— Я, вѣдь, не дѣлаю коллекціи увядшихъ розъ; онѣ мнѣ также мало нужны, какъ старая фуфайка... она мнѣ надоѣла...

Я бы охотно ее отдалъ замужъ. Не пожелаетъ ли какой-нибудь антикварій сдѣлать ее хозяйкой своего средневѣковаго замка. Я бы ей далъ приданое въ 2000 золотыхъ экю. Не хочешь ли ты на ней жениться?

— Ваше величество очень милостивы. Въ претендентахъ недостатка не будетъ. Но Анна...

— Да объяснись же яснѣе, ты меня уморишь своими умалчиваніями, тянешь, тянешь.

— Я, государь, случайно слышалъ, что дѣвушкѣ вскружилъ голову лордъ Нортумберландъ, котораго она видѣла прошедшую зиму въ Парижѣ. Она совсѣмъ нѣжная пастушка. Меня всегда трогаетъ такое воркованье голубковъ, такое стремленіе къ седьмому небу. Поговариваютъ объ ихъ свадьбѣ.

— Тѣмъ лучше, это будетъ пикантнѣе... Мнѣ, однако, странно, что не спрашивали моего мнѣнія... моего согласія. Но, ты скажешь лорду Нортумберландскому, что этой свадьбѣ не бывать и что я имѣю совсѣмъ другіе виды. Что же касается до Перси, то онъ почти мальчишка... ему надо еще надѣть шпоры, а потомъ думать о супружествѣ; да притомъ же лондонскій воздухъ ему вреденъ,—ему надо путешествовать; я его хочу послать въ Италію, гдѣ онъ долженъ пробыть до своего двадцатипятилѣтія. Каково! судьбу единственной красивой здѣсь дѣвушки устроиваютъ безъ моего вѣдома!

На слѣдующій же день Перси отправился въ Неаполь, а Анну назначили фрейлиной королевы. Безчисленное множество романовъ разыгралось съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ званіе фрейлинъ, и развязка ихъ всегда одна и таже, вслѣдствіе силы съ одной стороны и слабости съ другой; но на этотъ разъ случилось иначе.

За десять лѣтъ до описываемыхъ происшествій, Анна оставила Лондонъ вмѣстѣ съ принцессой Маріей (дочерью Генриха VII), мимолетное царствованіе которой пролетѣло посреди увеселеній замка Блуа, построеннаго къ свадьбѣ Людовика XII. Когда королева Франціи возвратилась въ Англію, послѣ смерти стараго короля, умершаго на ея рукахъ, истощившись удовольствіями не по своему уже возрасту, ея фрейлина оставалась при королевѣ Клотильдѣ. Послѣ же

смерти этой добродѣтельной королевы, она была взята герцогиней Алансонской, самой знаменитой изъ трехъ Маргаритъ XVI-го столѣтія, женщины возвышеннаго сердца, обладавшей ученостью Эразма, умомъ Марата, но умѣвшая мыслить и писать не заимствовавшей ни отъ кого. Миссъ Болейнъ провела, стало быть, свои юные годы при французскомъ дворѣ, самомъ блестящемъ, какой когда либо существовалъ. Въ нее бросали грязью съ самаго ея паденія, а потому трудно распознать истину отъ клеветы. Дворъ Валуа, безъ сомнѣнія, не былъ нравственной школой для молоденькой иностранки, онъ былъ для нея скользкимъ путемъ; а Марія Англійская, вышедши за мужъ за Лудовика XII, внесла въ него еще менѣе нравственный элементъ, привезя съ собою любовника Карла Брандона, герцога Суфольскаго, съ которымъ и обручилась въ день кончины французскаго короля, супруга своего, и даже въ его дворцѣ.

Аннѣ, по возвращеніи на континентъ, было 25 лѣтъ, но на видъ ей нельзя было дать болѣе двадцати. Въ цвѣтѣ лица ея соединялась прозрачная бѣлизна сѣвера и роскошный колоритъ юга. Самые хладнокровные мужчины и завистливыя женщины находили формы ея достойными рѣзца Праксителя. Она умѣла, смотря по обстоятельствамъ, быть обольстительной и строгой, внушать уваженіе своимъ достоинствомъ и, наоборотъ, своей увлекательной живостью давать другія надежды. Когда она бывала спокойна, улыбка ея пурпуроваго ротика была неподражаема; она выражала что-то ясное, умное и вмѣстѣ съ тѣмъ немного ироническое. Она прелестно играла на нѣсколькихъ инструментахъ и танцовала, какъ мотылекъ. Она сознавала въ себѣ силу и слабость человѣка.

Между королемъ и Маріей Болейнъ еще не произошло разрыва, не смотря на новую страсть его—оттого ли, что еще оставалась къ ней нѣкоторая привязанность, или чтобъ прекратить вновь возникшіе толки, или инстинктивно предвидя, что цѣпь, тяготившая его, сама собою распадется; но, однако, свиданія съ ней становились все рѣже и холоднѣе. Покинутая, бѣдная женщина скоро узнала, кто былъ причиной ея несчастія. Красота ея быстро увяла отъ нервной болѣзни, а затѣмъ

она лишилась разсудка и вскорѣ скончалась. Едва успѣло остыть тѣло ея, какъ на блестящемъ придворномъ праздникѣ Анна была царицей бала; король много танцовалъ съ нею, а на слѣдующій день она получила съ золотой инкрустаціей ящикъ, содержащій въ себѣ брилліантовый колье и записку, въ которой онъ просилъ у ней свиданія. Она отвѣчала:

«Не могу описать вамъ, ваше величество, моего смущенія по поводу письма вашего. Какъ выразить свою благодарность? Она будетъ вѣчна. Моя покорность безгранична, но при свиданіи съ вами наединѣ я бы подверглась большой опасности.

«Умоляю васъ, государь, дозволить мнѣ уклониться отъ столь опасной для меня чести и считать меня самой покорнѣйшей изъ своихъ подданныхъ.

III.

Король былъ ужасно раздосадованъ, тѣмъ болѣе, что мысль получить подобный отвѣтъ, ему никакъ не приходила въ голову. Онъ узналъ, что миссъ Болейнъ внезапно оставила дворъ и уѣхала въ маленькій замокъ Уэльтширъ, принадлежавшій ея отцу, за нѣсколько миль отъ Лондона. Первымъ побужденіемъ его было погнаться за нею и насильно увезти; только мысль Бріана, что равнодушіе съ его стороны будетъ поводомъ къ скорѣйшему ея возвращенію, остановила его. Этотъ льстецъ говорилъ королю, что она похожа на нимфу, горѣвшую нетерпѣніемъ скорѣе выйти изъ прекрасной сквозной рощицы, ею самою избранной.

Однако она не возвращалась. Генрихъ желалъ развлечься другими любовными связями, но это цѣлительное средство для чувствительныхъ натуръ теперь ему не помогло. Для него взглядъ, улыбка и голосъ всякой другой женщины не только потеряли свою прелесть, но даже были непріятны, и въ объятіяхъ любовницъ образъ Анны Болейнъ не покидалъ его воображенія. Онъ писалъ, расточалъ клятвы и предложенія самого искуственнаго свойства, наконецъ сталъ угрожать. Бріанъ предлагалъ всевозможныя средства, но все

они не удавались; онъ съ адскою изобрѣтательностью изощрялъ свое воображеніе, но всё было безполезно. Леди Болейнъ съ мужемъ, видя съ грустью, что вся надежда на дочерей исчезла, вмѣшалась въ это дѣло.

Бѣглянка, Анна Болейнъ, своимъ удаленіемъ раздражала только страсть короля. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ она обѣщала ему свиданіе, но всякій день находила новую къ этому преграду, ссылаясь на религію, приличія, неравенство положеній, на женскую стыдливость, на боязнь своихъ родителей, на нездоровье и на общественные мнѣніе; однимъ словомъ заставляла его страдать и все сильнѣе и сильнѣе возбуждала въ немъ страсть. Наконецъ она согласилась на свиданіе, предварительно взявъ слово, не нарушать къ ней уваженія. Подобная выходка относительно лица могущественнаго, непривыкшаго къ отказамъ, и которому со всѣхъ сторонъ жаждали угодить, была азартною игрою.

Генрихъ каждый свободный часъ спѣшилъ провесть съ нею. Онъ пріѣзжалъ верхомъ въ костюмѣ настолько простомъ, что могъ быть неузнаваемъ. Подъѣмный мостъ спускался и простой дворянинъ, въ шляпѣ съ перомъ, какъ влюбленный пажъ, или скромный баккалавръ, при звукѣ рога, проѣзжалъ по немъ. Послѣ каждаго посѣщенія онъ возвращался все болѣе и болѣе влюбленымъ и, какъ юноша, прерывистымъ отъ волненія голосомъ, въ восторгѣ разсказывалъ по возвращеніи Бріану о своихъ дневныхъ похожденіяхъ.—«Какая прелесть въ голосѣ, говорилъ онъ, скромность во взглядѣ! Что за походка, сколько врожденнаго благородства! Ни въ одной женщинѣ не встрѣчалъ такого остроумія въ соединеніи съ скромностію, строгимъ сужденіемъ и безукоризненностью правилъ. И послѣ всего этого мнѣ скажутъ, что я не долженъ надѣяться! Я не могу преодолѣть этой несчастной страсти!.. Мнѣ приходитъ въ голову, не возобновить ли войну?.. Не находишь ли ты, что императоръ послѣднее время былъ со мною необычайно дерзокъ?...

И вслѣдъ за подобнымъ разговоромъ онъ принимался чертить планъ кампаніи съ Италіей и Нидерландами, заводилъ рѣчь о войнѣ, о политикѣ вообще, о торговлѣ, искуствахъ,

наукахъ и поэзіи... говорилъ о папѣ, о королѣ французскомъ, о Лютерѣ... и наконецъ—просто бредилъ. Затѣмъ все подводилъ къ одному заключенію: «эта женщина будетъ моею!»

Анна Болейнъ руководилась знаніемъ жизни, пріобрѣтеннымъ ею на практикѣ. Не желая также плохо кончить, какъ сестра, она ни на минуту не уклонялась отъ предвзятаго плана дѣйствій... Она умѣла быть холодной, не нарушая простоты въ обхожденіи и кокетливо—нѣжной, когда это казалось ей нужнымъ, умѣла отклонить притязанія своего гордаго обожателя, не уменьшая безумной его страсти. Привыкнувъ анализировать всѣ тайные изгибы своего сердца, она проникала легко и въ сердечныя тайны короля, не поддаваясь сама никакому увлеченію, она выказывала порывы страсти, не ощущая ихъ, — вотъ что помогало ей успѣшно выполнять свою роль. Ожидая его, она никогда не ощущала безпокойства и сердечнаго трепета любящей женщины. При его приближеніи она, какъ гладіаторъ готовый выступить на арену цирка, смѣло бралась за свою роль. Она вполнѣ господствовала надъ своимъ сердцемъ, и каждое ея слово, малѣйшая улыбка, или жестъ, были всегда заранѣе разсчитаны и взвѣшены.

Стойкость свою Анна облекла въ форму набожности. Ея духовникъ подпалъ въ немилость лондонскаго архіепископа, и потому она принуждена была перемѣнить его. Новый духовный отецъ удивилъ ее смѣлымъ намекомъ на происшествія, принудившія ее удалиться въ Уэльтширъ. Въ другой разъ онъ говорилъ ей о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ ея красотою, этимъ опаснымъ даромъ природы, на высокую личность. Положеніе такое становилось все опаснѣе,—надо было болѣе, чѣмъ когда нибудь—прибѣгать къ заступничеству Св. Анны и Пресвятой Дѣвы Маріи. Священникъ, послѣ многословнаго объясненія, восхвалялъ безконечное милосердіе Бога къ нѣкоторымъ проступкамъ, если не совсѣмъ извинительнымъ, то допускающимъ оправданіе по сложившимся обстоятельствамъ. Потомъ онъ ловко коснулся вопроса—долженъ ли подданный повиноваться своему государю, въ случаѣ, если приказанія государя будутъ противорѣчить религіи, и можетъ ли онъ (подданный) сложить отвѣтственность за свой грѣхъ на повѣ-

самые недостатки отца; ему оставалось только умѣть пользоваться фортуной, чтобъ быть любимымъ, сильнымъ и счастливымъ.

Писатели и поэты истощали все свое краснорѣчіе, воспѣвая его. Онъ, по словамъ ихъ, обладалъ силою Геркулеса, плѣнительной красотой Адониса, величіемъ Юпитера. Екатерина была добродѣтельнѣе древнихъ сабинокъ, вѣрна какъ Пенелопа, прелестна, какъ дочь неба, свѣжа—какъ Аврора и премудра, какъ Минерва.

Нельзя не привести здѣсь двустишій изъ латинской піесы, въ честь ея сочиненной: «глаза ея блещутъ огнемъ, въ лицѣ видишь Венеру, розы на ланитахъ цвѣтутъ. Въ ней сила и грація мужественной амазонки. Таковъ былъ Ахиллъ въ одѣяніи нимфы, и таковъ онъ былъ, несщій за своей колесницей трупъ Гектора». Двѣсти стихотвореній такого-же смѣшнаго содержанія декламировали въ присутствіи короля, наслаждавшагося куреніями ѳиміамовъ и серьезно поздравившаго потомъ поэта съ успѣхомъ.

Вѣрный портретъ Генриха VIII вполнѣ дѣлаетъ честь кисти Гольбейна; сходство его съ оригиналомъ поразительно. Обширный лобъ и нѣкоторыя очертанія напоминаютъ антика, но толстая и тупая нижняя часть лица выражаетъ жестокость, лукавство и звѣрство. Генрихъ могъ бы обмануть общественное мнѣніе, заставя всѣхъ предполагать, что, женившись на женщинѣ семью годами старше себя, онъ послушался голоса разсудка, оцѣнившаго ея нравственныя качества; но онъ былъ слишкомъ надмѣненъ и не давалъ себѣ даже труда скрывать, что въ этомъ случаѣ руководствовался только политическими видами и денежнымъ расчетомъ. Цѣль его была очевидна: помѣшать разрыву съ Испаніей и пріобрѣсти приданое въ 200,000 дукатовъ. Это супружество, не смотря на неровность лѣтъ, было въ началѣ, однако, счастливо. Такъ обоятельна бываетъ добродѣтель!

Екатерина, четвертая дочь Фердинанда и Изабеллы, не имѣла ни коварства отца, ни фанатизма матери. Провидѣніе надѣлило ее прямотою характера и добрымъ сердцемъ, въ чемъ примѣромъ не могли служить ей родители. Подобныя

исключенія существуютъ, какъ бы для того, чтобъ искупить часто встрѣчаемую развращенность въ дѣтяхъ умныхъ и мудрыхъ людей, и тѣмъ самымъ помѣшать порицать Бога, назначившаго Коммоду быть сыномъ Марка Аврелія.

Марія Тюдоръ обладала душею своей бабки Изабеллы, что тоже встрѣчается, иногда, по законамъ природы.

Первая жена Генриха VIII никогда не нарушала своихъ обязанностей и была ангеломъ кротости и щедрости. Ея любовь къ уединенію и безукоризненная нравственная чистота дѣлали ея совершенно равнодушной къ клеветѣ. Тяготясь роскошью и подавая бѣднымъ, она полагала, что отдаетъ часть, принадлежащую имъ по праву. Непремѣннымъ ея правиломъ было дѣлать добро тайно и избѣгать благодарности тѣхъ кому она помогала и, наоборотъ, оставлять вблизи себя неблагодарныхъ. Не боясь унизиться сближеніемъ съ горестными и оскорбленными людьми, она старалась приравнять ихъ къ себѣ, они же въ свою очередь, не злоупотребляя такою высокою добротою, сторицею возвышали ее. Наконецъ, выше всего въ ней было то, что добродѣтель ея не только не тяготила никого, но обоятельно дѣйствовала на окружающихъ, и долго спустя это благотворное вліяніе приносило хорошіе плоды. Она съ одинаковою любовію ходатайствовала, какъ за достойнаго награды, такъ и за облегченіе участи виновнаго, и вмѣшательство ея придавало двойную цѣну получаемому. Она еще болѣе отдалась добродѣтели и дѣламъ благотворительности, когда сестра ея лишилась разсудка; этотъ жестокій ударъ былъ началомъ бѣдствій Екатерины. Различныя причины уничтожили привязанность къ ней супруга, именно въ то время, когда она могла считать свое супружеское счастіе упроченнымъ.

Фердинандъ предложилъ зятю, соединивъ средства, дѣйствовать за одно, чтобы возвратить Англіи Гіенну, отнятую у нея въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Генрихъ VIII снарядилъ флотъ и армію къ услугамъ испанскаго короля, который воспользовался англичанами, чтобы завладѣть Наваррой, не предпринимая ничего относительно Гіенны, тогда неприступной. Аррагонецъ, лишивши милости Хименеса, Гонзальва

самые недостатки отца; ему оставалось только умѣть пользоваться фортуной, чтобъ быть любимымъ, сильнымъ и счастливымъ.

Писатели и поэты истощали все свое краснорѣчіе, воспѣвая его. Онъ, по словамъ ихъ, обладалъ силою Геркулеса, плѣнительной красотой Адониса, величіемъ Юпитера. Екатерина была добродѣтельнѣе древнихъ сабинокъ, вѣрна какъ Пенелопа, прелестна, какъ дочь неба, свѣжа—какъ Аврора и премудра, какъ Минерва.

Нельзя не привести здѣсь двустишій изъ латинской піесы, въ честь ея сочиненной: «глаза ея блещутъ огнемъ, въ лицѣ видишь Венеру, розы на ланитахъ цвѣтутъ. Въ ней сила и грація мужественной амазонки. Таковъ былъ Ахиллъ въ одѣяніи нимфы, и таковъ онъ былъ, несщій за своей колесницей трупъ Гектора». Двѣсти стихотвореній такого-же смѣшнаго содержанія декламировали въ присутствіи короля, наслаждавшагося куреніями ѳиміамовъ и серьезно поздравившаго потомъ поэта съ успѣхомъ.

Вѣрный портретъ Генриха VIII вполнѣ дѣлаетъ честь кисти Гольбейна; сходство его съ оригиналомъ поразительно. Обширный лобъ и нѣкоторыя очертанія напоминаютъ антика, но толстая и тупая нижняя часть лица выражаетъ жестокость, лукавство и звѣрство. Генрихъ могъ бы обмануть общественное мнѣніе, заставя всѣхъ предполагать, что, женившись на женщинѣ семью годами старше себя, онъ послушался голоса разсудка, оцѣнившаго ея нравственныя качества; но онъ былъ слишкомъ надменъ и не давалъ себѣ даже труда скрывать, что въ этомъ случаѣ руководствовался только политическими видами и денежнымъ расчетомъ. Цѣль его была очевидна: помѣшать разрыву съ Испаніей и пріобрѣсти приданое въ 200,000 дукатовъ. Это супружество, не смотря на неровность лѣтъ, было въ началѣ, однако, счастливо. Такъ обоятельна бываетъ добродѣтель!

Екатерина, четвертая дочь Фердинанда и Изабеллы, не имѣла ни коварства отца, ни фанатизма матери. Провидѣніе надѣлило ее прямотою характера и добрымъ сердцемъ, въ чемъ примѣромъ не могли служить ей родители. Подобныя

исключенія существуютъ, какъ бы для того, чтобъ искупить часто встрѣчаемую развращенность въ дѣтяхъ умныхъ и мудрыхъ людей, и тѣмъ самымъ помѣшать порицать Бога, назначившаго Коммоду быть сыномъ Марка Аврелія.

Марія Тюдоръ обладала душею своей бабки Изабеллы, что тоже встрѣчается, иногда, по законамъ природы.

Первая жена Генриха VIII никогда не нарушала своихъ обязанностей и была ангеломъ кротости и щедрости. Ея любовь къ уединенію и безукоризненная нравственная чистота дѣлали ея совершенно равнодушной къ клеветѣ. Тяготясь роскошью и подавая бѣднымъ, она полагала, что отдаетъ часть, принадлежащую имъ по праву. Непремѣннымъ ея правиломъ было дѣлать добро тайно и избѣгать благодарности тѣхъ кому она помогала и, наоборотъ, оставлять вблизи себя неблагодарныхъ. Не боясь унизиться сближеніемъ съ горестными и оскорбленными людьми, она старалась приравнять ихъ къ себѣ, они же въ свою очередь, не злоупотребляя такою высокою добротою, сторицею возвышали ее. Наконецъ, выше всего въ ней было то, что добродѣтель ея не только не тяготила никого, но обоятельно дѣйствовала на окружающихъ, и долго спустя это благотворное вліяніе приносило хорошіе плоды. Она съ одинаковою любовію ходатайствовала, какъ за достойнаго награды, такъ и за облегченіе участи виновнаго, и вмѣшательство ея придавало двойную цѣну получаемому. Она еще болѣе отдалась добродѣтели и дѣламъ благотворительности, когда сестра ея лишилась разсудка; этотъ жестокій ударъ былъ началомъ бѣдствій Екатерины. Различныя причины уничтожили привязанность къ ней супруга, именно въ то время, когда она могла считать свое супружеское счастіе упроченнымъ.

Фердинандъ предложилъ зятю, соединивъ средства, дѣйствовать за одно, чтобы возвратить Англіи Гіенну, отнятую у нея въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Генрихъ VIII снарядилъ флотъ и армію къ услугамъ испанскаго короля, который воспользовался англичанами, чтобы завладѣть Наваррой, не предпринимая ничего относительно Гіенны, тогда неприступной. Аррагонецъ, лишивши милости Хименеса, Гонзальва

такого остолбенѣлаго, стеклообразнаго взгляда; глаза ея, какъ бы подъ вліяніемъ электрическаго удара, несоразмѣрно открылись и она, опять неподвижная и суровая, упала къ его ногамъ.

— Адъ и проклятіе! воскликнулъ онъ съ какимъ то стономъ, она умерла!

Королевское величество померкло предъ величіемъ смерти. Онъ выбѣжалъ, какъ безумный вскочилъ на лошадь и галопомъ поскакалъ по дорогѣ въ Лондонъ, куда онъ пріѣхалъ, чуть не передавивъ нѣсколькихъ поселянъ, не успѣвшихъ встать на вытяжку предъ нимъ и, отправлявшихся прогуляться по краямъ оврага, окаймляющаго городъ.

Бріанъ, съ улыбкой лукаваго лакея, добивающагося довѣрія господъ, ждалъ его у входа въ маленькіе апартаменты; онъ подходилъ, сгибая уже спину, и вдругъ услышалъ восклицаніе, подобно проклятію, вырвавшемуся изъ устъ властелина:

Она умерла! Чего ты отъ меня хочешь? убирайся и не смѣй мнѣ никогда казаться на глаза.

Король заперся въ своемъ кабинетѣ, съ шумомъ захлопнувши за собою дверь. Горе тѣмъ, кого обязанность заставляла ему служить въ этотъ день; раненный кабанъ надѣлялъ ихъ ударами своихъ клыковъ. Французскій посланникъ, явившись въ тотъ вечеръ, получилъ такой дерзкій отвѣтъ, что надо было ожидать разрыва между двумя державами.

Бріанъ, этотъ намѣстникъ ада, сатана во плоти, не разъ испытывалъ на себѣ дѣйствіе многихъ вспышекъ короля, но въ такомъ положеніи никогда еще его не видалъ. Онъ нѣсколько минутъ простоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ ошеломленный. Но, разъ придя въ себя, онъ опять овладѣлъ своимъ апломбомъ, и съ обычной улыбкой, положивъ руку на рукоятку своего кинжала, медленно сошелъ съ большой лѣстницы; на ступеняхъ ея встрѣтилъ герцога Норфолька, который сказалъ ему:

— Здравствуйте, кавалеръ, что новенькаго?

— Ничего не знаю, монсеньоръ, развѣ то, что прекрасный день потерянъ на охоту за лисицей.

— Видѣли-ли вы короля?
— На одну только минуту.
— Гдѣ онъ?
— Заперся у себя въ кабинетѣ.
— Одинъ?
— Я думаю.
— Не знаете-ли, былъ онъ въ Уэльтширѣ?
— Не знаю.

Размѣнявшись этими словами совершенно хладнокровно, герцогъ сталъ входить на лѣстницу, а кавалеръ Бріанъ сошелъ съ нея. Съ часъ спустя, во всемъ Лондонѣ только и говорили, что о мнимой смерти Анны Болейнъ. Истина была неизвѣстна, и потому подробности небывалаго происшествія сочинялись каждымъ по произволу. Наконецъ слухъ дошелъ и до королевы Екатерины: набожная женщина обнадежилась, что и для нея наступятъ еще счастливые дни.

Теперь пора объяснить, почему Анна Болейнъ въ своемъ поведеніи съ королемъ поступала съ такой необыкновенной силой характера, не смотря на увлекательность его ума, на настойчивую истинную любовь, на свое собственное мечтательное настроеніе вслѣдствіе уединенной жизни, наконецъ, не смотря ни на свое прошедшее, ни на голосъ природы. Въ началѣ она была непреклонна по инстинкту, охранявшему подчасъ женщину и менѣе ея умную отъ паденія; въ ней же этотъ инстинктъ былъ и проницательностію; она ясно видѣла, что при данныхъ обстоятельствахъ сопротивленіемъ она только до невозможнаго возвыситъ цѣну своей жертвы. Надо сказать и то, что ей тяжело было способствовать еще большему униженію своей семьи, отдаваясь человѣку, нанесшему уже ей безчестіе.

Но, пока она углублялась въ эти мысли, неожиданная перспектива открылась передъ нею, — сначала неясная, но вскорѣ всепоглащающая. Увлекшись въ химерическій міръ фантазіи, она уже не могла остановиться. Тщеславіе представило ей неизвѣданный источникъ наслажденій. Ради этого же чувства она отказалась отъ удовольствій и предалась строгому образу жизни. Корона сдѣлалась ея единственной мыслію—днемъ

и страстнымъ мечтаніемъ ночью. — Екатерина царствовала, но посредствомъ хитро веденныхъ интригъ ее замышляли замѣстить французской принцессой [1]).

Въ то время какъ адвокаты обѣихъ сторонъ толковали до хрипоты, дипломаты писали разный вздоръ, безъ отдыха разсылая курьеровъ, куртизаны восторгались царицей времени, послѣдняя со стороны мысленно сказала французской принцессѣ: «ты не переѣдешь моря, — теткѣ Карла V: «ты сойдешь съ трона;» а себѣ самой: «я буду королевой.»

IV.

Изложеніе обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу съ Екатериной Арагонской, равно какъ и послѣдующихъ за тѣмъ событій, не лишено и въ настоящее время интереса.

Анна осталась жива послѣ разсказанной нами сцены въ прошедшей главѣ. Съ нею былъ припадокъ каталепсіи, странные симптомы которой, наконецъ, уступили заботливому за нею уходу и здоровому организму. Генрихъ упрекалъ себя, преувеличивалъ опасность ея положенія и любовь его отъ ра-

---

[1]) Личный интересъ Уольси заставлялъ его хлопотать о союзѣ Ренэ дочери Людовига XII съ Генрихомъ VIII. Въ этихъ видахъ онъ подвинулъ дѣло о розводѣ. Его удивленіе и досада были невыразимы, когда онъ узналъ, что хлопоталъ въ пользу Анны Болейнъ. Въ Гамптонъ-Куртѣ можно видѣть всѣхъ лицъ этой эпохи, какъ бы воскресшими. Изъ двери со стрѣльчатымъ сводомъ, похожей на высѣченный входъ въ пещеру, выходитъ кардиналъ и съ высоты террасы наблюдаетъ за королевской четой, прогуливающейся по огромной полянѣ, обросшей старыми дубами у подножія замка, низкія башни котораго походили на бастіоны Генрихъ VIII и Анна Болейнъ идутъ и проходятъ оружейныя залы съ древними украшеніями и знаменами. Министръ, чтобъ отвратить ожидаемую немилость, осмѣливается заговорить съ своимъ государемъ и, преклоняя предъ нимъ колѣна, проситъ принять, какъ выраженіе благодарности, средневѣковое зданіе, понравившееся, какъ кажется, королевѣ.— Такъ какъ „милордъ кардиналъ, я вижу, въ порывѣ великодушія, сказалъ холодно король, то не угодно ли ему приложить государственную печать къ своему дару. — Уольси оставалось только умереть, что и не замедлило случиться.

сяянія все болѣе и болѣе развивалась. Эта интрига не кончилась въ будуарѣ, она вошла въ новый фазисъ и пріобрѣла еще большее значеніе. Король давно уже думалъ о разводѣ.

Въ древнія времена, во всѣхъ націяхъ, мужъ имѣлъ право отвергнуть жену. Это правило было принято за справедливое въ Римѣ, законами котораго въ XVI столѣтіи часть Европы еще руководствовалась.

Послѣ введенія христіанства, вопросъ о нерасторгаемости брака былъ поводомъ къ несогласію между отцами церкви. По мнѣнію Св. Юстина, римскіе законы сохранили за собою право первенства не только во всей имперіи, но и у галловъ послѣ вторженія франковъ. Нѣсколько вѣковъ протекло прежде, чѣмъ каноническая юриспруденція точно опредѣлила этотъ вопросъ. Св. Амвросій, епископъ медіоланскій, допускалъ разводъ, равно, какъ и епископъ Эпифаній. Соборы Компіенскій и Верберійскій высказались за примѣненіе слѣдующаго правила: «*Quid quid ligatur, dissolubile est*». О нерасторгаемости брака нигдѣ не упомянуто въ Евангеліи. Допуская въ своемъ трибуналѣ разбирать подобныя дѣла, папы полагали единственною цѣлію преобладать своимъ вліяніемъ на королей; они сдѣлали изъ разрыва тяжелой супружеской связи награду сговорчивымъ королямъ, а изъ нерасторгаемости ея—наказаніе непокорнымъ. Въ Ватиканѣ, впрочемъ, какъ и въ деревенскихъ приходахъ, нерѣдко встрѣчается двойственность взгляда.

Многимъ королямъ было разрѣшено папами отвергнуть своихъ женъ [1]).

Хильперикъ I-й, въ VI вѣкѣ, отвергнулъ Одоверу, по наущенію ея фрейлины, Фредегунды, имя которой слѣдовало бы вычеркнуть изъ исторіи.

---

[1]) Были же такіе короли, которые не находили даже нужнымъ ихъ отвергать. Франки напр. имѣли при добромъ королѣ Дагобертѣ въ одно и тоже время трехъ законныхъ королевъ: Нантильду, Вульфунду и Бертильду. Наши древніе государи не очень сдерживали свои страсти; Шатобріанъ приводитъ доказательства этому въ своемъ разборѣ исторіи Франціи (Analyse raisonnée de l'Histoire de France), взятыя изъ древней хроники. Тамъ говорится: король Дагобертъ возилъ съ собой всегда большое число наложницъ, а законныя его жены—королевы оставались по другимъ мѣстамъ.

Карлъ Великій отвергнулъ первую жену свою Гимильтруду и вторую Дезидерату, дочь Дидіера, короля лангобардскаго для того, чтобъ надѣть корону на Гильдегарду [1]).

Разсказъ о вѣтренности Людовика Косноязычнаго опускаемъ, какъ невозбуждающій особаго интереса.

Папа Григорій V, уничтоживъ контрактъ, заключенный между Робертомъ Благочестивымъ, сыномъ Гуго Капета и Бертой Бургонской, его кузиной, отлучилъ ихъ отъ Церкви, за то, что не хотѣли разстаться. Стало быть религіозная связь могла быть уничтожена. Людовикъ Молодой приказалъ расторгнуть свой бракъ съ Элеонорой Гвинейской, которая, два мѣсяца спустя, отдала свою руку и свои владѣнія Генриху Плантагенету.

Филиппъ Августъ отвергнулъ Ингебергу, дочь короля датскаго и Агнесу Меранійскую (de Meranie). Карлъ Красивый развелся съ Бланкой Бургонской и соединился бракомъ съ Маріей Люксембургской. Императоръ Генрихъ VII, отецъ Маріи, и братъ его Іоаннъ, король богемскій, не согласились бы на это, если-бъ первый брачный союзъ короля Франціи не былъ расторгнутъ Церковью.

Въ Испаніи Петръ Арагонскій обязался въ своемъ свадебномъ контрактѣ съ Маріей Монпелье, никогда съ ней не расходиться и не жениться на другой при ея жизни; этотъ договоръ былъ, стало быть, нуженъ, чтобъ связать его свободу.

Въ среднихъ вѣкахъ отверженіе женъ было въ употребленіи во всѣхъ классахъ общества. Въ формулахъ Маркульфа помѣщены статьи, допускающія разводъ (Libellus repudii). Церковь, запретивъ отверженіе и разводъ, до такой степени умножила причины недѣйствительности брака, что въ принципѣ супружество нисколько не болѣе было гарантировано. Сущность была перефразирована, но оставалась таже. Людовикъ XII, въ концѣ XV столѣтія, заставилъ Александра VI признать свой бракъ съ Жанной Хромой, дочерью Лудовика XI,

[1]) Одинъ изъ историковъ говоритъ о Карлѣ Великомъ: Plusculum mulierosus fuit,—заслуженный упрекъ, потому что онъ былъ девять разъ женатъ, не возбуждая порицанія со стороны церкви.

недѣйствительнымъ, будучи законнымъ ея мужемъ въ продолженіи двадцати двухъ лѣтъ.

Генриху VIII, конечно, могло быть разрѣшено то, что дозволялось столькимъ лицамъ прежде и чего добился и послѣ него Генрихъ IV французскій въ 1599 г. Первая мысль о разводѣ пришла ему въ голову вслѣдствіе одного случая, отнявшаго у него надежду имѣть наслѣдника престола отъ Екатерины. Нѣсколько словъ издалека имъ высказанныя, подобно пробной пулѣ, послужили поводомъ къ предчувствію послѣдующаго его рѣшенія. Сначала онъ взялъ на себя личину покорившагося своему принципу; не смѣя высказать, что миссъ Болейнъ была главной причиной такого намѣренія, онъ давалъ однако подразумѣвать возможность его; принужденное состояніе становилось для него невыносимымъ и, чтобъ оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, ему надо было найти соучастниковъ своихъ плановъ.

Кардиналъ Ульси былъ прямымъ его довѣреннымъ. Войдя, однажды, въ кабинетъ въ обычный часъ занятій короля, онъ нашелъ его за сочиненіемъ св. Ѳомы Аквинскаго. Не дозволивъ себѣ выказать удивленіе, онъ началъ говорить о дѣлахъ, назначенныхъ на этотъ день и о предстоящихъ переговорахъ съ Карломъ V. Генрихъ оттолкнулъ книгу и, не теряя нити своихъ мыслей, слушалъ министра.

— Государь, сказалъ кардиналъ, слѣдуя вашему приказанію, я достигъ возможности узнать основаніе трактата, послужившаго поводомъ къ переговорамъ, веденнымъ въ настоящее время въ Камбреи, вдовствующей герцогиней Савойской и принцессой Луизой, матерью Франциска I-го. Я боюсь, чтобъ не возникли очень серьезныя затрудненія: императоръ заявляетъ требованія, которыя, если будутъ приняты, то папа будетъ у него въ зависимости.

— Да, мой прекрасный племянникъ говоритъ очень громко съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ короля Франціи плѣнникомъ въ Мадридѣ; но лавры Гвинегатты стоятъ лавровъ Павіи. Если я не ношу короны Карла Великаго....

— Государь, вы обладаете его геніемъ, и владѣнія Карла V-го вслѣдствіе своей громадности, различія племенъ, инте-

ресовъ и вѣрованій, заключаютъ въ себѣ задатки распаденія. Это цѣлый лѣсъ, деревья котораго имѣютъ корни слабые и стволы дряхлые, однимъ словомъ — колоссъ на стеклянныхъ ногахъ.

Ульси былъ связанъ съ императоромъ тайнымъ договоромъ. Чтобъ прикрыть свою измѣну, онъ, по временамъ, возбуждалъ злобу души своего государя и потомъ самъ унималъ ее. Чтобы дать понятіе объ одной изъ его ловкихъ продѣлокъ, вспомнимъ, какъ онъ подстрекнувъ Генриха VIII къ пышнымъ торжествамъ въ лагерѣ „Золотой парчи," приберегъ, однако, случай соединить его съ Карломъ V при Гравелинѣ, гдѣ они въ продолженіи трехъ недѣль, не теряя время на одни балы и празднества, вели серьезные переговоры о своихъ дѣлахъ и подписали новый союзъ, въ послѣдствіи подорванный тѣмъ же Уольси, эксплуатировавшимъ всѣхъ, кто платилъ ему. Получая ежегодную плату отъ Испаніи, Франціи, Рима и богатые подарки отовсюду, онъ въ продолженіи двадцати лѣтъ игралъ эту двойную роль съ искуствомъ великаго политика, съ роскошью сатрапа и дерзостію выходца, ежедневно любуясь въ своей молельни планомъ Ватикана, своего будущаго дворца... но кончилъ тѣмъ, что попалъ въ собственныя же сѣти, и за дѣло развода, равно какъ и за продолжительное свое вѣроломство, вмѣсто тіары, получилъ возмездіе, какого заслуживалъ [1]).

[1]) Генрихъ VIII, выходя послѣ обѣдни изъ церкви замѣтилъ Джена Скельтона, своего прежняго, стараго наставника, подозвалъ его и, обратись къ нему съ улыбкой, смягчающей его обычную суровость, сказалъ.

— Отчего, Діогенъ, тебя не видать болѣе въ Гамптонъ-Куртѣ?

— Отчего? отвѣчалъ старый скептикъ, да потому, что при королѣ находится человѣкъ сильнѣе его самого.

— Бездѣльникъ!

— Еслибъ я не мстилъ немножко іоркскому милорду, онъ велѣлъ бы меня повѣсить.

— Я тоже, надѣюсь, могу тебѣ подарить веревочный галстухъ.

— Отъ подобной щедрости вы лишились бы курицы, несущей золотыя яйца, потому что мнѣнія, высказываемыя мною вашему величеству, я иначе назвать не могу.

— Да, будь же хоть разъ въ жизни серьезенъ.

— О нѣтъ, я остерегусь быть серьезнымъ.... Да, какже и придти об-

— Война не страшитъ меня, возразилъ король, я велъ ее счастливо въ Европѣ да думаю, что и впередъ буду ее вести также. Я предвижу, что между императоромъ и мной возникнутъ еще большія разногласія, чѣмъ въ настоящее время и беру на себя ихъ послѣдствія. Онъ мнѣ писалъ относительно королевы Екатерины и позволилъ себѣ мнѣ давать совѣты, въ которыхъ я нисколько не нуждаюсь. Я ни за кѣмъ не признаю права вмѣшиваться въ мои домашнія дѣла. Когда вы вошли, я былъ занятъ чтеніемъ письма,—я хочу, чтобъ вы знали о содержаніи его.

— Я очень тронутъ довѣренностью, которою вы удостоиваете меня.

— Вы знаете, что я едва достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда умеръ братъ мой и когда я былъ сговоренъ со вдовою его, которой уже было девятнадцать. Шесть лѣтъ спустя, я не осмѣлился уничтожить контракта, совершеннаго по родительской волѣ. Сознавая себя слишкомъ молодымъ и несвѣдущимъ въ дѣлахъ религіи, я боялся поступить противъ блага государства и рѣшился жениться, не смотря на противное мнѣніе о томъ многихъ изъ членовъ моего интимнаго кружка и упорное сопротивленіе примаса Воргама, вынужденнаго уже повиноваться буллѣ Юлія II. Общественное мнѣніе волновалось, оно было противъ брачнаго союза между такими близкими свойственниками. Раскаяніе моего отца по этому поводу всѣмъ извѣстно.

— Это правда.

стоятельной мысли такому бѣдняку, какъ мнѣ, когда я вижу во дворцѣ князя церкви голую Діану, Венеру въ разгарѣ веселія, Купидона съ стрѣлой, Париса Троянскаго, танцующаго съ Г-жею Еленою!

— Какую цѣну хочешь ты за свое золотое яйцо сегодня?

— Хорошаго тумака отъ вашего величества. Но позвольте мнѣ досыта нафилософствоваться и не обѣщайте мнѣ никогда ни виселицы, ни архіерейской шапки. Я только прошу даровать мнѣ жизнь.

— У тебя ее и такъ не отнимаютъ.

Уольси имѣлъ въ Скельтонѣ врага, который подъ прикрытіемъ фамильярности съ королемъ, велъ противъ кардинала отчаянную войну. Его булавочные уколы, вслѣдствіе весьма частаго повторенія ихъ, были опасны. Этотъ дубъ подтачивали термиты.

Ветхій Завѣтъ запрещаетъ, подъ страхомъ проклятія, жениться на вдовѣ брата. Это праклятіе тяготѣло на мнѣ, потому и всѣ сыновья мои умерли и у меня осталась только дочь, которой здоровье непрочно. Корона Англіи попадетъ въ женское поколѣніе, если я не освобожусь отъ цѣпей, связывающихъ меня. Я открылъ мои опасенія архіепископу Линкольнскому, моему духовнику, и онъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ. По яснымъ доктринамъ Ѳомы, ученіе третьей книги Моисея выше человѣческой власти и никакое церковное разрѣшеніе не можетъ его ослабить. Папа измѣняетъ законы Церкви, но Божіе законы неизмѣнны. [1]) Эти разсужденія порождаютъ сомнѣнія въ моей головѣ. Я боюсь продолжать жизнь въ грѣхѣ кровосмѣшенія и, между тѣмъ, желалъ бы выйти изъ этого положенія на пользу моего рода и къ счастію моей частной жизни. Вотъ что я хотѣлъ довѣрить тебѣ.

Уольси, пойманный въ расплохъ и прежде всего довольный предстоящею опасностію королевы, которой онъ несовсѣмъ былъ доволенъ, согласился съ мнѣніемъ короля съ тѣмъ, чтобъ послѣ измѣнить ему. По окончаніи этого разговора и послѣдующихъ за нимъ, разсуждали объ общемъ благѣ, о несчастіи принцевъ крови, не свободныхъ въ выборѣ своихъ привязанностей, о необходимыхъ предосторожностяхъ и вѣроятной борьбѣ. Министръ во всемъ этомъ мало принималъ участія; онъ Анну также не любилъ, какъ и Екатерину и не могъ еще постигнуть, чрезъ которую онъ болѣе бы выигралъ. Онъ еще самъ не зналъ, чего ему держаться: непріязненнаго ли чувства къ дочери Фердинанда или нерасположенія къ Аннѣ Болейнъ. Ему хотѣлось измѣнить императору, который, по его мнѣнію, слишкомъ былъ медлителенъ въ исполненіи своихъ обѣщаній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его соблазняла перспектива надѣть англійскую корону на одну изъ французскихъ принцесъ, чтобъ сблизиться съ Францискомъ I-мъ; онъ изощрялся въ способахъ согласовать свои надежды, опасенія и злобу съ обяза-

---

[1]) Королю можно бы отвѣтить, что въ другой книгѣ Моисея, не только позволяется, но приказывается жениться на вдовѣ брата своего, когда она бездѣтна.

тельствами, связывающими его со всѣми. Двусмысленность поведенія дискредитировала его и послужила поводомъ къ скорому паденію его власти.

Вопросъ былъ подвергнутъ разсмотрѣнію англійскаго духовенства. Архіепископъ Кентерберійскій обратился къ прелатамъ за ихъ мнѣніемъ. Всѣ высказались согласно мнѣнію короля, за исключеніемъ архіепископа Рочестерскаго Фишера, поплатившагося головою за подобную свободу мысли. Книгтъ, одинъ изъ королевскихъ секретарей, былъ посланъ въ Римъ съ донесеніемъ папѣ объ этихъ отвѣтахъ.

Климентъ VII, побочный сынъ Юліана Медичи (родившійся послѣ его смерти), того самаго Юліана, который былъ убитъ по заговору Пацціевъ, въ 1523 г. занималъ папскій престолъ. Онъ незадолго до того былъ очевидцемъ, какъ метрополія христіанскаго міра взята была приступомъ ордами Бурбонскаго констабля, какъ благородные римляне и прелаты были ограблены и избиты, женщины истязаемы, алтари осквернены, какъ лютеране, переряженные въ кардиналовъ, устроили подобіе конклава и провозгласили Лютера папой. Не успѣвшій еще придти въ себя и оправиться, онъ былъ задержанъ имперцами въ плѣну, когда явился къ нему Книгтъ. Движимый чувствомъ злопамятливости, онъ счастливъ былъ уязвить императора и, обѣщая просимую буллу, снискать себѣ опору въ Генрихѣ VIII и тѣмъ поправить нѣсколько свои неудачи. Когда ему удалось вырваться изъ тюрьмы, онъ возвратился въ замокъ Орвіету. Книгтъ послѣдовалъ за нимъ, и нашелъ его вполнѣ надѣющимся на помощь французской арміи, прибывшей въ Италію подъ предводительствомъ Лотрека, очень охлажденнаго къ Англіи (по его мнѣнію, болѣе ему ненужной), ненавидящаго императора по прежнему, но опасавшагося его еще болѣе. На второй аудіенціи, данной англійскому посланному, папа былъ гораздо откровеннѣе, не уклонился, отъ третьей и уѣхалъ изъ Орвіетти въ Болонью короновать императора. Но Генрихъ не унывалъ, держался своей цѣли и насильственнымъ образомъ добился буллы, дозволявшей кардиналу Уольси, съ соучастіемъ другаго прелата, разсмотрѣть его дѣло.

Компеджіо, назначенный папою легатомъ, началъ съ того, что

заявлялъ нѣсколько разъ о желаніи неѣхать, ссылаясь на дурное состояніе своего здоровья на столько дурное, что онъ будто-бы даже боялся умереть въ дорогѣ. Только что оставивъ Римъ, онъ занемогъ, затѣмъ выздоровѣлъ и вторично занемогъ. Тысяча случаевъ задерживали его въ Марсели, Ліонѣ и Парижѣ. Къ нему были вездѣ нерасположены, когда узнали, что онъ везетъ предварительное дозволеніе королю вступить въ бракъ съ другою и оглашеніе о скоромъ осуществленіи этого. Но какъ поступить дурно съ такимъ добрымъ, благодушнымъ старикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ страждущимъ, что, кажется, онъ всю жизнь свою былъ умирающимъ; какъ онъ совѣстится своей медлительности, расточаетъ обѣщанія, благословляетъ и привѣтствуетъ всѣхъ приближающихся къ нему.

Климентъ VII не уполномочивалъ его предсѣдательствовать въ комиссіи. Ему это разрѣшили въ виду того, что, какъ прямой представитель папства, онъ могъ бы придать результату болѣе вѣсу. Мы увидимъ, что онъ извлекъ изъ такого положенія.

Папа офиціально давалъ разумѣть о возможности брака съ другою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внушалъ мысль, что ему было бы удобнѣе утвердить совершившійся уже фактъ, чѣмъ разрѣшить его. Онъ бралъ на себя видъ уступающаго силѣ. Это было соблазнительно. Англійскіе министры справедливо полагали, что подобная уклончивость еще сильнѣе скрѣпляла неразрывность брачнаго союза.

Климентъ VII, человѣкъ слабохарактерный, трусливый и двойственный, въ душѣ склонялся болѣе въ пользу Генриха VIII, потому что зналъ, что король не отступитъ отъ своихъ намѣреній, и въ то-же время ему хотѣлось, во что бы то ни стало, быть въ сторонѣ; за недостаткомъ убѣжденій забота о спокойствіи всегда брала въ немъ верхъ; но сильная императорская армія продолжала угрожать ему, Андрей Доріа покинулъ его, а міазмы абруцкіе производили смертность между лотрецкими солдатами. Его нечистая совѣсть предвидѣла вселенскій соборъ, на которомъ много бы открылось тайныхъ язвъ. Что пришлось бы отвѣчать честнымъ прелатамъ, еслибъ они вздумали разоблачить безпорядки духовнаго управленія? Его, пожалуй, упрек-

жули бы рожденіемъ, высказавъ ему прямо, что онъ сынъ куртизанки Флоретты и что бракъ его отца съ матерью былъ подписанъ подложными свидѣтелями, слѣдовательно не существовалъ. Папская даже грамота Льва X, утвердившая законность его рожденія, возводя его въ кардиналы, этимъ самымъ давала поводъ къ оскорбительнымъ предположеніямъ относительно его происхожденія. Фактъ весьма важный, потому что по древнимъ уставамъ воспрещалось допускать къ праву священства человѣка, отмѣченнаго подобнымъ пятномъ и правильно не узаконеннаго. Кардиналъ Колонна, разъ сдѣлавшись его врагомъ, вывелъ бы на свѣтъ его письменное обѣщаніе, когда онъ домогался голосовъ на соборѣ кардиналовъ, наградить деньгами и почестями за свое избраніе. Незаконность его рожденія и симонія парили надъ нимъ. Могущество и счастіе его семьи были связаны съ этимъ дѣломъ,—его паденіе было бы гибелью всѣхъ Медичей. Уничтожая буллу Юлія II, своего предшественника, онъ посягалъ на непогрѣшимость папы и на самые уважаемые догматы. Упорствуя, онъ видѣлъ, что принудитъ Генриха перейти на сторону реформаціи, и тогда на немъ лежала бы отвѣтственность за нѣсколько милліоновъ душъ, заразившихся ересью, и за несчастія, происшедшія отъ его строгости. По природѣ нерѣшительный и робкій, онъ до смерти боялся и со стономъ говорилъ, что находится между наковольнею и молотомъ.

Екатерина представляла препятствія другаго рода, именно въ поддержкѣ племянника и въ собственномъ своемъ безсиліи. Труднѣе рѣшаться на гнусную тираннію, когда жертвою ея женщина, и въ Генрихѣ VIII не было еще того жестокосердія, которое впослѣдствіи допустило его все попрать ногами. Она менѣе чѣмъ когда нибудь была расположена уступить. Согласиться на разсмотрѣніе своего дѣла англійскимъ трибуналомъ было бы поношеніемъ и потерей любимаго супруга, своей короны, передачею ея на голову ненавистной женщины, и наконецъ поводомъ для милой дочери краснѣть за свою мать и проклинать ее. Въ виду всего этаго, она не переставала черезъ переговоры съ испанскимъ правительствомъ требовать отзыва Компеджіо и суда папы.

Если въ частныхъ случаяхъ изыскиваютъ такія причины для достиженія возможности сдѣлать бракъ недѣйствительнымъ, какъ оскорбленіе чести и грубые поступки, то нельзя оспаривать, что въ царскихъ семействахъ есть еще сильнѣйшіе къ тому поводы. Напримѣръ Людовикъ XII, пожелавъ развестись съ Жанной де Валуа, поставилъ на видъ поводомъ къ этому необходимость присоединить Бретань къ Франціи посредствомъ другаго супружества. Важный національный интересъ выгараживалъ его. Генрихъ VIII не могъ опереться ни на одну дѣльную причину, ни какъ частный человѣкъ, ни какъ государь, стало быть понятно что онъ долженъ былъ опасаться встрѣтить сопротивленіе своимъ намѣреніямъ. Папа, безъ сомнѣнія, имѣлъ право признать бракъ недѣйствительнымъ, но безусловно обязанъ сдѣлать это онъ не былъ.

Первосвященникъ преднамѣренно тянулъ дѣло; онъ расчитывалъ на непостоянство монарха, на способы выпутаться изъ затрудненія при умѣньѣ ждать и на Компеджіо. Онъ продолжалъ дѣлать натяжки, поступать двусмысленно, но императоръ не переставалъ осаждать его; ему наскучили хитрыя уловки, равно какъ и король выходилъ отъ нихъ изъ терпѣнія.

Въ эти промежутки просили руки его племянницы для герцога Орлеанскаго. Онъ прибылъ въ Марсель, гдѣ Францискъ 1-й его ждалъ; упрочилъ опять за собою *папскіе доходы*, и, скрѣпивъ свои отношенія съ старшимъ сыномъ Церкви, онъ отдалъ ему Екатерину Медичи, въ жилахъ которой текла кровь Борджіо. Въ тотъ самый моментъ, когда король льстилъ себя надеждой, что поставилъ въ тупикъ своего противника, Компеджіо, боясь, что у него не достанетъ энергіи поступить рѣшительно и, желая впередъ вооружиться твердостью, объявилъ свои полномочія просроченными и уничтожилъ буллу папскихъ постановленій, сказавъ при этомъ, что папа переноситъ дѣло въ другой судъ.

Генрихъ отказался явиться въ Римъ; онъ былъ очень недоволенъ, но былъ, однако, сдержанъ. Видя что переписка, ноты и конференціи ни къ чему не ведутъ, онъ хотѣлъ испытать, нельзя ли выиграть чрезъ главные католическіе универси-

теты въ Европѣ. Парижъ, Анжеръ, Буржъ, Орлеанъ, Тулуза, Феррара, Падуа восторгались разводомъ. Раввины, озаренные Синайскими молніями, отыскали въ Мисхнѣ и Талмудѣ одинаковое съ ними разрѣшеніе вопроса. Нашлись такіе, которымъ безкорыстіе подобнаго мнѣнія показалось сомнительнымъ, и вотъ были отысканы счеты нѣкоего Крука, тайнаго агента короля. Достовѣрно извѣстно, что англійское золото поколебало благородство многихъ.

Папа не остановился въ своемъ лжемудрствованіи и противупоставилъ новыя препятствія къ окончанію дѣла. Въ продолженіи пяти лѣтъ онъ поступалъ такимъ образомъ, и потомъ, убѣдившись въ покровительствѣ императора, въ возстановленіи прежняго высокаго положенія Медичей во Флоренціи, въ супружествѣ племянницы своей съ наслѣдникомъ Франциска 1-го и наконецъ въ безсиліи англичанъ вредить ему, онъ безбоязненно отвернулся отъ своего пылкаго соперника. Рѣшительный его отказъ сдѣлалъ переговоры невозможными. Англія была потерена для католицизма.

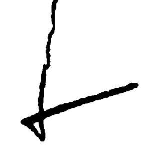
Семь лѣтъ прошло, какъ Генрихъ увидѣлъ въ первый разъ Анну и онъ любилъ ее, чему нельзя не подивиться, съ одинаковою страстію, во весь этотъ періодъ времени, исполненный безконечныхъ преній. Всѣ историки утверждаютъ, что со стороны Анны упорство все еще продолжалось.

Надо полагать, что женщина, какъ Анна Болейнъ, на столько изащрившаяся во всѣхъ любовныхъ тонкостяхъ, часто ссылалась на религію и осложняла предостереженія ея, говоря: пожалуй, въ минуту забвенія смерть постигнетъ и вѣчное мученіе въ гіенѣ огненной достанется въ удѣлъ той, которая любитъ человѣка, связаннаго законными узами съ другой, что тогда подобное преступленіе не простительно. Безъ сомнѣнія она употребляла всѣ усилія, чтобъ подорвать эту законную связь. Съ необыкновеннымъ искусствомъ она повторяла свое «завтра«, но это «завтра» все не наступало, и король долженъ былъ довольствоваться ласками и страстными сценами, далеко не успокоивающими его темпераментъ. Если правда, что уже при первой уступкѣ любовь исчезаетъ, то правда и то, что она рѣдко переживаетъ упорныя сопротивленія. Анна умѣла, не

отдаваясь, поддерживать страсть; она всегда была тверда, не смотря на боязнь потерять любовника, и слѣдовательно не переставала быть всегда предусмотрительной. Не было еще женщины такъ искусно умѣющей, отказывая, не отнимать надежды и все таки оставлять обожателя въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Римское правительство своей уклончивостью принудило короля обойтись безъ него.

Въ подлинныхъ документахъ, сохранившихся отъ процесса, происходившаго въ 1532 г. 1 сентября, въ двадцать четвертый годъ царствованія, изложено подробное описаніе возведенія Анны Болейнъ въ маркизы и передачи ей маркизатства Пемброкъ, весьма значительнаго помѣстья въ ту феодальную эпоху. Король самъ застегнулъ ей мантію и возложилъ на голову золотую корону съ тремя вѣнчиками и жемчужными трилистниками. Съ этого дня новая маркиза занимала апартаментъ въ Витъ-Галлѣ. Содержаніе ей было назначено съ доходовъ Дургамской эпархіи, что было не бо́льшимъ святотатствомъ, чѣмъ когда они шли на удовольствія свѣтскаго прелата. Статсдамы, камергеры, пажи и ливрея съ гербами составили ея княжескій штатъ. Придворные получили приказаніе присутствовать каждое утро при ея пробужденіи, и одновременно съ этимъ запрещеніе — являться къ королевѣ къ этому времени. Съ тѣхъ поръ никто уже не сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ судьбы фаворитки. Въ слѣдующій мѣсяцъ за пожалованіемъ грамоты на помѣстье, французскій и англійскій дворъ съѣхались въ Калѐ. Анна желала этого созванія, чтобъ появиться во всемъ своемъ возрастающемъ великолѣпіи предъ французской аристократіей, видѣвшей ее въ скромномъ положеніи. На одномъ изъ баловъ всѣ англичанки были замаскированы каждая выбирала себѣ кавалера. По неожиданному сигналу англійскаго короля, маски сняли и увидали маркизу Пемброкъ подъ руку съ Францискомъ I-мъ, который на другой день прислалъ ей бриллiантъ въ 15,000 экю. Этотъ случай вызвалъ тогда только улыбку, а впослѣдствіи много коментаріевъ.

Не долго спустя эпидемія, на которую многіе благочестивые люди смотрѣли, какъ на наказаніе Божіе, опустошила Лондонъ, Король бѣжалъ изъ него съ своей будущей супругой наслаж-

даться свѣжимъ воздухомъ на берегу моря—въ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, требуя, притомъ, чтобъ несчастная Екатерина дышала зараженнымъ воздухомъ.

V.

25-го января 1533 г. докторъ Ровлендъ Лей, одинъ изъ придворныхъ капелановъ, былъ пробужденъ до разсвѣта офицеромъ, приказавшимъ ему отъ имени короля, немедленно встать и слѣдовать за нимъ. Сарай, находившійся на восточной сторонѣ Вить-Галля, во время ночи превратился къ капеллу. Докторъ Ровеландъ нашелъ тамъ короля, безъ своихъ сановниковъ, съ небольшимъ только числомъ камеръ-юнкеровъ, между которыми находились Норисъ и Генажъ.—Бріана тамъ не было; звѣзда его стала меркнуть съ тѣхъ поръ, какъ услуги его оказались ненужными; присутствіе его было для всѣхъ даже стѣснительно по воспоминаніямъ. Маркиза Пемброкъ появилась подъ руку съ своимъ отцемъ, получившимъ наканунѣ этого дня титулъ графа Уильтширъ. Герцогъ Норфолькскій, ея дядя, Леди Берклей, ея камеръ-фрау, и еще камеръ-юнгфера, несшая шлейфъ, составляли кортежъ.

Католицизмъ былъ еще настолько уважаемъ, что не знали къ какому священнику обратиться по этому случаю. Былъ одинъ податливый священникъ, будущій епископъ Кентерберійскій, но державшійся еще въ тѣни. Ровландъ-Лей, не смотря на свой офиціальный постъ и на свою преданность, началъ было отказываться. Съ огромнымъ трудомъ его уговорили, ложно увѣривъ, что разрѣшеніе на бракъ получено. Послѣ продолжительныхъ отказовъ, его насильно заставили надѣть подрясникъ и бѣлую священническую ризу, и только къ восьми часамъ утра онъ произнесъ, наконецъ, обычное благословеніе, превратившее жениха въ супруга, и при этомъ испрашивалъ прощенія у Бога.

По окончаніи церемоніи, приложили печать на простомъ пертгаментномъ листѣ, получившемъ названіе контракта. Но-

вая королева, подписавъ взволнованной рукой свое имя, бросилась въ объятія короля.

Генриху VIII было сорокъ пять лѣтъ, Аннѣ Болейнъ тридцать два. Томасъ Муръ отказалъ въ своемъ содѣйствіи и этотъ отказъ стоилъ ему жизни. Писатели, наиболѣе заслуживающіе довѣрія, говорятъ, что только бракъ могъ побѣдить непреклонность высшаго тщеславія Анны.

Принялись опять за дѣло развода, рѣшившись на этотъ разъ довести это дѣло до конца во что бы то ни стало.

Въ Лондонѣ въ то время находился старый капеланъ изъ семейства Болейнъ, изгнанный изъ церковной службы и изъ общества за свое неблагочестіе, буйство и дурную нравственность. Исключенный изъ училища кембриджскаго за то, что соблазнилъ сестру лютеранскаго пастора, терпя нужду въ насущномъ хлѣбѣ, онъ уже отчаивался въ жизни. Но одаренный большимъ умомъ и энергіей, человѣкъ тщеславный, энергичный, выносливый въ трудѣ и при томъ тонкій интриганъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые часть своего существованія прожили, совратившись уже съ пути и растративъ свои силы въ неровной борьбѣ съ фортуной, наконецъ, остаются на мели, и тутъ ихъ застигаетъ общественная или религіозная буря и бросаетъ въ сферу дѣятельности, гдѣ они опять могутъ показаться въ полномъ блескѣ.

Анна представила его Генриху; тотъ съ перваго же раза смѣтилъ, что можно извлечь изъ подобнаго человѣка и поднялъ его изъ униженнаго положенія, чтобъ сдѣлать архіепископомъ Кентерберійскимъ.—Этого человѣка звали Краммеромъ.

Между этими двумя актерами завязалась постыдная игра въ лицемѣріе. Краммеръ, въ качествѣ примаса, просилъ короля дозволить ему разсмотрѣть дѣло о разводѣ, чтобы въ будущемъ отвратить смуты и недоразумѣнія. Нельзя усомниться, что это ему было дозволено. Король и Екатерина были призваны къ суду въ Дунстабль. Засѣданія открыли и постыдную камедію, облеченную въ законную форму, разыграли.

Краммеръ былъ сдѣланъ номинальнымъ президентомъ, а король съ возвышеннаго мѣста, приготовленнаго для него, на

самомъ дѣлѣ предсѣдательствовалъ. Ниже его сѣли по порядку епископы: Линкольнскій, Элійскій, Рочестерскій и Св. Азафа; за ними—лорды. Посреди залы стояли два священника, съ крестами въ рукахъ, позади ихъ два дворянина, вооруженные серебрянными булавами и шпагами. Судебный приставъ внятно и громко произнесъ извлеченіе изъ дѣла.

„Во имя Бога, Генрихъ VIII, король Англіи и Екатерина Арагонская призваны къ суду предъ достопочтенными прелатами и лордами, собравшимися по приглашенію архіепископа Кентерберійскаго, примаса королевства.

Королева, вся въ черномъ, вошла твердой поступью. Лицо ея, выражавшее страданіе, сохранило благородство; кризисъ ея продолжительнаго несчастія придалъ чертамъ ея прежнюю ихъ прелесть.

Всѣ придворные встали при ея появленіи, она отвѣчала имъ поклономъ головы, затѣмъ встала на колѣни передъ королемъ и начала говорить ему:

„Государь! получивъ приказаніе явиться передъ вами, я обратилась къ своей совѣсти, но какое преступленіе совершила я,—до сей минуты мнѣ неизвѣстно.

„Государь, чѣмъ оскорбила я васъ? Я вышла за васъ непорочной двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Если въ продолженіи такого долгаго времени я когда нибудь вамъ выказала отсутствіе любви и непочтеніе, то можете съ презрѣніемъ оттолкнуть меня и подвергнуть всей строгости закона. Если же этого нѣтъ, то зачѣмъ было отрывать меня отъ мѣста уединенія, гдѣ я жила, не жалуясь и не мѣшая нисколько вашимъ празднествамъ? Зачѣмъ принуждать меня приходить сюда выслушивать неизвѣстно какія обвиненія?

„Я всегда согласовалась съ вашими желаніями. Ваши друзья были моими. Ваше расположеніе къ людямъ было мѣриломъ моего. Моей постоянной заботой было покорять себя вашей волѣ, любить васъ, нравиться и служить вамъ. Я охотно желала бы дать вамъ всѣ радости жизни, а взамѣнъ ихъ взять всѣ печали. Часто я могла бы отмстить за себя, но можно ли меня упрекнуть въ этомъ?

„Я не заслужила, чтобъ такъ поступало отечество, вы-

бранное мною и для котораго я отвыкла отъ языка метери. Вы меня гоните отъ себя теперь... Какой же участи должна бы ожидать я, еслибъ была виновна? И для васъ, милорды, спустя двадцать пять лѣтъ, я только чужая. Многіе изъ васъ продолжаютъ ненавидѣть меня, только потому, что возымѣли эту ненависть.

„Что значитъ мой голосъ предъ голосами мужчинъ? Я недовольно учена, чтобъ уклончиво и фальшиво истолковывать Св. Писаніе. Я читала только всегда одни молитвы. Плача съ дочерью, я не могла выучиться говорить при подобномъ собраніи, да притомъ же искуство защищаться въ какомъ бы ни было трибуналѣ совершенно незнакомо королямъ Арагонскимъ и Кастильскимъ. Я переплыла океанъ по желанію отцовъ нашихъ, государь, извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ и мудростью; они хотѣли этаго для того, чтобъ соединить интересы своихъ расъ и народовъ. Первосвященникъ освятилъ союзъ нашъ своею буллою. Земное могущество уничтожается предъ важностію этаго факта.

„Еслибъ дѣло шло только обо мнѣ, я можетъ быть не противилась бы вашей волѣ; я чувствую, что моя горемъ убитая жизнь приходитъ къ концу; но у насъ съ вами, государь, дочь, которую я не могу покинуть, не отказавшись отъ своихъ материнскихъ обязанностей.

„Ахъ, зачѣмъ, дорогіе сыновья мои, взятые Богомъ, васъ нѣтъ сдѣсь! Зачѣмъ я, христіанская Ніобея, тягочу землю, зачѣмъ пережила я васъ? Ваши голоса присоединились бы къ моему съ сестрою, чтобы сказать: нашего законнаго судьи нѣтъ сдѣсь, онъ возсѣдаетъ въ Римѣ!

Затѣмъ она вышла.

Король отдалъ почтеніе ея добродѣтели, но затѣмъ принялся развивать свои сомнѣнія. Какъ превосходный богословъ, онъ привелъ въ доказательство всѣ статьи изъ сочиненій Отцевъ Церкви, могущія быть истолковаными въ его пользу и просилъ всѣхъ собравшихся тутъ лицъ обезпечить за нимъ спокойствіе его совѣсти и будущность его дома.

Онъ вышелъ изъ собранія и принужденное состояніе всѣхъ присутствующихъ разсѣялось съ его удаленіемъ.

Пошли на голоса. Дворъ единодушно объявилъ: Бракъ Генриха VIII и Екатерины Арагонской считать расторгнутымъ; контрактъ его былъ совершенъ въ противность Божественнымъ законамъ, и потому его должно считать недѣйствительнымъ.

Краммеръ, сообщая королю этотъ несправедливый приговоръ, повторилъ разыгранную уже имъ комедію. Онъ обратился къ нему съ увѣщательною рѣчью, полною софизмовъ, подчиниться вердикту двора, не поступать далѣе противъ закона Божія, продолжая жить подъ одною кровлею съ женою своего брата.

— «Государь, говорилъ онъ, короли, которые высшимъ умомъ, побѣдами и мудростію умѣли возбудить восторгъ и пріобрѣсть любовь и довѣріе своихъ подданныхъ, должны быть истинными духовными пастырями своихъ народовъ. Вамъ одному принадлежитъ право защищать религію въ своихъ владѣніяхъ. Наши отцы были разсудительны: они во многихъ обстоятельствахъ умоляли королей Англіи отмѣнить апеляціонное обращеніе къ Риму. Этотъ принципъ покровительства нашей національной свободы былъ замѣненъ извѣстными вамъ королевскими указами, которые васъ и связываютъ.

«Только робкій государь можетъ быть рабомъ тіары. Духъ Божій не царитъ болѣе въ выродившихся намѣстникахъ Св. Петра, они достойны участи торгующихъ, изгнанныхъ изъ храма. Злоупотребленія и хитрости скоропреходящей власти разрушатъ зданіе Христа, если государи, по примѣру нѣмецкихъ владѣтелей, не остановятъ ихъ, если сыновья, превосходящіе мудростію своихъ матерей не возвратятъ церкви ея первобытную чистоту.

«Двадцать семь правилъ Григорія VII, принятыя соборомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, постоянно служили основаніемъ римскихъ притязаній. Этотъ кодексъ, въ которомъ такъ широко выставляется ультрамонтанская гордость, подчиняетъ королей епископамъ, дозволяетъ папамъ отрѣшать императоровъ, а народы освобождаются имъ отъ присяги въ вѣрности своимъ государямъ; мы уже утомились подчиняться всему этому. Лавры Гильдебранда возбуждаютъ въ Павлѣ III мучительную зависть.

Истинный государь долженъ быть строгимъ последователемъ Евангелія, долженъ возвратить свои права, усмирить ложныхъ наместниковъ Христа и провозгласить себя главой англійской церкви.

Король съ притворнымъ смиреніемъ отвѣчалъ, что онъ будетъ повиноваться.

Примасъ отправился потомъ къ королевѣ Екатеринѣ и объявилъ ей съ злостной строгостію о лишеніи короны и замѣнѣ королевскаго титула, который она такъ благородно носила впродолженіи двадцати пяти лѣтъ, титуломъ принцесы Гальской; затѣмъ передалъ ей приказаніе удалиться отъ двора, съ назначеніемъ ей прежняго скуднаго вдовья участка.

Королева на это просто отвѣчала: „я взываю къ Богу.“

VI.

Наканунѣ Пасхи (1533 г.) бракъ съ графиней Пемброкъ былъ официально объявленъ.

Королева въ царской мантіи слушала богослуженіе подъ бархатнымъ алаго цвѣта съ золотою бахромою балдахиномъ, воздвигнутымъ по срединѣ клироса. Вышедши изъ церкви, она сѣла подлѣ короля въ открытую колесницу, запряженную шестью бѣлыми лошадьми; они проѣхали по главнымъ улицамъ Лондона. Звонъ колоколовъ, гулъ народныхъ кликовъ, пушечные выстрѣлы и торжественныя туши встрѣчали и сопровождали ихъ. 1-го Іюня она была коронована въ Вестминстерѣ епископомъ Іоркскимъ. Прелаты, министры, лорды, члены парламента, посланники, представители гильдійскихъ цеховъ присутствовали при церемоніи. Роскошь была необычайная. Ровно девять мѣсяцевъ спустя королева родила дочь, знаменитую Елизавету; этимъ люди ея партіи еще болѣе убѣдились въ ея добродѣтели.

Праздники еще были въ разгарѣ, какъ вдругъ папа своей буллой, полной ярости, напоминающей время, гдѣ раздоры при объявленіи инвеституръ волновали свѣтъ, отлучилъ отъ церкви Генриха и Анну, освободилъ ихъ подданныхъ отъ

присяги въ подданствѣ и вѣрности, объявилъ дѣтей ихъ незаконнорожденными. Глава новой англійской церкви рѣшительно всталъ во главѣ схизмы: Огонь, топоръ и веревка были удѣломъ диссидентовъ.

Жизнь несчастной Екатерины приближалась къ концу. Она покорилась разлукѣ, но ничто не могло принудить ее считать свой бракъ уничтоженнымъ, ни удалиться изъ Англіи, не смотря на то, что императоръ предлагалъ достойное ея гостепріимство въ Испаніи или Франціи. Разныя притѣснительныя мѣры были приняты, чтобъ уединеніе ея сдѣлать еще томительнѣе. Не изъ чувства эгоизма или гордости она не хотѣла уступать: набожность сдѣлала ее безучастной ко всѣмъ свѣтскимъ интересамъ; но дочернины права она отстаивала и хотѣла во чтобы то ни стало сохранить ихъ неприкосновенными. Несчастіе разбило, но не согнуло эту благородную натуру.

Убѣжденіе, что несчастіе убьетъ ее, было причиной, что не посягнули на ея жизнь; однако многіе поплатились своею кровью за преданность несчастной женщинѣ. Архіепископъ Фишеръ и канцлеръ Томасъ Муръ погибли. Предлогомъ осужденію на смерть этихъ лицъ былъ ихъ отказъ присягать верховной власти [1]).

Отецъ Форестъ отказался выдать душевныя тайны, довѣренныя ему королевой на исповѣди, невинные секреты, которые она могла бы открыть, не краснѣя, предъ лицомъ всего свѣта. Чувствуя приближеніе послѣднихъ минутъ, она уже холодѣвшей рукой начертила слѣдующія строки, переданныя королю Евстафіемъ Шапюисъ, посланникомъ Карла V:

„Мой дорогой

Господинъ, король и супругъ!

„Послѣдній часъ мой наступилъ. Привязанность, которой мое сердце проникнуто къ вамъ, заставляетъ меня убѣди-

---

[1]) Королю доложили о смертной казни Мура во время его игры въ шахматы. Генрихъ VIII всталъ и, обратясь къ королевѣ, сказалъ сердитымъ тономъ: «Вы причиной смерти этого человѣка.» Остальную часть дня онъ, удалясь въ свой кабинетъ, оставался одинъ, какъ будто желая исключить его изъ своей жизни.

тельно просить васъ озаботиться душевнымъ спасеніемъ: оно должно взять верхъ надъ плотскими радостями жизни.

„Я все предаю забвенію и прощаю васъ. Въ моментъ, когда глаза мои должны сомкнуться на вѣкъ, я торжественно увѣряю, что единственнымъ моимъ желаніемъ было бы обратить ихъ на васъ".

Король, прочтя трогательное письмо, прослезился и собрался было къ этой праведницѣ, чтобъ испросить ея прощеніе. Но чувство скорби скоро испарилось, и природныя наклонности взяли верхъ. Грусть его проявилась въ нѣсколькихъ сухихъ, безцвѣтныхъ фразахъ, переданныхъ умирающей испанскимъ посланникомъ и присылкою дочери, лишенной возможности обнять мать со дня развода. Смерть опередила пріѣздъ принцессы и этимъ переполнила чашу несчастій дочери католическихъ королей.

Екатерина Арагонская скончалась въ Кимбольтонѣ, графствѣ Гунингтонскомъ, по истеченіи пятидесятилѣтней горькой жизни, поддерживаемой единственно одной религіей. Король приказалъ похоронить ее въ храмѣ Петерборунскомъ съ должными почестями. Не знали чему приписать его грусть во время похоронъ—уваженію ли къ усопшей, или угрызеніямъ совѣсти.

Вся Англія облеклась въ трауръ. Анна выказала наглую радость и воскликнула: „Наконецъ я королева"!

Она надѣла желтое платье.

Удивительно ли, что у женщины, достигшей высшей степени человѣческаго величія, могла голова отуманиться? Она, наконецъ, обладаетъ трономъ, которымъ впродолженіи семи лѣтъ бредила днемъ и ночью, она видитъ свое изображеніе въ царской коронѣ, вышедшее изъ подъ кисти лучшихъ художниковъ, передъ ней поэты воскуряютъ ѳиміамы, ради ея лорды и прелаты получаютъ высшія награды; самые древніе дворяне домогаются ея улыбки; она получаетъ письма отъ королевы Франціи, въ которыхъ та называетъ ее „моя сестра"; наконецъ она знаетъ, что ей принадлежитъ первенство и по красотѣ,— все это не могло ли произвести какъ бы опьяняющее дѣйствіе на женщину и болѣе серьезную ея?

Дворъ принялъ совершенно новый видъ. Праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Сначала на этихъ собраніяхъ замѣтна была какая то принужденность; но королева, появившись въ какомъ нибудь новомъ, изящномъ нарядѣ, въ сопровожденіи блестящей свиты, своей простой, прирожденной граціей уничтожала холодность гордыхъ сыновъ стараго Альбіона, наэлектризовывала ихъ. Но духъ лондонскаго общества также противенъ французскому, какъ сѣверное небо вредно растеніямъ Антильскихъ острововъ. Такое превращеніе могло бы быть, еслибъ на берегахъ Темзы родились: Лотреки, Де-ла-Тремулье, Косеви, Бониветы, Гизы, Креки, и чтобъ государь былъ одинъ изъ Валуá. Но властелинъ Витъ-Галля происходилъ изъ рода Тюдоровъ. Легкіе нравы не могли имѣть полнаго обаянія на Норфольковъ, Монтжуа, Кромвелевъ, Кильдаровъ, Дорсетовъ, на эти жесткія натуры, поглащенныя тщеславіемъ, трусостію, ненавистнымъ соперничествомъ и фанатизмомъ.

Королевѣ поклонялись, въ особенности, какъ прелестной женщинѣ. Бріанъ былъ однимъ изъ плѣнившихся ея красотой. Понятно, что онъ попалъ въ немилость послѣ брака короля; онъ способствовалъ Аннѣ Болейнъ стать въ сомнительное положеніе, отсюда понятно, что его отношенія къ ней, какъ къ королевѣ, были вполнѣ неловкими. Хотя онъ имѣлъ еще свободный въѣздъ ко двору, но король не давалъ ему уже особыхъ, интимныхъ аудіенцій. На него болѣе не обращали вниманія. Прежніе льстецы, теперь платили ему презрѣніемъ за надмѣнность. Люди, сдѣлавшіеся сильными, когда не могли избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, обращались къ нему съ полудерзкою любезностью. Онъ, казалось, не жалуясь, выносилъ свою опалу, какъ актеръ, окончившій свою роль. Интриганы, менѣе чѣмъ кто нибудь, мирятся съ бездѣйствіемъ. Большинству изъ нихъ измѣняетъ жизненная сила, если они лишаются милостей, которыми прежде пользовались. Это унизительное положеніе даже люди высшаго ума часто не выносятъ; длинный рядъ примѣровъ можно было бъ привести изъ придворныхъ, поплатившихся жизнію за немилость.

Сводникъ, лишенный милостей, влачилъ свое существованіе, тоскуя о прежнемъ къ нему довѣріи... о фамильярномъ

обхожденіи августѣйшаго собесѣдника, однимъ словомъ о счастливомъ томъ времени, когда онъ пользовался крупицами, падающими съ роскошной королевской трапезы. Праздность, воспоминанія и неудовлетворяемая потребность дѣлать что нибудь просто мучили его. Но одна страсть преобладала надъ всѣми его чувствами: она совсѣмъ поглащала его.

Въ храмѣ ли Божьемъ, на публичныхъ ли празднествахъ и церемоніяхъ, на охотѣ ли, когда быстроногій олень увлекалъ егерей, скакавшихъ за нимъ съ храброй сворой, онъ всегда находилъ случай остановить свой взоръ на королевѣ и какъ тѣнь или сеидъ слѣдовать за ней. Бѣда тому, кто осмѣлился бы не оказать ей должнаго почтенія, онъ бы убилъ его на мѣстѣ.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ безразсудность, приписываемая герцогу Букингему, была отраженіемъ его безразсудности. Въ домѣ Бріана была потайная комната, искусно скрываемая панелью, куда онъ одинъ только входилъ. Стѣны этаго святилища были обиты бѣлыми съ голубымъ обоями, полъ покрытъ толстымъ, мягкимъ смирнскимъ ковромъ, на которомъ не были слышны шаги идущаго; фонъ ковра былъ свѣтло-сѣраго цвѣта съ набросанными по немъ прелестными букетами,—все въ этой комнатѣ гармонировало другъ съ дружкой. Цѣлые снопы роскошныхъ цвѣтовъ, ежедневно перемѣняемыхъ, были со вкусомъ разставлены въ вазахъ драгоцѣннаго фарфора и распространяли нѣжный ароматъ. Посреди алькова, изъ искусно сдѣланной розетки, спускалась на трехъ серебряныхъ цѣпочкахъ алебастровая лампа, украшенная бирюзой. Эта лампа постоянно горѣла и проливала свой матовый свѣтъ на портретъ, предъ которымъ онъ часто, тайно отъ всего свѣта, преклонялъ колѣна. Благодаря забвенію о себѣ, онъ днемъ постоянно слѣдилъ за обожаемой женщиной, а ночью мысленно былъ около нея. Онъ зорко наблюдалъ за ея врагами, разрушалъ ихъ комплоты и употреблялъ все, что только возможно человѣку, чтобы спасти ее. Королева никогда не знала, какое глубокое, всепоглащающее чувство было въ его нѣмомъ, восторженномъ обожаніи; ни малѣйшимъ знакомъ онъ не выдавалъ себя. Это чувство не могло компрометировать

но его заставляло дѣлать глупости. Напрасно, стараясь побѣдить въ себѣ безумную страсть, онъ отдался ей, какъ непреложному закону своей участи. Не одинъ разъ онъ завидовалъ рабу Клеопатры, согласившемуся умереть за одну ночь блаженства съ ней, и за тѣмъ, съ радостію встрѣтившему смерть.

Анна Болейнъ возбуждала не одну только любовь; своимъ превосходствомъ надъ всѣми она вызывала зависть и ненависть, всегда неразлучныя съ высокимъ положеніемъ. Эти два порока внѣдрились въ сердцѣ леди Рошфоръ, невѣстки королевы, принимавшей личину безпредѣльной преданности съ тѣхъ поръ, какъ стала измѣнять ей. Семейство Болейнъ было само орудіемъ ея паденія.

Пожираемая завистью, леди Рошфоръ слѣдила за каждымъ шагомъ женщины, у которой ежедневно цѣловала руку, пользовалась ея милымъ привѣтомъ и откровенностію. Виконтеса имѣла когда то виды на сердце короля, но потерпѣвъ неудачу, она стала мечтать только о мести. Она хотѣла своею местію поразить короля, отвергнувшаго ее, — королеву предмета ея зависти и наконецъ своего мужа, помѣшавшаго ея замысламъ. Она первая положила основаніе гибели Анны.

Надо сознаться, что королева давала иногда поводъ къ невыгоднымъ о себѣ предположеніямъ. Долгая сдержанность сдѣлала ее неравнодушной къ поклоненіямъ; ей хотѣлось вознаградить себя за семь потерянныхъ лѣтъ жизни, какъ златницѣ развернуться на солнышкѣ. Королю не нравилась ея манера себя держать, но его замѣчанія по этому поводу были безуспѣшны; онъ не могъ добиться, чтобы она, хотя наружно, не нарушала строгихъ англійскихъ обычаевъ. Эта была первая причина къ его нѣмому негодованію, а для завистливой леди Рошфоръ, постоянно копавшей руду—желанной жилой. Нѣсколько неосторожныхъ словъ, высказанныхъ ею какъ будто нечаянно, послужили поводомъ къ толкамъ и пересудамъ. Люди праздные были въ этомъ случаѣ передовыми. Любовникъ, ослѣпленный во все продолжительное время его искательства, сдѣлался мужемъ, вездѣ видѣвшимъ вокругъ себя посягательство на свою честь и, создававшимъ воображаемыя опасности, какъ только чей нибудь ядовитый языкъ

пробуждалъ въ немъ ревнивую подозрительность. По несчастной случайности нѣсколько молодыхъ дворянъ умныхъ, задорливыхъ и нескромныхъ окружало короля. Норисъ самый блестящій изъ нихъ и самый опасный, если довѣрять всему, что о немъ говорили, какъ то пріѣхалъ къ королевѣ въ присутствіи виконтессы; та встала и ушла, сдѣлавъ видъ, что не хочетъ быть помѣхой. Встрѣтивъ вскорѣ послѣ этаго короля, она ему сказала, опустивъ глаза съ притворнымъ смущеніемъ и лукавой кротостію: „я сейчасъ вышла отъ королевы, государь; Г-нъ Норисъ пріѣхалъ и, полагая, что онъ съ особымъ порученіемъ отъ вашего величества, я.... ихъ оставила однихъ“.

Король отправился къ супругѣ и въ моментъ, когда онъ входилъ, Норисъ сидѣлъ; это отступленіе отъ этикета было причиной весьма запальчивой сцены. Леди Рошфоръ послѣ такого непріятнаго посѣщенія, притворилась очень огорченной—съ оттѣнкомъ негодованія къ неосторожному поведенію своей невѣстки. Она, однако, не только заступалась за нее, но даже преувеличенно восхваляла, такъ что чрезъ это именно можно было понять, что она далеко не убѣждена въ томъ, что говорила, и наконецъ умышленными умалчиваніями еще болѣе усиливала ревность короля.

Затѣмъ послѣдовали подобныя же обстоятельства: двое молодыхъ дворянъ Вестонъ и Бреретонъ возбудили тоже самое подозрѣніе. Страстная натура, сдерживаемая въ продолженіи семи лѣтъ искала сильныхъ ощущеній. Все окружавшее королеву было въ заговорѣ противъ нея. Когда суждено разразиться несчастію, то все дѣлается опаснымъ.

Что было дѣлать виконтесѣ, чтобъ обратить вниманіе страстнаго и непостояннаго короля на другой предметъ? Однажды утромъ, прикинувшись сострадательной, она приходитъ къ королевѣ и говоритъ:

— Моя любезная невѣстка, зная ваше сердце всегда готовое на доброе дѣло, я пришла просить васъ объ одномъ. Серъ Джонъ-Сеймуръ, состоящій, какъ вы знаете, въ свойствѣ съ нашей семьей, просилъ меня ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ—оказать покровительство его дочери;

малѣйшая милость съ вашей стороны осчастливила бы того и другую. На слѣдующій день Іоанна Сеймуръ была водворена фрейлиной во дворецъ.

Невинный ребенокъ, она случайно попала на дорогу, ведущую ее къ трону.

Анна несомнѣнно вѣрила въ свое превосходство надъ другими. Она положительно отвергала обыкновеніе прочихъ принцессъ—окружать себя женщинами старыми и некрасивыми; она нашла-бы, что поступая такимъ образомъ, сознаетъ себя ниже другихъ. Она окружала себя изяществомъ во всякомъ родѣ, чтобъ обстановка была достойна ея. Избранныя натуры предаются иногда такого рода ослѣпленію. Эта же причина, въ соединеніи съ теплой привязанностію, была поводомъ того что она взяла къ себѣ свою кузину Екатерину Говардъ. Между цвѣтами, беззаботно собираемыми ею, она не замѣтила подползшаго змія въ лицѣ музыканта Марка Смельтона.

Отецъ Смельтона, ирландецъ по происхожденію, неспособный быть терпѣливымъ земледѣльцемъ, оставилъ свою крытую соломой хижину, чтобъ отправиться искать счастія въ Италіи. Авантюристовъ въ ту пору было множество. Паладины, приставая къ какому нибудь отдаленному берегу, надѣялись найти тамъ, подобно Огію Датскому, волшебницу Мургу съ ея заколдованными гротами, дворцами съ сапфировыми колоннами и съ бриліантовыми куполами. Самые хладнокровные люди восторгались, слушая разсказы о громкихъ подвигахъ юноши Гаквуда, портнаго въ Лондонѣ, извѣстнаго подъ именемъ Жана-Иголки, умершаго богачемъ и человѣкомъ съ большимъ вѣсомъ. Герцогскій престолъ въ Миланѣ развѣ не занималъ сынъ Муццію Аттендолы, римскаго крестьянина, сдѣлавшійся со временемъ, чрезъ свой геній и шпагу, главой поколѣнія Сфорцевъ! Но фортуна не часто расточала такія блага; путешествія и похожденія ирландца привели его только къ супружеству съ флорентійской комедіанткой; отъ нея то у него и родился сынъ, о которомъ сказано ниже.

У Марка были глаза такіе же черные, какъ у матери, глубокіе и выразительные, голосъ сообщительный, вообще это была полуденная поэтическая натура. Отъ отца онъ наслѣдо-

Истинный государь долженъ быть строгимъ послѣдователемъ Евангелія, долженъ возвратить свои права, усмирить ложныхъ намѣстниковъ Христа и провозгласить себя главой англійской церкви.

Король съ притворнымъ смиреніемъ отвѣчалъ, что онъ будетъ повиноваться.

Примасъ отправился потомъ къ королевѣ Екатеринѣ и объявилъ ей съ злостной строгостію о лишеніи короны и замѣнѣ королевскаго титула, который она такъ благородно носила впродолженіи двадцати пяти лѣтъ, титуломъ принцесы Гальской; затѣмъ передалъ ей приказаніе удалиться отъ двора, съ назначеніемъ ей прежняго скуднаго вдовья участка.

Королева на это просто отвѣчала: „я взываю къ Богу."

VI.

Наканунѣ Пасхи (1533 г.) бракъ съ графиней Пемброкъ былъ офиціально объявленъ.

Королева въ царской мантіи слушала богослуженіе подъ бархатнымъ алаго цвѣта съ золотою бахромою балдахиномъ, воздвигнутымъ по срединѣ клироса. Вышедши изъ церкви, она сѣла подлѣ короля въ открытую колесницу, запряженную шестью бѣлыми лошадьми; они проѣхали по главнымъ улицамъ Лондона. Звонъ колоколовъ, гулъ народныхъ кликовъ, пушечные выстрѣлы и торжественныя туши встрѣчали и сопровождали ихъ. 1-го Іюня она была коронована въ Вестминстерѣ епископомъ Іоркскимъ. Прелаты, министры, лорды, члены парламента, посланники, представители гильдійскихъ цеховъ присутствовали при церемоніи. Роскошь была необычайная. Ровно девять мѣсяцевъ спустя королева родила дочь, знаменитую Елизавету; этимъ люди ея партіи еще болѣе убѣдились въ ея добродѣтели.

Праздники еще были въ разгарѣ, какъ вдругъ папа своей буллой, полной ярости, напоминающей время, гдѣ раздоры при объявленіи инвеституръ волновали свѣтъ, отлучилъ отъ церкви Генриха и Анну, освободилъ ихъ подданныхъ отъ

присяги въ подданствѣ и вѣрности, объявилъ дѣтей ихъ незаконнорожденными. Глава новой англійской церкви рѣшительно всталъ во главѣ схизмы: Огонь, топоръ и веревка были удѣломъ диссидентовъ.

Жизнь несчастной Екатерины приближалась къ концу. Она покорилась разлукѣ, но ничто не могло принудить ее считать свой бракъ уничтоженнымъ, ни удалиться изъ Англіи, не смотря на то, что императоръ предлагалъ достойное ея гостепріимство въ Испаніи или Франціи. Разныя притѣснительныя мѣры были приняты, чтобъ уединеніе ея сдѣлать еще томительнѣе. Не изъ чувства эгоизма или гордости она не хотѣла уступать: набожность сдѣлала ее безучастной ко всѣмъ свѣтскимъ интересамъ; но дочернины права она отстаивала и хотѣла во чтобы то ни стало сохранить ихъ неприкосновенными. Несчастіе разбило, но не согнуло эту благородную натуру.

Убѣжденіе, что несчастіе убьетъ ее, было причиной, что не посягнули на ея жизнь; однако многіе поплатились своею кровью за преданность несчастной женщинѣ. Архіепископъ Фишеръ и канцлеръ Томасъ Муръ погибли. Предлогомъ осужденію на смерть этихъ лицъ былъ ихъ отказъ присягать верховной власти [1]).

Отецъ Форестъ отказался выдать душевныя тайны, довѣренныя ему королевой на исповѣды, невинные секреты, которые она могла бы открыть, не краснѣя, предъ лицомъ всего свѣта. Чувствуя приближеніе послѣднихъ минутъ, она уже холодѣвшей рукой начертила слѣдующія строки, переданныя королю Евстафіемъ Шапюисъ, посланникомъ Карла V:

„Мой дорогой
Господинъ, король и супругъ!

„Послѣдній часъ мой наступилъ. Привязанность, которой мое сердце проникнуто къ вамъ, заставляетъ меня убѣди-

---

[1]) Королю доложили о смертной казни Мура во время его игры въ шахматы. Генрихъ VIII всталъ и, обратясь къ королевѣ, сказалъ сердитымъ тономъ: «Вы причиной смерти этого человѣка.» Остальную часть дня онъ, удалясь въ свой кабинетъ, оставался одинъ, какъ будто желая исключить его изъ своей жизни.

тельно просить васъ озаботиться душевнымъ спасеніемъ: оно должно взять верхъ надъ плотскими радостями жизни.

„Я все предаю забвенію и прощаю васъ. Въ моментъ, когда глаза мои должны сомкнуться на вѣкъ, я торжественно увѣряю, что единственнымъ моимъ желаніемъ было бы обратить ихъ на васъ".

Король, прочтя трогательное письмо, прослезился и собрался было къ этой праведницѣ, чтобъ испросить ея прощеніе. Но чувство скорби скоро испарилось, и природныя наклонности взяли верхъ. Грусть его проявилась въ нѣсколькихъ сухихъ, безцвѣтныхъ фразахъ, переданныхъ умирающей испанскимъ посланникомъ и присылкою дочери, лишенной возможности обнять мать со дня развода. Смерть опередила пріѣздъ принцессы и этимъ переполнила чашу несчастій дочери католическихъ королей.

Екатерина Арагонская скончалась въ Кимбольтонѣ, графствѣ Гунингтонскомъ, по истеченіи пятидесятилѣтней горькой жизни, поддерживаемой единственно одной религіей. Король приказалъ похоронить ее въ храмѣ Петерборунскомъ съ должными почестями. Не знали чему приписать его грусть во время похоронъ—уваженію ли къ усопшей, или угрызеніямъ совѣсти.

Вся Англія облеклась въ трауръ. Анна высказала наглую радость и воскликнула: „Наконецъ я королева"!

Она надѣла желтое платье.

Удивительно ли, что у женщины, достигшей высшей степени человѣческаго величія, могла голова отуманиться? Она, наконецъ, обладаетъ трономъ, которымъ впродолженіи семи лѣтъ бредила днемъ и ночью, она видитъ свое изображеніе въ царской коронѣ, вышедшее изъ подъ кисти лучшихъ художниковъ, передъ ней поэты воскуряютъ еиміамы, ради ея лорды и прелаты получаютъ высшія награды; самые древніе дворяне домогаются ея улыбки; она получаетъ письма отъ королевы Франціи, въ которыхъ та называетъ ее „моя сестра"; наконецъ она знаетъ, что ей принадлежитъ первенство и по красотѣ,—все это не могло ли произвести какъ бы опьяняющее дѣйствіе на женщину и болѣе серьезную ея?

Дворъ принялъ совершенно новый видъ. Праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Сначала на этихъ собраніяхъ замѣтна была какая то принужденность; но королева, появившись въ какомъ нибудь новомъ, изящномъ нарядѣ, въ сопровожденіи блестящей свиты, своей простой, прирожденной граціей уничтожала холодность гордыхъ сыновъ стараго Альбіона, наэлектризовывала ихъ. Но духъ лондонскаго общества также противенъ французскому, какъ сѣверное небо вредно растеніямъ Антильскихъ острововъ. Такое превращеніе могло бы быть, еслибъ на берегахъ Темзы родились: Лотреки, Де-ла-Тремулье, Косеви, Бониветы, Гизы, Креки, и чтобъ государь былъ одинъ изъ Валуа́. Но властелинъ Витъ-Галля происходилъ изъ рода Тюдоровъ. Легкіе нравы не могли имѣть полнаго обаянія на Норфольковъ, Монтжуа, Кромвелевъ, Кильдаровъ, Дорсетовъ, на эти жесткія натуры, поглащенныя тщеславіемъ, трусостію, ненавистнымъ соперничествомъ и фанатизмомъ.

Королевѣ поклонялись, въ особенности, какъ прелестной женщинѣ. Бріанъ былъ однимъ изъ плѣнившихся ея красотой. Понятно, что онъ попалъ въ немилость послѣ брака короля; онъ способствовалъ Аннѣ Болейнъ стать въ сомнительное положеніе, отсюда понятно, что его отношенія къ ней, какъ къ королевѣ, были вполнѣ неловкими. Хотя онъ имѣлъ еще свободный въѣздъ ко двору, но король не давалъ ему уже особыхъ, интимныхъ аудіенцій. На него болѣе не обращали вниманія. Прежніе льстецы, теперь платили ему презрѣніемъ за надмѣнность. Люди, сдѣлавшіеся сильными, когда не могли избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, обращались къ нему съ полудерзкою любезностью. Онъ, казалось, не жалуясь, выносилъ свою опалу, какъ актеръ, окончившій свою роль. Интриганы, менѣе чѣмъ кто нибудь, мирятся съ бездѣйствіемъ. Большинству изъ нихъ измѣняетъ жизненная сила, если они лишаются милостей, которыми прежде пользовались. Это унизительное положеніе даже люди высшаго ума часто не выносятъ; длинный рядъ примѣровъ можно было бъ привести изъ придворныхъ, поплатившихся жизнію за немилость.

Сводникъ, лишенный милостей, влачилъ свое существованіе, тоскуя о прежнемъ къ нему довѣріи... о фамильярномъ

бранное мною и для котораго я отвыкла отъ языка матери.
Вы меня гоните отъ себя теперь... Какой же участи должна
бы ожидать я, еслибъ была виновна? И для васъ, милорды,
спустя двадцать пять лѣтъ, я только чужая. Многіе изъ васъ
продолжаютъ ненавидѣть меня, только потому, что возымѣли
эту ненависть.

„Что значитъ мой голосъ предъ голосами мужчинъ? Я
недовольно учена, чтобъ уклончиво и фальшиво истолковывать
Св. Писаніе. Я читала только всегда одни молитвы. Плача
съ дочерью, я не могла выучиться говорить при подобномъ
собраніи, да притомъ же искуство защищаться въ какомъ бы
ни было трибуналѣ совершенно незнакомо королямъ Ара-
гонскимъ и Кастильскимъ. Я переплыла океанъ по желанію
отцовъ нашихъ, государь, извѣстныхъ своимъ просвѣще-
ніемъ и мудростью; они хотѣли этаго для того, чтобъ
соединить интересы своихъ расъ и народовъ. Первосвящен-
никъ освятилъ союзъ нашъ своею буллою. Земное могу-
щество уничтожается предъ важностію этаго факта.

„Еслибъ дѣло шло только обо мнѣ, я можетъ быть не
противилась бы вашей волѣ; я чувствую, что моя горемъ
убитая жизнь приходитъ къ концу; но у насъ съ вами, госу-
дарь, дочь, которую я не могу покинуть, не отказавшись отъ
своихъ материнскихъ обязанностей.

„Ахъ, зачѣмъ, дорогіе сыновья мои, взятые Богомъ, васъ
нѣтъ сдѣсь! Зачѣмъ я, христіанская Ніобея, тягочу землю, за-
чѣмъ пережила я васъ? Ваши голоса присоединись бы къ
моему съ сестрою, чтобы сказать: нашего законнаго судьи
нѣтъ сдѣсь, онъ возсѣдаетъ въ Римѣ!

Затѣмъ она вышла.

Король отдалъ почтеніе ея добродѣтели, но затѣмъ при-
нялся развивать свои сомнѣнія. Какъ превосходный бого-
словъ, онъ привелъ въ доказательство всѣ статьи изъ сочи-
неній Отцевъ Церкви, могущія быть истолкованными въ его
пользу и просилъ всѣхъ собравшихся тутъ лицъ обезпечить
за нимъ спокойствіе его совѣсти и будущность его дома.

Онъ вышелъ изъ собранія и принужденное состояніе всѣхъ
присутствующихъ разсѣялось съ его удаленіемъ.

Пошли на голоса. Дворъ единодушно объявилъ: Бракъ Генриха VIII и Екатерины Арагонской считать расторгнутымъ; контрактъ его былъ совершенъ въ противность Божественнымъ законамъ, и потому его должно считать недѣйствительнымъ.

Краммеръ, сообщая королю этотъ несправедливый приговоръ, повторилъ разыгранную уже имъ комедію. Онъ обратился къ нему съ увѣщательною рѣчью, полною софизмовъ, подчиниться вердикту двора, не поступать далѣе противъ закона Божія, продолжая жить подъ одною кровлею съ женою своего брата.

— «Государь, говорилъ онъ, короли, которые высшимъ умомъ, побѣдами и мудростію умѣли возбудить восторгъ и пріобрѣсть любовь и довѣріе своихъ подданныхъ, должны быть истинными духовными пастырями своихъ народовъ. Вамъ одному принадлежитъ право защищать религію въ своихъ владѣніяхъ. Наши отцы были разсудительны: они во многихъ обстоятельствахъ умоляли королей Англіи отмѣнить аппеляціонное обращеніе къ Риму. Этотъ принципъ покровительства нашей національной свободы былъ замѣненъ извѣстными вамъ королевскими указами, которые васъ и связываютъ.

«Только робкій государь можетъ быть рабомъ тіары. Духъ Божій не царитъ болѣе въ выродившихся намѣстникахъ Св. Петра, они достойны участи торгующихъ, изгнанныхъ изъ храма. Злоупотребленія и хитрости скоропреходящей власти разрушатъ зданіе Христа, если государи, по примѣру нѣмецкихъ владѣтелей, не остановятъ ихъ, если сыновья, превосходящіе мудростію своихъ матерей не возвратятъ церкви ея первобытную чистоту.

«Двадцать семь правилъ Григорія VII, принятыя соборомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, постоянно служили основаніемъ римскихъ притязаній. Этотъ кодексъ, въ которомъ такъ широко выставляется ультрамонтанская гордость, подчиняетъ королей епископамъ, дозволяетъ папамъ отрѣшать императоровъ, а народы освобождаются имъ отъ присяги въ вѣрности своимъ государямъ; мы уже утомились подчиняться всему этому. Лавры Гильдебранда возбуждаютъ въ Павлѣ III мучительную зависть.

Истинный государь долженъ быть строгимъ послѣдователемъ Евангелія, долженъ возвратить свои права, усмирить ложныхъ намѣстниковъ Христа и провозгласить себя главой англійской церкви.

Король съ притворнымъ смиреніемъ отвѣчалъ, что онъ будетъ повиноваться.

Примасъ отправился потомъ къ королевѣ Екатеринѣ и объявилъ ей съ злостной строгостію о лишеніи короны и замѣнѣ королевскаго титула, который она такъ благородно носила впродолженіи двадцати пяти лѣтъ, титуломъ принцесы Гальской; затѣмъ передалъ ей приказаніе удалиться отъ двора, съ назначеніемъ ей прежняго скуднаго вдовья участка.

Королева на это просто отвѣчала: „я взываю къ Богу."

VI.

Наканунѣ Пасхи (1533 г.) бракъ съ графиней Пемброкъ былъ официіально объявленъ.

Королева въ царской мантіи слушала богослуженіе подъ бархатнымъ алаго цвѣта съ золотою бахромою балдахиномъ, воздвигнутымъ по срединѣ клироса. Вышедши изъ церкви, она сѣла подлѣ короля въ открытую колесницу, запряженную шестью бѣлыми лошадьми; они проѣхали по главнымъ улицамъ Лондона. Звонъ колоколовъ, гулъ народныхъ кликовъ, пушечные выстрѣлы и торжественныя туши встрѣчали и сопровождали ихъ. 1-го Іюня она была коронована въ Вестминстерѣ епископомъ Іоркскимъ. Прелаты, министры, лорды, члены парламента, посланники, представители гильдійскихъ цеховъ присутствовали при церемоніи. Роскошь была необычайная. Ровно девять мѣсяцевъ спустя королева родила дочь, знаменитую Елизавету; этимъ люди ея партіи еще болѣе убѣдились въ ея добродѣтели.

Праздники еще были въ разгарѣ, какъ вдругъ папа своей буллой, полной ярости, напоминающей время, гдѣ раздоры при объявленіи инвеституръ волновали свѣтъ, отлучилъ отъ церкви Генриха и Анну, освободилъ ихъ подданныхъ отъ

присяги въ подданствѣ и вѣрности, объявилъ дѣтей ихъ незаконнорожденными. Глава новой англійской церкви рѣшительно всталъ во главѣ схизмы: Огонь, топоръ и веревка были удѣломъ диссидентовъ.

Жизнь несчастной Екатерины приближалась къ концу. Она покорилась разлукѣ, но ничто не могло принудить ее считать свой бракъ уничтоженнымъ, ни удалиться изъ Англіи, не смотря на то, что императоръ предлагалъ достойное ея гостепріимство въ Испаніи или Франціи. Разныя притѣснительныя мѣры были приняты, чтобъ уединеніе ея сдѣлать еще томительнѣе. Не изъ чувства эгоизма или гордости она не хотѣла уступать: набожность сдѣлала ее безучастной ко всѣмъ свѣтскимъ интересамъ; но дочернины права она отстаивала и хотѣла во чтобы то ни стало сохранить ихъ неприкосновенными. Несчастіе разбило, но не согнуло эту благородную натуру.

Убѣжденіе, что несчастіе убьетъ ее, было причиной, что не посягнули на ея жизнь; однако многіе поплатились своею кровью за преданность несчастной женщинѣ. Архіепископъ Фишеръ и канцлеръ Томасъ Муръ погибли. Предлогомъ осужденію на смерть этихъ лицъ былъ ихъ отказъ присягать верховной власти [1]).

Отецъ Форестъ отказался выдать душевныя тайны, довѣренныя ему королевой на исповѣды, невинные секреты, которые она могла бы открыть, не краснѣя, предъ лицомъ всего свѣта. Чувствуя приближеніе послѣднихъ минутъ, она уже холодѣвшей рукой начертила слѣдующія строки, переданныя королю Евстафіемъ Шапюисъ, посланникомъ Карла V:

„Мой дорогой

Господинъ, король и супругъ!

„Послѣдній часъ мой наступилъ. Привязанность, которой мое сердце проникнуто къ вамъ, заставляетъ меня убѣди-

[1]) Королю доложили о смертной казни Мура во время его игры въ шахматы. Генрихъ VIII всталъ и, обратясь къ королевѣ, сказалъ сердитымъ тономъ: «Вы причиной смерти этого человѣка.» Остальную часть дня онъ, удалясь въ свой кабинетъ, оставался одинъ, какъ будто желая исключить его изъ своей жизни.

тельно просить васъ озаботиться душевнымъ спасеніемъ: оно должно взять верхъ надъ плотскими радостями жизни.

„Я все предаю забвенію и прощаю васъ. Въ моментъ, когда глаза мои должны сомкнуться на вѣкъ, я торжественно увѣряю, что единственнымъ моимъ желаніемъ было бы обратить ихъ на васъ".

Король, прочтя трогательное письмо, прослезился и собрался было къ этой праведницѣ, чтобъ испросить ея прощеніе. Но чувство скорби скоро испарилось, и природныя наклонности взяли верхъ. Грусть его проявилась въ нѣсколькихъ сухихъ, безцвѣтныхъ фразахъ, переданныхъ умирающей испанскимъ посланникомъ и присылкою дочери, лишенной возможности обнять мать со дня развода. Смерть опередила пріѣздъ принцессы и этимъ переполнила чашу несчастій дочери католическихъ королей.

Екатерина Арагонская скончалась въ Кимбольтонѣ, графствѣ Гунингтонскомъ, по истеченіи пятидесятилѣтней горькой жизни, поддерживаемой единственно одной религіей. Король приказалъ похоронить ее въ храмѣ Петерборунскомъ съ должными почестями. Не знали чему приписать его грусть во время похоронъ—уваженію ли къ усопшей, или угрызеніямъ совѣсти.

Вся Англія облеклась въ трауръ. Анна высказала наглую радость и воскликнула: „Наконецъ я королева"!

Она надѣла желтое платье.

Удивительно ли, что у женщины, достигшей высшей степени человѣческаго величія, могла голова отуманиться? Она, наконецъ, обладаетъ трономъ, которымъ въ продолженіи семи лѣтъ бредила днемъ и ночью, она видитъ свое изображеніе въ царской коронѣ, вышедшее изъ подъ кисти лучшихъ художниковъ, передъ ней поэты воскуряютъ ѳиміамы, ради ея лорды и прелаты получаютъ высшія награды; самые древніе дворяне домогаются ея улыбки; она получаетъ письма отъ королевы Франціи, въ которыхъ та называетъ ее „моя сестра"; наконецъ она знаетъ, что ей принадлежитъ первенство и по красотѣ,— все это не могло ли произвести какъ бы опьяняющее дѣйствіе на женщину и болѣе серьезную ея?

Дворъ принялъ совершенно новый видъ. Праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Сначала на этихъ собраніяхъ замѣтна была какая то принужденность; но королева, появившись въ какомъ нибудь новомъ, изящномъ нарядѣ, въ сопровожденіи блестящей свиты, своей простой, прирожденной граціей уничтожала холодность гордыхъ сыновъ стараго Альбіона, наэлектризовывала ихъ. Но духъ лондонскаго общества также противенъ французскому, какъ сѣверное небо вредно растеніямъ Антильскихъ островов. Такое превращеніе могло бы быть, еслибъ на берегахъ Темзы родились: Лотреки, Де-ла-Тремулье, Косеви, Бонниветы, Гизы, Креки, и чтобъ государь былъ одинъ изъ Валуá. Но властелинъ Вить-Галля происходилъ изъ рода Тюдоровъ. Легкіе нравы не могли имѣть полнаго обаянія на Норфольковъ, Монтжуа, Кромвелевъ, Кильдаровъ, Дорсетовъ, на эти жесткія натуры, поглащенныя тщеславіемъ, трусостію, ненавистнымъ соперничествомъ и фанатизмомъ.

Королевѣ поклонялись, въ особенности, какъ прелестной женщинѣ. Бріанъ былъ однимъ изъ плѣнившихся ея красотой. Понятно, что онъ попалъ въ немилость послѣ брака короля; онъ способствовалъ Аннѣ Болейнъ стать въ сомнительное положеніе, отсюда понятно, что его отношенія къ ней, какъ къ королевѣ, были вполнѣ неловкими. Хотя онъ имѣлъ еще свободный въѣздъ ко двору, но король не давалъ ему уже особыхъ, интимныхъ аудіенцій. На него болѣе не обращали вниманія. Прежніе льстецы, теперь платили ему презрѣніемъ за надмѣнность. Люди, сдѣлавшіеся сильными, когда не могли избѣгнуть встрѣчи съ нимъ, обращались къ нему съ полудерзкою любезностью. Онъ, казалось, не жалуясь, выносилъ свою опалу, какъ актеръ, окончившій свою роль. Интриганы, менѣе чѣмъ кто нибудь, мирятся съ бездѣйствіемъ. Большинству изъ нихъ измѣняетъ жизненная сила, если они лишаются милостей, которыми прежде пользовались. Это унизительное положеніе даже люди высшаго ума часто не выносятъ; длинный рядъ примѣровъ можно было бъ привести изъ придворныхъ, поплатившихся жизнію за немилость.

Сводникъ, лишенный милостей, влачилъ свое существованіе, тоскуя о прежнемъ къ нему довѣріи... о фамильярномъ

молодой безумецъ сдѣлалъ глупость, то я не была въ этомъ соучастницей.

— Случай, говорите вы?.. Но я наблюдалъ за вами съ той минуты, какъ Норисъ появился на аренѣ. Ваши глаза постоянно были устремлены на него, малѣйшее, представлявшееся ему затрудненіе — отражалось на вашемъ лицѣ, ваше безпокойство, аплодисменты, едва сдержанныя восклицанія, кровь бросившаяся въ лицо... я все замѣтилъ. Что означаетъ девизъ этого дерзкаго: „ради ея"... „Это вы!" Вы очень поблѣднѣли, когда онъ копьемъ едва не былъ сброшенъ съ сѣдла. За человѣка посторонняго дрожать никто не будетъ. Вы меня долго обманывали, наконецъ глаза мои открылись.

— Мои глаза, государь, не переставали видѣть въ васъ человѣка — единственную мою любовь, государя, которому я посвятила всю свою благодарность за неожиданныя милости и возведеніе меня на тронъ.

— Да, на тронъ подлѣ меня, но вы болѣе на него не сядете, онъ уже подернутъ чернымъ крепомъ. Во мнѣ — вы теперь имѣете только судью.

Войдя на ступени, онъ сѣлъ и продолжалъ:

— Вы жили во Франціи?

— Въ продолженіи десяти лѣтъ.

— Исторія этой страны должна быть вамъ извѣстна?

— Я ее немного знаю.

— Вы когда нибудь слышали о жизни Маргариты Бургунской, супруги Людовика Упрямаго?

— Нѣтъ, государь.

— Я вамъ разскажу сейчасъ нѣкоторыя обстоятельства этой исторіи, они должны быть интересны для васъ.

— Маргарита была красавица.... какъ вы.

Ея мужъ обожалъ и она была королевой.... какъ вы. Наконецъ она имѣла любовника.... какъ вы. Любовника звали Филиппомъ Оней.—Ихъ застали въ аббатствѣ Мобюисонъ. Въ то время короли Франціи не давали женщинамъ охранительныхъ грамотъ противъ мужей, не посылали посланницъ заключать миръ съ дамами и не утѣшались въ невѣрностяхъ, сочиняя стихи.

Я васъ сильно любилъ и поставилъ на мѣсто той, которой добродѣтелямъ я не могъ не удивляться въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ. Изъ за васъ я порвалъ союзъ съ императоромъ и, отрекшись отъ вѣры моихъ отцовъ, навлекъ на себя и на народъ мой громы Ватикана. Что сдѣлали вы, чтобъ доказать мнѣ свою благодарность? Вы пренебрегли радостями семейной жизни. Никогда колыбель дочери не удержала васъ отъ предстоящаго удовольствія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я ожидалъ сына; но это дитя, вымоленное мною у Бога и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое всею Англіею для продолженія потомства Тюдоровъ, вы вашей порочностію убили. Ваши безпрерывныя безпокойства возбуждали самыя оскорбительныя подозрѣнія.

— Но вы знаете, государь, что большая часть людей распространяетъ слухи безъ разбора, какъ это зеркало отражаетъ предметы, стоящіе предъ нимъ, и эхо шотландскихъ горъ не такъ громко отдается, какъ клевета.

— Подозрѣнія падаютъ только на головы, заслуживающія ихъ, а жена цезаря не должна быть подозрѣваема. Мои совѣты были безплодны. Сколько разъ я васъ упрекалъ въ фамильярномъ обращеніи съ Норисомъ, Вестономъ и Бреретономъ? А этого фигляра Смельтона не вынужденъ ли я былъ прогнать. Если Норисъ не женился, то отъ этого отговорили его вы. Леди Вингфильдъ слышала разъ, какъ вы ему сказали, что онъ безъ сомнѣнія можетъ надѣяться на васъ жениться...—когда вы овдовѣете. Какое же можно найти извиненіе этой низкой шуткѣ? Вестонъ дозволилъ себѣ признаться вамъ въ своей любви. И этого человѣка, осмѣлившагося поднять глаза на королеву Англіи, не убила ваша стража? Леди Рошфоръ разсказывала мнѣ, что войдя разъ въ вашу комнату, она нашла своего мужа, облакотившагося на вашу кравать... При ея появленіи—смущеніе обличало васъ обоихъ.

— О, государь! мой братъ! можете ли вы вѣрить?

— Я всему вѣрю.

— Одно должно бы васъ заставить усомниться, это то, что обвиненія идутъ отъ леди Рошфоръ, ея старинную вражду

я теперь понимаю. Но клевѣта подобнаго рода такъ отвратительна, что на нее можно отвѣтить только презрѣніемъ.

— Всѣ обвиняемые говорятъ, что они невинны.

— Всѣ-ли виновны?

— Орлу не подобаетъ давать ощипывать свои перья?

— А если я васъ буду обвинять въ свою очередь?

— Въ чемъ же?

— Въ клеветѣ, взнесенной на меня?

— Не совѣтую вамъ играть съ огнемъ.

— Стало быть вы будете огнемъ?

— Въ моихъ рукахъ не человѣческая кара, но пожирающій огонь неба.

— Я знаю, государь, вы можете располагать мною. Я не забыла, что мое возвышеніе произошло по вашей прихоти, и такая же причина можетъ и разлучить насъ. Не одно ли это справедливо?

— Генрихъ Тюдоръ, будьте откровенны съ бѣдной женщиной: ея главное преступленіе состоитъ въ томъ, что она сдѣлалась помѣхой, стѣсняющей васъ. Къ чему угрозы? Зачѣмъ всѣ увертки? Если вы находите возможнымъ быть справедливымъ, то покрайней мѣрѣ откровенно и храбро скажите мнѣ...

— Да что же?

— Что вы любите Іоанну Сеймуръ.

— Madame!

— Не думаете ли все это скрыть?

— Я все равно скоро буду свободнымъ! Вы мнѣ не судья, но я судья вамъ.

— Я знаю, что правда должна бы отъ васъ проистекать. Но вы не можете быть моимъ обвинителемъ и судьею. Вы оскорбили вашу религію. Развѣ вы не боитесь отвѣтственности передъ Богомъ и исторіей, произнося приговоръ? Развѣ вы мнѣ откажете въ судѣ законнымъ порядкомъ? Вы, конечно, не захотите подражать азіатскимъ варварамъ, которые, чтобъ поновить свой сераль—приказываютъ схватить ночью своихъ жертвъ и бросить связанныхъ съ кляпомъ во рту въ Босфоръ. Ваша честь и моя требуютъ публичнаго разбирательства.

— Будь по вашему, я дозволяю исполнить вашу просьбу.

Судебный трибуналъ будетъ учрежденъ подъ председательствомъ герцога Норфолька, великаго маршала Англіи.

— Моего дяди?

— Да, великаго маршала. Законъ требуетъ этого въ случаѣ важной измѣны. Но выслушайте конецъ исторіи, начатой мной сейчасъ.

— Государь, вы жестоки.

— По приговору парижскаго парламента, такого же судебнаго требунала, какого вы требуете, Филиппа Оннея оскопили, содрали съ живаго кожу и влачили привязаннаго къ хвосту бѣшеной лошади, скакавшей по только что скошенному лугу. Маргарита была приговорена къ заключенію въ замкѣ—Гальяръ-Анделисъ и затѣмъ удушена. Вы многому научились во Франціи, музыкѣ, танцамъ, поэзіи и любви. Вамъ бы не мѣшало поучиться немного и исторіи; для васъ это было бы полезнѣе.

Анна была заперта въ башнѣ. Виконтъ Рошфоръ, Норисъ, Вестонъ, Бреретонъ и Смельтонъ прежде ея были отведены туда. Судьба ея была судьбою низвергнутаго величія. Послѣ поклоненій не было преграды клеветамъ. Изъ лицъ, допускаемыхъ къ ней, небольшое число было побуждаемо чувствомъ симпатіи; почти всѣ посѣщали низвергнутую королеву изъ чувства злорадства, чтобъ насладиться ея униженіемъ. Замѣтивъ это, она велѣла отказывать посѣтителямъ, чтобъ не дать врагамъ наслаждаться ея несчастіемъ.—Люди большею частью таковы: какъ Сикамбръ временъ Меровинговъ, они сожигаютъ то, что прежде боготворили; они разбиваютъ статуи, ихъ же руками слѣланныя, и въ послѣдствіи, не найдя въ нихъ совершенства, на нихъ же вымещаютъ свою низость, повергая ихъ въ ничтожество.

Строго разбирая ее, нельзя не отдать справедливости, что она вокругъ себя изливала благодѣянія; въ ея сердцѣ, какъ часто бываетъ съ легкомысленными и страстными натурами, щедрость искупала наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ. Но при несчастіи неблагодарность обнаруживается, и ея старые друзья, какъ бы желая отдѣлаться отъ ее благодѣяній, присоединились къ общему ожесточенію. Одинъ

Краммеръ остался ей вѣренъ и осмѣлился было смягчить угрожающую ей опасность. Католики надѣялись, что ея гибель возстановитъ миръ съ папскимъ престоломъ и погубили ее.

IX.

Процессъ начался. Она была обвинена въ прелюбодѣяніи съ нѣкоторыми изъ дворянъ и даже съ нѣкоторыми изъ близкихъ людей, въ кровосмѣшеніи съ братомъ и наконецъ въ заговорѣ съ своими любовниками противъ короля. Зашли даже въ болѣе отдаленное время ея жизни и слѣдственная комиссія съ обычнымъ жаромъ криминалистовъ, отыскала грѣшки, на которые самъ король, до своего брака, не обратилъ вниманія. Льстецы, по временамъ, съ особенною изобрѣтательностью выдумываютъ преступленія.

Въ началѣ своего пребыванія въ башнѣ она громко протестовала за свою невинность. Но, узнавъ, что Норисъ тоже въ числѣ обвиненныхъ, она впала въ какое то восторженное состояніе, перешедшее въ бредъ. При такомъ безпорядкѣ мыслей, она дѣлала признанія, схваченныя на лету людьми, подкупленными и стоящими за тонкой перегородкой, нарочно сдѣланной съ этой цѣлью. Тайны, узнанныя вслѣдствіе горячечнаго бреда, а не раскаянія, погубили ее, но предъ судьями своими она ни въ чемъ не призналась.

Въ бреду она одѣвалась, какъ на придворный праздникъ, принимала осанку и походку своего прежняго времени; затѣмъ рвала на себѣ платье, ломала драгоцѣнности, надѣтыя на ней и громко говорила: „О Норисъ! Норисъ! ты меня обвинилъ, мы вмѣстѣ погибнемъ."

Достовѣрно, что она была въ связи съ Норисомъ, но къ чести его надо сказать, что во все время процесса, онъ держалъ себя съ удивительнымъ благородствомъ. Ему обѣщали даровать жизнь, если онъ признается; онъ отвѣчалъ, что готовъ скорѣе перенести тысячу смертей, чѣмъ оклеветать ее. Онъ показалъ себя достойнымъ королевы. Онъ шелъ къ эшафоту съ прирожденнымъ благородствомъ,

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова** и **К°**, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „**Историческая Библіотека**" (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

3 2044 022 551 535

